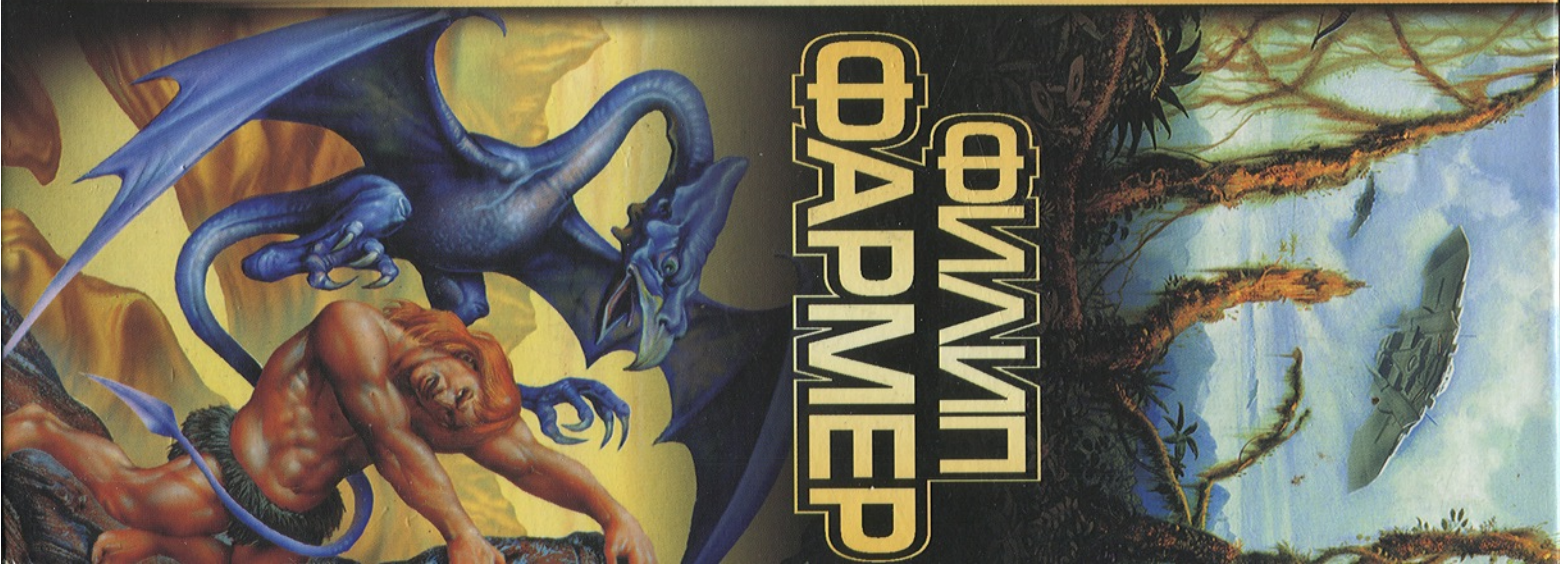
МНОГОЯРУСНЫЙ МИР

ЯРОСТЬ РЫЖЕГО ОРКА. ЛАВАЛИТОВЫЙ МИР
БОЛЬШЕ ЧЕМ ОГОНЬ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ



ФИЛИП ФАРМЕР

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

PHILIP JOSE

FARMER

THE WORLD OF TIERS

RED ORC'S RAGE

THE LAVALITE WORLD

MORE THAN FIRE

ФИЛИП

ФАРМЕР

МНОГОЯРУСНЫЙ МИР

ЯРОСТЬ РЫЖЕГО ОРКА

ЛАВАЛИТОВЫЙ МИР

БОЛЬШЕ ЧЕМ ОГОНЬ

АСТ издательство ЕРМАК
Москва
2004

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Ф24

Серия «Золотая библиотека фантастики»
основана в 1999 году

Philip Jose Farmer
THE WORLD OF TIERS

RED ORC'S RAGE
THE LAVALITE WORLD
MORE THAN FIRE

Перевод с английского В.А. Федорова

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник М.Н. Калинкин

Печатается с разрешения автора и его литературного агента
Ralph M.Vicinanza Ltd. c/o Toymania LLC.

Подписано в печать 5.02.04. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 37,8. Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 3360.

Фармер, Ф.
Ф24 Многоярусный мир: Ярость рыжего орка. Лавалитовый мир. Больше чем огонь : [фантаст. романы] / Филип Фармер; пер. с англ. В.А. Федорова. — М.: АСТ: Ермак, 2004. — 715, [5] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-017074-2 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9577-0041-X (ЗАО НПП «Ермак»)

Вы уже побывали в Мире реки?

Тогда добро пожаловать в Многоярусный мир!

В мир калейдоскопических «параллельных вселенных»: В мир вселенных-игрушек, в которые играют странные Творцы, зовущие себя Властителями.

В мир, где мотивы классической фэнтези и классической фантастики переплелись в причудливые, увлекательные сюжеты книг, от которых по-прежнему невозможно оторваться.

Перед вами — три романа о Многоярусном мире.

Прочитайте — не пожалеете!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Ph.J. Farmer, 1991, 1977, 1993
© Перевод. В.А. Федоров, 2003
© ООО «Издательство АСТ», 2004

ЯРОСТЬ РЫЖЕГО ОРКА

Посвящается доктору Э. Джеймсу Джаннини, доктору медицины, члену Колледжа психиатров и Американской психиатрической ассоциации, профессору психиатрической клиники при Университете штата Огайо, консультировавшему меня при написании этого романа.

В 1977 году доктор Джаннини работал штатным психиатром в Йеле, где у него возникла идея терапии, которая в этой книге получила название «многоярусной». Настоящая ее разработка началась в 1978 году, когда доктор занимался частной практикой в Янгстауне (штат Огайо). В письме от 28 декабря 1978 года он сообщил мне, что применяет новый метод для лечения неблагополучных в психическом отношении подростков. Пациенты, прочитав романы из моего пятитомного научно-фантастического цикла «Многоярусный мир», выбирают себе персонаж или персонажей, с которыми отождествляют себя, стараясь, в некотором смысле, жить их жизнью. Цели и методы этой терапии в общих чертах описаны в данном романе.

В настоящее время доктор Джаннини и его коллеги готовят к публикации отчет, где будет дано профессиональное описание данной терапии.

Больница — медицинский центр «Веллингтон», Бельмонт-Сити, округ Тари, а также все упомянутые в произведении люди и события являются вымышленными.

Приношу благодарность Дэвиду Макклинтоку из Уоррена, штат Огайо, за сведения, касающиеся района Янгстауна.

ГЛАВА 1

26 ноября 1979 г.

Джим Гримсон никогда не намеревался съесть яйца своего отца. Не предполагал он и заниматься любовью с двадцатью своими сестрами, а также предвидеть, что однажды, несясь на белом «Скакуне II», спасет свою мать от гибели.

Отец часто обзывал его болваном, судя по всему, и учителя разделяли это мнение, однако Джим отличался изрядной начитанностью. Ему, например, была известна современная теория о том, как предположительно возникла Вселенная. Сначала существовало только Первичное Ядро, за пределами которого не было ничего, даже космоса. Будущая Вселенная, созвездия, галактики и так далее помещались в сфере размером с его глазное яблоко. Постепенно эта сфера сжималась и нагревалась, пока не стала настолько раскаленной и плотной, что взорвалась и разлетелась на куски. Вышеописанное событие получило название — «Большой Взрыв». Много времени спустя разлетевшаяся материя превратилась в звезды, планеты и в конце концов — в жизнь на Земле.

Однако сильному нагреву и сжатию можно подвергнуть не только материю, точно так же можно поступить с душой. А потом — БАБАХ!

Меньше месяца тому назад Джим неохотно переступил порог психиатрического отделения больницы «Веллингтон» в Бельмонт-Сити, округ Тари, штат Огайо. Затем он стал, помимо всего прочего, Владыкой в нескольких вселенных, еще в одной — рабом, а в остальных — неприкаянным скитальцем.

Что касается настоящего момента, то он снова находился на своей родной Земле, в той же самой больнице и расхаживал взад-вперед по запертой палате, холодея от горя и сгорая от ярости.

Психиатр Джима, доктор Порсена, заявил, что путешествия Джима в иные миры происходят лишь в воображении. Но это вовсе не значит, что они нереаль-

ны! Разве мысли являются призраками? Они реальны — так же, как и все остальное.

Сам Джим нисколько не сомневался, что все пережитое им во множестве вселенных столь же реально, как та боль, которую он испытал не так давно, треснув кулаком по стене своей спальни. И разве его исполосованной в кровь спины недостаточно, чтобы избавиться от всех сомнений, которые может вызвать его рассказ? Однако доктор Порсена, ученый, рационалист и поборник здравого смысла, объяснил все загадочные явления с помощью убедительной логики. Джиму вообще-то нравился доктор. Но в данный момент он его ненавидел.

ГЛАВА 2

3 ноября 1979 г.

— ...все другие пациенты,— продолжал доктор Порсена,— уже перепробовали несколько видов лечения. И улучшения не наступило. Разумеется, частично это можно приписать враждебному отношению к любой психотерапии.

— Как гласит древняя китайская пословица,— заметил Джим Гримсон,— «надо быть чокнутым, чтобы обратиться к психиатру». А еще в Поднебесной говорят: «Безумие — это вовсе не старческий маразм».

Роберт Порсена, доктор медицины, дипломированный психиатр, заведующий психиатрическим отделением больницы «Веллингтон», слегка улыбнулся. Наверняка он подумал: «Еще один умник на мою голову. Сто раз уже слышал эти цитаты со стен в туалете. Тоже мне, «пословицы Поднебесной»! Этот сопляк пытается произвести впечатление, доказать, что он не просто очередной обколовшийся тип с поехавшей крышей».

С другой стороны, возможно, доктору ничего подобного в голову и не приходило. Разве можно определить, что происходит под маской этого красивого лица — точно таким же обладал Юлий Цезарь (если верить его бюсту в кабинете доктора), за исключением черных усов и стильной прически и улыбки. Доктор, надо сказать, часто улыбался. Его пронзительные го-

лубые глаза напомнили Джиму о песне Болванщика из книжки Льюиса Кэрролла про Алису: «Ты мигаешь, филин мой! Я не знаю, что с тобой! Высоко же ты над нами, как поднос под небесами!»

Подростки, лечившиеся у Порсены, говорили, что он настоящий колдун, обладающий властью над магическими силами и какими-то непонятными духами.

Доктор собирался что-то сказать, но его прервал звонок интеркома, расположившегося рядом с лампой. Порсена нажал клавишу и раздраженно произнес:

— Винни, я же просил! Никаких звонков!

Но у Винни, красивой чернокожей секретарши, сидевшей за столом по другую сторону стены, очевидно, на этот счет было другое мнение.

— Извини, парень,— доктор развел руками.— Это займет не больше минуты.

Джим почти не прислушивался к разговору — он смотрел в окно, загороженное, как и все окна здесь, железной решеткой с толстыми прутьями. Психиатрическое отделение и кабинет Порсены помещались на третьем этаже. Сквозь просветы между домами Джим видел верхушки зданий на набережной реки Тари, которая милей южнее впадает в реку Махонинг. Он также разглядел шпили церквей святого Фобиана и святого Стефана. Вероятно, мать сегодня пойдет к утренней мессе. Утро — единственное время, когда у нее есть возможность посещать церковь, ведь она работает на двух работах, частично из-за него, Джима. Пожар уничтожил все, кроме портрета дедушки, который успели вынести из дома. А теперь родители переехали в относительно дешевую меблированную квартиру за несколько кварталов от старого дома, с точки зрения Эрика Гримсона, слишком близко к району, населенному венграми. Подобная неблагодарность свойственна его отцу. Родственники Евы — а фактически вся мадьярская община — собрали деньги, чтобы помочь их семье, оказавшейся в столь бедственном положении. Это был примечательный факт, потому что благотворительная деятельность за последние несколько лет заметно утихла из-за экономического кризиса в районе Янгстауна.

В свое время у Гримсонов не хватило средств на страховой полис, который покрывал бы все убытки, связанные с ущербом, причиненным их собственности. И хотя от пожара дом застраховали, страховкой не предусматривалась выплата, если пожар произошел в результате стихийного бедствия. А имело оно место или нет, еще не установили.

Разумеется, Эрик Гримсон не мог позволить себе адвоката, но один из кузенов Евы, юрист, взялся вести это дело. Если он выиграет, то десять процентов от выплаченной страховки принадлежат ему, а если проиграет, то ничего не получит. Это участие в деле было тоже своеобразным пожертвованием — не столько из клановой солидарности, сколько из жалости к двоюродной сестре. То обстоятельство, что она вышла замуж не за мадьяра, который к тому же оказался нищим лодырем и бывшим протестантом, а ныне — атеистом, само по себе скверно. Но потерять дом, все имущество и вдобавок иметь сына-психа... Хоть он и адвокат, но у него доброе сердце.

Лечение Джима обеспечивала медицинская страховка, но квартальные взносы по ней были очень высокими. Чтобы выплачивать их, Ева Гримсон взяла еще одну работу. Оба раза, когда мать навещала Джима, она выглядела очень усталой, исхудавшей, с глазами, обведенными черными кругами. Джим почувствовал себя таким виноватым, что предложил бросить лечение. Но мать на это не согласилась. Ведь перед ее сыном стоит выбор — пройти курс лечения или сесть в тюрьму. Окружной прокурор намеревался судить его как совершеннолетнего, что означало бы более суровый приговор. Ева готова на все, лишь бы не допустить судебного разбирательства. Кроме того — хотя мать этого и не сказала — она нисколько не сомневалась, что Джим на самом деле сумасшедший и останется таким, если в его судьбу не вмешается психиатр.

Отец его не навещал — и Джим вовсе не хотел его видеть. Эрик стыдится того, что у него «чокнутый» сын. Люди могут подумать, будто у Гримсонов, черт побери, это наследственная болезнь. Может, это касается Евы — ведь все венгры сумасшедшие.

На самом деле Джиму очень повезло, что его так быстро поместили в клинику. Из-за нехватки фондов в районе средства на лечение лиц с психическими расстройствами здорово сократили, так что ему полагалось оказаться в хвосте длинной очереди ожидающих. Почему он попал в разряд избранных? Наверняка тут использовал свое влияние дядя Сэма Выжака, судья. А может, и кузен-адвокат немного постарался. И хотя доктор Порсена не скажет ни слова о том, как Гримсону удалось перескочить через головы остальных, он, возможно, тоже приложил к этому руку. У Джима сложилось впечатление, что психиатр считал его случай очень интересным из-за той старой истории со стигматами и галлюцинациями. Но, скорее всего, он чересчур много о себе вообразил. Подумаешь, еще одна бестолочь из семьи «синих воротничков», беспородный тупоголовый венгр-панк.

Доктор Порсена наконец положил трубку.

— Итак, я предлагаю тебе — и учти, здесь, в клинике, не применяется никакого давления или принуждения — сразу попробовать тот метод лечения, в котором мы добились больших успехов.

Говорил доктор Порсена очень быстро, но четко. Его речь отличалась почти полным отсутствием всяких пауз и «э-э», «м-м», «ну», «значит».

— Метод это нелегкий; легкого лечения не бывает. Кровь, слезы, пот. И, как при всяком лечении, успех зависит в основном от тебя. Это означает, что тебе нужно захотеть справиться со своими проблемами.

Доктор на мгновение умолк. Джим обвел глазами кабинет. Обстановка казалась ему просто роскошной: толстый ковер на полу (неужели персидский?), мягкие кожаные кресла и кушетка, большой письменный стол из блестящего твердого дерева, мраморные бюсты знаменитостей, дорогие на вид обои, множество дипломов на стенах вперемешку с картинами, абстрактными или сюрреалистическими — Джим плохо разбирался в живописи.

— Ты все понимаешь, что я говорю? — продолжил Порсена после недолгой паузы.— Если нет, скажи об

этом прямо. Мы все здесь для того, чтобы учиться,— и пациенты, и врачи. В неведении нет ничего позорного, я, например, в своем сознаюсь довольно часто. Мне отнюдь не все известно. Да и кто все знает?

— Конечно, понимаю. По крайней мере, вы не говорите со мной свысока, и без всяких длинных и непонятных психологических терминов.

Доктор Порсена сидел, положив ладони на раскрытую папку с историей болезни Джима. Руки у него были хрупкие, изящные, с длинными тонкими пальцами. Ходили слухи, что доктор отличный пианист и предпочитает классическую музыку, хотя иногда играет и джаз, и рэгтайм. У него только две руки, а не помешали бы четыре. Кроме заведования отделением, есть и частная практика — кабинет через квартал отсюда, на Сент-Элизабет-стрит. Еще он возглавляет ассоциацию психиатров северо-восточного Огайо и преподает в медицинском колледже.

Достижения Порсены внушали Джиму Гримсону уважение. Но, честно сказать, самое большое впечатление на него произвел докторский серебристый «ламборгини» 1979 года.

Доктор перевернул страницу, пробежал пару строк и откинулся на спинку стула.

— Ты, похоже, начитанный парень,— сказал он,— хотя и предпочитаешь научную фантастику. Так часто бывает у молодежи. Я начал с книжек о стране Оз, сказок братьев Гримм, «Алисы» Кэрролла; потом — гомеровская «Одиссея», «Тысяча и одна ночь», Жюль Верн, Герберт Уэллс и научно-фантастические журналы. Я в восхищении от Толкиена. Потом, когда я жил и работал в Йеле, мне довелось прочесть серию романов Филипа Хосе Фармера «Многоярусный мир». Ты знаком с этими книгами?

— Да,— выпрямился в кресле Джим.— Они мне очень нравятся! Но когда же, черт возьми, Фармер закончит свою серию?

Порсена пожал плечами. Он был единственный известный Джиму человек, у которого этот жест выглядел изящно.

— Суть в том, что тогда же, в Йеле, я прочел и биографию Льюиса Кэрролла. И одна фраза в комментарии к главе в «Алисе в Стране Чудес», под названием «Бег по кругу и длинный рассказ», меня зацепила. Вот тогда-то и родилась идея о многоярусной терапии.

— Какой-какой? — переспросил Джим.— Многоярусной? А, вы хотите сказать, ее название взято из «Многоярусного мира»?

— Название не хуже других и получше некоторых,— улыбнулся доктор.— То был лишь проблеск идеи, зигота мысли, пламя свечки, которое вполне могли задуть буйные ветры заурядного мира или здравого смысла и логики, отвергающей божественное озарение. Но я раздул эту искру, сберег ее, взлелеял, и она наконец разгорелась ярким пламенем.

Этот парень на самом деле странный, не удивительно, что его считают колдуном. Однако взрослые столько раз подводили и обманывали Джима, что он не спешил полностью довериться психиатру. Посмотрим, соответствуют ли его слова делам. С другой стороны, Порсене еще нет тридцати. Старый, но не совсем еще. Хорошо, что Джим посещал занятия по биологии, а то бы не понял, что имеет в виду доктор, говоря о «зиготе мысли». Зигота — это клетка, образованная от слияния двух гамет. А гамета — репродуктивная клетка, способная слиться с другой, ей подобной, и образовать клетку, из которой получится новое существо.

Гримсон тоже был когда-то зиготой, как и большинство живых существ. Слушая объяснения доктора, Джим понял, что теперь он, напротив, гамета, которая должна превратиться в зиготу — новую личность, созданную из прежней личности, и еще из одной, воображаемой.

ГЛАВА 3

— Пациенты, согласившиеся на многоярусную терапию, образуют небольшую элитную группу добровольцев,— объяснял доктор Порсена.— Они обычно начинают с первого тома, «Создатель Вселенных», и

далее по порядку прочитывают все остальные. Потом выбирают какой-нибудь персонаж и пытаются вжиться в его образ, перенимая все черты характера — независимо от того, хорошие они или плохие. На дальнейших этапах терапии они начинают избавляться от плохих качеств своего героя — но хорошие черты сохраняют. Бесконтрольные галлюцинации, нежелательные эмоциональные факторы постепенно сменяются контролируемыми галлюцинациями. Ты все понимаешь?

— Пока — да,— кивнул Джим.— Неужели это срабатывает?

— Процент неудач феноменально низок. Кстати, хотя ты и знаком с серией, тебе придется снова перечитать ее. «Многоярусный мир» станет твоей Библией, ключом к твоему здоровью.

Джим молчал, размышляя над словами доктора, а заодно выбирая, каким же персонажем — а некоторые из них были весьма злобными — ему хотелось бы стать.

В основе серии лежала идея, что когда-то, много тысяч лет назад, существовала некая вселенная. И только на одной планете в той вселенной существовала жизнь, а затем в результате эволюции появился вид, похожий на людей. Наука у тех существ во многом превосходила земную, так что в конечном итоге они смогли создавать небольшие искусственные вселенные.

Какими только удивительными свойствами не обладали маленькие космосы! Так, например, коэффициент ускорения свободного падения к центру гравитации мог меняться изо дня в день. Или, скажем, вселенная могла состоять из единственного солнца и единственной планеты. Что касается Многоярусного мира, то это была планета размером с Землю, напоминавшая Вавилонскую башню — такая же ступенчатая. В одной из вселенных единственная планета постоянно менялась. Горы вырастали и расплющивались прямо на глазах. Русла рек прокладывались за несколько дней, а потом исчезали. От планеты отрывались куски и кружили вокруг нее, а затем медленно падали и сливались опять с основной массой.

Многие из Владык, как стали называть себя те существа, покинули первоначальную вселенную и поселились в своих искусственных космосах, на планетах, созданных по их собственным проектам. Некоторое время спустя война сделала старую планету навеки непригодной для жизни, все ее обитатели погибли.

Шли тысячелетия, а Владыки продолжали создавать новые искусственные вселенные, заселяя их разнообразными формами жизни. Доступ в эти, так сказать, «карманные мироздания» открывался через «врата» — проходы между измерениями, активируемые различными видами кодов. Сыновьям и дочерям Владык требовались свои собственные космосы, но постепенно умение создавать вселенные утрачивалось. Как и следовало ожидать, началась неизбежная борьба за власть над тем ограниченным числом вселенных, какие уже существовали.

К тому времени, когда начинается действие романа «Создатель вселенных», многие Владыки уже погибли или лишились своих владений, а те, кто имел собственные миры, стремились завоевать другие.

Серия «Многоярусный мир» явно предвосхитила игры типа «Подземелья и драконы», столь популярные среди молодежи. Врата, ловушки, установленные в них Владыками, изобретательность, необходимая для того, чтобы пройти через врата, и опасные миры, в которых оказывается герой, приняв неверное решение,— все это затем повторилось в играх. И зачем только понадобились какие-то драконы — почему бы просто не использовать сами романы? Зато их решили применить в психотерапии — тоже неплохая идея. Джима это привлекало куда больше, чем обычные виды лечения — фрейдовский, юнговский психоанализ или какой-нибудь еще. Хотя Джим не слишком разбирался в различных психиатрических школах, тем не менее они ему не нравились. Перед его мысленным взором вспыхнули надписи со стенок туалета: «Лучше слететь с катушек, чем попасть под них». «Шизофрению не подцепишь на сиденье унитаза».

Порсена взглянул на настольные часы. «Марионетка Времени»,— подумал Джим. Доктора и адвокаты, точно поезда, движутся по ньютоновскому времени, не имея никакого понятия об эйнштейновском. Но именно они и добиваются каких-то успехов.

Психиатр поднялся с кресла:

— Перейдем к другим моментам, Джим. Все дальше и выше! Джуниор Вуниер выдаст тебе книги, без оплаты. И ознакомит с правилами нашего распорядка. Да минуют тебя кривые сталесплавные когти Клоно, и да пребудет с тобою Сила. Увидимся.

Гримсон вышел из кабинета, не переставая про себя удивляться доктору — надо же, вспомнил про Силу. Хотя кто не знает «Звездных войн»! Но что касается Клоно... Многим ли известно, что Клоно — это своего рода бог космонавтов, божество с золотыми жабрами, медными копытами, иридиевыми внутренностями и прочими штуковинами. Его именем клянутся космопроходцы в серии Смита про ленсменов.

* * *

Джим нашел Джуниора Вуниера на посту около лифтов. Надо же было подобрать такое имя![1] Испортили родители парню всю жизнь — словно у него за восемнадцать лет других проблем не накопилось. Волосы, как у невесты Франкенштейна, со спины похож на Квазимодо, ногу приволакивает, как Игорь[2], а лицо как у Безобразной Герцогини из первой книги про Алису. Кроме горба, на него давит еще и пристрастие к амфетамину. Но самая скверная его черта — привычка пускать слюни. Безусловно, Гримсон жалел беднягу, но долго выносить его общество не мог.

Ну и кого же выбрал себе Младший Вуниер в качестве ролевой модели? Красивого, сильного, ловкого и хитроумного Кикаху! Тогда как Джим полагал, что Вуниер предпочтет Теотормона. Этого персонажа соб-

---

[1] Junior — младший.

[2] Слуга доктора Франкенштейна из одноименного фильма.

ственный отец захватил в плен и превратил у себя в лаборатории в чудовище с рыбьими плавниками и уродливым лицом, напоминавшим морду зверя.

Вуниер сходил в кладовую и принес оттуда пять книжек в мягких обложках.

— Читай и плачь,— сказал он.

Гримсон сунул стопку романов Фармера под мышку. Станут ли они для него спасением? Или же эти книжки, как все остальные, полны обещаний, оказывающихся в конце концов болтовней?

Вуниер вел Джима по пустующим в этот час коридорам, так как пациенты клиники находились или в своих палатах, или в рекреационном зале. Не исключено также, что именно сейчас проводились сеансы групповой или индивидуальной терапии. В длинных широких коридорах с белыми стенами и серым полом их шаги отдавались гулким эхом.

Оказалось, что Гримсона пока что поместили в маленькую одноместную палату, имеющую самый больничный вид. Однако даже небольшой стенной шкаф оказался достаточно просторным. Но зачем он Джиму? Вся одежда была на нем, да и ту принесла ему мать, а ей дала миссис Выжак. Вещи принадлежали Сэму и потому были тесноваты, а башмаки — просто позорные, «оксфорды» с квадратными носками — Сэм надел бы такие только под страхом смерти.

— Книги можешь положить туда,— Вуниер показал на нишу рядом с окном.— А теперь послушай, какие тут правила и распорядок дня.

Он прислонился к стенке, поднес какой-то листок бумаги обеими руками к самому лицу и начал читать вслух, брызгая слюной. Мерзость какая!

Джим сел на единственный стул — деревянный, со съемной подушкой. Хорошо бы выкурить сейчас сигарету... Зубы у него слегка ныли, нервы были натянуты, как провода, и настроение сильно нуждалось в настройке.

Вуниер монотонно бубнил, точно буддийский монах, выпевающий сутру о лотосе. «Пациент обязан содержать свою комнату в чистоте и порядке. Пациент

обязан ежедневно принимать душ, следить за чистотой ногтей и так далее. Телефоном пациенту можно пользоваться только на посту дневного дежурного, и нельзя занимать его дольше четырех минут. Курить разрешается только в холле. Писать на стенах запрещено. Пациенты, попавшиеся с не прописанными им наркотиками, со спиртным или с телкой (так выразился Вуниер), мгновенно вышвыриваются вон.

— А когда дрочишь,— добавил он,— не делай это в душевой и вообще при людях.

— А перед зеркалом можно? — поинтересовался Джим.— Это как считается — при людях или нет?

— Остряк-самоучка,— проворчал Вуниер — Просто подчиняйся правилам, и все будет в порядке.

Волоча ногу, он дотащился до стены напротив и содрал с нее какую-то бумажку, прилепленную скотчем. Прежде чем объявление отправилось в мусорную корзину, Джим успел прочесть: НЕ БОЙСЯ СВОЕВО МОЗГОПРАВА. Под этой фразой имелся еще и рисунок, похожий на те, какие встречаются на стенках туалетов.

— Какой-то умник лепит их во всех палатах,— пояснил Вуниер.— Мы зовем его Алый Буквовщик[1]. Попадись он нам, задница у него будет алая.

Теперь стену, кроме несколько листков в рамочках, похожих на вырезки из «Саттердей Ивнинг Пост», украшал только календарь.

— А мантры? — уточнил Джим.— Я видел их на стенах во многих палатах.

— Их развешивать можно, это входит в терапию. Некоторым они нужны, чтобы проникнуть в Многоярусный мир.— Вуниер, помолчав, спросил: — Ты уже решил, какого персонажа выберешь?

Парень явно хотел задержаться и поболтать — должно быть, ему, бедняге, здесь одиноко. Но Джим не желал тратить свое время на человека, с которым ему хотелось бы пообщаться в самую последнюю очередь.

---

[1] Намек на роман классика американской литературы Натаниэля Готорна (1804–1864) «Алая буква».

— Нет,— он покачал головой и сделал движение, как будто собирается встать, а потом снова хлопнулся на стул.— А это что такое? — Джим уставился на пространство под кроватью.

У Вуниера расширились глаза. Он начал было нагибаться, чтобы как следует рассмотреть то, на что указывал теперь палец Гримсона, но передумал.

— Ты о чем?

— Оно только что шевельнулось,— не моргнув глазом, продолжал врать Джим.— Очень темное, чернее космоса и похоже на веретено. С фут[1] длиной. Эй... опять шевелится!

Вуниер перевел взгляд с кровати на Джима.

— Мне пора,— сказал он. И с деланной небрежностью добавил: — Предоставляю тебе развлекать своего гостя.

Вуниер стремительно покинул палату. Джим громко засмеялся, как только решил, что этот бедолага его не услышит. Розыгрыш он позаимствовал из романа Филипа Уайли, название которого стерлось из его памяти. Тем не менее действительно ли Вуниер решил, будто под кроватью кто-то есть, или испугался, что его собеседник вот-вот сорвется? Однако через минуту настроение Джима сделалось каким-то смешанным — и черным, и красным. Депрессия, перемежающаяся гневом. Психологи говорят, что депрессия — это гнев, обращенный против себя самого. Разве можно за одну минуту пережить оба состояния — словно выключателем щелкнуть туда-сюда? Скорее всего, он на самом деле вот-вот психанет.

МАНИАКАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ВЫЗЫВАЕТ СИЛЬНУЮ ДЕПРЕССИЮ. Он прилепит это изречение в туалете. Покажет им, что чертов неуловимый Алый Буквовщик — не единственный, кто способен нанести удар из тьмы.

У него даже своей одежды нет. И денег, кстати, тоже. Отними у мужчины или женщины имущество и деньги — и вот перед тобой человек, лишенный всяко-

---

[1] Фут равен примерно 30 см.

го мужества и всякой женственности. Впрочем, разве это человек? Несомненно, если только он или она не принадлежат к культуре, в которой такие люди считаются святыми. Что касается этого мира, то здесь человека делают одежда и деньги, и только король может ходить голым, оставаясь самим собой. А кто такой Джим Гримсон?

Продолжая сидеть, глядя в никуда, Джим почувствовал, как чернота отступает. Она сменилась красным потоком, захлестнувшим каждую клеточку тела и мозга. И все-таки у человека, который испытывает гнев, кое-что уже есть. Ярость — это позитивная сила, даже если она ведет к негативным действиям. В одном стихотворении, которое он читал когда-то давно, говорилось... Джим не помнил наизусть, но смысл фразы был примерно таков: если разум не сможет, то ярость добьется.

В дверь просунул голову Джилмен Шервуд, один из собратьев-пациентов.

— Эй, Гримсон! Групповая терапия через десять минут!

Кивнув, Джим решительно поднялся со стула.

Он уже знал, какого персонажа выберет — Рыжего Орка. Владыку-злодея, самого опасного врага Кикахи. Вот и получите разъяренного сукиного сына, который всех пинает в зад, потому что у самого задница красная!

ГЛАВА 4

31 октября 1979 г.
Хэллоуин (Канун дня всех святых)

Что-то разбудило Джима как раз перед тем, как зазвонил будильник. С трудом разлепив веки, он посмотрел вверх. Трещины на потолке складывались в карту с хаотичным переплетением рек и дорог. Или это набросок, изображавший какого-то зверя, а может быть, загадочный символ? Между прочим, за прошедшую ночь от старых трещин ответвилось несколько новых.

Сигнал будильника заставил его подскочить. Дзыыны! Подъем! За дело! Вперед, лежебока! Утреннее солнце светило сквозь тонкие желтые занавески.

Внезапно земля под домом вздрогнула, и Джим невольно вцепился в одеяло. Наверняка где-то там внизу произошел обвал в одной из многочисленных, давно заброшенных горных шахт. В памяти сразу всплыло происшествие трехмесячной давности: за четыре квартала от дома Гримсонов два здания по соседству друг с другом провалились во внезапно открывшуюся яму фута два глубиной. Так они теперь и стояли, прислонясь друг к другу и втиснувшись в одну дыру, словно пара слишком больших суппозиторий в заднице Зеленого Великана с эмблемы компании «Грин Джайант».

Стараясь собраться с мыслями, Джим обвел глазами свою комнату, на что не потребовалось много времени — так она была мала. Ее украшало семь больших плакатов, прилепленных скотчем к выцветшим обоям с когда-то красными розами на светло-зеленом фоне. Дверь тоже была украшена изображением Кейта Муна, великого сумасшедшего барабанщика группы «Ху», ныне покойного. На самом ярком плакате кривлялись пятеро «Лихих Эскимосов» — так называлась местная рок-группа. «Косяк» Диллард блюет в саксофон; Вероника Паппас, «Поющая Попка», сует микрофон под кожаную мини-юбку; Боб Пеллегрино, «Дробинка», дрочит одну из барабанных палочек; Стив Ларсен, «Козлодой», выглядит так, словно трахает гитару; Сэм Выжак, «Ветряк», барабанит по клавишам. Над этой сомнительной компанией парила дюжина колокольчиков, напоминающих НЛО в полете. Вблизи и при ярком свете можно было разглядеть тонкие проволочки, прикреплявшие их к потолку.

Джим вылез из постели и, одернув рваную зеленую пижаму, направился к двери. Неосвещенный коридор казался продолжением сна. Задевая ногами складки и дыры старого ковра, он побрел было в туалет, но передумал. В тесной ванной Джим зажег свет и, взглянув в зеркало, поморщился. Под кожей наливался красным третий прыщ, однако рыжие усики еще немного

подросли со вчерашнего дня. К выходным надо будет побриться, однако тупое лезвие (новые слишком дорого стоят) сдерет корочки со свежевыдавленных прыщей, тогда из них пойдет кровь. Фу!

Джим помочился в раковину. Делая это, он, во-первых, помогал отцу, Эрику Гримсону, экономить деньги — тот любил напоминать, что не следует часто спускать воду. Во-вторых, это была тайная, пусть маленькая, но месть домашнему тирану.

Собственное лицо в зеркале опять приковало его внимание. Большие синие глаза унаследованы от обоих родителей. Рыжеватые волосы, длинная челюсть и выступающий подбородок достались ему от Эрика, норвежца. А маленькие уши, длинный прямой нос, широкие скулы и слегка восточный разрез глаз — это дары матери, Евы Надь. Что касается роста, то ему осталось подрасти на три дюйма, и тогда он догонит своего жилистого и узкоплечего отца. Фигурой Джим напоминает братьев матери — такой же широкоплечий.

Если избавиться от этих проклятых прыщей... парень в зеркале мог бы даже добиться успеха у Шейлы Хелсгетс, самой красивой девчонки в Бельмонтской Центральной средней школе, предмета его воздыханий. Джиму очень нравилось мысленно называть Шейлу именно так.

Красавица лишь однажды обратилась к нему с просьбой — держаться от нее с подветренной стороны. Это задело Джима, но не настолько, чтобы он перестал ее любить. Он стал мыться два раза в неделю — немалая жертва с его стороны, если учесть, что у него нет времени на всякие пустяки.

Но эти прыщи! И зачем только Бог, если он есть, проклял ими подростков?

Поплескав водой на лицо и на пенис, вытерев их полотенцем, к которому на самом деле разрешалось прикасаться только отцу, Джим направился на кухню. Несмотря на темноту в коридоре, на ковре была заметна белая пыль от штукатурки. Позеленевший потолок кухни украсили новые трещины, а на газовой

плите и покрывавшей стол клеенке лежал тонкий слой пыли, напоминавшей пудру.

— Все мы скоро провалимся в дыру,— пробурчал Джим.— Прямиком в Китай. Или сразу в ад.

Он принялся торопливо готовить себе завтрак. Из холодильника, ровесника обожаемого папаши, были извлечены кусок колбасы, майонез, половинка почерневшего банана, увядший салат и холодный хлеб. Закрыть дверцу он забыл. Пока закипала вода, Джим, нарезав колбасу и банан, состряпал себе бутерброд.

Он включил радио, купленное в день появления на рынке первых транзисторных приемников. Старый ламповый «Дженерал Электрик» пылился на чердаке вместе с кипами старых газет и журналов, сломанными игрушками, поношенной одеждой, битой посудой, облысевшими швабрами и перегоревшим пылесосом «Гувер» выпуска 1942 года. Эрик и Ева Гримсон не любили что-либо выкидывать, даже пищевые отходы, не говоря о вещах. Большинство людей оставляет прошлое позади. А его родители громоздили его у себя над головой.

Джим отправил в рот большой кусок бутерброда, не забыв приправить его перцем. Вытирая слезящиеся глаза, он выключил газ и вылил кипяток в чашку. Пока он размешивал кофе, ВИЭК, единственная рок-станция в Бельмонт-Сити, прервала сообщение о погоде, запустив шестнадцатый номер местного недельного хит-парада. «Твоя рука — не то, что надо мне!» была первой песней «Лихих Эскимосов», которую Джим услышал по радио. Она же оказалась и последней. Повернувшись к раковине и наливая в стакан холодную воду, Джим услышал рычание, доносившееся отнюдь не из радио. Приемник умолк. Пару секунд тишину прерывал только звук текущей воды. Потом у него за спиной раздались проклятия:

— Черт! Сколько раз говорил, чтобы оно у тебя не орало! Или, ей-богу, выкину это долбаное радио в окошко! И закрой этот долбаный холодильник!

Голос был не слишком громкий, но низкий; в детстве он вызывал у Джима страх и удивление, так как

казался нечеловеческим. И все же в памяти сохранились мгновения, когда ему нравилось слышать этот голос. Сложные, запутанные были у них отношения, но сейчас ни о какой путанице не могло быть и речи — только ненависть.

Джим выпрямился, закрыл кран и отпил из стакана, медленно оборачиваясь. Эрик Гримсон стоял в дверях — высокий, красноглазый, с набрякшими веками. Лопнувшие сосуды на его носу и щеках напомнили Джиму о трещинах на потолке.

Черт подери! Опять возник конфликт поколений, как выражается школьный психолог. Придется снова бодаться с этим говнюком — так мысленно называл словесную перепалку с «обожаемым» родителем Джим.

Папаша сел, поставил локти на стол и уткнулся лицом в ладони. Какой-то миг казалось, будто он вот-вот заплачет. Потом Эрик выпрямился и громко стукнул ладонями по столу, так что сахарница подскочила. Сейчас отец не сводил с Джима воспаленных глаз, у него тряслись руки, когда он зажигал спичку и закуривал сигарету.

— Ты нарочно включил на полную громкость, так ведь? Богу известно, и вам с матерью тоже, как мне нужен сон. Но разве ты дашь поспать? И почему? Из-за проклятой злобности, из подлости, которая у тебя от матери, вот почему! Сказано тебе — закрой холодильник! Ты... ты... змей! Змей зловредный, вот ты кто! — Он бухнул правой рукой по столу. Запах пивного перегара заставил Джима сморщиться.— Больше я твоих пакостей терпеть не стану! Богом клянусь, выкину это поганое радио в окошко! И тебя следом!

— Валяй! — пожал плечами Джим.— Увидишь, насколько это меня колышет!

Однако, как бы ни был зол Эрик Гримсон, он не станет уничтожать ни одного предмета, замена которого потребует денег.

— Пошел вон! — заорал он, поднимаясь со стула.— Вон, вон, вон! Чтоб я не видел тут твою паскудную

рожу, нарк патлатый! Убирайся тотчас же, или я погоню тебя до самой школы пинками в зад! Пшел! Пшел! Пшел!

«Старик пытается раздразнить меня,— подумал Джим.— Если я его ударю, то он наверняка расквасит мне нос, двинет в живот, врежет по почкам». Именно это он мечтал проделать со своим папашей — и тот нарвется когда-нибудь!

— Ладно! — заорал в ответ Джим.— Ухожу, забулдыга, лодырь, неудачник! А холодильник и сам можешь закрыть.

Лицо Эрика побагровело, рот широко открылся, обнажив кривые, желтые от табака зубы. Глаза напоминали два кровавых сгустка.

— Не смей так разговаривать с отцом! Ты, долбаный хиппи, вонючий... вонючий...

— Как насчет ублюдка? — подсказал Джим, боком пробираясь мимо отца лицом к нему. Он был готов дать сдачи, но его била нервная дрожь.

— Вот-вот! То, что надо! — проревел отец.

Джим уже несся вперед. У самой двери в свою комнату он увидел, как открылась дверь в противоположном конце коридора. Из узкого прямоугольника вырвался мерцающий свет, и сильный запах ладана ударил в нос. В дверном проеме, сжимая четки, появилась мать Джима. Услышав доносившиеся снизу крики, она вместо того, чтобы выйти и заступиться за сына, спряталась за дверью.

— Скажи Богу, пусть вставит себе! — выкрикнул Джим.

Мать ахнула и скрылась, бесшумно притворив за собой дверь. Вот такая у него мать, и проку от нее не больше чем от тени, на которую она похожа.

ГЛАВА 5

Джим, уже одетый и с портфелем в руке, выскочил из дома, пулей промчавшись мимо изрыгавшего оскорбления и угрозы отца, который вовсе не собирался преследовать сына за пределами своей территории. Хо-

тя, если соблюдать точность, земля под его ногами принадлежала не ему, а банку. А если штольни и шахты под домом продолжат рушиться, то все это отправится в пекло.

День был ясный, и солнце приятно нагревало макушку. Отличная погода для Хэллоуина, тем не менее по радио сказали, что к вечеру ожидаются тучи. И в самом деле они уже неслись, обгоняя друг друга, по небу, что нависло над головой Джима.

Издалека доносились крики Эрика Гримсона, который продолжал вопить, хотя его сын уже удалился на целый квартал от дома. Джим спешил, размахивая портфелем, где лежали пять учебников, которые он прошлым вечером даже не раскрывал, карандаши, шариковая ручка и две тетрадки, исписанные текстами песен. Еще там лежали три потрепанные книжки в мягких обложках: «Нова-Экспресс», «Венера на ракушке»[1] и «Древний Египет».

Мать не успела приготовить Джиму завтрак. Ну и ладно. Все равно желудок жжет, словно в него попала раскаленная докрасна колючая проволока.

Чересчур много, чересчур долго.

Когда же он разлетится в клочья при собственном Большом Взрыве?

Он уже грядет, он уже грядет.

Вчера он написал еще одну песню — «Ледники и новые звезды».

Гори, гори, гори, гори!
Ничто не говорит, как я накален.
Слова — лишь тени, ярость — вот суть.
Дядя Сэм мой огонь прихлопнет,
Дядя Сэм — ползущий ледник,
В нем пять миль высоты, он горы
Стирает заподлицо.
Ледник хочет, чтоб все было плоско,
Хочет всякий огонь загасить.
Отец и мать — ледяные великаны,

[1] «Нова-Экспресс» — роман Уильяма Берроуза. «Венера на ракушке» — роман Ф. Х. Фармера, написанный под псевдонимом: Килгор Траут.

Идут на меня охладить мой огонь.
Тролли из ФБР,
Огры из ЦРУ,
Вервольфы-легавые окружают меня.
Морозильник тюрьмы мой огонь заморозит.
Ахав[1] *преследует Моби Дика,*
Говорят, гоняясь дико за собственной шишкой,
Ахав срывает маску с Бога,
И сердце-снаряд готово взорваться,
Но гнев его — свечка, а мой — «юпитер».
Эон за эоном, век за веком, эру за эрой,
Старый стрелочник Время при деле,
Экспресс «Солнце» знай себе прет
К конечной под названием Новая,
Все взрывает, сжигает, испепеляет,
Молотя по Плутону осколками Марса,
Ледник отдает мой застывший труп,
Ледник сам займется огнем,
Застывший труп запылает вновь.
Праведный огонь не загасишь.
Гори, гори, гори, гори!

Здесь было сказано все — насколько хватило слов. Вот почему кино, живопись и рок — прежде всего рок — иногда лучше слов. С их помощью можно выразить то, что неподвластно буквам.

На какой-то миг улица вокруг Джима стала мерцающей и зыбкой, как мираж в пустыне. Затем текучие стены домов застыли в неподвижности, Корнплантер-стрит вернула себе прочность, как пару секунд назад,— и прежнее убожество. Вдалеке над крышами высились серо-черные трубы и верхние этажи сталепрокатного завода Хелсгетса, похожие на металлических великанов. Эти великаны были мертвы — из них больше не валил вонючий черный дым. Джим помнил их живыми, хотя, казалось, это было давным-давно, еще в прошлом веке. Заграничная сталь оказалась дешевле местной, и сталелитейная промышленность района заглохла. Именно с той поры, так казалось Джиму, начались несчастья его родителей, а стало быть, и его

[1] Герой романа Г. Мелвилла «Моби Дик», капитан, преследующий легендарного белого кита.

несчастья. Несмотря на то что работающие плавильные печи извергали на город грязь и отраву, они также способствовали его процветанию. Вместе с чистым воздухом пришли нищета, отчаяние, ярость и насилие. Теперь горожане могли рассмотреть дом через два квартала, однако будущее скрывал туман не менее ядовитый, чем тот, что когда-то нависал над их головами. Эта улица, да и весь город, представляли собой ту самую «Улицу Запустения», о которой пел Боб Дилан.

Джим брел по растрескавшемуся тротуару, шаркая грязными, поцарапанными ботинками из воловьей кожи. Путь его лежал мимо двухэтажных бунгало, построенных сразу после Второй мировой войны. Перед некоторыми из них были разбиты газоны, огороженные штакетником. А там, где травы росло мало, возвышались стоявшие на кирпичах старые машины или частично разобранные мотоциклы.

Утреннее солнце ярко сияло на безоблачном голубом небе. Джиму уже давно казалось, что солнечный свет в Бельмонт-Сити не такой, как везде,— необычайно резкий, он словно забивал глаза песком. Когда ему впервые почудилось такое? Скорее всего, когда Джим заметил на лобке волосы. А теперь его член встает и раздувается, как рассерженная кобра, если есть хотя бы малейший намек на секс. Все, что угодно: фильмы, фото, реклама, шальные мысли, возникающие в уме образы — пробуждают *его* к жизни, словно колдунья взмахивает волшебной палочкой. Вот тогда-то солнечный свет в Бельмонт-Сити стал резать Джиму глаза.

Или нет?

А может, это началось, когда Джима посетило первое «видение». Или когда на нем впервые появились стигматы...

За полквартала впереди по Корнплантер-стрит Джим увидел своего закадычного дружка Сэма — тот стоял на пороге своего дома. Пожалуй, стоит прибавить шагу. Только дед Джима, Рагнар Гримсон, норвежский моряк, да Сэм Выжак относились к нему по-человечески, а души всех троих были точно камертоны, на-

строенные в унисон. Но дед пять лет назад умер (может, все-таки тогда свет стал напоминать песок), и теперь лишь Джим и Сэм звучали на одинаковой частоте.

Сэм был ростом шесть футов и очень тощий, с шапкой черных кудрявых волос. Его худая и заостренная физиономия могла бы послужить моделью для морды Хитры Й. Койота из мультиков «Догонялки». У Сэма был точно такой же голодно-отчаянный вид, но в близко посаженных темно-карих глазах не наблюдалось, как у Хитры Й., искорки надежды.

— Джиман! — издал пронзительный вопль Сэм, едва только заметил приятеля.— Привет!

Он танцующей походкой направился к нему, напевая песню, которую «Лихие Эскимосы» отвергли как «не достаточно руковую». Рефрен в ней — заклинание, сибирские шаманы произносят его во время магических обрядов, призывая могущественные силы добра или зла.

АТА МАТУМА М'МАТА!
Ты в беде, глубоко в дерьме?
Найми древнего сибирского шамана.
Чародейская магия подействует, с гарантией.
Шаман распевает заклинание каменного века:
АТА МАТУМА М'МАТА!
Собери все колдовские предметы!
В «Ниман Маркусе»[1] *их не купишь!*
Перо ангела, дыханье Дракулы,
Малярию белого мишки,
Ненарушенное обещание политика,
Вопль из писсуара капитана Крюка,
Серу из уха Спока[2] *с далекого Вулкана,*
Зрительский рейтинг феи Динь-Динь[3],
Кровь турнепса с отрицательным резусом,
Любовь к женщинам Джека Потрошителя,
Игольное ушко, где богач застрянет,
Пупки Адама и Евы,
Визу со штампом самого Сатаны.

---

[1] Название сети универмагов, распространенных по всей стране.

[2] Персонаж сказки Дж. Барри «Питер Пэн».

[3] Персонаж сказки Дж. Барри «Питер Пэн».

Смешай все это, словно ты «Бетти Крокер»[1],
Пошуруй в кипящем вареве!
Когда оно остынет и взвоет в голос,
Выпей его, выпей его!
АТА МАТУМА М'МАТА!

— Заклинание «Ата Матума М'Мата» не поможет, Сэм,— вздохнул Джим.— Я в нокдауне. И злой, как собака.

Миссис Выжак наблюдала за ними из окна. Она была крупная женщина, с большими грудями — настоящее воплощение Матери Всего Сущего. Мистер Выжак не казался слабаком, тем не менее с самого начала передал ей бразды правления в семье. Он стал тенью своей жены: она повернется — и он сделает то же самое, она скажет — он кивнет.

Почему мать Сэма на них смотрит? Может, жалеет, что Джим не доводится ей сыном? Она мечтала о большой семье, но после первого же ребенка, Сэма, ей удалили матку. Мистер Выжак, пребывая в менее благожелательном настроении (а такое случалось с ним часто), говорил, что Сэм отравил ей утробу.

А может, у нее потому такой необычный взгляд, что она настроена против Джима? Не всякая мать захочет, чтобы ее сын дружил с парнем, у которого бывали такие странные видения и появлялись стигматы. Ева Гримсон — дело другое. Сначала ей пришло в голову, будто Джим — новый святой Франциск. Но потом она перестала мечтать о его канонизации. Теперь ее не оставляла мысль, что она совокупилась во сне с дьяволом, и Джим — плод этого союза. Вслух мать об этом не говорила, а отец — по несколько раз за день, наверняка повторял случайно вырвавшиеся слова. Впрочем, папаша и сам мог такое выдумать.

Джим помахал миссис Выжак рукой, и та отпрянула от стекла, словно испугалась, но спустя мгновение уже махала в ответ. Поскольку она никого не боялась — вот бы Ева была такой,— то, наверное, думала

---

[1] Товарный знак компании «Дженерал Миллс», производящей полуфабрикаты и концентраты.

о нем что-нибудь плохое. А потом ей стало стыдно. (Нет, все-таки слишком много он о себе воображает, именно так говорили ему и отец, и куратор в школе.)

Джим и Сэм поспешили в школу. Через некоторое время его приятель мотнул головой, и афро-прическа качнулась, словно плюмаж на шлеме рыцаря.

— Ну? — проныл Сэм в ухо Джиму.

— Чего ну?

— Целый квартал прошли, а ты все молчишь! Отчего в нокдауне? Все та же история? Ты и твой старик?

— Ага,— кивнул Джим.— Извини. Я задумался, ушел в себя. Как-нибудь уйду и не вернусь. Да и зачем? Так или иначе, вот моя жалкая и печальная повесть.

Сэм слушал его, перемежая рассказ только кряканьем или восклицаниями типа: «Обалдеть!» Когда Джим закончил, Сэм высказался:

— Вот дерьмо, а? Что ты можешь тут поделать? Да ничего — таков закон предков. Но тебе скоро стукнет восемнадцать, и ты сможешь послать своего старика подальше.

— Если мы до того не поубиваем друг друга.

— Слушай, мы с мамашей утром поругались, совсем как ты с отцом. Только у нее одна тема — музыка. Говорит: «Я работала так, что задница отваливалась, каждый грош считала, и все ради того, чтобы ты мог учиться играть на рояле и на гитаре. А теперь ты хочешь вырядиться, как панк, и позорить меня с отцом! А что скажут наши друзья и ксендз Кохановский! Святители небесные, дева Мария, помогите мне! Я-то хотела, чтобы ты играл классику, Шопена и Моцарта — тогда бы я могла гордиться тобой! Погляди на себя!» И так далее. Вот тут я и ляпнул то, чего не следовало говорить — но у меня прямо багровые круги пошли перед глазами.

Сэм описал несколько кругов обеими руками, причем в одной из них была зажата сумка с завтраком. Вот за такие жесты он и получил прозвище «Ветряк».

— «Задница, говоришь, отваливалась? А это что?» — И показываю на ее мощную корму. Прости мне, Боже,

я ведь люблю мать, хоть она то и дело проедает мне плешь. В меня полетели тарелки, я еле увернулся, а старик ржет, как сумасшедший, прямо по полу катается — рад видеть, что досталось еще кому-то, кроме него.

Джима задело, что Сэма, похоже, не очень волнуют его трудности с отцом. Стоило ему открываться, ища сочувствия, понимания, совета! И это называется лучший друг? Болтает только о собственных проблемах — но эти разговоры Джим слышал уже много раз.

ГЛАВА 6

Они свернули с Корнплантер-стрит на Питтс-авеню, по которой надо было пройти еще шесть кварталов до Бельмонтской Центральной средней школы. Мимо них проносились автомобили, где сидели такие же, как и они, школьники. Но никто из них не окликнул двух друзей или хотя бы помахал рукой.

Черт побери! Эти спесивые снобы игнорируют его лишь потому, что его отец — безработный, а семья Гримсонов живет в захудалом рабочем районе. Хотя его одноклассникам не следовало задирать нос — настоящих богачей среди них не было, за исключением Шейлы Хелсгетс, однако и у мистера Хелсгетса последнее время дела идут не очень хорошо после закрытия сталелитейных заводов. Он, вероятно, сейчас стоит не больше миллиона — по крайней мере, именно такие разговоры Джим слышал о Хелсгетсах.

Никто, даже Сэм, не знал, насколько сильно влюблен Джим в Шейлу,— Гримсон не хотел, чтобы над ним смеялись. Кроме своей влюбленности он также скрывал, что иногда пишет «настоящие» стихи, любит читать, поэтому и слов знает гораздо больше, чем Сэм и другие парни из их компании.

— ...сигаретку?

— А, что? — переспросил Джим.

— Черт возьми! — воскликнул Сэм.— Очнись! Ты где? В космосе, что ли? Отправь меня лучом на Землю,

Скотти[1]. Я спрашиваю — хочешь забить гвоздь себе в гроб?

У его носа немытые пальцы с грязными ногтями держали «кэмел» без фильтра. Джиму следовало быть благодарным за такое предложение — он не мог позволить себе покупку целой пачки. Но курить почему-то не хотелось.

— Да ну! А стимулянта, случайно, нет?

Сэм сунул сигарету в правый уголок рта и полез в наружный карман куртки, откуда извлек три капсулы.

— Вот «Черные красотки». На воздушном шаре до луны с гарантией. Только осторожней при посадке.

— Спасибо,— кивнул Джим.— Одну возьму.

— С тебя теперь семь долларов причитается,— заметил Сэм и тут же добавил: — Не к спеху. Для друга у меня кредит всегда открыт. И сигареты я к тому же не считаю. Я же знаю, когда у тебя курево будет, ты меня выручишь.

Джим положил «Красотку» на язык и, собрав во рту побольше слюны, проглотил капсулу.

На этот раз бифетамин сработал намного быстрее, чем обычно. Бац! — и вместо усталой крови, как говорится в рекламе, потекла река расплавленного золота. Она прошла по его венам, не говоря уж об артериях, причем каждая ее молекула спешила обогнать других, чтобы попасть сначала к сердцу, а потом выйти на очередной головокружительный виток. Свет утратил свою резкость. Джим огляделся кругом, точно первый раз видел все это: вдали, на северо-востоке,— крышу школы над убогими домишками, на юге — трехэтажное здание из бурого кирпича — больницу «Веллингтон», на западе — шпиль церкви святого Стефана, что располагалась в центре венгерского квартала.

Бросив взгляд на север, Джим заметил купол муниципалитета. Если верить дяде Сэма Выжака — судье и запойному пьянице, то его обитатели заняты очень многими делами, большей частью грязными.

---

[1] Сэм цитирует реплику из телесериала «Звездный путь».

Питтс-авеню заканчивалась у подножия Золотого Холма, наверху которого обосновались короли и королевы Бельмонт-Сити. Отца Джима особенно раздражало то, что на обитателей Золотого Холма работала его жена. Платили ей эти богачи немного (жмоты надутые!), однако лучше такой заработок, чем никакого. Ева Надь Гримсон служила в одной фирме приходящей уборщицей. Что касается Эрика, то он считал, во-первых, позорным жить на пособие (но тем не менее его получал), а, во-вторых, что жена не должна работать. Таким образом, он потерпел крушение как мужчина и как добытчик.

Джим мог понять, почему его отца мучает стыд, отчаяние и досада. Но зачем ему обязательно надо вымещать свои обиды на жене и сыне? Разве они в ответе за все плохое в его жизни? Отчего бы ему просто не сняться с якоря и не увезти семью хоть в Калифорнию или еще куда-нибудь, где он мог бы получить работу? Однажды отец действительно предложил уехать из Бельмонт-Сити, но встретил упорное сопротивление Евы. Мать Джима мирилась со всем, что происходило в доме, никогда не жаловалась и не спорила — как вдруг твердо заявила, что не послушается его и никуда не уедет от клана Надь и своих друзей. «Черт побери! — закричал тогда Эрик.— Если ты дружишь с венгром, тебе и врагов не надо!»

День, в котором ты живешь,— это настоящее. Но прошлое зачастую остается с тобой. Оно запускает свой острый ноготь в ткань твоего мозга, нажимает на нерв, с целью напомнить тебе, что основа жизни — это боль. Затем прошлое ощупывает все твое тело: трогает член, залезает в прямую кишку, лапает твое обнаженное сердце, заставляя его трепетать, как крылышки колибри, завязывает твои внутренности морским узлом, наливает горячую кислоту тебе в желудок, размешивает ночные кошмары поварешкой старого Морфея, древнегреческого бога сна.

Название для песни: «Мертвая рука прошлого». Не пойдет. Это штамп, хотя большинство сочинителей текстов для рок-музыкантов такие вещи не останавли-

вают. Да и в любом случае прошлое все-таки не мертвая рука. Ты носишь его с собой или в себе, как нечто живое — ленточного червя или хайнлайновского слизняка[1], паразита, который запускает щупальца тебе в спину и высасывает из тебя жизнь и мозги. Или как лихорадку, от которой никакие лекарства не помогают — жар пройдет, только когда ты станешь холодным трупом, а тогда уже пилюли не нужны.

— ...искали на сегодня халтурку, да дохлый номер,— оживленно говорил Сэм.— Нашли одну — в субботу в «Уислдик Таверн» на Муншайн-ридж, но там территория деревенских, и придется играть этот жуткий кантри-вестерн. Черт, в Хэллоуин положено развлекаться. Помнишь, как мы опрокинули сортир Думского, когда нам было пятнадцать? А может... четырнадцать. Тогда еще старик выскочил из дома, вопя и паля из дробовика? Еле ноги унесли!

— Хорошее дело,— согласился Джим.— Позвоню на работу и скажу, что болею. Меня, скорее всего, уволят, ну, да и черт с ними.

ГЛАВА 7

Перед тем как присоединиться ко всей компании, Сэм сунул Джиму квадратик жвачки.

— На. А то от тебя такой дух, что Кинг Конга свалит.

— Спасибо,— рассеянно кивнул Джим.— Это, должно быть, колбаса, слишком много в ней чесноку. Да и желудок у меня расстроен.

Их поджидали трое парней — Хаким «Косяк» Диллард, невысокий чернокожий толстяк, страдающий хронической желтухой, Боб «Дробинка» Пеллегрино, рослый юнец с черными усами, поблескивающий стеклянным глазом, Стив «Козлодой» Ларсен. Козлодой принес косяк с марихуаной, и все по очереди затянулись, не спуская глаз с главного входа: не покажется ли директор Джесс Бозмен «Железные Штаны» или кто-то из стукачей-учителей.

---

[1] См. роман Р. Хайнлайна «Кукловоды».

— ...слыхал, что сделал «Кисс» в том номере отеля в Пеории?

— ...меняю стимулятор на тормоз.

— ...сказал, будто Мик Джаггер подцепил триппер от жены мэра.

— ...а старик говорит: «Только выстриги этот гребень на башке, я тебе яйца отрежу».

— ...думаешь, Лам закатит сегодня контрольную?

— ...а я себе думаю: да пошел ты в задницу со своим равноберденым треугольником. «Дайте определение» — дерьмо, я выговорить-то это слово не могу. Но виду не подаю. Мистер Словацкий, говорю, в геометрии я не копенгаген. Это для республиканцев, а мои всегда за демократов голосуют.

— ...отправили опять к Железным Штанам. А его и нет в кабинете. Вероятно, секретаршу трахал в копировальной.

— ...а он в ответ: «Знаю, что ты длинный, и знаю, что ты черный, но откуда у тебя зенки пучеглазые?»

— ...клянусь, врезал бы я тебе за расистские анекдоты. Вот я тебе расскажу про белую бабу — ей мышка залезла в щелку, она и пошла к черному доктору. А он...

Толкаясь и хихикая, компания ввалилась в вестибюль. Джим молчал, лишь хмыкая или через силу улыбаясь в ответ на обращения к нему. «Черная красотка» уже не действовала — наверное, продавец надул Сэма, всучив аспирин или что-нибудь подобное с минимальной дозой бифетамина.

А вот и улыбающаяся Шейла Хелсгетс! Она стояла, прислонившись к стене, и болтала с Робертом «Тараном» Бейсингом, рослым красивым блондином, капитаном футбольной и дискуссионной команд, обладателем чистой и загорелой кожи. Денег полно, разъезжает на «мерседесе», живет на Золотом Холме. Естественно, у них с Шейлой близкие отношения, но надежные источники сообщают, что он ее обманывает. Роберта не раз видели в ночном клубе в соседнем городе, Уоррене, с Энджи «Минет» Кэлорик.

При виде того, как он гладит Шейлу по выпуклому бедру, Джима едва не стошнило. Он с шумом захлоп-

нул дверцу шкафчика. Девушка отвела взгляд от Бейсинга и посмотрела на него. Ее улыбка исчезла. А потом она обернулась к Победителю.

Шейла, детка, думаешь, он сам Иисус Христос! Хотел бы я распять его, предпочтительно ржавыми гвоздями, и не только забить их в руки да ноги. Хотя ничего бы это не дало. Все равно она смотрела бы на меня, как на прокаженного

Джим тихо напевал себе под нос, тащась по коридору к кабинету биологии. Это была его очередная песня под названием «Вот тебе взгляд снизу вверх».

Наступи на меня, назови меня плоским —
Выжми досуха — и назови жмыхом.
Скажи, мол, совсем не классный ты парень!
Падающий молот-небо вбивает меня в землю,
Сшибая перхоть с башки,
И молотит, молотит, молотит меня.
Земляные черви, кроты и погребенные кости,
Бог, дьявол — кто не смотрит сверху вниз на меня,
Вращающегося в земном ядре?
Всякий путь отсюда — вверх.
Невозможно поверить, будто это не ложь.
Для меня все дороги — вниз.
Изругай меня, вываляй в грязи,
Изорви душу в клочья когтями презренья.
Назови оборванцем, зажги свечку
И отслужи по мне обедню.

Он вошел в кабинет вслед за Бобом и Сэмом и занял место в углу. Одноклассники громко переговаривались, швыряя друг в друга бумажные самолетики и шарики из жеваной промокашки. Потом, точно нож гильотины, обрушилась тишина, и все замерли, когда вошел мистер Льюис «Богомолец» Ханкс. Мрачный мужчина лет шестидесяти, раздражительный и религиозный до отвращения — такое описание вполне подходило к мистеру Ханксу. К этому надо добавить, что он был сторонником библейской теории сотворения мира, а преподавал эволюцию — в результате получался озлобленный и несчастный седовласый старик.

Ханкс зачитывал список, отмечая присутствующих и отсутствующих с таким видом, точно производил

перекличку душ в Судный день. Произнося фамилию ученика, которого он не любил, учитель морщился, а называя того, кому не грозит попасть в ад для двоечников,— слегка улыбался. Улыбнулся он ровным счетом три раза.

Поручив одному из своих любимчиков отнести список отсутствующих в кабинет директора, Ханкс принялся читать сегодняшнюю лекцию. Речь шла о размножении лягушки. Джим пытался внимательно слушать и даже записывать — как ни странно, тема его заинтересовала. Но у него болел желудок, кружилась голова, к тому же Ханкс обладал заунывным и одновременно скрипучим голосом. Закрыв глаза, Джим представил, будто он едет в запряженной волами телеге с немазаными колесами по плоской безлесной равнине. Вид нагонял на него дрему, но скрип колеса не давал уснуть.

Сидящий рядом с Джимом Сэм Выжак нагнулся к нему и прошептал:

— Сейчас засну. Почему б тебе не сказать ему, что он набит дерьмом? По крайней мере не умрем от скуки.

— А самому слабо? — шепнул в ответ Джим.

— Черт, да я же в этом ни фига не смыслю и смыслить не хочу. Устрой фейерверк. Выдай ему по полной!

Наступившая в классе тишина насторожила Джима. Выпрямившись, он посмотрел на мистера Ханкса. Старикан прожигал его взглядом, и все в классе дружно повернули головы в сторону двух приятелей. Сердце Джима громко застучало. Ну, приятель, ты добился своего!

— Итак, мистер Гримсон и мистер Выжак,— проскрипел Ханкс,— не желаете поделиться с нами своими соображениями по данному предмету?

— Мы ничего не говорили,— сказал Джим таким же скрипучим голосом. Надо же так глупо попасться! Старикашка наверняка сейчас выставит его дураком.

— Ничего, мистер Гримсон? Ничего? Значит, вы отвлекали меня и весь класс, всего лишь произнося бессмысленные звуки? Наверное, подражали обезьянам, от которых вы произошли?

Сердце Джима забилось еще сильнее, и желудок качнулся, переливая кислоту из конца в конец. Стараясь не подавать виду, он встал.

— Ну,— начал он и откашлялся, прочищая внезапно сжавшееся горло.— Нет, мы не подражали обезьяньему языку. Мы...

— Обезьяньему языку? — переспросил Ханкс.— У обезьян нет никакого языка!

— Ну, я хотел сказать... обезьяньим сигналам.

Сэм корчился от беззвучного смеха.

— Когда ваш обезьяноподобный сотоварищ оправится от своего припадка, можете продолжать,— Ханкс, прищурясь, глядел на них сквозь очки, будто астроном, только что открывший некий паршивый астероид, которому абсолютно нечего делать в этой точке пространства.

Сэм перестал трястись и закусил губу.

— Гхм,— снова прочистил горло Джим.— На прошлой неделе, помните, вы говорили, почему, например, э-э, собачьи и человеческие зародыши так похожи. Во всяком случае, на ранних стадиях развития. Вы объясняли, почему у человеческих эмбрионов имеются хвосты, то есть, по эволюционной теории. Сами вы, очевидно, в эту теорию не верите. Если Создатель сотворил все живые существа всего за пару дней, вы говорили, вы попытались объяснить, почему тогда у всех самцов млекопитающих есть соски, хотя они им не нужны, почему, э-э, у нелетающих насекомых есть крылья.

В горле у него пересохло — все смотрели на него. Когда он упомянул о сосках, некоторые захихикали.

— ...также почему у змей имеются рудиментальные... рудиментарные... конечности, хотя они им не требуются так же, как самцам соски, а нелетающим насекомым — крылья. Будь они созданы в один день, не было бы ни этих сосков, ни конечностей, ни крыльев. А вы утверждали, что крылья, соски и конечности были созданы ради симметрии. Господь, мол, был художник и сварганил свои создания симметричными.

Джим нарочно сказал: «сварганил», чтобы позлить Ханкса. К черту последствия! Теперь его голос окреп, и речь лилась без неуклюжих запинок.

— Но это «симметрическое» объяснение, прошу меня извинить, мистер Ханкс, звучит неубедительно. Оно не кажется логичным. Объясните мне, сэр, следующее. Если Создатель был таким приверженцем симметрии, почему же он не снабдил самцов также женскими гениталиями и наоборот? Почему у нас, мужчин, нет ваґин, а у женщин — пенисов?

Смех в классе. Мистер Ханкс не выдержал:

— Заткнись и сядь!

— Но, сэр!

— Я сказал, заткнись и сядь!

Джиму следовало бы радоваться — ведь он одержал победу. Но его трясло от ярости. Ханкс — точь-в-точь как отец. Проиграв в словесной битве, он отказывается слушать дальше, пускает в ход право затыкать рот, которое всегда используют старшие против младших.

К счастью, наступившую тишину прервал звонок. Ханкс выглядел так, словно его вот-вот хватит удар, однако он не велел нахальному ученику зайти к нему в кабинет после уроков. Джим тоже чувствовал себя не лучшим образом, но спустя несколько секунд, уже в коридоре, им овладело ликование, правда, смешанное с яростью. Он проучил-таки старого придурка!

Боб Пеллегрино и Сэм Выжак шли рядом с ним через толпу учеников.

— Что толку, если ты выигрываешь каждый спор с этим грязным старикашкой,— спустил его с небес на землю Боб.— Завалит он тебя, как пить дать.

Собственно, почему «грязный»? Неважно, насколько в действительности физически чисты старики — их загрязняет близость к смерти. Старуха Смерть — воплощение распада, и любой, кто рядом с ней, испачкан донельзя.

ГЛАВА 8

Наступил перерыв на ленч. У Джима не было денег на еду, а его гнев достаточно утих, чтобы он ощутил сильный голод. Сэм Выжак поделился с ним своим завтраком, а Боб Пеллегрино дал ему половинку сан-

двича с тунцом и кусок маринованного огурца. Джим еще больше остыл во время урока мистера Лама — английской литературы. Это был единственный предмет, по которому Джим имел приличные оценки — и все благодаря сочинениям.

Миновав пожилого охранника у дверей, Джим с Сэмом пошли в туалет. Там было людно, шумно и воняло. Около умывальников привалился к стенке Фрихоффер — «Брюхан» и его дружки, Долкин и Скарга, они передавали друг другу косяк с травкой, нисколько не боясь охранника. Фрихоффер был здоровяк выше шести футов, с двойным подбородком и брюхом, как воздушный шар. Иссиня-черную щетину на роже следовало сбрить еще три дня назад. Оба его приятеля ростом не вышли, но отличались очень широкими плечами, а их желтые шевелюры напоминали гадючьи гнезда.

Фрихоффер и его дружки сегодня отказались от своего промысла — вытрясать деньги из запуганных пятиклассников или тихонь постарше — только потому, что в уборной толпилось чересчур много народу. За четыре года учебы в Центральной Джиму по меньшей мере десяток раз приходилось отдавать им монеты. Правда, в последний раз, расставаясь с мелочью, он сказал Фрихофферу: «Больше не дождешься!» Кстати, в этом году им ни разу не удалось поймать его одного в туалете.

Облегчившись у писсуаров, Джим и Сэм пошли к выходу. Фрихоффер подставил ногу, Джим упал и стукнулся головой об дверь. Боль подействовала, как удар молотком по детонатору. Гримсон вскрикнул, с ругательством вскочил и развернулся кругом, замахиваясь кулаком. Он вряд ли сознавал, что делает. Кулак вошел в толстый живот. Смех Фрихоффера перешел в глухое кряканье, и Брюхан согнулся пополам. Скользя на красной волне ярости, как серфингист, Джим двинул Брюхану коленом в подбородок. Тот свалился на кафельный пол, но спустя мгновение уже стоял на четвереньках.

— Попробуй только тронь меня еще, рожа гнойная! — прорычал Джим.

— Бежим отсюда! — потащил его за собой Сэм.

Фрихоффер поднялся на ноги.

— Это тебе так не сойдет, говнюк!

Долкин и Скарга с мрачными физиономиями надвигались на него. Сэм потянул Джима за руку.

— Сваливаем скорей, Христа ради!

— Тут не место! — проревел Фрихоффер — Но если ты, Гримсон, настоящий мужик, то приходи после школы к «Прейвиту»! Я из тебя отбивную сделаю, если не сдрейфишь!

Джима начало трясти, но он нашел в себе силы говорить спокойно:

— Честный бой? Один на один? Только кулаки?

— Да! Честный бой! Только кулаки! Мне не надо ничего, кроме кулаков, чтобы размазать тебя по стенке, хиляк придурочный!

— Неохота руки об тебя марать, но я это сделаю, ты, куча дерьма,— пообещал ему Джим и не спеша покинул туалет. Сэм старался не отставать.

— Черт возьми, приятель! — проговорил он, когда они оказались в коридоре.— Что это на тебя нашло?

— Просто надоело терпеть этого засранца!

— С чего ты так взбесился? Опять-таки — где твои мозги, не станет он драться по-честному, и Долкин со Скаргой наверняка будут там и тоже на тебя налетят.

— Ну, а ты что сделал бы на моем месте? — прорычал Джим.

— Я? Не стал бы связываться.

— Ты пойдешь со мной или предоставишь одному с ними разбираться?

— Пойду, пойду,— заверил его Сэм.— Но советую позвать Боба и остальных. Чем больше нас будет, тем лучше, тебе наверняка понадобится поддержка. И кирпич прихвачу.

К концу занятий о предстоящей драке знала уже вся школа. Джим по-прежнему кипел злобой, но к этому чувству добавился еще и страх. Совет друга не связываться с Брюханом казался ему все более здравым. Однако отказываться от драки нельзя, тогда все сочтут его трусом.

Кондитерская-аптека Прейвита находилась в одном квартале от школы. Сопровождаемый толпой одно-

классников, Джим направился туда, в глубине души надеясь, что Фрихоффер не явится. Но нет — Брюхан стоял, подпирая жирным плечом стенку у задней двери, с зубочисткой в губах, словно все ему нипочем. А рядом с ним замерли в боевой стойке Долкин и Скарга.

— А вот и сортирный грабитель, гроза нужника! — выкрикнул Джим.

Начал он достаточно громко, но под конец фразы голос предательски сорвался. Джим остановился в десятке футов от Фрихоффера, а толпа образовала позади него полукруг. Боб, Стив и Сэм выступили вперед.

Брюхан презрительно ухмыльнулся, не двигаясь с места.

— Выродок, трепач.

Джим, отшвырнув в сторону портфель с книгами, завопил и ринулся вперед. Добежав до противника, он взвился в воздух, словно каратист из боевика. Надо сказать, это была его первая попытка использовать прием карате — теперь или никогда, победа или смерть. Тело его приняло почти горизонтальное положение, когда он врезал ботинком Брюхану по носу (на самом деле Джим метил в подбородок, но плохо прицелился). Однако и так получилось неплохо. Голова Брюхана мотнулась назад, из ноздрей хлынула кровь.

Джим упал — он старался сгруппироваться и все-таки тяжело рухнул на бок. Плечо пронзила боль. Несмотря на это, он все-таки встал и, нагнув голову, атаковал Фрихоффера, стремясь врезаться в живот. Его снова пронзила боль — на этот раз заломило шею. Фрихоффер охнул и согнулся. Атака оказалась неожиданной для него и обоих его дружков. Однако Долкин и Скарга быстро пришли в себя и кинулись к Джиму, еще не успевшему как следует отдышаться. Сэм Выжак драться не любил, тем не менее вступил в бой, не колеблясь ни секунды. Вынув из-под куртки кирпич, он двинул им Долкина по голове, и тот упал на колени. Скарга вытащил кулак из кармана куртки. Сверкнул латунный кастет; нападающий отвел руку назад, чтобы врезать Джиму по ребрам. Но тут подоспел Боб Пеллегрино и едва не снес Скарге челюсть. Пеллегри-

но с размаху пнул его в зад, а Стив Ларсен прыгнул на Скаргу и придавил к земле.

Брюхан, как выяснилось секунду спустя, отнюдь не вышел из строя. С ревом бросившись вперед, он налетел на Джима, обхватил его руками и повалил на землю. Затем Фрихоффер встал и отвел ногу назад, собираясь пнуть своего противника. Джим успел очухаться, поэтому лягнул первый, попав Брюхану в пах. Тот с воплем согнулся и исторг из себя желтую рвотную струю. Джим едва успел откатиться в сторону, но зловонная жидкость попала ему на волосы и левую сторону лица.

Неожиданно раздавшийся вой сирен объявил о прибытии полицейских, и большинство собравшихся поспешили покинуть поле битвы.

ГЛАВА 9

Когда патрульная машина въехала в переулок, Брюхан хрипло грозился, рыдая и втягивая в себя воздух:

— Я тебя еще достану! Возьму у своего старика дробовик и вышибу твои свихнутые мозги, а полячишке засуну его кирпич в задницу!

Долкин и Скарга поспешили скрыться. Боб Пеллегрино и Стив Ларсен неохотно ушли, когда Джим сказал, что им не стоит выяснять отношения с полицейскими. Сэм отказался бросить Джима.

— Чушь собачья! — огрызнулся Джим. Он тоже задыхался, хотя и далеко не так сильно, как Фрихоффер.— Ты получил свое, морда рвотная! Увижу еще, как ты вытрясаешь деньги из какого-нибудь запуганного малолетки, сразу двину по мозгам!

Сэм чувствовал себя так, словно несся на гигантской волне прибоя. Эта волна вздымала его все выше и выше, еще немного — и он воспарит в фантастическую синеву неба, сливавшуюся с океаном. В драке ему удалось выплеснуть почти всю ярость, которая терзала его целый день.

Полицейские особенно к ним не придирались, спасибо Сэму. Один из них знал, что Сэм — племянник

Станислава Выжака, судьи, и Джона Красинского, олдермена. Оба патрульных отнеслись к инциденту просто как к жаркому спору между старшеклассниками. Им явно не хотелось разбираться в этой вонючей путанице, да и вообще близко подходить к Гримсону и Фрихофферу. Не добились они и правдивых показаний о причине стычки. Джим не стал ничего говорить о вымогательствах Фрихоффера и о его угрозах. Брюхан тоже подчинился неписаному закону: никого не закладывай копам. Итак, все закончилось устным предупреждением:

— Идите, ребятки, и больше не грешите. И Бога ради, постирайте свои вещи и помойтесь. Брысь! Брысь!

Один из полицейских добавил к напутственному слову следующее замечание:

— Гримсон? Где это я слышал... а, да... Я как-то забрал твоего старика за пьянство и нарушение порядка. Но было что-то еще. А, точно! Это не о тебе писали несколько лет назад? Будто бы у тебя были какие-то странные видения и кровь шла из ладоней и лба. Большую шумиху тогда устроили, правда? Одни думали, что ты святой, а другие — что у тебя не все дома.

— Я тогда был совсем мальчишкой,— мрачно отозвался Джим.— С тех пор все прошло. Да и в газете все сильно преувеличили. Им лишь бы сенсации...

Он сразу вспомнил доктора, который осматривал его после появления стигматов.

— Это просто чересчур активное воображение вместе с наклонностью к истерии,— объяснял Еве Гримсон старый Гудбоун.— Странные вещи, которые он видит, стигматы — все это можно объяснить и без привлечения сверхъестественного. Рядовыми подобные случаи не назовешь, но в медицинских журналах таких описано немало. Даже кровотечение — казалось бы, чисто физическое явление — может быть вызвано отклонениями в психике. Особенно когда речь идет о детях, подростках и истеричках. Вероятно, ваш мальчик станет вполне нормальным человеком. Надо будет только понаблюдать за ним. Не волнуйтесь.

Это должно было успокоить мать — и, вероятно, так и произошло, хотя она не скрывала своего разочарования. Ей-то казалось, что видения и стигматы — знак Божий, и Джиму суждено стать святым.

По рации поступил новый вызов, и патрульные поспешно уехали. Фрихоффер, что-то ворча себе под нос, поплелся прочь по переулку. Джим осмотрелся в поисках своего портфеля.

— О Господи, этого недоставало! Кто-то спер портфель!

Отец и так еле-еле раскошелился на учебники в начале семестра. Придется просить у матери. Нет, Эрик Гримсон потребует, чтобы Джим сам заплатил. А где ему достать денег?

* * *

Ева Гримсон еще не вернулась с Золотого Холма, когда Джим добрался до дома. Отец уже знал о случившемся. Джим попытался объяснить, почему он дрался, но Эрик Гримсон не обращал внимания на его слова. Сложив руки на груди, он стоял у входа в подвал, наблюдая за тем, как Джим снимал с себя одежду и засовывал ее в старую стиральную машину.

— Это лишний расход мыла, воды и газа, а счета и так достаточно высокие, хотя не могу утверждать, чтобы благодаря тебе особо увеличивался счет за воду. Можешь рассматривать это как ниспосланный свыше повод принять душ!

Джим решил сначала привести себя в порядок и только потом сказать отцу о пропаже книг. Но когда он без особого желания покинул свою комнату, выяснилось, что Эрика Гримсона уже нет дома. Наверняка папаша отправился в «Таверну Текса», где пропьет деньги, на которые можно было бы купить учебники. Кстати, Джим вспомнил, что собирался позвонить в забегаловку, где работал. Если он скажет управляющему, что в очередной раз заболел, то его, наверное, уволят.

Ну и что? А то, что другую работу найти будет непросто.

Но Джим обещал Сэму, что пойдет вечером праздновать Хэллоуин — кому захочется пропускать такое развлечение! Возможно, мать даст ему денег на карманные расходы. Хотя она и не станет жаловаться, под взглядом больших печальных глаз Джим почувствует себя попрошайкой, паразитом, кровососом, никчемным типом и действительно паршивым сыном. Ее молчание, жалкий вид, покорность и безразличие к собственной участи выводили Джима из равновесия гораздо чаще, чем вопли и проповеди отца. В сварах с отцом, по крайней мере, можно выпустить пар.

В доме стояла тишина, лишь порой слышались слабые стоны или негромкие шепотки. Эти голоса хотят предупредить людей наверху о грядущих крупных разрушениях в Бельмонт-Сити? Или, как в поэме Колриджа «Кубла Хан», он слышит «голоса предков, предвещающие войну»? Может, это тролли работают в заброшенных угольных шахтах?

Да, с головой у него точно не в порядке. Мысли, точно пули, не попавшие в цель,— отскакивают рикошетом, носясь повсюду, предлагая сотню сценариев, хотя реальным может быть только один. .

Джим сидел на стуле в гостиной, лицом к фальшивому камину, над которым на полке стояли статуэтки Девы Марии и святого Стефана, две ароматические свечи, пепельница, полная сигаретных окурков, и музыкальная шкатулка с пожелтевшими фигурками балерин на крышке. А еще выше висела большая фотография Рагнара Фьялара Гримсона, любимого дедушки Джима, умершего восемь лет назад. Рагнар, хотя и улыбался, выглядел таким же свирепым, как его тезка — легендарный предводитель викингов. Белая косматая борода спадала деду на грудь, из-под густых белых бровей, какие должны быть у Бога (если на свете есть Бог), на Джима смотрели пронзительные голубые глаза. Когда старик умер, его сын, Эрик, снял со стены большую картину, изображавшую Иисуса, и, несмотря на слабые протесты жены, повесил на ее место портрет своего отца. Надо же, какая замена, подумал тогда Джим.

Старый норвежец был настоящим мужчиной. Он путешествовал по морю и по суше, никогда не унывал, прочел много книг, цитировал Шекспира, Мильтона и древние скандинавские саги. Комиксы дед тоже любил и читал их Джиму, когда тот еще не научился грамоте.

Хорошо, что старик умер. Какое глубокое отвращение внушал бы ему теперь родной сын, а тем более — внук. Что же касалось невестки, Евы, то Рагнар никогда ее не любил, хотя всегда был с ней вежлив. Мать его боялась, а дед презирал людей, которым внушал страх.

Надо сказать, поначалу старого Гримсона беспокоили видения и стигматы Джима. Но вскоре он решил, что это совсем не обязательно признаки психического расстройства. Просто Джима коснулись Норны — это они дали ему второе зрение, и теперь Джим видит сокрытое от взоров других. Хотя Рагнар и был атеистом, он все же верил, или утверждал, что верит, в Норн, трех языческих скандинавских богинь. Дед брал ручонки Джима в свои огромные ладони и поворачивал так, чтобы белые пятнышки на ногтях мальчика блестели на свету: «Эти знаки викинги называли норнаспорами. Это дар Норн, в знак своей особой милости. Ты счастливец, и тебе будет сопутствовать удача».

Мало ли чего там говорил старый Рагнар о норнаспорах. Джим Гримсон — безнадежен, он — прямая противоположность герою. По утверждению школьного психолога, у него заниженная самооценка, поэтому он способен наладить отношения лишь с немногими из своих сверстников, такими же неблагополучными подростками, как и он. Джим также не умеет установить отношения с вышестоящими лицами, ненавидит власть в любой форме, не стремится к успеху. Сказав это, психолог добавил, что у Джима все-таки большой потенциал, и он вполне способен поднять себя за волосы. Это мало походило на правду, скорее на утешение.

Джим вздохнул и только теперь заметил, что вокруг что-то не так,— но лишь через минуту понял, что в доме стоит полная тишина. Он пошел на кухню и включил радио.

ГЛАВА 10

В 6.19, через час после захода солнца, Джим открыл окно и вылез наружу. Полчаса назад он поужинал тем, что украдкой принесла ему мать.

Ева Гримсон пришла домой на несколько минут раньше мужа и занялась ужином. Она попросила Джима убавить звук в радио, и он выполнил ее просьбу. У него так и не хватило мужества рассказать о своих дневных неприятностях. Эрик явился в полшестого, изрядно перебрав, о чем свидетельствовал багровый цвет лица и сильный запах спиртного. Первым делом он выключил радио, заявив, что не потерпит этого дерьма, когда он дома. А потом стал донимать Джима многочисленными придирками. Разумеется, он рассказал жене о телефонном звонке из полиции по поводу драки их сына с Фрихоффером-младшим.

Слово за слово — и вскоре отец с сыном уже осыпали друг друга оскорблениями. Мать молча стояла у плиты, повернувшись к ним спиной, опустив плечи, и только изредка вздрагивала. Наконец Эрик велел сыну отправляться в свою комнату, присовокупив, что ужина тот сегодня не дождется.

Вскоре в доме наступила тишина. Джим взял с полки потрепанную пожелтевшую книжку в мягкой обложке — «Франкенштейн» Мэри Шелли. Ему захотелось еще раз перечитать историю о монстре, созданном из частей тел покойников. Этот отверженный ненавидел людей и убивал всех на своем пути, включая собственного создателя — почти родного отца. Однако старомодные обороты речи сбивали его с толку, и в конце концов Джим бросил книгу на пол и принялся расхаживать туда-сюда по тесной комнате. В гостиной заорал телевизор — наверняка там обосновался папаша, и через несколько минут в дверь его комнаты постучали. На пороге стояла мать, держа поднос с ужином.

— Не могу я позволить тебе остаться голодным,— прошептала она.— Вот. Когда доешь, поставь под кровать, я приберу — ну, ты знаешь...

— Знаю. Спасибо.— Джим принял у матери поднос и поцеловал ее в потный лоб.

— Хотелось бы,— проворила мать.— Хотелось бы мне...

— Знаю, мама,— сказал он.— Мне бы тоже. Но...

— Все могло бы быть...

— Может, когда-нибудь...

Вот так они общались друг с другом — не договаривая фраз. Наверное, потому, что давление, оказываемое на них главой семейства, мешало высказать мысли до конца.

Джим закрыл дверь и с удовольствием принялся поглощать картофельное пюре с подливкой и поджаренную ветчину. Поужинав, он задвинул поднос под кровать и затем осторожно прокрался по коридору к ванной, чтобы привести себя в порядок. Что ж, теперь можно и отпраздновать Хэллоуин.

Проходя мимо окна гостиной, откуда доносились вопли участников очередного шоу, он пригнулся, не желая привлекать к себе внимания. Выйдя на тротуар, хорошо освещенный уличным фонарем, Джим увидел, что трещины на асфальте стали еще шире по сравнению с тем, что было утром. Хотя, возможно, ему это кажется...

Навстречу ему попалась компания ребятишек, нарядившихся ведьмами, демонами, скелетами, привидениями, дракулами, роботами; один из них раскрасил лицо и соорудил гребень из собственных волос — вероятно, он считал панков настоящими монстрами. Но больше всего Джиму понравился парень, изображавший гигантский мозг. Хороший образ — действительно, где, как не в голове человека, зарождаются истинные ужасы.

Ребята направлялись в их сторону, и поэтому Джим прибавил шагу. Хотя отец на звонок не выйдет, но мать может заметить его, когда с крыльца бросит по конфетке «Поцелуй Херши» в протянутые мешки. Разумеется, она ничего не скажет своему мужу, если тот не поинтересуется, где их сын. Тогда Ева Гримсон не станет скрывать, иначе святые, не говоря уж о нечистой силе, могут ее наказать.

Сэм Выжак ждал приятеля на крыльце своего дома, покуривая сигарету,— значит, его мать занята и не видит, чем занимается ее отпрыск.

* * *

Несколько дней спустя Джим сумел вспомнить лишь отдельные куски того, что происходило в последующие шесть часов — благодаря «черным красоткам», косякам с марихуаной, пиву, виски и «ангельской пыли», которую, кстати сказать, попробовал первый раз. До сих пор он, как бы велико ни было искушение, всякий раз отказывался от фенциклидина[1]. У троих его друзей от этой дряни начались конвульсии, а потом наступила смерть. Но потоп более легких наркотиков и алкоголя смыл весь страх.

Джим и Сэм зашли сначала к Бобу Пеллегрино и дождались Стива Ларсена и Дилларда, а потом все вместе набились в «плимут» Боба 1962 года. На пути в кинотеатр для автомобилистов «Родфеттер» Боб открыл «Белого мула», а Стив расщедрился и предложил всем шестибаночную упаковку «Будвайзера», которую ему подарил старший брат. К тому времени, когда компания с воплями и улюлюканьем подкатила к кинотеатру, они уже истребили полбутылки спиртного и все пиво. По кругу также прошел косяк марихуаны.

Джим опять-таки не помнил, сколько именно они там пробыли. В кинотеатре к ним присоединились Вероника Паппас, Сандра Мелтон и Мария Тамбрилл. Вероника была солисткой «Эскимосов», Мария — ее дублершей, а Сандра — менеджером группы. Между собой близкие друзья называли ее «чокнутая». Она довольно часто впадала в депрессию — и оказывалась глубже, чем на илистом дне Тихого океана, дальше, чем на мертвой холодной планете Плутон. Что касается сегодняшнего вечера, то Сандра пребывала в потрясающе разговорчивом настроении.

---

[1] Транквилизатор для животных. Очень мощный и токсичный наркотик.

Примерно в середине вечера, когда одни сидели на капоте «плимута», а другие опирались на него, Стив Ларсен достал откуда-то несколько кусочков сахара с ЛСД.

— Вот,— гордо сообщил он,— берег для подходящего случая. Сегодня как раз то, что надо — Хэллоуин. Полетаем на метлах вместе с ведьмами.

Джим позже вспомнил, как решил высказаться насчет галлюциногенного характера данного наркотика, хотя ему стоило труда выговорить это слово:

— ...короче, он вызывает видения, и ты оказываешься в четырехмерных мирах, где время сливается с пространством. Это такая жуть! Мне это ни к чему. Видения у меня и без того бывают, и не могу сказать, что они мне нравятся. Нет уж, спасибо.

— Это ведь не то, что героин или кокаин,— заметил Стив.— На него не подсядешь, никакого привыкания. Да и в любом случае, уже сколько лет у тебя не было видений!

— А, ладно, почему бы и нет? — махнул рукой Джим.— Что мне терять-то, кроме ума,— а его у меня все равно не наблюдается.

— Говорят, облетаешь всю Вселенную со сверхсветовой скоростью,— сказал Пеллегрино.— И на обратном пути встречаешь себя самого.

Джим подержал на языке сладкий кубик, а затем затянулся косяком с марихуаной. Они передавали его по кругу, а окурок Стив затем сунул в карман куртки.

Должно быть, как раз после этого кто-то предложил поехать к старику Думскому и опрокинуть его ветхий деревянный нужник. Это была старая хэллоуинская традиция, но успеха добились немногие.

Раньше ферма Думского относилась к округу, но с ростом Бельмонт-Сити вошла в черту города. Располагалась она в полумиле от главного шоссе, и ее окружала изгородь из колючей проволоки. Дом давно уже сгорел, и Думский жил в сарае. Городские власти какое-то время пытались заставить его построить новый дом с водопроводом. Но старый отшельник решительно отказывался и даже подал на них в суд.

У него имелась огромная собака — ротвейлер, которая разгуливала по ферме днем и ночью. С тех пор как Думский завел это страшилище, никто не пытался нарушить границу его владений.

— Есть у кого-нибудь тормозные капсулы? — спросил Джим.— Напихать горсть в гамбургер да скормить псу.

Это были последние здравые слова, сказанные им в ту ночь. Боб Пеллегрино купил большой гамбургер с луком, начинил булку дюжиной таблеток, и они помчались со смехом и визгом, набившись ввосьмером в «плимут», а приемник гремел во всю мочь. «День из жизни» — звуки этой песни, словно ртутная шрапнель, взрывались в их юных душах. «Битлы» спели ее двенадцать лет назад, когда Джиму было всего пять лет. Затем Боб Хинмен — диск-жокей, любитель старины — поставил «Мэйбиллен» Чака Берри, с которой, по его словам, начался рок-н-ролл.

Вероника сидела на коленях у Джима на заднем сиденье и возилась с его ширинкой, но что произошло, когда Вероника ее расстегнула, он забыл. Скорее всего, ничего. У него не вставало уже две недели, и все из-за депрессии.

Яблоневый сад Думского находился по ту сторону Золотого Холма. На дорогу у них ушло минут двадцать — так часто они попадали на красный свет. Потом автомобиль выехал на шоссе, и в свете фар по обеим сторонам дороги замелькали деревья. Джим все ждал, когда начнутся галлюцинации, но ничего не происходило. А может быть, эта окружающая его жизнь — одна сплошная галлюцинация?

Боб притормозил, но недостаточно быстро, поэтому они проскочили поворот к Думскому. Когда Боб подал машину назад и, развернувшись, покатил по грунтовой дороге, Санди предложила:

— А не выключить ли радио? Оно так громко орет, что и мертвого разбудит!

Но все дружно запротестовали, потому что Дилан как раз в этот момент пел «Улицу Запустения». Сошлись на том, чтобы убавить звук. Как только песня

закончилась, Боб выключил приемник, а секунду спустя — и фары. Лунного света, льющегося сквозь тонкие облака и в просветы между ними, вполне хватало, чтобы осветить им дорогу.

Машина медленно свернула с темного проселка и остановилась перед воротами в изгороди из колючей проволоки.

ГЛАВА 11

Надо сказать, Джим немногое помнил из того, что случилось после их отъезда из кинотеатра. Подробности ему сообщил Боб Пеллегрино, который не так накачался спиртным и наркотиками, как остальные, поскольку сидел за рулем.

Сарай зловеще чернел неподалеку от ворот. Если Думский сейчас там, то либо уже спит, либо плотно закрыл ставни. Ротвейлера не было ни видно, ни слышно. Что касается цели — сортира, то он находился футах в восьмидесяти от сарая, слева от них, то есть в некотором отдалении от дома, теперь напоминавшего могильный холм.

Все дружно вывалились из машины. Боб предостерегающе приложил палец к губам, но Косяк громко хлопнул дверцей и помчался к кустам у забора. Через некоторое время тишину нарушили не самые приятные для уха звуки — беднягу просто выворачивало наизнанку. И словно в ответ из тьмы по ту сторону изгороди донеслось глухое рычание.

Лихорадочно пошарив несколько секунд глазами во мраке, они увидели за воротами громадного пса. То, что он только рычал и едва вырисовывался в ночи, делало его еще страшнее. Пеллегрино, бормоча: «Ну вот, собачка! Хорошая собачка!» — медленно приблизился к нему и, подойдя к воротам, перекинул через них припасенный гамбургер. Через несколько секунд Боб обернулся и прошептал: «Готово, сожрал».

Санди Мелтон, кстати, добавила в гамбургер еще и ЛСД, а потом приставала ко всем с одним и тем же вопросом: интересно, какие галлюцинации будут у соба-

ки? Джим вспомнил это позже, а в тот момент ему стало вдруг очень смешно. Пес глухо зарычал, но затем, спотыкаясь, побрел прочь. Не пройдя и тридцати футов, ротвейлер свалился.

Створки ворот связывала тяжелая цепь, скрепленная большим замком. Джим перелез через ворота, затем помог перебраться Пеллегрино, а потом они вдвоем подстраховали Сэма Выжака и Стива Ларсена.

— Мать честная! — ахнул Сэм.— А сарай-то только что превратился в замок! Весь из стекла и бриллиантов, так и мерцает при луне!

У Джима зрительных галлюцинаций не было, зато он чувствовал себя так, словно ноги у него вытянулись, как у героя сказки о семимильных сапогах, и теперь он мог добраться до сортира, сделав всего один шаг. Однако вместо того, чтобы шагать, пришлось отвлечься: девушки отказались лезть через ворота.

— Надо о Косяке позаботиться,— сказала Санди Мелтон,— наверняка придется улепетывать, так не оставлять же его в канаве у забора!

— Ты права,— согласился Боб.— Ладно. Дело это не займет много времени, да вы нам ни к чему. Посадите Косяка в машину.

Они осторожно, стараясь не производить лишнего шума, направились по усыпанной гравием дорожке, что вела когда-то к дому. Не доходя до него, свернули, ориентируясь на вонь нужника. Тут на помощь им пришла выглянувшая из-за туч луна, и в ее неярком свете можно было разглядеть даже вырезанный на двери полумесяц.

Джим заплетающимся языком высказался по поводу того, что Боб, Сэм и Стив тоже добрались до уборной, сделав один шаг. Неужели у них тоже удлинились ноги? И тут Боб спохватился:

— А где Сэм?

Оказалось, что Выжак застрял на полпути между воротами и сортиром, он не мог отвести взгляда от сарая. Но кто тогда все время держался рядом с Джимом?

— Ладно,— решил Боб.— Без него обойдемся. Надо только не забыть захватить парня с собой, когда пойдем обратно.

Они зашли с северной стороны сортира и принялись втроем толкать его. Строение раскачивалось взад-вперед, оставаясь на месте.

— Черт, а эта штука тяжелая! — заметил Стив.— Надо ее расшатать, а потом навалиться что есть мочи!

Наконец нужник опрокинулся, и одновременно с этим послышался крик, а затем грохнул выстрел. Дробь рассекла листву ближнего дерева, Стив завопил и бросился бежать, а Пеллегрино, упав навзничь, толкнул Джима. Спустя мгновение оба они ногами вперед въехали в выгребную яму.

Дробовик загремел снова. До Джима слабо донесся визг девчонок, но Стив Ларсен больше не орал. После мгновения тишины послышалось рычание, и к ним в яму свалилась собака. Она плюхнулась прямо перед Джимом и Бобом, окатила зловонной жижей их головы и открытые рты, мгновенно погрузившись в экскременты, выскочила наверх, как пробка, и начала барахтаться.

Джим коснулся носками дна ямы — он надеялся, что это дно,— и теперь над жижей торчала его голова, Боб тоже сидел по самую шею. Но обезумевшая собака задела его, и он едва удержался, чтобы не нырнуть.

Позже Джим узнал, что ротвейлер довольно быстро очухался от наркотиков и прибежал к яме, куда то ли упал, то ли прыгнул.

Теперь им с Бобом приходилось из последних сил отбиваться от пса — мощные челюсти могли сдавить с шестисотфунтовой силой, а передние лапы, которыми он колотил,— поцарапать. Собравшись с силами, собака могла даже утопить их благодаря своей тяжести. Контролировать ситуацию едва ли получалось, поскольку лунный свет в яму не проникал, а глаза им залепило жижей. Потом Боба стошнило, а затем и Джима тоже вывернуло наизнанку. Хуже им от этого не стало — хуже быть уже просто не могло — но им все труднее удавалось уворачиваться от собаки, одновременно извергая из себя содержимое собственных желудков.

Наконец Джиму удалось схватить пса за уши, и он в исступлении погрузил его с головой в жижу. В этот

миг сверху сверкнул фонарик, и надтреснутый старческий голос заорал:

— Оставь пса в покое, не то пристрелю! Не трожь его, ты...! — и Думский перешел на польский.

— Не стреляйте, Бога ради! — крикнул Джим и отпустил пса. Тот выплыл, рыча и отфыркиваясь, но нападать на него больше не стал, а принялся бешено работать лапами, чтобы остаться на поверхности.

— Чертов дурак! — завопил Боб.— Ты ведь и собаку тоже убьешь!

Судьба ротвейлера мало волновала Пеллегрино, но у него хватило ума сообразить, что Думский вряд ли понимает, что может натворить выстрел из дробовика с теми, кто находится в этой тесной дыре.

— Не уходите пока! — предупредил Думский.— Я сейчас вернусь.

— Ну, разумеется, только ты нас и видел,— съязвил Боб и не удержался от стона: — Господи, ну и вляпались!

Казалось, Думский не возвращался очень долго, хотя, возможно, прошло не больше двух минут. Пыхтя и тяжело дыша, старик опустился на колени рядом с ямой. Потом что-то слегка задело Джима по лицу — веревка!

Вдали, но все же достаточно громко, перекрывая крики девушек, послышался вой сирены — сюда ехала полиция.

— Обвяжите собаку веревкой! — потребовал Думский.

— А мы? — завопил Боб.

— Сначала собаку!

— Да ты в своем уме? — выкрикнул Джим.— Как мы это сделаем? Он же нам руки откусит!

— Вытащи нас отсюда! — продолжил Пеллегрино.— Мне дышать нечем! Я задохнусь здесь! Говорят тебе, я умру, если не выберусь отсюда сию минуту!

— Так вам, засранцам, и надо. Обвязывайте собаку, тогда, может, и подумаю насчет вас.

— Мы подохнем тут! — взревел Боб и поперхнулся — животное забарахталось, и экскременты попали ему в рот.

— Обвязывайте собаку! — завопил в ответ старик.— Да побыстрей с этим, а не то уйду, и подыхайте здесь!

Тем временем сирена, завывавшая уже совсем близко, смолкла. Хлопнула дверца машины, и мужской голос что-то прокричал. Думский, не долго думая, скрылся в темноте.

Снова прошла целая вечность. Потом Джим услышал приближающиеся голоса: судя по всему, Думский отпер ворота и впустил полицейских. Никогда еще Джим так не радовался появлению копов. Лишь бы вылезти из ямы — а там будь что будет.

Мощный фонарь осветил яму. Давясь от смеха, патрульный позвал:

— Бога ради, Пит, иди сюда! Такого ты еще не видал!

— Вот это да, ребята, вы по уши в дерьме!

Полицейские ушли и после очередного долгого промежутка времени вернулись вместе с лестницей и Думским. Как только лестница была опущена в яму, Джим и Боб попытались вылезти, но собака барахталась между ними и лестницей, не пуская их к ней.

— Надо вытащить собаку, а если парни вылезут первыми, кто же обвяжет ее веревкой? — Думский продолжал настаивать на своем.

— Мы туда не полезем,— заявил полицейский.— Можешь спуститься и обвязать ее сам. Но сначала выберутся мальчишки.

Лестницу переместили на другую сторону ямы. Джим так ослаб, что его руки скользили, когда он цеплялся за перекладины. Полицейские ему помогать не стали. Следом выкарабкался Боб и затем лег, тяжело дыша, рядом с ним. Думский, ворча, полез вниз по лестнице, которую снова переставили поближе к собаке, собираясь обвязать ее веревкой. Полицейские начали тащить ротвейлера, но тот, не успев и наполовину вылезти из ямы, попытался укусить одного из них. Веревку тут же отпустили. Думский заорал, потому что собака, падая, окатила его с головой. Наконец пса вытянули, Думский выбрался на поверхность одновременно с ним и сразу же потащил животное к сараю, где начал мыть его из шланга. Ротвейлер взвыл под струей холодной воды.

— Идите-ка тоже под шланг,— велел им полицейский по имени Пит.— Таких вонючих мы в патрульную машину ни за что не посадим.

Что касается остальной компании, то Сэм все еще пребывал в трансе: сарай казался ему Изумрудным Городом из страны Оз. В свете фар полицейской машины, стоявшей у сарая, сиротливой кучкой жались друг к другу девчонки. Стив, как видно, убежал, а Косяк так и остался в зарослях у изгороди.

Пит сходил к машине и вызвал по радио подкрепление, а его напарник, Билл, погнал Боба с Джимом под струю из шланга. Неожиданно пес кинулся на своего хозяина. Ночные события, наркотики и негодование на холодный душ совсем его запутали. А может быть, он отлично понимал, на кого нападает, так как просто не любил старика и сейчас решил посчитаться за все.

Так или иначе, ротвейлер повалил Думского и впился клыками в левую руку, сквозь рукав пиджака проступила кровь. Старик завопил. Полицейские, не сумев оттащить собаку, пристрелили ее. Думский, не долго думая, с отчаянным криком набросился на копов. В результате им пришлось надеть на него наручники. Затем Пит вызвал «скорую», а Билл начал поливать из шланга Джима и Боба. Мальчишки, приплясывая, пытались увернуться от струи.

— У нас же пневмония будет! — кричал Пеллегрино.

— Вам повезет, если отделаетесь только этим,— сказал Пит.

ГЛАВА 12

— В хорошую историю ты нас втравил,— сказал Эрик Гримсон.

— Джим, как ты мог? — тихо вымолвила мать.

Джим едва удержался, чтобы не ответить: «Запросто». Он сидел, кутаясь в одеяло, на заднем сиденье их «шевроле» 1968 года. С тех пор как полицейский окатил Джима холодной водой, его не переставала бить дрожь, а папаша из вредности отказался включить ото-

пление. Хотя Джим раз десять прополоскал себе рот в здании суда, во рту по-прежнему стоял вкус экскрементов. Да, как тут не поверить, что жизнь — дерьмо.

— Повезло тебе, что дядька Сэма — ночной судья,— ворчал Эрик.— Не то оказался бы в тюрьме. С тех пор как тебе стукнуло двенадцать, я точно знал — загремишь ты туда!

— Пожалуйста, Эрик,— тихо попросила Ева.— Не говори так.

Они ехали по пустынным улицам, мимо домов, что глядели на них темными окнами. Хэллоуин давно кончился, и все улеглись спать, хотя в этом районе мало кому надо утром вставать на работу.

С момента приезда полицейских к Думскому и до освобождения Джима под ответственность родителей прошло несколько часов. Сначала Джима и его друзей обыскали, затем велели по очереди дышать в трубочку. Экзамена на трезвость не сдал никто. Зачитав права, полицейские надели на них наручники, потом запихнули в две патрульные машины и отвезли в участок. Испытания продолжались: их препроводили в какую-то комнату, где взяли на анализ кровь и мочу. У Джима все плыло перед глазами, но он все же сообразил, что в крови у него наверняка есть следы наркотиков. Следующий час пришлось провести в камере, в ожидании судебного разбирательства.

Присутствующие в зале суда родители правонарушителей украдкой обменивались взглядами. Мать Джима плакала, и слезы капали на четки из розового дерева, которые она перебирала. А Эрик сидел с угрожающим видом, еле сдерживая себя.

Судья Выжак оказался высохшим лысым стариком с узким лицом, большим крючковатым носом, покрытым сеткой лопнувших сосудов. В дополнение к этому тощая шея, покрасневшие от виски глаза, черная мантия и сутулые плечи завершали облик настоящего стервятника. Однако, подумал Джим, судья скорее чувствовал себя канарейкой, увидевшей кошку. Против его племянника выдвигались несколько серьезных обвинений: нарушение границ частного владения, унич-

тожение частной собственности, пьянство, употребление наркотиков и так далее. Сэма также могли обвинить в пособничестве членовредительству, а если Думский умрет — судить как участника убийства. Все вышеперечисленные статьи — не шутка. Судья Выжак не мог просто так отпустить племянника и остальных длинноволосых выродков. Но если они получат по заслугам, обожаемая невестка миссис Выжак свернет ему шею, причем в буквальном смысле слова. От рук решительной женщины его спасло то обстоятельство, что все обвиняемые в правонарушениях были несовершеннолетними, это давало судье временную лазейку. Он прочел им суровую нотацию и отпустил под ответственность родителей.

По крайней мере, думал Джим, в число обвинений не входили хранение наркотиков и алкогольных напитков. Девчонки — молодцы, как только услышали вдалеке сирену, живо избавились от бутылок и капсул. Санди Мелтон обыскала Сэма Выжака и найденные таблетки закинула в заросли. Джим никогда не носил в карманах никаких наркотиков, а Боб Пеллегрино выбросил свои, еще находясь в сортирной яме.

Машина въехала на заляпанную маслом гравиевую дорожку к дому.

— «Дом, родимый дом»,— язвительно процитировал песенку Эрик Гримсон.— Что за семейка: безработный крановщик, богомолка-католичка, убирающая за богачами дерьмо, и никчемный хиппи, чокнутый тупица. Ладно, я еще стерпел бы рядом с собой тупицу, не будь он вдобавок чокнутым, и мог бы спокойно отнестись к чокнутому, не будь он еще и тупицей. Тюрьма — лучшее для него место. А эта смазливая дурочка, сестра его, родила двух ублюдков неизвестно от кого и теперь сожительствует с придурком, который в отцы ей годится. Этот мерзавец зарабатывает на жизнь гаданием по руке и чайной заварке да составлением астрологических таблиц! Живем в каком-то сарае, который в один прекрасный день провалится в Китай, туда ему, впрочем, и дорога! Ну, что я такого сделал, Господи?

— Богу до таких ничтожеств, как мы, дела нет.— Джим вылез из машины и с силой захлопнул дверцу.

— Джим! — не выдержала мать.— Зачем кощунствовать? Все и так достаточно плохо.

— Так ведь этот мерзавец, кроме сквернословия, ничего не знает! — заорал Эрик.— Ну почему, черт возьми, он не оказался в числе твоих выкидышей?

— Прошу тебя, Эрик, тише,— умоляющим тоном произнесла Ева,— ты разбудишь соседей.

— Разбужу? Ну и что из этого? Все равно они прочтут о твоем сыночке в газетах и все про нас узнают! Хотя, можно подумать, им ничего не известно...

Джим открыл дверь, а отец тем временем напустился на Еву — почему не проверила, уходя, все ли окна и двери заперты.

— Какая разница? — Джим криво усмехнулся.— Что у нас воровать?

Отец ринулся следом за ним и схватил его за плечо. Джим рванулся и взбежал по лестнице, оставив в руках отца одеяло.

— Может, у меня и было бы что воровать,— прокричал ему вслед Эрик,— если б не вы с матерью!

Джим поспешно заперся в ванной. Сначала он почистил зубы с солью и содой, взяв их из ржавого шкафчика над раковиной. Потом вычистил ногти, снял с себя мокрую одежду. Тем временем отец не на шутку разошелся: он орал, то и дело колотя в дверь кулаками. А Джим с удовольствием забрался под обжигающий душ. Прошло много времени, прежде чем он почувствовал себя чистым. Это наверняка еще больше обозлит отца — он так любит рассуждать об экономии воды и газа и, конечно, о том, какой грязнуля его сын.

Горячая вода сменилась теплой, но несмотря на это Джим все еще чувствовал пылающий у него внутри жар. Еще немного, и он засветится в темноте. Все сегодня шло вкривь и вкось — да и почти каждый день так бывало. Вкривь и вкось? — это еще мягко сказано. Скорее, одно унижение за другим. Позор за позором, провал за провалом.

Джиму не хотелось покидать влажный туман ванной комнаты. Как только он выйдет, к нему тут же прицепится отец. И на этот раз Джим определенно врежет папаше, независимо от того, ударит Эрик первым или нет. Так хочет, требует красное облако, сгущающееся у него внутри.

Гримсона-старшего снаружи не оказалось. Из кухни вместе с запахом кофе доносились голоса. Отец заметно сбавил тон, а голоса матери почти не было слышно. Может, старик успокоился, хотя подобное можно отнести к разряду маловероятных вещей.

Голый, прижимая к груди сырую одежду, Джим поспешно направился к себе в комнату. Закрыв за собой дверь, он швырнул одежду на пол и не успел снять с крючка пижаму, как за его спиной раздался грохот. Резко обернувшись, он увидел отца. Эрик сжимал кулаки.

— Оденься немедленно! — рявкнул он — Стыда у тебя нет!

От несправедливости оскорбления — в конце концов, отец же сам ворвался к нему без разрешения — облако гнева внутри Джима сжалось до размеров крошечного раскаленного шарика. Еще немного — и страшной силы взрыв унесет с собой Эрика Гримсона.

— С этой минуты все пойдет по-другому! — орал отец.— Либо подчиняйся, либо проваливай! А первым делом...

Он дико повел глазами вокруг, потом выхватил из заднего кармана складной нож, открыл его и принялся кромсать плакаты. Не успел Джим и рта открыть, как от «Лихих Эскимосов» остались одни клочья, и теперь Эрик атаковал изображение Кейта Муна.

— К черту все это дерьмо!

Раскаленный шарик рванул, полыхнув белым пламенем. Джим с воплем бросился на отца, схватил его за плечо, развернул лицом к себе и стукнул по носу. Эрик, пошатнувшись, отлетел к стене, не выпуская нож. Тогда Джим врезал ему кулаком в плечо, нож загремел по полу.

— Убью, гаденыш! — проскрежетал Эрик.

Джим тяжело дышал, а сердце колотилось так сильно, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Вдруг сквозь бешеную пульсацию крови в ушах прорвались странные звуки: словно щелкнул огромный замок, в котором поворачивался гигантский ключ, а затем заскрипела очень тяжелая дверь на ржавых петлях.

Пол вздрогнул, стены, казалось, двинулись навстречу друг другу. С потолка стала падать штукатурка, и белая пыль мгновенно покрыла голову и плечи Эрика, припудрив два кровавых ручейка, струившихся из носа.

В кухне кричала Ева Гримсон.

— Боже ты мой! — завыл Эрик.— Вот он, конец!

Дом снова качнулся.

— Вон отсюда! Вон! — Эрик, развернувшись, выбежал из комнаты.

Джим засмеялся. Сейчас дом провалится под землю, но, возможно; родители успеют... или нет? Но что бы ни произошло, это случится по воле судьбы, по воле Норн. Справедливость и заслуги тут ни при чем. А он останется здесь и уйдет на дно вместе с кораблем. Пусть земля поглотит его.

Что случилось дальше, Джим не помнил. Позже ему рассказали, что его родители смогли выбраться из-под ходивших ходуном стен. Соседи по обе стороны от жилища Гримсонов с воплями покидали свои дома. Весь район оживился: в окнах вспыхивали огни, слышались громкие голоса, детский плач. Вдали завыли сирены — это полиция и пожарные спешили на Корнплантер-стрит.

Ева Гримсон не переставая кричала, что кому-нибудь надо войти в дом и спасти ее сына. Желающих не нашлось. В отчаянии женщина бросилась к распахнувшейся двери, Эрик и еще двое соседей сумели удержать ее.

— Ты — трус! — бросила она в лицо своему мужу.— Будь ты настоящим мужчиной, то пошел бы за Джимом!

Вдруг в дверном проеме появился Джим, держа две свечи, по одной в каждой руке, которые освещали его лицо и обнаженное тело. Видно его было, однако, только до колен — дом настолько накренился, что пол ухо-

дил круто вниз от покореженной входной двери. Испуганный, побледневший, он что-то неразборчиво кричал и подпрыгивал, размахивая свечами, которые подобрал в комнате матери.

Увидев сына, Ева забилась, как раненая птица, в руках удерживавших ее людей:

— Свечи! Свечи! Он подожжет дом! Он сгорит, о, Боже мой, сгорит заживо!

Полицейские и пожарники к тому времени разогнали толпу, чтобы подъехать поближе к дому. Лейтенант пожарных и капитан полиции расспрашивали Эрика, но тот в ответ лишь нечленораздельно мычал.

— Свихнулся парень, совсем крыша поехала,— сказал капитан.

Непонятно, к кому относилась эта фраза — к испуганному до смерти Эрику или к обнаженному подростку в разрушающемся на глазах доме.

— Пожар! Пожар! Бога ради, спасите его! — кричала Ева.

Неужели свечи, которые она зажигала в честь Господа и всех святых, послужат причиной гибели Джима и ввергнут его на веки вечные в адское пламя?

Под ногами толпы шевельнулась земля, послышался треск — и дом еще глубже ушел под землю. Джим, пошатнувшись, упал с порога внутрь помещения.

— Вот сукин сын! — выругался лейтенант.— Придется кому-то лезть за парнем! — И огляделся в поисках добровольцев.

Между тем огонь в той части дома, что выходила к воротам гаража, разгорался все сильнее. Туда били струи брандспойтов, но пока без особого успеха. Скоро и соседний дом займется, если пожар потушат. Капитан не видел больше ненормального подростка, но тот явно подавал признаки жизни, выкидывая через порог статуэтки святых.

— ...вконец спятил!

И тут ему вспомнилось, что сегодня он уже слышал о Джиме Гримсоне — одном из накачавшихся наркотиками юнцов, которые опрокинули нужник старика Думского, причем двое из них провалились в дерьмо.

— Парень полностью одурманен,— сказал он, обращаясь к лейтенанту.— Мне известно, что он вытворял сегодня ночью. Ему же на благо пойдет, если он не сумеет оттуда выкарабкаться.

Заметив укоризненный взгляд лейтенанта, он добавил:

— Шучу, конечно. Но, честно говоря, не хочется из-за какого-то придурка терять своих ребят.

Лейтенант распорядился принести веревки и лестницу, нашлись и двое добровольцев. Чернокожий пожарник Джордж Диллард, отец Косяка, давно уже оставил надежду, что его сын станет адвокатом, и чересчур хорошо знал Джима Гримсона. Но, во-первых, Джорж был храбр. А во-вторых, если он спасет парня, то сможет подняться еще на одну ступеньку по лестнице, ведущей к более высокому званию и, соответственно, жалованью. Видит Бог, Диллард-старший в этом нуждался. Таких, как он, не очень продвигали по службе, несмотря на квоты равных возможностей и все такое прочее. Сопровождать его вызвался один буйный ирландец Метью Бойд, который страстно желал поучаствовать в спасении — проверить себя в настоящем деле.

Прежде чем двое спасателей добрались до входа в дом, обстрел фигурками святых и другими вещами (а в ход пошли тарелки, кружки и прочая кухонная утварь) изнутри прекратился. Сквозь треск огня, шум бьющей в дом воды и крики толпы донесся слабый вой Джима Гримсона.

Спасатели остановились, когда земля снова дрогнула под ногами и дом провалился еще на несколько дюймов. Из входной двери и окон с выбитыми стеклами внезапно повалил дым. Времени у Дилларда и Бойда оставалось в обрез.

Джим, скорчившись, лежал в углу гостиной, прижимая к себе руками и коленями портрет деда. Его заклинило между стеной и полом, которые едва ли не поменялись местами. Глаза его были закрыты, но губы беззвучно шевелились. Белая штукатурная пыль у него на лице и теле покрылась копотью. Еще несколько минут — и он задохнулся бы от дыма, если бы раньше

ше его не уничтожил стремительно распространявшийся огонь. Спустя тридцать секунд, как спасатели вытащили его наружу, дом окончательно провалился под землю, взметнув напоследок столб пламени и дыма. Все это выглядело так, словно разверзлись врата ада.

Джима отвезли в больницу «Веллингтон». Он пролежал без сознания два дня, но что послужило причиной — отравление дымом или состояние его психики — так и осталось неизвестным.

Когда Джим очнулся, то из всего пережитого вспомнил только видение, первое за многие годы. Он видел высокого обнаженного юношу, прикованного к дереву. А еще — руку, державшую огромный серебристый серп, похожий на вопросительный знак. Рука не шевелилась, но таила в себе явную угрозу, собираясь опуститься,— и у Джима не возникало никаких сомнений в том, что именно она отрежет.

ГЛАВА 13

8 ноября 1979 г.

На стене палаты Джима появилась большая пятиконечная звезда. Каждый из ее лучей состоял из пяти прикрепленных к стене скотчем мягких обложек. Верхний луч — это обложки разных изданий «Создателя вселенных», первой книги фармеровского «Многоярусного мира». Левый горизонтальный луч предназначался второй книге, «Врата Мироздания». Затем луч составили обложки третьей книги — «Личного космоса». Следующий — «За стенами Терры». А пятый луч звезды образовал «Лавалитовый мир».

Сегодня в третий раз Джим попытается проникнуть в многоярусную вселенную, а пятиконечная звезда станет его вратами. Большинство пациентов называли свои врата «мантрой». Другие — «оккультным знаком». Джим придумал слово «знатра», скомбинировав эти обозначения и, таким образом, сделав свои врата в два раза мощнее обычных.

Была половина девятого вечера. Джим потушил свет, но вывеска страховой компании через улицу достаточ-

но освещала комнату, чтобы можно было различить знатру. Дверь в комнату была закрыта. Хотя замка в ней не было, Джим повесил снаружи объявление, сообщив, что он «вратируется». За стеной Брукс Эпштейн едва слышно распевал заклинания на иврите.

Джим сел на стул рядом с кроватью и, уставившись в пустое пространство в центре звезды, тоже начал петь:

— АТА МАТУМА М'МАТА!

Снова и снова произнося эти слова, он постепенно увеличивал темп и повышал голос, направляя древнее заклинание в круглую белую пустоту:

— АТА МАТУМА М'МАТА!

Точно так же, как лазер собирает беспорядочные фотоны в направленный луч, так и заклинание превращает энергию слов в бластер, проделывающий отверстие в стене между двумя вселенными. Оно же является и средством передвижения через вселенную.

Джиму показалось, что бесшумный, но очень сильный ветер несет его к центру звезды, а потом и сквозь него. Он очутился в темноте, казавшейся очень холодной и одновременно — очень горячей. Странная темнота, а также овладевшее им чувство потерянности напугало Джима даже больше, чем его детские видения. Потеряв всякое мужество, он начал выгребать обратно против ветра, опасаясь, что не сможет попасть назад.

Потом что-то лопнуло, как чересчур растянутая резинка, и Джим очнулся на стуле в своей комнате — его била сильная дрожь, пот струился по телу. Часы показывали, что он отсутствовал две секунды. И все же его не покидало ощущение долгого промежутка времени, почти суток, проведенных в темноте.

Так закончилось его первое путешествие.

На следующий день во время групповой терапии он рассказал о своей неудачной попытке. Никто не осмелился насмехаться над ним или обвинять в трусости. Любого, кто попробовал бы это сделать, тут же прервал психотерапевт — куратор группы. Тактика многоярусной терапии не допускала, чтобы кто-то выражал недоверие к чужим рассказам. Это могло подо-

рвать веру в подлинность путешествия и тем самым замедлить или даже остановить прогресс в лечении. Кроме того, никому из пациентов в начале лечения не удалось избежать затруднений, разных по форме, но сходных по эмоциональному содержанию.

Следующий раз Джим сумел преодолеть панический страх, чтобы продолжить путь к цели. Темнота, холод и жара исчезли, ветер стал намного слабее. Его окружали стены из белого огня — силовые линии? — которые поднимались под разными углами из бездны внизу и опускались из неоглядного пространства над его головой, составляя головоломку из четырех, а может и больше, измерений. Однако Джим не мог постичь их многомерность. Его мозгу были доступны ширина, длина и высота, остальное находилось за пределами его восприятия. Задумавшись над этим, он чуть было не поддался своим страхам и не вернулся «домой».

И вдруг стены упали. Нет, не рухнули, а просто исчезли, растворясь в воздухе.

Джим оказался в одном из миров. Он не знал, откуда ему это известно — но ни секунды не сомневался в своих ощущениях. Чувство страха не покинуло его, зато к этому чувству примешалось слишком сильное любопытство, чтобы позволить ветру унести себя назад.

Хотя Джим все видел, он не ощущал собственного тела, превратившись, очевидно, в собственную астральную проекцию. Разве это имело значение? Сейчас важно то, что он проник из земной вселенной в мир какого-то Владыки и сейчас завис над планетой такой же формы и размера, как Земля, только солнце здесь было зеленое. (Позже выяснилось, что цвет неба по желанию Владыки меняется в зависимости от дня недели, причем в неделе — девять дней.)

Неожиданно Джим начал быстро опускаться, к счастью, его не оставляла надежда, что он держит путь к своей цели. Да, он предпочел воплотиться в Рыжего Орка. Но если можно выбрать образ и место для своих запредельных путешествий, возможен и выбор времени — разве это не логично?

Произнося свои заклинания, Джим мысленно сосредоточился на времени, уходящем на много тысяч лет в прошлое, надеясь оказаться Рыжим Орком в возрасте семи лет. А события, происходящие в романах серии «Многоярусный мир», будут иметь место гораздо позже. (Из всей группы только Джим отправился в прошлое, правда, у него не нашлось для Порсены вразумительных объяснений по этому поводу.)

Как и на Земле, если смотреть на нее из верхних слоев атмосферы, моря и континенты этой планеты были видны далеко не так четко, как на карте. Мешали также облака, но Джим все же различил приблизительно крестообразный по форме континент, к которому его тянуло, словно их соединял невидимый и тонкий, как нить паутины, трос. Он летел вниз, и земля неслась ему навстречу.

Спустя некоторое время Джим оказался над горной цепью, образовавшей гигантское кольцо вокруг равнины, в центре которой высилась громадная гора. Рядом с ее вершиной находилось относительно ровное плато с множеством рек и лесов. Джим сумел разглядеть скопления домов с коническими крышами, но был еще слишком высоко, чтобы увидеть людей или животных. Его внимание привлекло сооружение, настолько огромное и странное, что переполнявший Джима благоговейный трепет стал невыносимым. Девять громадных пилонов высотой в две мили загибались внутрь, словно слоновьи бивни. Внутри пилонов располагались три прозрачных площадки-этажа, самый нижний — в полумиле над землей. Его обитатели построили свои небольшие дома вдоль реки шириной по меньшей мере в две мили. Река вытекала из озера, образованного водопадами, бьющими из ртов огромных прозрачных статуй, расположенных вдоль краев нижнего этажа.

Второй этаж был меньше, чем первый, хотя его площадь составляла примерно семь квадратных миль. На нем, как и на нижнем этаже, разместились скромные жилища и несколько больших зданий. Джим заметил огороженные участки земли, где росли деревья, какие-то низкие растения или пасся скот.

Третий этаж занимал площадь всего в две квадратных мили. Джим разглядел дома и какие-то гигантские сооружения, назначение которых ему не было известно. Многие из них напоминали древние египетские храмы в Карнаке, однако статуи, располагавшиеся у их входов, не были похожи ни на египетские, ни на какие-либо другие земные скульптуры.

Наверху странного здания, там, где сходились загибавшиеся внутрь пилоны, сверкал зеленый изумруд. Этот камень потрясал своими размерами, но позже Джим узнал, что драгоценный самоцвет — лишь песчинка по сравнению с бриллиантом на одной из планет во вселенной Уризена, где он запруживал реку, рядом с которой Миссисипи показалась бы тоненькой струйкой.

Хотя изумруд отражал своими огромными гранями лучи солнца, создавая вокруг себя сияющий ореол, Джима этот блеск не ослеплял (он все видел, но не имел глаз, которые могли бы ослепнуть). Неожиданно камень вспыхнул, точно в пламени взрыва, и Джим оказался прямо перед одной из его граней, через которую проник внутрь... храма? И действительно, этот изумруд не мог быть не чем иным, как храмом.

В огромном помещении было темно, лишь в самой середине яркий луч из невидимого источника освещал пол. За пределами светового пятна возвышались статуи. Они образовали небольшую толпу, а также занимали ряды ниш в выгнутых стенах; на самом верху их уже было невозможно различить.

Это место внушало Джиму сильный страх. Какие чувства мог вызывать храм у семилетнего мальчика, стоявшего в центре храма, Джим не знал. Однако столь необыкновенное сооружение никого не могло оставить равнодушным. Кроме мальчика, которого Джим назвал про себя Орком, в храме находилось двое взрослых и некое существо, от которого исходила явная угроза.

Мужчина — отец Орка Лос — был высоким и красивым, со светлыми волосами и голубыми глазами. А статная, рыжеволосая и зеленоглазая женщина, такая

же высокая, как и Лос, была матерью Орка, Энитармон. По подолу ее прозрачной мантии тянулась голубая полоса, мантию Лоса украшала лиловая. Лос держал в правой руке курильницу, которой медленно помахивал взад-вперед, сопровождая этот ритуал торжественным пением на непонятном языке. (Хотя у Джима не было ушей, он все слышал.) Из курильницы струился оранжевый дым со смешанным ароматом миндаля и сладких яблок. Энитармон тоже участвовала в обряде, размахивая жезлом, украшенным большим необработанным камнем алого цвета.

Мальчик стоял неподвижно, устремив зеленые глаза к потолку, прижав руки к бокам — одна ладонь была сжата в кулак, другая открыта. Время от времени Лос прекращал пение и задавал мальчику вопрос. Однажды, когда Орк не сумел ответить, отец ударил его по лицу тыльной стороной ладони. На щеке у Орка появилось красное пятно, и на глаза навернулись слезы.

Джим почему-то ожидал, что Орк будет похож на него. Однако этот мальчик выглядел более коренастым, и руки у него казались длиннее. Нос у него был вздернутый, губы полнее, чем у Джима, глаза больше, подбородок не так выступал вперед, а волосы — черные (почему тогда его называли Рыжий Орк?). На нем не было никакой одежды, голову покрывала синяя повязка, испещренная странными символами, один из которых напоминал трубу. Может, это Рог Шамбариmена, о котором Джим читал у Фармера? Ведь именно с его помощью можно открыть все врата между мирами.

Отец и мать начали медленно кружить вокруг ребенка, двигаясь против часовой стрелки. Лос все так же размахивал курильницей, но задавал сыну вопрос, только когда оказывался перед ним. Джим видел, как дрожал при этом мальчик. Дважды он ответил правильно, на третий раз запнулся — и отец снова ударил Орка по лицу.

Женщина нахмурилась и открыла рот, словно собираясь что-то сказать мужу, но промолчала. Лос громко выкрикнул что-то.

Джим возненавидел этого мужчину. К тому же от вызванного сочувствием гнева его сознание помутилось, а для того, чтобы войти в Орка, требовалось спокойствие и самообладание. Джим не мог, конечно, знать, но чувствовал, что в таком состоянии он способен ошибиться во время процедуры воплощения.

Лос с размаху ударил Орка по голове рукой, держащей курильницу. Мальчик упал на колени, но не поднял опущенных рук — очевидно, тем самым он полностью провалил бы исполнение своей роли в церемонии. Энитармон не выдержала и обратилась к мужу. Лос прожег ее взглядом и произнес одно слово. Судя по всему, супруги вряд ли обменялись комплиментами.

Орк нетвердо поднялся на ноги и устремил глаза вверх, стараясь сдержать слезы. Из царапины на голове струилась кровь. В это же мгновение Энитармон с криком подскочила к Лосу и с размаху стукнула его по голове концом жезла. «Моя бы мать так не поступила»,— подумал Джим.

И тут его унесло прочь из храма, ввысь над горами, континентом, планетой, солнцем, обратно к вратам в его палату на Земле.

ГЛАВА 14

8 ноября 1979 г.

При следующем своем вхождении Джим не увидел больше пересекающихся многомерных стен. Вместо этого навстречу ему устремился огромный рой существ, попеременно вспыхивавших то зеленым, то красным. Существа были похожи на сперматозоидов с человеческими, злобно ухмылявшимися лицами. Правда, они не пытались ему помешать, а оказавшиеся у него на пути живо увильнули прочь — и Джим быстро очутился во вселенной Орка. Но еще до того, как прочесть заклинания, он решил, что вселится в Орка, которому уже исполнилось семнадцать лет.

Орк — высокий и очень мускулистый юноша — прятался за огромным стволом дерева, сжимая в левой руке древко копья. На голове у него красовалась си-

няя шапочка, как у Робин Гуда, с торчавшим сбоку алым пером. Кроме шапочки, короткой синей юбки-килта и сандалий, на нем ничего не было. На поясе в ножнах висели короткий меч и метательный топорик.

Прошло около часа, как перевалило за полдень. Небо — в этот день малиновое — было ясным, и солнце, тоже малиновое, пылало в вышине. Однако внизу, под кронами деревьев, чувствовалась прохлада.

Орк к чему-то прислушивался, но трудно было бы различить нужный звук среди шума лесной жизни, затем повернул голову. Лос и Энитармон вышли из тени деревьев позади него. Они тоже были одеты в одни только килты и сандалии и так же вооружены. Однако у Лоса, кроме копья и топора, имелся еще и пистолет с утолщением-луковицей на конце ствола — лучемет.

Джим снова ощутил приступ страха. Спроецировать себя в сознание Орка и, быть может, остаться в нем навсегда — значит, рискнуть повстречаться с неведомой ему до сей поры опасностью. Но он должен — или до конца своих дней на нем будет клеймо труса. Победа или смерть. Возможно, только смерть. Или, что еще хуже, Орк поглотит его. И тогда Джим навсегда останется узником в чужом теле.

Не имеет значения. Надо войти в разум Орка, стать им частично, но не целиком, Боже упаси!

И Джим сделал это. Секунду-другую он чувствовал себя так, словно упал в яму, наполненную овсяной кашей. Слизистая комковатая субстанция давила на него со всех сторон, ослепляя и оглушая. Мрак и омерзительное вещество, в котором он тонул, едва не заставили его повернуть назад. Но он беззвучно крикнул себе: «Вперед!» Пугающая жижа осталась позади, хотя мрак не рассеялся. У Джима возникло ощущение, словно он рухнул в бешено мчащийся поток тяжелой, как ртуть, жидкости и его стремительно несет по каким-то извилистым каналам под шум биения то ли гигантских крыльев, то ли огромного сердца.

Затем наступила тишина, сменившаяся слабым потрескиванием. Вокруг него посыпался дождь искр, ко-

торые становились все крупнее, пока не слились воедино в яркий свет. Джим обрел способность видеть, слышать, обонять и ощущать вкус — так он вошел в плоть и в мозг Орка, почти полностью стал им. Теперь требовалось некоторое время на освоение навыка управляться одновременно и с собственными мыслями, и с личностью Орка.

Вслед за отцом и матерью густую тень покинули Лувах и Вала — дядя Орка и его жена, посетившие их по настоянию Энитармон. Лос ради этого случая открыл врата между их двумя мирами на достаточно долгий срок. Гости возглавляли отряд туземцев — рабов Владык, следопытов и загонщиков. Кожа рабов была несколько темнее, чем у Владык, но только потому, что они больше времени проводили на солнце. Одеждой им служили набедренные повязки, тела покрывала густая татуировка, а в длинных темных волосах и продырявленных ушах топорщились перья. Единственным оружием рабов были бамбуковые духовые ружья, что выпускали стрелы с наконечниками, пропитанными парализующим веществом.

— Есть успехи, сын? — спросил низким, рыкающим голосом Лос.

— По-моему, один прячется вон в тех зарослях шинт,— ответил Орк.— Он ранен. Я его выследил по каплям крови, хотя кровотечение у него не слишком сильное.

— Это, должно быть, тот, кто убил двух рабов,— уточнил Лос.— Со всеми остальными мы уже расквитались.

Джим несколько изумился тому, что понимает речь Владык (или тоанов, как они сами себя называли). И хотя изумление не было ясно оформленным (надо сказать, что все его собственные чувства утратили остроту), все, что осознавал Орк, было ярким и четким. И сейчас он думал о Вале — как жаль, что у него не было возможности поговорить с ней!

— Оружие все еще при нем? — поинтересовался отец.

— Не знаю,— Орк покачал головой.

Добычей им служили туземцы, приговоренные своими же соплеменниками к смерти за тяжкие преступления. Время от времени Лос, когда ему наскучивали другие забавы, аннулировал приговоры и использовал осужденных в качестве дичи. Вот и теперь семерых опасных преступников доставили сюда, в джунгли, дали им копья и ножи и отпустили на волю. Выждав двадцать минут, Владыки со своей челядью отправились по их следам. Все они, кроме Лоса и Валы, имели при себе лишь примитивное оружие — для остроты ощущений. Отец и тетка Орка прихватили лучеметы на случай, если на охотников нападет хищный зверь или если преследуемый одержит верх в поединке с Владыкой.

— Кто хочет прикончить зверя? — крикнул Лос.

— Рад буду разделаться с ним,— ответил Орк. Он сознавал, что вызвался потому, что хотел завоевать уважение отца, хотя и не любил его. Но была и более веская причина — желание блеснуть перед теткой.

— Тебе нужно приобретать опыт,— кивнул, соглашаясь, Лос.— Ты пока что убил немного дичи, будь то человек или животное. Но, согласно правилам, возможность должна быть предоставлена нашим гостям. Неужели ты забыл?

— А мне бы очень хотелось увидеть, как сражается Орк,— сказала Вала.— Я пойду следом за тобой, племянник.

Боже, до чего они бессердечные, думал Джим. И какое хладнокровие! Однако, несмотря на свое отвращение, он одновременно испытывал те же чувства, что и Орк. Молодой Владыка, а следовательно, и Джим, сгорал от нетерпения. В то же время Орк (и Джим тоже) надеялся, что ничего плохого с ним не случится.

Сжимая в одной руке копье, Орк углубился в густые заросли, Вала старалась не отставать от него. Двигался он медленно, во избежание лишнего шума, и чувствовал, как по телу струится пот — таким сильным было напряжение. Еще бы — все преимущества на стороне преследуемого. Внезапно его нога наткнулась на что-то, и он остановился. На земле, наполови-

ну скрытое травой, лежало копье. Его обронил преследуемый, значит, он тяжело ранен. Однако не следует забывать об осторожности. Беглец мог бросить копье, чтобы направить мысли охотника именно в этом направлении, а сам затаился поблизости с охотничьим ножом в руке. Орк молча указал Вале на копье. Та кивнула в знак того, что поняла.

В лесу стояла необычная тишина: возможно, его обитатели следили за непрошеными гостями, стараясь определить, не опасны ли эти двуногие, прежде чем вернуться к своим делам.

Орк раздвинул рукой кусты. Вот она, добыча! Человек лежал на спине, закрыв глаза и прижимая рукой рану на плече; по пальцам медленно сочилась кровь.

— Хар? — окликнул его Орк.

Только сейчас он осознал, что преследуемый — его сводный брат. У Лоса было много детей от туземок; Хар в числе немногих получил доступ во дворец. Превосходный следопыт, он научил Орка всему, что сам знал о лесной охоте.

— Ты должен обагрить свой нож, племянник,— сказала Вала, подойдя к Орку.— Не подобает добивать его копьем. Подожди, сейчас я позову других. Они должны видеть, как ты это сделаешь.

Джим ощутил, как у Орка сжался желудок и к горлу подступила тошнота. Он знал, о чем думает этот юноша. Ему придется перерезать Хару горло и слизать с ножа немного крови. Добивающий добычу удар и вкус крови не были внове для Орка, и раньше он никогда не чувствовал к этому отвращения. Но теперь... Он любил своего сводного брата — насколько вообще мог любить любого леблаббия (так называли тех, кто не принадлежал к Владыкам). Лучше бы он расправился с отцом, чем с Харом!

Тем временем подошли все остальные, и Лос сказал:

— Надо же, оказывается, я Хара ранил! А честь убийства его достанется тебе... Чего только не бывает на свете!

— Ты его ранил, отец,— подтвердил Орк.— Иначе я его бы не догнал. Почему бы его крови не отведать тебе?

— Это не по-тоански,— нахмурился Лос.— Действуй.

Орк медленно обошел вокруг куста, не обращая внимания на то, что жесткие листья могут оцарапать его кожу. Остальные Владыки последовали за ним. Туземцы не двинулись с места — согласно традициям — если только их не позовут посмотреть, как убивают дичь.

Хар с трудом открыл затуманенные глаза и прохрипел:

— Привет тебе, брат!

Он никогда так не обращался к Орку — под страхом смерти, хотя все знали, что его отец Лос.

— Ты бессмертен или почти бессмертен,— продолжал Хар.— И все же тебя можно убить. Чем же ты отличаешься от меня, брат?

Орк еле сдержал дрожь — но Джим чувствовал, как бешено колотится сердце юноши. А если судить по мыслям Орка, то его поразила не дерзость Хара, а правда, заключавшаяся в его словах. Они пугали не меньше, чем молния в ночи, когда нет ни туч, ни грома.

— Действуй! — призвал Лос.

— Не могу,— Орк беспомощно повернулся к отцу.

Лос отпрянул назад, будто внезапно наткнулся на давно разложившуюся падаль.

— Не понимаю,— резко произнес он.— В чем дело?

Прежде чем ответить, Орк набрал в грудь побольше воздуха. Один только Джим знал, какое мужество потребовалось юноше для того, что он собирался сказать.

— Я не могу убить его. Он твой сын и мой брат.

Орком овладело странное ощущение: окружающие его предметы и люди казались расплывчатыми и неясными. Он чувствовал себя так, будто мир менялся на его глазах.

— Что? — в голосе Лоса чувствовалось явное недоумение.— При чем тут это?

Вала оглянулась и, заметив Шеона, главного следопыта, сделала знак подойти к ней. Он немедленно выполнил ее приказ.

— В чем повинен этот леблаббий? — Вала указала на Хара.

— Святейшая,— отвечал Шеон, глядя в землю,— он убил сына нашего вождя, застав его в постели своей жены. Хар утверждал, что сын вождя бросился на него первый с ножом и что он защищал свою жизнь. Но жена Хара говорит другое. Она засвидетельствовала, что ее муж не скрывал своего намерения убить их обоих. В любом случае он должен был обратиться в совет племени с жалобой. Наш закон не дозволяет убивать мужчину или женщину за прелюбодеяние. Хар мог убежать, если на него напали.

Вала повернулась к Орку:

— Вот видишь? Он заслуживает смерти по законам своего же народа.

— Так пусть они его и казнят,— сказал Орк.

— Это просто смешно! — выкрикнул Лос.— Ты глуп! Я не понимаю тебя! Он же не тоан!

— Он наполовину тоан,— спокойно ответил Орк, хотя внутренне (Джим чувствовал это!) был весьма далек от спокойствия.

— Это ничего не значит! — взгляд Лоса стал свирепым.— Убей его! Сейчас же!

— Неужели ты не испытываешь к нему никаких чувств? — спросил Орк.— Ведь он твой сын. Или это для тебя ничего не значит?

— Племянник, да ты не в своем уме! — не выдержал Лувах.— Что с тобой?

— Что-то ударило меня,— признался Орк.— Я не видел — только яркий свет ...это трудно объяснить.

— Сейчас тебя ударю я! — взвыл Лос и врезал Орку кулаком в челюсть, ошеломив его на несколько секунд. Когда в голове у Орка прояснилось, он обнаружил, что стоит на коленях.

— Напрасно ты это, Лос! — прошептала Энитармон, приблизившись к ним.— С мальчиком что-то неладно.

— Он не настоящий Владыка! Может, ты легла с каким-нибудь туземцем и забеременела от него?

Энитармон ахнула.

— Как можно говорить такие страшные вещи! — упрекнула Вала.

Юношу захлестнул яростный рев, родившийся где-то у него внутри. Оскорбление, нанесенное матери, словно выпустило из некой клетки все ту ненависть к отцу, которую Орк привык подавлять с тех пор, как себя помнил.

Неожиданно Орк оказался во сне, залитом ярко-красным светом. Он как будто находился вне своего тела и наблюдал за своими действиями. Вот, крепко сжимая нож, несмотря на полубессознательное состояние, Орк быстро поднялся с земли. Лос отступает, но недостаточно быстро, и лезвие вонзается на несколько дюймов в его левую руку. Лувах бьет Орка по голове тупым концом копья, и тот роняет нож, падает ничком, но переворачивается, чтобы лечь лицом вверх.

В это мгновение он снова обрел свое тело. Отец занес над ним копье, и мать с криком вцепилась в оружие. После короткой борьбы она вырвала копье из его руки и приставила острие к груди мужа.

— Не делай этого! — пронзительно закричала Энитармон. Было ясно, что она пустит копье в ход, если Лос попытается убить ее сына.

— Лос! — вмешалась Вала, голос у нее стал высоким и напряженным.— На вас же леблаббии смотрят!

Лос обернулся. Шеон, главный следопыт, поспешно направлялся к отряду туземцев.

— Свяжите его! — велел Лос, указывая на Орка, и затем достал пистолет из кобуры.— Вала! Пойдем со мной! Придется их уничтожить! Нельзя оставлять их в живых после того, что они видели!

— Думаю, Шеон единственный свидетель. А другим он не скажет.

— Я не хочу рисковать.— Лос покачал головой.— Они не должны думать, будто мы не лучше их!

Ему хотелось хоть кого-нибудь убить. Раз ему не дали прикончить сына, он перебьет леблаббиев. Может быть, в другой раз он послушал бы Валу. Но не теперь.

Вала прикусила губу, однако кивнула, соглашаясь.

Орка перевернули, и Энитармон связала ему запястья. Делая это, мать наклонилась к нему и прошептала:

— Не серди больше отца. Я постараюсь его успокоить.

— Он меня убьет,— ответил Орк.— Он ненавидит меня. И всегда ненавидел. За что, мать?

ГЛАВА 15

Орка приковали к валуну около главного дворца — один конец десятифутовой цепи был присоединен к стальной плите, вмонтированной в гигантскую глыбу кварцита, а другой — к браслету с шипами вокруг правой лодыжки Орка. Почти весь день его обжигало солнце, а ночью он не мог заснуть — мешали холод, сырость и жесткий пол. Раз в сутки служанка приносила ему еду и оставляла ведро воды для питья и омовения. Освобождая мочевой пузырь или кишечник, Орк как можно дальше отходил за валун. Другая служанка, опять-таки раз в сутки, убирала за ним.

Каждый раз в самый полдень из дворца спускались его родители, тетка и дядя. Лос спрашивал сына, сожалеет ли он о том, что так плохо вел себя. Готов ли он просить прощения и обещать никогда больше так не поступать? Но даже тогда наказание еще не закончится, добавлял Лос.

— Многие Владыки расправились бы за подобное непослушание на месте. Но я не хочу причинять горе твоей матери, да и Лувах с Валой тоже просили быть снисходительным.

— Не следовало тебе бить меня,— мрачно произнес Орк.

— Я твой отец! Поступать так, когда ты того заслуживаешь,— мое право и долг!

— Ты бил меня много раз,— напомнил ему Орк.— Казалось бы, за столько тысяч лет должен бы обрести хотя бы немного мудрости и любви. Но ты ничему не научился. Как бы там ни было, мой отец ударил меня в последний раз.

Лос молча повернулся и пошел прочь, зеленый плащ развевался за его плечами, желтое перо на широкополой шляпе покачивалось в такт шагам. Мать и тетка

задержались ненадолго, умоляя Орка склониться перед волей отца.

— Ты так упрям,— говорила Энитармон, и слезы текли по ее щекам.— Упрямство погубит тебя. Что я буду делать, если потеряю своего первенца?

— Убьешь Лоса и тем самым отомстишь за меня,— спокойно ответил Орк.— По-моему, тебе давно хочется это сделать. Не понимаю, почему ты до сих пор с ним. Разве нет других миров, куда ты могла бы уйти? Хотя бы к Луваху и Вале?

— Вижу, ты твердо решил умереть,— Энитармон поцеловала сына в щеку и ушла. Лувах, шумно вздыхая, последовал за ней, но Вала осталась.

— Я прокрадусь к тебе ночью и принесу одеяло и какой-нибудь еды.

— Не рискуй собой ради меня. Спасибо за то, что хоть ты меня любишь.

— Мать тоже любит тебя,— возразила Вала.— Ты же видел, как она бросилась на твою защиту, когда Лос хотел пронзить тебя копьем. Но у нее такой характер, что она не в силах противиться мужу, если ее не доведут до крайности — да и тогда ее бунт не длится долго.

— Что проку быть Владыкой, если ты не властен над собой, не в силах изменить характер?

— Некоторые менялись, однако не всегда к лучшему. Но большинство не способно переделать себя, это вопрос воли, а не биоинженерии. Разве ты позволил бы изменить себя?

Перед уходом Вала крепко поцеловала его в губы. Орк подозревал, что женщина хотела близости с ним так же сильно, как и он. А может, это проявление родственной любви, а он из-за своей молодости и неопытности принимает ее привязанность совсем за другое?

День все тянулся и тянулся, навевая тоску. Когда Орк расхаживал взад-вперед, волоча за собой цепь, звякавшую о слегка шероховатую поверхность прозрачного пола, его мысли тоже не стояли на месте — от планов побега до картин воображаемого убийства отца.

Наконец настала ночь. Взошла первая луна, два часа спустя на небе появилась и вторая. По представлениям Джима, смотревшего на мир глазами Орка, они были вполовину меньше земной Луны. И, разумеется, пятна на них были совсем другим.

Орк не сразу заснул, но когда его (и Джима тоже) разбудило чье-то прикосновение, ему показалось, что прошло не более пяти минут. Он с трудом различил лицо Валы.

— Я принесла тебе одеяло и еду,— прошептала она.— И не только.— Она показала ему какой-то предмет.— Лучемет. Не шевелись. Сейчас я перережу твою цепь.

— Не надо! — Орк печально вздохнул.— Спасибо, но я не могу позволить тебе рисковать собой. Если я убегу, отец проведет тщательное расследование, выяснит, кто это сделал, и убьет тебя!

— Не убьет, если ты успеешь расправиться с ним.

Вдруг неожиданно тихо охнула и упала, придавив Орку ноги. Над ними маячил какой-то силуэт, вне всякого сомнения принадлежавший Лосу. Вала, постанывая, попыталась встать.

— Лежать, вероломная шлюха! — приказал ей Лос.— Мне следовало бы убить тебя, Вала! Я понимаю, почему тебе жалко Орка. Я и сам когда-то любил его. Но ты предательски воспользовалась моим гостеприимством! Как знать, не замышляла ли ты помочь моему сыну убить меня...

Лос продолжал бушевать — смысл его речей заключался в том, что он, по милосердию своему, разрешает Вале и ее мужу вернуться в их вселенную. Но сделают они это сию же минуту и под конвоем. Вала больше не увидит Орка. С сыном он разберется сам, хотя они никогда не узнают, как он поступил.

Вала попыталась возразить, но Лос предупредил, что пристрелит ее на месте. Он еще минут пять продолжал обрушивать проклятья на их склоненные головы. Умолкнув наконец, он прижал небольшой цилиндр к руке Валы, женщина тут же лишилась чувств. А затем Лос ткнул цилиндриком Орку в грудь. Юноша потерял сознание, а вместе с ним и Джим.

Джим пришел в себя одновременно с Орком. От яркого солнечного света молодой Владыка зажмурился, и Джим почему-то последовал его примеру. Молодой тоан сидел, упираясь голыми ягодицами в скальный карниз, прислонившись спиной к вертикальному выступу скалы. Руки у него были связаны за спиной веревкой. Карниз заканчивался в футе от него, и далее вниз круто уходил горный склон, поросший примерно до половины высоты лесом. У его подножия тянулась река, петляя сквозь лесную чащу. По другую сторону реки высилась другая гора, ее вершину покрывал снег.

Небо было голубым — значит, Орк сейчас не в своем родном мире, если он только не пробыл без сознания больше двух суток.

На коленях у юноши лежал кусок пластика, исписанный четким почерком,— письмо от Лоса?

Ты на Антеме, в Проклятом мире. Если у тебя хватит мужества, то ты сможешь выжить здесь и найти дорогу к единственным другим вратам этого мира, чтобы покинуть его. Я даю тебе ключ, хотя мой недостойный сын его не заслужил. Врата находятся неподалеку от ориентира, похожего на нечто, что ты носишь на себе. Но тебе придется самому найти код, открывающий врата в твой родной мир.

Врата находятся на суше, что сужает территорию твоего поиска до пятидесяти миллионов квадратных миль. Хотя мне и следовало бы пожелать тебе всего наихудшего, не стану этого делать. Но учти, ты получил по заслугам.

Антема, Проклятый мир, созданный таинственными существами, что жили еще до Владык. Это они — творцы первоначальной вселенной, а затем и Владык, заселивших ее. Что касается Антемы, то она была столь грубо сделана, что Владыки считали ее первым опытом по созданию искусственных вселенных. Никто из Владык не пожелал тут жить, и очень немногие знали, как проникнуть сюда.

И что это еще за ключ, который носит Орк на себе? Ведь он же голый — но в это самое мгновение Орк ощутил на груди какой-то предмет. Он с усилием поднялся, нагнул голову и сумел рассмотреть круглый золотой медальон, один из отцовских, с выгравированным на нем именем «Шамбаримен» и рельефным изображением Рога, принадлежавшего этому легендарному человеку.

Какого же рода это ключ? Гора, похожая с виду на Рог? Зная хитрую натуру Лоса, следовало предполагать, что все отнюдь не так просто. Но сейчас Орку больше всего хотелось не размышлять по этому поводу, а освободить руки. Повернувшись спиной к тому монолиту, у которого он только что сидел, Орк опустился на колени и приблизил веревку к краю маленького выступа на камне. Эта поза была и утомительной, и болезненной, но попытка перерезать веревку оказалась удачной.

Орк стал спускаться по крутому склону. По этой громадной территории можно бродить тысячу лет и все же не найти нужного ориентира — не имея на самом деле представления о том, что ищешь.

Громкий визг за спиной заставил его замереть на долю секунды, потом мощный удар сбил с ног. Он услышал хлопанье гигантских крыльев. Боль от очень острых и больших когтей, вонзившихся в плечи, заставила Орка пронзительно вскрикнуть.

Джим Гримсон тоже перепугался. Он тоже услышал визг, ощутил, как когти вонзаются в тело, и заорал от боли.

Этот шок оказался слишком велик для него, и Джима унесло прочь гораздо быстрее, чем в прежние его возвращения на Землю. Он очнулся на стуле в своей палате — дрожащий, покрытый крупными каплями пота. Жжение от страшных когтей продолжалось еще миг, но потом прошло.

Несмотря на страх, Джим все же попытался вернуться в Орка, однако силы выгорели в нем без остатка. Прошло много времени, прежде чем он смог подняться со стула.

ГЛАВА 16

Сегодня члены группы как никогда были настроены на бурное выяснение отношений. Пациенты находили все больше поводов придираться друг к другу и легко обижались даже на самое невинное замечание. Может, в воздухе присутствовал какой-то микроб? Или они уже достигли определенной стадии лечения, где гнев и горькое разочарование оказываются ближе к поверхности?

Как всегда, досталось Джилмену Шервуду, девятнадцатилетнему парню с Золотого Холма. Почти все в группе либо терпеть его не могли, либо не доверяли из-за принадлежности к богатой семье. Он отвечал на все нападки слабой улыбкой или молчанием, и это отсутствие защиты еще сильнее злило окружающих.

Больше всех старался шестнадцатилетний Эл Мубер, у которого никогда в жизни не было денег, пока он не начал торговать наркотиками. Прибыльный бизнес продолжался шесть месяцев, потом Эла арестовали. Но обвинялся он только в употреблении и хранении, а не в продаже. Мубер имел особенно большой зуб против Шервуда, одного из своих бывших клиентов, так как подозревал, что именно он сдал его копам. Помимо всего прочего, он также утверждал, что Шервуд «голубой», и клеился к нему. Девочки же находили Шервуда божественно красивым и очень похожим на Пола Ньюмена. Он интересовался несколькими из них, следовательно, зачем ему нужен такой противный тип, как Мубер?

Запястья Шервуда до сих пор были забинтованы из-за глубоких порезов — он пытался покончить с собой. Джилмен хотел стать художником, но его родители воспротивились такому желанию. Еще когда Шервуду было три года, они решили, что он сначала окончит университет Огайо, а потом получит в Гарварде диплом юриста. После шести месяцев учебы в Огайо у Джилмена произошел нервный срыв. Три месяца он провел в санатории, потом отправился домой, наотрез

отказавшись вернуться в колледж. Родители, несмотря на предостережения семейного врача, продолжали наседать на него. И однажды ночью Шервуд воспользовался кровью из артерий для изображения на листе бумаги некоего кошмарного видения. В итоге он попал в группу многоярусной терапии Порсены.

Сейчас Мубер настойчиво пытался дискредитировать описания приключений Шервуда в образе Вольфа, героя, которого тот себе выбрал для подражания. Доктор Сцевола, который сегодня вел занятия в группе, пытался пресекать язвительные замечания Мубера, но тот не унимался. Тогда доктор сказал: или пусть Мубер подчиняется правилам, или его немедленно отправят в палату поразмышлять на тему «Меня выгнали из группы».

Мубер перестал нападать на Шервуда, хотя в течение всего занятия что-то бурчал себе под нос.

Джима Гримсона мало интересовало происходящее. Утром он пережил небольшое потрясение, когда увидел в столовой Санди Мелтон. Она сидела за столиком с группой легких шизоидов и, улыбнувшись ему, продолжила разговор со своей соседкой. Джим не знал, что Санди в больнице, тем более ничего не слышал о том, что стало с ней после того вечера у Думского. Он решил поговорить с девушкой, как только представится случай.

Кроме того, Джим не мог сосредоточиться еще и потому, что все время думал об Орке. Бедственное положение юноши и окружавший его мир казались Джиму более реальными, чем эта комната и люди в ней. Вряд ли им известно, что такое настоящие неприятности. Внезапно Джим осознал, что доктор Сцевола обращается к нему и все на него смотрят.

— Твоя очередь, Джим. Нам всем не терпится услышать, что случилось во время твоей последней экспедиции.

Джим сомневался в искренности его слов, так как полагал, что в большинстве своем члены группы слишком увлечены собственными путешествиями, чтобы их волновали чужие. Хотя... За короткий период пре-

бывания здесь Джим уже кое-что узнал о себе — а именно то, что часто приписывает другим свои чувства, хотя те ничего похожего не испытывают.

Групповая терапия до какой-то степени походила на заседания книжного клуба, на которых его участники обсуждают различных персонажей фармеровской серии, рассказывают о своем отношении к ним, а потом (здесь сходство заканчивалось) предлагают свои варианты разрешения разных ситуаций. Кроме того, члены группы оценивали, как избранный кем-то персонаж отражает личность и проблемы избравшего. Однако все это взаимодействие находилось под тесным контролем ведущего группу психотерапевта. Процессу не позволяли дойти до той стадии, когда члены группы начинали слишком резко критиковать друг друга.

Одна из трудностей, с которой сталкивались участники на данной стадии терапии, заключалась в требовании полного отчета о своих приключениях. Джим разделял это нежелание излагать все подробности. И теперь, в ответ на приглашение Сцеволы, он обрисовал свои похождения лишь в самых общих чертах, утаив многое, потому что считал эти детали очень личными. Если впустить других слишком далеко, то собратья-пациенты захотят захватить его, Джима, миры точно так же, как Владыки желали заполучить миры своих соседей.

Более того, Джим был убежден, что вселенные, в которых бывают все прочие участники, существуют только в их воображении, хотя описания бывают очень подробными. Вслух он, конечно, этого не говорил.

Джим закончил свой несколько сбивчивый, неуверенный рассказ. Где-то на середине он стал чувствовать, что все это больше похоже на выдумку. Кажется, и другие тоже смотрели на него с сомнением.

Чернокожая девушка по имени Моника Брэгг сказала:

— Твой отец, в смысле отец Орка, часто бил тебя, то есть Орка. Лос напоминает твоего отца, Джим, он также непредсказуем и неровен. Почти все время жесток и суров, но иногда бывает добрым и нежным,

каким и должен быть настоящий отец. Ребенка это сбивает с толку.

— Ты про какого отца говоришь? — решил уточнить Джим.— Про моего в этом мире или про отца в другом мире?

Моника улыбнулась, показав крупные белые зубы.

— Про обоих, глупый. Только этот Лос не во всем похож на твоего настоящего отца. Он красивый и могущественный правитель, а не безработный пьяница, как твой папаша.

— Моника! — мягко, но безапелляционно произнес доктор Сцевола.— Пожалуйста, воздержись от перехода на личности.

— Да, разумеется, док,— кивнула Моника.— Только... я ведь не сказала о его отце ничего такого, чего бы Джим сам не говорил. Я просто указывала на сходство Лоса и этой женщины, матери Орка — Энитармон? — с Гримсонами. Они в некотором роде их отражения, вам не кажется? И вообще, разве не в этом заключается весь смысл терапии? Наш мир и Многоярусный являются зеркальными отражениями друг друга. Только это кривое зеркало.

— Это один из аспектов,— согласился Сцевола,— но не стоит слишком задерживаться на параллелизмах, особенно если они довольно очевидны. Или ты что-то другое имела в виду?

— Может быть, именно различия важнее всего,— продолжала Моника.— Вот, например, мать Орка во всем подчиняется мужу, точно так же, как и мать Джима. Во всяком случае, до определенного предела. Но она красивая, сильная и способна дать ему отпор. Возможно, потом она взбунтуется и даже убьет Лоса. А это уже нечто такое, чего твоя мать никогда не сделает, правда? Или ты надеешься, что она когда-нибудь так и поступит. Верно, Джим?

— Откуда я знаю? — запальчиво ответил Джим.— Я, знаешь ли, ничего не выдумываю! Все идет своим чередом!

На какой-то миг наступила тишина, слышалось только бормотание Мубера.

— Конечно! — нарушил затем молчание Сцевола — Помните, мы ведь не книги сочиняем. Здесь все происходит по-настоящему. Существуют ли эти события у вас в голове или вне ее, все равно они есть. Мысль столь же реальна, как, э...

— Как пердеж! — выпалил Мубер и согнулся пополам от смеха.

— Да, и то и другое недолговечно, но тем не менее, реально в течение своего мига — будь то миг славы или миг вони,— согласился Сцевола.

— Миллионы отцов и матерей на земле более-менее похожи на моих родителей,— сказал Джим.— И в мирах Владык тоже такие попадаются. Ничего в этом нет странного. Кончай психологию разводить, ей-богу!

Тут неожиданно для всех заговорил Брукс Эпштейн — высокий тощий брюнет в очках в массивной роговой оправе. Хотя он тоже был с Золотого Холма, почему-то ему удалось избежать оскорблений, обрушиваемых на Шервуда. Отец Эпштейна тоже был раньше богат, но обанкротился и покончил с собой, поэтому у его матери едва хватило страховки на помещение сына в больницу «Веллингтон».

— Психологию разводить? — переспросил Брукс.— А я-то думал, мы здесь именно этим и занимаемся!

— Мы здесь для того, чтобы вылечиться и стать здоровыми, а не сидеть и анализировать поступки друг друга до бесконечности,— мрачно отозвался Джим.— Анализировать — все равно, что разбирать на части. А что потом? Нам никогда не собрать разобранное — как несчастного Шалтая-Болтая.

— Благодарю вас, доктор Фрейд,— съехидничал Эпштейн.

Прежде чем закончился сеанс, доктор Сцевола постарался пролить бальзам на потревоженные раны и охладить страсти. Но на сей раз его мягкость, рассудительность и стремление к компромиссу оказались бесполезными. Если одни пациенты были пока еще слишком застенчивы, чтобы осмелиться задевать других, то другие проявляли излишнюю злобу, и, кстати, персонажи, которых они выбрали, отличались надмен-

ностью и дурным характером. Так или иначе, психиатру приходилось воздерживаться от излишнего подавления молодых людей, в противном случае те могли стать неуправляемыми или утратить самоотождествление с персонажами Фармера.

Как бы агрессивно ни вели себя иные участники группы, делалось это исключительно напоказ. Их всех отличала низкая самооценка, поэтому одной из целей терапии — труднодостижимой — было обретение самоуважения. Однако чтобы начать уважать себя, пациентам требовалось на время стать кем-то другим.

Через несколько минут после окончания сеанса Джиму сообщили, что к нему пришел посетитель — Сэм Выжак. Доктор Сцевола был в тот момент занят, и разрешение увидеться с Сэмом пришлось спрашивать у доктора Тархуны. Он дал его по телефону, и Джим с нетерпением поспешил в маленький холл, предназначенный для посетителей, где у дверей его встретил санитар Дейв Герском — он наблюдал здесь за порядком.

Когда Джим вошел в холл, Сэм поднялся со стула. Он широко улыбнулся и пошел навстречу другу, бестолково размахивая руками. Они встретились на середине комнаты и обнялись. Джим был очень рад видеть Сэма, но невольно сморщил нос, почувствовав запах немытого тела и грязной одежды. С тех пор как Джим лег в больницу, он ежедневно принимал душ, а грязное белье передавал матери. Однако это личное дело Сэма, тем более, если бы не щедрость друга, ходить бы Джиму в больничной пижаме, халате и тапочках.

Когда они разомкнули объятия, Сэм перестал улыбаться и предложил сесть.

— Джим, мне надо с тобой поговорить. Я кое-что задумал, но, боюсь, тебе это не понравится. А может, и понравится, не знаю. Короче, я в тупике. Мне надо уехать, но на самом деле я этого не хочу.

— Куда уехать?

— В Калифорнию. А точнее, в Голливуд. Надо выбираться к черту из этой грязной дыры. Хожу в реабилитационный центр для токсически зависимых, ну,

для наркоманов. Суд покоя не дает. Судья говорит, что я должен исправиться, каждую неделю он получает отчеты из школы и от моих предков. Я все еще двоечник, хотя и лезу из кожи вон, стараясь исправить отметки.

Сэм прикрыл глаза пальцами и посмотрел на Джима сквозь них, словно через тюремную решетку. Голос у него дрожал.

— Джим, не могу я больше этого вынести! Хочу убежать, исчезнуть в этой Калифорнии. Не знаю, что я там, черт возьми, буду делать, скорее всего — на улице спать. Во всяком случае, какое-то время. Но гитару я возьму с собой. Может, устроюсь в какую-нибудь группу. А может, и нет. Великим музыкантом меня не назовешь, но ведь многих рок-звезд это не останавливало. Так или иначе, я хочу попробовать.

Джим помолчал. Сэм, опустив руки на колени, не сводил с Джима черных отчаянных глаз. Как будто надеялся на... на что? На то, что его старый приятель найдет какие-то мудрые слова, которые спасут его?

Джим махнул рукой. Этот неопределенный жест ни на что не указывал — разве что на полную безнадежность. Что может он, Джим Гримсон, запертый в психиатрическом отделении, одетый в чужое барахло, отчужденный почти от всех, кого он мог назвать по имени, за исключением доктора Порсены и нескольких пациентов? Как помочь другу?

К тому же он не мог не думать и о собственных планах, хотя и чувствовал себя порядочной скотиной — разве у него есть право беспокоиться о себе, когда друг в таком скверном положении? Несколько дней назад Сэм в телефонном разговоре предложил ему жить у них, когда тот перейдет на амбулаторное лечение. Они с Сэмом будут спать в одной комнате, вместе пользоваться вещами Сэма и вместе есть. Предложила все это миссис Выжак, она знала, что родителям Джима не на что содержать сына. Скоро Джиму исполнится восемнадцать, а тогда выдаваемое на него пособие перестанет поступать. Кроме того, Эрик Гримсон запретил ему даже показываться на глаза... А теперь, когда Сэм

уезжает, захотят ли его родители взять к себе чужого парня?

Джим откашлялся и медленно начал:

— Ты говоришь не с премудрым старцем с вершины горы и не с древним гуру, который все видит, все знает, поэтому может наставить на правильный путь, ведущий к здоровью, богатству и славе. Ты прости, Сэм, но я не знаю, что тебе сказать — разве только пожелать удачи. Я мог бы посоветовать тебе обратиться к доктору Порсене, но, наверное, придется долго ждать своей очереди. Мне чертовски повезло, что меня так быстро приняли сюда.

Сэм не ответил. Лицо его было непроницаемым.

— О Господи, Сэм, я хочу тебе помочь! Но не могу!

— Я ничего от тебя и не ожидал,— Сэм пожал плечами.— Нельзя же просить утопающего вытащить тебя из воды. Я просто решил рассказать тебе, что собираюсь сделать. А твоего благословения мне не надо.

— Черт возьми, Сэм! Я чувствую себя последним дерьмом! Я тебя подвел!

— Да какого черта,— отмахнулся Сэм, вставая.— Мама не откажет тебе, даже если меня здесь не будет. Может, она даже сильней тебе обрадуется. Ты же знаешь, забота о ком-либо — ее страсть. А еще она любит всеми командовать.— У Сэма дрогнул голос, и две слезинки скатились по щекам к углам рта.— Господи, когда мы были детьми — вполне счастливыми, знаешь ли, хотя дела обстояли не слишком хорошо — нам и присниться не могло, что все так обернется.

Джим обнял друга и осторожно похлопал его по спине. Сэм некоторое время всхлипывал, а потом высвободился из объятий и вытер слезы грязным носовым платком.

— Да уж, Джим! Нам кажется, будто мы взрослые и никто нам не нужен! Но когда приходит решающий час, мы оказываемся все теми же младенцами. Признаться, мне немного страшно. Я бы такое никому не сказал, кроме тебя. На самом деле совсем не хочется уезжать — но здесь просто невыносимо! В общем, прощай, Бельмонт-Сити! Привет, Калифорния! Мама вы-

плачет все глаза, но в глубине души будет, возможно, и рада избавиться от меня.

— Ты сможешь держать со мной связь, черкнуть иногда открытку?

— Если сумею стащить открытку и карандаш. С деньгами у меня не густо,— Сэм засмеялся.— Слушай, а может, все будет куда лучше, чем я думаю! Калифорния — рай, улицы там вымощены золотыми слитками, на деревьях растут сливочные рулеты, а старлетки просто мечтают о том, чтобы переспать с тощим тупым поляком без гроша в кармане. По крайней мере, задницу себе не отморожу, ночуя на улице, когда придет зима. И даже на помойке буду питаться лучше, чем теперь.

— Может быть, тебе стоит подумать,— пробормотал Джим.— Семь раз отмерь, и так далее.

И вдруг... Точно электрический ток, бегущий по его телу, сменил фазу и направился в противоположном направлении..

— Да нет, какого черта, Сэм! Я вовсе не это хотел сказать... Это же будет потрясное приключение и хоть какая-то перемена в жизни! Лучше день прожить как лев, чем всю жизнь — как собака! Ты же наверняка знаешь, что здесь у тебя никакого будущего нет. Поездка будет волнующей, она даст тебе надежду и безграничные возможности! Жалко, что я не могу поехать с тобой!

Сэм моргнул, словно Джима окружало ослепительное сияние.

— Что с тобой? — Он помолчал, потом добавил: — А почему б тебе не поехать со мной?

Джим покачал головой.

— Я бы рад... только...

— Только что?

— Надо быть в моей шкуре, чтобы понять, чем я тут занимаюсь. Это целый мир, который...

Как рассказать Сэму про вселенные Владык и свои приключения в образе Рыжего Орка? Как объяснить другу, что золотая Калифорния — сплошной свинец по сравнению с теми местами, где он, Джим, побывал и куда еще обязательно вернется?

— Ты всегда был странный, Джим, хотя мы и здорово ладили. Что, черт возьми, мог тебе дать этот шизовник? Мне бы точно он ничего не дал,— Сэм протянул руку.— Пока, приятель. Надеюсь, что мы еще встретимся — в другом, лучшем, месте.

Джим пожал ему руку. То, что Сэм ограничился рукопожатием, вместо того чтобы снова обнять его, означало, что его друг уже не чувствует себя настолько близким Джиму. Рано или поздно они все равно охладели бы друг к другу. Это произошло рано, вот и все.

— Ты поговори с моей матерью,— продолжал Сэм.— Она тебя примет, когда тебе понадобится дом. Придется многое стерпеть, но с голоду не помрешь. Главное, делай, что она говорит.

Сэм повернулся и, не оглядываясь, вышел.

— Счастливо тебе! — крикнул вслед Джим.— Мысленно я буду с тобой!

Сэм не ответил.

ГЛАВА 17

— А-а-а!

Крик твари, напавшей на Орка, слился с воплем юноши. Орк упал, увлекая таинственное существо за собой. Потом он перевернулся, и его противник на миг оказался под ним. Он обладал огромными крыльями, маленьким телом, очень длинной и тонкой шеей, большой головой с загнутым острым клювом. Обращали на себя внимание необычайно длинные ноги и когти — длинные, острые и кривые. Хотя существо напоминало птицу, перья у него отсутствовали.

Вдвоем — или втроем, если считать Джима — они катились вниз по склону. И хищника, и его жертву швыряло о камни; оба вопили от боли. Потом, врезавшись в основание большого валуна, они остановились. К счастью для Орка, в момент столкновения тварь оказалась между ним и камнем. Кости тела громко хрустнули, затрещали, ломаясь, перепончатые крылья.

Юноша попытался схватить птицезверя за тощую шею и сломать ее. У него не получилось, однако суще-

ство уже было наполовину парализовано: оно судорожно дергало ногами и мотало из стороны в сторону своей змеиной шеей, клацая клювом, крылья же оставались неподвижными. Через минуту чудовище в последний раз дернулось, и огромные желтые глаза остекленели.

Орк лежал не шевелясь, тогда как солнце скользило по дуге, пересекая голубое небо. Две твари, похожие на недавнего противника, кружили в вышине, очевидно наблюдая за ним. Пожалуй, надо успеть подняться до того, как они решат, что им пора обедать. А пока его израненное тело заслужило небольшой отдых.

— Добро пожаловать на Антему, в Проклятый мир! — пробормотал он.

Единственное преимущество этого места заключалось в том, что здесь Орк мог сколько угодно стонать и даже плакать. Никто не видел, как текут слезы по его исцарапанному лицу. «Кроме меня,— подумал Джим.— Но это неважно — пусть отведет душу. Мне тоже больно, ничуть не меньше, чем ему, однако я не могу плакать».

Да, он не мог плакать, но и терпеть эти муки больше не хватало сил. Еще несколько секунд — и Джим вернется в больничную палату, сбросив с себя это страдающее тело. Тем более что Орк не испытает ни боли, ни облегчения, если невидимый и неосязаемый спутник покинет его. Однако что-то мешало ему обрести столь желанную в этот момент свободу. Стыд? Нежелание чувствовать себя трусом, если он выберет легкий выход?

Пока Джим боролся с самим собой, Орк поднялся и медленно пошел вниз по склону. Каждое движение причиняло сильную боль, но несмотря на это Орк не останавливался. Он миновал каменную осыпь у подножия горы и углубился в лес, мгновенно в нос ему ударил смешанный аромат, который Джим распознал как запах ванили и арахиса. Деревья, напоминавшие высокие сосны с алыми кисточками на концах ветвей, стояли в окружении кустов, похожих на папоротник, но с бочкообразными стволами. Вокруг кустов рои-

лись насекомые. Наверное, их привлекала тягучая жидкость желтого цвета со своеобразным запахом, выступавшая у основания побегов.

На деревьях обитали крылатые млекопитающие размерами не больше летучих мышей, они устремлялись вниз, глотали насекомых и вновь взлетали отдохнуть на ветки. Один зверек пронесся рядом с Орком, тот поймал его на лету, оторвал крылья, голову и ноги и выпил кровь. Потом содрал ногтями шкурку и сунул тушку в рот. Медленно пережевывая мясо, чтобы не подавиться мелкими костями, Орк продолжал свой путь через лес.

Джима едва не стошнило (смог бы он это сделать?). В то же время он ощущал удовлетворение Орка — ему все же удалось хоть как-то утолить голод. И это чувство вскоре преодолело отвращение. К тому же его больше заинтересовали мысли Орка по поводу того, что, к счастью, молодых Владык обучали жить в дикой местности. Юноша и раньше много раз ел сырое мясо, но будь у него возможность развести костер, он поджарил бы себе еду, тем более что кремня здесь хватает. Орк сделает из него ножи, наконечники копий и стрел, топоры. А потом будет убивать этим оружием животных, построит плот и отправится вниз по реке.

Через восемнадцать дней Орк приплыл на своем плоту к широкому устью реки, за которым расстилалось море.

ГЛАВА 18

Впервые Джим открыл, что в Орка вселился кто-то иной, через два дня после того, как молодой Владыка разбил лагерь в устье реки. Почему возникло это странное ощущение? Тем более что никого не было в мозгу Орка вплоть до той минуты, когда Джим осознал, что не только он один разделяет мысли и чувства избранного им персонажа. В детстве не раз страх будил его среди ночи, и он пристально вглядывался в стенной шкаф, ожидая, что чудовище, прячущееся там, набро-

сится на него. Однако сейчас разница заключалась в том, что в темном чулане мозга Орка и в самом деле кто-то был, то есть воображение Гримсона не рождало никаких образов.

Тем не менее таинственный некто преследовал зловещие цели — от его незримого присутствия Джим испытывал такое чувство, словно он умирает от жажды в пустыне, а над ним кружит стервятник. Ничего не оставалась, как связать появление невидимки с голубой метелью, в которую Орк попал, когда ему оставался еще день пути на плоту до моря. Лазурные снежинки размером в ладонь принес ветер с верховьев реки. Несколько минут они падали так густо, распространяя вокруг сильный запах грецких орехов, что Орк не мог ничего различить в десяти футах от себя. Внезапно метель прекратилась. Снежинки не таяли, но к вечеру их почти не осталось — из лесной чащи нахлынула орда насекомых, птиц и зверей и принялась их пожирать. Юноша, глядя на них, тоже решил принять участие в пиршестве. На ощупь снежинки напоминали сушеные грибы, однако их вкус был ближе всего к отварной спарже — и Орк наелся до отвала. Наверняка в снежинках содержался какой-то вирус, который, оказавшись в организме, отнимает у носителя его индивидуальность и подменяет его сознание своим.

Чем больше размышлял об этом Джим, тем очевиднее становилось, что он не может объяснить себе появление этого своеобразного соперника. Следовательно, необходимо найти способ его побороть, причем если сражение произойдет, в поединке сойдутся исключительно он сам и этот некто. Кстати, пора как-то обозначить его в своих размышлениях, дать имя. Например, «мозг-призрак» — разве не удачный образ?

Через пять дней после того, как Орк разбил лагерь на берегу моря, он отправился на охоту. Три часа поисков — и вот уже стрела лежит на тетиве, готовая вонзиться в коричневый с черными пятнами бок антилопы. Но что-то спугнуло дичь, прежде чем Орк успел выстрелить. Антилопа умчалась прочь, огибая высокие кусты и перепрыгивая через те, что пониже.

Ругаясь про себя, Орк осторожно подошел к тому месту, где недавно паслась антилопа. Возможно, причиной ее поспешного бегства стал крупный и опасный зверь. Спрятавшись за кустом, Владыка сквозь ветки разглядел зверька, похожего на скунса. Помахивая пушистым черным хвостом, он рыл землю своими лопатообразными лапами с длинными когтями. Еда, которую искал зверек, находилась не глубже, чем в дюйме-другом под землей. При иных обстоятельствах Орк вряд ли стал наблюдать за ним, так как эта тварь питалась в основном падалью и экскрементами. Но на этот раз юноша был слишком поражен, чтобы почувствовать отвращение: зверек откопал себе на обед кучу фекалий, причем человеческих.

Значит, он не одинок на этой планете. Владыка резко обернулся, обводя внимательным взглядом лес у себя за спиной. Сердце сильно колотилось — но не от радости, а потому, что тот, другой, мог охотиться за ним. Орк успел мельком заметить, как за одним из деревьев мелькнул темный силуэт.

Юноша решительно направился в его сторону и прокричал:

— Я Орк, сын Лоса и Энитармон! Я здесь один! Нам незачем убивать друг друга! Я ищу выход из этого мира! Я ни с кем не сорился, кроме своего отца! Давай заключим мир! У каждого из нас будет больше шансов найти врата, если мы объединим усилия!

Ответа не было, и он решил, что темнокожий человек скрылся, как только понял, что его заметили. Как бы там ни было, Орк повторил свою речь.

Неожиданно ответ прозвучал откуда-то сбоку. Незнакомец говорил по-тоански с другими интонациями, но вполне понятно.

— Говоришь, ни с кем не ссорился, кроме проклятого Лоса?

— Это так!

— Больше здесь с тобой никто не застрял?

— Насколько мне известно, нет,— ответил Орк.

— Вложи стрелу обратно в колчан,— предложил незримый собеседник.— Я подойду к тебе, хотя и не очень

близко, и буду держать копье наготове. Но я тоже предпочел бы, чтобы мы стали друзьями.

С тихим шорохом раздвинулись кусты, и темнокожий незнакомец, сжимая копье, вышел ему навстречу. Он оказался заметно ниже Орка, но шире в плечах, с широким приплюснутым носом и толстыми выпяченными губами. Из-под облегающей меховой шапки выбивались блестящие черные, слегка волнистые волосы. Из точно такого же меха была сделана набедренная повязка. Талию стягивал кожаный пояс, на нем в кожаных же ножнах висели каменный нож и каменный топор.

Пройдя футов двадцать, он остановился, настороженно глядя на юношу темно-карими глазами, хотя его губы улыбались.

— Ты — Орк, сын Лоса и Энитармон,— сказал он.— А я — Йаджим, сын Нато и Окалитрон.

— Йаджим из Темнолесья? — переспросил Орк.

— Да, я Владыка мира Темнолесья — то есть был им.

— Так ты мой двоюродный прапрадед! — определил Орк.

— Это еще не обязательно означает, что мы друзья,— внес ясность Йаджим.— Как говорят во многих мирах, друзей можно выбирать, а родню — нет.

Не двигаясь с места, Орк вкратце изложил свою историю, не забывая посматривать по сторонам и быстро оглядываться. Возможно, Йаджим и не лжет, говоря, будто он один, но старинная пословица утверждала, что слишком доверчивый Владыка скоро станет покойником.

— Значит,— продолжал Йаджим,— ты сын необыкновенно прекрасной Энитармон и Лоса, Вечного Пророка, Владетеля Луны! Он носил эти титулы в том мире, которым правил до того, как переселился в свой нынешний, задолго до брака с Энитармон и твоего рождения. А вот моя история.

И он рассказал о том, как некая Владыка, женщина по имени Ололонь, нашла способ избежать хитроумных ловушек, которые Йаджим поставил во вратах, ведущих в его мир. Она чуть было не убила Йаджима, но тот сумел скрыться. Однако, преследуемый ею, про-

ходя через врата из одного мира в другой, он случайно оказался на Антеме. Случилось это сорок четыре года назад, с тех пор Йаджим искал врата, которые вывели бы его из Проклятого мира.

«Сорок четыре года!» — ахнул про себя Джим Гримсон. За это время Йаджим наверняка попробовал голубых снежинок, и теперь его телом и разумом управляет мозг-призрак. Так кто сейчас говорит с Орком?

Однако его рассуждения не совсем верны — мозг-призрак стал Йаджимом и, по сути, ничем не отличался от Владыки Темнолесья.

— Итак, племянник, ни один из нас не обладает чем-либо нужным другому. Если только ты не претендуешь на Антему! — Йаджим на несколько секунд залился громким смехом, заставив Орка гадать, уж не сошел ли его родственник с ума, так долго находясь в одиночестве.

Вытерев слезы тыльной стороной руки, Йаджим продолжал:

— Бери ее, если хочешь. Буду рад расстаться с ней. Итак, племянник? Откажемся от взаимных подозрений и будем действовать бок о бок, как товарищи?

— Насколько на это способны двое тоанов.

— Хорошо! Поцелуемся же в знак дружбы, не отыскивая при этом на спине друг у друга удобное место, куда можно вонзить кинжал!

Орку показалось, что дядюшкин поцелуй пожалуй слишком затянулся, к тому же вряд ли Йаджиму требовалось при этом держаться за ягодицы племянника. Возможно, Йаджим так стосковался по человеческому общению, что хотел подольше погреться о человеческую плоть, не говоря о вынужденном сорокачетырехлетнем воздержании.

По пути в лагерь Йаджим объяснил, что заметил Орка еще вчера. Однако вместо того чтобы кинуться к нему с распростертыми объятиями, остался в укрытии, собираясь еще немного понаблюдать за ним, прежде чем объявиться.

— Я попал сюда через те же врата, что и ты,— рассказывал Йаджим,— и провел сорок четыре года в бесплод-

ных поисках других врат, обследовав местность так тщательно, что помню все до мельчайших подробностей. Но на сей раз, поскольку у тебя при себе ключ — медальон Шамбаримена, у нас, возможно, есть неплохой шанс.

— Не видел ли ты здесь чего-нибудь, имевшего хотя бы отдаленную связь с рогом? — спросил Орк.

— Ничего. Впрочем, я не искал подобный ориентир. Теперь другое дело.

Ближе к вечеру они вместе отправились на охоту и через четверть часа уже подстрелили похожее на свинью животное с четырьмя клыками. Прежде чем приступить к ужину, Орк решил искупаться в реке. Ему действительно требовалось помыться, кроме того, юноша желал выяснить, можно ли и в самом деле доверять Йаджиму. Темнокожий Владыка вскоре присоединился к нему. Убедившись, что Йаджим, во всяком случае на данное время, и правда будет надежным спутником, Орк вылез из реки. Спустя некоторое время дядя последовал его примеру. Как только Орк нагнулся за своей одеждой, Йаджим вдруг громко захохотал — и казалось, что он никогда не остановится. Наконец, сумев успокоиться, он попросил Орка:

— Подожди, не одевайся пока.

— Почему? — удивился Орк.

— Тебе этого не видно! — Владыка Темнолесья снова залился смехом.

— Чего не видно?

— Ох, уж этот Лос! — веселился Йаджим.— Забавную шутку он сыграл с тобой. К счастью для нас обоих, Лос не предвидел, что ты встретишь здесь другого Владыку.

— О чем ты говоришь? Объясни толком!

— Тебе этого не видно! — повторил дядя.— Ты мог бы вечно блуждать по этому страшному миру и не знать, что...

— В конце концов, объясни мне, что происходит! — потерял терпение Орк.

— У тебя на спине карта! — выкрикнул Йаджим.— Начинается между лопатками и спускается почти до ягодиц!

Скаля зубы, он приблизился к нему. Орк по-прежнему стоял спиной — пусть дядя изучит карту, если она действительно таковой является. Юноша не был уверен в том, что отец не сыграл с ним жестокую шутку — возможно, эта карта заставит его блуждать по всей планете и в конечном итоге приведет туда, где никаких врат нет. Однако зачем Лосу рисовать фальшивую карту там, где сын ее никогда не увидит?

Вытерев спину племяннику куском мягкой кожи, Йаджим повернул его к солнцу.

— Да поразят печень твоего отца серебряные стрелы Элиниттрии! На спине, надо же... ха-ха-ха!

— Хоть сдохни со смеху! — прорычал Орк — Но сначала скажи мне, что там изображено. А еще лучше — нарисуй ее на песке. Потом я перенесу ее на пергамент.

Йаджим наконец перестал корчиться от смеха и снова встал за спиной у Орка.

— У самой лопатки — черная крошечная точка,— сообщил он,— рядом с ней нарисована стрелка. Полагаю, это врата, через которые мы с тобой попали сюда. От конца стрелки идет извилистая голубая линия, по обеим ее сторонам — черные треугольники. Наверное, это горы, образующие речную долину. Значит, извилистая голубая линия — это река, которая заканчивается несколькими волнистыми синими черточками,— должно быть, так обозначено море. Подожди-ка...— Йаджим несколько секунд молчал.— Я искал какие-нибудь словесные обозначения ориентиров, но здесь ничего подобного нет. Карта очень приблизительная, и руководствоваться ею трудно, но это все же лучше, чем ничего.— Он опять сделал паузу, затем продолжил: — Вот ломаная зеленая линия со стрелкой. Она ведет отсюда на север, поскольку дельта реки обращена на запад, потом поворачивает на восток, то есть в глубь материка. Здесь, на повороте, что-то нарисовано! Совсем маленький значок.— Спустя некоторое время Йаджим сообщил: — Похож на осьминога. Что, во имя Эниона, он обозначает?

— Узнаем, когда доберемся туда,— отрезал Орк.

Дядя почему-то раздражал его, хотя молодому Владыке полагалось благодарить всех богов за встречу с Йаджимом и обнаруженную им карту. В конце концов, когда они уже шли на север вдоль побережья, чаша терпения юноши переполнилась. Орк оборвал дядю, когда тот в очередной раз залился истерическим хохотом.

— Почему ты это делаешь? — резко спросил он.

— Что делаю? — недоуменно заморгал Владыка Темнолесья.

— Все время хихикаешь и взвизгиваешь, точно застенчивая юная девица, которую смущает общество красивого мужчины.

— Не замечал ничего подобного за собой,— помрачнел Йаджим.— А если и так, то лишь потому, что сорок четыре года пробыл один и мне не с кем было поговорить. У тебя тоже появились бы какие-нибудь чудачества,— заныл он,— если бы ты оказался одинок. Сорок четыре года! Только представь себе! — Помолчав несколько секунд, он попросил: — Не сердись на меня. Я только что встретил тебя после сорока четырех лет абсолютного одиночества, а ты уже кричишь на меня!

— Тогда прекрати этот бессмысленный смех. Смейся, когда случится что-то забавное.

— Постараюсь,— пожал плечами Йаджим.— Но после сорока четырех лет, когда каждую минуту...

— И про «сорок четыре года» тоже больше не сообщай! — взревел Орк.— Мне надоело слышать об этом! Теперь все закончилось! Ты больше не один!

После этого Владыка Темнолесья отзывался, если только племянник обращался к нему, и притом был немногословен. А дважды, внезапно обернувшись к Йаджиму, Орк обнаружил, что тот показывает ему язык и делает неприличные жесты.

— Тебе сколько лет? — воскликнул Орк, впервые подловив дядю на подобном поступке.— А ведешь себя, точно испорченный мальчишка!

— Ничего не могу с собой поделать. Прожив сорок четыре года...

— Не смей! Скажешь это еще хоть раз, клянусь — я тебя брошу! Можешь тогда пробыть один еще сорок четыре года! Хоть целую вечность!

Йаджим все-таки перестал упоминать о сроке своего пребывания на Антеме, зато начал часто жаловаться. Например, об ушибленном пальце на ноге он мог распространяться минут пятнадцать, с горечью вопрошая, почему жизнь так жестока к нему.

— Мой отец тоже обошелся со мной несправедливо и бессердечно,— прервал наконец его сетования Орк.— Но разве ты слышал, чтобы я жаловался на него? Так уж устроена жизнь. Терпи. Или измени свою судьбу.

— Да, но...

— Никаких «но»!

— Тяжелый ты человек,— вздохнул Йаджим. Глаза у него увлажнились, и он зашмыгал носом.— Не все мы такие каменные, как ты. Некоторые из нас настоящие люди, из плоти и крови, и с сердцем, способным чувствовать, в то время как твое...

Надо же, Орк мог бы с теми же самыми словами обращаться к нему, Джиму Гримсону! Он тоже почти всю жизнь жаловался на судьбу и жалел себя. И тут еще одна мысль молнией мелькнула у него в мозгу. Йа — джим! Или: я... Джим! Вот какое имя носил Владыка Темнолесья.

Неужели Йаджим — а значит, и все остальное — всего лишь фантазия? Подсознание подсказало ему имя и характер Йаджима, чтобы он увидел себя со стороны?

Внезапно Джим ощутил дурноту и одновременно — свою невесомость. Мир, на который он смотрел глазами Орка, заколебался и утратил четкость, свет померк. Джим почувствовал, что его уносит куда-то вверх — обратно на Землю? Но он, хотя у него не было рук, схватился за что-то — и удержался. Свет снова стал ярким, а все, что его окружало,— отчетливым. И при чем здесь имя? Этот мир — столь же реален, осязаем и опасен, как и его родная вселенная.

Через тридцать два дня после того, как Джим боролся со своими мрачными сомнениями, оба Владыки

добрались до места, помеченного на карте знаком, похожим на осьминога. Орк устало тащился вдоль берега по щиколотку в воде. Следом за ним шел Йаджим, на сей раз — молча. Все побережье было усеяно большими черными валунами футов по десять высотой. Орк как раз проходил между двух таких камней, лежавших футах в двенадцати друг от друга, и вдруг что-то ухватило его под водой за правую лодыжку, а затем с силой рвануло в сторону ближайшего валуна. Юноша, истошно вопя, опрокинулся на спину, и теперь его волокло по дну, в то время как зеленая вонючая пена заливала ему рот и глаза.

— Что с тобой? — крикнул Йаджим, а затем сорвал с пояса каменный топор и бросился к Орку.

Молодой Владыка перестал кричать, тщетно пытаясь освободиться от хватки твари, державшей его за ногу, но потом снова заорал — когда часть валуна, к которому его тянуло, скользнула вниз, и он увидел ряды зеленых зубов, заостренных, как у пилы, и гораздо крупнее львиных.

Из воды на миг показалось выгнутое коричневатое щупальце. Увидев его, Йаджим шарахнулся в сторону, сообразив, что камень — это растение или животное, которое намеревается съесть его племянника.

Снова завопив, Владыка Темнолесья взвился в воздух. Орк тем временем изловчился и, сорвав с пояса кремневый топор, принялся рубить тащившее его щупальце.

— Йаджим! Помоги!

Повернувшись, дядя бросился бежать и остановился, оказавшись на безопасном расстоянии.

— Трус! — выкрикнул Орк.

Однако ему стало не до Йаджима — когда второе щупальце обвилось вокруг бедра другой ноги. Тем не менее юноша продолжал рубить, пока не почувствовал, как ослабла хватка вокруг лодыжки. Находясь всего в нескольких футах от разверстой пасти, он перерубил второе щупальце. Путь по мелководью к тому месту, где в отчаянии приплясывал на одном месте Йаджим, нельзя было назвать легкой прогулкой, так

как все время приходилось уворачиваться от жаждущих добычи щупальцев.

— Убить тебя мало! — произнес, тяжело дыша, Орк и поднял топор, с которого стекала вода и густая зеленая жидкость.

Йаджим бросился наутек и не остановился, пока расстояние между ними не составило футов пятьдесят. Затем он повернулся и прокричал пронзительным дрожащим голосом:

— Я ничего не мог поделать! Сорок четыре года мне удавалось остаться в живых, только спасаясь бегством! Теперь это превратилось у меня в условный рефлекс! Но на самом деле я не трус! В следующий раз я проявлю себя лучше! Вот увидишь!

— В следующий раз? — заорал Орк.— Не будет тебе следующего раза!

— Ну, так убей меня! — пронзительно выкрикнул Йаджим.— Узнаешь тогда, что значит одиночество, когда не с кем словом перемолвиться! И в конце концов станешь таким же, как я! — Он замолчал, потом продолжил: — Я больше не подведу тебя, клянусь! Если это случится, то покончу с собой! — Владыка Темнолесья упал на колени и простер к Орку руки.— Умоляю тебя, не оставляй меня здесь!

Орк презрительно плюнул в его сторону, однако сказал:

— Ладно! Еще один шанс! Но не подходи ко мне — долго не подходи!

Он направился на восток, за много ярдов огибая валуны. Йаджим держался позади и в ту ночь не подходил к лагерю Орка. Юноша видел его в свете костра: дядя сидел в тени, прислонившись к стволу дерева. Утром Йаджим подошел к нему, улыбаясь как ни в чем не бывало.

ГЛАВА 19

Орк открыл глаза и ничего не увидел. Что-то забило нос, проникло в рот и давило на язык. Джим почувствовал это за несколько секунд до полного пробужде-

ния юноши, но его беззвучный крик, предупреждавший об опасности, конечно же, никто не слышал.

Орк попытался отодрать мохнатую и липкую массу, по вкусу напоминавшую чернослив. Сначала он катался по земле, потом встал и начал кружиться на одном месте, не прекращая бороться. Полупридушенные вопли Йаджима он услышал в тот момент, когда наткнулся на него. От толчка Орк упал навзничь и уже не старался встать, его страх тем временем перешел в настоящую панику. Если он не избавится от таинственного душителя, то через минуту-другую умрет.

Орк нашарил ножны с кремневым ножом (он всегда клал их на ночь рядом с собой) и просунул острие ножа под край клейкой массы, доходившей до его ушей. Когда половина каменного лезвия вошла под мясистый нижний слой, он поднял его. А затем повернул нож режущей кромкой вверх и рванул изо всех сил, прорезая мясистую массу насквозь. После этого Орк ухватил ее за края и с силой рванул. Нос, рот и глаза освободились, но от рывка юноше стало так больно, словно он содрал с кожи пластырь. Теперь он снова мог видеть и дышать!

Существо, которое чуть не послужило причиной его гибели, походило на кусок толстой ярко-зеленой ткани с густой порослью на нижней стороне. Глубоко дыша, Орк отшвырнул мерзкую тварь прочь и поспешил на помощь Йаджиму. Тот катался по земле, тщетно пытаясь оторвать от лица «душителя». Воспользовавшись ножом, Орк отковырнул тварь, она шлепнулась наземь, среди сотен таких же созданий. Повсюду, куда ни глянь — на деревьях и кустах, в реке — повсюду кишели ярко-зеленые растения. Или животные?

Владыка Темнолесья долго молча пыхтел; затем, проведя рукой по лицу, он уставился на свои пальцы.

— Ты меня порезал! — Он засмеялся.— Да и сам порезался.

— Ты когда-нибудь уже сталкивался с этими тварями?

— Нет, конечно! Разве я лег бы тогда спать, не прикрыв лицо!

— А голубых снежинок ты видел?

— Разумеется,— сказал Йаджим, вставая.— По меньшей мере раз десять. Неплохая еда.

Йаджим уже не человек, подумал Джим, мозг-призрак уже овладел им. Нечто, лишенное личности, обрело сущность и личность. Мистер Лам как-то сказал, что все люди — личности, но никто еще не сумел дать определение этому понятию. Существо, что теперь звалось Йаджимом,— во всех отношениях ничем не отличалось от первоначального Йаджима. Так, во всяком случае, считал Джим. Но сам факт оккупации Владыки мозгом-призраком почему-то вселял страх. Это потому, говорил себе Джим, что я начитался научной фантастики и насмотрелся фильмов ужасов, где почти всегда злой пришелец намерен поработить человека или овладеть его разумом. Однако существует что-то более зловещее, чем человек? Во всяком случае Гитлер, Сталин, Мао, Пол-Пот были настоящим воплощением зла, их на самом деле сложно считать людьми.

* * *

Двое Владык двигались дальше на восток по берегу реки. Теперь, располагаясь на ночлег, они закрывали лица, защищая нос и рот от зеленых тварей во время сна. В последующие два дня они не раз видели трупы животных, загубленных «душителями», как назвал их Орк. Зеленая масса разрасталась над гниющими телами, те существа, которые не сумели никого задушить, медленно высыхали, меняя окраску на коричневый цвет.

После этого случая Йаджим начал подолгу впадать в ступор, это состояние перемежалось неразборчивым тихим бормотанием, в то время как дядя испуганно озирался по сторонам. Орк несколько раз спрашивал Йаджима, о чем тот задумался. Владыка всегда реагировал так, словно его внезапно пробудили от очень глубокого сна. Он, моргая, тряс головой:

— Что? О чем ты?

Джим Гримсон полагал, что во время этих приступов говорит не Йаджим, а мозг-призрак. Может быть,

ему вспоминается прежнее существование до того, как он стал вирусом или еще кем-то, что содержалось в голубой снежинке. Кто знает, через какие фазы он прошел? Когда мы наблюдаем за бабочкой, нам не часто приходит в голову, что раньше она была гусеницей.

Прошло еще тридцать дней — хотя и не без происшествий. Зеленые душители им больше не попадались, однако путешественники видели их в другой долине, когда проходили через перевал. Однажды ближе к вечеру из отверстия в склоне горы вырвался какой-то тошнотворный газ, и двое Владык, попав в его облако, несколько часов мучились рвотой. Схожим образом газ действовал и на крупных животных — а все мелкие птицы и зверьки просто погибали.

Путешественники полагали, что они уже приближаются к тому месту, где находятся врата, если только Лос не солгал. Йаджим еще раз сверился с картой на спине у племянника.

— Знаки почти кончились. Эти волнистые скобки, наверное, обозначают вон то большое озеро.

Они стояли на вершине крутого склона. Милях в двух от них, у подножия, лежало огромное озеро, простираясь до самого горизонта. Лес подступал почти к самой воде. Примерно в двух милях к востоку водную гладь ограничивали вздымавшиеся ввысь утесы, которые тянулись, насколько хватал глаз.

— Придется или строить лодку, или лезть на те утесы и идти вдоль края,— сказал Орк.— Не самый легкий путь.

— Согласен.— Владыка Темнолесья продолжал рассматривать карту.— Очевидно, выйдя сюда, мы двигались в верном направлении. Последний знак, должно быть, указывает место врат. Это круг с крестом внутри, а над крестом множество тонких горизонтальных линий. Но... все по порядку. Как говорила Праматерь Всего Сущего, Манату Ворцион: «Кто забегает вперед, видит собственную задницу».

Через двадцать дней они соорудили лодку-долбленку, поставили мачту и сплели из травы парус. Еще столько же времени ушло у них на охоту — им требо-

валось закоптить и засолить достаточно мяса и насобирать орехов и ягод.

— Лос заставляет нас трудиться как каторжных,— злился Йаджим.— Надеюсь, он за это поплатится. Может, для начала содрать с него кожу живьем?

Орк улыбнулся. Только ему принадлежит это право — расправиться со своим отцом.

ГЛАВА 20

Двое Владык преодолели по их расчетам около трехсот миль с тех пор как переплыли озеро, но не встретили на пути ничего, напоминавшего символ на спине Орка.

Припадки Йаджима становились все чаще и продолжительнее. Выходя из них, он ничего не помнил, отказываясь признавать, что с ним происходит нечто подобное. Все это выдумки Орка, говорил он, племянник хочет свести его с ума. Орк однажды спросил, зачем ему нужно сводить своего спутника с ума.

— Все очень просто,— ответил Йаджим.— Ты сам — сумасшедший, поэтому предпочитаешь общество себе подобных.

Молодой Владыка понял, что продолжать спор бесполезно. Остается одно — следить за собственным дядей в оба глаза, чтобы он не предпринимал никаких опасных действий.

Джим Гримсон беспокоился еще сильнее, чем Орк. Йаджим должен умереть, причем именно здесь, на Антеме. Если он попадет в другую вселенную, то существо, что в нем живет, может расплодиться и начнет захватывать мир за миром. Правда, Джим понятия не имел, как он уничтожит Владыку Темнолесья.

Два дня спустя, примерно в полдень, Владыки поднялись на верх высокой гряды, тянувшейся сплошной стеной вдоль правого берега реки.

— Судя по всему, ориентир может находиться по ту сторону гряды,— сказал Орк Йаджиму.

У подножия скал начиналась равнина, тянувшаяся миль на сорок, с юга ее замыкала другая горная цепь.

Сочная трава привлекла внимание огромного стада животных.

— Смотри!

Юноша указывал на круглое строение милях в двух от подножья гряды и поблизости от маленькой речки. Оно сверкало на солнце, словно сделанное из стекла, и внутри него перекладины из такого же материала напоминали крест.

— Великая Матерь Всего Сущего! — вскричал Орк, ударив себя по лбу.— Какие же мы глупцы! Называем себя Владыками, а сами не умнее червей! Ну почему мы не обнаружили связь между тем, что изображено у меня на спине, с символом на медальоне? Ведь оба они изображают решетку в расширении Шамбариме-новского Рога!

Взвыв от радости, Йаджим схватил Орка за руки, оба пустились в пляс. Несколько раз они чуть не оступились на узкой плоской вершине гребня и наконец, тяжело дыша, угомонились. Орк сдвинул брови:

— Но ведь это искусственное сооружение! Я и не знал, что здесь живут люди!

— Я тоже,— кивнул Йаджим.

— Где же врата? Внутри здания?

— Должно быть.

Радостное настроение Йаджима сменилось мрачностью, и через несколько секунд он уже что-то бормотал себе под нос. Зная по опыту, что спутник автоматически последует за ним, Орк начал осторожно спускаться по крутому склону гряды. Камни выскальзывали из-под его ног, но он сумел удержаться. Йаджим тоже справлялся с ситуацией — какая-то часть его сознания не теряла бдительность.

На полпути вниз Орк удивленно вскрикнул и остановился. Йаджим, по-прежнему бормоча себе под нос, затормозил в нескольких футах над ним. Поросшая травой земля вокруг стада черных длиннорогих животных вдруг в десятках мест покрылась дырами, откуда выскакивали тощие существа серого цвета и скачками неслись к животными. Испуганное стадо бросилось бежать в другую сторону — к окаймляющему эту

часть равнины лесу. Однако из леса им навстречу уже мчались другие серые убийцы, и антилопы дружно повернули обратно на равнину. Прямо на их пути открывались другие люки. Из них выскакивали десятки охотников и, словно борзые, которых они на самом деле напоминали, неслись к обреченным животным, издавая громкий свист. Подбежав к краю испуганного стада, они стали выпускать из ртов длинные тонкие серые нити, которые взвивались дугой вверх, сверкая на солнце, затем падали на добычу и приклеивались к ней. Вскоре большинство антилоп валялось на земле, запутавшись ногами в нитях. Тогда охотники набросились на животных и стали рвать их зубами на части. Но некоторым антилопам все же удалось прорваться сквозь цепи загонщиков и ускакать прочь. Спустя некоторое время серые твари исчезли, должно быть вернувшись в свое логово через те люки, что находились в лесу.

— Эти звери пробираются к люкам по подземным ходам из того стеклянного здания,— предположил Орк, снова начиная спускаться.— Теперь мы знаем, как в него проникнуть, если смелости хватит!

Оказавшись на равнине, спутники обследовали один из люков. Орк поддел копьем круглую, частично заросшую сверху крышку, та беззвучно поднялась. Вокруг верха дыры шел обод, сделанный из твердого стеклянистого материала. Футах в трех под люком был устроен земляной помост, за ним круто уходил вниз наклонный туннель, затем становясь горизонтальным, его стены были покрыты тем же серым стеклянистым веществом.

Орк опустил люк на место. Затем спутники направились в лес, по пути наблюдая за тем, как звери отрывают от туш куски мяса и уносят их в люки. Эти твари были устроены гораздо сложнее собак, которых напоминали издали. По обеим сторонам рта торчали жвалы, как у насекомых, которые шевелились самостоятельно, независимо от движений головы,— они резали и кромсали мясо, а потом зажимали большие куски. Вокруг других кусков твари обматывали длинные

гибкие хвосты. Нагрузившись добычей, с мясом в зубах, жвалах и хвостах, звери прыгали в люки. У них были круглые, толстые, плоские уши и большие бледно-желтые глаза. Послушав несколько минут их свист, Орк пришел к выводу, что существа переговариваются с помощью своеобразного кода. Ему удалось насчитать семь комбинаций из длинных и коротких свистков.

— Они не дураки,— шепнул он Йаджиму.— Погляди-ка на их лбы. В этих черепах с избытком места для мозгов.

Йаджим кивнул. Он оправился от припадка уже на полпути через лес.

— Фантастические создания! — продолжал Орк.— Что-то среднее между собакой, термитом, пауком и обезьяной! Жившие здесь Владыки, создавая их, дали волю своему воображению! Говорю тебе, Йаджим, биология — самая увлекательная из всех наук! Давай назовем их — ибо все должно иметь название — «каманбуры» — свистуны.

Наконец путешественники, миновав лес, вышли к реке, и Орк заметил, что равнина имеет наклон по направлению к прозрачному строению каманбуров.

— Вот что мы сделаем: выкопаем канаву от реки до ближайшего люка. Когда мы затопим его, то вода наполнит туннели. Во время переполоха наверняка удастся проникнуть в гнездо.

— Выкопать канаву! — взвыл Йаджим.— Ты в своем уме? У нас уйдут месяцы на одно изготовление лопат, а потом и на саму работу! К тому же придется ковыряться в земле прямо на виду у каманбуров. Думаешь, они дадут нам нужное для такого дела время?

— А что у нас еще есть, кроме времени? — парировал Орк.— Или ты так занят другими делами?

Йаджим принялся бормотать, вспоминая о мягких постелях и еще более мягких женщинах, о восхитительной еде, крепких напитках и вызывающих экстаз наркотиках, о своих победах над Владыками других миров до того дня, как попал в эту кошмарную вселенную.

Орк не обращал на него внимания и думал о том, что лопаты можно сделать из кусков бычьего рога,

прикрепленных к основе из какого-то твердого дерева. Понадобятся еще корзины для переноски грунта. Однако не помешает как следует осмотреть гнездо камамбуров. Йаджим, ожидавший, что из люков вот-вот вырвется прожорливая орда, неохотно шел за Орком. Но твари не появлялись, хотя вскоре стало ясно, что людей вполне могли увидеть из строения. В его стенах имелись тысячи отверстий около полудюйма в диаметре. Сквозь них, видимо, внутрь поступало определенное количество свежего воздуха и света, они же служили камабурам для наблюдения.

В последующие несколько дней Владыки соорудили на дереве дом, в котором можно было спать, не опасаясь каких-либо хищников, а затем обследовали окружающую местность. К радости Орка, он обнаружил множество люков по ту сторону реки.

— Их туннели проходят под рекой! Значит, нам не придется рыть длинную траншею, мы предоставим затопить гнездо реке!

— Ты хочешь сказать, что нам придется спуститься в туннель под рекой? А как мы проломим обшивку, тем более что на грохот и стук тут же сбегутся камамбуры!

— Твое нытье у меня уже в печенках сидит! — взорвался Орк.— Не говоря уж о приступах безумия...

— Что еще за приступы? — ощетинился Йаджим.

Орк спустился в туннель, оставив крышку приоткрытой. Молодой Владыка надеялся, что это обеспечит приток свежего воздуха. Йаджим с ним не пошел.

— Там места не хватит для работы вдвоем,— отговорился он.— Да и в любом случае, это только разведка. Я тебе ни к чему. К тому же в тесном замкнутом пространстве меня порой охватывает паника. Это не значит, что я не пойду с тобой, когда мы попытаемся пробиться к вратам. Я сумею справиться, если нет иного выхода.

Орк осторожно полз на четвереньках по туннелю, он предусмотрительно надел наколенники и рукавицы, взял с собой зажженный факел и несколько запасных. Юноша уже определил расстояние от люка до

того места, где туннель глубже всего уходил под воду, промерив глубину реки. К его поясу был привязан тонкий сыромятный ремень. Когда ремень натянется, значит, следует прекратить двигаться вперед. Орк надеялся, что его расчет верен или по крайней мере близок к действительности.

Через почти невыносимо долгий промежуток времени ремень натянулся. Орк снял рукавицы, послюнил палец и поднял его вверх. Слабый ток воздуха как будто ощущался, но, возможно, ему это только кажется. Выдает ли он желаемое за действительное или нет, ему надо браться за работу. Орк достал из мешка деревянный держатель и, поставив его рядом с собой, вставил в него факел, затем, лежа, наметил одним из острых кремневых скребков квадрат на потолке туннеля.

Йаджим был прав. Грохот или стук наверняка привлекут сюда каманбуров. В конечном итоге ему все-таки придется воспользоваться каменным молотом. Скребок же производил не слишком громкий звук, который, как надеялся Орк, не дойдет до другого конца туннеля.

Существовал, конечно, риск, что какой-нибудь одинокий каманбур или даже целая стая направится как раз по этому туннелю. Ну, если так и произойдет, то от судьбы никуда не денешься.

Стеклянистый материал, достаточно твердый, оказался все же мягче железа. Крохотные осколки, поблескивая в свете факела, сыпались Орку на грудь. То и дело прерываясь, чтобы утереть пот с лица или попить воды из кожаной баклаги, он водил скребком по очертаниям квадрата. Факел, казалось, чадил все сильнее, и Орк почувствовал некоторую слабость. Смоченный слюной палец не улавливал никакого движения воздуха. Встревоженный, юноша вынул факел из стойки и пополз обратно ко входному люку в туннель.

Они с Йаджимом договорились о сигналах на случай опасности. Чтобы вызвать Орка из туннеля, Владыке Темнолесья следует дважды дернуть за ремень, затем сделать паузу и дернуть еще столько же раз. Орк

должен сделать то же самое, если с ним что-то случится, и Йаджиму сразу необходимо вытаскивать его за кожаный ремень. Орк дополз обратно до помоста — люк был закрыт. Конец ремня, который должен был держать Йаджим, лежал на помосте. Наверное, что-то случилось, раз дядя так поступил.

Орк дал факелу скатиться по наклонному полу туннеля, чтобы его свет не был виден из люка, и медленно приподнял крышку примерно на дюйм. Несколько каманбуров кружили у подножия дерева, на котором они с Йаджимом построили дом. С нижних ветвей свисали целые гирлянды блестящих серых нитей, выплевываемых этими тварями. Приподняв крышку еще на дюйм, Орк убедился, что до убежища им не доплюнуть. В окошке виднелось темное лицо его спутника.

Час спустя звери ушли. Орк вылез из люка, подошел к дереву и тихо спросил:

— Что случилось?

— Решили проведать нас,— ответил, слезая, Владыка Темнолесья.— Думаю, они прошли по туннелю выше по реке и сделали крюк через лес. Я вовремя заметил их и бросился к дереву. Извини, что не успел подать тебе сигнал, смог только захлопнуть люк. Надеюсь, что они не увидели, как я это делал.

— Надеюсь, удовлетворив свое любопытство, они оставят нас в покое,— со вздохом произнес Орк.

Через некоторое время он снова спустился в туннель и возобновил работу.

На следующий день Орк сначала дополз до другого конца туннеля, желая посмотреть, открыт ли там выход, и если закрыт, то можно ли открыть его со стороны туннеля. Бледный свет в круглом проеме и громкие свистки наверху дали ему понять, что никакого люка нет. Опасаясь, что обитатели гнезда его учуят, Владыка не стал подходить ближе.

Через шесть дней, когда Орк скоблил скребком по потолку, на лицо ему упала капля воды. Вскоре капель сделалась постоянной, а спустя некоторое время вода уже сочилась по всем четырем сторонам, забив потом в одном из углов струей. Юноша выполз из тун-

неля. Солнце уже прошло три четверти своего пути по небу. На западе собирались большие черные тучи, и оттуда доносились слабые раскаты грома.

— Думаю, квадрат не вывалится, пока по нему не ударят молотом,— сообщил он Йаджиму,— тогда каманбуры меня услышат. Но если я успею расшатать его так, чтобы вода прорвалась, это не будет иметь значения.

— А ты не хочешь подождать до завтра? — спросил дядя, его лицо заметно посерело.

— Нет, давай подготовим все теперь,— покачал головой Орк.— Это займет не больше нескольких минут. Потом я вернусь. Будь наготове.

Спустя некоторое время снова оказавшись рядом с квадратом, Орк вбил в его углы несколько кремневых костылей. Он вновь и вновь ударял каменным молотом по лоскутку кожи, закрывавшему тупой конец костыля. Юноша не желал производить лишнего шума, пока нет необходимости колотить по самому квадрату. Костыли входили в углы довольно легко, но их концы быстро тупились или обламывались. Под квадратом на полу собралась лужа.

Внезапно из только что пробитой в углу выдолбленного квадрата крошечной дырочки хлынула вода. Сильная струя наполовину ослепила его, и ему несколько раз пришлось отфыркивать воду из носа. Наконец Орк пустил в ход тяжелый каменный молот. Теснота и невозможность размахнуться как следует уменьшали силу удара. Кроме того, Орк отдвинулся назад, так чтобы его лицо не находилось прямо под квадратом. Владыка, однако, не унывал, зная, что множество слабых ударов дадут такой же результат, как и несколько сильных.

Между ударами камня по квадрату он слышал свистки. Скоро каманбуры доберутся до него. Едва эта мысль пришла ему в голову, как блестящий серый квадрат упал ему на грудь, причинив ощутимую боль. В отверстие хлынула вода. Орк перевернулся, хотя мощная струя прижимала его к полу туннеля, и стремительно пополз назад. Вода поднималась, и вско-

ре он уже плыл в полной темноте, потому что факел погас.

Йаджиму полагалось как можно сильней и быстрей тянуть за ремень. Если от его усилий и выходил какой-то толк, то этого не было заметно.

Вскоре впереди забрезжил дневной свет — люк он оставил открытым. Потом Орк ничего уже не видел — вода заполняла туннель и прибывала быстрее, чем он мог плыть. Через несколько секунд его вынесло под самый люк. Йаджим схватил Орка за вытянутую руку и помог ему выбраться наружу. Следом из люка вырвалась вода и тут же отхлынула обратно.

Между тем грозовые тучи росли, становясь все чернее. Орк надеялся на гром, молнию и дождь — он почему-то полагал, что все это поможет вторгнуться в гнездо, по крайней мере сделает это вторжение драматичным.

Сборы были недолгими. Упаковав в водонепроницаемые чехлы оружие, включая луки, стрелы и короткие копья, они прикрепили их к поясам, затем нырнули — Орк, разумеется, первый — в темный туннель. Когда юноше уже казалось, что он больше не сможет удерживать дыхание, откуда-то появился свет. Владыка отчаянно рванулся вверх, и его голова оказалась на поверхности. Через несколько секунд рядом вынырнул Йаджим. Сделав несколько глубоких вдохов, он с трудом произнес:

— Ничего более ужасного я еще не переживал! Мне казалось...

— Тихо! — шепнул Орк, оглядываясь по сторонам. Места между потолком и поверхностью воды едва только хватало для их голов. Из отверстия в полу верхнего этажа проникал бледный свет, освещая пандус, поднимавшийся из воды к люку. Сверху не доносилось ни звука.

Орк подплыл к пандусу и поднялся по нему на четвереньках. Выбравшись в помещение наверху, он достал из чехла топор. Йаджим, все еще отдуваясь, следовал за ним по пятам. Слабый ветерок холодил мокрую кожу Орка, принося с собой незнакомый, но малоприятный

запах. Здесь не оказалось каманбуров, зато в больших клетках, сделанных из высохших серых нитей,— они располагались вдоль стен и друг на друге до середины высоты стены — сидели насекомые величиной с кузнечиков. Они то вспыхивали, то гасли, но давали ровный свет: когда угасали одни, загорались другие.

В висевших на стенах клетках попросторнее содержалось еще два вида насекомых. Одни быстро-быстро, словно колибри, трепетали своими алыми в желтую полоску крылышками, создавая тихий гул — очевидно, так обеспечивалась вентиляция в этом помещении. Другие походили на пауков величиной с голову Орка.

Молодому Владыке было некогда рассматривать эту «коллекцию». Он развязал водонепроницаемый чехол и достал короткое копье с кремневым наконечником, колчан со стрелами и лук. Быстро приготовившись к встрече с противником, он двинулся вдоль закругленной стены в поисках коридора, ведущего к пересечению продольной и поперечной перекладины креста внутри круга,— Орк вспомнил то, что он видел стоя на скальной гряде. По его предположению, именно там и находились врата.

— Скорей! — торопил его сзади Йаджим.

Внезапно — Орк даже не понял, как это произошло — он оказался в центральной части креста. Удача улыбнулась ему! Здесь, в середине круглого зала, находились врата, сделанные из блестящего металла — он был тверже алмаза и назывался теньюральва.

Вокруг врат лежали груды костей каманбуров — своеобразное предупреждение обитателям гнезда держаться подальше от этого огромного квадрата.

— Если каманбуры сейчас сбегутся сюда,— сказал Йаджим,— у нас не будет много времени, чтобы сообразить, как пройти!

Врата представляли собой металлический квадрат семи футов высотой, прикрепленный к полу твердым черным веществом — «тоанским клеем», который не могла растворить кислота или сжечь огонь. Орк положил на пол свой лук и стрелу, потом подобрал кость,

обошел врата кругом и швырнул кость через квадрат. Кость беспрепятственно пролетела на ту сторону и упала на пол. Значит, входом в другой мир служит обратная сторона квадрата. Йаджим тем временем, развязав свой кожаный мешок, достал два факела, коробочку со стружками, щепками, сухими травинками и прутьями и два необработанных кремня. Собрав все горючие материалы в кучку, он принялся бить кремнем о кремень.

Орк снова обошел квадрат, откидывая ногой с дороги кости. А затем бросил одну из них с противоположной стороны квадрата. Как он и ожидал, она исчезла. Следующая кость, которую он сунул в проем на несколько дюймов и тут же отдернул, осталась цела. Секунду спустя юноша повторил попытку. На этот раз кость оказалась отрезанной.

Владыка Темнолесья безуспешно пытался разжечь костер.

— Иной раз на это уходит уйма времени! — злился он.— А времени у нас, возможно, и нет!

Орк был слишком занят, чтобы отвечать. Он снова и снова совал в ворота берцовую кость, считая секунды: *рлентавон, рленшивон, рленкавон, рленшонвон, рленгушвон* — тысяча один, тысяча два, тысяча три, тысяча четыре, тысяча пять. Использовав эту кость, он продолжал проверку с помощью другой.

— Наконец-то получилось! — воскликнул Йаджим.

Орк обернулся к нему. Дядя держал над занявшейся огнем кучкой топлива конец факела.

— Слушай внимательно, Йаджим. Ворота срабатывают, как резак, через определенный интервал. Мне думается, интервал этот постоянный, а не произвольный. У нас примерно полторы секунды на проход. Надо встать поближе и прыгнуть, локти прижаты к туловищу, ноги — в одной вертикальной плоскости с телом. Все, что выдается чуть вперед или чуть назад, будет отрезано.

— Да, один прыжок, и мы там,— кивнул Владыка Темнолесья.— Только вот трудно будет прыгнуть, не сгибая колен.

Йаджим понимал не хуже Орка — в конце концов, он был на много тысяч лет старше,— что каждый из них должен будет сначала сделать пробу с помощью кости и таким образом начинать отсчет, прежде чем совершить прыжок. Разумеется, ни на какую точность этот отсчет не претендует и гарантии не дает. Остаться целыми и невредимыми они смогут в основном лишь благодаря удаче.

— Всего один шанс,— сказал Орк. Он вздрогнул и посмотрел куда-то за спину Йаджиму.— И у нас не будет времени на тренировочные прыжки, прежде чем сделаем настоящий. Дай-ка мне факел.

К тому времени в соседнем зале за арочным проемом собралось около сорока каманбуров. Они рассыпались по всему помещению, низко нагнув головы, раскрыв пасти со сверкающими зубами, с которых капала слюна; жвалы клацали, хвосты стояли торчком над головой, но свертывались на концах. Желтые глаза неотрывно смотрели на людей.

Орк с громким криком махнул факелом в сторону хищников. Те попятились. Потом один из каманбуров, крупная самка, издала серию длинных и коротких свистков, и серые звери образовали круг, оценив костяную преграду. Тогда юноша обежал врата и помахал факелом перед каманбурами. Те отступили, но не так далеко, как в первый раз, когда им угрожали.

— Прыгаем! — завизжал Йаджим.— Я первый! Прикрой меня!

Орк невольно подумал: уж не замышляет ли дядя толкнуть его назад, когда он прыгнет вслед за ним? Ему, кстати, самому в голову приходила подобная мысль... Но с какой стати Йаджиму это делать? Орк ему все еще нужен.

Юноша побежал обратно на другую сторону врат, не переставая размахивать факелом. Первая шеренга каманбуров выстрелила из пастей серыми нитями, которые не долетели всего несколько дюймов, а затем звери придвинулись к Владыкам еще на фут. К тому времени, когда Орк добрался до Йаджима, тот уже пережигал нити, опутавшие его ноги.

Предводительница просвистела еще какие-то приказы, и дюжина зверей выступила вперед, отделяясь от стаи, и присела, как перед прыжком. Они так напоминали бегунов перед стартом, что Орк понял их замысел. Сейчас они дружно рванут вперед, а потом, когда будут совсем близко, прыгнут и еще в воздухе выплюнут свои опутывающие нити. Их жертвы не успеют пережечь все путы — прежде чем каманбуры обрушатся на них.

— Пошел! — заорал Орк.

Йаджим медленно повернулся — его глаза были такими же неподвижными как стеклянные шарики, вмазанные в цемент. Губы, однако, шевелились — дядя говорил что-то очень быстро, но не очень внятно.

Орк тихо застонал. Неужели приступ безумия овладел Владыкой Темнолесья в столь неподходящий момент?

Юноша ничего не мог для него сделать — кроме одного. Шансов на спасение мало, но все лучше, чем вообще никаких. Он выхватил факел у Йаджима и кинул его в изготовившихся зверей. Те с тревожным свистом разбежались, когда факел упал рядом с ними. Орк сгреб дядю, развернул его и толкнул вперед, стараясь держать настолько вертикально, насколько смог. Йаджим по прежнему что-то бормотал себе под нос.

Из воздуха хлынула кровь. Хотя заднюю часть Йаджима и отрезало, она упала через врата. Но не настолько быстро, чтобы помешать крови брызнуть обратно. Предводительница свистнула. Звери снова были готовы к атаке. Кольцо сжималось: каманбуры с другой стороны врат надвигались столь же быстро, как и с этой. Если Орк не поторопится, его собьют с ног или опутают нитями, прежде чем он сможет прыгнуть через квадрат. С той стороны они пройдут через врата невредимыми и помешают ему ускользнуть.

Орк швырнул факел поверх квадрата. Крутясь в воздухе, он описал дугу и попал в предводительницу стаи. Та шарахнулась прочь, свист сделался оглушительным.

Оглядываться Орк не стал. Секундное промедление могло оказаться роковым. Или — стать как раз тем временем, какое нужно для успеха.

Орк с криком подбежал к вратам, а затем остановился. Он надеялся, что каманбуры не успеют добраться до него сзади и толкнуть через врата. Не мешкая и все-таки следя, чтобы положение его тела было как можно более вертикальным, юноша приподнялся на носки. И снова заорал, прыгнув вперед.

Для Джима Гримсона это было уже чересчур. Он уже давно хотел покинуть тело Орка. Может, Владыка и сумеет прорваться... а если нет? Хотя до сих пор Джим рисковал, разделяя с Орком все опасности, с этой он не мог встретиться лицом к лицу.

Внезапно Джим оказался стремительно несущимся через лишенное света пространство. Он не испытывал ничего, кроме смутного ощущения скорости. А потом — снова больничная палата. Часы показывали, что он — скорее, его астральная проекция или как это там называется — отсутствовал два часа три минуты.

ГЛАВА 21

Хотя жизнь Джима в качестве Орка была изматывающей и опасной, ее окружал не такой свет, как в Бельмонт-Сити. Солнца иных вселенных светили не так раздражающе, а свет Земли по-прежнему оставался песчано-резким. Проклятая усталость — иначе Джим сразу бы вернулся к Орку. Однако если б ему не удалось проникнуть в его сознание, это означало бы, что Владыка погиб. И тогда... тогда надо выбрать другой персонаж, то есть продолжать терапию. С исчезновением Орка что остается для Джима Гримсона?

И не имело значения то, что другие пациенты тоже предпочли Рыжего Орка. Их Орк — вымышленный. А вот он побывал в мозгу настоящего Орка, сына Лоса и Энитармон.

На самом деле Джим тянул с возвращением только потому, что боялся: вдруг Орка разрезало пополам!

Остановило бы это Орка, будь он в шкуре Джима Гримсона? Нет!

Настал день рождения Джима. Праздновал он его только со своей группой, да доктор Порсена ненадолго посетил их невеселое торжество. Миссис Выжак прислала открытку и позвонила. Мать не смогла отпроситься с работы, чтобы навестить его, поэтому тоже только поздравила его по телефону. А торт, про который миссис Выжак сказала, что оставила его в вестибюле, пропал. Такой уж я везучий, подумал Джим. Стоит ли возвращаться к Орку?

Через два дня после дня рождения его вызвали из столовой во время ленча. Дежуривший в тот день Джилмен Шервуд сообщил ему:

— К тебе мать.

— Сейчас? — удивился Джим.— Ей же полагается быть на работе.

Шервуд поднял брови, словно мысль о матери, которой приходится работать, вызывала удивление.

Джим направился в комнату для посетителей с колотящимся сердцем. Только очень плохие новости могли заставить мать вместо работы отправиться сюда. Должно быть, кто-то умер. Сестра? Отец? В конце концов, чего б там ни происходило между ними, Эрик все-таки его отец.

К тому времени, когда Джим повернул ручку двери, он окончательно убедил себя, что Эрик Гримсон умер. Перепил? Несчастный случай? Самоубийство? Убит?

Увидев сына, Ева Гримсон поднялась со стула. Она была в платье с пестрым рисунком, слишком просторном для нее и слишком тонком для холодной погоды. Она еще больше осунулась, на лице прибавилось морщин, круги под глазами стали темнее. Но при виде сына она улыбнулась.

— Мама! Что случилось? — Джим обнял ее.

Ева заплакала, и Джиму стало еще хуже. Он всего несколько раз в жизни видел, как мать плачет.

— С отцом все в порядке? — спросил он.

Она высвободилась из его объятий и села на стул.

— Мне так жаль, так жаль. Но твой отец...

Джим опустился на колени рядом с ней и положил руки на ее сгорбленные плечи.

— Ради Бога! Что случилось?

— Твой отец...

— Он умер! — воскликнул Джим.

Вместо ответа мать достала из сумочки носовой платок и промокнула глаза. У Джима мелькнула неуместная мысль, что слезы не испортят ее макияж, так как она никогда не красится.

Ева шмыгнула носом и покачала головой.

— Нет. Так ты вот что подумал? В каком-то смысле, так было бы...

— Было бы — что?

Должно быть, она хотела сказать «лучше», но никогда не позволила бы себе допустить такие мысли, тем более — высказать их вслух.

— Нет, ничего. Твой отец... он настаивает, чтобы мы переехали в Даллас. Ну, знаешь — в Техас!

Джиму потребовалось несколько раз вздохнуть, прежде чем он смог ясно соображать. Грудь его все еще сжимало. Потом он резко произнес:

— Ну, тогда он все равно что умер! И ты тоже! Вы... вы... Вы бросаете меня!

Мать взяла сына за руку, прижала ее к своей мокрой щеке.

— Я должна ехать с ним! — запричитала она.— Он мой муж! Я должна быть там же, где и он!

— Ничего ты не должна! — Джим выдернул руку.— Черт бы вас побрал! Провалитесь вы ко всем чертям!

Только потом, перебирая детали встречи в памяти, Джим сообразил, что прежде никогда не разговаривал так с матерью. Какое бы раздражение она у него ни вызывала, он почти всегда был с ней мягок. Ей и так доставалось от отца.

— Ради святой девы Марии, матери Божьей, не говори так, Джим!

Она снова хотела взять его за руку, но Джим отдернул ее.

— Здесь он не может получить приличной работы. И это убивает его, ты сам знаешь. Он слышал... ему

сказал один друг — помнишь Джо Ватку? — что в Далласе работы полно. Город процветает, и...

— А я? — Джим начал шагать взад-вперед, сжимая и разжимая кулаки.— Разве я не в счет? А кто будет оплачивать страховку, мое лечение? Где я буду жить, когда меня переведут на амбулаторное лечение? Я не хочу бросать лечение! Это мой единственный шанс чего-то добиться в жизни!

— Пожалуйста, пойми меня. Я просто надвое разрываюсь. Не могу я отпустить его одного, а он говорит, что все равно уедет, даже без меня. Он ведь муж мой. Это мой долг!

— А я твой сын! — выкрикнул Джим, останавливаясь.

В дверь просунул голову Казим Грассер, чернокожий санитар.

— Все в порядке? Какие-то проблемы?

— Это семейные дела,— ответил Джим.— Я ни на кого не собираюсь кидаться. Уматывай!

— Ладно, приятель, только не горячись,— сказал Грассер и закрыл дверь.

— И почему он сам ко мне не пришел, а прислал вместо этого тебя? — орал на мать Джим.— Что, боится встретиться со мной? Или настолько меня ненавидит?

— Пожалуйста, Джим, не надо. Нет, он к тебе ненависти не испытывает. Во всяком случае настоящей. Но боится встречаться с тобой. Он чувствует себя неудачником...

— Так оно и есть!

— ...чувствует, что потерпел крах как мужчина, муж и отец...

— Так оно и есть!

— ...и думает, что ты на него набросишься. Он говорит... он говорит...

— Ну, скажи! Что я сумасшедший!

Ева умоляюще сложила руки.

— Пожалуйста, я не могу больше этого вынести. Не будь это таким грехом, я бы покончила с собой!

— Поступай, как считаешь наилучшим,— сказал Джим и, резко повернувшись, вышел из комнаты.

— Джим! Не уходи! — донесся ему вслед пронзительный крик матери.

Придя к себе в палату, он сел и заплакал. Одиночество, точно отлив, несло его за горизонт, дальше от всех к острову, который тоже назывался Одиночество. Горе не помешало Джиму оценить фразу — потрясающее название для песни: «Остров, который тоже называется Одиночество». Странная штуковина — этот мозг. Всегда работает одновременно над многими разными темами — и никто не знает, с чего он вдруг сообщает об этом в самый неподходящий момент. Хотя — почему в неподходящий? Может быть, мозг пытается смягчить горе, отвлекая себя от себя самого? Если так, то его уловка действовала только минуту.

Джим погрузился в холодные черные воды и не выныривал довольно долго. Товарищи по группе помогали ему, как могли. Доктор Сцевола, замещавший Порсену, который уехал на трехдневную конференцию, пытался ободрить Джима, но у него ничего не вышло. В тот же самый вечер, сразу после групповой терапии, Джима снова позвали в комнату для посетителей.

— Мистер и миссис Выжак,— сообщил ему дежурный.— У них плохие новости, Джим. Судя по их виду.

Когда он вошел, родители его друга встали. Миссис Выжак, разразившись слезами, подбежала к Джиму, обхватила его большими сильными руками и прижала лицом к своей большой груди. От нее пахло дешевыми духами.

— Сэм умер! — простонала она.

Внутри у Джима что-то дрогнуло. Он оцепенел, голос миссис Выжак ушел куда-то вдаль, и ему показалось, что он тонет в мягкой сахарной вате. Все уплывало, кроме этого удушливого облака. Джим видел сквозь него, как будто через несколько слоев марли.

Плакать он не мог — все слезы выплаканы, источник иссяк, остался лишь камень, из которого он бил,— холодный, твердый и сухой.

Джим сел, и миссис Выжак рассказала ему про Сэма. Мистер Выжак сидел молча понурив голову. История оказалась короткой. Сэм добирался в Калифор-

нию автостопом. В последний раз его подвез водитель грузовика с прицепом. Никто не знает, почему это случилось, но машина рухнула с крутого обрыва. Водитель серьезно пострадал и сейчас находился в коме. Сэма выбросило из кабины — но раздавило прицепом. Похороны через три дня.

— Я не хотела звонить тебе,— миссис Выжак утирала глаза платком.— Хотела сама сообщить тебе об этом. Ведь вы с Сэмом... вы были лучшими друзьями с тех пор, как ходить научились.

И она снова разрыдалась. Джим, как мог, старался утешить ее, хотя внутренне остался равнодушен к ее горю; смерть Сэма казалась очень давним событием.

Доктор Порсена, проводя с Джимом первый индивидуальный сеанс после возвращения с конференции, остановился как раз на этой бесчувственности:

— Возможно, тебя гнетет вдвойне усиленное горе. У тебя очень живое воображение — зрительное, осязательное, вкусовое и слуховое. Твои путешествия в Многоярусный мир обычно очень реалистичны и насыщены событиями. Там ты живешь не менее полной жизнью, чем здесь. Я имею в виду вот что...

Доктор умолк, ожидая, что Джим предложит объяснения, если они у него есть. Лучше, когда открытие ты делаешь сам, а не когда его тебе преподносят. Свет должен прийти изнутри.

Джим так и видел, как белые пальцы шарят во мраке его мозга. Какого черта, что он от него ждет? Или, по его мнению, восемнадцатилетний псих — доктор Фрейд собственной персоной?

Какое ключевое слово употребил Порсена? Он всегда давал такие слова своим пациентам, хотя они находились в толще его фраз. Если пациент сумеет откопать ключ, а потом сообразит, как им пользоваться, то сможет открыть дверь к еще одному источнику света.

Горе подобно густой жидкости лишало воспоминания яркости. Но пребывание Орком существенно улучшило некоторые способности Джима — так, в какой-то мере ему передалась почти фотографическая память

молодого Владыки. Он помнил почти дословно все сказанное Порсеной во время сеанса.

— А! — нашел Джим.— Вдвойне!

Доктор улыбнулся.

— «Вдвойне усиленное горе»,— продолжал Джим.— Вы думаете, что я несу добавочный груз горя. Один груз — как Джим Гримсон и другой — как Орк. Мы оба отвергнуты — мягко выражаясь — нашими отцами. Оба попали в переплет. А вот оба ли мы только что потеряли лучшего друга — не знаю. Сомневаюсь, что Орк станет переживать из-за смерти Йаджима.

— Это единственная потеря?

— Э, ну... давайте посмотрим... как насчет самого Орка?

Порсена не ответил, предоставляя думать своему пациенту.

— В том смысле... я ведь не знаю — вдруг и Орк тоже погиб! — уточнил Джим.— Если так, то я действительно пропал! Целиком и полностью! Еще и с этим горем я уже не справлюсь!

— Другие потери? — настаивал доктор.

— Ну, если речь об Орке, а он ведь я, а я — он... то это моя мать... в смысле, Энитармон. Еще я люблю Валу — и ее тоже потерял. Полагаю, потеря их — тяжелая утрата. Я знаю, Орк сильно горевал о том, что, может быть, никогда их не увидит. Но его горе преобразилось в ненависть к отцу. Он...

После долгого молчания доктор повторил:

— Он...?

— Это побудило его что-то предпринять. А не просто сидеть и лить слезы.

— Было ли такое поведение правильным или нет?

— Ну, это...— Джим собирался заметить, что это глупый вопрос. Но Порсене он такого не скажет. Наверняка у доктора была причина для высказывания, каким бы неуместным и глупым оно ни казалось.— Правильным, конечно. Только...

— Только что?

— Оно было правильным в том смысле, что являлось действием, предпринятым для решения пробле-

мы. Однако Орк выбрал путь насилия. Я хочу сказать, он ведь собирался убить своего отца и всякого другого, кто станет у него на пути! Может быть, ему следовало придумать какой-то лучший способ. Не знаю. Хотя, возможно, иного пути нет.

Джим покраснел, и это не укрылось от Порсены.

— Ты смущен,— констатировал доктор.

Джим, переборов себя, продолжил:

— Ладно. В конце концов, у меня ведь нет таких кровосмесительных мыслей, как у Орка. По отношению к моей матери их точно не было. А Орк намерен жениться на своей матери, после того как убьет отца — то есть, сначала помучив как следует. И тетку свою он тоже сильно желает. Этот владыка будет погорячее целой стаи мартовских котов. Я вам уже рассказывал: он перетрахал двадцать своих сестер — сводных дочерей своего отца. Все они красотки, хотя и... о, черт, что я несу?

— Туземки? Не-Владыки? Леблаббии?

— Да. Извините. Леблаббии все равно что ниг... в смысле, черные. Знаете, я совсем не хотел употреблять этого слова. Я вовсе не считаю черных недочеловеками. Но я с детства слышу его повсюду.

— Знаю,— кивнул Порсена.— А что ты думаешь по поводу одобрения Владыками инцеста?

— Ну, понимаете, док... я хотел сказать, доктор. Я много прочел о древних египтянах, заинтересовался ими с тех пор как посмотрел по телику «Цезаря и Клеопатру». Ну, знаете, киноверсию пьесы Бернарда Шоу. Мне известно, что фараоны в Древнем Египте женились на своих сестрах и имели детей. Так же поступали и правители инков. По-моему у Фармера в «Многоярусном мире» что-то сказано насчет браков между братьями и сестрами. Так что мне нетрудно было с этим примириться. В любом случае, когда я Орк, то склонен одобрять все, что одобряет он. Это заложено в культуре. У Владык нет генетических дефектов, и потому нет проблем с передачей своим детям больных генов. Так почему бы тогда матери не выйти замуж за сына?

По окончании сеанса оцепенение и депрессия Джима уменьшились, но не намного. Это не имело значения. Ничего отныне не имело значения.

ГЛАВА 22

Джим опустился на самое дно своей собственной вселенной — депрессии. Она была создана из меланхолии и презрения к себе — двух элементов, которые не заставят светить солнце в его мире. Джим вел счет своим изъянам и неудачам и не остановился, пока не дошел до тридцати семи. Он хорошо помнил каждый пункт своего списка. С тех пор как ему стукнуло двенадцать, он провел немало времени, размышляя о них. Хотя изъянов наверняка нашлось бы и больше, но и занесенных в список вполне хватало для удовлетворения и самого большого любителя жалеть себя.

Доктор Порсена не проявил к нему никакого сочувствия.

— Нельзя же все время влачить свои цепи и завывать: «Горе мне!», точно ты призрак в каком-нибудь замке. Одно время ты шел вперед отменными темпами — фактически феноменальными. А теперь — регресс. Такое впечатление, словно ты не только вернулся к самому низкому уровню своей самооценки — ты упал еще ниже. Достиг своего личного надира, так сказать.

Джим пожал плечами:

— В противоположность «Зениту»[1], верно? Вообще-то никогда особенно не любил смотреть телик.

Порсена на мгновение опешил, а затем улыбнулся:

— Если в тебе сохранилось достаточно огня для каламбура, хоть и плохого, то есть надежда.

Джиму так не казалось. Та его реплика была последней вспышкой угасающего пламени.

— А что, если Орк погиб? — спросил неизвестно кого Джим. Этот вопрос захватил его врасплох. Он сорвался с губ, словно что-то вытолкнуло его изнутри.

---

[1] Название стандарта телевещания.

На лице Порсены мелькнула тень улыбки. Сфинкс, подумал Джим. Пирамид не хватает, а так — полная иллюзия, что смотришь на каменное изваяние в Гизе. За тем изъеденным временем лицом таилась мудрость веков.

— Ну и что из того, если Орк погиб? — отозвался доктор.— Ты подберешь себе другого персонажа.

По крайней мере, Порсена не убеждал Джима, что Орк — всего лишь вымышленный герой. Думает-то доктор про Орка, должно быть, именно так, но намерен играть по правилам Джима. Никогда не дискредитировать — это Золотое Правило Терапии.

— Я не хочу быть никем другим,— Джим покачал головой.

— Тогда выясни, жив Орк или нет.

— Я так и сделаю,— пообещал Джим.— Сделаю ради вас.

— Нет. Ради себя. Ты сделаешь это, потому что это нужно тебе и только тебе.

Доктор перегнулся через стол и теперь пристально глядел на Гримсона.

— Послушай, Джим. Я сознаю, что я для тебя непререкаемый авторитет. В каком-то смысле это хорошо. Ты очень стараешься порадовать меня, хотя это не обязательно. Но я всего лишь твой лечащий врач. Возможно, я слишком сухо выразился. Ты мне нравишься, и я думаю, мы могли бы в конце концов подружиться, когда твое лечение будет закончено. В данный момент я для тебя — лицо вышестоящее, но пользоваться этим не стану — разве что для твоего же блага. Пожалуй, придется поработать над смягчением твоего отношения ко мне. Я не Бог и не твои родители. Я жду от тебя, что ты выслушаешь мой совет, а потом сам рассудишь, насколько он ценен. Тем не менее в некоторых случаях я могу и оспорить твое решение — потому что старше, опытнее, к тому же настоящий профессионал. Однако я всего лишь человек. И мне свойственно ошибаться. С другой стороны, вероятность того, что ошибусь я, гораздо меньше, чем вероятность твоей ошибки. Главное — твое лечение. Поэтому я настаи-

ваю на том, чтобы ты вернулся в Орка или же подобрал себе другой персонаж. Если ты этого не сделаешь, лечение закончится. Я ясно выразился?

Джим кивнул.

— Что сделал бы Орк, будь он сейчас на твоем месте?

— Что? А, понимаю, к чему вы клоните! Извините, я думал о другом. Будь он на моем месте, он тут же прыгнул бы через знатру. Но я-то не Орк — во всяком случае пока. Орк никогда не впал бы в депрессию. Во всяком случае, так надолго. Я его знаю, и...

— Поступай так, как поступил бы он, даже если это, казалось бы, идет против твоего естества — сделай это, как бы тебе ни было трудно.

— Я постараюсь. Очень постараюсь,— сказал Джим.

Он не думал, что ему это удастся, особенно в нынешнем его душевном состоянии. Но существуют и способы изменять такие состояния — только Порсена их бы не одобрил. Употребление любых наркотиков, кроме тех, что прописаны, запрещалось в клинике под страхом немедленного изгнания. Но отчаянные ситуации требуют отчаянных средств. Перед групповой терапией Джим отвел в главном коридоре в сторонку Джилмена Шервуда.

— Я слыхал, ты приторговываешь, Джил.

— Ничего подобного,— покачал головой Шервуд.— Зачем мне этим заниматься? Ведь я же здесь, помимо всего прочего, и для того, чтобы избавиться от наркоты.

— Скажем по-другому,— нашелся Джим.— Как я понимаю, у тебя может быть доступ к определенным лекарствам, способным вылечить мои болячки. Я хотел бы получить какое-нибудь, желательно стимулянт.

— Возможно, и найдется,— не стал связывать себя обещанием Шервуд.— Но здесь ходит много слухов, большей частью ложных.

— Стимулянт — вот что мне требуется,— повторил Джим.

— Возможно, это как раз то, что доктор прописал. Но даром в этом суровом мире ничего не делается.

— Я знаю цену,— кивнул Джим.— И наличные у меня имеются.

Утром он получил по почте десятидолларовую бумажку с запиской от матери. Сначала у него возникло сильное желание отправить назад и то и другое. Но все же ему были нужны деньги, и поэтому он, порвав записку, сунул десятку в карман. И вот он тратит половину этой десятки на амфетамин, хотя каждый имевшийся у него цент следовало пускать на предметы первой необходимости. Джим презирал самого себя, в то же время предвкушая, как бодрость растечется по телу и мозгам.

Джилмен Шервуд положил руку ему на плечо.

— Есть и другие способы расплатиться, кроме денег.

— Об этом забудь! — отшил его Джим.— Я же тебе уже говорил в прошлый раз — не пойдет!

Джилмен улыбался отрешенной, надменной улыбкой.

— Не отвергай ничего, пока не попробуешь.

— Черт! — выругался Джим.— Ты уже подкатывался здесь к каждому парню и к каждой девчонке! Тебе что, нравится, когда тебя отвергают? Это часть твоей проблемы?

— Эй, здесь хватает способных оценить предложение, от которого нельзя отказаться! Нужен ты мне, Гримсон, как прыщ на заднице. Суну тебе твой заказ в следующий раз. Принеси наличные.

Как поступил бы Рыжий Орк? Вероятно, убил бы Шервуда и забрал весь его запас. Не годится.

Родители Шервуда, хотя и были богаты, денег сыну присылали мало, поэтому он постоянно приторговывал по мелочи «снадобьем». Джим отнесся бы к Джилмену с сочувствием, если б тот не вел себя, будто наследный принц. К тому же, выбрав себе для воплощения Вольфа, Джилмен явно свалял дурака. Вольф плюнул бы в рожу этому сукину сыну!

Сегодня у Джима нашлось наконец время поговорить с Санди Мелтон. Девочка с раннего детства страдала из-за того, что ее дразнили «косоглазой», «япошкой», «желтозадой». На самом деле ее блестящие черные волосы, чуть раскосые глаза и широкие скулы составляли прекрасное целое. При росте всего пять

футов два дюйма[1] у нее были сравнительно длинные ноги, изящная фигурка и пышная грудь. Несмотря на все это, Санди считала себя уродиной. Преодолевая свою застенчивость, она стала энергичным, порой даже чересчур, менеджером группы «Лихие Эскимосы». Однако когда на нее внезапно накатывала депрессия, она превращалась в крайне замкнутую и апатичную особу.

Санди не любила кореянку-мать — в основном из-за того, что эта вечно угрюмая женщина была к ней совершенно равнодушна. Куо Мелтон все свое свободное время смотрела по телевизору мыльные оперы и развлекательные шоу. Хотя Куо двадцать лет прожила в Соединенных Штатах, по-английски она говорила очень плохо. Иногда на Санди находило настроение, когда она намеревалась всех простить, и тогда она объясняла друзьям, что на долю ее матери выпали полуголодные и бездомные детство и юность, пока на ней не женился Эйб Мелтон. Отца, кстати сказать, Санди обожала.

Девушка прибегала к уникальному методу вхождения в Многоярусный мир. Она снимала с себя всю одежду, повторяя при этом первые четыре строки из буддистской «Лотосовой сутры». А потом прижимала ладони к большому, в полный рост, зеркалу на стене своей палаты. При этом она произносила заклинание Джима — АТА МАТУМА М'МАТА. Разумеется, два заклинания лучше, чем одно. Минут через семь (семь — магическое и мистическое число), пока Санди сосредоточивалась на входной точке в пяти дюймах за зеркалом (пять — тоже мистическое число), стекло делалось мягким и упругим. Едва почувствовав, как зеркало превращалось в желе, Санди начинала быстро шептать слова из песни «Над радугой»[2]. Что годилось для Дороти из страны Оз, сгодится и для нее. А три заклинания лучше, чем два.

---

[1] 1м 57,5 см.

[2] Песня из фильма «Волшебник из страны Оз» (1939) с Джуди Гарланд в главной роли.

Ее эктоплазма, как выражалась Санди, просачивалась сквозь ладони и проникала через все утончающуюся субстанцию во вселенную, которую Санди себе выбрала. Пройдя на ту сторону целиком, Санди (в виде эктоплазмы) оказывалась в мужском теле. Она давно хотела стать мужчиной, потому что мужчиной был ее отец, хотя в то же время чувствовала, что такое желание морально неверно.

Вселенная за зеркалом не походила ни на одну, описанную в серии «Многоярусный мир». Она представляла собой плоскость, и Санди могла свалиться, если подойдет слишком близко к ее краю. Человеческое население в ней состояло сплошь из одних только мужчин-европеоидов, за исключением одной гигантской самки-царицы, которую держали под стражей в огромном замке и принудительно кормили медом. Царица эта была матерью всего людского населения и рожала по пять мальчиков сразу каждые три месяца.

Раз в год устраивался турнир — Санди очень любила читать средневековые романы,— победитель которого становился любовником царицы и зачинал всех младенцев этого года. Уйдя со своего поста, он должен был помогать всем прежним любовникам нянчить детей, убирать замок, мыть посуду и выполнять всю прочую домашнюю работу.

Санди, в своей роли сэра Сандагрейна, странствовала по той вселенной в поисках человека в Золотой Маске, который знал секрет вечного счастья. Во время своих странствий она вступала в поединки с бесчисленными рыцарями, плохими и хорошими, и вторгалась в замки многих злых колдунов и баронов-разбойников. Эти приключения в качестве странствующего рыцаря, кровавые и опасные, помогали Санди справиться с земными стрессами. Когда она чувствовала себя достаточно отдохнувшей от земной жизни, то прижимала ладони к зеркалу и повторяла три свои заклинания в обратном порядке. Желеобразная мягкость кристаллизировалась и в момент полного отвердения пропускала эктоплазму Санди обратно в ее женское тело.

Девушка уже добилась некоторого успеха на пути к более сильному имиджу и отсутствию путаницы в отношении своей половой идентичности. Она начала понемногу избавляться от бурной смены настроений и от привычки замыкаться в себе. Как и у Джима, ее личные бесконтрольные галлюцинации постепенно уступали место контролируемым галлюцинациям Многоярусного мира.

— Джим, я два раза говорила с отцом,— взволнованно сказала Джиму Санди.— Он всегда поговаривал о разводе с Куо, но это были только слова. Он знает, как мне не хочется уходить из больницы и возвращаться в тот дом. Он ужасен. Но только потому, что там Куо!

Санди никогда не называла Куо матерью.

— Почему бы тебе не приноровиться к Куо? — спросил Джим.

— Нет. Однако я смогу это сделать, если она тоже пройдет курс лечения и изменит себя. Для танго, знаешь ли, нужны двое. Но она этого никогда не сделает.

В столовой стоял гам, хотя попадались и тихие уголки, которые выбирали замкнувшиеся в себе подростки. Джим и Санди сели за стол напротив миловидной и хрупкой девушки по имени Элизабет Лавенца. Отчим с десятилетнего возраста насиловал ее в извращенной форме. Несколько месяцев назад этот монстр, как всегда называла его Элизабет, попытался убить ее, когда поймал при попытке позвонить в полицию. Она сумела высвободиться, засунув телефонную трубку ему в рот, а затем стукнув по голове кочергой. Это были единственные насильственные действия, какие она совершила, и Элизабет страдала чувством вины из-за них. (Такая реакция оставалась для Джима совершенно непостижимой.) Потом Элизабет выскочила из дома на улицу. Отчим потащился следом за ней и умудрился догнать ее. Он душил ее, когда подъехала патрульная машина.

Для входа во вселенные Владык Элизабет использовала то, что называла своим энергоблоком. Им служили пять связанных вместе книг серии. Так делали еще несколько человек из их группы.

За другим столиком, неподалеку от Джима, сидели члены группы, особенно интересовавшей его. Свою вселенную они придумали сами с помощью доктора Порсены. Правил ею Владыка по имени Кефалор, представляющий собой мозг размером со всю вселенную — потому что он сам и был вселенной. Населяли ее электрические заряды в форме нейронных импульсов мозга Кефалора. Фактически группа так и называлась — Нейронные Импульсы. (Хорошее, между прочим, название для рок-группы.)

Между членами группы существовало соглашение — когда Кефалор забывает что-нибудь, один из импульсов умирает. А это означало, что и член группы, представляющий этот импульс, тоже умирал. Но он или она мог вернуться к жизни в качестве новой мысли.

Джим слышал, что гармония в группе несколько нарушилась. Одна девочка утверждала, что она и только она представляет собой подсознание Кефалора. А поскольку подсознание управляет сознанием, все прочие нейроимпульсы должны подчиняться ее приказам. Как раз такого требования и следовало ожидать, потому что одна из поведенческих характеристик, приведших эту девушку в «Веллингтон», заключалась в ее неудержимом желании управлять другими.

После ленча Джилмен Шервуд и Джим встретились в коридоре. В поле зрения никого не наблюдалось. Джилмен раскрыл ладонь — на ней лежало пять «черных красоток».

— Обычная цена — два доллара за штуку. Но в первый раз скидка. Всего доллар за каждую.

Джим протянул ему десятку и одновременно взял капсулы. Джилмен открыл бумажник и отсчитал Джиму сдачу.

— Добро пожаловать обратно в реальный мир,— сказал Шервуд.

— Это лишь временно,— пробормотал Джим.— Только через бугор перевалить. А там...

— Разумеется,— улыбнулся Шервуд.— Но если временное перейдет в постоянное, то я к твоим услугам.

Ненавидя и Шервуда и себя, Джим отправился в палату. Вечером он долго сидел, глядя на «черных красоток», которые теперь казались ему не такими уж красивыми. Как поступил бы Орк? Джим действительно не знал. Время от времени Орк вспоминал об экстазе, который получал, употребляя определенные наркотики. Но у Джима также создалось впечатление, что у тех снадобий не было отрицательных побочных эффектов и они не создавали привыкания. В любом случае, Орк не нуждался в наркотиках, чтобы придать себе смелости.

И потом — доктор Порсена. Его бы, вне всяких сомнений, очень разочаровало, если бы его пациент взялся за старое. Вообще-то, говорил себе Джим, я не наркоман, а просто время от времени принимаю снадобье (в этом году чаще, чем в прошлом). Но ему все равно далеко до массового увлечения под названием «Подсадка». Или уже не так далеко?

Через полчаса Джим вздохнул, встал со стула и спустил капсулы в туалет, хотя и не без сожалений.

Еще через десять минут он пронесся сквозь круг в центре знатры.

ГЛАВА 23

Орк корчился в муках на сверкающем и твердом полу. Поскольку здесь больше никого не было, ему не требовалось разыгрывать из себя стоика. Джим страдал не меньше Орка, что казалось несправедливым — у него ведь не было тела. Следовало бы сразу вернуться на Землю и подождать, пока у Орка не утихнет боль. К несчастью, Джиму никак не удавалось сосредоточиться на технике, необходимой для осуществления возврата. А к тому времени, когда он сможет этого добиться, то будет уже в состоянии вынести эту боль.

Орк, хотя и наполовину ослеп от жгучей боли в пятках и ягодицах, все же сумел разглядеть, что находится в огромном туннеле. Стены блестели в свете, испускаемом шестиугольными, отдаленно напоминавшими насекомых, созданиями, что висели на стенах.

Кроме них, свет давали круглые выпуклости на потолке, стенах и полу, перемежавшиеся чем-то зеленым, напоминавшим лишайник.

Посреди туннеля тянулась глубокая канава, по которой текла чистая вода. Стараясь не ступать на пятки, Орк деревянной походкой подошел к ручью, улегся в него, погрузившись по самую шею. Вода оказалась очень холодной и поначалу вызвала у него шок. Но она же принесла и облегчение, остудив жар в крови и немного уняв боль.

Когда он прыгнул через врата, луч отсек ему самые краешки пяток и ягодиц. Со временем они заживут, но будет ли у него это время? В данный момент все зависело от того, сколько он потеряет крови. А также (если он переживет такую потерю крови) от того, сколько сможет пройти, пока ищет еду и затем врата.

Лос сказал, что врата с Антемы приведут обратно в родной мир Орка. Он солгал.

Орк выполз из воды на пол туннеля, возвышавшийся всего на несколько дюймов над поверхностью ручья. Мучения возобновятся, когда он опять согреется, но он не мог больше выносить холод. Жаль, что у него нет никакой тряпки, вообще хоть чего-нибудь, чтобы перевязать раны.

Он увидел переднюю половину тела Йаджима — та лежала ничком. Проскочив через врата, Орк упал прямо на нее, поскользнувшись на внутренностях и крови.

На юноше была кожаная набедренная повязка и пояс, где висел в ножнах кремневый нож. Остальное оружие и мешок с провизией остались на Антеме. Ступая только на носки, кривясь при каждом шаге, Орк подошел к половинке тела и снял с нее перерезанную набедренную повязку и пояс с ножом. Луч рассек лезвие надвое — но и такое оно могло пригодиться.

Пустив в ход собственный нож, Орк отковырял кусок росшей на стене зелени, под ним обнаружились торчащие из кристалла тонкие трубочки, откуда выступила желтоватая жидкость. Владыка отжал из растения влагу — на ощупь оно походило на густой мох (почему бы не назвать его «омутид», то есть мох по-

тоански) — и приложил куски этого мха к своим ранам. Прикосновение заставило его поморщиться, но растение тут же прилипло к коже, словно содержало в себе клей. Кровотечение прекратилось. Тогда Орк отодрал от стенки еще кусочек омутида и съел его. Мох был богат влагой, легко прожевывался, а на вкус напоминал сырую цветную капусту. Хотя омутид мог быть и ядовитым, Орка это не волновало — во всяком случае, на данный момент. Если от первого куска ему не станет плохо, то позже он съест еще.

Останки Йаджима могли послужить источником мяса — во всяком случае, на какое-то время. Если бы Орк не знал этого Владыку так хорошо, то, возможно, съел бы его. Но, хотя юноша и предчувствовал, что еще пожалеет об этом, он столкнул ополовиненное тело в ручей, и вода унесла его прочь.

Орк решил не покидать это место, пока его раны не заживут настолько, чтобы он снова мог без труда ходить — значит, не меньше трех дней. Он будет есть, спать, пить воду и надеяться, что его не застанет здесь какой-нибудь хищник. Время он мог отсчитывать только по периодам своего сна и бодрствования. Как ему казалось, с тех пор как он очутился здесь, прошло примерно три дня. За этот срок Орк обследовал, передвигаясь в основном на цыпочках, по четверти мили в обе стороны и не нашел ничего необычного. Осмотрел он и врата. Металлический квадрат выглядел на этой стороне таким же, как и на Антеме. Орк сплел веревку из омутида и бросил один конец во врата. Часть веревки, прошедшую сквозь них, отрезало.

Каждый «день», проснувшись, Орк снимал с ран лоскутья омутида и заменял их свежими. Отрывались они с трудом, точно и вправду приклеенные. Раны заживали, но отдельные участки кожи покрылась пятнами, усыпанными многочисленными красными точечками. Выглядели они так, будто омутид присасывается к коже крохотными щупальцами, а на изнанке зеленых нашлепок явственно просматривался красноватый слой. После трех дней Орк пришел к выводу, что омутид высасывал из него кровь, хотя и в неболь-

ших количествах. Сил у него определенно поубавились с тех пор, как он вступил в этот мир.

Тем не менее юноша уже мог ходить, не испытывая чересчур сильной боли, и сидеть несколько минут подряд — прежде чем приходилось избавлять ягодицы от давления. После очередного сна он двинулся вверх по ручью так же инстинктивно, как лосось, идущий на нерест. Миль двадцать по туннелю Орк прошел, сделав перерыв на сон только один раз. Освещение оставалось ровным; глубокую тишину в туннеле нарушала только пульсация крови у него в ушах. Чтобы избавиться от этого звука, Орк иногда говорил сам с собой или пел. Компанию ему составляли чувство одиночества да мысль, что он может пробыть здесь до самой смерти.

Наконец Владыка достиг развилки туннеля. У основания стены между двумя туннелями располагался пруд. По одной стороне каждого из коридоров тянулась мелкая канава с водой, впадавшая в пруд, но, судя по бурлению и пузырям, заводь питал еще и родник. Орк выбрал правый коридор; на некотором расстоянии от развилки он расширился и вскоре ничем не отличался от главного туннеля. Юноша устало брел по нему, напевая песню, которой научила его в детстве мать. Внезапно он остановился: что-то промелькнуло по левой стене, посередине между полом и потолком, и привлекло его внимание.

Спустя некоторое время Орк двинулся дальше, не отрывая глаз от стены. А затем снова остановился. Мозг не обманывал его, если только он не свихнулся от одиночества. По стене довольно быстро пробежала вереница больших черных знаков, наверное, каких-то символов. Они шли откуда-то сзади и уходили вперед, насколько видел глаз.

Потом знаки на несколько минут — или час — исчезли, Орк потерял всякое чувство времени. Он мог быть уверен в его движении, только когда считал секунды. Внезапно по стене вновь пробежала вереница символов — многие знаки повторялись в различных комбинациях, порой скрываясь из поля зрения, когда

проходили под омутидом и шишками. Когда мимо пронеслось несколько сот символов, строка погасла. Орк пошел дальше. Через некоторое время по стене побежала новая череда знаков. На этот раз Орк успел сосчитать, что строке потребовалась тридцать одна секунда.

Ни один естественный процесс не мог произвести таких четких и разнообразных знаков, расположенных явно в искусственном порядке. Однако если эти знаки составляли сообщение, то передавалось оно достаточно медленно.

Через несколько минут промелькнула еще одна цепочка таких же символов, построенных в той же последовательности. После этого стена «замолчала».

Орк торопливо шел вперед. Туннель постепенно загибался вправо, пока, казалось, не потянулся под прямым углом к первоначальному направлению. Когда Орк очень уставал, он останавливался и ел, хотя его уже тошнило от вкуса цветной капусты.

Джим Гримсон так же объелся омутидом, как и Орк. Ведь когда ел Владыка, ел и Джим. Все проблемы Орка были и его проблемами. Но у Джима имелись еще и другие. Сейчас, когда Орк просто сидел и жевал, в нем не бушевало никаких эмоций, хотя его сознание оставалось активным, он пребывал в относительно спокойном состоянии. Поэтому Джим получил возможность сосредоточиться на собственных мыслях и поступать так, как желал. Но все-таки он оставался наполовину Орком — и когда молодой Владыка придет в возбуждение или раздражение, Джим снова переживет эти чувства.

Джим «придвинулся» поближе к мозгу-призраку. Тот «отступил». Никакого передвижения в физическом смысле быть не могло — точно так же как бестелесные, лишенные органов чувств существа не могли ни «видеть», ни «слышать», ни «осязать». Джим, однако, «знал», что сам он продвинулся, а мозг-призрак отступил. Гримсон продолжал наступать на него, а призрачная сущность пятилась. Боялся ли мозг-призрак Джима? Если да, то следует выяснить, как его можно атаковать. Легко сказать; трудно сделать.

Орк выспался, без большого аппетита поел и снова тронулся в путь. Вскоре туннель влился в громадную пещеру. Потолок находился по меньшей мере в ста футах над ним, а ее стены прятались далеко за пределами видимости. Стоя на уступе футах в двадцати над полом пещеры, Орк видел внизу несколько больших ручьев. Они текли не прямо, как в туннелях, а извивались, как и полагается мелким речкам. Светящихся растений здесь попадалось на квадратный фут гораздо больше, и они были крупнее, чем в туннелях. И — какое счастье — здесь был шум! Среди различных растений обитало множество мелких птиц или животных — и все они щебетали, пищали, трубили и каркали. Создания эти выглядели так, словно Тенниэл находился под влиянием ЛСД, рисуя иллюстрации к «Алисе в Стране Чудес». Или же словно они спроектированы божеством под влиянием авторитета Эвклида. Вокруг кишели многоугольники, кубы на длинных ножках и девятигранники на колесиках, со шкурами, покрытыми пятнами в виде треугольников, кругов, квадратов и крестиков.

Что касается растений, то они, казалось, состояли из кристаллов. На некоторых росли ягоды или семиугольные плоды. Омутид покрывал пол, стены и потолок.

Владыка пришел в экстаз от звуков, издаваемых живыми существами. А вскоре испытал не меньшее потрясение, увидев человека. Человек был наг и медленно шел через лес к Орку. Но он, похоже, еще не сознавал, что кто-то вторгся в его райский сад.

Орку пришлось бороться с желанием кинуться с приветственным криком прямо к незнакомцу. Он спрятался за валуном и принялся изучать странную фигуру. Человек шествовал неторопливо и чинно, словно этот мир принадлежал ему — отчего бы нет? Он подошел поближе, и теперь Орк смог подробней рассмотреть его лицо и тело.

Он шел так медленно и важно потому, что иначе ходить не мог. Все его суставы — плечевые, тазобедренные, локтевые, коленные и кистевые — были вы-

пуклыми и поблескивали. А голова, шея и туловище были крупнее, чем у нормально сложенного человека.

Орк потряс головой, избавляясь от возникшей на мгновение иллюзии. Воображение Орка снабдило незнакомца тем, чего у него на самом деле не было. Там, где юноше померещились мужские гениталии, было гладкое место, кожа, усыпанная сверкающими кристаллами. Этот незнакомец был не он, а оно.

Оружия, однако, при нем не было. Орк встал и окликнул его, сложив руки рупором. Андроид остановился — хотя и не выглядел удивленным. Затем его рот приоткрылся — это могло изображать улыбку, но зубы у него сверкали, как бриллиантовые.

Орк спустился в пещеру и направился к незнакомцу, который так же неспешно двинулся ему навстречу. В десяти футах друг от друга они остановились, и Орк поздоровался с ним по-тоански:

— *Кувар!*

— *Кувар-су шеманитун* — привет и приди с миром! — ответило существо.

Зубы у него, в самом деле, были алмазные и изготовленные явно на биофабрике наподобие человеческих резцов, клыков и коренных зубов.

— Несс Орк,— представился молодой Владыка.— Я Орк.

— Несс Дингстет.

Это существо носило имя Дингстет, которого Орк никогда раньше не слышал. Говорило же существо с небольшим дефектом — несомненно, из-за алмазных зубов.

На быстрый град вопросов Дингстет отвечал медленно. Постепенно Орк узнал, что мир этот создал Владыка по имени Зазель из Пещерного мира. Он же создал и Дингстета, который теперь был единственным разумным существом во всей вселенной. Мир представлял собой скалу, пронизанную туннелями и пещерами — некоторые площадью до тысячи квадратных миль. Но при этом данный мир был в каком-то смысле живым существом, хотя разумом, кажется, не обладал.

— Это огромный полуминеральный-полупротеиновый компьютер, в котором существует много различных форм жизни. Половина здешней флоры и фауны — это симбионты мира Зазеля. Я тебе после все объясню. Компьютер обнаружил твое присутствие и уведомил меня. Наверное, ты видел сообщение, бегущее по стене? Этот компьютер работает очень медленно.

— Видел. А что же случилось с Зазелем?

— Он покончил с собой, сойдя с ума — или, скорее, став еще безумнее, чем был. Кто еще мог создать подобный мир, кроме сумасшедшего? Но умер он легкой смертью. Он позволил компьютеру высосать свою кровь — всю до капли. А потом я, как он мне и приказал, кремировал его.

Дингстет окинул Орка взглядом с головы до ног и сказал:

— Повернись, пожалуйста.

— Чего? — возмутился Орк.— Это еще зачем?

— Потом скажу. Пожалуйста, сделай, как я прошу.

Нахмурившись, Орк повернулся к нему спиной. Он никогда не подчинялся ничьим приказам, кроме родительских — и даже им в последние годы неохотно. Он — Владыка, и приказывают Владыки, а не всякие там не-Владыки.

Кивнуть Дингстет не мог, поскольку этому препятствовало вздутое кольцо на месте шеи, но сказал:

— Пока все в порядке! Нет никаких признаков кристаллизации!

В ответ на встревоженный взгляд Орка Дингстет объяснил:

— Если ты достаточно активен, то твой обмен веществ сможет отсрочить кристаллизацию твоего тела. Но тебе нужно спать, и как раз во время сна клетки начинают медленно превращаться в камень.

— Да что же это за мир такой? — подивился Орк и одновременно решил про себя, что уберется отсюда как можно скорее.— И почему же не кристаллизировался ты? — добавил он.

— Зазель создал меня обладающим природной сопротивляемостью, биологической защитой.

— Есть ли врата, через которые можно выйти из Пещерного мира?

— Возможно, и есть. Постараюсь выяснить это для тебя. У меня есть доступ ко всему огромному массиву данных, которые скопил в этом мире Зазель.

Орк не привык просить, но ситуация требовала, чтобы он смирил гордыню. Он не собирался рисковать своим выживанием только лишь ради гордости. И, если понадобится, он согнет ее в бараний рог, хотя и не станет ломать.

— Ты выяснишь это для меня?

— Отчего же нет? — произнес Дингстет.— Сделаю, если только не обнаружится какая-то причина этого не делать, или если такая причина не найдется в компьютере.

— Спасибо тебе. Но ответь мне сначала на один вопрос. Как Лос сумел проникнуть в этот мир и поставить врата, через которые я сюда вошел?

— Лос?

Орк рассказал свою историю.

— Роковой изъян тоанской культуры,— принялся рассуждать Дингстет,— заключается в желании детей Владык какого-то конкретного мира править в нем безраздельно. Желание это было понятно и осуществимо в древние времена, когда у Владык имелись средства для создания новых миров. Тогда дети, становясь взрослыми, могли перебраться из родительских вселенных в свои собственные. Теперь же их возможности ограничиваются уже сотворенными мирами. Если бы они знали, что средства для создания новых миров по-прежнему существуют, то смогли бы отказаться от кровавых ссор. А из-за них, как тебе известно, численность Владык существенно снизилась.

— Погоди! — заволновался Орк.— Ты сказал, что средства для создания новых миров по-прежнему существуют? Где?

— Здесь. Я не имею в виду сами машины творения. Но я хочу сказать, что в этом мире хранятся данные, позволяющие построить новые машины. Есть не только инструкции, как ими пользоваться, но и указания

по изготовлению необходимых материалов, по конструированию аппаратов и по обеспечению их энергией. И так далее.

— И ты можешь получить доступ ко всему этому?

— Конечно.

Орк покачал головой.

— Эти знания тысячи лет считались утраченными! А они здесь! В этом заброшенном мире!

— Здесь не так уж плохо,— заступился за свою вселенную Дингстет.

— Извини, если я задел твои чувства,— попросил прощения Орк.— Я пробыл здесь лишь короткое время, и мне не следует судить о мире на основе столь немногих данных. Но ты, должно быть, понимаешь, что эта вселенная не для меня. Да и в любом случае, мне не терпится вернуться в свой мир по причинам, которые я тебе объяснил.

— Месть для меня непонятна,— сказал Дингстет.— В меня не заложена при создании способность к мщению. Кстати, видеоматериалы о твоем отце, устанавливающем те врата, через которые ты прошел, имеются в памяти компьютера. Хочешь посмотреть их?

— Я терялся в догадках, как это он сумел войти в этот мир и выйти из него.

— Это я его впустил. Я всегда отличался любопытством, и мне захотелось поговорить с ним. Он был первый за многие века, кто пытался войти сюда. Зазель не играл в ту игру, которой так увлекаются Владыки. Он установил бескодовые врата, хотя открывались они только с этой стороны. Я позволил Лосу войти, но тот меня разочаровал. По его словам, он спешил, но обещал вернуться после. Он так и не вернулся, а было это свыше пятисот лет назад. Очевидно, ему нельзя доверять. Когда ты впервые упомянул его имя, оно ни о чем мне не сказало. Но во время разговора я вспомнил о нем. Я...

— Ведь ты не рассказывал ему об информации, касающейся машин творения, так? — спросил Орк.

— Не рассказывал. Мы не коснулись этой темы во время наших кратких бесед. Я сказал бы, но...

— Дингстет,— настойчиво воззвал к нему Орк.— Выслушай мой совет! Никогда больше никому не рассказывай об этих машинах! Если ты это сделаешь, тебя могут убить — после того как ты поделишься своими знаниями! Есть много тоанов, которые хотели бы завладеть этой тайной и сохранить ее для себя! Они выпытают ее у тебя, а потом убьют.

— А ты? — сказал Дингстет.

— Я буду очень благодарен, если ты покажешь мне эту информацию, а потом откроешь врата на достаточно долгий срок для прохода в мир Лоса.

— Ты не ответил на мой вопрос,— заметил Дингстет.— Боюсь, это означает, что ты скрываешь от меня какие-то свои намерения и замыслы. Я недостаточно хорошо тебя знаю, чтобы разбираться в твоей личности. Но если ты не отличаешься от большинства Владык, за славным исключением Манату Ворцион, то наверняка убьешь меня, после того как узнаешь все, что можно, о машинах творения.

— Зазель создал тебя чрезвычайно откровенным! — невольно рассмеялся Орк.

— Если бы я рассказал тебе, как пользоваться этим миром, вернее — как сотрудничать с ним, тебе пришлось бы отдать немного крови за нужную тебе информацию. И понадобилось бы приложиться лицом к монитору ввода и позволить ему сосать твою кровь, прежде чем он выдаст тебе требуемое. Но компьютер не отпустил бы тебя, если ты не знаешь определенных кодов, которые я не намерен тебе сообщать. Тебя высосало бы насухо.

— Ты просто скажи мне, как уйти отсюда,— попросил Орк.— Это все, чего я хочу.

Орк думал — и Джим знал о его мыслях — что когда-нибудь вернется сюда на небольшом бронелете и получит эту информацию. Впустить его мог только Дингстет, но Орк найдет способ уговорить андроида. Или же вернется через врата каманбуров.

— Почему же ты впустил моего отца? — продолжал Орк.— А также, почему позволил ему установить врата, которые убивают тех, кто пытается пройти через них?

— А почему бы и нет? Какое мне до того дело? Ты пока что первый Владыка, который через них прошел. Твоему дяде, Йаджиму, пройти не удалось, и по всей вероятности следующему, кто попытается, тоже вряд ли удастся. Интересно будет понаблюдать за твоими последователями, если такие найдутся.

Орку не хотелось задерживаться на этой теме. Дингстету могло прийти в голову, что неплохо будет убрать врата, из-за возможной опасности для него самого.

Дингстет, судя по всему, тоже глубоко задумался. Внезапно он сказал:

— Я отправлюсь с тобой!

Удивленный Орк долго молчал, а потом спросил:

— Зачем?

— Об этом мире я уже все знаю. Он мне наскучил. Зазель не сделал меня невосприимчивым к скуке. Что касается одиночества, то я его не знаю. Зазель не наделил меня некоторыми чувствами. А вот любопытство у меня сильно развито. Мне нужны другие миры, чтобы насытить его. Поэтому я составлю тебе компанию. Ты мог бы стать моим проводником и наставником, пока я не научусь действовать самостоятельно. В обмен на твои услуги я пропущу тебя во врата и, отправившись с тобой, сообщу тебе много ценной информации.

До чего же он наивен, подумал Орк. Какими бы знаниями ни обладал Дингстет, во многих отношениях он полный профан. Андроид не понимал, что станет для юноши обузой. Не может Орк допустить, чтобы он расхаживал повсюду и рассказывал туземцам, что сын Лоса вернулся и жаждет мести. Кроме того, для целей Орка Дингстету следовало оставаться в Пещерном мире. Тогда он сможет открыть Орку врата, когда тот вернется за машиной творения. Ее, как теперь вспомнилось Орку, можно превратить в машину уничтожения — так во всяком случае утверждали историки.

— Подожди здесь,— попросил Дингстет.

Через десять минут он вернулся. У Орка возникала мысль проследить за ним, но он решил этого не делать, наверняка здешние стены доложат Дингстету.

— Я отдал немного крови, и мир согласился открыть для нас врата,— пояснил андроид. На верхней губе у него виднелась маленькая ранка.— А теперь пойдем.

Орк последовал за Дингстетом в другой конец пещеры, а потом в туннель. Минут через тридцать Дингстет остановился. Орк огляделся кругом. Ничто не отличало этот участок туннеля от любого другого. Но Дингстет приложил ладонь к ближайшей стене, свободной в этом месте от омутида, и через несколько секунд сказал:

— Врата теперь открыты.

Перед ними по-прежнему не было ничего, кроме сверкающего кристаллического камня. Орк уже собирался кое-что сказать, когда Дингстет погрузил в камень руку по самое свое кольцеобразное запястье.

— Видишь?

— Можешь проходить первым,— предложил Орк, не столько из вежливости, сколько из осторожности. Он все еще не доверял Дингстету — тот мог предлагать ему шагнуть в смертельную ловушку.

— Отлично,— голос Дингстета казался очень напряженным, и лицо приобрело непонятное выражение.

Он шагнул вперед, но остановился, как раз перед тем как упереться носом в стену. И долго стоял так, в то время как Орк озадаченно наблюдал за ним. Потом отступил на шаг, поколебался и снова двинулся вперед — только для того, чтобы снова остановиться в полудюйме от стены.

Наконец Дингстет повернулся к Орку.

— Не могу! — простонал он.

— Почему? — недоумевающе спросил Орк.

— Первый раз в жизни я боюсь. До сих пор я не ведал значения таких слов, как опасение и страх, хотя и видел их в архивах компьютера. Зазель, должно быть, заложил в меня эти состояния потому, что существо, лишенное страха и осторожности, в конечном итоге обречено на гибель. Как только мы направились к вратам, я начал испытывать очень странные эмоции. Сердце заколотилось, желудок сжался, сам я начал

дрожать. Чем ближе мы подходили, тем сильнее становились эти симптомы. А сейчас...

Он застучал зубами. Орку никогда забыть звука алмазов, стучащих об алмазы. Наконец Дингстет достаточно овладел собой, чтобы перестать трястись.

— Я не могу! — стонал он.— Мной владеет такое ощущение, словно что-то на другой стороне уничтожит меня! Мне кажется... кажется, будто там меня ждет великая пустота! Шагнув через врата, я упаду в безмерное пространство и буду падать и падать без конца! А потом врежусь в дно и сломаюсь, разобьюсь на тысячу кусков! А это, знаешь ли, очень странно! Я ведь даже не знаю, как выглядит огромное пространство! Я всю свою жизнь прожил в этом замкнутом и упорядоченном мире и понятия не имею, на что же в действительности похоже большое пространство!

— У тебя острый приступ агорафобии и акрофобии,— высказал предположение Орк. Однако он не был уверен, что Дингстет не ломает комедию с целью заставить его первым пройти через врата.

— Мне известны эти слова, но вплоть до настоящей минуты я не знал, каково их истинное значение! Что это такое — страх перед неизвестным! Я не в состоянии покинуть этот мир! Просто не могу!

Орк и не собирался его уговаривать проходить через врата, желая воспользоваться моментом, пока у Дингстета мозги идут кругом.

— Слушай, Дингстет! Покинуть этот мир тебя побуждают любопытство и страсть к новым знаниям. Это ценные факторы. А твой избыточный страх перед неизвестным — это отрицательный аспект твоей личности. Это психическая болезнь, и я понимаю, что сам ты ее победить не в состоянии. Так вот, я скажу тебе, как поступлю. Когда я вернусь, а я обещаю, что вернусь, то принесу с собой лекарство, которое подавит твой страх. Вот тогда ты сможешь отправиться куда угодно и делать, что хочешь.

— Это было бы очень любезно с твоей стороны,— поблагодарил Орка Дингстет.— Только... я не уверен,

что есть лекарство, способное преодолеть такой сильный страх.

— Обещаю тебе, оно победит его.

— Но я не уверен, что мне хочется принять какое-то такое лекарство. Оно же может заставить меня сделать то, что принесет мне гибель!

— Я его доставлю сюда, а воспользуешься ты им или нет, будет зависеть от твоего желания.

Орку хотелось лишь одного — чтобы это существо помогло ему вернуться через врата.

— Я принесу тебе лекарство,— вновь пообещал Орк.

— Я впущу тебя, чтобы попробовать его,— сказало существо.— По крайней мере, думаю, что впущу. Удачного тебе стечения обстоятельств, Орк, сын Лоса и Энитармон!

— Тебе тоже,— пожелал ему Орк.

И шагнул сквозь врата — кристаллическую стену.

ГЛАВА 24

Из Пещерного мира Зазеля Орк вышел в мир, который местные жители называли Лактер. Пробыв там какое-то время, молодой Владыка определил, что тоанам он известен как Джадавин-Тар, то есть Мир Джадавина. Когда-то это был Мир Туллоха, то есть Туллох-Тар. Но Джадавин сумел пройти через врата-ловушки, и Туллоху пришлось спасаться бегством.

Особенностью Лактер было то, что на его ночном небе звезды, казалось, порхали, как светляки. Орк не случайно подумал именно так — «казалось», потому что многое в личных вселенных принадлежало к числу иллюзий. Врата вывели его в пещеру у подножия горы на большом тропическом острове, и, пройдя через джунгли, Орк оказался на берегу моря. Понаблюдав несколько дней за туземцами, он решил познакомиться с ними поближе. Это был мирный и дружелюбный народ, хотя некоторые их обычаи представлялись Орку экстравагантными, а порой и жестокими.

Язык поашенков не был родствен тоанскому. Орк выучил его довольно быстро, несмотря на необходи-

мость освоить некоторые незнакомые звуки. Он жил с миловидной женщиной в хижине из травы и дерева вроде бамбука, охотился, ловил рыбу, досыта ел, много спал и залечивал телесные раны. Душевные же раны заживали не так быстро. Владыку не покидало желание найти следующие врата. Научившись бегло объясняться на местном языке, он стал расспрашивать всех, кто утверждал, будто что-то знает о мире за пределами острова. Сведения из этих рассказов удалось почерпнуть скудные и большей частью полулегендарные.

Гостеприимные темнокожие хозяева предложили ему попробовать наркотик под названием афлатук, сделанный из сока трех растений. Орк пил его, а также курил измельченную кору сомакатина. Оба снадобья вызывали у него мечтательное состояние, движения и мысли становились замедленно-тягучими. Вкус сладкого ароматного плода или жареного мяса держался во рту несколько часов — так, во всяком случае, казалось после употребления этих наркотиков; оргазмы продолжались вечность. Местные жители утверждали, что афлатук и сомакатин не обладают никакими отрицательными последствиями, к ним также не развивается привыкание.

Однако через некоторое время юноша заметил, что взрослые члены племени не отличаются хорошей памятью. А потом у жены Орка случился выкидыш, и выяснилось, что это здесь довольно частое явление. Сначала эти факты не слишком обеспокоили молодого Владыку. Но когда он начал промахиваться на охоте — а Орк всегда был превосходным лучником,— его охватила тревога. Она только усилилась, когда Орк обнаружил, что у него начались провалы в памяти. Случилось это после очередного ритуального праздника, и всю ночь, несмотря на мучительные позывы выпить сока и покурить коры, Орк устоял. Ни с кем не попрощавшись, он вышел в море на своем челноке, захватив с собой воду и пищу.

На следующий день Владыка уже сожалел, что отказался от афлатука и сомакатина. Еще до наступления ночи тело его корчилось в судорогах от мучитель-

ного неутоленного желания выпить или сделать пару затяжек, и ветер уносил его крики, которые слышали только морские птицы. Остров исчез в дали, и на горизонте, насколько хватало глаз, не было видно суши.

Джим Гримсон тоже страдал и мучился и тоже, хотя и фигурально, кусал свои запястья и раздирал пальцами тело. Он в унисон Орку вопил благим матом, видел, как и молодой Владыка, демонов, вставших из моря, и огромные призрачные фигуры, глядевшие из-за туч, чувствовал вместе с ним, как кости пытаются прогрызть себе дорогу сквозь плоть и кожу.

В просветах между этими пытками Орк, а следовательно и Джим, впадали в депрессию. В конце концов юноша чуть было не прыгнул в море, не в силах более выносить подобное состояние.

Затем его муки внезапно прекратились — кровь очистилась от наркотиков, и Орк поклялся, что никогда больше не притронется ни к какому зелью.

К несчастью, во время одного из приступов депрессии он выбросил за борт все запасы еды и питья. И теперь ему приходилось сражаться с жаждой и голодом. Орк проиграл бы эту битву, если бы его не подобрал корабль. Однако, к несчастью, это оказалось судно работорговцев, оснащенное парусами и веслами, и Владыку, заковав, бросили в трюм, где уже томились сотни других пленников.

Пираты-работорговцы, с более светлой кожей, чем поашенки, вооруженные стальными пиками, совершили два набега на какой-то большой остров и, набив свой корабль до отказа чернокожими аборигенами, вот уже три недели плыли на север.

Орк пережил заточение в трюме, но впереди его ждало рабство. Его продали на плантацию и отправили работать в поле. Тяжкий труд от зари до темна под убийственным солнцем, дурная пища, беспрестанные унижения, не знающие устали бичи надсмотрщиков — все это подвергло испытаниям его терпение и выносливость. Орк знал, какое наказание грозит за неподчинение приказам и чем может обернуться для него возражение надсмотрщику или даже чуть угрюмый

взгляд. Несмотря на это, ему едва удавалось держать себя в руках. Он внимательно наблюдал за всем, что происходило вокруг, и искал пути к побегу.

Джим Гримсон не только разделял страдания Орка — у него хватало и своих. Еще когда юноша пережил самую настоящую «ломку», Джим попытался освободиться, но безуспешно. Охваченный ужасом, Джим повторял попытки вновь и вновь — но избавиться от Владыки не мог, и его поглотили без остатка кошмарные видения. Он стал слишком Орком, чтобы быть Джимом Гримсоном.

Когда муки прекратились, Джим обрадовался — теперь он сможет вернуться на Землю. И все-таки что-то мешало ему оставить Орка — возможно, то обстоятельство, что Владыка не счел плен и рабство невыносимыми. Однако в один не самый прекрасный день Джим решил: хватит, пора покидать эту вселенную. А когда пройдет достаточно времени и ситуация, возможно, изменится, он вернется к Орку. И снова Джима охватила паника, потому что он не мог вырваться. Однако теперь его удерживал мозг-призрак. Придвинувшись поближе, он «схватил» его своими призрачными клешнями (Джим почему-то знал, что мозг-призрак пустил в ход именно клешни, вроде крабьих). После этого мозг-призрак затих, словно удовольствовался тем, что держит добычу. Джим продолжал бороться — он читал заклинания и громко, хотя и фигурально, взывал к Богу, в которого не верил. Но все напрасно.

Вскоре после этого пришел черед взбунтоваться Владыке. В его намерения это не входило — просто закончилось терпение. Надсмотрщик Нагер питал неприязнь ко всем рабам на плантации, но особенно невзлюбил Орка. Он насмехался над белой кожей Орка, хлестал бичом чаще, чем других рабов, и за меньшие провинности. Тем вечером, сразу после того как Нагер велел водоносу не давать Орку пить, потому что тот не похож на жаждущего, юноша все же протянул руку и поднес ко рту ведро. В следующий миг Нагер сбил его с ног, ударив ногой в живот, а потом обрушил бич на

спину. Молодой Владыка стерпел шесть ударов, прежде чем его ослепила ярость. Он ринулся вперед сквозь алый туман, который застлал все вокруг, и пнул Нагера в пах. Прежде чем подоспели другие надсмотрщики и стражники, Орк свернул Нагеру шею. Несмотря на ожесточенное сопротивление, в ходе которого он убил стражника и изувечил еще одного надсмотрщика, его все же одолели. Главный надсмотрщик отдал приказ немедленно обезглавить Орка. Владыку поставили на колени и, заломив руки за спину, нагнули голову вперед. Главный надсмотрщик приближался к нему, обнажив длинный меч.

— Держите крепко! Один удар — и я снесу ему башку!

Джим испытывал нечто большее, чем просто ужас. Если Орка казнят, умрет и он, Гримсон был убежден в этом. Его горло напряглось, выкрикивая освобождающее заклинание, а затем возникло ощущение прохождения сквозь бесцветную пустоту, которая обжигала холодом.

В палате горел свет. Джим стоял, нагнувшись вперед, его руки сжимали горло Билла Крэнама, больничного охранника.

ГЛАВА 25

Два удара дубинкой по тыльным сторонам локтей парализовали пальцы Джима, и они сами собой разжались, отпустив горло Крэнама. Теперь самого Джима захватили сзади за шею полусогнутой рукой, оттащили его, полузадушенного, от Крэнама и швырнули на пол. Над ним стоял, держа дубинку, другой охранник, Дик Мак-Донрах.

— Не шевелись, черт бы тебя взял, не шевелись! — прохрипел он.

Несмотря на это предупреждение, Джим сел. Он был голый. Перед последними двумя вхождениями он снимал с себя одежду, почему-то решив, что она мешает легкости перехода.

— Что случилось? — прохрипел Джим, глядя снизу на Мак-Донраха и ощупывая шею.

— Мы устроили внезапную проверку по поводу наркотиков,— ответил охранник.— Тебя мы застали сидящим на стуле; ты, казалось, не слышал нас. Мы обыскали твою палату и нашли вот это!

Мак-Донрах сунул руку в карман и достал пластиковый пакет с несколькими черными капсулами.

— Стимулянты! — торжествующе объявил он.

Джим чувствовал себя ошеломленно-отупевшим.

— Это не мои...— пробормотал он.— Клянусь, не мои!

Гримсон повернул голову. В дверях толпились пациенты в пижамах и халатах. Санди Мелтон выглядела очень опечаленной, Джилмен Шервуд ухмылялся.

Билл Крэнам, осторожно ощупывая шею, нетвердыми шагами подошел к Мак-Донраху.

— Черт побери, Гримсон! — просипел он — Что это на тебя нашло? Я еле-еле растолкал тебя, а потом ты взял да и напал на меня! Почему? Разве мы не были всегда добрыми приятелями?

— Извини, Билл,— Джим вздохнул.— Я был в... том другом мире. В смысле, не совсем здесь. И даже не знал, что же делаю.

— Боже правый! — изумился Мак-Донрах.— Да у меня вся рубашка в крови!

Джим видел пятна на белом полотне, но мысли его пытались сосредоточиться на другом: он мог бы поклясться, что спустил «черных красоток», которых дал ему Шервуд, в унитаз.

— Это ты испачкался, когда схватил Джима сзади,— сказал Билл и зашел Джиму за спину.— Господи! У тебя из спины кровь хлещет, как из зарезанной свиньи! Откуда у тебя такие глубокие раны? Мы же не притрагивались к твоей спине, могу поклясться на целой куче Библий!

Теперь и Джим почувствовал боль от кнутов и жжение текущей крови.

— У меня...— Он умолк.

Как можно было это объяснить? Да и нужно ли... Важнее всего узнать, как попали наркотики к нему в палату. Сукин сын Шервуд! Без него тут наверняка не

обошлось! Но зачем ему пытаться кого-то подставить? И как он это сделал?

Мак-Донрах, рослый толстопузый здоровяк средних лет, отвел Джима в ванную и поставил его спиной к зеркалу. Вывернув насколько возможно шею, Джим осмотрел спину, которую пересекало по меньшей мере шесть длинных и глубоких рубцов, кровь уже начинала запекаться. Бич надсмотрщика нанес их Орку, и все же они отпечатались и у него на теле.

— Я тебя помою,— сказал Мак-Донрах.— Только не делай резких движений. Не доверяю я тебе.

— Я ж не сумасшедший,— обиделся Джим.— Просто я был, ну, это, погружен в себя. Я совершенно не осознавал, что делаю. Но те капсулы, Мак, они не мои. Кто-то пытается меня подставить.

— Все так говорят в подобной ситуации.

Мак стер полотенцем кровь, потом обмыл раны водой с мылом и промокнул досуха бумажными полотенцами, после чего протер их спиртом. Джим крепко стиснул зубы, но не издал ни звука.

— Тебе надо будет сходить в травматологию, там их обработают как следует. Но, думаю, инфекция в раны не попадет. Надевай халат и шлепанцы.

— Ладно,— согласился Джим.— Но я эти наркотики не покупал и не приносил их сюда. В этом я не виноват.

— В твоем возрасте невиноватых уже не бывает.

— Философ долбаный! — прорычал Джим.

Красный туман, окутавший Орка, теперь поглотил и его. Последняя реплика Мак-Донраха выпустила на волю ту ярость, которую Орк — Джим всегда носил в себе, словно легкую лихорадку. А несправедливое обвинение в употреблении наркотиков превратило лихорадку в настоящую горячку.

Дальше что-то случилось. Но как бы Джим ни поступил, воспользовался он при этом боевым мастерством Орка, и теперь Мак-Донрах лежал навзничь на зелено-белом кафельном полу, покрытом красными пятнами. Он был без сознания, и из уха у него текла кровь. Джим завопил благим матом и бросился вон из

ванной, успев краем глаза увидеть, как Крэнам обрушивает дубинку ему на голову. А потом — темнота.

Когда Джим пришел в себя, он лежал на столе — судя по всему, в травматологии, на первом этаже больницы. Спина болела, но голова просто раскалывалась на части. Доктор Порсена, в клетчатой шерстяной рубашке и джинсах, разговаривал с дежурным интерном. Рядом с ним стояли двое полицейских в форме. Через несколько минут к ним присоединилась сотрудница в штатском. Переговорив с копами, она стала вполголоса совещаться с доктором Порсеной, затем он подошел к Джиму.

— Как ты? — спросил он.

— Все выше и выше,— ответил Джим.

Порсена натянуто улыбнулся.

— Ты попал в чертовски скверную историю. Но думаю, мы сумеем во всем разобраться, хотя и не только ради того, чтобы облегчить тебе жизнь. Переверниська. Я хочу осмотреть твою спину.

Джим подчинился. Порсена присвистнул.

— Откуда они у тебя? Не мог же ты сам нанести их!

— В некотором смысле... Это раны Орка. Он получил их от одного надсмотрщика, с которым был дерзок.

— У тебя уже бывали стигматы, Джим.

Жалея, что не видит лица Порсены, Джим начал объяснять:

— Да, но у меня бывали только кровотечения, доктор. А это настоящие рубцы, глубокие. И болят к тому же. Никакие они не психогенные, как выражаетесь вы, специалисты. Вы ведь не хотите дискредитировать мои приключения, не правда ли?

— Поговорим о рубцах позже. Надо еще разобраться в деле с наркотиками. Как я понял, ты утверждаешь, что их тебе подбросили. Пока тебя оставят переночевать здесь для наблюдения — возможно, у тебя сотрясение мозга. Завтра попробую выяснить, что произошло. Спокойной ночи, Джим.

На следующий день Джим вернулся в свою палату. Его рубцы прикрыли марлей, приклеив ее по краям, и они болели уже гораздо меньше. Возможно (но это

лишь предположение), что он перенял способность Орка быстро заживлять раны.

Джиму удалось провести собственное расследование, хотя ему теперь разрешали выходить из палаты только в столовую и на групповую терапию. Торазин[1], прописанный доктором Порсеной, делает человека чересчур послушным, затуманивая ему мозги. Несмотря на это Джим без особого труда сообразил, что именно произошло, пока он находился в Многоярусных мирах — или в трансе, как считали все.

Шервуд получал «товар» через санитара Нейта Роджерса. Пациенты знали об этом, Джим даже один раз видел, как это происходило, но своеобразный «кодекс чести» запрещал им сообщать администрации. Прошлой ночью неожиданный обыск застал Роджерса врасплох — и он в панике спрятал свой товар в палате Джима. Он запросто мог это провернуть прямо под носом у пациента, ведь Джим ушел в мир иной — причем в самом что ни на есть буквальном смысле. Конечно, это могло быть и делом рук Шервуда — просто из вредности.

Хватит теоретизировать! Перейдем к делу, возьмем быка за рога. Так поступил бы Орк — значит, и Джим Гримсон будет так действовать.

Время ленча еще не подошло. Джим шел по коридору, здороваясь с немногими встречными пациентами. Ни сотрудники медцентра, ни медсестры, ни санитары, которые могли бы прогнать его обратно к себе в палату, ему не попадались. Нейт Роджерс, мужчина лет под сорок, высокий и мускулистый, но безобразный на вид, стоял, прислонившись к двери бельевой. Заметив Джима, он улыбнулся.

— Как у мальчика на душе?

— Скверное настроение, сволочь ты поганая!

С этими словами Джим схватил Роджерса, развернул его и втолкнул в бельевую. Тот споткнулся, пытаясь удержаться на ногах. Джим включил свет. Санитар резко обернулся.

---

[1] Препарат из группы нейролептиков.

— Какого черта, засранец?

— Ты скажешь Порсене, что это твоих рук дело, иначе я буду бить тебя, пока не признаешься.

— Что? Спятил ты, что ли? Ну, конечно, спятил! Вы ведь все тут чокнутые!

— Так не забывай этого,— посоветовал ему Джим.— Стоит тебе только повернуться к нам спиной, как мы тебе раз — и горло перережем. Во всяком случае, я — точно. Так ты идешь со мной к Порсене или нет?

— Дерьмо,— выругался Роджерс.— Да у тебя на меня ничего нет, совершенно ничего! Отвали, подонок, а то по стенке размажу!

— Ты мне, может, и не поверишь, но я знаю, как убить тебя за две секунды голыми руками.

— Враки! — презрительно ухмыльнулся Роджерс.— А если бы даже и мог, то не посмеешь! Хочешь в тюрягу сесть до конца жизни?

— Я видел, как ты давал Шервуду наркотики,— веско бросил Джим.— И другие тоже. Если они поймут, что меня подставили, то вряд ли станут молчать.

— Ну да, разумеется! Держи карман! Думаешь, им охота остаться без снабжения?

— Нелегальные наркотики у Шервуда покупают лишь немногие. Ладно. Даю тебе пять секунд. Раз, два, три, четыре, пять!

Роджерс, размахивая кулаками, кинулся на Джима. В следующий миг он уже лежал на спине с остекленевшими глазами и открытым ртом. Джим подождал, пока Роджерс не пришел в себя.

— Это я всего лишь двинул тебе в зубы. И здорово ушиб себе руку. В следующий раз я пну тебя в живот или воткну тебе три пальца под сердце и буду сжимать, пока оно не остановится. Мне не хочется это делать, Роджерс. Нет, неверно — на самом деле я получу огромное удовольствие.

Джим лгал. Ему вдруг пришло в голову, что следовало бы заставить Роджерса сознаться с помощью какой-нибудь хитрости, а не насилия. Разве Орк не поступил бы именно так? Возможно, он, Джим, все-таки вел себя неправильно, и ситуация становится

еще хуже. Однако теперь уже поздно, обратного пути нет.

— Ты можешь все это сделать? — не очень-то испугался Роджерс.— Вот погоди, увидишь, в каком глубоком дерьме ты еще окажешься!

Дверь распахнулась, чуть не задев Джима. Он посторонился и увидел Шервуда. Рослый белобрысый юнец моргал в удивлении и тревоге.

— За товаром пришел, Шервуд? А я за тебя уже договорился!

У Роджерса в карманах наверняка лежали наркотики, которые и пришел купить Шервуд. Не тратя время на размышления, Джим толкнул юнца вперед. И сразу же выскочил в коридор, захлопнул дверь и навалился на нее всем телом. Мимо шла Санди Мелтон, и он велел ей сбегать за охраной.

— Скажи им, что я поймал Шервуда и Роджерса на сделке с наркотиками!

— Что? Ты их сдаешь? — пришла в замешательство Санди.— Но ведь...!

— Либо меня возьмут за задницу, либо их,— огрызнулся Джим.— Скорей!

Она вернулась через минуту вместе с двумя дежурными охранниками Элиссой Радовски и Айком Вамасом. Джим едва удержал дверь, в которую беспрестанно молотил Шервуд.

— Скорее! — крикнул он охранникам.— Роджерс и Шервуд рассчитываются там за товар! Я их поймал! Вам лучше зайти поскорее, пока Роджерс не отделался от наркоты!

Джим отступил в сторону — и Шервуд вывалился в коридор на четвереньках. Охранники ворвались в бельевую. Джим увидел Роджерса с пластиковым пакетом в руке — очевидно, он только что проглотил его содержимое. Тем не менее охранники извлекли еще шесть пакетиков из внутреннего кармана его белой куртки санитара. А потом его забрали в травматологию, где ему промыли желудок. Через несколько минут туда в смирительной рубашке препроводили Шервуда.

Джим стоял прислонясь к стене, мотая головой. Красное облако снова закрыло его разум, и он пнул бы Шервуда по ребрам, если бы Санди Мелтон не вцепилась в него и не завопила.

* * *

Закончив допрос, Порсена распорядился, чтобы Джима заперли в его палате.

— В основном для того, чтобы помешать тебе ввязаться еще в какую-нибудь историю и дать время успокоиться,— сказал он.— Я зайду к тебе, когда разберусь со всем этим.

Обыкновенно невозмутимый психиатр был рассержен — это ясно видно было по его лицу и голосу. Джим безропотно отправился в палату. То, что он довел даже доктора Порсену, произвело на него очень глубокое впечатление. Доктор, вопреки ожиданиям Джима, не вызвал его к себе в кабинет, только опять прописал Джиму торазин.

Транквилизатор не принес успокоения. Вместо того чтобы лечь спать после отбоя, Джим расхаживал взад-вперед по палате, холодея от душевной муки и кипя от ярости.

ГЛАВА 26

Джим пришел в кабинет психиатра на индивидуальный сеанс. На стене висел новый диплом в рамке, а к семье бюстов со слепыми глазами и пышными бородами — сплошь древнегреческие и древнеримские философы — добавился новый. Изваяние изображало доктора Порсену, но надпись гласила: «НЕИЗВЕСТНОМУ ПСИХИАТРУ».

Хотя Джим был совсем не в смешливом настроении, он не выдержал и прыснул. У этого доктора отменное чувство юмора.

В начале сеанса Порсена кратко изложил, как обстоит дело с историей, в которую попал Джим. Говорил он очень быстро, но четко и без пауз — почти как

аукционист. Это была его обычная манера речи, когда ему приходилось разбирался с вопросом, который требовалось решить, прежде чем перейти к главному делу — терапии.

Роджерсу позволили уволиться с работы по собственному желанию, без обвинений в торговле наркотиками. Чтобы заслужить это, ему пришлось полностью во всем признаться и забыть про столкновение с Джимом. Джилмен Шервуд тоже не стал обвинять Джима — доктор ясно дал ему понять, что если он не откажется, то его выгонят из группы и обвинят в торговле наркотиками. Шервуд вернулся к себе в палату, но под строгий надзор. Крэнам и Мак-Донрах тоже получили по заслугам, поскольку доктор Порсена утверждал, что они неправильно действовали в ситуации с Джимом. Хотя они продолжат работу в больничной охране, в психиатрическое отделение их больше направлять не будут.

— Я твердо верю в то, что человеку нужно давать шанс, возможность исправиться,— сказал доктор.— В данном случае тебе он тоже предоставляется. Итак, я говорил о твоем необычайно живом воображении. Оно помогло тебе быстрее продвинуться в лечении, чем многим пациентам из твоей группы. Но я не хочу, чтобы тобой овладела гордыня. Тебе просто повезло родиться с таким даром.

Доктор замолчал. Его голубые глаза наводили на мысли о викингах, про которых рассказывал Джиму дед. Вот такие глаза могли быть у Лейва Счастливого, глядящего на хмурое, полное опасностей море, которому, казалось, нет конца. А где-то там, за каким-то далеким горизонтом, лежала неоткрытая земля. Не слишком ли далека она? Не следует ли повернуть в Гренландию?

Выражение лица Порсены слегка изменилось. Он принял решение.

— Настало время,— сказал он,— начать избавляться от нежелательных черт характера Рыжего Орка.

Джим не ответил.

— Как ты к этому относишся? — спросил доктор.

Джим поерзал на сиденье, поискал что-то на потолке, а затем провел языком по губам.

— Мне... мне, надо признаться, страшно. У меня такое чувство... словно меня постигла... большая утрата. Не знаю...

— Знаешь,— кивнул Порсена.

— Это действительно необходимо? Не торопите ли вы события? Я только-только соединился с Орком. Господи, сколько же дней прошло с тех пор, как это началось?.. На самом деле, не так уж и много!

— Для терапии неважно, сколько дней прошло. У нас не исправительное заведение. Учитываются только темпы продвижения в лечении. И не надо стыдиться, если тебе страшно. На этой стадии все пациенты сильно напуганы. Прореагируй ты равнодушно, у меня возникли бы сильные подозрения. Пришлось бы теряться в догадках, по-настоящему ли глубоко ты проник в образ Орка? Но теперь у меня нет ни малейших сомнений по этому поводу.

— Даже слишком глубоко? — догадался Джим.

— Надо выяснить.

— Какие же у Орка плохие черты? — спросил себя вслух Джим.

— Это ты мне скажи.

— Я бы предпочел сначала поговорить о его хороших чертах.

— Порядок выбираешь сам. Только перед этим скажи мне, каковы в данный момент твои ощущения, эмоциональные и физические? Помимо страха.

— Мне лучше на душе, когда я говорю о хороших чертах Орка. Но сердце все еще сильно колотится. А в кишки точно жира напихали. И помочиться требуется.

— Потерпеть можешь? Или тебе будет слишком неудобно?

— Не знаю,— Джим пожал плечами.— Полагаю, да.

— Итак, каких же черт характера Орка, по-твоему, тебе не хватает, или они слишком слабо развиты?

— Слушайте! — выпалил Джим.— Не могу я бросить его! Я ему нужен! Там мозг-призрак... я должен

избавить Орка от него! Если призрак возьмет верх, Орк уже не будет больше самим собой! Я не захочу больше отождествляться с тем человеком, если его разум перестанет принадлежать Орку! Кроме того, какой в этом будет смысл? — Джим остановился, чтобы сглотнуть. Рот и губы у него совсем пересохли.— Думаю, вы и сами мне не позволите!

— Я этого не говорил,— возразил доктор.— Разберись сам, почему у тебя сложилось такое впечатление, скажи мне, почему ты думаешь, что я заставлю тебя бросить Орка. А ты ведь думаешь именно так, не правда ли? Мне хочется, чтобы ты некоторое время не входил в него — какой именно период, это определится твоими успехами в лечении. Потом ты продолжишь свои визиты. Так какие же у него хорошие качества?

— Ну... смелость. Решимость, которую ничто не остановит. Изобретательность — он использует любые материалы, какие окажутся под рукой, для достижения своей цели. Желание научиться всему. Любопытство. Высокая самооценка — вот бы мне такое самоуважение! Он умеет приспособиться к любой ситуации, ладить с людьми и высокого, и низкого звания, если ему это выгодно. Терпение, как у черепахи. Однако в случае необходимости он проворен, как кролик.

— Что еще?

— Его отношение к родным. Он по-настоящему любит свою мать, хотя и злится на нее за то, что она не отличается твердостью и недостаточно часто противостоит отцу. И все-таки она сильная. И еще Орк без ума от своей тетки Валы. Что касается его отношения к туземкам, в особенности к сводным сестрам, то он никогда не был с ними жесток. Конечно, соблазняя этих женщин, он ведет себя не вполне по-христиански. Но Орк никогда их не принуждал, тем более что, по мнению туземцев, родить ребенка от Владыки — большая честь.

— В какой степени тебе удалось перенять положительные качества Орка? Например, удалось ли повысить собственную самооценку?

— Мне кажется, о подобных вещах судить полагается вам!

— А я спрашиваю тебя.

— По-моему, да. Только...

— Только что?

— Моя ли это самооценка? Или я позаимствовал ее у Орка? Возможно, я, находясь на Земле, продолжаю играть роль Орка... Теперь так будет всегда?

— Человека, искренне уважающего себя, не волнует, что о нем думают другие,— заметил доктор.— Такой человек знает, чего он или она стоит. Я бы сказал, что настоящим индикатором твоего истинного самоуважения служит твое поведение, когда ты сталкиваешься с проблемой. Похоже, теперь ты берешь инициативу в собственные руки. Ты не хандришь. Не ограничиваешься только лишь одним желанием изменить ситуацию. Я правильно подметил?

— Да, вроде,— кивнул Джим.— Я не так труслив, как раньше. Во всяком случае, так мне кажется.

— А может, ты никогда и не был таким трусом, каким считал себя? Дрался же ты с тем хулиганом, Фрихоффером, хотя мог и уклониться.

— Ну да, разумеется! — хмыкнул Джим.— Чтобы все подумали, будто я наклал полные штаны от страха?

— Случись это сейчас, из-за чего бы ты дрался: из-за боязни общественного мнения, которое сильнее даже страха перед физическим насилием, или просто потому, что не боялся его? И считал, что хватит терпеть его грубость?

— Ну, полагаю, по второй причине. Но... откуда мне знать, больше же такого не случалось?

— В каком-то смысле это произошло вновь. Как только ты понял, какая сложилась ситуация, то тут же взялся за дело и разрешил ее. Мог бы, конечно, сделать это по-другому и получше. Но суть в том, что ты отреагировал без промедления... А теперь давай обсудим отрицательные качества Орка.

— Легко! Он высокомерен. Но это не его вина — так воспитывают Владыку. А они считают себя избранным народом Бога, хотя в Бога не верят. Факти-

чески людьми они считают только себя. Остальные — не настоящие люди.

— Ты его оправдываешь. Ты считаешь высокомерие нежелательной чертой характера? Для тебя?

— Ну, разумеется.

— Далее?..

— Жестокость. Но, похоже, без нее и нельзя быть Владыкой. Поначалу, когда я только вошел в него, Орк еще проявлял какое-то сочувствие к другим. Он и с отцом поссорился из-за того, что отказался убить своего сводного брата, пусть тот и был леблаббием. И потом — его нестихающая ярость. Он почти всегда зол. Но это потому, что мать не сумела помешать отцу отправить сына на Антему. Почему они так поступили с сыном? Орк просто не желал пресмыкаться перед отцом, все время лизать ему задницу и терпеть от Лоса незаслуженные пинки и оскорбления, вот и все. Я бы из-за такого тоже чертовски разозлился.

— Мы уже говорили с тобой об адекватном и неадекватном гневе,— напомнил ему доктор Порсена.— По твоим словам, Орк хотел применить машину разрушения для того, чтобы уничтожить свой родной мир. А ведь при этом должен погибнуть не только его отец. Смерть постигнет также его мать, братьев, сестер и несколько миллионов туземцев — все живое в том мире. Разве это адекватная месть?

— Да ведь это была только фантазия! — возразил Джим.— Черт возьми, у всех бывают подобные фантазии! Но никто же их не осуществляет! Кроме того, Орк сначала собирался спасти мать и брата!

— И дать погибнуть всем остальным. Что же касается этих обычных фантазий о мести, то те, кто лелеет подобные мечты, в жизнь их, как правило, не воплощают. Орк обязательно воплотит, если сумеет вернуться за машиной разрушения. Пустит ли он ее в ход?

— Надеюсь, что нет. Это было бы ужасно. Но я не узнаю, сделает ли он это, если снова не войду в него.

— Вероятно, у тебя есть соображения на этот счет,— не согласился с ним психиатр.— Только ты не хочешь

ими делиться. Однако как поступил бы Орк, если б его подставили так же, как тебя?

— Точно так же, как я,— гордо произнес Джим.

— Напал бы на охранников? Вряд ли — если он в большинстве ситуаций рассуждает так хладнокровно, как явствует из твоих слов. Да, признаю, тебя спровоцировали. Но, по моей оценке, не настолько чтобы так буйно реагировать. Была ли необходимость нападать на Шервуда и Роджерса? Неужели нельзя было разоблачить их как-то иначе?

— Да, разумеется — если б я настучал на них. Но я ничего б не смог доказать, если бы просто донес на них охране или вам. Требовалось поймать их с поличным — никакого иного способа не было!

— Ты их разоблачил. Но при этом разбил лоб Шервуду.

— Он на меня напал!

— Твоя оборона больше походила на нападение. Очень яростное.

— Именно так поступил бы Орк!

— Вот-вот. И это представлялось тебе адекватным действием?

Джим нахмурился и прикусил нижнюю губу. А затем ответил:

— Вы говорите, что действовать подобно Орку было неверным выбором в моей ситуации.

— Я такого не говорил. Ты сам это сказал. И...?

— Ладно, теперь понимаю. Я не разобрался как следует, что в поведении Орка адекватно, а что неадекватно.

— И в твоем тоже.

Психиатр продолжал развивать эту тему. Он принадлежал к числу тех проводников, которые предоставляют своим клиентам самим составлять карту по ходу путешествия. Только путешественник не мог предугадать, в какую сторону его ведет проводник.

Под конец сеанса доктор велел Джиму каждый день заходить в аптеку за прописанной дозой торазина.

— Будешь некоторое время принимать его, но в этот период тебе не следует возвращаться к Орку. Мне хо-

чется, чтобы ты оценил пережитое тобой и свои чувства по отношению к этому опыту. Вот тогда и поговорим о возвращении. Решительно настаиваю — и я знаю, что делаю — на том, чтобы ты не пользовался знатрой, пока я не дам разрешения. Полеты отменяются до улучшения внутреннего климата, договорились?

— Ладно. Вас понял.

Выйдя в коридор, Джим вдруг испытал озарение. Однако он не мог вернуться и сказать доктору, что ему неожиданно открылось. Порсена бы сильно встревожился и принял нежелательные для Джима меры. Хотя, возможно, он и так уже кое-что заподозрил. Джим привык быть Орком, то есть стал оркоманом.

ГЛАВА 27

Было несколько обстоятельств, которые обошли молчанием во время беседы и доктор, и Джим. Одно из них заключалось в том, что Джиму не требовалось беспокоиться насчет того, казнили Орка или нет. В конце концов, разве Фармер не написал, что молодой Владыка, ныне известный как Рыжий Орк, был жив и здоров в середине двадцатого века нашей эры? Стало быть, опасения Джима, что Орка могли убить, ни на чем не основаны. Почему же тогда Джим так волнуется?

Еще одним обстоятельством являлось расхождение между тем, что писал о Владыках Фармер, и тем, что знал Джим. В серии «Многоярусный мир» Вала считалась сестрой Ринтраха и Джадавина. На самом деле Вала была женой брата Лоса, а Ринтрах — вторым ребенком Лоса и Энитармон, то есть младшим братом Орка.

Доктор Порсена и его сотрудники считали — хотя никогда не говорили этого пациентам — что Многоярусный мир являлся чистым художественным вымыслом. Но Джим лучше знал ситуацию. Ведь не зря поговаривали, будто Фармер пережил несколько настоящих мистических озарений — должно быть, он был,

а возможно, по-прежнему оставался, своего рода приемником, получавшим каким-то образом сведения о мирах Владык. Их свет доходил до него сквозь стекло, затемненное межвселенскими психическими вибрациями или чем-то иным. Но писатель не всегда бывал точно настроен на их частоты, и «атмосферные помехи» портили качество приема, к тому же он в силу своей профессии отдавал дань сочинительству, так сказать, для заполнения пробелов.

Тем не менее, несмотря на некоторые ошибки в хронологии и идентификации, ММ-стрелы Фармера обычно попадали в цель или где-то рядом. К тому же некоторые Владыки, лично известные Джиму или о которых он был наслышан, совсем не обязательно являлись персонажами Фармера. Ничего не мешало им быть потомками героев романа или их родственниками.

У Джима имелись проблемы и поважнее этих. Джим привык к Орку, и теперь, из-за невозможности войти в него, испытывал симптомы настоящей «ломки». Однако ему удавалось в какой-то мере держать себя в руках при помощи методики, применяемой Орком. Джиму она напоминала некоторые приемы ментальной техники йогов, о которой он читал, тем не менее овладеть ею можно было гораздо быстрее. В конце концов тоаны потратили не одну тысячу лет на ее совершенствование. Хотя эта техника не могла полностью снять эффекты «ломки», но все-таки уменьшала боли и раздражительность. Поэтому Джиму удавалось сдерживаться и не рычать на людей, а также не оскорблять их.

Его самочувствие несколько улучшилось, когда позвонила миссис Выжак и снова подтвердила свое приглашение — жить в ее доме, когда Джим перейдет на амбулаторное лечение. На похоронах Сэма миссис Выжак, рыдая, прижала Джима к груди и обещала дать ему приют, сразу предупредив, что он должен будет соблюдать ее правила. Никаких наркотиков, никакого курения в ее доме, никакой ругани, каждый день мыться, вовремя приходить к столу, никакой громкой музыки и т. д.

Джим пообещал, что будет делать все, как ей хочется. На его взгляд, больших трудностей у него возникнуть не должно. Он вполне мог в присутствии миссис Выжак держать свои «антиобщественные» мысли при себе. Однако всю радость от ее приглашения ему подпортили на следующий же день. Позвонила мать и сказала, что придет к нему вечером. И сообщила она ему именно то, что Джим был готов услышать,— они с отцом через пять дней уезжают в Техас. К глазам мгновенно подступили слезы, сердце больно сжалось. Хотя Джим и подготовился к этому моменту — или думал, что подготовился,— слова матери причинили ему сильную боль. Но он не позволит ей увидеть его плачущим. Не хватало еще, чтобы она рассказала отцу, как глубоко на него подействовало сказанное.

Джим не спрашивал, почему не пришел отец. Трус!

Ева Гримсон пообещала, что будет переводить деньги на больничную страховку. А также была уверена, что сможет присылать Джиму деньги на одежду, учебники и прочие необходимые вещи. Отец обязательно найдет хорошую работу, но Джиму придется набраться терпения.

— Я буду терпеть вечно,— крикнул он вслед матери, когда она, спотыкаясь, брела к лифту.— И вы будете вечно ждать меня в Техасе! Возможно, я приеду до того, как отец умрет!

Это было жестоко — но недостаточно жестоко для Джима в его нынешнем настроении!

Через несколько минут, когда он шел по коридору к себе, его остановила радостная Санди Мелтон. Ее маниакальные фазы смягчились благодаря терапии. И, кроме того, она получила письмо от отца и хотела прочесть его Джиму. В другое время он охотно разделил бы с ней ее радость. Но как раз сейчас вид чужого счастья вызывал у него прилив гнева. Тем не менее он поборол свое нетерпение.

— Папе дают работу здесь, в штаб-квартире компании! Вот слушай! «Дорогая Санди, моя самая любимая дочка». А у него, знаешь ли, только один ребенок, я. «Как я говорил тебе слишком много раз, мне надоели

анекдоты про коммивояжеров и достало самому быть им». Это он про свою работу. «Так или иначе, мне предложили стать начальником отдела сбыта в моей любимой, холодной, бессердечной корпорации „Акме Текстайлз". Думаешь, я отвергну это предложение по каким-либо этическим, моральным, философским или финансовым соображениям? Подумай получше! Итак, дорогая доченька, я перехожу Рубикон, сжигаю за собой мосты и вновь иду на штурм крепости — твоей бедной матери. Будь то ясный полдень или мрачная полночь, но у нас с ней произойдет окончательная разборка. Теперь у меня появилась возможность содержать ее, независимо от того, разойдемся мы или разведемся — как уж решат Бог и ее скверный характер».

Санди запрыгала, и письмо трепетало в ее руке, словно флаг победы.

— Ну, разве он не молодец? Ну, разве не чудо? Должно быть, он преодолел свое чувство вины по отношению к ней — я бы тоже хотела и обязательно это сделаю,— и он будет теперь ночевать дома, и я тоже там буду!

Джим обнял Санди и сказал:

— Мне пора идти.

— Но я хочу отпраздновать это событие!

— Черт возьми, Санди! Не хочу задеть твои чувства, но я не в состоянии этого вынести! Извини. До скорого!

И Джим широким шагом двинулся прочь — слезы угрожали хлынуть, прежде чем он успеет добраться до своей палаты.

— Я могу чем-нибудь помочь, Джим? — крикнула вслед Санди.

Ее сочувствие и забота сработали, как детонатор. Джим, рыдая, влетел к себе, захлопнул дверь и упал на стул. Ему хотелось броситься на кровать и зарыться лицом в подушку. Но он не стал этого делать, поскольку именно так и поступила бы какая-нибудь женщина.

Эта мысль пришла к нему посреди рыданий и запустила эффект домино где-то в его мозгу. Костяшки-мысли повалились во мрак, и последней оказался со-

вет, который дал когда-то Джиму его дед, Рагнар Гримсон.

— Характерная особенность норвежской культуры, а также английской и американской заключается в том, что мужчинам не полагается плакать. Держи хвост трубой и все такое. А вот викинги, твои предки, Джим, плакали, словно женщины,— и на людях, и наедине с собой. Они орошали бороды слезами и нисколько этого не стыдились. Мечи, кстати, они обнажали столь же быстро, как и проливали слезы. Зачем нам вся эта чушь насчет обязательности для мужчин сдерживать свою печаль, горе и разочарование? Держа хвост трубой, они только наживают себе разные язвы, инфаркты и инсульты — точно говорю, старина.

Орк, как почти все тоаны мужского пола, в определенных ситуациях вел себя стоически, а в других не стеснялся плакать и стонать. Испытывая физическую боль, он не подавал виду. Но, охваченный радостью или горем, он выл, плакал и бесился сколько душе угодно. Такое поведение представлялось Джиму желательной чертой характера. Однако если бы Джим перенял эту часть образа Орка, то здесь и сейчас, в этом времени и пространстве, его сочли бы тряпкой. Какую бы силу характера ни почерпнул Джим у молодого Владыки, ее все же недоставало — во всяком случае, пока — на то, чтобы игнорировать мнение других.

Ко времени сеанса групповой терапии Джим во многом справился со своим горем и гневом. По крайней мере, ему так казалось, хотя он знал, что сильные эмоции — штука коварная. Они прятались, а потом выскакивали наружу, когда что-то отворяло им ворота. Что ж, если родители и бросили его, то не от хорошей жизни. Им давно следовало уехать отсюда, если они хотели как-то выбраться из нищеты. И совсем не их вина, что он не мог поехать с ними. Ну, частично, допустим, и их. И все-таки он в состоянии позаботиться о себе — разумеется, когда пройдет терапию.

Трудновато будет теперь браться за учебу, тем более — закончить среднюю школу с хорошим средним баллом. А учиться в колледже, зарабатывая при этом

себе на жизнь, будет еще тяжелее. Но он с этим справится. Чем он хуже других — наделенных куда меньшей волей и умом?

Такая мысль удивила его самого. Что это с ним? Еще не так давно он считал, что такому тупице, как он, вообще не получить аттестат. А теперь вдруг — собирается в колледж, да еще намерен хорошо там учиться. Даже горит желанием поскорей приняться за учебу.

Странная трансформация, подумал Джим. Метаморфоза. Таракан всего за ночь превратился в человека[1], причем повыше классом, чем раньше. И этой переменой он обязан Орку. Нет. В конечном счете это произошло благодаря доктору Порсене, Сфинксу. Но психиатр сказал бы ему, что Джим Гримсон все сделал сам, хотя ему, конечно, и помогли.

В приподнятом настроении Джим отправился на сеанс, намереваясь рассказать тринадцати остальным членам группы, как ему хорошо и по какой причине он шагает по Дороге, Вымощенной Желтым Кирпичом, ожидая увидеть радугу за первым же поворотом[2].

Однако сегодня все «Многоярусные Мушкетеры», как они себя называли, тоже были возбуждены. Все так рвались выступить, что доктору Сцеволе — он сегодня вел группу — не без труда удавалось поддерживать порядок. Часть его трудностей проистекала из отношения к нему больных. Доктор Сцевола, хотя и энтузиаст многоярусной терапии, явно не верил в реальность их путешествий. И тон, и мимика психиатра отчетливо выдавали это.

По словам одной пациентки, Моники Брэгг, которая иногда работала в канцелярии, ей как-то случайно удалось услышать, как Порсена и Сцевола спорили о концепции параллельных миров. Порсена утверждал, что недавние открытия в теоретической физике указывают на возможность существования параллельных миров. А Сцевола отнесся к этому утверждению с откровенным пренебрежением.

---

[1] Намек на «Превращение» Ф. Кафки.

[2] Из сказки Л. Ф. Баума о стране Оз.

Кроме того, у Сцеволы возникали некоторые трудности в отношениях с фанатами рок-музыки, так как доктор любил только итальянскую оперу и композиторов-классиков.

Наконец Сцевола все-таки успокоил группу. Первым выступил восемнадцатилетний Брукс Эпштейн, высокий, поджарый, внешне похожий на Линкольна. Но вот голоса своего — тонкого и пронзительного — Брукс стеснялся. Такой не пойдет ни юристу, ни хирургу, представителям весьма уважаемых профессий. Хотя Брукс страстно желал стать профессиональным бейсболистом. Он заявил родителям, что поступит в колледж, а потом в Гарвард только в том случае, если не сумеет стать игроком высшей лиги. Брукс не поддался ни их давлению, ни нажиму со стороны своей невесты, которая была целиком на их стороне. Неожиданное самоубийство отца — хотя причина казалась ясной: крах сети скобяных магазинов и неизлечимый рак костного мозга — окончательно добило Брукса. Мать никогда открыто не говорила, что именно переживания из-за сына довели Эпштейна-старшего до банкротства и рака, но считала именно так.

Поступление в Гарвард отошло в область невозможного, и Брукс радовался этому, хотя одновременно чувствовал себя за это еще более виноватым. А затем богатый дядюшка из Чикаго предложил оплатить учебу Брукса в любом университете по выбору племянника. Условие состояло в том, что Брукс вернется к вере предков (от которой он отказался) и получит диплом либо юриста, либо врача. Мать и невеста усиленно нажимали на Брукса, вынуждая его принять это предложение.

В одну прекрасную ночь Брукс, по его выражению, вконец спятил. Вооружившись бейсбольной битой, он переломал мебель, перебил коллекцию фарфора и окна. Хуже того, он угрожал размозжить головы матери и невесте. Брукса забрали в полицию. После неудачного лечения многими последователями школ Фрейда и Юнга он поступил наконец под опеку доктора Порсены.

Брукс выбрал для воплощения барона Лаксфалька, фигурировавшего в первой книге серии. Он жил на Дракландском ярусе планеты-зиккурата типа Вавилонской башни, подвластной Владыке Джадавину. Хотя на этом ярусе обитали существа, созданные Джадавином, его также населяли и потомки землян. Джадавин, столь же бессовестный, как любой тоан, похитил из средневековой Германии несколько семей немцев и евреев и поместил их в свой мир. Эти группы образовали два отдельных феодальных общества, устроенных, при поощрении Джадавина, по образу и подобию легенд о короле Артуре. В первой книге серии странствующий рыцарь Лаксфальк присоединился к Кикахе и Вольфу после турнира. Позже он погиб, храбро сражаясь рядом с Вольфом против банды дикарей. Но Брукс решил стать бароном в годы его приключений, предшествующих последней битве Лаксфалька.

Брукс Эпштейн сообщил группе, что на сегодняшний день тяжелое бремя вины, которое он нес на себе, стало как будто немного легче. И вызвано это пониманием Брукса, что барон, если бы у него умер отец, не стал бы изводить себя, не будь он ответственным за его смерть. Отнюдь не он, Брукс, стал причиной банкротства, заболевания раком и самоубийства отца. Следовательно, ему незачем мучиться сознанием своей вины. Что до профессии, то он по-прежнему намерен стать бейсболистом. Ничего криминального в этом занятии нет, чего нельзя сказать о деятельности многих юристов и врачей.

После того как Брукс рассказал о приключениях, которые пережил прошлой ночью, они всей группой поговорили о своем отношении к барону и о том, как бы они изменили его положение. Джиму казалось, что «Многоярусный мир» использовался в качестве своего рода общности. У каждого из них свои, очень личные и неконтролируемые мании, несовместимые с реальностью желания, и галлюцинации. Но теперь они все причастны к одной общности, тянутся друг к другу, слетаются, словно мухи на мед. И все они бессознательно модифицируют свои взгляды на миры Владык,

формируя из них некий общий мир. Только когда они продвинутся в своем излечении, станет ясно, какую же он принял форму. И все увидят, что разломали свои личные маленькие лодки и построили из обломков большой корабль.

Возможно, Джим просто дал увлечь себя своему воображению, не говоря уж о метафорах. В любом случае, он чувствовал, что большинству из них такая терапия идет на пользу. Однако тот мир, в который входил он, Джим, отнюдь не являлся фантазией. Он был так же реален, как и этот. Даже еще реальнее, в некоторых отношениях.

Следующим выступил четырнадцатилетний Бен Лайджел. У него бывали какие-то галлюцинации и под влиянием наркотиков, и без них. Главной проблемой этого парня была почти паническая застенчивость в незнакомых ситуациях или при общении с кем-либо, кроме немногих близких друзей. Теперь же он почти не испытывал такого невыносимого стеснения, когда бывал с другими. Путешествие в другие миры всегда восстанавливало его силы, и он мог еще какое-то время терпеть «социальное давление».

Затем все внимательно выслушали семнадцатилетнюю Кэти Майданофф. Она, не стесняясь, сообщила группе о своем диагнозе: пограничные расстройства личности, нарушение половой ориентации и нимфомания. В больнице она пока соблюдала воздержание, но получала сексуальную разрядку путем эротических снов. Для этого она клала одну книгу серии к голове, а другую на лобок. Тогда ей почти всегда снился сексуальный акт с персонажем мужского или женского пола. Она только-только вступила в ту фазу терапии, когда ее учили контролировать свои сны — не только ради удовольствия. Этот процесс имел какое-то отношение к предоставлению ей возможности контролировать свои мании. Потом она постепенно избавится от них совсем, уже с помощью других методов.

Джим пока ни разу не упомянул, что он мастерски овладел техникой управления снами, для этого не требовалось помощи книг. Находясь в Орке, он научился

через него видеть сны по заказу. И теперь вызывал эротические сны для снятия напряжения, что оказалось гораздо эффективнее мастурбации. Джим заметил, что партнершами Орка в его снах обыкновенно бывали его тетка, Вала, и мать, Энитармон. Гримсон тоже весьма часто вводил этих женщин, более прекрасных, чем Елена Троянская или Мерелин Монро, в свои запрограммированные ночные видения — порой одновременно. А то, что это был инцест, хотя и опосредствованный, только добавляло остроты ощущениям.

Тем вечером Джим принял решение — он нарушит приказ Порсены. Промежуток до шести утра даст ему время швырнуть себя через интервалы во много лет. И без десяти восемь Джим прошел сквозь черную дыру в центре знатры. Несмотря на запрет, он собирался войти в Орка. Поскольку он не смел совершать путешествие каждую ночь — слишком велика опасность быть пойманным — то ему придется за одну ночь как можно больше успеть.

Чего там он читал на занятиях у мистера Лама? Тогда проходили того самого поэта, Уильяма Блейка:

> В одном мгновенье видеть вечность
> огромный мир — в зерне песка
> в единой горсти — бесконечность
> и небо — в чашечке цветка[1].

Уже собравшись читать заклинания, Джим явственно увидел перед собой лицо Порсены. Оно выражало неодобрение и печаль. Порядок слов в заклинании нарушился. Но Джим ощутил более сильное тяготение. Орк и экзотические миры за стенами Земли прорвались сквозь черную дыру и вдребезги разбили лицо Порсены. Его осколки разлетелись в разные стороны, и Джим пролетел сквозь эти осколки в знатру, словно бомбардировщик времен Второй мировой сквозь зенитный огонь.

Внезапно он ощутил сильную боль и беззвучно закричал.

---

[1] Пер. С. Маршака.

ГЛАВА 28

Орк стискивал зубы и не издал даже тихого стона. Он не доставит отцу удовольствия послушать его крики. Юноша был распят на кресте — ноги стояли на земле, но руки были прибиты к горизонтальной перекладине. Ему казалось, что он не сможет больше ни секунды вытерпеть эти муки,— и все-таки терпел. Иное дело Джим. Он и так уже достаточно настрадался вместе с Орком и через посредство Орка. Хватит, сколько можно!

Крест Орка стоял высоко на склоне горы; далеко внизу, у ее подножия расстилалось широкое озеро, в которое впадала река. А на берегу озера высилась Голгонуза, новое творение Лоса, Город Искусств. Здания из разноцветного металла поднимались от земли под плавным углом, а затем постепенно достигали высоты примерно тысячи футов. На разных уровнях они точно сливались друг с другом. Многие из них покрывали зеленые, алые, оранжевые и лимонно-желтые деревья, росшие под прямым углом к вертикальным стенам зданий.

Лос работал над этим городом-дворцом в течение нескольких веков, задумав его как самое великолепное из тоанских строений, более величественное чем Дворец Уризена.

Лос поймал Орка, как только тот вошел во врата, ведущие в этот мир. А вчера распял сына на кресте, несмотря на отчаянные мольбы Энитармон. Он уже собирался вогнать второй гвоздь, когда она бросилась на него. Прежде чем ее оглушили, женщина в кровь исцарапала ему лицо. Теперь мать Орка держали под стражей где-то в Голгонузе.

Не в силах больше выносить боль, Джим вернулся в свою палату. На часах по-прежнему было без десяти восемь — минутная стрелка едва-едва сдвинулась с места. Дрожа от только что перенесенного испытания, Джим попил воды в ванной и немного отдохнул сидя на стуле. Спустя некоторое время он снова затянул свое «АТА МАТУМА М'МАТА». Заклинание не при-

шлось твердить долго. Семь повторений швырнули Джима через черную дыру. В следующий раз, был уверен Джим, потребуется только пять. Затем — три. Джим не знал, откуда ему было это известно, но смирился перед фактом.

Джим собирался вернуться год спустя — и попал в Орка при обстоятельствах, которые в былые времена смутили бы его. Орк занимался любовью с Валой, неистово и яростно. У Джима, подхваченного бешеным водоворотом страсти, не было ни времени, ни желания замечать окружающее. Только когда любовники насытились, он получил возможность действовать самостоятельно. Хотя Джим тоже страдал от эффектов «малой смерти» — так некоторые называют посткоитальную расслабленность,— в нем осталось достаточно сил, чтобы рассмотреть окружающую обстановку.

Двое Владык находились в великолепно обставленной спальне, величиной с целый особняк, где стены и колонны постоянно меняли цвета. В окне, размером с два футбольных поля, Джим увидел черное небо со множеством звезд. Позже в поле зрения появилась верхушка планеты. Как выяснил через некоторое время из беседы Орка и Валы Джим, они сейчас находились на спутнике, орбита которого представляла собой восьмерку.

Любовники спасались бегством через множество вселенных после того, как Вала сняла Орка с креста. Лос, точно неумолимый рок, преследовал сына и его спутницу. Мир, в котором они находились сейчас, принадлежал раньше Эллайолю. Пройдя через несколько врат, снабженных множеством ловушек, Орк и Вала убили Эллайоля, его жену и детей.

Этот бесхитростный рассказ глубоко расстроил Джима. До чего же Владыки жестокие, а Орк, похоже, утратил те человеческие чувства, какие у него некогда имелись.

На спутник Орк и Вала отправились с целью заняться любовью. Узнав об этом, Джим вскоре воспылал тем же огнем, который горел в них. Потом снова отдых, а затем увлекательное занятие все продолжа-

лось и продолжалось, без долгих разговоров в перерывах между любовными схватками и без особых мыслей о прошлом. Когда они начали терзать друг друга ногтями и слизывать кровь, Джим отважился «потрогать» мозг-призрак. Он по-прежнему не знал, захватил ли уже чужак разум Орка или присваивает его себе так же медленно, как некоторые раковые опухоли поглощают здоровые клетки тела. Джима «бросило в дрожь» — потому что мозг-призрак в ответ тоже «тронул» его: что-то совершенно определенно, хотя и мимолетно, коснулось его «пальцем». Тут Джим в порыве отвращения пулей вылетел из Орка, но у него осталось ощущение чего-то смутно знакомого.

Вернувшись к себе в палату, Джим отдыхал несколько минут. Слева сквозь стену слабо доносились девичьи рыдания. А справа Джим Моррисон орал «Лошадиные широты», под аккомпанемент звона, бренчания и грохота «Дорз». Текст этой песни Джим считал настоящей поэзией. Он давно уже не слышал этот хит 1967 года, но Моника Брэгг любила настраиваться на программу «Золотое ретро».

Джим вздохнул. Ему не хотелось откладывать возвращение, но сексуальное неистовство слишком вымотало его, чтобы он смог вновь прочесть заклинания. Хотя физически он, в прямом смысле, не напрягался, роль не столь уж невинного наблюдателя тоже порядком изнурила его. Джим уже узнал все, что только можно было узнать о любви, усвоив эту науку, пока Орк занимался любовью с туземками. А теперь еще узнал даже чересчур много о бурной страсти, которую недавно продемонстрировали Вала и Орк. Хотя эротические похождения Джима на Земле были немногочисленны, в качестве Владыки он пережил столько любовных приключений, что Казанова и Генри Миллер[1] ему в подметки не годились.

Прошло еще несколько минут — и Джим пронесся сквозь черный центр, рассчитывая встретиться с Орком шесть лет спустя. Возможно, это будет счастли-

[1] Автор эротического романа «Тропик Рака».

вый период в его жизни, ведь согласно статистике такие просто обязаны выпадать.

Молодой Владыка снова находился в покоях старого города-дворца своего родителя. Ни звука не доносилось через открытое, забранное крепкой решеткой окно. Он снова попал в плен при попытке пробраться через город Голгонузу с целью убить Лоса. Вала отправилась на поиски приключений семь месяцев назад. А его, Орка, доставили туда, где он провел детство — в заоблачный дворец,— и заточили там.

Потрясенный Джим обнаружил, что Лос сделал с сыном не только это. Вплоть до гениталий нагое тело Владыки было прежним, но его нижняя часть превратилась в туловище змея пятьдесят футов длиной, покрытое ярко-зеленой чешуей с алыми пятиугольники.

Джим достаточно разбирался в тоанской науке и истории, чтобы сообразить, кто произвел эту метаморфозу. Лос, вместо того чтобы убить сына, снова подверг его мучениям. Использовав свое знание биологии и средства, пока еще доступные Владыкам, он превратил Орка в чудовище.

Иногда Лос являлся в свой покинутый ныне дворец поиздеваться над Орком. Он сказал сыну, что Энитармон вернулась к нему. После их примирения у них родилось еще трое детей: дочь Вала, названная так по желанию Энитармон, и двое сыновей — Паламаброн и Теотормон. Их выносили суррогатные матери, потому что Энитармон не хотелось рожать самой.

— Я усвоил урок,— заверил Орка Лос.— Впредь, как только дети повзрослеют, я буду отправлять их в другие миры, где им предстоит помериться умом, ловкостью и силой с их правителями.

Энитармон не знала, что ее сына держат в заточении, превратив в чудовище. Лос сказал ей, что Орк проживает в мире Манату Ворцион. Эта древняя женщина усыновила его, и Орк продолжает свое образование в ее мирной вселенной. Когда-нибудь Лос разрешит Энитармон навестить сына — но лишь тогда, когда остынет испепеляющая ненависть между Лосом и Орком.

Орк не знал, правду ли говорит отец. Возможно, мать все еще томится в заточении или убита.

Джим решил побыть с Орком еще немного, заинтригованный соединением человека и змеи. Первое, на что он обратил внимание,— это совмещение кровеносных систем обоих тел. Рептилия была теплокровная, а значит, не принадлежала к числу настоящих змей. Ее тело изготовили в лаборатории Лоса для соединения с телом Орка — а для этого и в том, и в другом теле должна была циркулировать та же самая кровь. В змеиной половине было свое сердце — поскольку одно лишь человеческое сердце никак не справилось бы с перекачкой крови по всей огромной туше.

Змеиная половина соединялась с человеческой чуть пониже ануса и гениталий Орка. Но Орк был избавлен от унизительной необходимости испражняться на спину змея, пачкая себя при этом. Пища, которую он ел, проходила по кишкам в его желудок, а потом — в желудок змеи. Моча частично выходила через его собственный мочеиспускательный канал, но большей частью через змеиный.

Для поддержания жизни и здоровья Орк был вынужден поглощать еду и питье в огромных количествах. Если бы он попытался уморить себя голодом, он бы мучился и за себя, и за змею.

— Образно говоря, ты всегда был змей,— заметил Лос.— А теперь образ и действительность объединились.

— Я — змея, умеющая кусаться! — взвыл Орк.— Берегись!

Лос только посмеялся над его угрозами:

— Когда я поймаю Валу, то сделаю из нее достойную подругу для тебя. Жду не дождусь возможности посмотреть, как вы сплететесь, занимаясь любовью по-змеиному. Вот будет зрелище!

Орк не ответил — не желал, чтобы Лос знал, как его сын скучает без человеческого общества, особенно ему не хватало Валы.

Бегство казалось невозможным. Врата, снабженные ловушками, были установлены сразу за единственной

дверью и четырьмя окнами. Лос никогда не входил в комнату, хотя открывал иногда дверь, чтобы поглумиться над сыном. Обычно он общался с Орком через телеэкран во всю стену, предпочитая будить его среди ночи. На самом деле это не раздражало Орка. Время дня или ночи мало что значило для него, и он был рад случаю увидеть и услышать человека — даже если это был его отец.

Через три месяца после пленения из сдвоенного тела Молодого Владыки посыпались драгоценные камни.

ГЛАВА 29

Сначала Орк подумал, что покрылся нарывами вследствие какой-то инфекции. На обоих его телах быстро, как грибы, появились твердые наросты,— хотя лицо и шея остались свободными от них. К счастью, на змеином брюхе наросты не тоже не появлялись. Иначе двигаться по гладкому полу было бы более чем затруднительно. Они сильно чесались, и тонкая кожица над этими твердыми выпуклостями лопалась при малейшем прикосновении. Из разрывов вытекало немного крови, но никакого гноя. Под кожей оказывались цветные многогранники, на ранней стадии эластичные, как резина. Позже они заметно твердели. Владыка понимал, что заразился отнюдь не обыкновенной болезнью — тоаны обладали иммунитетом к любой кожной инфекции. Когда Лос появлялся в дверях или на экране, то отказывался отвечать на вопросы Орка, сказав только одно:

— Это не болезнь.

Через неделю вздутия увеличились. Величиной они стали с грецкий орех, но гораздо тверже, чем его скорлупа; зуд прекратился. Орк перестал их расчесывать, и оставленные ногтями царапины зажили часов за пять.

Все опухоли-нарывы лопнули в один и тот же час, и их содержимое со звоном посыпалось на пол. Орк с удивлением рассматривал ограненные драгоценные камни, переливавшиеся на свету своими гранями.

Вскоре после этого в дверях появился Лос. Он стоял на пороге и долго смеялся, а потом произнес:

— Да ты просто живая сокровищница, Орк, сам себе прииск и ювелир. Скоро ты будешь по самую задницу, человеческую, я имею в виду, в бриллиантах, изумрудах, гранатах, рубинах, сапфирах, аметистах и хризобериллах. Может, даже утонешь в них. Благодари меня, сын мой. Твой отец завалил тебя богатствами, хотя ты не заслуживаешь ничего, кроме пепла и навоза. История о твоей незадачливой удаче и странной смерти распространится по всем мирам — я прослежу за этим,— и ты станешь легендой, способной соперничать с рассказами о Шамбаримене и Манату Ворцион.

В ответ Орк изогнул тело таким образом, что оказался в нескольких дюймах над полом, зачерпнул пригоршню еще влажных самоцветов, выпрямился и швырнул камни в дверь. Лос сделал лишь небольшой шаг назад и тут же вернулся на прежнее место. Камни, вылетев за дверь, исчезли — значит, врата находятся именно там.

— Отныне ты будешь видеть мое лицо только на экране,— предупредил Лос.— А от камней тебе никак не избавиться. Тони в своем море красоты!

Он закрыл дверь. Вскоре небольшая круглая панель на потолке ушла вбок, и в отверстие один за другим попадали камни, которыми Орк швырнул в Лоса. Орк собрал их вместе с другими и бросил в унитаз. Через десять минут все они вернулись к нему с потолка.

Джим покинул Орка и снова оказался в своей палате. Не тратя времени на отдых, он тут же принялся читать заклинания. Когда он вернулся к Орку, прошло четыре тоанских месяца.

Молодой Владыка брал заваленные едой блюда с вращающегося подноса в стене. Ему поневоле приходилось в огромных количествах есть и пить, чтобы обеспечить организм энергией для созревания самоцветов. Жажда и голод будили его каждые два часа, так что спал он урывками, однако если бы он вернулся к своему обычному рациону, то меньше чем через сутки умер бы от обезвоживания и голода.

Драгоценности лежали на полу слоем в три дюйма толщиной. При попытках ползать по ним Орк скользил, терял равновесие, и ему стоило большого труда перемещаться с одного места на другое. Однако недавно он испробовал новую технику передвижения, и та сработала. Вместо того чтобы держать свое человеческое туловище вертикально, он вытягивал его в одну линию с туловищем змеи. А затем руками отгребал с дороги самоцветы.

Вопрос теперь заключался в том, от чего он умрет раньше: от слабости или от удушья. Придет время — и он уже не сможет добраться до подноса с едой и до водопроводного крана, камни погребут их под собой.

Впервые в жизни Орк пришел в отчаяние. Смерть казалась единственным выходом из этой комнаты. Джим, точно так же как и Орк, пал духом и потерял всякую надежду.

Пропутешествовав туда-сюда уже двенадцать раз, Джим вернулся к Орку именно в ту ночь, когда Владыка должен был отважиться на побег или ждать неминуемой смерти, так как между самоцветами и потолком осталось всего несколько футов. Чтобы добраться до подноса с едой и крана с водой, Орку пришлось каждый раз расчищать для себя два глубоких хода. Попытки пользоваться унитазом Владыка давно бросил, отчего в комнате стояло зловоние, напомнившее Джиму о нужнике старого Думского.

За комнатой велось наблюдение через настенные экраны (кстати, почти скрытые под слоем драгоценных камней) — наверное, имелись и другие сенсоры, предположительно на потолке. Лос интересовался сыном лишь от случая к случаю, если только не носил с собой маленький приемник. Впрочем, он мог поручить слугам вести круглосуточное наблюдение. Разумеется, Лоса сразу предупредят — либо автоматика, либо живой оператор,— если узник отважится на какой-нибудь из ряда вон выходящий поступок.

Орк разгреб заново яму у стены над краном. Это не вызовет тревоги у наблюдателей: они видели, как Владыка делает это каждый раз, когда хочет пить. Доко-

павшись до крана, Орк крепко ухватился за него, надеясь, что кран не оторвется от стены из-за той нагрузки, какой он собирался подвергнуть его. Большая часть его змеиного тела была вытянута по помещению. Попеременно хватаясь руками за металлический кран для сохранения опоры, Орк принялся усиленно извиваться. Видя такое, соглядатаи могли решить, что у него припадок, и сообщить Лосу. Однако со стороны действия человека-змеи вряд ли как-то напоминали подготовку к побегу.

Орк стал шарить кончиком хвоста, пока не нащупал один из ванадиевых прутьев, образующих решетку перед окном. Вытянув еще несколько футов хвоста, он обмотал его в несколько витков вокруг прута. Если рама с решеткой приварена к металлической стене, она устоит против самых мощных его усилий. Но после того как юноша напрягся и пот выступил по всему телу, а жилы вздулись до величины маленьких змеек, рама сорвалась, издав громкий скрежет.

Хватаясь руками за камни, бешено извиваясь всем телом, он быстро добрался до окна, потом продвинулся на несколько футов вдоль стены и принялся молотить хвостом по окну. Сначала минеральные наросты под кожей смягчали боль от ударов. Единственную, зато почти нестерпимую боль причиняли Орку разрывы кожи над незрелыми камнями. Затем все камни вылетели, и удары уже незащищенным хвостом заставили юношу стиснуть зубы от совсем мучительной боли. Окно покрылось кровью.

Когда Владыка окончательно решил, что больше не сможет наносить удары, окно вывалилось наружу. В отверстие тут же хлынул водопад самоцветов. Орк подполз к окну и высунул хвост наружу и вверх. Водя им по стене над окном, ему удалось нащупать какую-то вертикальную опору. Орк обмотал хвост вокруг ее основания и просунул в окно голову и плечи. Единственным источником света была луна, но Владыка разглядел, что держится хвостом за металлическую статую. Теперь он точно знал, в каком месте огромного, запутанного города-дворца он находится — в северной ча-

сти одного из зданий, воздвигнутых на самом нижнем уровне. Это строение простояло уже около двух тысяч лет, и родители Орка давно поговаривали о том, чтобы снести его и построить новое, так как слишком нарядный стиль рококо больше не отвечал их вкусам.

Орк покрепче стиснул хвостом ноги статуи и вылез из окна. Какой-то миг он висел вниз головой, вытянувшись в полную длину своих двух тел. Потом мощные змеиные мускулы подняли его, и он выгнул свое длинное тело, пока не оказался лицом к стене и не ухватился за плечи статуи, после чего отцепил хвост от основания статуи. Пальцы едва выдержали вес оставшегося на миг без опоры змеиного туловища. А затем Орк поднял эту часть себя вверх и обмотал вокруг статуи у себя над головой. Так, передвигаясь от статуи к статуе, он и добрался до крыши.

Как он и ожидал, там находилось несколько летательных аппаратов разного типа и размера. Орк выбрал машину класса «Скакун II» ослепительно-белого цвета — она была достаточно велика, чтобы вместить его огромное тело. Однако расположиться в кресле пилота так, чтобы иметь возможность управлять «Скакуном», оказалось не так-то легко. Переднюю часть змеиной половины пришлось втиснуть в промежуток между двумя сиденьями, а потом изогнуть ее так, чтобы человеческая половина могла дотянуться до панели управления. За неимением ног на педали приходилось нажимать тоже руками. Из-за этого полет будет неуклюжим, когда машина пойдет не на автопилоте, но он мог справиться с этим без особого риска — если будет осторожен при определенных маневрах.

Орк надеялся, что голосовой код, включающий двигатель, не изменили. Код остался прежним, но это еще не означало, что в механизме не взорвется спрятанный там прибор самоуничтожения. Такой прибор мог сработать и автоматически, и по радиосигналу Лоса. К тому же нельзя было исключить наличия в программе команды, которая отберет управление у несанкционированного пилота. Тогда Лос посадит ее, где сочтет нужным.

Орку предстояло пойти на риск. Но был ли у него выбор?

С обоих бортов «Скакуна» возникли лучи света примерно десяти футов длиной и веерообразной формы. Под управлением Орка они заходили вверх и вниз с быстротой крыльев колибри. Машина медленно поднялась, и световые вспышки сефи-двигателя сделались неразличимы. Орк включил радар, инфракрасный детектор и фары. Яркие вспышки по бортам все равно заметят с любого встречного аппарата, и потому он вполне мог обеспечить себе хороший обзор впереди.

Шесть минут резкого ускорения — и позади остались сто пятьдесят миль. Когда Орк сбросил скорость, впереди сверкали, становясь все ярче, огни Голгонузы. К этому времени Лос, должно быть, уже побывал во дворце, узнал, что там случилось, включая и похищение «Скакуна», и вернулся обратно в Голгонузу.

Орк направил машину круто вниз к намеченному месту посадки — площади перед увенчанной витым куполом резиденцией Лоса — и, уже заходя на посадку, увидел отца. Лос спешил через площадь, довольнотаки нетвердо держась на ногах. На нем был только короткий кильт с поясом, где висел в кобуре лучемет. Рукой Лос зажимал бок. Впереди него бежала в развевающейся прозрачной белой ночной рубашке мать Орка. Стройные ноги Энитармон быстро мелькали, лицо выражало отчаяние.

Направляя «Скакуна» по кривой с расчетом оказаться позади Лоса, Орк увидел, что у того между пальцами торчит рукоять и часть лезвия кинжала. Очевидно, Энитармон нанесла мужу удар между ребер, хотя и неглубокий. Значит, ее не держали под замком в каком-то секторе дворца — или давно освободили из заключения. Возможно, отец просто соврал, будто заточил ее в тюрьму. Так или иначе, она узнала, что именно сделал Лос с их сыном, и перехватила мужа, прежде чем тот успел предпринять какие-либо эффективные меры против Орка. У них завязалась борьба, и она вонзила кинжал ему в бок.

Сефи-крылья работали бесшумно. Лос не увидел их вспышек — или был слишком увлечен погоней за женой, чтобы обращать внимание на эти огни. Орк, ведя машину футах в шести над светящейся разными цветами мостовой, направил ее нос в спину отца. Энитармон споткнулась и упала на колено. Лосу хватило этого мгновения, чтобы с криком настичь ее. Схватив ее обеими руками за горло, он не дал ей встать. Теперь она опустилась на оба колена, выгнувшись назад и вцепившись в запястья мужа.

Перед тем как нос «Скакуна» ударил Лоса между лопаток, Энитармон, разжав правую руку, выдернула кинжал из раны в боку супруга. Тот вскрикнул от боли. Она попробовала было вонзить лезвие Лосу в живот, но машина толкнула его вперед, и кинжал ударил под углом к грудине. Лос бессильно рухнул на жену, увлекая ее на мостовую. Теперь он лежал на ней ничком, раскинув руки, оглушенный или потерявший сознание. Энитармон не пыталась сбросить его с себя. Должно быть, ее тоже оглушило, когда она стукнулась затылком о брусчатку.

Орк откинул «фонарь» кабины аэролета и, выползя наружу, направился к родителям. Энитармон, открыв глаза, увидела его через плечо мужа и пронзительно закричала. Даже если Лос рассказал ей, что именно он сделал с Орком, нынешний облик сына намного превосходил шок от мысленного образа. Кровь, покрывавшая Орка, должно быть, еще сильнее потрясла ее.

— Это я, мать! — прохрипел он.

Наклонившись, Орк подобрал валявшийся на мостовой кинжал, а затем сбросил с женщины все еще неподвижное тело Лоса, сорвал с него кильт и набедренную повязку. Через несколько мгновений Энитармон вновь издала громкий крик.

Орк отрезал Лосу мошонку. Потом вылущил из нее оба яичка и сунул их себе в рот, его челюсти медленно задвигались.

На это деяние Орка вдохновили ярость и легенды о Владыках, поступавших так со своими врагами. А возможно, что его змеиная половина пересилила челове-

ческое отвращение к подобному действию. Орк стал полуживотным не только в силу соединения его тела со змеей.

Что бы ни толкнуло Орка на этот поступок, Джим Гримсон не мог это выдержать. Ему даже не пришлось читать заклинания, чтобы освободиться. Шок и отвращение порвали ментальную связь, и Джим вернулся к себе в палату. Он трясся и чувствовал, как позывы к рвоте сжимают его внутренности.

ГЛАВА 30

— ...Я знаю, доктор, вы недовольны мной,— говорил Джим Гримсон.— Вы запретили мне возвращаться к Орку, но я ничего не мог с собой поделать. Этот Владыка — наркотик не хуже «ангельской пыльцы». Клянусь, я никогда больше не стану в него входить! Никогда! До тех пор, пока вы сами мне не велите! Да и тогда мне не захочется, не сомневайтесь! Я избавился от этой неодолимой тяги! Рыжий Орк мне противен! Должен признаться, я, как уже рассказывал, испытал очень странное ощущение, когда он впился зубами в яйца своего отца! Это доставило мне удовольствие, хотя лишь на какую-то пару секунд! Это потому, что я настолько глубоко проникся Орком, что чуть ли не стал им! А потом меня едва не вырвало, и тошнота заставила меня в достаточной мере стать самим собой, чтобы выбраться из Орка! Не случись этого, я, наверное, до сих пор находился бы там!

Лицо Порсены было непроницаемо. Джим не сомневался, что доктор по-настоящему зол на него — только виду не подает. Тем более что все слова, которые доктор произнес до этого момента, были столь же остры, как стрелы, и так же глубоко ранили. Теперь психиатр заговорил помягче:

— Тебе было велено обратиться ко мне или к другому врачу, если ты почувствуешь, что желание вернуться становится неодолимым. Так и нужно было поступить. Надеюсь, что впредь ты так и станешь делать. Сейчас ты, с точки зрения психологии, находишься на

переломе. Когда человек достигает этой стадии, то может пойти либо вперед, либо назад. Понимаешь?

Джим кивнул.

— Бог свидетель, я пытался! Теперь я знаю, что сам с этим не справлюсь. Теперь буду делать все в точности, как вы говорите.

— Не раньше, чем тебе объяснят причину тех или иных приказов или предложений. Пациент должен полностью осознавать все «почему» и «отчего» своей терапии.

— Знаю. Вы мне это говорите каждый раз, когда мы готовимся перейти в следующую фазу лечения.

— Ты проницателен,— улыбнулся доктор.— Из-за этого, в частности, ты и продвинулся быстрее и несколько иным путем, чем остальные. По моей оценке, ты созрел для фазы избавления.

— Но...— заволновался Джим,— я хочу сказать, ведь есть вещи, которые мне просто необходимо выяснить! Например, как насчет мозга-призрака? И я хотел бы быть с Орком, когда он создаст земную вселенную и ее двойника! Это все равно, что увидеть, как Бог творит мир! Нет — все равно, что самому быть Богом, потому что делать это будет Орк, то есть я! Еще хочу выяснить, как Орк вернул себе вполне человеческое тело! А Лос! Фармер утверждает, что, когда Кикаха явился в миры Владык, Лос был еще жив!

— Возможно, Фармер напишет шестую книгу серии, где все расставит по местам. Но сделает он это или нет, а нам с тобой нужно идти своим путем. Что, если бы ты пристрастился к героину и умолял бы меня позволить тебе и дальше колоться? Улавливаешь параллель?

— Ну, ладно,— медленно произнес Джим.— Только вам легко говорить...

— Это потому что я объективен.

— Да, знаю.

— Вспомни о том периоде, когда Орк попал на остров наркоманов. Хочешь снова перенести «ломку»? Вспоминай об этих муках всякий раз, когда у тебя возникнет искушение вновь попробовать наркотики.—

Доктор подался вперед, наклонившись над письменным столом.— Я хочу, чтобы ты подумал над вопросами, которые я сейчас тебе задам. Итак, Орк оказался на Антеме, в Проклятой вселенной. Его поместил туда отец. Что это означает для тебя?

Пауза затягивалась. Наконец Джим ответил:

— Его отправил туда мой отец, в смысле, отец Орка. Полагаю, вы думаете, я назвал Антему Проклятым миром из-за того, что отец без конца проклинал меня? И он отправил туда меня, в смысле Орка, так как относился ко мне соответствующим образом. Все хорошо, да только название «Антема» не я выдумал.

У Джима, непонятно почему, участилось сердцебиение, и на лбу выступила испарина.

— Лос любил Орка, когда тот был ребенком,— сказал доктор,— или, во всяком случае, был очень к нему привязан. Тогда он относился к сыну с теплом и заботой, но иной раз бывал очень жесток. Когда же Орк стал подростком и перестал быть милым, очаровательным малышом, отец, казалось, возненавидел его.

— Никаких «казалось»,— Джим покачал головой.— Еще как возненавидел!

— И это предполагает?

— ...что мои отношения с отцом в некотором роде такие же, как у Орка с Лосом?

Порсена вместо ответа спросил:

— А как насчет твоих детских видений?

— Вы хотите сказать, галлюцинаций?

— Давай называть их видениями. Стигматы впервые появились у тебя в пятилетнем возрасте. Ты был с матерью в церкви, и статуя распятого Христа заворожила тебя. Ты вдруг увидел живого человека, а не просто прибитую к кресту гвоздями резную деревянную фигуру. И закричал.

— До сих пор не знаю, что меня так напугало.

— Это не так уж важно. У тебя сразу пошла кровь из рук, ног и лба. Ты впал в истерику, твоя мать тоже. А потом...

— Потом был человек, которого я увидел парящим за окном моей спальни, когда мне было шесть лет! —

подхватил Джим.— И голый зеленый человек, которого я встретил у нас в саду полгода спустя. Он ел кукурузные початки! Я позвал маму, но, когда она пришла, зеленый человек уже исчез! А отец выпорол меня за вранье! Но я видел того человека! Видел!

— А какие у тебя есть соображения по поводу того видения, которое возникло непосредственно перед тем, как ты потерял сознание в вашем горящем доме? — не отставал от него психиатр.— Нагой, ты был прикован к дереву, и гигантский серп готов был вот-вот кастрировать тебя.

— Здесь все перемешано, но составные элементы вполне верны.

— Я спрашивал тебя не о том, верны ли они на твой взгляд, и не о том, как их объяснить с точки зрения психологии. Что ты чувствуешь, когда думаешь о них?

— Бога ради, доктор! — взорвался Джим.— Да я вообще ничего не чувствую насчет них! Я вижу, к чему вы клоните!

— Я не пытаюсь дискредитировать пережитое тобой. Просто предлагаю определенные параллели. А как их истолковывать — дело твое. Однако позволь мне указать — ты отвечаешь весьма запальчиво. Пока мы не станем больше в это углубляться. Подумай над этим, а потом сообщи мне о своих выводах.

Джим вцепился в подлокотники кресла. Сердце у него билось еще сильнее, чем раньше, и пот заливал ему глаза.

— Послушайте, док! — сказал Джим хрипло, но даже сам расслышал в своем голосе умоляющие нотки.— Где я был, что я видел и делал, то есть что делал Орк — это все не фантазия! Все это правда, и меня не волнует, какие есть параллели между моей жизнью здесь на Земле и там в мирах Владык! Черт, да я могу найти параллели между моей жизнью и тысячью других на нашей планете! Существует еще, знаете ли, и такая вещь, как совпадение! Как бы там безумно я ни фантазировал, я теперь умею и знаю такое, чему не могла научить никакая фантазия! Например, говорить потоански. Хотите послушать беглую тоанскую речь?

Самон-ке фатх? Это значит: «Куда я отсюда пойду?» *Орк-там Орк ман-ким. Йем татх Орк-тха.* Означает: Орка когда-то звали просто Орком. Теперь его зовут Рыжим Орком. Если хотите, я отбарабаню вам длинную историю по-тоански. Да вдобавок грамматические правила объясню!

И потом — рубцы от кнута, которые оказались на моей спине, когда Орка хлестал надсмотрщик! Да, знаю, у меня уже бывали стигматы... Но на этот раз у меня не просто шла кровь из спины! На ней были и рубцы от того кнута! Они чертовски болели, они были настоящие!

Я мог бы продолжать, но у вас уже и так более чем достаточно причин задуматься, а не говорю ли я правду? Неужели вы предполагаете, что если Орк отрезал яйца у своего отца, то и я бы хотел проделать это со своим?

— А это не так? — спросил доктор Порсена.

— Клянусь вам, как бы я ни злился на него, такое мне ни разу в голову не приходило. Подвесить его за то самое место — это да. Но отрезать их и съесть — да еще и сырыми — никогда! Если я только вообразил себе Орка и все его поступки, почему он сделал нечто такое, о чем я никогда и не думал?

— Ответь мне сам.

— Ну, разумеется, во всем виновато мое подсознание!

— И...?

— И? Что еще? А, еще воображение. Ведь оно же, как говорил мистер Лам, свободный экстраполятор. Берет основную предпосылку, факт или идею и далее проводит логическое построение. Может, насчет этого вы и правы. Но остальное — знание тоанского языка, сведения из биологии и химии, которые мне неоткуда было получить, кроме как из мозга Орка,— этого нельзя объяснить.— Джим попытался откинуться на спинку кресла и расслабиться.— Послушайте, доктор! Ведь мы же можем это проверить! Воспользуйтесь детектором лжи, спрашивайте, о чем хотите,— и тогда увидите, что я не вру!

— Ты мой пациент, а не преступник. Кроме того, если ты веришь, что действительно побывал во вселен-

ной Орка, то детектор лжи покажет, что ты не лжешь. Но я не инквизитор, и ты не на дыбе. Насколько правдивы или придуманы события, пережитые моим пациентом, меня не касается. Я считаю, что данные события произошли постольку, поскольку они имеют отношение к терапии, способствовали они прогрессу или регрессу. Понятно?

— Разумеется! Но... разве это не важно, не нужно для науки, для всех вообще, знать, что где-то там существуют другие миры? Параллельные вселенные? И, по крайней мере, один человек, я,— ну, может, три, поскольку туда ушли еще Кикаха и Вольф — там побывали! Неужели вам это совсем не интересно? Если я сумел туда проникнуть, и если им это тоже удалось...

— Да, это верно, если принять твои посылки. Как я уже сказал, меня в данный момент интересует только успешность твоего лечения. И тебя, кстати, тоже должно волновать исключительно это. Так вот, Джим, завтра твои родители придут сюда. На следующий день они уезжают в Техас. Твой отец наконец-то согласился встретиться с тобой. Эта встреча очень важна в качестве проверки твоей реакции на стресс. Охватит ли тебя такой гнев, что ты впадешь в буйство и набросишься на отца? Как поведешь себя, если он сам набросится на тебя? Будешь ли ты избегать провоцирующего поведения? И как будешь реагировать, когда встреча закончится?

Доктор с Джимом поговорили о том, как Джим мог справиться с ситуацией. Психиатр не ждал от Джима, что тот не будет злиться. Он хотел только, чтобы гнев оставался в адекватных пределах.

— Вскоре после твоего поступления к нам я посоветовал твоему отцу и матери тоже пройти курс терапии,— сказал доктор Порсена.— Они отказались, ссылаясь при этом в основном на то, что не могут себе этого позволить. Но...

— Настоящая причина в том, что я, по их мнению, единственный сумасшедший в семье! — выпалил Джим.— А им терапия ни к чему! Ха!

Доктор Порсена взглянул на часы.

— Последний вопрос, Джим. Я тебе его уже задавал некоторое время назад, но хочу услышать, каким будет твой ответ сейчас. Что из узнанного тобой о характере Орка самое главное?

Джим, нахмурясь, поднял плечи. А затем выпрямился.

— Ночь, в которую я совершил все эти путешествия... это была целая жизнь. У Орка множество хороших качеств: смелость, выносливость, изобретательность и желание учиться. Он делал со страстью чуть ли не все, чем занимался. Да, он проявлял страсть, с этим не поспоришь! Но его страсть была разъединена с настоящей любовью. Не думаю, чтобы он по-настоящему любил кого-нибудь, кроме матери и тетки. Да и это его чувство, по-моему, замешано на похоти. А страсть без любви ни к чему хорошему не приведет. Неплохо для восемнадцатилетнего болвана из семьи работяг, а?

— Неплохо,— согласился психиатр.— Не знаю, всерьез ты назвал себя болваном или нет. Но нам предстоит еще много работать над твоей самооценкой.

— И еще одно,— продолжал Джим.— Тоаны — почти боги. Но заняты они лишь войнами, завоеваниями, ревностью, убийствами, пытками и прочей мерзостью. Как в духовном, так и в эмоциональном отношении они нисколько не усовершенствовались за прожитые ими тысячи лет. Они погрязли в этой трясине!

— Укажу еще на одно обстоятельство,— одобрительно кивнул психиатр.— Орк достоин восхищения за изобретательность и остроту ума, благодаря которым он преодолевает множество преград на своем пути и выходит невредимым из множества расставленных на него ловушек. А что под силу Орку, под силу и тебе. На Земле есть множество препятствий и множество ловушек — экономических, социальных и психологических. И ты можешь, подобно Орку, воспользоваться своей изобретательностью и острым умом, чтобы избежать их. Для этого не надо быть занудой-конформистом, как ты выражался на прошлых сеансах. Ты бо-

ишься стать частью системы, если будешь вести себя согласно определенным морально-этическим нормам. Но можно сохранить свою индивидуальность, не превращаясь в антиобщественного элемента.

— Да,— согласился Джим, хотя его тон указывал, что он не до конца в этом уверен.— И все-таки есть вещи, которые я хотел бы выяснить. Мозг-призрак, к примеру. Чем он был на самом деле? Полагаю, если он овладеет Орком, это не вызовет больших проблем. Он ведь будет вести себя в точности, как Орк. В каком-то смысле он и будет Орком. По крайней мере, я думал именно так. Вот только...

— Вот только что?

— Перед тем как я расстался с Орком в последний раз, мне было так тошно, что я не обращал большого внимания на мозг-призрак. А он на самом деле стал намного ближе или намного больше — смотря как на это смотреть. Словно гигантская черная амеба, он готовился поглотить меня. Я ошибался, думая, что он как-то связан с голубыми снежинками на Антеме. А что, если он... что, если мозг-призрак вовсе не чужак, угрожающий Орку? Я хочу сказать... возможно, это теневая сторона его мозга, и на самом деле именно мозг Владыки хотел меня поглотить, а я принимал его за какого-то зловещего чужака, пугая себя мыслями, что он опасен для Орка. Но если в мозгу Орка не было никого, кроме меня? Тогда что-то во Владыке почуяло меня и собралось истребить, то есть какой-то механизм в его нервной системе автоматически отреагировал на меня, как на врага. Значит, все-таки у меня был хороший повод для страха. Ведь это мне предстояло стать жертвой, захваченным, или, так сказать, переваренным! Вот только переваривал бы меня не кто иной, как Орк!

— Превосходная гипотеза,— похвалил психиатр.— Вполне возможно, и даже вероятнее всего, что ты прав. Поздравляю тебя с блестящим решением этой задачи.

— Спасибо. Но вы не сказали, правильное ли это решение.

— Да,— кивнул доктор,— Если ты считаешь именно так, значит так и есть. Кому и знать, как не тебе.—

Порсена улыбнулся и встал.— Время вышло, Джим. До следующего сеанса — Он включил интерком.— Винни, пригласите, пожалуйста, Санди Мелтон

Неохотно, чувствуя, что они далеко не обо всем поговорили, Джим вышел в приемную, кивнул Винни и направился в коридор. В тот момент там никого не было; из-за дальней полуоткрытой двери слышалась музыка. Подойдя поближе к палате Сью Бинкер, он узнал песню Филипа Гласса «Эйнштейн на пляже», выпущенную «Томато Мьюзик», единственной фирмой звукозаписи, не боявшейся нестандартной музыки.

Проходя мимо двери, Джим заглянул в щель. На стенке он увидел мантру Сью Бинкер. Это был крест с петлей наверху, древнеегипетский анкх, сделанный из обложек книг многоярусной серии. Внимание Джима привлекла иллюстрация на обложке английского издания «Личного космоса». Фоном служил некий мрачный пейзаж, а на переднем плане были изображены Кикаха с Рогом Шамбаримена в руках и созданная в лаборатории гарпия, Подарга. Она то ли атаковала Кикаху, то ли намеревалась его трахнуть. Определить было трудно.

Фьють! Джима швырнуло сквозь ушко петли на верхе креста. Он и ахнуть не успел, как очутился в Орке.

Позади, или казалось бы позади, раздался еще один неслышный звук — это с лязгом закрылась железная дверь.

Джим уже знал (не представляя себе, откуда ему известно), что юного Владыку теперь называют уже Рыжим или Красным, или Кровавым Орком, поскольку тоанское *тха* в точности соответствовало слову «красный» и могло означать и то, и другое, и третье. Этот титул он заслужил многочисленными убийствами — как Владык, так и леблаббиев. Он стоял на краю горного плато в отблесках мерцающего малинового света, который шел откуда-то из-за горизонта, подкрашивая голубое небо. Его окружали воины-леблаббии, в зеленых доспехах, с алыми перьями и густо татуированными лицами, обстреливая из лучеметов войско внизу. Пурпурные лучи поджигали лес, землю и лю-

дей; огромные деревья и человеческие тела летели сквозь черный, пронизанный красным дым.

То обстоятельство, что не-Владыки управляли таким технологически совершенным оружием, означало, что война между Орком и Лосом заставила обе стороны прибегнуть к отчаянным мерам. Раньше леблаббиям никогда не разрешалось пользоваться ничем, кроме самого примитивного оружия.

Рыжего Орка очень беспокоил мерцающий малиновый свет на горизонте. Он думал, что тот вызван давно утраченным, еще дотоанским оружием, которое Лос нашел во время своего долгого бегства от сына. Сейчас молодой Владыка больше чем когда-либо жалел о том, что не убил Лоса сразу после того как кастрировал его в Голгонузе. Пока Орк приводил в чувство мать, Лос скрылся.

Сейчас он видел сквозь дым, как на плато стремительно надвигается стена в малиновых сполохах, похожая на око разгневанного бога. Она уничтожит и Владык-союзников Лоса, и вспомогательные войска солдат-леблаббиев еще прежде, чем доберется до армии Орка. Однако это вряд ли волновало Лоса, который, должно быть, управлял этим апокалиптическим оружием. Если он расколет пополам планету, но убьет сына, то будет счастлив.

Орк повернулся и бросился к вратам, которые установил для бегства на случай, если дела пойдут не слишком хорошо.

Как раз когда Рыжий Орк проскочил в них, Джим сумел вырваться на волю, пропев заклинание сибирского шамана. При этом он почувствовал боль, словно был соединен с Орком пуповиной, которую оторвали от него вместе с мясом.

Боль эта быстро прошла. Джим снова услышал два беззвучных звука: свист, а затем лязг. Он уже как раз достаточно времени находился в переходной фазе, чтобы надеяться на возвращение в собственное тело.

Не тут-то было! Гримсон снова оказался в молодом Владыке — правда, произошло это в другое время и в другом месте. Этот мир ранее принадлежал Увете Буре,

одной из жестокосердных дочерей Уризена, союзнице Лоса. Орк, после жестоких пыток, убил ее. А сейчас Орк овладел собственной дочерью, Валой, названной в честь его тетки. Оргазм был таким мощным, что казалось, будто его чресла опутывают огненные шелковые нити. Вокруг звучал хор голосов, слишком прекрасных, чтобы быть реальными.

Джим заметил, как мозг-призрак густой тенью медленно надвигался на него. Такой темп наступления, сообразил позднее Джим, объяснялся тем, что Орк был настолько поглощен наслаждением, что оно захватило каждый атом его существа. Огненные шелковые нити опутали и Джима, но тот сделал самое отчаянное усилие в своей жизни — и выскользнул на волю.

Он стоял в больничном коридоре и как раз завершал шаг, который начал, когда мельком взглянул на мантру Сью. Оба визита заняли у него всего полсекунды по земному времени. Джим круто повернулся, закрыв один глаз, чтобы снова не увидеть мантру, и направился обратно к кабинету доктора Порсены. Психиатру сейчас мешать нельзя: у него Санди Мелтон. Но ведь он сам велел Джиму тут же обратиться к нему или к другому врачу, если у него возникнет ретроспекция. Дрожа, весь в поту, с тревогой, сидящей в нем, как черная наседка на черных яйцах, Джим поспешил к доктору Тархуне.

Джим верил теперь, что ад существует. И помещался он в Рыжем Орке, в мирах Владык. Разумеется, там же находился и рай — так как один не мог существовать без другого.

— Господи! — завопил он, со стуком распахивая дверь в кабинет.— Помогите! Помогите!

ГЛАВА 31

Доктор Порсена сидел у себя в кабинете и обдумывал свой последний сеанс с Джимом Гримсоном в качестве пациента больницы. Расставание с привычной обстановкой будет для него пугающим. Однако Джим сейчас эмоционально и психологически гораздо лучше

оснащен, чем в тот вечер, когда его приняли на лечение.

Джиму угрожала большая опасность навсегда застрять в коконе своих фантазий. Погруженный в себя, не реагирующий ни на какие стимулы за пределами своего мозга, он бы вечно переживал у себя в голове приключения Рыжего Орка. При этом он перестал быть Джимом Гримсоном, товарищем Владыки в психической и физической жизни. Джим весь «ушел» бы в Орка, как вода в сверхсухую губку, и от него не осталось бы и следа. После той неожиданной ретроспекции Джим пробыл в больнице лишнюю неделю. Интенсивное лечение начали только после того, как продержали его несколько дней на транквилизаторах.

Тем временем поймали Алого Буквовщика — когда тот прикреплял к стенке очередное изречение. На сей раз, однако, он забрался в кабинет доктора Сцеволы. Преступником оказался Джуниор Вуниер, и Порсену это ничуть не удивило. Хотя он и обещал никогда больше не вывешивать своих объявлений, его в виде наказания лишили некоторых льгот. Вуниер не возражал. На короткое время он стал для других пациентов героем.

Эрик и Ева Гримсоны согласились отложить отъезд в Техас до тех пор, пока не поговорят с сыном. Теперь эта встреча наконец состоялась — и с результатом, которого Порсена не ожидал.

Некоторые моменты в рассказах Джима озадачивали и тревожили психиатра. Это побудило Порсену провести некоторые изыскания, хотя он и чувствовал себя при этом немного глупо. Джиму он об этом не сказал и не собирался говорить. Желая удостовериться, что у него нет никаких оснований для сомнений или беспокойства, доктор позвонил своей знакомой Мэри Брицци. Она была не только профессором английской литературы, но и любительницей научной фантастики и фэнтези. Порсена назвал ей имена Владык, места и события, о которых упоминал Джим, не сказав, что почерпнул эти сведения у своего пациента.

— Это все из «Дидактических и символических произведений» Уильяма Блейка,— сообщила Брицци.—

Но кое-что фигурирует и в серии «Многоярусный мир», как тебе известно. Однако Фармер пишет и о Владыках, которых нет в произведениях Блейка. Да и родственные отношения между Владыками у Фармера тоже несколько отличаются от блейковских.

А сведения Джима несколько отличаются и от фармеровских, и от блейковских, подумал Порсена.

— Блейковский город Голгонуза и некоторые Владыки — Манату Ворцион, Йаджим и Зазель из Пещерного мира — в серии Фармера не упоминаются. Фармер также нигде не писал, во всяком случае пока, что Рыжий Орк был некогда человеком-змеем. Вот в произведениях Блейка Рыжего Орка действительно превращают в подобное существо. Но Лос, его отец, тут ни при чем. Я проверю для тебя, но, по-моему, это сделал другой Владыка, Уризен. То, что из тела Орка сыплются драгоценности, встречается у Блейка. Кстати, в самой последней книге серии есть одна интересная интерлюдия. Кикаха видит вдали старика в странных одеждах, явно не Владыку. Я думаю, что этот старик — Уильям Блейк, и об этом будет сказано в следующем романе, если тот когда-нибудь выйдет. Вот только как мог Блейк, умерший в 1827 году, появиться живым во вселенных Владык, мне неизвестно. Возможно, Фармер объяснит это в следующей книге... Послушай, почему тебя заинтересовали эти два мифотворца, ведь ты же психиатр?

— Они фигурируют в одной работе, которую я пишу,— уклончиво ответил Порсена.— Если опубликуют, пришлю тебе экземпляр.

Повесив трубку, доктор долго сидел, погрузившись в размышления. Допустим, говорил он себе, что параллельные миры и искусственные вселенные действительно существуют, равно как и Владыки. Допустим также, что Блейк каким-то образом приобрел какие-то сведения о них. Теория Джима о том, что Фармер узнал о вселенных через психические «протечки» или «вибрации» в стенах между этими мирами и Землей, возможно, не лишена некоторого основания — если это вообще можно допустить. Предположим на минуту,

что Блейк тоже получил точно таким же способом какие-то образы или иные сведения, создав затем «Дидактические и символические произведения».

Блейк, признанный гений и, наверное, сумасшедший, соединил сведения о тоанских мирах с иудейско-христианской теологией и другими темами. Результатом этого явились «Произведения» — смесь истины, поэзии, мистики и аллегорий.

Но как мог Фармер, американский писатель, родившийся через девяносто один год после смерти Блейка, тоже настроиться, так сказать, на данную волну? Между биографиями Блейка, Фармера и Гримсона наблюдалось определенное сходство. Всех троих посещали яркие видения или устойчивые галлюцинации. Блейк и Гримсон впервые испытали их в весьма раннем возрасте. Фармер — будучи взрослым человеком. Он утверждал, будто два раза видел привидения и пережил два мистических озарения. Ни один из троих во время этих видений не находился под действием наркотиков.

Существуют ли параллельные вселенные, с которыми все трое каким-то образом «вступили в контакт»?

Нет, нет и нет! Не может он, доктор Порсена, считать обоснованными ни эти предпосылки, ни вытекающие из них выводы. Самое разумное объяснение — это то, что Блейк создал свои фантастические стихи без всякой помощи со стороны каких-то там вибраций или передач. Фармер положил в основу своей серии произведения Блейка. А Джим Гримсон прочитал по крайней мере некоторые из стихов Блейка. Но не помнит этого. В конце концов, Джим ведь сам признавался, что часто читал в состоянии наркотического или алкогольного опьянения.

И все же... были ведь и рубцы от кнута. Стигматы?

Джим утверждал, что бегло говорит по-тоански. Это легко проверяется. Ни один восемнадцатилетний парень, ничего не смыслящий в лингвистике, не мог выдумать язык, последовательный в отношении синтаксиса, словарного состава и произношения. Не будет у него и такого словарного запаса, как у любого Влады-

ки. Порсену настораживал один факт. Его чуткое ухо уловило, что Джим, отбарабанивая тоанские фразы, произносил «р» в имени «Орк» несколько необычно. Звук походил на японское «р». Между прочим, все «т», за которыми следовала гласная, Джим произносил без придыхания, то есть отсутствовал легкий выдох после согласной, хотя обычно Джим выговаривал «т» с ним.

Доктор не допускал мысли, что Джим лжет. Парень искренне верил в то, что рассказывал. Однако человеческий мозг способен на самые странные и невероятные выверты. Кому и знать об этом, как не психиатру.

Если проводить какие-то проверки, то делать это надо осторожно, чтобы они не сказались на его репутации психиатра. Можно будет подобрать для этого какое-нибудь удовлетворительное объяснение — например, исследование психологических основ бредовых идей пациента и тому подобное.

Из интеркома раздался голос Винни:

— Доктор, пришел мистер Гримсон.

— Пригласите его, пожалуйста.

Джим вошел в кабинет, поздоровался и сел. Внешне он казался здоровым и уверенным в себе. Темные круги под глазами исчезли. Он улыбался. Но Порсена знал умение Джима убедительно принимать какой угодно вид. С другой стороны, возможно, ему не терпится уйти из больницы к Выжакам и зажить почти нормальной жизнью.

— Я до сих пор опомниться не могу! — выпалил Джим.— Кому б могло присниться, что мой папаша вдруг станет сожалеть о наших отношениях? Я и вообразить не мог, что он расплачется, как ребенок, упадет на колени и будет умолять меня простить его! Неужели он был искренен? В тот момент я расчувствовался и действительно простил его, и уж точно искренне! Но нельзя сказать, что я совсем не держу на него зла!

— Я твоего отца не лечил, поэтому имею только поверхностное понятие о его характере и мотивах. Но собственный опыт и изучение множества историй бо-

лезни убедили меня, что подобные повороты в поведении иной раз случаются.

Доктор подумал о том, что раскаяние Эрика и его мольба о прощении имеют свою параллель в «Произведениях» Блейка. Доктор Брицци рассказала ему, что Лос и Энитармон раскаялись в дурном обращении с сыном. И постарались подобно Эрику по возможности загладить свою вину.

Брицци была озадачена, когда Порсена стал расспрашивать ее, действительно ли Рыжий Орк кастрировал своего отца и съел его яйца.

— У Блейка ничего подобного нет. Так же как и у Фармера. Где ты наткнулся на упоминание об этом?

— Это имеет отношение к фантазиям одного моего пациента.

— Вот как? Ну, яйца Лоса все равно должны были регенерировать, отрасти заново, если верить тому, что пишет Фармер о биологических возможностях Владык. Твой пациент увлекается Блейком или Фармером?

— В какой-то мере,— уклончиво ответил Порсена.— И это действительно все, что я могу тебе сказать о нем.

Порсене казалось, что кастрация и каннибализм проистекают целиком и полностью из желаний-фантазий Джима. Ни Блейк, ни Фармер за это не в ответе. И это, конечно, только совпадение, что и отец Джима в реальности, и родители Орка у Блейка просили прощения у своих сыновей.

— Извини, Джим,— вздохнул доктор — Кое о чем задумался. Ты твердо решил жить у Выжаков? Не подумал еще раз о предложении родителей переехать к ним, как только у них все утрясется?

— Ни за что. Отец, может, и искренен сейчас, но боюсь, что через какое-то время все вернется в прежнее русло. Как-нибудь я съезжу их навестить. Но не сейчас и вообще не скоро.

В последующей беседе Порсена подчеркнул трудности и опасности, с которыми сталкивается амбулаторный пациент.

— Думаю, миссис Выжак окажет на тебя стабилизирующее влияние. Судя по твоим словам, она сторон-

ница строгой дисциплины. Возможен и другой вариант: она станет относиться к тебе как к собственному сыну и даже начнет баловать, боясь потерять и тебя тоже. Есть также возможность, что ты станешь отождествлять ее с матерью. Остерегайся этого. Она не твоя мать, а просто миссис Выжак, великодушная женщина, принявшая тебя в свой дом. Помни об этом и сообщай мне, как у вас сложатся отношения.

— Обязательно,— пообещал Джим.— Думаю, у меня все получится.

Они обсудили процедуру «избавления» Джима от нежелательных черт, которая уже началась. Джим пользовался методикой, принятой на вооружение другими пациентами. По мере прохождения различных фаз лечения следовало сначала отрывать обложку у первой книги серии, а потом — страницы, одну за другой, и так до конца. Потом наступает очередь второй книги и так далее. Но Джим решил вырванные страницы отправить в бумагорезку.

Потом они поговорили о приемах, используемых пациентами для вхождения в иные миры. Многие считали мантры и заклинания магическими инструментами. Одна из задач терапии на последних стадиях заключалась в убеждении пациентов, что все эти средства — психологические, а не магические.

— Такого явления, как магия, не существует,— сказал Порсена.— Но если пациент воспринимает способы вхождения в другой мир как магические, мы этому не препятствуем. Лишь бы получалось — это для нас главное. Но нежелательно, чтобы пациенты в стадии ремиссии и по завершении терапии продолжал верить в существование магии. Только, пожалуйста, не говори это тем, кто еще не достиг твоей стадии.

Когда Джиму пришло время уходить, он встал, и они с доктором обменялись рукопожатием.

— Я ведь на самом деле не покидаю вас, так как мы с вами будем видеться раз или два в неделю,— сказал Джим.— И все-таки это своего рода прощание.— Он подошел к двери, но прежде чем открыть ее, обернулся.— В мирах Владык мне довелось столкнуться со

многими тайнами. Почти все из них я разгадал или, по крайней мере, нашел им объяснение. Но в тайну тайн так и не проник.

— Что за тайна тайн? — поинтересовался Порсена.

— Если все вселенные, кроме первоначальной, были созданы Владыками, то кто создал первоначальную? И зачем?

— Только молодые способны всерьез задаваться вопросами, касающимися самых истоков. Когда ты достаточно подрастешь, чтобы понять, что на такие вопросы нет никаких ответов, ты перестанешь искать первопричину.

— Надеюсь, я никогда настолько не подрасту.

Порсена улыбнулся. Наверное, Джим думал, что за этой каменной египетской улыбкой доктор скрывал мудрость веков. И точно, скрывал. Ведь он знал о тайнах бытия столько же, сколько и сфинкс, то есть — ничего. Тайны тайн неразрешимы и в этом мире, и во всех других. Самое большее, что может сделать любой человек,— это попытаться разгадать тайны, лежащие на поверхности. Они, поверьте, достаточно глубоки.

ПОСЛЕСЛОВИЕ
Э. ДЖЕЙМС ДЖАННИНИ, Д. М.

I

Однажды, в ничем не примечательный английский день, одна замечательная английская девочка по имени Алиса прошла сквозь зеркало и очутилась по другую сторону стекла в стране фантазии. Алиса проявила необычные способности, поскольку ей удалось войти в мир, созданный другим человеком, а затем вернуться к реальной жизни. Психически больные люди обитают в мире собственных галлюцинаций, испытывая трудности с возвращением в систему, общую для человечества. Потому так тяжела работа психиатров, что им недостает волшебного дара Алисы. Любой пациент с бредовыми идеями — истинный властелин своей собственной вселенной. Каждая такая вселенная уникаль-

на и присуща лишь данному индивидууму. У нее своя территория, свое прошлое и свой символический язык. Именно понимание психотерапевтом происхождения, а также структуры каждого из таких миров дает ему возможность найти корни изначальной душевной травмы и модифицировать вызванные ею результаты. К несчастью, пациент сохраняет способность и прерогативу в любое время изменять свою персональную реальность. У некоторых такие перемены происходят хаотически, а у других — всякий раз, когда они предчувствуют вторжение в их мир.

Знаменитый английский психотерапевт Р. Д. Лэнг создал школу, согласно которой шизофренический психоз следует рассматривать как альтернативную действительную реальность. Эта школа психиатрической мысли предоставила полезную модель, по крайней мере, для ранней стадии терапии. Однако попытки проникнуть в суть психоза требовали большой профессиональной отдачи. Эти затраты много раз пропадали втуне. Пациент был единственным хозяином своей вселенной; он контролировал доступ в нее и мог изменять ее форму.

Вызванные этими неотъемлемыми ограничениями срывы заставили многих психотерапевтов полагаться в деле редуцирования и контролирования психозов их пациентов исключительно на особый класс лекарственных средств, называемых «нейролептиками». Мне всегда казалось, что это решает классическую проблему врача лишь наполовину. Применение одних только нейролептиков снимает симптомы, но не устраняет причину расстройства. А устранение симптомов (бреда) может привести к исчезновению того самого источника, который способен пролить свет на психологическую травму и вызвавшую подобный бред.

Алисе удалось беспрепятственно пройти сквозь альтернативный мир, обладавший некоторой стабильностью. Именно доступность и стабильность этого мира и делает его привлекательной альтернативой запертой наглухо зыбкой трясине, которую являет нам отдельная бредовая субреальность каждого пациента. Бальзамом для психотерапевта, следовательно, мог бы стать

мир с некими твердыми базисными точками и дверью, обеспечивающей свободный вход и выход.

За время моего пребывания в Йельском университете в качестве психиатра я встречался со многими пациентами, чьи миры были для меня закрыты. Их личные страхи и мои нейролептические лекарства, казалось, действовали как герметизация. Тогда я и пришел к мысли использовать научно-фантастические или романы-фэнтези в качестве источника альтернативной реальности, которую мы с пациентом могли бы исследовать вместе.

По воле провидения я открыл для себя серию Филипа Хосе Фармера «Многоярусный мир». Она казалась инструментом, прямо-таки предназначенным для исследования и лечения психических расстройств. Ее «врата» обеспечивают механизмы доступа, а действующие в ней персонажи наверняка привели бы в восторг Юнга — это целый набор архетипов, доступных для ретроспективного анализа. Даже самое разнообразие «карманных» вселенных предоставляло большое, но фиксированное число миров.

На начальной стадии Многоярусной терапии нескольких пациентов с психотическими симптомами попросили прочесть серию Фармера. Затем терапия перешла от рассмотрения поступков самих пациентов к обсуждению книг. Постепенно эти обсуждения свелись к тому, что пациент соотносил свой опыт с опытом персонажей Фармера. Теперь, когда пациент в промежутке между нашими сеансами испытывал стресс и, соответственно, срыв, психотические восприятия мало-помалу включали в себя все большую долю системы «Многоярусного мира». Когда адаптированная вселенная «Многоярусного мира» заменяла высоко идиосинкразические формы альтернативной реальности, я получал возможность проникнуть в личный мир своего пациента. Я чувствовал себя астрономом, который долго наблюдал Марс в кривом зеркале и получил наконец возможность ступить на красные пески планеты. И коль скоро мы с пациентом встречались в общем мире, терапия быстро двигалась вперед.

Я отметил, что этот способ терапии дает наилучшие результаты при воздействии на подростков и молодых людей. Самыми большими ее энтузиастами стали любители чтения, юноши и девушки, считавшие, что они родились не в том веке. Часть из них страдала психозами, другие слишком глубоко ушли в свой вымышленный мир.

Переехав в Огайо, я нашел целый отряд согласных на такое лечение пациентов (и поддерживающих их родителей), которые быстро усвоили принципы Многоярусной терапии. Поскольку чувствующие себя комфортно пациенты не стеснялись высказывать свои мысли, я получил возможность использовать мощный инструмент групповой терапии для проецирования в многоярусную модель нас самих.

При обычной групповой терапии предмет обсуждения («содержание») менее важен, чем само обсуждение («процесс»). Ведь, в конце концов, именно течение воды, а не природа воды придает реке ее особые свойства и привлекательные качества. И поскольку у каждого пациента был свой уникальный способ соотносить себя с мирами Многоярусной серии, уменьшение значения содержания дало хорошие результаты. Так как все члены нашей группы пользовались одинаковыми основными символами и архетипами, они могли свободно общаться друг с другом, усиливая тем самым эффективность терапии. В процессе общения группы получали возможность разрешить свои первоначальные конфликты и постепенно вернуться в реальный мир. Пользуясь Многоярусной серией как промежуточной станцией, они двигались от своей особой реальности к реальности, разделенной с другими, а от нее — к реальности общей для всего человечества.

II

Рассказ Фармера о том, как проводят многоярусную терапию в больнице «Веллингтон», точно схватывает сущность этого особого процесса. Многоярусная терапия в настоящее время подвергается прерывистой

эволюции. Она много раз прерывалась и продолжалась вновь. Каждое проявление приносило с собой множество усовершенствований. Как подчеркивает странно знакомый доктор Порсена, весь фокус в том, как гарантировать, что Многоярусная терапия станет введением в реальность, а не ее заменой. Как правило, наши пациенты были способны отличать свой бред или фантазии от реальности — просто они предпочитали избегать реальности. Для работы с глубоко психотическими лицами Многоярусная терапия пока не применялась. Шизофреники — неподходящие кандидаты для терапевтических систем, в которых используются развивающиеся реальности.

Читая описание вымышленных групповых сеансов и индивидуальной реакции на них, я чувствовал себя так, будто наблюдаю одну из моих собственных терапевтических групп. Хотя Филип Фармер никогда не присутствовал ни на одном из моих сеансов, воссоздал он их очень точно.

Роман, хотя ему и недостает абсолютной точности в передаче деталей, верно воспроизводит ход научного поиска. Читая эту книгу, мы можем действительно испытать вместе с Джимом постепенное вхождение в реальный мир, когда он берет в свои руки контроль над собственной жизнью.

III

Алиса научилась бегать в два раза быстрее и стала королевой. Тогда она смогла выйти с обратной стороны зеркала и вернуться в Англию.

В готовящихся сейчас к изданию научных докладах о Многоярусной терапии будут проанализированы все компоненты данного метода. Можно надеяться, что мои коллеги воспользуются нашим опытом. Однако в научных докладах, хотя они и необходимымы для распространения знаний, отсутствует общий образ исследовательской работы.

ЛАВАЛИТОВЫЙ МИР

Посвящается Роджеру Желязны — Золотому Рассказчику Небылиц.

С благодарностью Д. Т. Эдсону, автору саг о Дасти Фоге, за то, что он благосклонно позволил мне объединить техасских Фогов с английскими Фоггами.

Филип Хосе Фармер

ГЛАВА 1

Кикаха был подвижным, как ртуть, и изменчивым, как Протей, к тому же мало кто мог сравниться с ним в ловкости, поэтому он легко приспосабливался к окружавшей его обстановке. Тем более что на Земле холмы, горы, долины, равнины, реки, озера и моря редко менялись, и постоянство их формы и местонахождения воспринималось как нечто само собой разумеющееся.

Бывали, конечно, небольшие местные изменения — в результате наводнений, приливных волн, землетрясений и лавин. Однако по временным меркам отдельных людей, да и целых государств, последствия этих катаклизмов выглядели незначительными. Гора могла передвигаться, идти к Магомету (или еще куда-нибудь подальше), но для сотен тысяч поколений, живших у ее подножия, это проходило бесследно. И только для Бога или геолога ее движения выглядели столь же стремительными, как бросок мыши к норе. Что касается «карманных» вселенных, то все происходившие в них изменения зависели от фантазии их создателей.

Но только не здесь.

Здесь нервничал даже никогда не теряющий куража и уверенный в себе Кикаха, реагировавший на перемены быстрее, чем зеркало отражает чей-либо облик. Но он не собирался это демонстрировать, будьте уверены.

ГЛАВА 2

«Ночью» Уртона, Орк, Анана и Маккей улеглись поудобней на жесткой ржаво-красной траве и вскоре заснули. Кикаха заступил в караул первым. Их лагерь располагался в небольшой долине, которую окружали низкие холмы. Здесь, в низине, росла только трава, но на вершинах холмов виднелись деревья. Каждое из них достигало в высоту не менее десяти футов, и хотя дул лишь слабый ветерок, они раскачивались взад и вперед, точно при шквале.

Сначала Кикаха заметил лишь несколько деревьев, однако со временем их количество увеличилось, пока они не образовали сплошную стену. Деревья ожидали «рассвета», а потом... если люди не пойдут к ним сами, деревья начнут спускаться в долину.

По бесконечному темно-красному небу медленно двигалось несколько черных пятен-туч. Огромная красноватая планета, раз в шесть больше земной луны, уже исчезла за горизонтом. Она вернется, хотя он и не знал, когда.

Кикаха сел и помассировал ноги, они еще немного болели после той неприятности, произошедшей двенадцать «дней» назад. Однако боль в груди почти прошла. Он, несомненно, чувствовал себя лучше, но пока прежняя сила и ловкость не вернулись к нему. Хотя при гравитации меньшей, чем на Земле, от него требовались совсем другие качества.

Отчего бы не прилечь ненадолго? Ни человек, ни зверь сейчас не нападет, только слонам и гигантским лосям не страшны деревья-убийцы. Но на таком расстоянии Кикаха не мог определить, к какому виду убийц они относятся. Иные обладали столь устрашающим «вооружением», что их избегали даже крупные звери.

Каким образом, черт возьми, деревья обнаружили их маленький отряд? Разумеется, они обладали острым обонянием, но Кикаха сомневался, что у ветерка хватило силы донести запах людей через холмы. Что

касается зрения, то их многофасеточные, как у насекомых, глаза, располагавшиеся вокруг ствола, довольно четко различали очертания предметов — но не на таком расстоянии. Должно быть, один или несколько их разведчиков взобрались на холм и уловили пару молекул человеческого запаха. В конце концов, удивляться тут не приходилось. То малое количество воды, которое им удалось находить, они использовали только для питья. И если завтра отряд не встретит на своем пути какой-нибудь водоем, то людям придется пить свою мочу. Говорят, что ее можно дважды использовать, прежде чем она станет ядовитой. А если они в ближайшее время кого-нибудь не подстрелят, то свалятся с ног, ослабев от голода.

Кикаха провел ладонью по стволу ручного лучемета. Батареи хватит лишь на несколько мощных разрядов, а потом она истощится. Они с Ананой вообще воздерживались от какого-либо расходования энергии, только лучемет позволял им иметь перевес над тремя остальными и мог защитить от крупных хищников. И все же с «рассветом» ему придется пойти на охоту — им требовалась еда, а кровь могла бы утолить жажду. В таком случае его путь будет лежать через лес, так что заряда может и не хватить. К тому же не исключено, что по другую сторону холмов их поджидает еще тысяча деревьев-убийц.

Тучи сгущались. Если верить Уртону, то сильный дождь наверняка затопит долину — тогда им предстоит либо утонуть, либо атаковать деревья. Замечательный выбор!

Чуткое ухо Кикахи уловило легкое потрескивание и звуки, похожие на невнятное бормотание: это под ним двигалась земля. Ее почти человеческое тепло струилось по густому ковру травы и плотным сплетениям корней. Таким образом, следует ждать очередного изменения ландшафта — кстати, холмы определенно стали ниже.

Что-что, а ждать он умел. Одним из его достоинств являлось почти звериное терпение. Будь леопардом, волком. Лежи, не шевелясь, в траве, оценивая ситуацию. А когда настанет пора действовать, стремитель-

но бросайся на добычу! К несчастью, теперь этому стремительному натиску могли помешать раненая нога и слабость.

Кикаха сел и осмотрелся. Над головой тлело темно-красное небо; на холмах покачивалась стена деревьев, а рядом — кто на спине, кто на боку — расположились остальные члены отряда. Маккей храпел. Анана что-то бормотала на родном языке, который был древнее, чем сама Земля. Уртона же лежал с открытыми глазами, причем смотрел прямо на Кикаху. Не надеялся ли он застать караульного врасплох и завладеть лучеметом?

Осторожно поднявшись, Кикаха направился к нему и, наклонившись, услышал тихий невнятный шепот. Глаза Уртоны казались безжизненными и пустыми. Кикаха облизал пересохшие губы и тяжело сглотнул, потом покосился на часы, которые позаимствовал у Ананы. Четыре ярких цифры — 15.12 — земное время, которое здесь ничего не означало. Солнца нет; свет и, в какой-то мере, тепло давало небо, а большая красноватая масса, медленно перемещавшаяся по небосводу, была временным спутником. К тому же эта планета не имела постоянной орбиты.

Часы Ананы могли служить и компасом, но здесь для него не было применения. У огромного небесного тела отсутствовало электромагнитное поле и, соответственно, Северный и Южный полюса. Собственно говоря, оно вообще не являлось планетой.

У часов все же имелась одна полезная функция: благодаря им можно было следить за движением времени. Так Кикаха узнает, когда закончатся его полтора часа караульной службы.

Когда пришло время будить Анану, Кикаха едва сделал несколько шагов по направлению к ней, как женщина поднялась и села. Ложась спать, она велела себе проснуться в нужное время, и ей помогло в этом прекрасно развитое чувство времени, своего рода внутренние биологические часы.

Анану по-прежнему можно было назвать красавицей, но она заметно похудела, обострились скулы, вокруг больших синих глаз появились тени усталости.

Губы у нее потрескались, а некогда нежная кожа стала шершавой.

— Ты выглядишь неважно,— улыбнулась она Кикахе.

В ее голосе, грудном контральто, появились сиплые скрипучие нотки.

Женщина встала. Она лишь на два дюйма уступала в росте шестифутовому Кикахе, но без труда обгоняла его на дистанции в пятьдесят ярдов. Что же касается силы, то Анана не уступила бы в поединке с любым мужчиной ее веса. А почему бы и нет? За десять тысяч лет она вполне могла развить свой физический потенциал.

Вытащив из заднего кармана рваных штанов гребень, Анана расчесала длинные волосы, черные, как у индейцев кроу.

— Ну, так лучше? — насмешливо поинтересовалась она. Ее белым, идеальной формы зубам позавидовала бы любая кинозвезда. Всего лишь тридцать лет назад Анана в сотый раз имплантировала себе зубы.

— Неплохо для голодной обезвоженной старухи,— улыбнулся в ответ Кикаха.— И знаешь, если бы обстоятельства позволяли...— Его улыбка погасла, и, махнув рукой, он указал на вершины холмов: — У нас гости.

При этом освещении невозможно разглядеть, побледнела ли она, однако ее голос ничуть не дрогнул.

— Если на них есть плоды, то, значит, мы поедим.

Кикаха не стал говорить, что съесть вполне могут и их, он молча передал ей лучемет, а затем направился туда, где лежали его лук и колчан со стрелами. Стрелял он превосходно, но только дважды его стрелы настигали дичь. Животные тут обитали очень пугливые, и ему никак не удавалось, кроме тех двух случаев, подобраться к ним на расстояние выстрела. Добычи — небольших газелей — не хватило для того, чтобы наполнить желудки пяти взрослых людей на все двенадцать дней. Однажды Анана, метнув топорик, угодила в зайца, но из-за холма выскочил длинноногий бабуин и, схватив зверька, умчался с ним прочь.

Отойдя на триста футов от спавших спутников, Кикаха улегся и тут же заснул. Рукоятка его ножа торчала из земли у самой ладони, и в случае нападения он успел бы вытащить клинок за долю секунды. Когда дежурство Ананы закончится, она разбудит Маккея, а потом ляжет рядом с Кикахой. Так они старались соблюдать дистанцию, к тому же Анана давно предупредила всех, что на ее часах есть устройство, которое подымет тревогу при любом приближении достаточно крупного существа. И хотя она обманывала, подобное устройство действительно могло быть у любого Владыки. До сих пор никто не отважился проверить это, тем более что Анана пообещала расправиться с каждым, кто попытается напасть на нее и Кикаху.

ГЛАВА 3

Кикаха проснулся, когда от яркого света «дня» у него защипало в глазах. Небо стало огненно-светло-красным; тучи исчезли, унеся драгоценную влагу. Но изменения в пейзаже на этом не закончились. На месте холмов простиралась равнина, а их отряд теперь находился на небольшой возвышенности.

Это удивило Кикаху. Разумеется, он знал о подобных метаморфозах, но не имел представления об их скорости. Однако если вспомнить слова Уртона о здешнем непостоянстве и непредсказуемости... Поэтому ни о каком удивлении не может быть и речи.

Людей по-прежнему окружали деревья. Их численность достигла уже нескольких тысяч, и теперь разведчики медленно продвигались к только что появившемуся холму. Теперь этих монстров можно было как следует рассмотреть. В высоту они достигали футов десяти, их стволы напоминали цилиндры, покрытые гладкой зеленоватой корой. Большие круглые темные глаза располагались по периметру ствола около вершины. Чуть пониже, с одной стороны можно было увидеть отверстие — точнее, пасть, с мягким нёбом и двумя рядами зубов, похожих на акульи. По словам Уртоны, растения наполовину состояли из протеина,

с пищеварительной системой, как у млекопитающих. Анус, кстати, располагался во рту.

— Деревья не подвержены болезням, поэтому я не видел причины для вывода фекалий через какое-то другое место.— Уж кому-кому, а Уртоне полагалось знать такие подробности — ведь он же их и придумал!

— Представляю, как пахнет из этих ртов! Но, впрочем, с ними ведь никто и не собирался целоваться? — сострил тогда Кикаха.

Он, Анана и Маккей засмеялись. Уртона и Рыжий Орк не скрывали своего отвращения. Чувство юмора у них атрофировалось — или вообще не было свойственно.

Из вершины каждого дерева торчал пучок двухфутовых тонких веток с широкими зелеными листьями, по форме напоминавшими сердечки. На стволе тремя рядами располагались ветки трехфутовой длины, по паре с каждой стороны, с большими круглыми листьями. Между веток торчало двенадцатифутовое щупальце, такое же гибкое, как у осьминога. У основания ствола тоже шевелилась пара щупальцев. Они помогали дереву сохранять равновесие, когда оно двигалось на двух коротких, лишенных суставов ногах, которые оканчивались большими круглыми беспалыми ступнями, покрытыми корой. А когда дерево временно переходило от подвижного состояния, кочевого образа жизни, к оседлому, нижние щупальца зарывались в почву и высасывали оттуда питательные вещества. Если же дерево решало двигаться дальше, щупальца без труда вытягивались из земли.

Кикаха как-то спросил Уртону, зачем тот создал в биолабораториях таких чудовищ.

— Мне это доставило удовольствие,— ответил он.

Теперь Уртона, вероятно, жалел об этом. Кикаха разбудил остальных, и все с ужасом уставились на этих странных, жутких тварей.

— Как они общаются друг с другом? — спросил, подойдя к Уртоне, Кикаха.

— С помощью феромонов — различных летучих веществ, которые они выделяют. Их около тридцати ви-

дов, и дерево, улавливая запахи, воспринимает различные сигналы. Думать они не умеют; а реагируют на инстинктивном уровне. Но у них хорошо развит стадный инстинкт.

— Существуют ли такие феромоны, которые вызывали бы у них страх?

— Да. Но тебе не удастся их напугать: в этой ситуации для них нет ничего страшного.

— Тогда остается только сожалеть о том, что ты не носишь с собой пузырек с нужными феромонами,— сказал Кикаха.

Уртона молча пожал плечами. Кикаха взглянул на Анану, стоявшую в шестидесяти футах от остальной группы. Ее лучемет был готов противостоять любой неприятности, от кого бы та ни исходила, хоть от людей, хоть от деревьев.

Кикаха направился к ближайшему разведчику и остановился в десяти футах от него. Дерево зашевелило зеленоватыми щупальцами. К нему двигались на помощь другие разведчики, хотя и не бегом. С такой скоростью они могли прошагать где-то милю в час. Но, впрочем, всех их возможностей он не знал. Уртона не помнил, насколько быстро они способны передвигаться.

Еще приближаясь к дереву, он чувствовал, как вспучивалась под ногами земля. Выпиравший черный грунт свидетельствовал о плодородной почве. Если подвижки почвы прекратятся, то прогалины на склонах холма скоро зарастут травой.

Около тысячи деревьев по-прежнему двигались, но все медленнее и медленнее переступая короткими негнущимися ногами. Стволы клонились вперед, а щупальца вытягивались в стороны, с трудом поддерживая равновесие.

Кикаха обратил внимание на красные плоды, похожие на яблоки, и окликнул Уртону:

— Эти штуковины съедобны?

— Да, для птиц,— ответил Владыка.— На самом деле, я не помню. Но зачем мне было делать их ядовитыми для человека?

— Насколько я тебя знаю, ты мог бы сделать это просто так, шутки ради,— хмыкнул Кикаха и жестом подозвал к себе Ангуса Маккея.

Негр приблизился к нему, настороженно косясь на дерево. Маккей был ниже Кикахи всего лишь на дюйм, но фунтов на тридцать тяжелее. От прежней одежды на нем остались только черные джинсы, носки и тяжелые ботинки. Он давно уж выбросил и рубашку, и кожаную куртку мотоциклиста, но по настоянию Кикахи все еще таскал с собой шлем, чтобы собирать в него дождевую воду.

Профессиональный преступник, уроженец Детройта, Маккей переехал в Лос-Анджелес и был нанят Уртоной. Конечно, он тогда не знал, что Уртона — Владыка; Ангус вообще не имел представления, чем занимался тот, кого он называл мистером Каллистером. Платили ему хорошо, мистер Каллистер — рослый красивый блондин со странными ярко-зелеными глазами, чем-то похожий на Пола Ньюмена — проводил операции, не вступая в конкуренцию с другими бандами, и определенно умел управиться с полицией.

В тот день, который теперь казался столь давним, у него выдался свободный вечер. Начал он его за стойкой бара. Потом, подцепив смазливую, хотя и крикливую девку, Маккей отвез ее в Голливуд к себе на квартиру. Они почти сразу завалились в койку, после чего он уснул. Разбудил его телефонный звонок. Звонил Каллистер — судя по взволнованному голосу, у него возникли какие-то неприятности. «Чрезвычайная ситуация,— кратко объявил босс, не объясняя, в чем именно она заключалась,— не забудь про пушку».

Этот приказ помог Маккею протрезветь. Раз уж Каллистер в открытую говорил по телефону, который мог прослушиваться, об оружии, значит, дела складывались скверно. Неприятности не заставили себя ждать. Женщина сбежала, прихватив с собой не только бумажник с кредитками и пятьюстами баксами, но и ключи от машины. Выглянув из окна, Ангус обнаружил, что автомобиль тоже исчез с места парковки за домом. Не будь такой спешки, он бы просто рассмеял-

ся. Какая-то шлюха обчистила его, словно последнего придурка! Глупая шлюха — так как Маккей наверняка, найдет ее и заставит вернуть бумажник и деньги — если они все еще у нее. И машину тоже вернет. Он не станет убивать эту дуру, а просто отлупит как следует, преподав хороший урок. Маккей считал себя профессионалом, а профессионалы убивали только за деньги или защищая свою жизнь.

Экипировавшись для езды на мотоцикле и оседлав железного «коня», он помчался в ночь, готовый оторваться от любых легавых, если те увяжутся за ним.

Каллистер его ждал, нетерпеливо расхаживая по кабинету — без своей обычной охраны. Ангус не стал спрашивать, куда подевались телохранители, так как босс не любил лишних вопросов. Но Каллистер сам все рассказал: ребята попали в автомобильную аварию, догоняя его врагов — мужчину и женщину. Они не погибли, но получили серьезные ранения, так что пока невозможно воспользоваться их услугами. Потом Каллистер описал приметы парочки, за которой организовал погоню, но и словом не обмолвился о том, зачем они ему понадобились.

Какое-то время Каллистер размышлял, покусывая губу. Внезапно он подошел к настенному шкафчику и, вытащив из кармана небольшую коробочку, приложил ее к замку. Дверца открылась. Из шкафчика босс достал какой-то странный на вид прибор. Маккей никогда не видел ничего подобного, но сразу понял, что это оружие. Устройство имело приклад, к которому крепился короткий толстый ствол.

— Я передумал,— сказал Каллистер.— Оставь пистолет здесь и возьми эту штуку. Мы можем оказаться в такой ситуации, когда громкий выстрел все испортит. Я покажу тебе, как ею пользоваться.

В ходе демонстрации, когда, кроме всего прочего, босс разрезал лучеметом кресло пополам, Ангус не раз ловил себя на мысли, что происходящее ставит его в тупик. Но это было лишь первое звено в цепи событий, заставивших его почувствовать себя действующим лицом фантастического фильма. Будь у него хоть капля

здравого смысла, то он унес бы отсюда ноги. Но разве можно предположить, что через пять минут тебя просто не будет на Земле...

Каллистер выдал ему бронежилет — на вид и на ощупь тот казался стальным, но отличался изрядной гибкостью. Облачившись затем в точно такую же броню, босс произнес какое-то слово на незнакомом языке. На стене засветилось большое круглое пятно, затем сияние исчезло, и Маккей уставился на странный пейзаж.

— Проходи через врата,— велел ему Каллистер, махнув оружием, замаскированным под револьвер.

Он не нацелил его на Ангуса, но тот понял, что в случае отказа за этим дело не станет. Каллистер последовал за ним. Маккей догадался, что босс использовал его в качестве щита, но возражать не стал. Начни он протестовать, его могли разрезать пополам.

Врата благополучно остались позади, и Ангус Маккей ступил на землю другой планеты, а возможно, он оказался в другом измерении или где там еще. Вот здесь пошла забава! Пока Каллистер искал своих врагов, Маккей обошел поляну с другой стороны. И тут появился этот рослый рыжий парень, вооруженный, хочешь — верь, а хочешь — не верь, луком и стрелами. Он прятался за деревом, и Ангус срезал лучом ветви с одной стороны, чтобы припугнуть этого лучника, так как, по словам босса, этот малый — звали его Кикахой, вот это бред! — требовался ему живым. Но Кикаха выпустил стрелу. Дерево, за которым укрывался Маккей, не прикрывало лишь часть его тела, и стрела угодила именно туда, в плечо. Если бы не жилет, его бы проткнуло насквозь. Однако удар сбил Маккея с ног, Ангус выронил лучемет, и тот укатился прочь, по-прежнему включенный на полную мощь.

Огромный волк, неожиданно появившийся на поляне, наскочил на луч, и зверя аккуратно перерезало пополам. Маккею повезло: если бы оружие упало в другую сторону, то Ангус попал бы под смертоносный луч. А так он сравнительно легко отделался и уже через минуту сумел подняться и, пригибаясь, побежал

к другому дереву. Проклятый Каллистер заставил его оставить пистолет! И теперь он черта с два сунется на поляну за упавшим лучеметом, раз этот Кикаха так здорово стреляет.

После этого произошло чертовски много событий, но большую часть их Маккей не видел. Он подбежал к валуну величиной с дом и, цепляясь за выступы и выемки, вскарабкался наверх. И зачем его понесло именно туда? Но в тот момент им овладела настоящая паника, и в своем поступке Ангус не видел ничего нелогичного. Он мог распластаться на камне и ждать, пока все не закончится. В случае победы босса Маккей мог утверждать, что забрался туда, чтобы указывать Каллистеру, где находятся его враги.

Лучемет тем временем продолжал стрелять, наполовину расплавив камень, который находился в пятидесяти футах от короткого ствола. Наконец заряд иссяк.

Маккей увидел, как Кикаха что-то сказал появившейся неизвестно откуда женщине, и та поднесла к губам какую-то странную трубу. При первых же звуках босс внезапно остановился, что-то заорал и бросился наутек, словно макака, которой прищемили хвост.

А дальше... он все-таки остался в живых, хотя не раз пожалел об этом. Ему многое объяснили, в основном Кикаха. Однако Маккей по-прежнему сомневался в том, что Анане, Рыжему Орку и Каллистеру, которого на самом деле звали Уртона, исполнилось по несколько тысяч лет. Разве можно поверить в то, что они пришли из другого мира, который Кикаха назвал карманной вселенной? То есть, из искусственного континуума, чего-то такого, называемого в фантастических фильмах четвертым измерением.

Эти Владыки, как они сами себя называли, утверждали, будто создали Землю. И не только ее, но и солнце, другие планеты и звезды — которые на самом деле не были звездами, а только походили на них,— в общем, всю эту чертову вселенную. Предки всех народов Земли были выращены у них в лабораториях, мало того — у Маккея от таких заявлений мозги подпрыгивали, как пробка на океанской волне,— суще-

ствовало множество искусственных вселенных, физические законы которых отличались от законов земной вселенной.

Около десяти тысяч лет назад Владыки стали врагами и теперь стремились надрать друг другу задницу. Это объясняло, почему Уртона и Орк, родные дяди Ананы, пытались убить ее и друг друга.

А что касается Кикахи... Этот парень родился в 1918 году в каком-то небольшом городке Индианы, и звали его тогда Пол Янус Финнеган. После Второй мировой войны он поступил в университет Индианы, но, не проучившись и года, оказался втянут в разборки Владык. Сначала он жил в каком-то странном мире, который он называл Многоярусным. Имя Кикаха ему дали индейцы, жившие на одном из уровней той планеты, похожей с виду на вавилонскую или на пизанскую башню... словом, что-то в этом духе. Откуда взялись индейцы? Да потому что Владыка того мира Джадавин заселил различные уровни той планеты людьми, похищенными с Земли.

Все это выглядело очень запутанным. Джадавин не всегда жил на родной планете или в своем личном космосе. Некоторое время он являлся землянином и даже не знал, кто он такой, из-за амнезии. А потом... к черту все это. У Маккея от всего этого распухла голова. Но в один прекрасный день, когда у него будет время, он разберется со всем этим — если раньше не потеряет остатки разума.

ГЛАВА 4

— Ангус, я с детства умею сбивать яблоки с деревьев,— сказал Кикаха.— И потому намерен добыть нам свежих фруктов. Но мне нужна твоя помощь. Из-за щупальцев к деревьям близко не подберешься, но в их обороне есть одно слабое место. Подобно многим людям, они не умеют заткнуть пасть. Поэтому я собираюсь пустить в эту самую пасть стрелу. Может, стрела и не убьет чудовище, но ранит наверняка. И в этот самый момент ты должен подбежать и метнуть топо-

рик в одну из ветвей. Попытайся, если можешь, попасть в скопление яблок, а потом я отвлеку дерево от упавших плодов.

Он отдал Маккею метательный топорик Ананы.

— А как насчет них? — показал Маккей на три дерева, которые находились всего в двадцати футах от намеченной жертвы и сейчас медленно приближались к людям.

— Возможно, мы доберемся и до их яблок. Нам нужны эти плоды, Ангус. Нужна еда и содержащаяся в них вода.

— Незачем мне это объяснять,— проворчал Маккей.

— А я, как дерево,— не умею вовремя заткнуться,— улыбнулся Кикаха.

Он прицелился и выстрелил. Стрела попала в цель, вонзилась глубоко в О-образное отверстие. В этот момент дерево подняло пару щупальцев для очередного шага и слегка отклонилось назад. Кикаха выпустил стрелу как раз, когда равновесие у него нарушилось — и растение упало навзничь. Оно лежало, молотя щупальцами, но не могло подняться. С радостным воплем Кикаха ударил Маккея по плечу.

— Даже топорик бросать не надо. Яблоки сбиты. Здорово!

Три дерева на мгновение замерли, а затем снова двинулись вверх по склону. Из открытых ртов не раздавалось ни звука, но Кикаха и Маккей видели, как многочисленные глаза вращались, что могло свидетельствовать о каком-то типе общения. Хотя, как утверждал Уртона, эти твари не обладали способностью мыслить, но на инстинктивном уровне они наверняка сотрудничали — как муравьи. И теперь они, очевидно, шли на помощь к упавшему сородичу.

Кикаха побежал вперед и оглянулся на бегу. Маккей, Орк и Уртона оставались безучастными. Анана, с лучеметом в руке, следила, поворачивая голову туда-сюда, стремясь держать происходящее в поле зрения.

Уртона, конечно, еще в самом начале приказал Маккею расправиться с Кикахой и Ананой при первом удобном случае. Но если бы негр сейчас раскроил че-

реп обладателю индейского имени, его пристрелила бы Анана. Кроме того, Ангус начинал подумывать, что у него будет больше шансов выжить в этом кошмаре, если он примкнет к Анане и Кикахе. К тому же Кикаха был единственным, кто не обращался с ним как с черномазым. В принципе Владыки не испытывали каких-либо антипатий к неграм, так как всех остальных рассматривали как своего рода черномазых — впрочем, к соплеменникам они относились далеко не по-дружески.

Маккей бросился вперед и остановился как раз вне пределов досягаемости метавшихся щупальцев. Он подобрал восемь яблок, сунул четыре в карманы джинсов и, держа по два в каждой руке, выпрямился. Вот это да! Оседлав упавшее дерево, Кикаха доставал из пасти стрелу. Когда он наконец вырвал ее, с острия капала белая жидкость. В это мгновение вокруг его талии обвилось щупальце. Вместо того чтобы вырваться и убежать, Кикаха изо всех сил ткнул правой ногой в пасть, а затем резко развернулся. Его тут же отбросило прочь конвульсивным движением щупальца, вызванным, несомненно, сильной болью.

Маккей мог увернуться, но он подхватил Кикаху, и оба рухнули наземь. Минуту-другую они лежали неподвижно, затем Кикаха перекатился в сторону и встал на ноги.

— Ты цел? — спросил он, внимательно рассматривая Маккея.

— Вроде бы ничего не сломал,— ответил тот, принимая сидячее положение.

— Спасибо. Не смягчи ты мое падение, я мог бы сломать себе спину. И знаешь, парень, у этих щупальцев еще та сила!

К ним подбежала Анана.

— Ты не ранен, Кикаха? — встревоженно воскликнула она.

— Нет. Меня выручил Черный Ангус, и с ним, кажется, тоже все в порядке.

— Черный Ангус? — взвился Маккей.— Ах ты, сукин сын!

— Это неизбежно приходит в голову[1], — рассмеялся Кикаха.— Особенно, если ты вырос на ферме. Не обижайся, Маккей.

Владыка обернулся. Троих разведчиков больше не было видно: склоны набухавшего холма становились все более крутыми, и деревья с трудом сохраняли равновесие, не говоря о том, чтобы идти вперед. Двигавшаяся за ними орда тоже остановилась.

— Нам не нужно отходить на холм,— заметил он.— Здесь без нас организуют наше отступление.

Однако если изменения будут продолжаться в том же темпе, то через какие-то пятнадцать минут откос с наклоном в сорок пять градусов мог стать отвесным.

— Мы угодили в бурю изменений материи! — определил Кикаха.— Если она быстро уляжется, то нам ничего не грозит. А если нет...

Щупальца поверженного дерева еле шевелились, из пасти сочилась бледная жидкость. Очевидно, удар ноги причинил ему немалый вред.

Кикаха поднял оброненный Маккеем топорик и, подойдя к дереву, принялся срубать ветви. Древесина оказалась мягкой: на отсекание каждой хватало двух ударов. Щупальца же оказались жестче: их он ампутировал четырьмя ударами. Отбросив топорик, Кикаха приподнял конец ствола и развернул его так, чтобы дерево могло скатиться по склону.

— Зря тратишь энергию,— попеняла ему Анана.

— Ожидание того, что должно произойти, сжигает больше энергии,— ответил Кикаха.

Он подошел к середине ствола и толкнул его ногой. Дерево медленно двинулось вниз, постепенно набирая скорость, и, подскочив на небольшом бугорке, полетело в группу своих собратьев. Те повалились назад, некоторые покатились под откос, ломая ветви, а иные взлетали в воздух, словно выпущенные из пушки.

Эффект нарастал в геометрической прогрессии. Когда все закончилось, в овраге у подножия холма обра-

---

[1] «Черный Ангус» — мука грубого помола и в то же время, искаженно,— «черная тоска».

зовалась куча не менее чем из пяти сотен деревьев, и ни одно из них не могло подняться самостоятельно. Итоговая картина напоминала комбинацию последствий обвала и наводнения.

— Ну, прямо какой-то затор при лесосплаве! — воскликнул Кикаха. Однако на Земле ни при каком заторе во время лесосплава не фигурировало бы неисчислимое множество колышущихся осьминожьих щупальцев. И ни одно земное дерево никогда не спешило на помощь своим поверженным собратьям.

— Бирнамский лес отправился в поход,— прокомментировал Кикаха. Ни Анана, ни Маккей не поняли его[1], но слишком устали и тревожились, а потому и не просили Кикаху объяснить, о чем речь.

К тому времени людям уже с трудом удавалось удержаться на вершине холма, цепляясь за траву.

— Я спускаюсь,— заявил Кикаха. И, повернувшись, заскользил как с горки на собственной заднице. Остальные последовали за ним. Когда трение становилось слишком сильным для их ягодиц, они тормозили каблуками. На полпути вниз им пришлось остановиться и перевернуться для охлаждения седалищ. Штаны у всех протерлись в нескольких местах чуть не до дыр.

— Ты видела ту воду? — спросил Кикаха, указывая вправо.

— Кажется, да,— ответила Анана.— Но подумала, что это какой-то мираж.

— Нет. Как раз перед тем, как спускаться, я заметил там большой водоем. До него, должно быть, самое меньшее миль пятнадцать. Хотя ты же знаешь, как обманчивы здесь расстояния.

Прямо под ними, двумя сотнями футов ниже, располагался тот живой затор из бревен. Люди снова принялись скатываться по склону, который становился все круче, но не по прямой, а наискось. Шлем Маккея, лук и колчан Кикахи, лучемет и топорик Ананы затрудняли движения. Последние десять футов они пролетели, приземлившись затем кто на ноги, а кто и на четвереньки.

---

[1] Кикаха неточно цитирует трагедию Шекспира «Макбет».

Деревья не обращали на них внимания. Очевидно, инстинкт спасения собратьев доминировал над потребностью убивать и поедать. Тем не менее растения образовали настолько плотный строй, что небольшой отряд никак не мог проскочить сквозь их ряды.

Склон стал почти вертикальным, и у вершины появился бугор. Через пять минут вершина холма начала походить на шляпку гриба. Огромные куски земли вот-вот могли оторваться и упасть на людей.

— Ну, Кикаха, нравится нам это или нет, но придется воспользоваться лучеметом,— сказала Анана.

— Ты думаешь о том же, о чем и я? Может быть, эти твари неплохо горят?

— Ты что, спятил? — закричал Уртона.— Мы же можем и сами сгореть!

— У тебя есть предложение получше?

— Да. По-моему, нам следует установить на лучемете режим резака и попытаться прорубить себе дорогу.

— Оставшегося заряда на это не хватит,— возразила Анана.— Мы окажемся посреди этих дебрей, и тогда растения могут наброситься на нас.

— Сожги-ка парочку,— попросил Кикаха Анану,— Только выбери деревья подальше от нас.

Женщина подкрутила диск на нижней части рукоятки и прицелилась в «спину» дерева в пяти ярдах справа от нее. Несколько секунд луч жег безрезультатно, затем кора задымилась. Через десять секунд дерево охватило пламя. Растение, казалось, не сразу осознало, что происходит, и продолжало вперевалку двигаться к своим собратьям. Однако деревья, шедшие сразу за ним, остановились. Должно быть, они уловили запах дыма, и теперь сработал инстинкт самосохранения — или заложенная в них программа.

Анана подожгла еще три дерева. И только тогда ближайшие ряды позади охваченных огнем растений повалились наземь, а остальная часть колонны сначала остановилась, трепеща щупальцами, а потом, словно воинская часть, услышавшая беззвучный сигнал трубы, командующий отступление, деревья развернu-

лись и стали как можно быстрее отходить в противоположном направлении.

Горевшие деревья уже никуда не шли, и судя по неистовым взмахам щупальцев, осознали происходящее. Пожухлые листья скручивались, глаза стекали по стволам, словно сок, и с шипением превращались в дым.

Наконец одно из деревьев упало; секундой позже грохнулись и два его собрата по несчастью. Их ноги продолжали двигаться, колотя по земле широкими круглыми пятками.

— Сожги их всех! — закричал Рыжий Орк. Уртона, соглашаясь с братом, закивал.

— А какой с того прок? — спросил Кикаха, с отвращением глядя на них.— Кроме того, они же чувствуют боль, даже если не издают ни звука. Разве не так, Уртона?

— Не больше, чем кузнечик,— ответил Владыка.

— А ты был когда-нибудь кузнечиком? — поинтересовалась Анана.

В массе отступавших деревьев образовался все увеличивающийся проход около двадцати футов шириной, куда и устремился Кикаха. Остальные помчались за ним следом. Внезапно раздался крик Маккея:

— Она падает!

Объяснять, кого или что он имел в виду, не требовалось. Люди бежали изо всех сил. Кикаха, возглавлявший отряд, остался позади: у него все еще болела нога, а боль в груди усилилась. Анана схватила его за руку и потащила за собой.

Сзади раздался грохот, и прямо перед ними бухнулся гигантский ком черной земли вперемешку с травой — кусок вершины. Кикаха с Ананой не успели остановиться и дружно налетели на него, ощутив на мгновение маслянистую землю и колючие травинки. Но столкновение оказалось достаточно мягким — если сравнивать, например, с кирпичной стеной.

Кикаха быстро оглянулся. Основная часть вершины упала всего в нескольких ярдах позади них. Из земли торчали обломанные ветви, щупальца и сучившие в воздухе ступни.

В сорока футах от них замерли Орк, Маккей и Уртона, уставясь на огромную кучу грунта, окружившую основание холма. Спустя мгновение откололась еще часть шляпки «гриба» и погребла под собой ранее упавшую массу. Уцелело где-то около сотни деревьев, которые по-прежнему медленно уходили, ковыляя вперевалку.

— Мы должны поймать несколько деревьев из задних рядов,— сказал Кикаха.— Нам нужны яблоки для поддержания сил, пока мы не сможем добраться до того водоема.

Хотя пережитое всех порядком потрясло, отряд, не мешкая ринулся в погоню за деревьями. Анана метала топорик, Маккей — шлем. Вскоре добытых фруктов оказалось больше, чем они могли унести. Каждый съел не менее дюжины, наполняя желудки пищей и влагой.

Им предстоял долгий путь к воде, и они надеялись, что идут в верном направлении. В мире без солнца, где ландшафт менялся постоянно, заблудиться ничего не стоило. Гора, которую принимали за ориентир, могла за один день превратиться в долину.

Анана шла рядом с Кикахой.

— Давай немного отстанем,— шепнула она.

Кикаха замедлил шаг и подождал, пока остальные не опередили их футов на сорок.

— Что случилось?

Женщина подняла лучемет и показала нижнюю часть рукоятки. На регуляторе мощности мигал красный огонек. Она повернула диск, и огонек погас.

— Заряда хватит только на один режущий луч длительностью в три секунды на расстояние в шестьдесят футов. Конечно, если я буду применять лучемет только в режиме слабого ожога или «оглушения», заряд протянет подольше.

— Не думаю, что, узнав об этом, твои родственники попытаются нас убить,— сказал Кикаха.— Мы нужны им, иначе они рискуют не выжить. Но когда — если — мы найдем дворец Уртоны, придется держать ухо востро. Но больше всего меня беспокоит то, что

лучемет нам может понадобиться для других целей.— Он замолчал и посмотрел через плечо Ананы.— Вроде вон тех.

Она оглянулась. На вершине хребта, примерно в двух милях от них, вырисовывались очертания движущихся предметов. Даже на таком расстоянии и при столь скудном освещении можно было разглядеть странные существа — полуживотных-полулюдей, отдаленно напоминавших мифологических кентавров.

— Туземцы,— произнес Кикаха.

ГЛАВА 5

Стоявшие в стороне трое мужчин не скрывали своего недовольства. Когда Кикаха и Анана подошли к ним, Рыжий Орк приветствовал их словами:

— Какого черта вы замышляете?

— Путешествовать с такими параноиками, как вы, безусловно, приятно.— Кикаха засмеялся.— Мы обсуждали их.— Он махнул рукой в сторону хребта.

Увидев караван, Маккей застонал.

— Что же теперь будет?

— Все ли туземцы враждебно относятся к чужакам? — спросила Анана.

— Не знаю,— Уртона пожал плечами.— Мне только известно, что у всех у них очень сильны племенные чувства. Бывало, я вылетал прогуляться на флайере и, наблюдая за ними, никогда не видел, чтобы два племени встречались друг с другом без каких-то конфликтов. Однако территориальной агрессии у них нет. В этом мире такое просто невозможно.

Анана с улыбкой взглянула на Уртону.

— Слушай, дядя, а как они отнесутся к нам, если представить тебя как Владыку — создателя этого полного опасностей мира?

Уртона побледнел, но ответил:

— Они привыкли к этому миру. Откуда им знать, что где-то есть места получше?

— А продолжительность жизни у них такая же, как в мире Джадавина — тысяча лет?

— Нет. Около сотни, зато они не страдают от болезней.

— Должно быть, они заметили нас,— произнес Кикаха.— В любом случае мы просто продолжим идти в том же направлении.

Они вновь отправились в путь, время от времени посматривая на гряду. Через два часа караван скрылся за горой. Все это время гряда не меняла формы — очевидно, в этой части планеты топологические мутации шли не так быстро.

Наступила еще одна «ночь». Ярко-красное небо покрылось более темными горизонтальными полосами разной ширины. На протяжении нескольких минут полосы стали расширяться и темнеть, и когда они слились друг с другом, небо приобрело одинаковый тускло-красный цвет — гневный, угрожающий.

Спутники находились на плоской равнине, простиравшейся насколько хватало глаз. Горы исчезли, хотя неизвестно по какой причине — то ли рассыпались, то ли скрылись в темноте. Неподалеку, но вне досягаемости, паслись тысячи животных: антилопы, газели, стадо слонов без бивней и небольшое стадо гигантских лосей.

Уртона сказал, что по соседству должны также бродить крупные кошки — своего рода гепарды, способные догнать кого угодно, кроме страусоподобных птиц, и дикие собаки. Но на голой равнине кошкам трудно ловить добычу, и они, очевидно, ушли в другие места.

Кикаха попробовал очень медленно подобраться к антилопам, надеясь, что животные подпустят его на выстрел. Вдруг откуда-то донеслось дикое верещанье и топот бегущего в панике стада. Пыли не было; маслянистая почва попросту недостаточно просыхала для этого, за исключением тех районов, где изменения происходили очень стремительно и жар изгонял с поверхности всю влагу.

Кикаха стоял не шевелясь, пока мимо него или скорее над ним проносились тысячи бегущих и прыгающих животных. Когда эта лавина начала редеть, он пронзил стрелой газель. Анана, стоявшая в двухстах ярдах от него, вдруг бросилась к нему, размахивая

лучеметом. Миг спустя Кикаха увидел, почему она так встревожилась. Верещанье сделалось громче, и из темноты выскочила стая длинноногих довольно крупных бабуинов, которая буквально за одно мгновение промчалась мимо них. Наблюдая, как последний бабуин исчез во мгле, Кикаха облегченно вздохнул. По словам Уртоны, при определенных обстоятельствах эти обезьяны без колебаний напали бы на людей. К счастью, когда они преследовали антилоп, то уже не отвлекались ни на какую иную дичь. Но если бабуины упустят добычу, то могут вернуться и наброситься на них. А пока... Кикаха присел на корточки и принялся разделывать ножом газель.

— Меня тошнит от сырого мяса,— заворчал Орк.— Я очень голоден, но от одного вида этих кровавых кусков у меня желудок выворачивается наружу!

— Мне оно тоже не нравится,— поморщился Маккей.— Мясо, словно живое, пытается выползти из горла обратно.

— Попробуй одну из этих почек,— посоветовал Кикаха.— Они очень вкусные и нежные. Или ты, возможно, предпочтешь яйца?

— Ты просто отвратителен,— возмутилась Анана.— Видел бы ты себя со стороны: с подбородка капает кровь...

Но взяла предложенное яйцо и отрезала кусок. А потом принялась жевать без всякого выражения на лице.

— Неплохо, а? — улыбнулся Кикаха.— Голод — лучший кулинар.

Какое-то время все молча ели. Закончив есть первым, Кикаха, сыто рыгая, встал. Анана протянула ему топорик, и он принялся отрубать рога антилопы: тонкие, прямые, фута два длиной. Отделив их от черепа, Кикаха сунул рога за пояс.

— Когда найдем какие-нибудь ветви,— сказал он,— то сделаем из них древки копий. И насадим на них эти наконечники.

В темноте что-то закулдыкало, заставив всех вскочить на ноги. Вскоре кулдыканье стало громче, и из

темно-красной мглы проступили очертания гигантской фигуры. Кикаха назвал про себя это существо «моа», и оно действительно напоминало вымершую новозеландскую птицу. Достигая в высоту двенадцати футов, птица обладала рудиментарными крыльями, длинными толстыми ногами с двумя когтями и мощным клювом, похожим на кривую восточную саблю — шамшер.

Кикаха отбросил в сторону две ноги и голову газели. Меньшая гравитация дала ему возможность швырнуть их намного дальше, чем на Земле. Огромная птица скачками неслась к людям, но когда мимо нее пролетели отрубленные куски, она изменила курс. Отбежав от отряда футов на сорок, она остановилась, покосилась на людей и рысью помчалась к пище. Убедившись в том, что люди не двигаются, она подхватила клювом ноги антилопы и убежала.

Кикаха поднял переднюю ногу дичи и предложил спутникам тоже прихватить с собой по куску.

— Возможно, нам понадобится перекусить в полночь. Позже я бы не советовал есть это мясо. На такой жаре оно быстро испортится.

— Эх, парень, сейчас бы воды,— пожаловался Маккей.— Мне по-прежнему хочется пить, но, главное, смыть с себя эту кровь.

— Ты сможешь это сделать, когда мы доберемся до озера,— ответил Кикаха.— К счастью, мухи здесь по ночам отсыпаются. Но если мы не доберемся до воды к утру, нас покроют тучи насекомых.

Они двинулись в путь. До озера оставалось еще два часа ходу, если они правильно оценили расстояние. Но когда по хронометру Ананы прошло уже три часа, никаких признаков воды по-прежнему не было видно.

— Должно быть, она дальше, чем мы думали,— решил Кикаха.— Или же мы шли не по прямой.

Постепенно равнина начала снижаться, и вот час спустя они уже шли по мелкой ложбине глубиной в четыре фута. Еще через час края ложбины оказались у них над головами, а к тому моменту, когда люди решили сделать привал, отряд находился на дне впа-

дины в двенадцать футов высотой, но теперь уже только в полмили шириной.

Откосы ее становились все круче, но по ним пока еще можно было забраться наверх. Кикахе показалось зловещим, что вся живность и большая часть растительности покинули эту ложбину.

— Думаю, нам лучше вытащить отсюда свои задницы,— предложил он.— Не нравится мне это место.

— Тогда нам, значит, просто придется идти намного дольше,— возразил Уртона.— А я так устал, что едва ноги передвигаю.

— Тогда оставайся здесь,— предложил, поднимаясь на ноги, Кикаха.— Пошли, Анана.

И в тот же миг они услышали шум льющейся воды. Люди с криками вскочили с земли. По дну черной лентой струился ручей, вода в котором быстро прибывала. Не прошло и минуты, как она поднялась им до голеней.

— Ой-ей-ей! — закричал Кикаха.— Сматываемся все отсюда к чертям собачьим!

От ближайшего откоса их отделяло футов шестьсот-семьсот. Кикаха отбросил ногу антилопы и побежал к обрыву. Остальные быстро обошли его, но Анана опять схватила Кикаху за руку и потащила за собой. К тому времени, когда отряд одолел примерно половину пути, уровень воды поднялся до колен. Это, конечно, тормозило их бег, но они упорно продвигались вперед.

Первым наверху оказался Уртона. Упав на колени, он протянул Маккею руку и вытащил его на край откоса. Рыжий Орк попытался схватить негра за голень, но промахнулся, соскользнул вниз, а затем вновь начал карабкаться по склону. Маккей протянул было ему руку, но Уртона что-то проворчал, и негр покорно отошел в сторону.

Тем не менее Орк сам выбрался из ложбины. К тому времени вода дошла Кикахе и Анане до пояса. Кикаха схватил Анану за ноги и подтолкнул ее наверх, а затем полез следом за ней. Анана схватила его за левое запястье и потянула к себе. Другая его рука вцепилась

в траву на краю обрыва, и он, подтянувшись, забрался наверх. Трое мужчин с безучастным видом следили за их усилиями, даже не пытаясь помочь.

Внезапно Уртона подбежал к Орку и толкнул его, тот завопил и упал на бок. Маккей ловко выхватил из-за пояса Ананы лучемет и с размаху двинул ее в спину ладонью. Женщина с пронзительным криком упала в поток. Уртона повелительно крикнул:

— Рог Шамбаримена! Отдай его мне!

Внезапная череда событий ошеломила Кикаху. Разумеется, он ожидал вероломства, но не так скоро.

— Черта с два!

У него не было времени искать взглядом Анану — та что-то орала, и, хотя Кикаха не видел ее, судя по всему, женщина вновь карабкалась на откос. Рыжий Орк, лежа на земле, не подавал ни звука.

Кикаха снял с плеча ремень футляра с рогом и дал ему соскользнуть по руке. Уртона снова усмехнулся, но улыбка его живо увяла, когда Кикаха вытянул руку, держа футляр над водой.

— Втащи Анану сюда! Живо! Или я брошу его!

— Пристрели его, Маккей! — заорал Уртона.

— Слушай, приятель! Ты так и не сказал мне, как действует эта штука!

— Законченный недоумок!

Уртона метнулся к негру, намереваясь вырвать у него оружие. Кикаха выпустил футляр с рогом, надеясь, что Анана поймает его, а сам набросился на Маккея. Ангус не медля применил лучемет в качестве дубинки и ударил Кикаху стволом по голове. Тот шмякнулся лицом о землю.

Полуоглушенный, Кикаха рухнул на землю и несколько секунд не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Но даже в таком состоянии он почувствовал, как затряслась под ним почва. Вокруг него нарастал рев, хотя он и не знал, чем тот вызван — надвигающимся потопом или ударом по голове. Когда Кикаха начал подниматься и едва встал на колени, как кто-то двинул его в челюсть. В следующий миг он оказался в воде.

Холодная вода в какой-то мере привела его в чувство. Кикаху подбрасывало вверх, увлекало вниз и погружало в пучину. Сражаясь за глоток воздуха, он пытался плыть. Его обо что-то ударило — о дно, смутно сообразил он,— а потом снова вынесло на поверхность. Постоянно кувыркаемый потоком, не знающий, где верх, а где низ, он плыл, увлекаемый стремительным течением. В ушах стоял неумолчный рев, легкие болезненно жаждали воздуха, а рот отчаянно хотел открыться... Вдруг голова на мгновение оказалась над водой, и Кикаха втянул в себя воздух. А затем его вновь увлекло на дно.

ГЛАВА 6

Кикаха пришел в себя, лежа на спине. Небо начинало покрываться горизонтальными полосами, темно-красными и огненно-алыми. Близился «рассвет».

Перевернувшись на живот, Кикаха встал на четвереньки. Голова раскалывалась от боли, а ребра ныли так, словно он выстоял двенадцать раундов в боксерском матче. Пошатываясь, Кикаха поднялся на ноги и огляделся по сторонам. Он, конечно же, находился на берегу — волна вынесла его наверх и за край канала, а затем отступила, оставив лежать его здесь вместе с другими телами животных, не успевших вовремя выбраться из воды.

Неподалеку находился огромный валун — настоящая гранитная скала размером с дом. В этом мире отсутствовали такие скальные пласты, какие встречались на Земле, однако здесь по милости Владыки Лавалитовой планеты, Уртоны, имелось сколько угодно небольших камней, а иной раз попадались и подобные этому валуны.

Анана как-то предположила, что в некоторых из них могли находиться замаскированные «врата». Произнеся нужное кодовое слово или прикоснувшись к особому участку камня, их можно было открыть и оказаться в замке Уртоны — или в какой-нибудь другой карманной вселенной. Уртона, конечно же, этого предположения ни подтверждал, ни отрицал.

Будь у него рог Шамбаримена, Кикаха мог бы проверить, есть ли врата в этой скале, протрубив секвенцию из семи нот. Но рог либо унесло потоком, либо Анана вылезла с ним на берег. В последнем случае наследие Шамбаримена теперь у Уртоны.

В миле от валуна виднелась коническая гора. Вулканом она быть не могла, так как на этой планете таких просто не существовало. Высокие холмы тянулись вдоль канала, а большая часть равнины исчезла — значит, изменения протекали в ускоренном темпе.

Его лук и колчан исчезли, из вооружения остался только охотничий нож. Что касается одежды, то рубашка пропала без вести, майка превратилась в лоскутья, брюки — все в дырах и прорехах, а ботинки уплыли в неведомую даль.

Кикаха ошалело огляделся в поисках тел своих спутников. Ни одного — значит, есть надежда, пусть и слабая, что Анана уцелела. Спустя некоторое время у него появился повод обрушить на Владыку этого мира проклятия. Орды больших черных мух с зелеными головами набросились на валявшиеся вокруг него трупы животных, за компанию атаковав и Кикаху. Укус одного насекомого можно было бы вытерпеть, но сотня... тело словно драили наждаком! Неужели Уртоне, когда он создал этот мир, понадобилось обязательно включить в экосистему и мух?

Несмотря на ощущение, что проглоченной им воды хватит на всю жизнь, Кикаху вскоре одолела жажда. Стоя на коленях на берегу канала, он зачерпнул ладонями воду. По словам Уртоны, даже морская вода годилась здесь для питья.

* * *

На следующий день около канала появилось несколько ходячих деревьев примерно шести футов в высоту. На красно-бело-синих полосатых стволах располагалось несколько отверстий, ветви отягощали крупные оранжевые плоды. Щупальца отсутствовали, но наверняка Уртона наделил растения иным способом защиты.

Кикаха осторожно приблизился к одному из них, и дерево мгновенно отреагировало, повернувшись к нему одним из отверстий. Глаз у растения не было, но оно, должно быть, обладало острым слухом или ультразвуковым приемником — как у летучей мыши. Спустя несколько секунд из отверстия выступила короткая трубка телесного цвета, больше всего напоминавшая дуло пистолета. Кикаха бросился на землю, хотя это резкое движение вызвало боль в ребрах и голове. Раздался звук, как от вылетевшей пробки, и над его головой что-то просвистело. Он откатился вбок и увидел лежавшую неподалеку костяную стрелу — достаточно острую, чтобы пронзить человеческое тело. Острие покрывало что-то зеленое и липкое. Выстрелившее в него дерево с громким чавканьем втягивало в себя воздух. Значит, эти растения — плотоядные, если только выпускаемые ими стрелы не применялись для самозащиты. Но в такое верилось с трудом.

Кикаха отполз подальше, стараясь оказаться за пределами досягаемости стрел. У деревьев не было ни глаз, ни щупальцев, но они замечали добычу и каким-то способом съедали ее. Что ж, подождем — увидим.

Долго ждать не пришлось. Оседлав разлагавшиеся туши антилоп и газелей, деревья приступили к трапезе: на основании стволов выступила пара гибких губ и принялась в буквальном смысле рвать мясо.

О такой разновидности плотоядных растений Уртона не упоминал. Возможно, он сделал это сознательно, надеясь, что Кикаха с Ананой окажутся в непосредственной близости от них и попадут под обстрел смоченных в яде стрел.

Прежде чем отправиться в путь, Кикаха решил обзавестись кое-каким оружием. Он подходил к растению ровно на расстояние выстрела, а потом бросался наземь. Подобные маневры причиняли ему некоторую боль, но дело того стоило. Когда количество стрел перевалило два десятка, он завернул их в тряпку, пожертвовав куском собственных штанов, и засунул пакет в задний карман. Приветливо помахав рукой деревьям, Кикаха тронулся в путь.

К этому времени прилегавшая к каналу местность начала заполняться животными, почуявшими воду. Так, Кикахе повстречалось стадо слонов — они не уступали в росте своим африканским собратьям, но отличались более длинными ногами и менее массивными телами. Вожак, огромная самка, настороженно поглядела на него, но не сделала никаких угрожающих движений.

Слоны атаковали рощу стреляющих растений, однако крошечные стрелы не причиняли никакого вреда их толстым шкурам. Животные врезались в растения, сшибали их с ног, а потом принимались обрывать со стволов короткие ветви. После этого стволы направлялись в пасти с помощью хобота. Начиналось пережевывание, гигантские зубы крошили покрытые корой тела, в огромные глотки уходило все — и растительные, и протеиновые части. Слонята постарше хватали упавшие куски и поедали их.

Некоторые растения вперевалку спешили убраться прочь, что не спасло их от семейства гигантских лосей, тоже оказавшихся невосприимчивыми к яду стрел. Кикаха заметил, что лоси остерегались употреблять в пищу орган, содержавший, как он полагал, стрелы,— они отталкивали его в сторону. Все прочее, включая и мясистые на вид ноги, отправлялось в утробу.

Кикаха терпеливо ждал, пока один из таких «мешочков» не оказался от него поблизости. Вскрыв его ножом, он обнаружил внутри дюжину стрел, причем каждая находилась в отдельной трубочке. Разумеется, он присовокупил их к своей прежней добыче и отправился дальше.

Несколько раз ему перебегали дорогу семейства саблезубых кошек темно-рыжего цвета размером с льва. Они его видели, но, по крайней мере в данную минуту, не интересовались им. Игнорировали они также и копытных зверей. Очевидно, их самой непосредственной заботой стала вода.

Поблизости от него протрусила стая диких собак с высунутыми красными языками и пылающими изумрудными глазами. Ростом они были около двух с по-

ловиной футов, пятнистые, как леопарды. За ними следовало семейство огромных кенгуру. Головы их, однако, походили на головы гигантских кроликов. На брюхе у самок имелись покрытые шерстью сумки, и из них торчали головы детенышей «кролгуру».

Разумеется, такое разнообразие животного мира наводило на мысли о буйной фантазии Владыки этого мира. Причем водный мир тоже не был обойден его вниманием. Однажды Кикахе показалось, будто посередине канала плывет человеческое тело, и у него болезненно сжалось сердце. Но, взглянув более внимательно, он рассмотрел животное из семейства моржовых. Вильнув раздвоенным хвостом, походившим на сведенные пятками вместе человеческие ноги, оно внезапно исчезло, однако миг спустя всплыло, зажав в усатой пасти добычу: у существа, издававшего булькающие звуки, была рыбья голова и четыре короткие толстые ножки.

Что касается птиц, то небо часто становилось черным от стай, насчитывавших не меньше сотни тысяч пернатых — и с Земли, и похожих на известных ему по миру Джадавина. Попадались и настолько необычные, что, судя по всему, их предков Уртона создал в биолабораториях. Откуда бы они ни происходили, вели они себя очень шумно. Воздух был наполнен карканьем, клекотом, мелодичным пением, трелями, пересвистыванием, чириканьем. Одни питались рыбой, либо падая с высоты, либо плавая по поверхности и ныряя за рыбой и лягушкообразными тварями. Другие садились на слонов и лосей и выклевывали паразитов. Некоторые добывали пищу, выклевывая ее из зубов огромных крокодилов. Деревья, а точнее, их плоды, тоже не были обделены вниманием птиц. Но иногда растение падало, не выдержав веса рассевшихся на его ветвях «посетителей». Пронзительно крича, пернатые поднимались в воздух, словно дым от горящего бревна. Растения со щупальцами спешили снова поднять своих беспомощных собратьев. Остальных предоставляли собственной участи, и чаще всего их поедали слоны и лоси.

Интересно, где же птицы откладывали яйца? В этом мире никакое гнездо не будет безопасным. Например, трещина в горе через несколько дней сомкнется, да и сам горный массив спустя некоторое время превратится в равнину, а то и в овраг.

У него имелась уйма времени для наблюдения за зоологией этого мира. Если он проживет достаточно долго.

Час спустя Кикахе стала ясна одна из причин стремительного характера жизни в этом мире. Над горизонтом поднялась красноватая «луна», напоминавшая своей формой очень вытянутый овал. Когда она перевалила за горизонт, то заняла половину неба, вращаясь вокруг своей продольной оси так медленно, что за два часа поворачивалась по вертикали не больше чем на два градуса. По словам Уртоны, это небесное тело представляло собой один из отколовшихся кусков не больше ста километров длиной. Таким большим он казался из-за своей близости к поверхности планеты.

Несмотря на то что знания физики и небесной механики ограничивались усвоенными в школе, Кикаха, однако, знал, что тело с такой массой не могло проходить по орбите, столь близкой к планете. Но, побывав много лет тому назад в мире Джадавина, он уже перестал чему-либо удивляться. Различное распределение пространства и материи, обращения материи в энергию были не только возможны, но и реализованы Владыками.

Сколько пройдет времени, прежде чем спутник планеты превратится в планету? Уртона не знал, точнее, не помнил. Не помнил он также, когда запланировано неизбежное падение крейсировавшей по небу огромной штуковины. Температура в зоне этой катастрофы окажется достаточно высокой, чтобы изжарить любое живое существо в радиусе пятидесяти миль. Неизбежны и крупные землетрясения.

На «луне» водились звери, птицы, рыбы и растения — словом, те же самые формы жизни, что и на основной планете. Их участи вряд ли можно было позавидовать в случае падения.

Уртона, однако, говорил, что отколовшиеся массы никогда не падают в районе океанов. Кикахе оставалось надеяться, что он находится неподалеку от одного из пяти и не увидит внезапно появившегося на поверхности горного хребта сверх-Гималайских масштабов. Спустя несколько месяцев, как утверждал Уртона, где-то в другом месте от планеты отколется следующий кусок. Кикаха содрогнулся, представив колоссальную дыру, а затем процесс заживления этой раны, когда стенки потекут вниз, заполняя ее, а остальная планета в очередной раз изменится, компенсируя это смещение.

В дороге незаметно прошло три часа, и угрожающая масса над ним заметно уменьшилась в размерах. В этом мире только она отбрасывала тень, достаточно бледную по сравнению с тенями Земли. Однако эмоциональная тень беспокойства и почти панического страха редко уступала чему бы то ни было в родном мире Кикахи. Сравнение с ней выдерживали только дымящийся вулкан, сильное землетрясение и ревущий ураган.

Кикаха внимательно наблюдал за реакцией птиц и зверей, пока «луна» находилась над ними. Отсутствие тревоги свидетельствовало лишь об одном: они каким-то образом «знали», что небесное тело не представляла никакой угрозы. По крайней мере, в данное время.

Не снабдил ли Уртона свои создания инстинктивным механизмом, благодаря которому они обладали способностью предвидеть, в каком районе упадет отколовшаяся масса? Если да, то, значит, в подобных природных катаклизмах есть какая-то система. Однако как это знание распространяется на существ, привезенных из других вселенных? Они пробыли тут недостаточно долго, чтобы можно было говорить о каких-то эволюционных механизмах.

Он обязательно спросит об этом Уртону, когда найдет его. *Если* найдет — незадолго перед тем, как убить его.

Минул «день», пока Кикаха размеренно шел вдоль канала, который постепенно начал расширяться. Он сделал привал и поужинал несколькими полуисклеванными плодами, по вкусу похожими на папайю. По-

среди «ночи» мимо него проскакало несколько кролгуру, преследуемых двумя длинноногими бабуинами. Кикаха метнул нож в шею проносившегося мимо самца, и животное упало, заставив бабуинов вернуться к более легкой добыче. Кикаха вытащил нож и погрозил им приматам. Те дружно оскалили грозные на вид клыки, и один из животных сделал короткие броски в его сторону. Кикаха не хотел связываться с ними, поэтому отрезал ноги кролгуру и отправился дальше, оставив тушу бабуинам. Их такой дележ вполне удовлетворил.

Найти безопасное место для сна оказалось почти невозможно. Не только «ночь» кишела рыскавшими хищниками, угрозу представляла и разлившаяся вода. Дважды Кикаха просыпался почти погруженным в воду и поневоле двигался дальше. Наконец он дошел до подножья ближайшей горы — еще совсем недавно это был всего лишь холм. На ее склоне валялось несколько больших валунов. Кикаха лег как раз над одним таким камнем. Когда склон станет слишком крутым, валун покатится вниз, и это движение разбудит его — так, по крайней мере, надеялся он.

Из долины доносились рев, лай, рычание и визг. Однако охота шла достаточно далеко от места ночлега. А возможно, то и дело будившие его звуки были частью его кошмарных снов.

Незадолго до «рассвета» Кикаха, охнув, сел, чувствуя, как сердце бешено колотится в груди. Слышался грохот. Землетрясение? Нет, земля не дрожала. Затем он увидел, что по склону, ставшему теперь еще круче, неслось примерно с полдюжины камней, подскакивая на выступах, вновь со стуком ударяясь о склон. Они, постепенно набирая скорость, неслись, словно увлекаемые неведомой силой, в долину, которую теперь сплошь покрывала вода. Из зверей виднелось только несколько больших кошек, продолжавших преследовать свою добычу. На смену зверям в долину устремились миллионы птиц, среди них приблизительно двести тысяч фламинго, зеленых, а не розовых, как их земной эквивалент. Вода бурлила от слишком большого количества живности.

Кикаха спустился вниз по почти отвесному склону (даже если бы он решился еще немного поспать, вряд ли ему удалось бы удержаться на поверхности, а не скатиться вниз), а затем зашел по колено в воду. Наклонившись, он напился; заодно, изловчившись, сумел схватить существо, похожее на амблистому. В этот момент на него едва не налетел один из фламинго. Когда Кикаха выпрямился, птица стояла перед ним, сердито щелкая клювом. Тот не обратил на него внимания и с жадностью вцепился зубами в амблистому, которая оказалась на вкус вполне съедобной.

Итак, набив желудок и искупавшись, Кикаха побрел по колено в воде вдоль основания горы. Час спустя он миновал ее и зашагал по равнине. Примерно в «полдень» равнина накренилась в одну сторону, примерно на десять градусов к горизонтали, и по ней полилась вода. Через три часа она начала крениться в другую сторону. Кикаха на ходу доел амблистому и отшвырнул кости и кожу в сторону. На них тотчас набросились алые вороны.

Отколовшаяся масса-«луна» больше не появлялась. Оставалось только надеяться, что, когда она упадет, то это произойдет достаточно далеко. Кикаха никому не пожелал бы оказаться рядом с тем местом, где за несколько мгновений появится горный хребет — своего рода Гималаи. Потом, спустя несколько месяцев,— так утверждал Уртона, он сольется с планетой, заодно изменив свою форму. Через некоторое время где-то в другом месте от планеты отколется еще один кусок в форме клина, более крупный, примерно одна шестнадцатая от массы всей планеты — 67 700 000 000 кубических километров. Боже, помоги тем, кто останется на нем в этот момент. А какая участь ожидает их, когда кусок начнет падать на планету...

Кикаха содрогнулся. Если только представить себе катаклизмы, землетрясения, колоссальных размеров дыру... А каков будет процесс заживления этой «раны», когда она начнет «зарастать», как поверхность планеты компенсирует это смещение! Представить себе такое было просто невозможно.

Это чудо, что на Лавалитовом мире существовала жизнь, причем всевозможные особи водились тут в изобилии.

* * *

Перед «сумерками» Кикаха оказался между двумя монолитными горами, за весь день их форма осталась неизменной.

Канал проходил по центру ущелья, его берега возвышались над поверхностью воды на несколько дюймов. По обоим участкам суши вдоль канала хватило бы места для шеренги в десять человек.

Кикаха направился вдоль канала, время от времени поглядывая на отвесную стену горы, которая плавно уходила вправо, и русло канала послушно изгибалось вместе с ней. Он не хотел ночевать здесь, поскольку на таком узком пространстве ему не удалось бы спрятаться от любых крупных хищников или не попасть под копыта промчавшегося стада.

Время от времени Кикаха замедлял шаг, когда мимо пробегали большие кошки или дикие собаки. К счастью, звери не обращали на него внимания — вероятно, они сталкивались прежде с людьми и поэтому боялись их. Кстати, это не могло не навести на мрачные размышления о том, что здешние «гомо сапиенс» представляют определенную угрозу. Впрочем, хищники могли воспринимать Кикаху как незнакомое им существо, от которого лучше держаться подальше. Тем не менее они наверняка напали бы, застав спящим на земле, и поэтому он, не останавливаясь, шел дальше. К «рассвету» Кикаха уже пошатывался от усталости, ноги гудели, а желудок требовал пищи.

Наконец ущелье осталось позади, и перед путешественником, насколько хватало глаз, простиралась широкая равнина, которую канал делил почти пополам, устремясь к видневшимся вдали коническим горам. Повсюду мирно паслись многочисленные стада, над передвигавшимися рощами деревьев проносились стаи вездесущих птиц. Идиллическую картину не наруша-

ли хищники — если они здесь и водились, то вели себя тихо.

Некоторое время Кикаха, устремив взгляд на далекие горы, размышлял, какова длина канала от начала до конца. Как ему представлялось, поток пронес его не больше чем на десять миль. Но теперь стало очевидным, что его могло протащить и все пятьдесят или даже больше. Воображение услужливо нарисовало мрачную картину. Земля внезапно раскололась по прямой линии, словно по ней ударил огромных размеров топор, из моря в образовавшуюся трещину хлынула вода, гигантская волна пронесла Кикаху по каналу и выбросила на берег. Ему очень повезло, что дно оказалось достаточно ровным, а поток воды — не очень сильным.

Нет, разумеется, ни о каком везении здесь не было и речи, его спасло чудо.

Тронувшись в путь, Кикаха прошел всего сотню ярдов. Внезапно раздавшийся стук копыт заставил его обернуться.

Из-за выступа горы появилось несколько всадников, вооруженных длинными копьями, которые, заметив его реакцию, пустили своих лосеобразных скакунов галопом.

Бежать было бесполезно. Тех, кто стоит и ждет, на этом корте обслуживали точно так же. Но ситуация ничуть не походила на теннисный матч.

ГЛАВА 7

Эти лосеобразные были чуть покрупней чистокровных коней и так же различались по масти: чалые, вороные, гнедые и пегие. Морды им стянули уздечками, а еще в сбрую входили кожаные седла и стремена.

Обнаженные по пояс воины из одежды предпочитали кожаные штаны, очевидно уберегавшие кожу ног от раздражения, а из украшений — перья, которые торчали из длинных темных волос. Но на этом сходство с индейцами заканчивалось, так как всадники были светлокожими, с густыми бородами. Когда они подъ-

ехали достаточно близко, Кикаха разглядел на их лицах татуировку — наверняка дань принадлежности к этому славному племени.

Что касается копий, то некоторые из них представляли собой шесты с заостренными и потемневшими от пламени концами. Другие имели наконечники из кремня, или антилопьих рогов, или львиных зубов. Луки и стрелы явно не были известны жителям этой планеты, так что остальное вооружение представляло собой каменные топоры и тяжелые боевые бумеранги, притороченные к седлам. Ни одна рука не потянулась к круглым, обтянутым кожей щитам, висевшим на привязанных к седлам кожаных тесемках. Очевидно, туземцы решили, что Кикаха для них не опасен,— и были правы.

Первые подъехавшие к нему воины остановили своих животных всего в нескольких шагах от Кикахи. Другие рассыпались цепью и затем быстро окружили его. Вождь — коренастый мужчина с заметной сединой в волосах — направил своего «скакуна» к Кикахе. Животное подчинилось, но его большие навыкате глаза выражали явное беспокойство.

В это время к ним начали потягиваться остальные члены племени в сопровождении вооруженных всадников, ехавших по бокам каравана. Женщины, дети и собаки шли за лосеобразными, тащившими волокуши, нагруженные шкурами, деревянными шестами и кое-каким нехитрым скарбом.

Вождь заговорил на неизвестном языке. Не питая особых надежд, что его поймут, Кикаха тем не менее произнес приветствия на двадцати различных языках: Владык, английском, французском, тишкетмоакском, хровакском, исчезнувшем верхне-немецком диалекте Дракландии, нескольких лакотских и микенском наречии, присовокупив к ним несколько известных ему фраз на латыни, греческом, итальянском и испанском. Никакой реакции не последовало, хотя Кикаха надеялся, что их предки происходили с Земли.

Хорошо, что его не убили на месте. Однако, зная, как поступали с пленниками племена на индейском

уровне мира Джадавина, Кикаха не испытывал излишнего оптимизма.

Вождь махнул украшенным перьями копьем и что-то сказал двум воинам. Те спешились и начали осторожно двигаться, выставив вперед копья. Кикаха улыбнулся и протянул руки вперед, ладонями вверх. Воины остались безучастными к его улыбке.

Если бы Кикаха находился в своей обычной — то есть превосходной — физической форме, он попытался бы бежать к ближайшему лосю с пустым седлом. Но даже тогда у него был только один шанс из двадцати прорваться сквозь кольцо. Раньше ему приходилось сталкиваться и с худшим соотношением шансов, но тогда он чувствовал себя способным на что угодно. А теперь — нет. Он слишком устал и утратил прежнюю сноровку.

Оба воина были ниже его ростом, один — примерно пять футов шесть дюймов, а другой на дюйм повыше. Более рослый держал в одной руке копье, другую вытянул вперед. Кикаха решил, что он хочет получить у него нож, и, пожав плечами, медленно подчинился. Какую-то секунду он подумывал метнуть нож воину в горло, затем схватить копье, выдернуть нож, побежать к... Нет, забудь об этом.

Воин взял нож и, пятясь, отошел. Выражение его лица свидетельствовало о том, что он раньше никогда не видел металла. Вождь что-то сказал приказным тоном, и воин подбежал к нему, протягивая нож. Седовласый повертел его, осторожно ощупал ладонью лезвие, а потом испробовал его на кожаной тесемке, державшей щит. Все дружно вскрикнули, когда щит с глухим стуком упал на землю.

Вождь что-то спросил у Кикахи. Вероятно, он хотел узнать, где пленник его раздобыл. Кикаха был не прочь соврать, если это спасет ему жизнь, и показал на горы, к которым держал путь.

Судя по сдвинутым бровям, старик напряженно размышлял. Затем он заговорил, и двое спешившихся воинов связали Кикахе руки спереди кожаным ремнем. Вождь снова произнес несколько слов, и развед-

чики выдвинулись вперед. Примерно через пятнадцать минут голова каравана поравнялась с ними. Вождь обратился к своим соплеменникам, то и дело указывая копьем в указанном пленником направлении. Настороженная тишина, в которой толпа выслушала своего предводителя, сменилась нестройным шумом взволнованных голосов. Наконец вождь предупреждающе поднял руку, и все смолкли. Тем временем Кикаха подсчитывал количество людей, окружавших его. Включая разведчиков, приблизительно девяносто душ. Тридцать мужчин, сорок женщин и двадцать детей — от младенцев до подростков.

Женщины, среди которых Кикаха заметил немало привлекательных особ, были сплошь брюнетками с карими глазами, лишь немногие удивляли контрастом темных волос и светлых глаз. Достоинства и недостатки фигуры подчеркивала единственная деталь туалета — короткая юбка-кильт из дубленой кожи. Дети — как малыши, так и подростки ходили голышом, предпочитая любой одежде слой грязи. Впрочем, последнее было характерно и для взрослых — так же, как и запах, словно туземцы не мылись больше месяца.

Последовал короткий приказ вождя, и несколько воинов раздели Кикаху до трусов. Предводителю досталась знатная добыча — драные джинсы. Судя по выражению его лица и радостному смеху, старик никогда прежде не видел ничего похожего на них. Однако когда он попытался натянуть джинсы, то обнаружил, что его широкие ягодицы и отвислый живот не помещаются в них. Проблема довольно просто разрешилась, когда пояс украсили несколько надрезов.

Найдя в заднем кармане джинсов пакет с ядовитыми стрелками, вождь передал их воинам с копьями без наконечников. Те привязали стрелки сыромятными ремнями к концам копий, а потом устроили небольшой показательный бой, играючи тыкая друг в друга оружием и с визгом отскакивая в сторону.

Из табуна выволокли крупную лосиху, быстро оседлали; вождь жестом велел Кикахе забраться на нее. Он так и сделал, и теперь сидел, ожидая дальнейшего

развития событий, держась за поводья. Один из воинов, продев под брюхо животного длинный ремень, завязал его концы на голенях Кикахи. Затем караван тронулся, и старуха — единственная среди женщин — заиграла странную мелодию на сделанной из длинной кости флейте.

Ехали они примерно час, затем племя разбило лагерь — эта процедура оказалась достаточно быстрой — у канала. В то время как Кикаха сидел на животном, игнорируемый всеми, кроме своего сторожа, туземцы шумно принимали водные процедуры. Через полчаса, очевидно выждав, пока пленника жестоко искусает орда синих мух, сторож наконец развязал ремни у него на ногах. Кикаха с трудом спешился и жестом показал, что хочет напиться воды. Сторож, стройный юноша, кивнул, разрешая. Кикаха подошел к краю канала, опустился на колени и зачерпнул ладонями воду. В следующий миг он очутился в воде, сброшенный туда пинком, за его спиной раздался громкий хохот.

Кикаха поплыл назад, затем, когда ноги коснулись дна, обернулся и бросил тоскливый взгляд на противоположный берег, находившийся примерно в трехстах футах. Он мог бы добраться туда даже со связанными руками и уйти от преследователей — если бы только поблизости были лес или гора, а отнюдь не равнина примерно в две мили шириной. Верховые догонят его прежде, чем он пересечет ее.

Когда Кикаха неохотно вылез на берег, охранник встретил его какой-то незатейливой фразой, услышав которую туземцы дружно расхохотались. Наверняка замечание не было лестным — а впрочем, почему бы не узнать, что он сказал? Кикаха решил, что может приступить к урокам изучения языка прямо с этой минуты. Он показал на копье и спросил, как оно называется. Некоторое время юноша морщил лоб, пытаясь понять, чего от него хочет пленник, а затем ответил:

— *Габол.*

Слово *габол*, как оказалось, не являлось общим названием для этого рода оружия, а означало копье с

наконечником, закаленным в огне. Древко, увенчанное каменным наконечником, называлось *барос*; с наконечником из антилопьего рога — *ява*; из львиного зуба — *градос*.

Позже Кикаха узнал, что у туземцев не было слова для обозначения человеческого рода. Племя просто называло себя «люди», а остальные, не принадлежавшие к нему, считались «врагами». Детей любого пола обобщали одним словом, буквально переводившимся как «несложившийся». Взрослые мужчины разделялись на воинов, убивших врага, не прошедших боевого крещения юношей и бесплодных особей мужского пола. Последний мог быть храбрецом, отправившим на тот свет не одного своего противника, но все равно оставался *тайру*. Если же, однако, он сумел похитить ребенка из другого племени, то переходил в разряд *виру*, славных воинов.

Женщины тоже распределялись на три категории, и к высшей относились те, кто имел детей. Чтобы принадлежать ко второй, бесплодная женщина должна была убить двух врагов — мужчин или женщин. *Шонка* — слово, когда-то называвшее мелкое животное, обозначало женщину, не имевшую детей и не пролившую вражеской крови.

* * *

Вот уже двое суток караван не спеша двигался вдоль канала к высившимся далеко впереди двум горам. Иногда его прямое русло расширялось и мелело, иногда становилось узким и глубоким, устремляясь вперед, насколько хватало глаз.

Пока племя либо разбивало лагерь, либо двигалось со скоростью около мили в час, часть мужчин и женщин помоложе отправлялась на охоту. Туземки не занимались с рассвета до сумерек хлопотами по хозяйству, рукоделием и своими отпрысками; детей воспитывали сообща, по очереди присматривая за ними, а еще мастерили копья и бумеранги. Этим круг их обязанностей и ограничивался; молодые женщины посильнее зачастую отправлялись на охоту и в набеги.

Охотники, как правило, возвращались с неплохой добычей: мясом антилоп, газелей и страусов. Однажды им удалось убить слоненка, и племя тут же направилось к туше. Пройдя две мили, туземцы устроили привал, чтобы как следует насытиться сырым мясом, пока животы у всех заметно не округлились.

Помимо мяса, туземцы употребляли в пищу фрукты и орехи с деревьев. Охотники занимали позицию за пределами досягаемости щупалец или стрелок и сбивали плоды бумерангами.

На обучение основам языка Кикахе потребовалось больше недели. Словарь нельзя было назвать богатым, но оттенки значения, передаваемые большей частью едва различавшимися гласными звуками, поначалу ставили его слух в тупик. К тому же в предложении последний согласный в слове мог изменяться начальным согласным последующего слова. Кикаха пытался найти какие-либо аналогии с известными ему языками. Например, используемый для верховой езды лось назывался *хикву*. Не могло ли это слово находиться в родстве с древнелатинским *эквус*, а также с греческим *гиппос*? С какой стати их далеким предкам пришло в голову назвать так лося? Разумеется, *хикву* больше других животных напоминал коня.

Кроме занятий языком, Кикаха, когда находился в седле, занимался поисками следов своих спутников, прежде всего Ананы. Пока у него не хватало словарного запаса, чтобы расспросить кого-то, не видал ли тот бледных чужаков вроде него или чернокожего.

На десятый день горы, казавшиеся постоянной чертой местности, остались позади. Перед ними за широкой равниной лежал океан. Кикаха чуть не закричал от радости: росшие повсюду деревья почти не отличались от сосен, дубов, тополей, яблонь и так далее — никаких щупальцев, дротиков и прочих «украшений» и «приспособлений».

Первый пришедший ему в голову вопрос был таков: если эта земля не подвержена изменениям, то почему племя не обосновалось здесь? Кикаха спросил об этом Люкио, нравившуюся ему молодую женщину, но ус-

лышал в ответ нечто непонятное от заметно побледневшей красавицы:

— Мы пришли слишком рано. Гнев Владыки еще не остыл.

Как бы в подтверждение ее словам, в этот миг ударила молния. Дерево в двухстах футах от них раскололось пополам, и одна половина рухнула на землю, а другая осталась стоять.

Вождь выкрикнул приказ возвращаться за горы, но отступление уже превращалось в паническое бегство. Лоси шарахались в стороны, всадники лихорадочно пытались их обуздать, волокуши подскакивали на кочках, теряя груз. Кикаха и Люкио скоро остались вдвоем — точнее, втроем: под деревом неподалеку от них плакала девочка лет шести. Очевидно, напуганные животные унесли сидевших верхом ее родителей.

Несмотря на связанные запястья, Кикаха изловчился и подхватил девочку на руки. Испуганный ребенок прижался к нему, уткнувшись грязным личиком в плечо. Кикаха торопливо зашагал со своей ношей, в то время как Люкио бежала впереди него. Опять гром, следующий удар молнии, который едва не ослепил его. Кикаха мрачно выругался — впервые в жизни его застигла такая сильная гроза. И все же, несмотря на опасность, она давала ему шанс убежать — если бы не ребенок...

На его голову обрушились потоки дождя, и Кикаха, пригнувшись, ускорил шаг. При ослепительных вспышках молний он видел, с какой скоростью неслась впереди него подгоняемая страхом Люкио. Даже без ноши и находясь в своей лучшей физической форме, он едва ли мог догонать эту женщину, летевшую вперед словно на олимпийской дистанции.

Неожиданно Люкио поскользнулась и упала, затем, проехав по мокрой траве несколько футов, снова вскочила на ноги. В ту же минуту раздался оглушительный треск, и несколько секунд Кикаха ничего не видел — вспышка молнии буквально ослепила его. А когда зрение вернулось к нему, то для Люкио уже все было кончено, от ее неподвижного тела исходил сильный запах горелого мяса.

Кикаха, на несколько секунд задержавшись у обгоревшего как головешка трупа, устремился вперед. Однако его поджидало следующее испытание. Впереди, за частой сеткой дождя маячила огромная призрачная фигура. Что за чертовщина? Не удивительно, что все племя в панике бежало, забыв даже ребенка.

Фигура приблизилась, и теперь уже можно было различить вождя, еле удерживавшего своего *хикву*. Бедное животное, должно быть, решило, что хозяин сошел с ума, решив вернуться в долину, наполненную смертью. Что касается Вергенгета, то он сумел справиться с чувством страха — значит, не случайно его выбрали вождем.

Старик поднял девочку и посадил ее в седло перед собой. Кикаха нисколько не сомневался, что вслед за тем вождь отправится догонять свое племя. Зачем рисковать своей жизнью и жизнью ребенка ради чужака? Но Вергенгет удерживал *хикву*, пока пленник не устроился у него за спиной (руки Кикаху по-прежнему оставались связанными). Лось, хотя и обремененный тремя седоками, быстро набрал скорость, направляясь в ущелье.

ГЛАВА 8

Вергенгет вручил девочку безудержно рыдавшей матери. Отец смущенно поцеловал дочку, его лицо выражало стыд: как он позволил страху одолеть себя?

— Мы останемся здесь, пока Властитель не кончит бушевать,— решил вождь.

Кикаха соскользнул с лося; Вергенгет последовал за ним. Какой-то миг пленнику хотелось выхватить нож из-за пояса вождя. С ним он мог бежать в грозу, в полной уверенности, что за ним вряд ли отправят погоню. Если Кикаха избежит удара молнией, то, скрываясь в лесу, вряд ли снова станет добычей туземцев.

Но что-то большее, чем нежелание рисковать, останавливало его. Истина заключалась в том, что он не хотел быть один.

* * *

Немалую часть своей жизни Пол прожил в одиночестве, отнюдь не из-за своей принадлежности к категории необщительных людей. Мальчишкой он без труда сходился с детьми соседских фермеров и со своими сверстниками в сельской школе. Благодаря своему неутомимому любопытству и спортивным достижениям он пользовался популярностью и зачастую становился лидером в компании. Однако если приходилось выбирать между развлечениями или интересной книгой, последней отдавалось предпочтение. Пол читал все подряд, и его одноклассники беззлобно подтрунивали над ним, уважая его как неординарную личность и еще более как обладателя тяжелых кулаков.

Еще в юном возрасте Пол решил, что не хочет быть фермером. Он мечтал отправиться в экзотические страны — в Африку, или Южную Америку, или Малазию, в качестве зоолога или историка посетить те легендарные края. Но для этого требовалась ученая степень, и чтобы получить ее, следовало иметь высокие отметки в школе и колледже. Надо сказать, данное обстоятельство не очень смущало его — Пол любил учиться.

Посторонний, наблюдая его со стороны, вряд ли мог представить себе, что этот прекрасный спортсмен и не менее выдающийся студент водит компанию с самыми отпетыми хулиганами, гоняет на мотоцикле по проселочным дорогам, валяется на сене с местными красавицами и периодически напивается. Однажды Пол угодил в тюрьму за неподчинение дорожному патрулю. Его сверстники сочли это забавным происшествием, в глазах сверстниц он выглядел героем, а его преподавателей случившееся сильно встревожило. Реакция родителей была соответствующей: мать плакала, отец бушевал. А то, что обожаемый сын сбежал из тюрьмы исключительно из желания показать, насколько легко это сделать, а потом добровольно вернулся в нее, еще больше их расстроило.

Судья, заставший Пола в камере за чтением «Истории упадка и разрушения Римской Империи» Гиббо-

на, решил, что перед ним пылкий молодой человек с большими способностями, но попавший в дурную компанию. Обвинения с него сняли, назначив неофициально испытательный срок. Юноша дал слово вести себя как положено добропорядочному гражданину — во всяком случае, во время испытательного срока — и сдержал свое обещание.

В период испытательного срока Пол редко покидал ферму, не желая поддаться искушениям. Он работал, много занимался, иногда ходил на охоту в лес. Одиночество не тяготило его — тем более что для размышлений появился неожиданный повод. Мистер и миссис Финнеган, наверное, стремясь наставить его на путь истинный, или, скорее всего, в бессознательном желании причинить ему такую же боль, какую он заставил испытать их, открыли Полу тайну. Они усыновили его!

Услышанная новость потрясла юношу. В свое время, как и многие дети, когда они ощущают недостаток родительской любви, он воображал себя приемным ребенком. Но подобные фантазии недолго занимали его мысли. А теперь это оказалось правдой — и он не хотел в нее верить.

По словам его приемных родителей, настоящей матерью Пола была англичанка с причудливым именем Филея Джейн Фогг-Фог. Родители Филеи Джейн принадлежали к английскому мелкопоместному дворянству, однако ее прадед женился на парсиянке. Парсы, насколько было известно Полу, были персами, бежавшими в Индию, когда в их отечество вторглись мусульмане. Таким образом, юноша мог считать себя на одну восьмую индийцем — не индейцем, которого называла в числе своих предков его приемная мать, а индийцем, пусть даже только в силу натурализации (парсы обычно не вступали в браки с индийцами).

А пишущуюся через дефис фамилию Фогг-Фог заимела мать его матери, Роксана Фогг[1]. Она вышла замуж за давнего родственника, американца по фами-

[1] Согласно родословной в книге «Док Сэвидж: его апокалиптическая жизнь», она — сестра Филеаса Фогга.

лии Фог. Одна ветвь Фоггов эмигрировала в начале XVII века в колонию Вирджиния. Спустя два века некоторые из их потомков переселились на принадлежавшую тогда Мексике территорию Техаса. К тому времени лишняя «г» из фамилии выпала. Дед Пола по матери, Хардин Блейз Фог, родился на ранчо в суверенном государстве, республике Техас.

В двадцатилетнем возрасте Роксана Фогг вышла замуж за англичанина. Он умер, когда ей исполнилось тридцать восемь, оставив двух детей. Два года спустя она отправилась с сыном в Техас, чтобы присмотреть ему какое-нибудь ранчо, которые тот получит в собственность, достигнув совершеннолетия. Она также встретила там некоторых из родственников, включая прославленного военного героя Конфедерации Дастина «Дасти» Эдварда Марсдена Фога. Ее представили Хардину Блейзу Фогу, судовладельцу, в которого она влюбилась, и даже его молодость не остановила ее. Чувство оказалось взаимным, и Хардин отправился с ней в Англию. Выбор Роксаны был одобрен родными, несмотря на его варварское происхождение, тем более что женщина объявила, что намерена выйти за него замуж. Блейз поселился в Лондоне, где открыл филиал своей фирмы. Когда Роксане стукнуло сорок три года, она удивила всех, включая саму себя, забеременев. Девочку назвали Филеей Джейн.

Филея Джейн Фогг-Фог родилась в 1880 году. В 1900-м она вышла замуж за английского врача Доктора Реджинальда Сина. Он умер в 1910 году при таинственных обстоятельствах, не оставив потомства. Затем Филея познакомилась с красавцем Парком Джозефом Финнеганом из Индианы. Фоггам он не понравился, так как, во-первых, был ирландцем, во-вторых, не являлся приверженцем епископальной церкви, а, в-третьих, прежде, чем Парк попросил Филею выйти за него, его видели в игорных домах в обществе дам сомнительного поведения. Тем не менее она все равно стала его женой и уехала в Терре-Хот, который, по мнению ее родственников, все еще подвергался набегам краснокожих.

Первые полгода брака оказались счастливыми, несмотря на необходимость после Лондона приспосабливаться к жизни в маленьком городишке. Но, по крайней мере, Филея жила в большом доме и не страдала от отсутствия материального достатка.

А потом жизнь превратилась в ад. Финнеган вернулся к своим увлечениям — женщинам, спиртным напиткам и покеру. За короткое время он растратил все свои деньги; а когда узнал, что его тридцативосьмилетняя супруга беременна, то объявил, что отправляется на Запад — нажить новое состояние. С тех пор о нем не было никаких известий.

Слишком гордая, чтобы в качестве брошенной жены вернуться в Англию, Филея пошла работать экономкой к одному из родственников мужа. Для нее это была достаточно унизительная ситуация, но она трудилась с традиционным британским упорством, не жалуясь на судьбу.

Полу было шесть месяцев, когда на кухне произошел взрыв. Начался пожар, и младенец погиб бы вместе с матерью, если бы не случайно проходивший мимо молодой человек, который бросился в огонь и спас его.

Родственник, чей дом сгорел, вскоре после этого умер от сердечного приступа. Полу предстояло отправиться в приют. Но Ральф Финнеган, двоюродный брат Парка, фермер из Кентукки, решил вместе с женой усыновить Пола. Его приемная мать дала ему в качестве второго имени свою девичью фамилию — Янус.

Эта история перевернула всю душу Пола. Он выспросил о своих настоящих родителях все подробности, какие хотел знать, но никогда больше не возвращался к этой теме. Когда он рассказывал о своих родителях, то имел в виду чету Финнеганов.

Спустя два года после того, как Пол узнал о своих настоящих родителях, мистер Финнеган заболел раком и через шесть месяцев умер. Спустя три месяца после похорон его супругу сразила та же болезнь. Умирала она медленно и мучительно, и у Пола не осталось времени ни на какие дела, кроме работы на ферме,

посещения школы и ухода за больной. Несчастная женщина умерла за день до того, как он окончил среднюю школу.

Помимо горя, Пол испытывал чувство вины. Ему пришло в голову, что чувство стыда, которое испытали его приемные родители во время ареста, и вызвало рак. Если рассуждать рационально, то подобная мысль не имела никаких оснований. Но чувство вины часто имеет иррациональное происхождение. Фактически бывали даже времена, когда Пол действительно верил в то, что он ответе за судьбу своей настоящей матери.

Его планы поступить в колледж и специализироваться на зоологии или антропологии — он не мог решить, на чем именно — пришлось отодвинуть на неопределенный срок. В свое время, чтобы оплачивать счета врачей, Финнеганы заложили ферму, поэтому выплата залога легла на плечи Пола, и он начал подрабатывать в Терре-Хоте механиком в гараже. Тем не менее, несмотря на тяжелую работу и отсутствие денег, он находил время, чтобы расслабится. В компании старых друзей он с ревом уносился в ночь на мотоцикле, посадив сзади какую-нибудь девицу. Гонки заканчивались на Индейском лугу, где наступал черед пивных банок, драк и секса.

Компания распалась, когда одна из девушек, поначалу преследовавшая Пола, забеременела, хотя, к счастью, не от него, и отбыла в Чикаго, чтобы начать там новую жизнь.

Наступившее одиночество не тяготило его, тем более что Пол нашел хороший способ выпустить пар: он пускал коня в галоп по окрестным лугам или носился на мотоцикле по проселочным дорогам.

Иногда его навещал дядя — жонглер и цирковой акробат. Пол у него многому научился, в частности, искусно метать нож. Когда на него находило мрачное настроение, он выходил на задний двор и начинал тренироваться, избавляясь от депрессии, чувства вины и негодования за выпавший жребий.

Время летит быстро, и однажды утром Пол проснулся двадцатитрехлетним мужчиной. Ферма все еще

оставалась невыкупленной, поэтому он продал ее, почти ничего не выручив сверх долга. Однако теперь стало очевидным, что его надежды поступить в колледж и стать антропологом — к тому времени выбор уже был сделан — опять придется отложить. Соединенным Штатам предстояло через год-другой вступить в войну.

Из-за большой любви к лошадям Пол записался в кавалерию. К его удивлению и огорчению, вскоре вместо поводьев в его руках оказались рычаги управления танком. Потом был трехмесячный период обучения в офицерской школе, куда ему удалось сдать экзамены, не имея за плечами колледжа. Дальше был Перл-Харбор, а затем бои в рядах Восьмой Армии.

Однажды во время короткой передышки Пол осматривал развалины небольшого музея в немецком городке, который только что был оставлен противником. Его внимание привлек любопытный предмет — полумесяц из какого-то серебристого металла, настолько прочный, что молоток не мог его погнуть, а ацетиленовая горелка — расплавить.

После демобилизации Пол вернулся в Терре-Хот, где, собственно, не собирался надолго задерживаться. Несколько дней спустя его вызвали в адвокатскую контору, и мистер Табб вручил ему чек на десять тысяч долларов.

— Это от вашего отца,— в ответ на полный удивления взгляд сообщил адвокат.

— Моего отца? Да ему же помочиться не во что было! Вы же сами знаете!

— Не от человека, усыновившего вас,— уточнил мистер Табб.— От вашего настоящего отца.

— Где он? — Пол сжал кулаки.— Я убью его!

— Никому не советую спешить туда, где он находится,— заметил толстый старый Табб.— Он под шестью футами земли. Похоронен на церковном кладбище в Орегоне. Несколько лет назад он ударился в религию и стал ядущим огонь, алкающим серу, кричащим «Аллилуйя», одним словом, духовно возродившимся. Но, должно быть, у старого ублюдка осталась какая-то совесть. Он завещал тебе все свое имущество.

С минуту Пол боролся с желанием порвать чек. Затем он сказал себе, что старый Парк Финнеган перед ним в долгу. Разумеется, задолжал он намного больше. Но этого хватит, чтобы наконец-то получить столь вожделенный диплом.

— Я возьму чек,— согласился он.— А банк выдаст по нему наличные, если на нем будет мой плевок?

— По закону, банк обязан принять его, даже если ты вздумаешь подтереться им. Хлебни-ка рюмочку бурбона, сынок.

Пол поступил в Университет Индианы и снял небольшую, но удобную квартиру неподалеку от кампуса. Как-то он рассказал одному из своих приятелей, журналисту, о найденном им в Германии таинственном полумесяце. Статья о нем появилась в Блумингстонской газете, а затем ее перепечатали ряд ежедневных изданий. Однако физики ею, похоже, не заинтересовались.

Тем не менее спустя три дня после опубликования статьи в квартире Пола появился человек, назвавшийся мистером Ваннаксом. По-английски он говорил бегло, но с легким иностранным акцентом. Гость попросил показать ему полумесяц; Пол выполнил его просьбу. Ваннакс очень разволновался и предложил за странный предмет десять тысяч долларов. Подобная реакция не могла не вызвать подозрения, что соответственно сказалось на цене — сто тысяч долларов. Ваннакс, хоть и разозлился, но обещал принести через двадцать четыре часа. Итак, полумесяц является ценной вещью — но почему?

— Триста тысяч долларов, и он ваш,— сказал Пол.— Поскольку это очень большая сумма, я дам вам еще сутки на то, чтобы вы ее достали. Но сначала вы должны рассказать мне, что все это значит.

Ваннакс так разбушевался, что его пришлось выставить вон. Однако он вернулся — ночью. Молодой человек застал его за странным занятием: Ваннакс расположил на полу два полумесяца (один, очевидно, собственный, другой — принадлежавший Полу), так что их концы сошлись, образуя круг.

Выстрелив из пистолета выше головы Ваннакса, Пол велел ему отойти к стене. Ночной визитер выполнил его приказ, предлагая уже полмиллиона долларов. Направляясь к нему, Пол ступил в круг и услышал вопль:

— Держись подальше от полумесяца!

Слишком поздно. Квартира и Ваннакс исчезли — а Пол оказался в другом мире.

Он стоял в кругу, образованном точно такими же полумесяцами. Но находился он в громадном дворце словно из «Тысячи и одной ночи», принадлежавшем Владыке, который создал вселенную Многоярусного мира[1].

Итак, полумесяцы образовывали своего рода «врата», ведущие в так называемое четвертое измерение. Ваннакс, как позже выяснил Пол, был Владыкой, случайно оказавшимся на Земле. У него имелся один полумесяц, но, чтобы создать врата и попасть в собственную вселенную, ему требовался еще один.

Во дворце Пол недолго пребывал в одиночестве. Через врата проникли создания, называвшие себя гворлами. Владыка другого мира послал их за Рогом Шамбаримена, изготовленным десять тысячелетий назад, когда «карманные» вселенные только начали появляться. Применяя его, как своего рода звуковую отмычку, можно было отомкнуть врата между мирами. Пол, конечно, этого не знал, но, прячась от гворлов, увидел, как чудовище открыло с помощью рога врата в один из ярусов этой планеты. Пол выхватил у гворла инструмент и, столкнув его в бассейн, проскочил через врата.

Так началось путешествие Пола по Многоярусному миру. На дракландском уровне он стал известен как барон Хорст фон Хорстман. В Кикаху он превратился на Индейском уровне, и это свое имя, а также связанный с ним образ почитал больше всего. Кто такой Пол Янус Финнеган? Прошлое казалось таким далеким, воспоминания о Земле потускнели. Никаких усилий вернуться в свою родную вселенную он не прилагал,

[1] См. «Создатель вселенных».

полюбив именно этот мир, хотя в нем и таилось много опасностей.

В это время на Земле отошедший от суетных дел Роберт Вольф, уроженец Финикса, штат Аризона, осматривал подвал дома, предназначенного для продажи. Неожиданно перед ним открылась стена. Заглянув в отверстие, Вольф увидел Кикаху, окруженного гворлами, которые наконец настигли свою предполагаемую жертву. Кикаха не мог пройти через врата, поэтому бросил Вольфу рог, чтобы тот не достался гворлам. Поначалу с трудом пришедший в себя старик решил, будто он сошел с ума или страдает галлюцинациями... Однако необыкновенный инструмент, который он держал в руках, служил физическим доказательством, что это не так.

Вольф не был счастлив на Земле, наверное, поэтому он протрубил в рог и прошел через врата в Многоярусный мир. По воле случая старик оказался на самом нижнем уровне планеты, который показался ему Эдемом. Пребывание здесь явно пошло ему на пользу, так как он помолодел, вернувшись в свои двадцать пять лет. А еще он встретил и полюбил женщину по имени Хрисеида. Преследуемые вездесущими и вездепроникающими гворлами, они отправились на следующий уровень, где встретили Кикаху. Наконец, после многочисленных приключений, Вольф добрался до самого верхнего яруса и поселился во дворце, приняв имя Джадавина — Владыки, создавшего эту маленькую вселенную. Правда, на этом его с Хрисеидой приключения не закончились; они продолжали путешествовать по «карманным» мирам, встречаясь с другими Владыками, успешно избегая предназначенных им ловушек[1].

А тем временем Кикаха сражался со Звонарями — существами с искусственным интеллектом, которые овладевали мыслями людей, внедряясь в их сознание. Кикаха спас от гибели прекрасную Анану, и они полюбили друг друга. Преследуя последнего уцелевшего Звонаря, Анана и Кикаха прошли через врата на Зем-

[1] См. «Врата Мироздания».

лю, и оказалось, что родная планета, где Пол не был двадцать лет, не стала лучше.

Рыжий Орк, тайный владыка в том числе и Земли, решил наказать Кикаху и Анану за то, что они вторглись в его владения. К нему присоединился владыка Уртона, по воле обстоятельств также оказавшийся на Земле. Ему удалось захватить в плен Вольфа и Хрисеиду, но те сбежали от него и укрылись в Лавалитовом мире.

Закрыв глаза, Кикаха представил, как его друзья бредут по постоянно меняющейся поверхности этой странной планеты. Они надеялись на его помощь, а он, потеряв Анану и рог Шамбаримена, влачит свои дни в плену у дикарей. Чтобы вырваться из кошмара Лавалитового мира, Кикахе следовало найти дворец Владыки и активировать врата. Но прежде предстояло отыскать Анану — живую или мертвую.

Кроме того, он ни за что не покинул бы этот мир, не узнав о судьбе Вольфа и Хрисеиды. Не важно, каким его считали врагом, но другом Кикаха был хорошим.

Более двадцати лет независимый и уверенный в себе Кикаха скитался по уровням Многоярусного мира. Его считали великим воином свободного племени хроваков, и он часто называл этих индейцев своим народом. Но они погибли от рук беспощадных Звонарей, и теперь из близких людей у него осталась только Анана. Под его влиянием надменная и непокорная владычица превратилась в прекрасную по своим душевным качествам женщину. Будь на то его воля, он променял бы жизнь вечного скитальца на тихое уютное гнездо. Они с Ананой могли бы поселиться среди людей, где снискали бы их уважение, а возможно, и любовь. Дом, хозяйство, дети — вот о каком счастье он мечтал!

А теперь Кикаха лишился любимой женщины. И потерял рог Шамбаримена — единственное средство, которое помогло бы навсегда покинуть этот ужасный мир. Вот почему он, всегда полагавшийся только на самого себя, страдал теперь от одиночества. Избавиться от него в данный момент можно было одним только

способом — примкнуть к жалким в своей примитивности туземцем, которые взяли его в плен. Он вновь хотел стать своим среди своих. Конечно, они могли просто убить его или принести в жертву — и тогда его смерть стала бы частью ритуала. Но сейчас боль одиночества мучила Кикаху сильнее, чем перспектива пыток и собственной гибели.

ГЛАВА 9

С трудом подбирая слова чужого языка, помогая себе жестами, Кикаха рассказал Вергенгету о своем желании примкнуть к его племени. Судя по довольной улыбке, вождя не удивили его слова.

— Ты мог бы убежать от нас. И сейчас тоже еще можешь,— сказал Вергенгет.— Я видел это по твоим глазам. Но потом твое лицо закрылось, как пальцы сжимаются в кулак.

Теперь, Кикаха, послушай, почему ты так долго жил среди нас. Обычно мы сразу убиваем врагов. Но если пленник или пленница проявили себя в бою как отважные воины, мы в виде исключения подвергаем их пыткам. Однако бывали случаи, когда племя принимало чужака в свои ряды — конечно, если он не входил в число наших заклятых врагов. Смерть — отличный охотник, бьет часто и метко, и наши дети не успевают вырасти, чтобы сменить погибших отцов. Племя тана становится все меньше. Поэтому я рад видеть тебя среди наших воинов. Ты показал нам свою смелость, и мы благодарны тебе за спасение девочки, ибо жизнь детей бесценна.

Через несколько часов буря утихла, и вождь послал нескольких воинов на поиски обгоревшего тела Люкио. Когда останки привезли в лагерь, то началась траурная церемония, которая заняла целый день. Женщины с воплями и завываниями омыли тело и расчесали волосы, затем положили на кучу шкур. Потом шаман Ошуллаин начал танец последнего прощания, сопровождая его монотонной песней. Он размахивал посохом-трезубцем, склонялся в ритуальных покло-

нах и пел о женщине-птице, которая улетала вдаль. С наступлением «сумерек» четверо молодых мужчин подняли на плечи погребальные носилки и направились к небольшому холму, который находился в полумиле от стана. Шаман произнес короткую поэму, которую только что сочинил в честь Люкио. Она должна была увековечить память о погибшей женщине в сердцах ее соплеменников. Однако через неделю о Люкио забудут все, кроме ее ребенка и родителей. А вскоре насущные дела отвлекут их от горестных воспоминаний и память об этой женщине угаснет без следа. Лишь песни и рассказы о великих героях, смерть которых могла служить примером для других, передавались в племени из поколения в поколение.

Кикаха то и дело бросал взгляд в сторону холма. Спустя некоторое время к трупу слетелись стервятники, а с холма примчалась стая длинноногих бабуинов, которые намеревались отбить у птиц добычу. Однако безгривые львы, которых обезьяны превосходили по численности, тоже решили принять участие в схватке за тело.

* * *

Караван весь день не трогался с места в ожидании небесного знамения или еще какого-нибудь знака свыше. По словам Вергенгета, сезон бурь всегда заканчивался примерно в одно и то же время. Однако на этот раз Властитель решил продлить его, поэтому племя было жестоко наказано за поспешность.

— Если бы мы принесли Властителю жертву,— ворчал туземец,— то молнии остались бы на небесах.

Кикаха молча слушал разглагольствования вождя, тем более что он никогда не участвовал в спорах на религиозные темы. А в данной ситуации непродуманное или неправильно понятое высказывание могло сослужить плохую службу.

Затем Вергенгет созвал племя и произнес речь, которую Кикаха понял только наполовину, правда, тон и жесты оратора были достаточно красноречивы. Великий Властитель отнял у племени Люкио, чтобы она

ответила за их проступки, и послал им воина по имени Кикаха — тем самым он дает понять, что больше не сердится на тана.

Ко всеобщему изумлению, против Кикахи решил высказаться Тоини — тот самый юноша, который его охранял. По мнению молодого воина, чужак послан в качестве жертвы, которая успокоит гнев Властителя. Люкио, может быть, своей смертью и ответила за прегрешения племени, но Мудрый Наверху понимает, что тана слишком мало, поэтому соглашается принять пленника.

И почему этот парень настроен против него? Единственная причина — совершенно необоснованная неприязнь, но подобное чувство порой возникает между людьми, не сказавшими друг другу ни одного слова.

Началось бурное обсуждение, во время которого вождь хранил угрюмое молчание. Судя по всему, слова Тоини поколебали его прежнюю уверенность в правильности своего решения. Ловя на себе неодобрительные взгляды, Кикаха обратился к вождю с просьбой — разрешить ему обратиться к племени. Вергенгет поднял руку, призывая людей тана к молчанию, а Кикаха взобрался на хикву, желая оказаться над толпой и получить тем самым психологическое преимущество.

— Не хотел я рассказывать вам об этом,— начал он,— но теперь мне ясно, что вы должны знать всю правду.

Он сделал паузу и огляделся:

— Вижу, что вы не понимаете волю Властителя, так что мой долг — донести ее до вас, причем не медля.

Кикаха старался, чтобы его голос звучал как можно более серьезно и убедительно.

— Незадолго до того, как я встретился с вами, мне было видение. Передвигаясь над землей по воздуху, ко мне приближался странный человек высокого роста, окруженный сиянием молний. Цвет его кожи напоминал свежее молоко, а волосы походили на яркое пламя.

Многие из туземцев смотрели на оратора широко открытыми глазами, и только Тоини сузил свои, так что они напоминали щелочки.

— И я не стал убегать от него — разве можно спрятаться от этих глаз? И я не стал нападать на него — нельзя коснуться его ни рукой, ни копьем.

Оказавшись рядом со мной, он медленно опустился на землю. О люди тана, я — храбрый человек, но этот человек вселил в меня страх. Ни один из смертных не может плыть по воздуху. Я упал перед ним на колени и ждал, когда он заговорит со мной. И вот что я услышал: «Кикаха, я не причиню тебе вреда. Встань с колен и посмотри на меня». Он знает мое имя! — этот странный человек, который может летать, словно птица, и чей голос заставляет мое сердце биться сильнее.

Из толпы послышались рыдания.

— И человек сказал мне: «Я Властитель этого мира». Мои губы прошептали в ответ: «О, я догадывался об этом!»

Слушайте, люди тана, каковы были его слова: «Знай, Кикаха, скоро ты станешь пленником тана. Если встретят они тебя добром, то будут достойными моей милости, если же убьют или предадут пыткам, ждет их суровое наказание. А в доказательство моих слов я поражу одного из них огненной стрелой. Если же это их не убедит, я расправлюсь с тем, кто противится твоему вхождению в племя».

В это самое мгновение люди начали потихоньку отодвигаться от юноши; Тоини, испуганно оглядываясь, тихонько заскулил. На самом деле в толпе находился еще один сомневающийся в избранности Кикахи — шаман. Однако, будучи человеком если и не очень умным, то, по крайней мере, опытным, не спешил вмешиваться, а предпочел позицию наблюдателя.

— ...Тогда я вознес к нему слова благодарности за оказанную честь и спросил о том, что мне поручено выполнить. Ответ был таков: «Ты узнаешь об этом в скором времени. А пока я посылаю тебе навстречу тана. Если примут они тебя достойно, ждет их слава, преумножение богатства и великое потомство. Но горе им, если эти люди не увидят в тебе, Кикаха, моего посланника. Я нашлю на их племя такую страшную болезнь, что даже пожиратели падали будут обходить

их кости стороной». С этими словами он взмыл надо мной и спустя мгновение скрылся из виду. А затем появились вы.

Что после этого началось!.. Кикаха вовсе не ожидал подобной реакции. Туземцы с благоговением опускались перед ним на колени, стремясь коснуться его ноги — так они желали приобщиться к человеку, кого избрала милость Властителя. Он едва сдержал улыбку, когда седая борода шамана Ошуллаина защекотала его пятку. «Лось», кстати сказать, вел себя спокойно.

— Кикаха, скажи нам,— загремел голос Вергенгета,— не велел ли тебе Властитель возглавить наше племя?

Старый вождь, очевидно, переживал за свою судьбу.

— Нет,— Кикаха медленно покачал головой.— Об этом не было и речи. Я так понял, что должен стать воином вашего племени.

Старик захихикал, довольный ответом, а затем продолжал:

— Как нам поступить с Тоини? Не должны ли мы его принести в жертву?

Юноша простерся перед ним ниц:

— Умоляю, прости меня! Я не хотел твоей смерти!

— Ты прощен,— кивнул Кикаха.

* * *

Вергенгет не скрывал своей радости — Властитель больше на них не сердится, и племя может беспрепятственно следовать дальше. Что касается Кикахи, то он надеялся, что сезон гроз закончился, в противном случае ему придется давать пространные объяснения тана, изобретать причины, по которым на них вновь обрушился гнев Властителя. И если туземцы ему не поверят, то Кикахе следует готовиться к мучительной смерти.

Нельзя исключать и встречу с Уртоной — Владыкой этой вселенной...

У Кикахи не было особого выбора — и он решил действовать исходя из обстоятельств, решив, что сразу

же покинет племя, как только обнаружит, что Анана где-то поблизости,— в том, что женщина направится сюда, он нисколько не сомневался. Если только она жива...

Следы Уртоны и Маккея — а следовательно, рога Шамбаримена — тоже следует искать здесь, в относительно стабильной части этого мира. Интересно, куда исчез Орк?

Караван тем временем уже двигался вдоль берега моря, после небольшой передышки, когда тана напоили «лосей», искупались и наловили немного рыбы.

Дорогу им нередко преграждали деревья, поваленные ударами молний, а также туши животных. На пиршество слетелись и сбежались обитатели здешних мест; отовсюду доносилось чавканье, хруст костей и птичий гомон. Лишь однажды люди решили разделить трапезу с братьями меньшими, а точнее — отнять у них добычу: сраженных молнией слониху и слоненка. Кикаха тоже воспользовался кремневым ножом и отрезал несколько кусков побольше, но не стал торопливо вонзать в какой-нибудь из них зубы. Соорудив небольшой костер — огонь удалось добыть с помощью трения,— он поджарил мясо и с аппетитом принялся поглощать еду.

Аромат оказался настолько сильным и притягательным, что спустя некоторое время к нему присоединились Вергенгет и Ошуллаин.

— Откуда у тебя такой дар? — поинтересовался шаман.— Мы пользуемся только огнем, сошедшим с небес, но никогда не готовим на нем пищу, считая, что так мы разгневаем Властителя.

Да, подобное отношение к людям опредленным образом характеризовало Уртону. Владыка создал мир, однако лишил помещенных туда его волей людей возможности развиваться.

— Ночью огонь помогает отгонять хищных зверей,— продолжал Кикаха.— Хотите, я научу вас поддерживать его?

Однако, судя по мрачному выражению лица Вергенгета, его голову занимали совсем другие мысли.

Пронзительно глядя в глаза Кикахе, он наконец нарушил молчание:

— Властитель выбрал тебя, а ты — наше племя. Ты ведь не причинишь нам зла?

— Разумеется, нет — если на то не будет воли Властителя...

Вскоре вокруг лагеря запылали несколько больших костров. Видя, что никто не спит, Кикаха растянулся на земле, закрыл глаза и притворно захрапел; его безмятежный вид должен был вселить уверенность в окружающих, что новый соплеменник не боится ни огня, ни животных.

Утром Кикаха показал женщинам, как готовить пищу на огне, и племя в своих вкусовых пристрастиях разделилось: половина предпочла жареное, остальные по-прежнему питались сырым мясом. Хотя, возможно, не стоило выступать в роли Прометея? Когда начнется сезон гроз, племя тана вернется за горы, где нехватка дров вынудит их отказаться от огня. В результате не раз Кикаха будет помянут недобрым словом. Впрочем, он уже будет далеко от них...

К концу «дня» караван достиг цели — высокого холма в полумиле́ от моря. На его вершине виднелась куча бревен — движение почвы разрушило частокол. Но тана не унывали, а дружно принялись за работу: с помощью палок и каменных лопаток были выкопаны новые ямы, в которые установили бревна, и через три дня ограда была восстановлена. Теперь с наступлением «вечера» племя укрывалось за ней. Днем туземцы охотились, ловили рыбу, собирали всевозможные плоды и ягоды. Двое дозорных наблюдали за местностью, предупреждая о приближении хищных зверей.

В один из дней тана решили устроить праздник в честь посвящения Кикахи в виру. После зажигательных танцев под громкое пение, бой барабанов и визг костяной флейты, прочтения многочисленных поэм вождь вырезал кремневым ножом на груди недавнего пленника священный символ тана. Кикаха, как настоящий воин, не издал при этом ни звука. Затем — строй мужчин, которые тыкали в него длинными пал-

ками. В конце церемони его ждал поединок с самым сильным из воинов тана Мекдиллонгом. Кикаха был в отличной форме, к тому же владел сотней приемов, о которых виру даже не подозревал, однако боролся вполсилы — чтобы зрелище было более захватывающим. Всем казалось, что чужак сейчас запросит пощады. Но Кикахе надоело глотать пыль; он провел бросок через бедро — и вот уже храбрый воин извивается на земле, хватая ртом воздух.

Как выяснилось, проверке также подлежали и его мужские качества. Импотентов ждала тяжелая участь — их изгоняли из племени. Если бы Кикаха не оправдал надежд, его бы попросту убили. Однако вождь недвусмысленно высказался, что от новоиспеченного виру ждут подвигов и на этом поле битвы. Кикаха старался сохранить непроницаемое выражение лица, однако про себя решил, что ему не нравится этот обычай. Заниматься сексом под страхом изгнания или смерти? К счастью, обошлось без свидетелей: Кикахе позволили скрыться под навесом из ветвей с самой симпатичной женщиной в племени. Спустя несколько часов, усталая и очень довольная, красотка объявила, что он оказался на высоте.

По мере того как воспоминание о полученном удовольствии проходило, Кикаха начинал чувствовать угрызения совести. Анана, разумеется, не стала бы устраивать скандал по такому незначительному поводу. К тому же у него не было выбора. И все-таки Анане лучше не знать об этом... если она еще жива.

Испытания плавно перетекли во всеобщий праздник. Наконец закончился и он.

Отправляясь спать, Вергенгет велел Кикахе выбрать себе жену из пяти девушек, достигших брачного возраста, которые заявили о своем желании получить его в мужья. Двое отличались миловидностью черт, а одна озорная бесстыдница даже не пыталась скрыть переполнявшего ее желания. Всем своим видом она демонстрировала, что именно она будет неутомима на брачном ложе. По правде говоря, Кикаха предпочел бы ту, с помощью которой ему пришлось доказывать

свою мужскую силу, и тогда муж Шимы стал бы его заклятым врагом.

На самом деле отнюдь не плотские утехи занимали его мысли. Посреди лагеря была сооружена смотровая площадка, и сейчас там мелькала чья-то фигура. Где-то среди ветвей одного из деревьев прятался еще один наблюдатель. Остальные тана безмятежно храпели. Никто не помешал бы Кикахе открыть ворота и убежать в лес. Дозорные скорее всего заметят беглеца, но пока они поднимут всех по тревоге, он успеет скрыться в лесной чаще.

Если бы все было так просто... Кикаху раздирали противоречия. С одной стороны, он рвался отправиться на поиски Ананы, с другой — ему не хотелось покидать общество наивных дикарей и бродить в одиночестве по загадочному и непредсказуемому миру. А если призвать на помощь логику, то следовало бы дождаться появления Ананы здесь, тем более что он не знал, жива ли она вообще...

Короче говоря, следовало набраться терпения и ждать дальнейшего развития событий.

За его спиной послышалось тихое хихиканье. Обернувшись, Кикаха увидел Шилу и Гвин — из пяти девушек, представленных ему в качестве невест, их он признал наиболее привлекательными. Смущенно улыбаясь, Шила медленно подошла к нему.

— Ты ведь женишься на одной из нас?

— С чего вы это взяли?

— Мы самые красивые и вызываем желание. Мы решили...— Она снова хихикнула и спрятала лицо в ладони. Теперь ее голос звучал приглушенно: — Может быть, ты хочешь узнать нас получше... и окончательно принять решение?

— За кого вы меня принимаете? — не выдержал Кикаха.— Я еле стою на ногах — эти танцы, состязания, Шима, праздник...

— Ну-у... ты справишься. Такой великий виру... Ну, хотя бы попробуй, а?

— Ладно! — согласился Кикаха, обнимая невест за талии.— Где нам не помешают?

* * *

Сквозь сон Кикаха услышал громкие крики, он приподнял тяжелую голову и осмотрелся. Обе девушки крепко спали. Он выполз из-под навеса и вскочил на ноги. Вокруг суетились озабоченные туземцы, а воин на смотровой площадке что-то кричал, указывая в сторону моря; откуда-то из листвы огромного дерева доносился крик второго дозорного.

Вергенгет поднял вверх правую руку, и спустя минуту в лагере воцарилась тишина. Охрипший Опвел прокричал, свешиваясь с ветки дерева:

— По берегу бегут мужчина и женщина. Их преследуют воины из племени таонов.

— Скажи, у этой женщины длинные волосы цвета воронова крыла? — внезапно охрипшим голосом спросил Кикаха.

— Да.

— А волосы у мужчины... желтые или рыжие?

— Олин говорит, что мужчина чернокожий. И у него странные волосы.

— Анана! Анана и Маккей! — Кикаха бросился к воротам.— Анана!

Вождь выкрикнул резкую фразу, и двое мужчин схватили Кикаху. Старик подошел к нему и толкнул в грудь.

— Ты сошел с ума! Таоны убьют тебя!

— Отпусти! — взмолился Кикаха — Там моя женщина! Я должен ей помочь!

— Здесь твоя женщина,— покачал головой Вергенгет.

— Все равно!

Вождь повернулся и что-то прокричал Опвелу. Чуть позже тот ответил:

— Олин говорит, что насчитал двадцать воинов.

— Это хорошо. Нас больше, чем их! — и начал отдавать приказы.

Туземцы хватали копья, топоры и бумеранги, седлали «лосей» и вели животных к воротам. Кикаха не

отставал от них и, как только створки ворот распахнулись, помчался вниз по склону на своей «лосихе». За ним неслись Вергенгет и остальные воины.

ГЛАВА 10

Анана упорно карабкалась по склону, несмотря на то что трава больно резала ей руки, а ноги скользили по гладким камням. Сверху послышались крики, и спустя мгновение что-то больно ударило ее по спине. Она с трудом удержала равновесие и, обернувшись, увидела, как с тихим плеском о воду ударлся футляр, в котором хранился рог Шамбаримена.

Как быть? Без него им не выбраться из этого ужасного мира, и вместе с инструментом, который относило в сторону течение, уплывала их последняя надежда.

Соскользнув в воду, Анана поплыла за футляром. Спустя некоторое время ей удалось настичь его и ухватиться за ремень. Теперь нужно было обратно плыть к берегу; однако вода поднялась еще выше, и она уже не могла нащупать ногами дно. Тем не менее, сделав отчаянный рывок, Анана вновь оказалась на скользком склоне.

В воздухе мелькнуло чье-то тело; сквозь шум воды она не услышала ни всплеска, ни крика. Кто это мог быть? Неужели Кикаха?

В этот момент Анану снова накрыло волной, и поток с шумом и грохотом увлек ее за собой. Женщина несколько раз оказывалась под водой, но вслед за этим ее выбрасывало на поверхность, футляр помогал держаться на плаву. В конце концов ее вынесло на берег, и, чтобы не соскользнуть обратно в воду, Анана одним мощным движением (откуда только взялись силы?) подтянула тело вверх и затем перекатилась — подальше от края откоса. Когда она поднялась — сначала на колени, а потом выпрямилась в полный рост,— то в полумиле заметила три удалявшиеся фигуры: Уртону, Маккея и Орка. Кикахи среди них не было. Значит, это его столкнули в воду, правда, он успел швырнуть ей футляр с рогом.

Однако на поверхности воды не было заметно никаких признаков тела. Наверное, Кикаха сразу пошел на дно, или мощным течением его унесло от этих мест. Нужели тот, кто находил выход из любой ситуации, постоянно сражался со смертью, был ею побежден?..

Не впервые для Ананы смысл дальнейшего существования сводился к надежде. Вот и теперь она решила пройти до конца канала и найти Кикаху — живого или мертвого.

Внезапно Рыжий Орк помчался в сторону моря — в противоположном направлении. Маккей сначала побежал за ним, но остановился — то ли решил, что не сможет догнать длинноногого Владыку, то ли его заставил вернуться Уртона. Как бы там ни было, оба направились к Анане, очевидно желая отнять у нее рог.

Пришлось последовать примеру Рыжего Орка. Разумеется, у нее не получится сбить преследователей со следа здесь, у канала. Анана решила пересечь равнину и направиться к горам. А когда они потеряют ее из виду, можно будет вернуться к каналу.

К сожалению, ее маневр не остался незамеченным, и мужчины помчались ей наперерез, быстро сокращая разрыв в расстоянии. Подобное развитие событий не приходило ей в голову. Возможно, следовало бы увеличить скорость, но, поборов страх, Анана не стала растрачивать силы. Главное — оставаться за пределами действия лучемета.

Атмосфера планеты не позволяла верно оценить расстояние, к тому же почти полное отсутствие пыли делало воздух кристально чистым, а отсутствие теней смягчало контуры объектов. Анане казалось, что до ближайшей горы не больше пяти миль. Надо сказать, гора меняла форму прямо на глазах, но была еще достаточно высока, чтобы не превратиться в холмик, когда Анана доберется до нее.

На пути к горе серьезных препятствий не было: небольшая роща ходячих деревьев не обратила на женщину никакого внимания, она также не вызвала никаких эмоций у семейства львов, которые подкрадывались к стаду антилоп.

Анана оглянулась — расстояние меду нею и преследователями не сокращалось, и она перешла на быстрый шаг. В таком темпе она могла двигаться довольно долго, по крайней мере за многие тысячи лет своей жизни она лишь дважды могла пожаловаться на свою выносливость и физический потенциал. Однако с каждым шагом ей становилось ясно, что ее силы на пределе.

Одна миля.

Две мили.

Глаза заливал соленый пот. Дышалось уже не так легко, однако ноги двигались в прежнем темпе. Да, она скоро достигет горы и, возможно, даже обратная дорога не покажется ей испытанием.

Несмотря на отличные природные данные, ее дядя не следил за своей физической формой. Негр также имел мощное сложение, но, судя по всему, не привык бегать на дальние дистанции. Бросив взгляд через плечо, Анана увидела, что он намного отстал от Уртоны. Впрочем, у Владыки имелся важный стимул — сокровище, которое его племянница держала в руках. Кстати, футляр и его содержимое весили около четырех фунтов. Отчего бы не избавиться от лишнего груза? Лязгнули защелки — и футляр отлетел в сторону. Это позволило ей увеличить скорость

Еще одна миля.

Анана с трудом справилась с желанием выбросить нож и метательный топор. Скоро погоня прекратится, и тогда ей понадобится оружие, чтобы противостоять более грозным противникам, чем пара мужчин. Конечно, смешно размахивать перед носом какого-нибудь крупного хищника ножом или топором, но вряд ли тому же льву захочется связываться с тем, кто пытается оказать сопротивление, когда рядом пасутся стада антилоп.

Анана пробежала еще полмили и оглянулась. Уртона и Маккей превратились в крохотные фигурки. Наверняка они понимали, что беглянку им не догнать, однако Анана знала, что они не остановятся, пока видят ее.

Ей навстречу медленно двигались деревья. Ветер донес до них молекулы воды, наличие которых в воздухе определяли клетки-сенсоры растений. Добравшись до берега, деревья выстроятся в ряд и опустят щупальца в воду. В отличие от деревьев, к появлению Ананы антлопы не остались равнодушными. Их головы приподнялись, глаза тревожно заблестели, а затем стадо пустилось наутек. Отбежав на полсотни ярдов, животные успокоились и начали щипать траву.

Рядом с Ананой промчалась коричневато-желтая молодая антилопа. Неожиданно из-за деревьев выпрыгнул лев и пустился вдогонку за животным — очевидно, он отогнал антилопу от стада. Львица, уступавшая самцу по размерам, была значительно быстрее. Увидев ее, животное метнулось в сторону. Рев самца заставил антилопу еще раз изменить направление. Лев отвлек внимание животного, и к жертве помчалась львица. Вскоре в воздухе конвульсивно взбрыкнули копыта; самка, упоенная победой, вцепилась в шею поверженной добычи.

Лев взревел; слюна стекала с клыков, зеленые глаза сверкали. Его подруга с рычанием отдвинулась, и он начал потрошить труп.

Пиршество продолжалось в сорока шагах от Ананы, хищники не обращали на нее никакого внимания, и она, сделав небольшой крюк, обошла хищников стороной.

Навстречу женщине двигалась небольшая роща; стволы высотой футов двенадцать в белую и красную полосы заканчивались полосатыми же щупальцами. Широкие листья, напоминавшие зеленые сердечки, росли на коротких толстых ветвях. Разумеется, имелись и «глаза» — круглые, фасеточные, яркого зеленого цвета по четыре на каждом стволе. Интересно, представляют ли они опасность для человека? По крайней мере, львы, преследуя антилоп, скрывались за деревьями без всякой боязни. Возможно, растения не питались плотью — или это объяснялось своеобразным симбиозом. Уртона мог внедрить в их гены механизм, благодаря которому растения игнорировали львов и счита-

ли врагами только людей — это вполне соответствовало дядюшкиному характеру.

У Ананы возникло желание рискнуть и спрятаться в роще от преследователей. Но женщина быстро сообразила, что особых преимуществ она не получит, поэтому, приблизившись к роще, обогнула ее слева. Ананы немного смущало то обстоятельство, что Уртона и Маккей могли проскочить рощу напрямую. Хотя... вряд ли Уртона помнит все тонкости поведения животного и растительного мира. А если он решит, что племянница спряталась среди деревьев, то им придется разделиться, чтобы перекрыть ей пути. Осматривая ряды деревьев, преследователи потеряют время, а когда доберутся до конца рощи, Анана уже будет возле горы.

Однако ей пришлось замедлить темп и в конце концов остановиться. В полумиле от нее к роще приближалась стая бабуинов — не меньше двух десятков особей. Если она пойдет дальше, их пути пересекутся. По спине пополз холодок — неужели обезьяны охотятся за ней? Или их привлекло рычание львов, терзавших убитую антилопу?

Переложив рог в левую руку, Анана вытащила из-за пояса топор. Приматы молча двигались к роще, дружно топая широкими короткопалыми лапами, как солдаты на марше.

Бабуины бегали не так быстро, как антилопы, но благодаря длинным и сильным конечностям без труда догоняли детенышей или раненых животных. Приблизившись к стаду, они обычно растягивались в линию. Вожак бросался на добычу, а прыжки и лай других обезьян обращали антилоп в паническое бегство. Бабуины набрасывались на пробегавших мимо антилоп, ловко избегая ударов острых рогов и копыт. Тем временем основная часть стаи сжимала кольцо вокруг намеченной жертвы, затем несколько самцов набрасывались на добычу. Антилопу валили на землю, и тогда к ней подступали остальные. Мамаши с детенышами во время охоты держались в стороне.

Не двигаясь с места, Анана подождала, пока последняя из бабуинов не прошла мимо: они по-прежнему

двигались к роще марширующих растений. Путь к горе был свободен!

За ее спиной послышались крики и шум. Анана замедлила бег и обернулась. Из рощи выскочили Уртона и Маккей. Вопреки ее ожиданиям, они не стали обходить растения, а побежали напрямик — Владыка знал, что созданные им деревья не причинят им вреда. И все же опасность поджидала их в буквальном смысле с другой строны — они нарвались на передние ряды бабуинов. Вожак стаи набросился на Уртону, а трое огромных самцов выбрали своей жертвой Маккея. Дяде ничего не оставалось делать, как только применить лучемет. Вожак упал, рассеченный на две половины. Если бы Уртона промедлил еще секунду, бабуин вцепился бы ему в горло.

ГЛАВА 11

Вскоре Владыке пришлось еще раз потратить драгоценную энергию лучемета, когда Маккея окружили разъяренные обезьяны. Услышав истошный призыв — стрелять немедленно, Уртона секунду-другую колебался, так как берег заряд для племянницы. Но, видимо, страх продолжать погоню в одиночку пересилил «родственные чувства». Обгоревшие тела упали прямо у ног Маккея.

Остальные бабуины грозно зарычали, однако не осмелились снова напасть на людей.

Анана побежала к горе; оглянувшись минут через десять, она увидела, что преследователи остались на прежнем месте. Дядя и его наемник медленно пятились назад, стая двигалась за ними на безопасном расстоянии, ожидая случая, чтобы атаковать. Стремясь испугать обезъян, Уртона махал лучеметом, периодически прицеливаясь; животные, отступая назад, рычали — и снова шли за людьми.

Анана усмехнулась. Ситуация явно складывалась в ее пользу.

Добежав до подножья крутого склона, она решила передохнуть и заодно понаблюдать, как будут разви-

ваться события. К тому времени Уртона подстрелил еще одного самца, и эта потеря окончательно охладила пыл разъяренных животных. Собравшись вокруг трупов сородичей, они начали терзать обгорелые тела. Предвкушая кровавый пир, в небе кружили стервятники.

Склон горы уходил вверх под углом в сорок пять градусов, он был покрыт огромными выступами, словно застывшими пузырями. Не было ни кустов, ни деревьев, за которыми можно было бы спрятаться. Анана тем не менее надеялась обнаружить какое-нибудь укрытие. Однако с каждым шагом надежда становилась все призрачней. Впрочем, если она успеет спуститься по противоположному склону и добежать до следующей горы, Уртона и Маккей потеряют ее из виду.

Позади осталось около полутора тысяч футов, когда Анана достигла вершины горы, которая уже утратила свою конусообразную форму и превратилась в плато до шестидесяти футов в диаметре.

Между тем Уртона и Маккей уже взбирались по склону и, пройдя четверть пути, сели передохнуть. Анана, наблюдая за ними, заметила, как за их спинами быстро набухал бугор. Через несколько минут фигуры преследователей скрылись за образовавшимся выступом. Если он будет и дальше разрастаться, то дяде и его спутнику придется потерять время, обходя его.

Осматривая ближайшие окрестности, Анана пыталась отыскать фигуру Кикахи. Канал тянулся через всю равнину, и даже с такой высоты не было видно ни его конца, ни начала. Располагавшиеся неподалеку горы ограничивали обзор. Хребты соединялись, образуя сплошную цепь; на одном из склонов заметно выделялась зеленая полоса и ряд темных пятен. Приглядевшись, Анана поняла, что это шагающие деревья, а пятна с неровными краями — стада антилоп и других травоядных животных, которые в Лавалитовом мире обитали и на равнинах, и в горах.

Анана решила немного отдохнуть, а заодно понаблюдать за своими преследователями. Вряд ли они продолжат свой путь к вершине, скорее всего разделятся

и будут обходить гору с двух сторон. Тогда она выберет удобный момент и спустится на равнину. Правда, если они не предпримут каких-то действий в ближайшие полчаса, ей придется придумать что-нибудь другое. Плато расширялось и, возможно, к концу следующего дня могло превратиться в равнину.

Разумеется, дядя не станет ждать так долго. Он и его головорез должны что-то предпринять, иначе как они получат рог?

Край плато, на котором сейчас находилась Анана, медленно нависал над склоном и спустя некоторое время мог рухнуть под собственным весом, увлекая за собой женщину. Однако ситуация имела и свои плюсы. Вряд ли ее преследователи захотят оказаться на пути стремительной лавины, и тогда они отступят, или их накроет комьями земли.

Анана подбежала к противоположной стороне плато, диаметр которого уже увеличился до ста футов, и сбросила вниз рог и топор. Сначала она легла на край выступа, а затем повисла на руках. Выбора не было. Пальцы нехотя разжались.

Этот спуск казался бесконечным; Анана хваталась за траву, но та обжигала руки, джинсы почти дымились. Но в конце концов Анане удалось остановиться — почти рядом с топором и рогом. Позади осталась половина пути. Она встала на ноги, но тут же поскользнулась на траве, упала на спину и прокатилась еще несколько ярдов. Оглянувшись, Анана увидела, что вдогонку ей мчится огромный ком земли, и шарахнулась в сторону. Немного левее — и она была бы раздавлена его массой.

Преследуемая комьями грунта (один из них пролетел над ее головой, очевидно, до этого подскочив на каком-нибудь выступе), Анана сбежала с горы и, не останавливаясь, помчалась через небольшую долину.

* * *

Наступил «вечер». Анану мучили голод и, особенно, жажда. Вне всякого сомнения, она умрет, если не

сделает глоток воды в ближайшие полчаса. А еще — ей безумно хотелось отдохнуть.

Ничего не оставалось, как вернуться к каналу. К счастью, «сумерки» сгущались, таким образом, у нее был шанс проскочить, оставшись незамеченной, мимо своих преследователей. Уртона и Маккей, вероятно, поджидали ее на другой стороне горы, но она не собиралась возвращаться прежним путем. Вместо того чтобы побежать прямиком к воде, Анана обошла стороной опасное место и быстрым шагом направилась к каналу. На пути ей не раз попадались глыбы земли размером с одноэтажный дом. Проходя мимо одной из них, Анана заметила какое-то движение. Взвизгнув, она отскочила в сторону, однако сумела мгновенно справиться с испугом, выхватила топор и метнула в какое-то животное.

Топор попал в цель и отскочил, оглушив существо; оно попыталось скрыться, но коротенькие кривые ножки отказывались ей служить. Анана подобрала топор и метнула его еще раз. Лезвие впилось в спину животного. Вытащив из-за пояса нож, она подошла к своей добыче — «ящерице» длиной более двух футов. Анана перерезала ей горло и, подняв рептилию за хвост, напилась крови, хлеставшей из раны. Затем, сняв с «ящерицы» шкуру и отрезав часть тушки, Анана наконец утолила голод. Пить все еще хотелось, но она чувствовала, что у нее хватит терпения и сил, чтобы добраться до канала.

Тьма сгущалась; усилившийся ветер принес с собой прохладу и тучи, и не прошло и четверти часа, как на равнину обрушились потоки воды, сопровождаемые вспышками молний и оглушительным грохотом. Анана упорно двигалась вперед, время от времени оглядываясь через плечо, но видела лишь напуганных грозой антилоп, которые носились, взметая копытами веера брызг.

Ближний берег канала опустился на несколько дюймов, и мутный поток хлынул на равнину. Анана стояла по щиколотку в воде; у ее ног кишели разнообразные мелкие рыбы и небольшие осьминоги с белесыми

щупальцами. С помощью ножа она расправилась с двумя, показавшимися ей менее экзотическими, и тут же съела.

Буря постепенно затихала; через четверть часа облака разметало по небу. Теперь можно было идти дальше, только куда? К дальнему концу канала — в поисках Кикахи? Или отправиться к морю?

Что касается Кикахи, то здесь предполагалось три варианта: он жив, или ранен, или погиб. Раненому нужна помощь, а мертвому — ее скорбь.

Путь к морю возможен и через горы. Если Кикаха жив, он рано или поздно придет туда. Впрочем, Уртона и Маккей тоже направятся к морю, и тогда она, воспользовавшись удобным случаем, отберет у дяди лучемет.

Внезапно чуткое ухо женщины уловило еле заметное движение, она медленно повернула голову. Вдалеке маячили две фигуры, точнее, два темных пятна на фоне красноватой мглы. Интуиция подсказывала Анане, кому могли принадлежать эти два размытых силуэта. Итак, у нее не было выбора, и она направилась к далеким горам — точнее, к морю.

Анана брела по колено в воде, время от времени оглядываясь назад. Расстояние между ней и преследователями не сокращалось. Когда она переплыла на другую сторону канала и вскарабкалась на берег, то услышала всплеск — наверняка это были Уртона и Маккей.

Анана, двигаясь по направлению к горам, прешла на волчью рысь — сотня шагов бегом, сотня — быстрым шагом. Необходимость считать отвлекала от мрачных размышлений, и, казалось, отступала даже усталость — но не ее преследователи. Достигнув гор, она устремилась в небольшое ущелье и затем, преодолев его, снова оказалась на равнине, пересеченной многочисленными протоками. Они тянулись от моря в глубь континента, подобно длинным щупальцам.

Ширина протоки не превышала трехсот ярдов. Однако Анана настолько выбилась из сил, что пересекла ее лежа на спине и вяло двигая ногами — так она смог-

ла удержаться на поверхности. Оказавшись на другом берегу, Анана некоторое время внимательно вглядывалась в темноту и прислушивалась к ночным звукам. Раздавшееся через пять минут тяжелое дыхание двух мужчин заставило ее бесшумно скользнуть обратно в воду и погрузиться до носа. Одной рукой она цеплялась за подводную траву, в другой — держала заветный рог. До нее доносилось каждое их слово.

— Как думаешь, мы оторвались от них? — голос принадлежал Уртоне

«От них?» — с удивлением подумала Анана.

— Тише! — призвал его Маккей, и они перешли на шепот.

Какое-то время мужчины стояли на берегу и, оживленно жестикулируя, обсуждали ситуацию. Небо постепенно светлело — приближался «рассвет». Неожиданно раздался приглушенный топот, и Маккей закричал:

— Поплыли, хозяин!

— Нет,— отозвался Уртона.— Я слишком устал. Мы прикончим их с помощью лучемета!

Дальнейшие его слова Анана не смогла разобрать, скорее всего, это было какое-то проклятье. На берегу появился отряд всадников. Владыка поднял лучемет, и два ближайших к нему «лося» рухнули на землю с отрезанными ногами, их седоки с шумным плеском свалились в канал. Расправа над соплеменниками произвела на туземцев огромное впечатление, и они с криками исчезли за бугром. Однако два смельчака повернули своих «скакунов» и, грозно размахивая копьями, направились к Маккею и Уртоне. С воинственным кличем один из воинов вырвался вперед, но его настиг смертоносный луч. Голова несчастного отлетела в канал, а тело повалилось на землю, заливая берег кровью, хлеставшей из шеи. Спустя мгновение под вторым всадником рухнул «лось», и туземец покатился по земле. Маккей кинулся к нему, ударил ребром ладони по шее и поднял упавшее копье. Издав крик отчаяния, Уртона швырнул лучемет на землю — батарея иссякла — и потянулся за копьем обезглавленного противника.

Смерть воинов послужила сигналом к началу атаки. Владыка и его помощник сражались не щадя себя и своих противников, однако неравенство сил сказалось довольно быстро. Пленников связали кожаными ремнями, а затем погнали вдоль канала, подталкивая в спины тупыми концами копий. На некотором расстоянии от них следовал караван, оглашая окрестности криками людей и ревом животных. Трупы людей и «лосей» взвалили на волокуши, очевидно, предполагая употребить их в пищу. Анана знала, что ее дядя наделил племена отсутствием брезгливости, а некоторых из них — пристрастием к каннибализму.

Анана настолько увлеклась происходящим, что даже не сразу почувствовала, как вокруг ее лодыжки обвилось что-то скользкое. Но когда в ногу вонзились острые зубы, она еле сдержала крик. Анана нырнула под воду и несколько раз воткнула нож в мягкое, словно покрытое бородавками, тело. Зубы разжались, однако через несколько секунд тварь вцепилась в другую ногу женщины.

Анана на ощупь нашла то место, где щупальце соединялось с телом, и отхватила скользкий отросток ножом. Тварь отпустила свою жертву и скрылась в помутневшей воде. Женщина чувствовала сильную боль в обеих ногах. Она вынырнула на поверхность и осмотрелась: в нескольких футах от нее билось в конвульсиях огромное существо, похожее на осьминога, и вода быстро темнела от крови.

Анана нырнула и, ощупав дно, нашла рог. К тому времени туземцы заметили раненого «осминога». И едва голова Ананы показалась над поверхностью воды, как раздался истошный вопль — сразу же из нескольких глоток. В Анану полетели копья, однако туземцы приняли решение взять женщину в плен, и четверо воинов, прыгнув в воду, поплыли к ней.

Прежде всего Анана забросила на берег рог, затем сама начала взбираться по крутому склону. Оказавшись наверху, она присела передохнуть и только сейчас разглядела, насколько серьезны ее раны. Вряд ли ей удастся далеко уйти от своих преследователей.

И все же... пальцы крепко стиснули топор — она просто так не сдастся этим дикарям! Первый поднявшийся по склону туземец упал с расколотым черепом; второй покатился вниз по откосу, визжа от боли — он лишился двух пальцев. Тогда оставшиеся двое изменили тактику: нырнув в воду, они устремились в разные стороны и, проплыв каждый по сотне ярдов, одновременно начали взбираться на берег. Анана могла атаковать только одного из них.

На помощь соплеменникам спешили еще с десяток воинов. Бежать Анана не могла — слишком велика оказалась потеря крови. Тяжело вздохнув, она сорвала с себя потрепанную рубашку, разрезала ее на полосы и перевязала раны. Оставалось надеяться, что тварь не принадлежала к числу ядовитых особей.

Рог и топор она положила рядом с собой, а нож спрятала во внутренний карман на правой штанине. Анана специально пришила его перед путешествием на Землю — всего лишь месяц назад, хотя иногда ей казалось, что с тех пор прошел не один год. Скрестив руки на груди, женщина ждала, как будут развиваться события.

ГЛАВА 12

Тощие и смуглые дикари внешне чем-то напоминали людей, обитавших на средиземноморском побережье. Тем не менее их язык казался Анане незнакомым. Очевидно, их предки говорили на диалекте, который угас после экспансии европейцев и семитов на берега Средиземного моря.

Племя насчитывало девяносто человек: тридцать три мужчины, тридцать семь женщин и двадцать детей. Сто двадцать «лосей» делились на ездовых и гужевых животных.

В отличие от других воинов вождь носил юбку из сыромятной кожи. Остальные мужчины довольствовались такой же одеждой из перьев. В качестве украшений они использовали тонкие костяные палочки, вставленные в носовые перегородки. У многих на гру-

ди вместо ожерелий болтались высушенные кисти человеческих рук. Седла украшали черепа людей и животных.

Анану связали и, едва не утопив, переправили на другую сторону канала. Когда пленницу швырнули на землю, на нее тут же набросились женщины. Те, что помоложе, били ее руками и ногами, а более зрелые матроны сдирали с нее джинсы и ботинки. Спустя минуту избитая и раздетая донага Анана провалилась в черноту беспамятства, из которой ее вывели пинками и толчками.

Уртона и Маккей, сутулясь, сидели на земле. Оба выглядели еще хуже, чем Анана.

К вождю, шатаясь, подошел мужчина, которого Анана лишила двух пальцев. Он морщился от боли и прижимал к груди изуродованную кисть. Предводитель выслушал его просьбу и покачал головой. Воин попытался настаивать, но вождь жестом велел ему замолчать.

Вождь забрал себе топор и рог. Его жена влезла в потертые джинсы пленницы. К счастью, она не обратила внимания на нож во внутреннем кармане. Оставалось тешить себя надеждой, что туземка не заинтересуется выпуклостью на штанине. Впрочем, зная, что человеческому любопытству нет предела, Анана уже смирилась с потерей.

Когда после долгих споров туземцы закончили раздел трофеев, вождь громко отдал какой-то приказ, и убитых воинов отвезли чуть подальше от лагеря. Оставив надежную охрану, племя ушло провожать погибших сородичей в последний путь. Пленники наблюдали за церемонией, которая длилась не меньше получаса. Мужчины выли, женщины плакали, шаман скакал под грохот тыквы, заполненной галькой и костями. А потом, пропев несколько заунывных песен, туземцы вернулись к каналу.

Анана вздохнула свободнее: эти люди не ели своих сородичей, а значит, не были каннибалами. В это мгновение жена одного из погибших воинов яростно крича бросилась к пленнице. Растопырив пальцы, она наме-

ревалась расцарапать незнакомке лицо. Но, лежа на спине, Анана ударила ее ногами в живот, и все племя зашлось от хохота, наблюдая за корчившейся от боли женщиной. Однако вдова довольно быстро пришла в себя, вскочила на ноги и попыталась возобновить атаку, но вождь велел двум воинам оттащить ее.

К тому времени наступил «день». Наскоро перекусив мясом животных, убитых по пути, несколько воинов отправились в дозор на равнину. Остальные неторопливо и обстоятельно вкушали пищу, заедая сырое мясо орехами и ягодами, которые хранились в сумках из сыромятной кожи. Пленным не дали ни крошки. Впрочем, Анана не отчаивалась по этому поводу. Она ела несколько часов назад, а жестокие побои не прибавили ей аппетита. Безразличие дикарей даже немного порадовало ее. Если бы они собирались съесть своих пленников, то наверняка решили бы их сначала откормить. Но на это потребовалось бы время, так что ситуация не выглядела столь безнадежной. Однако... туземцы могли приберечь их на ужин и потому довольствовались пока мясом животных.

Утирая кровь с подбородка, к Анане подошел вождь. Его длинные волосы были собраны на макушке узлом, в котором торчали два красных пера. На груди болталось ожерелье из человеческих пальцев. В пустой глазнице копошились мухи. Он остановился над ней, рыгнул и окриком созвал к себе все племя.

Когда дикарь снял юбку, женщину едва не стошнило. Племя, столпившись вокруг, подбадривало вождя, выкрикивая непристойности, которые Анана, к счастью, не понимала. Понимая, что сопротивляться бесполезно, Анана неподвижно лежала на спине. Пока он кряхтел над ней, в ее мозгу родились шесть способов, которыми она могла его убить. Оставалось надеяться, что когда-нибудь у нее будет возможность воспользоваться одним из них.

Когда вождь встал и, довольно хихикая, напялил на себя юбку, к пленнице устремился шаман. Он тоже был не прочь поразвлечься. Но вождь, оттолкнув его, что-то сердито прокричал. Возможно, он объявил ее

своей собственностью. Анана облегченно вздохнула. Ей по горло хватило вождя, тем более что шаман выглядел еще более грязным и омерзительным.

Чуть позже Анана с трудом поднялась с земли и подошла к Уртоне. Тот отвернулся от нее с гримасой отвращения.

— Вот так-то, дядя. Можешь радоваться, что ты не женщина.

— Я всегда гордился этим,— ответил тот.— Скажи, почему ты не боролась из последних сил, не попыталась убежать? На твоем месте я бросился бы в канал и утонул, но не позволил бы над собой надругаться.— Он презрительно сплюнул и покачал головой.— Подумать только! Леблаббий обесчестил Владыку! Почему ты еще жива, а не умерла от стыда! — Уртона криво усмехнулся.— Но ты, наверное, привыкла спариваться с леблаббиями. У тебя чести не больше, чем у обезьяны.

Анана ударила его ногой в челюсть, и он пришел в себя лишь через две минуты. Излив свою ярость, она почувствовала себя немного лучше. Вот так бы двинуть и вождя — причем не только в челюсть.

— Если бы не ты и не Орк, я бы не оказалась здесь.

Безразлично пожав плечами в ответ на его проклятья, она повернулась и ушла.

На следующее «утро» племя двинулось в путь. Мясо вместе с грудами шкур сложили на волокуши. Караван вытянулся в линию вдоль берега канала. Впереди на гнедом «лосе» ехал вождь. Поскольку нападение слева было невозможно, весь эскорт выстроился справа.

Незадолго до «сумерек» к каравану присоединились дозорные, которых раньше послали на равнину. Анана не понимала их слов, но догадывалась, что, высматривая врагов, эти воины поднимались на одну из гор. Судя по их виду, они никого не заметили.

Племя двигалось вперед всю «ночь», очевидно желая первым пробраться на побережье, а также стараясь избежать столкновения с более сильным врагом. Караван остановился только в «полдень». Все, включая пленников, поели. Причем пленников связали так,

чтобы они могли есть и пить без посторонней помощи; Анане наконец дали юбку.

После обильной трапезы туземцы устало валились на траву и, прикрыв шкурами лица, пытались заснуть. Шестеро воинов несли караул. Они проспали несколько часов на волокушах, но, заступив в дозор, выглядели так, будто и глаз не сомкнули. Анана лежала рядом с дядей и Маккеем.

— Эти дикари, наверное, никогда не видели людей с черной кожей. Я уже устал от их взглядов,— жаловался Маккей.— Они щупают мои волосы и касаются тела, словно это принесет им счастье. Будь моя воля, я показал бы им, какое счастье они могут получить от меня!

Уртона усмехнулся разбитыми губами, к тому же удар древком копья лишил его двух зубов.

— Может быть, они и не видели черных,— зашепелявил он,— но на этой планете есть чернокожие племена. У меня тут собраны образцы всех земных рас.

— Интересно, что они сделали бы с тобой, узнав правду? — тихо прошептал Маккей.— Ведь это ты уготовил им такую собачью жизнь

Уртона побледнел, а Анана, заметив это, засмеялась:

— Когда я научусь говорить на их языке, они об этом узнают.

— Неужели ты выдашь дикарям своего родного дядю? — возмутился Уртона, однако, взглянув на нее, тихо добавил: — Впрочем, ты и не на такое способна. Только помни, девочка, я — единственный, кто может провести вас во дворец.

— Если только мы когда-нибудь найдем его,— спокойно произнесла Анана.— Скажи, а эти дикари случайно не людоеды?

Заметив, как вздрогнул Уртона, она удовлетворенно закрыла глаза и попыталась заснуть. Буквально через несколько минут ее разбудил удар по ребрам. Вскочив, Анана увидела перед собой седовласую женщину — жену вождя, которая питала к пленнице особую неприязнь. Впрочем, все женщины племени были

готовы выцарапать Анане глаза. Хотя, возможно, они обращались так со всеми пленными женщинами.

* * *

Ни одна из туземок не согласилась обучать ее языку, и тогда Анана переключила свое внимание на молодого мускулистого парня, она заметила, что юноша не сводил с нее глаз. Ласковый взгляд, несколько нежных прикосновений, и Нарго (так его звали) согласился дать ей несколько уроков. Анана шла пешком, а юноша ехал рядом с ней на «лосе» и перечислял названия предметов и имена людей, на которых она указывала. К концу «дня», когда караван остановился на очередной двухчасовой привал, Анана знала уже пятьдесят слов и могла задавать простые вопросы.

Уртона и Маккей не проявили интереса к лингвистике. Они сидели рядом, тихо переговариваясь — наверняка обсуждали планы побега.

Наступили «сумерки», и племя (Анана выяснила, что они называют себя вендами) снова двинулось в путь. Вождь попросил пленницу продемонстрировать, как действует рог. Она протрубила мелодию, которая открывала подпространственные врата — если только те находились где-нибудь рядом. Забрав у женщины инструмент, вождь быстро освоился с кнопками и после нескольких неудач сочинил незатейливую мелодию. Он исполнял ее не меньше получаса, пока шаман Шаканн не прервал эту забаву. Анана не знала, о чем они говорили. Но, скорее всего, вождю напомнили, что звуки могут привлечь внимание врагов. Вождь пристыженно сунул рог в седельную сумку.

К изумлению Ананы, супруга вождя, Тхикка, носившая ее джинсы, так и не нашла до сих пор спрятанный нож. Впрочем, дикарка никогда не видела такой одежды и, наверное, думала, что одна из штанин специально тяжелее другой.

На «рассвете» караван остановился на отдых. Дозорные заняли посты, остальные заснули. Животные жадно поглощали ветви деревьев — их везли на воло-

кушах и спинах гужевых «лосей» Но запасы фуража почти иссякли, а значит, скоро людям предстояло отправиться за свежим кормом. Для этого надо было найти рощу шагающих растений, убить около сотни деревьев и обрубить ветви.

Незадолго до обеда вдали показался горный хребет. Черная щель между горами отмечала проход, который вел на побережье. Однако Анане было известно, насколько обманчиво здесь расстояние. Путь к горам мог занять два, а то и три дня. Но, видимо, племя знало, сколько еще оставалось идти, и двадцать взрослых мужчин и четверо юношей отправилось за кормом для «лосей».

Племени повезло: неподалеку от канала они встретили рощу, спешившую к воде. По подсчетам Ананы, там было не меньше тысячи деревьев. Всадники подождали, пока растения приблизятся к руслу на четверть мили, а затем, размахивая арканами, помчались вперед и с гиканьем закружили вокруг рощи, словно банда краснокожих, напавших на фургоны переселенцев.

Хвойные растения высотой не более десяти футов напоминали рождественские елки. В нижней части массивных стволов виднелись бугристые наросты, а чуть выше середины располагались кольца с гроздьями глаз. Длинные и тонкие зеленоватые щупальца росли из центральной части ствола. При приближении туземцев роща остановилась, и четырехногие деревья, стоявшие по периметру, повернулись, обратив к противникам бугристые наросты, откуда вырвались тучи смертоносных снарядов. Несмотря на расстояние, были слышны звуки пневматических хлопков.

Имея богатый опыт встреч с такими растениями, люди знали, на какой дистанции выпущенные дротики уже не представляли опасности. Они скакали вокруг рощи, постепенно приближаясь к деревьям с подветренной стороны. Туземцам также было известно, сколько снарядов имело каждое дерево. Они обменивались короткими фразами — очевидно, считали хлопки. Вождь стоял в стороне и тоже считал. Внезапно он

прокричал какой-то приказ, и всадники направили «лосей» к роще. А тем временем растения, словно вымуштрованные солдаты, готовились заменить отстрелявшихся сородичей другими, с полным боекомплектом.

Однако возникла пауза, которой туземцы поспешили воспользоваться. Всадники подъезжали к деревьям почти вплотную и ловко бросали арканы из лыка. Кое-кто промахивался, но большинству удавалось зацепиться за ветвь или щупальце. «Лоси» отбегали, веревки натягивались, и петли сжимались. Подгоняемые седоками животные вытаскивали деревья за пределы досягаемости дротиков. Концы арканов крепились к колышкам позади седел. Оборвалась только одна веревка, и растение осталось лежать в десяти шагах от шеренги деревьев.

«Лоси» остановились, седоки попрыгали на землю и подошли к упавшим растениям. Стараясь держаться подальше от извивавшихся щупалец, они освободили арканы и снова залезли в седла.

Так повторилась несколько раз, а затем роще позволили уйти к каналу. Туземцы достали из сумок кремневые ножи и начали срезать зеленые щупальца. «Лоси», чувствуя себя теперь в полной безопасности, набросились на беспомощные растения. Они хватали щупальца зубами и отдирали от стволов.

Все племя, включая женщин и детей, столпилось вокруг добычи. Одни срубали каменными топорами ветки, другие собирали их, а третьи укладывали вязанки на волокуши и спины животных.

Анана спросила юного Нарго об отравленных дротиках. Он с усмешкой ответил:

— От гвонав ты станешь такой же твердой, как дерево.

Женщина не знала, что означает слово «гвонав». Возможно, Нарго говорил о разновидности яда или называл этим термином дротик.

После того как растения лишились ветвей, мужчины осторожно собрали дротики, похожие на тонкие четырехдюймовые иглы с пушистым оперением.

На острие поблескивал слой голубовато-зеленого вещества.

Несколько дротиков привязали к копьям вместо наконечников. Остальные снаряды сложили в сумки из сыромятной кожи.

Заготовив фураж, караван отправился в путь. Анана оглянулась и увидела, что роща хвойных растений добралась до берега канала и выстроилась вдоль него. Из нижней части каждого ствола высунулся толстый зеленовато-белый патрубок, через который дерево засасывало воду. Задние ряды охраняли пьющих сородичей.

— Ты, наверное, здорово повеселился, придумывая их,— сказала она Уртоне.

— Да, делать этих убийц было интереснее, чем теперь наблюдать за ними,— ответил тот.— Говоря по правде, создание Лавалитового мира развлекло меня больше, чем вся последующая жизнь на нем. Через четыре года мне стало скучно, и я решил завоевать другие вселенные. За десять тысяч лет я лишь изредка навещал его. Время от времени, как ты знаешь, полезно вспомнить прошлое.

— Когда ты был здесь в последний раз?

— Кажется, пятьсот лет назад.

— Значит, ты предпочел Лавалитовому миру другие?

— Конечно,— с гордой улыбкой ответил Уртона.— Мне удалось захватить еще три мира, и я расправился с их создателями. Ты помнишь своих кузенов Бромиона и Антамона? А эту сучку Эфинту? Теперь они мертвы, и я, Уртона, управляю их мирами!

— Даже сейчас? — усмехнулась Анана.— А эта дырявая шкура — твой трон? Дядя, опомнись! Пока ты лишь пленник дикарей, и вместо почестей тебя ожидают смерть и пытки.

— Замолчи! — взревел Уртона.— Или я убью тебя! Как ты смеешь смеяться надо мной, дикарская подстилка! Я еще вернусь сюда и уничтожу этих жалких подонков! Я уничтожу их мир! Я не оставлю от него камня на камне!

ГЛАВА 13

Анана задумчиво покачала головой.

— А ведь я когда-то была такой же, как ты. Теперь мне стыдно вспоминать тот период в моей жизни, но даже тогда я чувствовала, что веду себя недостойно и мерзко. Наверное, это во мне говорили остатки совести и где-то под слоем грубости и самодовольства мерцала искорка души. А потом эта искра разрослась в огромное пламя, которое раздул леблаббий по имени Кикаха. Конечно, жаль, что он не Владыка. Но Кикаха оказался настоящим человеком, и в этом он выше тебя и меня.

А что касается этих жалких звероподобных дикарей... Они таскают тебя за собой на веревке и даже не знают, что взяли в плен Владыку своего унылого и безумного мира. Ты называл этих людей подонками, однако они человечнее тебя. Просто по твоей прихоти они немного отстали в развитии...

Уртона мрачно проворчал:

— О чем, во имя Ткача, ты говоришь?

Анане захотелось ударить его, но она сдержалась.

— Я вижу, тебе этого никогда не понять. Хотя кто знает? Мне ведь эта истина стала доступна. Правда, я довольно долго жила среди простых людей.

— Ты забываешь, что леблаббиев создали мы. Твой недоделанный Кикаха совсем задурил тебе мозги. Жаль, что распался наш Совет. На тебя бы быстро наложили проклятие, а то и убили бы в назидание другим.

Анана смерила его презрительным взглядом.

— Не задирай нос, дядя. Ты тоже потомок искусственных людей. Наших предков вырастили в биолабораториях — вспомни, что об этом говорил Шамбаримен. Мы, Владыки, были созданы существами, намного превосходившими нас в развитии. Затем нам удалось сделать то же самое, и теперь мы считаем себя выше любого леблаббия. Но это иллюзия, Уртона! Мы создали их по своему подобию. Так почему же они ниже нас? Эти существа ничем не отличаются от нас, просто

они еще не знают, что живут в искусственных мирах, созданных Владыками. Однако писатели-фантасты или художники тоже создают миры, хотя и не могут выйти за рамки собственного знания. Они слагают свои вселенные из элементов известного, изменяя лишь порядок, числа и координаты. Но разве эта перестановка делает их творцами?

Мы называем себя создателями Вселенных, но на самом деле ничем не лучше поэтов, писателей, художников и скульпторов. Нам никогда не стать богами. Хотя некоторые из нас уже причислили себя к их числу.

— Избавь меня от своих лекций,— проворчал Уртона.— Мне плевать на твои попытки оправдать свою животную похоть.

Анана пожала плечами:

— Ты безнадежен, Уртона. Но в каком-то смысле ты прав — нет времени для споров, мы должны думать о побеге.

— Да,— подхватил Маккей.— Как бы нам отсюда удрать?

— Что бы мы ни придумали, сначала нам надо вернуть топор и рог,— Анана нахмурилась.— В этом мире мы без них пропадем. Но топор и рог у вождя, поэтому нам придется забрать их у него силой.

Анана решила не говорить о ноже, спрятанном в джинсах. Уртона и Маккей, конечно, заметили его исчезновение, но она сказала, что потеряла нож, убегая от них.

Чуть позже караульный развязал путы на ногах пленников, и они побрели с караваном вдоль берега. Анана вернулась к занятиям с Нарго.

Когда племя приблизилось к ущелью, вождь приказал остановиться. За двумя горами небо казалось черным от туч, и на побережье царил настоящий ад, освещаемый ослепительными молниями. Отправиться туда мог только самоубийца. Буря не утихала весь «день» и всю «ночь». Это удивило Анану, и она начала расспрашивать юношу.

— В стране прибрежных земель Властитель посылает вниз свои молнии и гром,— стал рассказывать

Нарго.— Его небесные стрелы валят деревья и убивают любое существо, которое посмело войти туда против его воли. Мы отправимся на побережье только после того, как гнев Властителя утихнет. Если бы не его молнии, наше племя жило бы там все время. Прибрежные земли меняются очень медленно. В море много рыбы, в лесах полным-полно птиц с вкусным мясом, и растения не ходят, а стоят. Представляешь?! Неподвижные деревья, ветки которых под тяжестью ягод и орехов отвисают до земли. Бери, что хочешь, и ешь, сколько сможешь! А какая там охота! Дичь сама идет в руки — разве сравнить с открытыми всем ветрам равнинами!

Если бы мы жили там все время, наши тела стали бы жирными и сильными. Женщины рожали бы много детей, и наше племя превратилось бы в могучий народ. Но Властитель — его мудрость безгранична — определил, что мы можем долго жить на побережье. А потом собираются облака, бьют молнии, и нет места для тех, кто хочет остаться в живых.

Конечно, Анана не поняла дословно всего, что сказал Нарго, но общий смысл уловила. Вернувшись к Уртоне, она спросила его, почему он сделал такой климат на побережье.

— Во-первых, для забавы,— ответил Владыка, вновь надуваясь от гордости.— Мне нравилось прилетать в своем дворце к одному из морей и наблюдать буйство молний во всей их разрушительной силе. Там, за прочными стеклами, нежась в покое и уюте, я наслаждался зрелищем того, как вокруг меня сверкают и трещат гигантские разряды. В такие минуты я начинал чувствовать себя богом. А во-вторых, если бы не сезоны бурь и разящие молнии, люди заселили бы все побережья. Конечно, я бы тогда развлекался, наблюдая за территориальными войнами, но мне хватало этих представлений и в сезоны затишья.

Насколько я помню, в Лавалитовом мире имеется двенадцать областей относительного постоянства. Каждый океан и его прибрежные территории занимают около пяти миллионов квадратных миль. Поэтому на

двести миллионов квадратных миль всей планеты приходится шестьдесят миллионов квадратных миль относительно стабильной территории.

Из-за сезонов бурь на побережье можно жить лишь некоторое время. И если бы я их не предусмотрел, люди и животные заселили бы все берега.

Он замолчал, указывая на равнину. Обернувшись, Анана увидела, что все пространство заполнили стада животных. Склоны гор, а также небо потемнели от птичьих стай.

— Они мигрируют из дальних и ближних мест,— продолжал Уртона.— Им хочется насладиться покоем моря и неподвижных лесов. Они спешат туда, но знают, что скоро им придется покинуть побережье.

Анане разрешили побродить вокруг лагеря, но когда она ушла слишком далеко, ее тут же заставили вернуться. Подойдя к вождю, она опустилась рядом с ним на корточки. Предводитель племени сидел на земле и колотил по ветке топором.

— Скажи, когда утихнет буря на побережье? — спросила Анана.

Его единственный глаз удивленно округлился.

— Ты так быстро научилась нашему языку? Это хорошо. Теперь я могу задать тебе несколько вопросов.

— Но сначала ты должен ответить на мой вопрос,— возразила она.— Я первой тебя спросила.

Вождь недовольно нахмурился.

— Обычно молнии прекращались двумя днями раньше. Властитель прекращал гневаться и скрывался в своем дворце до следующего сезона. Однако на сей раз его что-то очень рассердило. И все-таки я надеюсь, что скоро Властитель устанет и удалится в свой чертог. Видишь, у прохода между горами собираются звери и птицы. Это очень опасно. Если начнется паника, нас могут раздавить бегущие стада.

— Почему твои воины не едут на охоту? — продолжала допытываться Анана.— Вокруг так много животных, что их можно ловить голыми руками.

Тренн (так звали предводителя) пожал плечами:

— Венды не глупцы. А теперь послушай мои вопросы. Из какого ты племени? Далеко ли оно от нас?

Анане стало интересно, поверит ли он ее словам, услышав правду. Впрочем, у племени вендов могли сохраниться какие-то предания о людях из другого мира.

— Мы появились оттуда...

Она махнула рукой, указывая на красное небо, и мухи, встревоженные резким движением, взлетели вверх с недовольным жужжанием, но тут же вернулись обратно, облепив ее тело, голову и руки. Анана отогнала их от лица. Вождь не обращал на насекомых никакого внимания, и они спокойно ползали по его телу и пустой глазнице. Возможно, он даже не осознавал их присутствия.

— Мы прошли через э-э-э...

Анана замолчала. Она не знала слова, которое означало бы врата. Скорее всего, у туземцев даже не было такого понятия.

— Мы прошли через проход между двумя... Мы пришли с другой стороны неба, из другого мира, где небеса такого цвета, как эта птица.

Она указала на небольшую голубую пичугу, которая прыгала по берегу канала.

Глаз вождя расширился еще больше.

— О! Ты пришла из мира, где жили наши предки. Многие поколения назад Властитель изгнал их оттуда за то, что они согрешили. Но скажи, почему он отправил вас сюда? Чем вы так его рассердили?

Пока Анана думала, как ответить на этот вопрос, вождь окриком подозвал к себе Шаканна. Маленький седобородый человек подбежал к ним, размахивая посохом, на конце которого вместе с перьями крепилась пустая тыква. Тренн быстро пояснил ему суть дела, но Анана поняла из его речи лишь несколько слов. Шаман присел на корточки рядом с вождем, приготовясь слушать пленницу.

Сначала Анана хотела сказать, что они попали в этот мир случайно. Но ей не было известно слово, которое означало бы на языке вендов данное понятие —

если таковое вообще существовало. Судя по тому, что она узнала от Нарго, эти люди не верили в случайные события. В их мире все управлялось либо волей Властителя, либо силами ворожбы.

А потом ее охватило вдохновение. Несмотря на то что ложь грозила стать причиной больших неприятностей, женщина пошла на риск. Не зная теологии дикарей, Анана могла оскорбить их религиозные чувства, нарушить какое-то табу или высказаться против догмы. И все-таки...

— Мы прогневали Властителя, и он отправил нас сюда. Прощаясь, он сказал, что мы можем вернуться, если приведем к нему какое-нибудь достойное племя — например, ваше. Разумеется, мы хотим вернуться в его небесный мир — туда, где жили до изгнания ваши предки.

Наступило долгое молчание. На лице вождя появилась радостная улыбка. Шаканн нахмурился и дернул себя за бороду.

— И вы, значит, выбрали наше племя,— наконец прервал паузу Тренн.— Но если Властитель хочет вернуть нас в сембарт...

— В сембарт?

Вождь попытался объяснить, что он имел в виду, и Анана поняла: слово «сембарт» можно перевести как «рай» или «сад Эдема», а проще — место, где можно жить хорошо и беззаботно.

Конечно, Земля — не рай, но, будь такая возможность, Анана с радостью бы отправилась туда.

— Если Властитель пожелал вернуть нас в сембарт, почему он сам не прилетел к нам на летающем облаке? Он мог бы сказать одно слово, и вихрь света перенес бы нас к нему.

— Дело в том, что он решил испытать вас,— ответила Анана.— Если вы покажете себя достойными его милости, я выведу вас из этого мира.

Тренн быстро заговорил, обращаясь к шаману, но женщина уловила смысл лишь половины его слов. Вождь сокрушался, что племя не приняло пленников как уважаемых гостей. По его мнению, теперь следо-

вало постараться изо всех сил, чтобы исправить ошибку. Однако Шаканн предложил не торопиться, а задать Анане еще несколько вопросов.

— Если ты действительно посланница Властителя, то почему не прилетела к нам в шелбетте?

«Шелбетт», наверное, означал вещь, которая летала. Древние легенды гласили, что в прежние дни Властитель часто путешествовал по воздуху. Долго не размышляя — это могло вызвать подозрения, Анана ответила:

— Я делаю лишь то, что велит Властитель. Мы не смели спрашивать, почему он поступает так, а не иначе. Наверное, у него были какие-то причины не давать нам шелбетт. Возможно, он хотел узнать, какие вы на самом деле. Увидев божественную повозку, вы приняли бы меня и моих спутников с почестями как посланцев Властителя. А ему хотелось знать, достойны ли вы жить в стране голубых небес.

— Пленять врагов, убивать их или брататься с ними достойно каждого воина. Неужели ты хочешь сказать, что мы относились к вам плохо? Любое племя поступило бы с вами точно так же.

— Властителю не важно, как вы отнеслись к нам сначала,— ответила Анана — Он хочет знать, что вы будете делать, услышав о его великом замысле.

— Любое племя, поверив в твою историю, стало бы чествовать тебя и заботиться о твоих спутниках, как о детях. Но ведь люди могут обмануть вас, притвориться хорошими из страха перед Властителем. Как же ты будешь судить об их достоинствах?

Анана тихо вздохнула. Даже среди невежественных дикарей встречались смышленые люди, и шаман относился к их числу.

— Властитель наделил нас духовными дарами. Одним из них является способность смотреть в...— Она замолчала, не найдя нужного аналога слову «душа».— Смотреть внутрь человека и видеть, хорош он или плох. Поэтому мы знаем, когда люди говорят неправду.

— Очень хорошо,— осклабился Шаканн.— Если ты действительно можешь чувствовать ложь, докажи свое

умение. Я сейчас попрошу у вождя эту острую твердую штуку и расколю ею твой череп. Я очень хочу убить тебя! Скажи, мои слова лживы? Или я говорю правду?

Тренн начал бормотать что-то, явно протестуя, но шаман перебил его:

— Подожди! Этот вопрос должен решить я, твой жрец. Ты управляешь жизнью племени, но дела Властителя защищаю я.

Анана старалась выглядеть спокойной, чувствуя, как по ее лицу и телу струится пот. Судя по выражению лица вождя, он не собирался отдавать шаману топор. Да и Шаканна сейчас терзали сомнения. Шаман мог быть шарлатаном и лицемером, хотя последнее качество Анана относила к порождениям цивилизации. Как и все целители, ведьмы и колдуны, независимо от их титула и сана, шаман верил в свою религию. И сейчас его мучил вопрос — действительно ли она послана Властителем в их убогий и опасный мир. Если она солгала и он позволит этой лжи остаться безнаказанной, Властитель может разгневаться и подвергнуть своего слугу жестокому наказанию. Итак, Шаканн находился в такой же отчаянной ситуации, как и Анана, женщина видела это по его глазам.

Неужели он действительно хочет ее убить? Шаман должен знать, что, если пленница послана Властителем, его тут же поразит небесная молния. Вряд ли он отважится на такой риск.

— Тебе самому не ясно, чего больше в твоих словах — правды или лжи. Ты еще не решил, что будешь делать.

Шаман улыбнулся, и Анна почувствовала облегчение.

— Ты права. Но я не уверен в твоей способности видеть мысли людей. Любой проницательный человек мог бы догадаться о моих чувствах Я задам еще несколько вопросов. Ты говоришь, что вы пришли от Властителя, и твои слова подтверждает оружие, которое разрезало людей и гревиггов на половинки. Твой спутник мог бы уничтожить им все племя. Скажи, почему он отбросил его, убив лишь некоторых из нас?

— Потому что так велел Властитель. Используя смертельный луч, мой спутник хотел показать вам, что мы пришли из другого мира. Но Властитель запретил ему убивать все племя. Кого мы повели бы тогда в сембарт?

— Хороший ответ. Возможно, ты действительно та, за кого себя выдаешь, или просто очень хитрая женщина. Как вы проведете нас в сембарт?

— Ты неправильно понял мои слова. Я сказала, что *могу* повести. Все зависит от вас самих и людей вашего племени. Сначала вы должны освободить нас от пут и оказать гостеприимство, достойное посланцев Властителя. И все же я отвечу на твой вопрос, шаман. Мы поведем вас в обитель Властителя. Там внутри есть проход, через который можно войти в сембарт. Мы откроем его для вас, и вы увидите голубое небо.

Шаман поднял густые кустистые брови.

— Ты знаешь, где находится обитель Властителя?

Анана кивнула:

— Это далеко. Но во время путешествия мы должны подвергнуть ваше племя проверке.

— Когда-то очень давно мы видели обитель Властителя,— задумчиво произнес вождь.— Она летела над равниной, и при виде ее мы падали на землю от страха. Она была большая, как гора, и ее покрывали острые выступы, похожие на толстые и длинные палки. И мы убежали, испугавшись, что Властителя обидит наше любопытство и он покарает нас.

— Для чего нужна вещь, которая играет музыку? — спросил Шаканн.

— Она должна провести нас в обитель Властителя — вернее, во дворец. Мы называем это «дворцом».

— Двоссом?

— У тебя хорошо получается. А этот рог должен находиться у меня. Ты рискуешь навлечь на себя гнев Властителя. Ему может не понравиться твоя жадность.

— Вот! — сказал вождь, бросая ей инструмент.— Мне чужого не надо.

— Ты нанес мне большую обиду, изнасиловав меня. Не знаю, простит ли тебя Властитель.

Изумленный вождь воздел руки к небу.

— Но я же не сделал ничего плохого! Обычай требует, чтобы мы объезжали всех плененных женщин. Так поступают все вожди!

Анана по-прежнему мечтала отомстить за свою поруганную честь. Остановиться ли ей на кастрации или присовокупить к отрезаному члену и последний глаз вождя? Но если так требовал обычай... Возможно, он действительно не хотел причинить ей зла. За исключением глубокого отвращения, она не получила ни психического расстройства, ни венерической болезни. Беременности ей тоже не следовало опасаться.

— Ладно,— сказала Анана.— Я больше не злюсь на тебя.

Тренн поднял брови в немом вопросе — однако благоразумно воздержался от замечаний.

— Что ты можешь рассказать о своих спутниках? — продолжал допытываться шаман.— Они твои мужья? Я спрашиваю об этом по той причине, что некоторые племена при нехватке женщин разрешают им иметь по нескольку мужей.

— Нет. Эти двое — мои слуги.

Воспользовавшись возможностью, Анана решила провозгласить себя главной над своими спутниками. Уртона, конечно, будет вне себя от ярости. Но у него не будет выбора — так требовала история, которая могла спасти его жизнь. Дядя не посмеет разоблачить ее перед туземцами.

Анана вытянула руки, и Тренн, вытащив кремневый нож, разрезал кожаные путы. Она встала и велела позвать жену вождя. Тхикка подошла надменно и гордо, оттолкнув плечом Анану. Но когда муж объяснил ей ситуацию, даже сквозь грязь было заметно, как побелело лицо женщины.

— Я не хочу обижать тебя, Тхикка,— сказала Анана — Однако тебе придется отдать мне джинсы и ботинки.

Женщина не знала, что означают такие слова, поэтому пришлось перейти на язык жестов. Когда жена вождя подчинилась, Анана велела ей отнести штаны

к каналу и как следует выстирать их. Но, вспомнив о ноже, отменила приказ:

— Я сама сделаю это. Возможно, ты не знаешь, как стирать такие вещи.

Вождь созвал все племя и рассказал изумленным вендам, кем оказались их бывшие пленники. Мужчины с изумленными криками воздевали руки к небу, а женщины, распростершись ниц, молили о прощении, и Анане ничего не оставалось, как великодушно простить их.

С Уртоны и Маккея сняли веревки. Анана сообщила им, как ей удалось добиться свободы. Однако, выделив гостям трех «лосей», Тренн приставил к ним нескольких воинов — под предлогом охраны. Анана подозревала, что на этом настоял шаман.

— Мы можем убежать при первой же возможности,— сказала она дяде.— Но нам лучше остаться с ними, пока мы не найдем твой дворец. А затем — как-нибудь перехитрим туземцев. Надеюсь, поиски не затянутся. Мне бы не хотелось отвечать на вопросы, почему посланцы Властителя не могут отыскать такой большой дворец.— Она улыбнулась.— Ах, да! Вы теперь находитесь в моем подчинении, поэтому попрошу вас вести себя соответственно, как подобает моим слугам. Мне кажется, шаман не совсем поверил в мой рассказ.

Уртона обиженно надулся.

— Похоже, это выгодная сделка, мисс Анана,— кивнул Маккей.— Они перестанут издеваться над нами, мы будем ехать, а не идти. Кстати, по меньшей мере три красотки уже признались мне, что хотят от меня детей. Я вижу, у них нет предубеждений к цвету кожи. Одним словом, мне это нравится.

ГЛАВА 14

Прошел еще один «день» и еще одна «ночь». Гром и молнии не утихали. Наблюдая через ущелье за бурей на побережье, Анана не раз задавала себе вопрос, как может там сохраниться что-то живое. Однако вождь рассказал ей, что молнии валят лишь одну шестнад-

цатую часть всех деревьев, и новая поросль появляется довольно быстро, а мелкие животные пережидают ненастье в пещерах и норах, выползая оттуда только в период затишья.

Равнина кишела зверьем, и на ней не осталось места. Стада теснились друг к другу; напуганные антилопы и слоны все чаще давили хищников копытами и ногами. Воздух дрожал от криков животных и птиц. Уши закладывало от воя, рева, щебета, мычания, лая и свиста.

Берега канала возвышались над водой на десять — двенадцать футов. Местность плавно поднималась к проходу в горах, и там высота берегов достигала примерно сотни футов. Вождь приказал всем спешиться и отправил женщин с детьми на другую сторону канала. Он предчувствовал беду: в случае паники стада могли помчаться в их сторону. Женщины и дети безропотно прыгали в воду и, доплыв до противоположного берега, с трудом забирались на крутой откос.

Мужчины остались с гревиггами и теперь едва удерживали взбудораженных животных. «Лоси» мычали, вращали глазами и, скаля большие зубы, тревожно бегали по кругу. Воины нервничали не меньше животных. Они знали, что молнии не могут вырваться за пределы гор, но их тревожило то, что Властитель до сих пор не умерил свой гнев.

Анана переплыла канал вместе с женщинами и детьми. Ей не хотелось бросать своего грегга. Однако она решила не рисковать. На другую сторону перебрались лишь те животные, которым удалось подняться по крутому склону берега,— бабуины, козы, небольшие антилопы и лисицы. Зато тут хватало птиц, и, чтобы перекричать их щебет и свист, людям приходилось орать во все горло.

Уртона и Маккей сидели на своих «лосях». Им, как и остальным мужчинам, полагалось удерживать животных. Уртона не находил себе места — отнюдь не потому, что им грозила опасность погибнуть под копытами разъяренных животных. Завладев рогом, Анана могла скрыться в любую минуту. На той стороне канала остались только женщины и дети, а значит, ни-

кто не помешает ей сбежать. При других обстоятельствах дядя погнался бы за племянницей, но теперь он не одолел бы и четверти мили — все пространство от канала и до подножия гор занимали стада животных.

В воздухе витала тревога, любое незначительное происшествие обрушило бы на людей лавину из сотен тысяч копыт. Однако Анана знала, как выручить племя из беды. Еще два года назад она бы и глазом не моргнула, если бы копыта антилоп втоптали бы в грязь мужчин, женщин и детей. Но теперь, каким-то необъяснимым образом, женщина чувствовала себя ответственной за их жизни.

Сунув рог за пояс, Анана переплыла канал и вскарабкалась на берег. Выкрикивая слова в ухо вождя, она изложила свой план, не обращаясь с просьбой, а требуя, словно настоящая посланница Властителя. Если Тренн и обиделся на нее, то благоразумно решил не демонстрировать уязвленное самолюбие. Услышав приказ вождя, воины спустились с гревиггов. Возле «лосей» осталось несколько мужчин, остальные попрыгали с откоса в воду и поплыли на другую сторону.

Анана рассказала туземцам, что следует сделать, и даже помогла им рыть землю своим ножом. Кстати, вождь, сохраняя свое достоинство, не унизился до грязной работы и, бросив топор жене, приказал трудиться за двоих.

Густая трава мешала работать, ее корни переплетались глубоко под землей. Тем не менее дело быстро продвигалось. За полчаса туземцы прокопали на берегу желоб с наклоном в сорок пять градусов. Затем мужчины вернулись назад, и мусоидов заставили спуститься с крутого откоса в воду. Воины плыли рядом с животными, направляя их к пологому подъему. Гревиггам хватило ума понять, для чего нужен этот желоб. Они взбирались по нему один за другим, торопливо карабкаясь на берег. Временами «лоси» съезжали вниз по мокрому грунту, но женщины подхватывали поводья и тянули животных вверх, а мужчины подгоняли их сзади. Течение в канале было слабым, и гревиггов не сносило далеко от желоба.

А потом на другом берегу началась паника — неизвестно, по какой причине. Сквозь оглушительный гомон птиц до них донесся грохот бесчисленных копыт. Вскоре общее движение начало распадаться на отдельные потоки, большая часть животных направилась к проходу, остальные помчались к горам, которые замыкали долину с другой стороны. Около двух дней назад эти горные хребты вновь восстановили свою коническую форму.

Первым через ущелье прошло стадо слонов. Сотни гигантов все больше и больше ускоряли бег, подгоняя друг друга диким ревом. Тех, кто оказался на краю канала, сталкивали в воду, и уцелевшие при падении животные настойчиво устремлялись к морю.

За слонами скакали антилопы. Их коричневые тела, черные ноги и красные головы с длинными прямыми рогами превратились в размытые пятна. Количество парнокопытных во много раз превосходило число слонов, возможно, счет шел на тысячи. Передние ряды ворвались в проход, но тут одно из животных упало. Антилопы поскакали по нему, некоторые падали, и куча тел росла на глазах. Звери все чаще и чаще валились в канал.

Анана ожидала, что колонна свернет вправо и помчится вдоль подножия горы. Однако антилопы по-прежнему бежали в ущелье. Обезумевшие животные прыгали на упавших сородичей и пытались пробраться через оглушительно блеявшую массу. Все новые и новые жертвы подминались задними рядами, а на тех в свою очередь накатывались волны других животных.

Вода в канале бурлила от упавших зверей. Живые и полуоглушенные антилопы плыли к морю. Мертвых сносило в другом направлении. А сверху валились новые сотни тел.

Анана подбежала к вождю и крикнула ему в ухо:

— Через минуту канал заполнится телами. Звери ринутся на этот берег, и мы попадем под копыта!

Тренн кивнул, повернулся и замахал руками. Люди не слышали его криков, но прекрасно понимали жесты. Туземцы быстро прикрепили к упряжи пустые

волокуши, навалили на них шкуры и пожитки, а затем вскочили на «лосей». Гревигги сходили с ума от страха. Они брыкались, сбивая с ног людей, которые пытались удерживать их. Обычно смирные и миролюбивые, животные кусали своих хозяев за руки и лица.

А в канал падало все больше и больше зверей. К тысячам антилоп прибавились слоны, бабуины, собаки и большие кошки. Несмотря на жестокий отпор, их теснили к берегу и сбрасывали в воду. Анана увидела огромную слониху, которая пыталась взобраться на крутой склон. На ее спине распластался лев, цеплявшийся когтями за толстые складки кожи.

К реву и крикам прибавилось хлопанье крыльев. Встревоженные птицы взмыли в небо и закружили над равниной, словно серый смерч. Среди них выделялись огромные существа, которых Анана видела впервые. Они напоминали кондоров, но размах их крыльев достигал двенадцати футов. Стервятники и прочие пожиратели падали садились на трупы, плывущие по воде; их стаи покрыли месиво тел в ущелье.

Птицы еще больше напугали «лосей», и те понеслись галопом. Мужчин и женщин подбрасывало в воздух и волочило по земле. Всадники изо всех сил тянули поводья, но это не помогало. Волокуши подпрыгивали на кочках позади обезумевших животных, и убогий скарб валился на землю.

Анана взглянула на Уртону. Он что-то кричал и, натягивая поводья, мчался вперед. Маккей, отпустив своего «лося» на все четыре стороны, стоял и смотрел на нее. Очевидно, негр решил следовать ее примеру. Анана кивнула и побежала к горам. Бросив взгляд через плечо, она увидела, что Маккей ринулся следом. Возможно, дядя приказал ему не спускать с племянницы глаз. А может быть, он поверил в ее удачу и умение выходить из любых затруднений?

Неужели Маккей надеялся отобрать у нее рог? Но... тогда ему придется убить ее. Конечно, он больше и сильнее, но у Ананы имелся нож. Негр знал, как искусна она в обращении с ножом, не говоря уже о ма-

стерстве во многих видах рукопашного боя. К тому же если Маккей попытается убить ее на виду у всего племени, он дискредитирует историю о том, что они посланы Властителем. А негр, конечно, не так глуп.

Ближайшая гора на этой стороне канала располагалась лишь в миле от берега. Вокруг горы тянулся ров, глубина которого местами доходила до трехсот, а ширина — до шестисот пятидесяти футов.

Анана остановилась на краю ложбины и посмотрела через плечо. Через пять минут к ней присоединился Маккей. Ему потребовалось несколько минут, чтобы отдышаться.

— Это прямо беда какая-то, правда?

Анана молча кивнула. Она редко обсуждала очевидные вещи.

— Почему ты побежал за мной?

— Потому что у тебя рог, а ведь только с ним можно выбраться из этого проклятого места. И потом я знаю, что если кто и выживет, так это ты. Так что я решил держаться к тебе поближе.

— Неужели ты охладел к своему хозяину?

Он криво усмехнулся:

— С некоторых пор Уртона не платит мне деньги. И, похоже, не собирается это делать. Босс сулит золотые горы, но я-то знаю, что, вырвавшись из этого мира, он тут же постарается отделаться от меня.

Анана задумалась. Доверять наемному убийце глупо, но его помощь могла пригодиться.

— Я ничего не хочу обещать тебе,— наконец сказала она.— Но если это будет в моих силах, я верну тебя на Землю, Маккей. Возможно, ты сам захочешь остаться в другом мире. Например, в Многоярусном мире Кикахи.

— Мне подойдет любая планета, лишь бы она оказалась лучше этой.

— Не торопись с выбором, пока не увидишь лучшее. Тем не менее, даю слово, что позабочусь о тебе. Однако до поры до времени ты должен притвориться, что верно служишь моему дяде.

— И рассказывать тебе о его планах и прочем?

— Конечно!

Может быть, он и не обманывал ее. Но не исключено, что Маккей ведет себя так по указке Уртоны.

К тому времени к ним присоединилась большая группа туземцев. Остальные — в основном мужчины — пытались поймать убежавших «лосей». Несколько человек погибло; многие получили ранения.

Животные на другой стороне канала успокоились. Те, кому посчастливилось уцелеть, рассеялись на широкой равнине. Места теперь хватало всем. Анана пошла к каналу, племя последовало за ней. Кто-то радовался небывалому количеству мяса; кто-то сожалел о том, что всего этого не съесть за два дня — потом мясо испортится и станет горьким. Анана удивилась их внезапной разборчивости. Раньше они не были такими щепетильными и даже не пренебрегали трупами трехдневной давности.

На полпути к каналу Маккей остановился и сказал:

— Сюда едет вождь.

Анана взглянула в сторону горного прохода. По склону спускался Тренн, его «лось» боялся возвращаться в долину, но вождь следил за животным. Анана с удивлением заметила, что черные тяжелые тучи над побережьем начали расходиться. Гром затихал, и молнии уже не полосовали небо.

Через минуту показались еще несколько всадников, их «лоси» устало бежали трусцой. Когда воины приблизились, Анана узнала среди них Уртону. Увидев ее, он пустил своего грегга в галоп. Приблизившись, Владыка поднял на дыбы покрытое пеной животное, а затем быстро спрыгнул на землю. Животное упало на колени и затем повалилось на бок.

На лице дяди застыло странное выражение: он побледнел, его зеленые глаза расширились.

— Анана! Анана! — закричал он.— Я видел его! Я видел его!

— Что ты видел? — спросила она.

Уртона дрожал от возбуждения.

— Мой дворец! Он там, на море! И он удаляется от берега!

ГЛАВА 15

— Как быстро он движется? — спросила Анана.

— В автоматическом режиме его скорость равна километру в час.

— Я понимаю, что прошло много времени. Но, возможно, ты знаешь, куда он направляется?

Владыка пожал плечами. Ситуация казалась безнадежной, и время работало против них. При наличии инструментов они могли бы построить лодку, но даже тогда им вряд ли удалось бы догнать дворец. Хотя не исключено, что он кружил по морю, каждый раз возвращаясь на одно и то же место.

— Нам повезло, что дворец оказался здесь,— сказал Уртона.— Тем не менее он может покинуть море, вылетев через один из проходов. Этот не подходит по ширине, но здесь много других ущелий.

Анана не доверяла объяснениям дяди. Прежде он утверждал, что дворец имел устройства, влиявшие на мутацию ландшафта, то есть мог расширить любую расщелину до нужных размеров. Но с другой стороны, если бы Уртона знал, что дворец пройдет через этот проход, он не стал бы говорить племяннице о том, что видел его.

Итак, на этот раз они упустили шанс догнать дворец. Усилием воли Анана осовободилась от бесплодных сожалений, однако Уртона был взвинчен до предела и беспрерывно говорил о дворце. Чтобы еще больше раззадорить дядю, Анана, как бы размышляя, произнесла:

— А вдруг Орк находился в это время на берегу? Он мог пробраться в твою обитель. Представляешь? Мы сидим здесь, а он уже проходит через врата в какой-то другой мир.

Светлая кожа Уртоны стала еще белее.

— Нет! Это просто невозможно! Во-первых, он не посмел бы выйти к побережью во время бури. Во-вторых, он просто не догнал бы дворец. Ему бы пришлось плыть за ним через все море. А в-третьих, он не знает кодового слова, которое открывает двери моей крепости.

Анана расхохоталась. Владыка сдвинул брови:

— Ты сказала это, чтобы расстроить меня?

— Да, ты угадал. Но теперь, немного подумав, я убеждена, что Орк мог пробраться во дворец. Он отчаянный парень и вряд ли испугался бы молний.

В разговор вмешался Маккей:

— Не зная, что дворец находится там, Орк не стал бы рисковать. А увидеть его можно, только находясь на побережье. С чего парню совать туда нос в такую грозу!

— Орк мог заметить его через ущелье,— отозвалась Анана.

Сама она не верила в это, но в принципе такая возможность существовала. Оставив дядю наедине с Маккеем, Анана отошла в сторону и погрузилась в размышления. Действительно, Рыжий Орк мог попасть во дворец. Итак, ее стремление подразнить Уртону привело к обратному результату: теперь уже тревожилась она.

Через несколько минут буря затихла. Гром перестал греметь, и тучи исчезли, словно их всосало в гигантский пылесос. Шаман и вождь, о чем-то переговорив друг с другом, подошли к Анане.

— Посланница Властителя, у нас появились вопросы,— сказал Тренн.— Мы хотим знать, не возобновится ли его гнев? Можем ли мы отправляться в страну прибрежных земель?

Анане не стоило демонстрировать им свою неуверенность. Ситуация требовала от нее осведомленности в планах Властителя, а любая ошибка могла привести к утрате доверия.

— Гнев Властителя прекратился,— сказала женщина.— Не стоит бояться ни молнии, ни грома.

Если буря возобновится, ей придется бежать.

Однако племя тронулось в путь не сразу. Туземцы ловили разбежавшихся «лосей», собирали разбросанные пожитки, а затем провожали на небесные равнины погибших сородичей. Лишь через два часа караван направился к ущелью, и спустя некоторое время Анана вновь увидела обычные деревья. Ее сердце напол-

нилось радостью. Лес и море предлагали ей два возможных пути для бегства.

Венды спустились по длинному пологому склону, который заканчивался песчаным пляжем, а затем караван под предводительством Тренна повернул влево. Нарго объяснил Анане, что через к вечеру они должны были добраться до места назначения. Их стойбище находилось неподалеку от берега моря.

— А вы не боитесь встретить здесь другие племена? — спросила Анана.

— Они пойдут по берегу моря к своим стойбищам.

— Вы нападаете на них, когда они проходят мимо вашего поселения?

— Только в том случае, если у нас есть численное превосходство.

Еще несколько вопросов — и ей стали известны местные правила войны. Обычно племена избегали открытых и затяжных сражений. Боевые действия ограничивались набегами храбрецов-одиночек или небольших групп по три-пять человек. Вылазки совершались в темный период суток, и в них принимали участие в основном молодые мужчины и женщины. Одобрение и слава доставались тому, кто убивал вражеского воина, но величайшим героем считался тот, кому удавалось выкрасть ребенка и принести его в свое племя для усыновления. Кстати, сам Нарго тоже оказался усыновленным — его похитили, едва он начал ходить. Нарго ничего не помнил о своем детстве в другом племени, но иногда ему снились кошмары, в которых его вырывали из объятий женщины без лица.

Караван приблизился к месту, которое, на взгляд Ананы, ничем не отличалось от любого другого на этом побережье. Однако туземцы, узнав свои владения, громко завопили от радости. Еще четверть часа они шли через лес и вскоре оказались у подножья холма, который главенствовал над окружающей территорией. На его склонах и вершине лежали бревна — это все, что осталось от прошлогодней ограды.

На восстанавление укреплений ушло несколько дней. Между тем мужчины ловили рыбу, женщины и дети

собирали орехи, ягоды и фрукты. Люди отъедались и отсыпались после долгого путешествия. Анана тоже начала набирать вес и в конце концов почувствовала, что утраченные силы вернулись к ней. Однако она совершенно потеряла покой.

Уртона тоже не находил себе места; Анана часто видела, как он о чем-то оживленно разговаривал с Маккеем. Она догадывалась о теме их бесед, и негр, докладывая ей о планах Владыки, лишь подтверждал ее предположения.

— Твой дядя решил сбежать отсюда при первой возможности. Но он не хочет уходить без рога.

— Он собирается забрать его у меня сейчас или когда мы найдем дворец?

— Уртона говорит, что у нас будет больше шансов на успех, если ты пойдешь с нами. Но он знает, как ты хитра, и боится, что тебе удастся обмануть его, когда мы найдем дворец. Уртона еще не принял окончательного решения. Однако он хочет покинуть племя как можно быстрее — ведь с каждой минутой дворец улетает все дальше.

Маккей замолчал. Вид у него был такой, словно он что-то жевал, не зная, выплюнуть это или проглотить. Через минуту на его лице появилась улыбка.

— Мне надо кое-что тебе рассказать.— Он замолчал и потер подбородок, затем продожил: — Помнишь, Уртона говорил тебе и Кикахе, что ваши друзья — я имею в виду Вольфа и Хрисеиду — тоже попали в этот мир? Так вот, он вам лгал. Им удалось бежать. И сейчас они находятся где-то на Земле.

Анана задумалась. Никто его не заставлял рассказывать эти новости. Почему же он это сделал? Возможно, Маккей хотел доказать ей, что ищет ее расположения. А если негр просто выполнял указание дяди? В принципе, Уртона мог из всего извлечь выгоду. В любом случае не стоит полностью доверять Маккею.

Анана вздохнула. Все Владыки, включая ее, страдали своеобразной паранойей и часто не могли отличить реальность от надуманных историй. Их недо-

верие к окружающим превращалось в психический недуг.

Покосившись на Маккея, она пожала плечами, всем своим видом показывая, что поверила в искренние намерения негра. Выглянув из-за большого дерева, за которым они сидели, Анана тихо шепнула:

— Сюда идет мой дядя, наверное, он разыскивает нас. Если Уртона увидит тебя со мной, это вызовет у него подозрения. Тебе лучше уйти.

Маккей метнулся в кусты.

— Привет, дядя,— поздоровалась Анана.— Почему ты не пошел ловить рыбу? Тебя же просил об этом вождь.

— Я заявил ему, что мне сегодня нельзя ловить рыбу. Дикарь побоялся настаивать, поскольку считает меня одним из посланников Властителя. Хотя, конечно, мой отказ ему не понравился. А где Маккей? Я ищу вас уже целый час.

Анана молча пожала плечами.

— Ладно, обойдемся и без него.— Уртона присел рядом с ней на корточки.— С этими дикарями мы потеряли много времени. Нам надо бежать! Бежать при первой же возможности!

— Нам? — уточнила она, удивленно поднимая брови.— Ты думаешь, я с тобой куда-нибудь пойду?

Уртона начал сердиться.

— Неужели ты хочешь провести здесь остаток своей жизни?

— Конечно, нет. Но сначала мне надо выяснить судьбу Кикахи.

— Неужели этот леблаббий так много значит для тебя?

— Да. Только не надо ухмыляться по этому поводу. Если бы ты когда-нибудь испытывал любовь, тебе бы и в голову не пришло задавать такие вопросы.

Он взглянул на нее с недоверием.

— Так ты останешься здесь?

— Я задержусь — на время. Если Кикаха жив, он скоро здесь появится. Я подожду еще несколько дней, а потом отправлюсь искать его кости.

Уртона, закусив нижнюю губу, смотрел на нее.

— Значит, ты не пойдешь с нами? — спросил он.

Анана промолчала, но Владыка понял ее без слов. Говорить было больше не о чем, и Уртона поднялся.

— А ты не расскажешь вождю о том, что мы готовим побег?

— Не вижу в этом особого удовольствия для себя,— ответила она.— Вот только как мне объяснить племени ваш уход? Они считают вас посланцами Властителя, которые прибыли к вендам с особой миссией. Что же я скажу им после вашего трусливого побега?

Ее дядя снова прикусил губу — старая привычка, которой не меньше десяти тысяч лет. Наконец его лицо озарилось улыбкой — Владыка нашел выход:

— Скажешь, что Маккей и я отбыли с секретным поручением, цель которого ты не можешь раскрыть, поскольку это указание Властителя. Представляешь, нам даже не придется бежать. Мы уйдем среди бела дня, и они не осмелятся нам помешать.

— План хороший,— согласилась Анана.— Но... зачем мне все это? Я знаю, что ты сделаешь, если найдешь свой дворец — прилетишь сюда и расправишься со мной. У тебя там есть несколько флаеров, наверняка оснащенных прекрасным оружием.

Она попала в точку, и Уртона понял, что притворство ему не поможет.

— Поступай, как знаешь,— сказал он.— Так или иначе, я уйду от этих дикарей. Ты не посмеешь предупредить вождя о побеге, потому что тогда выплывет наружу твоя ложь. А месть за поруганную веру обычно бывает самой жестокой.

— Я не скажу ни слова,— заверила его Анана.— Но вот это,— она подняла рог,— ты не получишь.

Уртона, сощурившись, поджал губы. Он не уйдет без Шамбаримена, так как охотился за необыкновенным инструментом по двум причинам, одна из которых была известна Анане. О второй оставалось только догадываться.

Ни один Владыка не упустил бы случая завладеть ключом, который мог открыть любые врата вселен-

ной. К тому же с помощью рога Уртона мог попасть во дворец из каких-то особых мест на этой планете. Вполне возможно, что врата располагались в огромных камнях, которые встречались на склонах гор. На пути к побережью Анана испробовала инструмент на четырех больших валунах, но ни в одном из них врат не оказалось. Однако они могли находиться в других камнях.

Если ее догадка верна, Владыка тем более не уйдет без рога. Он побоится, что племянница найдет врата и проберется в его дворец.

Анана надеялась, что Уртона сообщит Маккею о дне побега. Что касается деталей плана, то здесь не было никаких сомнений: когда она заснет, дядя попытается убить ее и забрать рог. Но предупредит ли ее негр? В который раз Анана мысленно задала себе вопрос: можно ли доверять наемнику, а вслух произнесла:

— Я пойду с вами. Так у меня будет больше шансов найти Кикаху. Мне надоело здесь.

Он даже не стал делать вид, что обрадовался ее словам. Уртона почувствовал западню. Даже будь Анана искренней, он все равно заподозрил бы неладное.

На красивом лице Уртоны появилась улыбка. Обе стороны просчитывали партию на много шагов вперед, и поединки порою напоминали религиозный обряд.

— Мы сделаем это сегодня ночью,— сказала Анана.

Уртона молча кивнул, соглашаясь, и отправился на поиски Маккея. Через пару минут Владыка встретил его у тропы. Негр не случайно оказался неподалеку — он следил за ними и ждал сигнала Ананы. Беседа не была продолжительной, через четверть часа они отправились на берег ловить рыбу. Анана поспешила в лес — собирать орехи и ягоды. Вернувшись с двумя полными корзинами, она оставила их под своим навесом, а затем незаметно перетащила туда три кожаных меха для воды. Все остальное женщина решила раздобыть под покровом «ночи».

Вечером венды устроили праздник. Шаман обращался к Властителю с молитвами о процветании. Все

по очереди вспоминали истории о героях прошлых дней. Ближе к «ночи», набив животы, люди начали расходиться. На страже остались четверо дозорных: один — на вершине дерева у самого моря; второй — на небольшом возвышении — своеобразной смотровой площадке — в центре стойбища; и еще двое воинов отправились охранять тропу на холм.

Уртона, Маккей и Анана объедаться не стали, а унесли угощение под свои навесы. Там они наполнили кожаные мешки копченой рыбой, мясом антилопы, фруктами и орехами. Воду в пустые мехи можно было набрать по пути.

Когда над станом повисла тишина, Анана выползла из-под шаткого навеса. Сквозь приглушенный храп людей доносились крики ночных птиц и далекое львиное рычание. Взглянув на возвышение, она не заметила там фигуры дозорного. Женщина осторожно приблизилась к «смотровой площадке» и увидела, что мужчина крепко спит, лежа на спине. Очевидно, он решил прилечь на минутку и, незаметно для самого себя, заснул. А ведь ему полагалось стоять и осматривать окружающий лес, пока его не сменят.

Спустя некоторое время к ней присоединились Уртона и Маккей; трое беглецов отправились в загон, где стояли «лоси», и без лишнего шума оседлали трех животных, приторочив к седлам провизию в кожаных мешках и мехи для воды.

— Я хочу забрать свой топор,— шепнула Анана Уртоне.

Тот недовольно сморщился, но кивнул. Они уже обсуждали этот вопрос, и Владыка считал, что о топоре лучше забыть.

Пока мужчины вели животных к воротам, Анана прокралась к большому навесу вождя. Там было темно, как в угольной шахте, но громкий храп Тренна, его жены и сына позволял ориентироваться без отсутствия света. Анана поползла на четвереньках в дальний угол, наткнулась на женщину, а потом почувствовала под рукой волосатую ногу вождя. Она отшатнулась и стала ощупывать траву рядом с телом; спустя

несколько секунд ее пальцы коснулись холодного железа.

Анана выползла из-под навеса, сжимая в руке метательный топор. В какой-то миг ей хотелось убить Тренна и отомстить за надругательство над собой, однако она подавила это желание. Его предсмертный хрип мог разбудить соплеменников. Кроме того, Анана обещала ему и себе не держать в сердце зла. И все же обида терзала ее.

Ворота были сделаны из заостренных жердей, к которым крепились тонкие планки. Для соединения с бревенчатой стеной использовались многочисленные кожаные ремни; несколько толстых полосок кожи служили замком. Анана развязала их, и двое мужчин тихо отворили ворота.

Пока удача сопутствовала беглецам, и их еще никто не заметил. Однако дозорный мог проснуться в любую минуту. С другой стороны, он мог проспать на смотровой площадке всю ночь. Каждый туземец оценивал время по внутреннему хронометру; посчитав свой долг исполненным, дозорный обычно спускался на землю и будил человека, которому полагалось его менять.

Когда «лоси», фыркая — наверное, они возмущались, что их разбудили посреди ночи,— прошли через ворота, беглецы бесшумно закрыли створки и вновь связали ремни замка. Потом Анана, Маккей и Уртона вскочили в седла и медленно поехали вниз по склону. Всадники остановились за сотню ярдов от того места, где, как они знали, находился первый часовой. Анана спешилась и нырнула в кусты. Прокравшись вдоль тропы, она с трудом разглядела под деревом сидящего юношу, с его губ срывался тихий храп. Удар обухом — и дозорный упал на бок, а храп его стал намного громче. Анана вернулась назад, сообщила спутникам, что можно продолжать путь. Поравнявшись с юношей, Уртона хотел перерезать ему горло. Однако Анана сказала, что в этом нет необходимости, поскольку тот потерял сознание надолго.

Второй дозорный, отгоняя сон, лениво прохаживался вдоль тропы. Он спускался с холма на пятьдесят

шагов, разворачивался и вновь взбирался по откосу, напевая себе под нос какую-то песню.

В ночной тишине его крик могли услышать другие туземцы. Поэтому Анана решила убрать дозорного точно таким же способом. Она выждала момент, когда воин повернулся к ней спиной, подбежала к нему и оглушила обухом топора. Путь к морю был свободен.

Увидев светлую полоску белого песчаного пляжа, беглецы становились. Последний дозорный сидел на вершине гигантского дерева, которое возвышалось на краю леса.

— Нам не добраться до него,— заметила Анана.— Пусть кричит, сколько хочет — некому передать дальше его сообщения.

Они двинулись вперед, однако окрика не последовало: часовой либо задремал, либо принял их за авангард другого племени, которое спешило добраться до своего стойбища. Впрочем, если даже туземец и узнал посланцев Властителя, осмелился бы он задавать им вопросы?

Проехав около мили, они остановились, наполнили мехи водой и продолжили бег. Правда, неторопливую рысь «лосей» едва ли можно было назвать бегом. Зато всадники могли спокойно погрузиться в размышления, чем, собственно, каждый из них и занялся.

Анана считала, что венды им больше не опасны. К тому времени, когда один из оглушенных часовых придет в себя и поднимет тревогу, беглецы будут уже далеко. Угроза теперь исходила только от Уртоны и Маккея. Дядя не задумываясь убьет ее, чтобы завладеть рогом. Но пока они не найдут дворец, она может не беспокоиться. Без нее Владыке не выжить в этих местах.

«Рассвет» окрасил небо бледными полосами. Всадники перешли на легкий галоп и останавливались только для того, чтобы справить нужду, попить воды и напоить животных. С наступлением «сумерек» они въехали в лес, нашли ложбину, окруженную деревьями, и проспали там большую часть «ночи». Анана несколько раз просыпалась от воя собак и рыка огромных кошек. Однако хищники не осмелились подойти к лю-

дям слишком близко. На «рассвете» отряд двинулся дальше. В «полдень» они выехали на пологий склон, который вел к проходу в горах.

Подстегнув «лося», Анана обогнала спутников на дюжину ярдов и резко развернула животное им навстречу, сжимая левой рукой рукоятку ножа. Если бы понадобилось, она могла бросить поводья и выхватить топор. Анана умела метать оружие обеими руками, и ее не смущали копья и тяжелые боевые бумеранги, торчавшие из-за поясов Уртоны и Маккея.

— Давайте прощаться,— сказала она.— Я собираюсь перебраться через ущелье и осмотреть долину. Мне надо найти Кикаху.

Уртона открыл рот, словно хотел возразить, но потом с улыбкой покачал головой:

— Сомневаюсь, что тебе это удастся. Взгляни-ка туда,— и указал рукой на склон горы.

Анана не собиралась поддаваться на эту уловку. Возможно, он пытался отвлечь племянницу, чтобы затем напасть. И все же, заметив, как расширились глаза Маккея, она сделала вывод, что дядя действительно увидел что-то достойное внимания. А если они сговорились заранее? Если Маккей только притворяется?

Она еще раз развернула «лося» и взглянула в сторону горного прохода.

По пологому склону до самого моря тянулась широкая полоса рыжевато-красной травы. Она напоминала тропу, но являлась природным образованием. И теперь на ее фоне четко выделялись крошечные фигурки всадников, выезжавших из ущелья. За верховыми воинами следовали женщины, дети и множество гужевых животных.

На побережье спускалось еще одно племя.

ГЛАВА 16

— Скрываемся! — крикнул Маккей.

— Еще успеем,— Анана пожала плечами.— Я хочу посмотреть, нет ли среди них Кикахи. Возможно, они захватили его в плен.

Закусив губу, Уртона взглянул на негра, потом на племянницу. Но, судя по всему, он решил, что сейчас не время расправиться с ней.

— Хорошо,— кивнул Уртона.— Что ты собираешься делать? Поедешь к ним и скажешь, что должна проверить их повозки?

— Незачем иронизировать, дядя,— ответила Анана.— Мы спрячемся в лесу и понаблюдаем за ними.

Она направила «лося» к деревьям, ее спутники поскакали за ней. Подъехав к холму, откуда открывался вид на тропу, Анана остановилась. Уртона хотел было присоединиться к племяннице, но она жестом велела ему сохранять дистанцию. Он усмехнулся и остановил «лося» на склоне — чуть ниже ее. Маккей расположился рядом с ним. Какое-то время все трое сидели в седлах. Но потом, устав от долгого ожидания, Анана спешилась, мужчины сделали то же самое

— Они будут здесь только через час,— сказал Уртона.— А что, если эти дикари повернут направо? Тогда мы окажемся между вендами и этим племенем. Нас ждет незавидная участь.

— Если Кикахи среди них не окажется, я подожду, когда они проедут мимо, потом отправлюсь на равнину по ту сторону гор и попробую его отыскать. Ваши намерения меня не волнуют. Можете уезжать хоть сейчас.

Маккей усмехнулся, Владыка буркнул себе что-то под нос. Все трое понимали, что, пока рог у Ананы, они неразлучны.

«Лоси» жадно хватали зубами кусты и побеги деревьев, набивая пустые громко урчавшие желудки. Над животными и людьми роились большие зеленые мухи. Их было не так много, как на равнине, но назойливые насекомые за считанные минуты довели Анану и ее спутников до белого каления. Они крутили головами, пожимали плечами, отмахивались — словом, находились в непрерывном движении.

Внезапно стайка пичуг освободила их от этой напасти. Белогрудые птички с голубым оперением и широкими, почти утиными клювами закружили вокруг, хватая насекомых на лету. Во время фантастических

пируэтов и виражей они чудом не сталкивались с людьми и животными. Несколько раз их крылья касались лица Ананы. Через пару минут уцелевшие мухи куда-то умчались.

— Хорошо, что я придумал этих птиц,— проворчал Уртона.— Но если бы я знал, что окажусь в такой ситуации, мне бы и в голову не пришло создавать насекомых.

— Повелитель мух,— хихикнула Анана.— И имя тебе Веельзебуб.

— Ты это о чем? — с удивлением спросил Уртона. Через мгновение его лицо скривила усмешка.— Да-да, теперь я вспомнил.

Анана сначала намеревалась залезть на дерево, откуда тропа просматривалась как на ладони. Однако ей не хотелось подвергать себя опасности. Уртона мог забрать ее «лося», и она осталась бы без средства передвижения. К тому же, спускаясь вниз, она оказалась бы более чем уязвимой, и ее дядя наверняка не упустил бы возможность расправиться с ней.

Наконец на тропе появилась первая группа всадников. Анана так надеялась увидеть Кикаху, что с трудом владела собой. Она пристально рассматривала лица смуглых мужчин в головных уборах из ярких перьев — широкие, с резко очерченными скулами, крупными крючковатыми носами и узкими глазами. Оружием и одеждой они ничем не отличались от вендов. На груди каждого воина болтались ожерелья — два ряда верхних фаланг человеческих пальцев. Один из всадников — очевидно, вождь — держал поднятый шест с насаженным на него львиным черепом.

Воины проскакали мимо, и за ними, в сопровождении вооруженной охраны, тянулся караван. Женщины и дети погоняли гужевых «лосей», которые тащили тяжелые волокуши. Единственной их одеждой были длинные кожаные юбки. Юные красавицы предпочитали высокие прически из гладких черных волос, в качестве украшений — ожерелья из раковин. У некоторых женщин постарше в корзинах, привязанных к спинам, сидели маленькие дети.

Внезапно Анана тихо вскрикнула, заметив светлокожего ярко-рыжего мужчину, который ехал на «лосе».

— Это не Кикаха! — успокоил Анану Уртона.— Они взяли в плен Рыжего Орка!

Разочарование было столь сильным, что Анана едва удержалась на ногах и не упала в обморок. Увидев расстроенное лицо племянницы, Уртона с удовлетворением захихикал. «Убью этого мерзавца, обожающего наблюдать за страданиями других людей, при первой же возможности»,— подумала Анана, однако через минуту упрекнула себя за столь эмоциональный порыв. Она нуждалась в дяде точно так же, как он нуждался в ней. И все же Анана надеялась, что недалек тот день, когда его общество не будет столь необходимым.

— Успокойся, милая,— сказал Уртона.— Это всего лишь мой брат и твой дядя в собственном соку. Что-то у него не слишком радостный вид. Как ты думаешь, что с ним сделают дикари? Наверное, будут пытать. Я бы с радостью посмотрел на это зрелище.

— Он не связан! — воскликнул Маккей.— Возможно, его, как и нас, приняли в племя.

Уртона пожал плечами:

— Жаль, конечно, что спектакль не состоится, но... что поделать! В любом случае ему не позавидуешь. Не исключено, что он проведет среди этих дикарей всю оставшуюся жизнь. Ага! Мне начинает нравиться такое наказание — боль не очень сильна, зато ей нет конца.

— Теперь мы знаем, что Кикахи с ними нет,— продолжал негр.— Что будем делать дальше?

— Мы еще не видели их всех,— ответила Анана.

— Вряд ли одному племени удалось схватить их обоих,— нетерпеливо отозвался Уртона.— Нам надо спешить, Анана. Если мы срежем угол через лес, то оставим их далеко позади.

— Я подожду,— она покачала головой.

Возмущенно фыркнув, Владыка плюнул на землю

— Меня тошнит от твоей болезненной страсти к леблаббиям.

Анана не стала отвечать на оскорбление. Однако вскоре караван проехал мимо, и она печально вздохнула.

— Теперь ты готова идти? — с усмешкой спросил Уртона. Она кивнула и, помолчав, задумчивым тоном добавила:

— А ведь Орк может знать, где искать Кикаху...

— Что? Не хочешь же ты сказать... Анана, не сходи с ума!

— Я собираюсь пойти за ними и освободить Орка.

— Только из-за того, что он может что-то знать о твоем чертовом леблаббии?

— Да!

Покрасневшее лицо Уртоны исказила презрительная гримаса. Анана догадывалась, что помимо крушения надежд он испытывал сейчас отвращение. Владыка не понимал ее чувств. Как можно любить обычного землянина — потомка существ, выращенных в лабораториях? То, что племянница связалась с таким ничтожеством, как Кикаха, наполняло его сердце отвращением. Уртону не пугал отказ Ананы следовать за ним, и он не боялся неожиданной атаки племянницы. Неужели и его, Владыку, может совратить какая-то смазливая леблаббия? — эта мысль внушала ему ужас и страх, он боялся самого себя.

Тем не менее, какие бы чувства ни бушевали в груди ее дяди, он, видимо, совсем лишился рассудка. Его лицо напоминало багровую маску, в глазах появилось что-то хищное. Взревев, он бросился на женщину, сжимая древко копья с отточенным кремневым наконечником.

Уртону отделяло от племянницы десять шагов. Но он упал, не одолев и полпути. Копье выпало из рук, Владыка повалился спиной в густую траву. Из его живота торчала рукоятка топора.

В тот же миг Анана выхватила нож. Маккей застыл на месте, неуклюже переминаясь с ноги на ногу. Она по-прежнему не могла понять, на чьей же он стороне. Судя по всему, чернокожего мужчину потрясла не столько сама стычка, сколько та быстрота, с которой

она началась и закончилась. На чьей бы стороне ни находились симпатии Маккея, теперь его жизнь целиком зависела от Ананы. Конечно, он мог бы найти дворец и без ее помощи. Но ему не удалось бы пробраться внутрь, и даже чудом попав туда, он все равно остался бы на этой планете, потому что не знал, как активировать врата. Увидев испуг на его лице, Анана поняла, что негр над этим еще не задумывался, Маккея интересовало только одно — убьет она его или сохранит ему жизнь.

— Полагаю, мы с тобой заодно,— сказала она.— Во всяком случае, цель у нас одна и та же.

Анана подошла к дяде и вырвала топор из его груди. Лезвие вошло неглубоко, и из раны потекла кровь. Рот Уртоны открылся, глаза остекленели, кожа стала бледно-серой. Однако он еще дышал.

— Конец долгих и неприятных отношений,— констатировала Анана, вытирая лезвие о траву — И все же...

— Что? — шепотом спросил Маккей.

— В детстве я очень любила его. Тогда он был совсем другим — добрым и милым. Что говорить — мы все тогда были другими. Кто знал, что долголетие, солипсизм и скука превратят нас в душных чудовищ. Мы обладали такими возможностями, которых вы, земляне, даже представить себе не можете...

Женщина замолчала, погружаясь в невообразимо далекое прошлое. Маккей по-прежнему старался не делать лишних движений.

— А что будет с ним? — спросил он, указывая на неподвижную фигуру.

Анана посмотрела вниз. Рой мух кружил над Уртоной, покрывая его рану зеленой жужжащей массой. Через какое-то время запах свежей крови привлечет сюда хищников, и ее дядю растерзают на части. Возможно, еще живого.

Ей вспомнились вечера на их родной планете, когда Уртона подбрасывал ее в воздух, целовал в пухлые щечки или дарил подарки. В те дни он только приступал к созданию своего первого мира. И вот Владыку

нескольких вселенных постиг такой жалкий конец... Он лежал на спине, его кровью питались насекомые, а где-то рядом уже крутилась стая собак, готовых вонзить в умиравшую плоть клыки и когти.

— Может быть, лучше прекратить его страдания? — тихо спросил Маккей.

— Пока он жив, у него есть надежда,— Анана покачала головой.— И у меня нет желания резать ему горло. Я оставлю рядом с ним оружие и «лося». Если у него хватит воли и сил, он сможет воспользоваться ими. Возможно, я потом пожалею об этом, но сейчас...

— Он мне тоже не нравится... И все же, мне кажется, нехорошо подвергать его таким мучениям.

— И это говорит человек, убивавший людей за деньги? — удивленно подняла брови Анана.— Скольких ты погубил, чтобы получить свое вознаграждение?

Маккей покачал головой:

— Все это осталось в прошлом. На Земле у жизни другая цена. Но даже там я не находил смысла в жестокости.

— Мы — люди, и нами управляют эмоции, а не разум,— подвела итог Анана.— Поехали. Нам пора.

Женщина намеренно прошла достаточно близко от Маккея. Она сомневалась, что он нападет на нее, и негр действительно отступил на шаг, словно боялся ненароком прикоснуться к Владыке.

* * *

Они направились к побережью и, срезав угол, обогнали караван на целую милю. Анана ни разу не оглянулась. «Лоси» фыркали и раздували бока. Долгий путь без сна и пищи лишил их сил.

Спешившись, Маккей и Анана напоили животных и позволили им общипать несколько кустов.

С наступлением «сумерек» племя выехало на морской пляж. Люди с радостными криками вбегали в волны, ныряли, плескались и веселились. Потом мужчины начали ловить копьями рыбу, а чуть позже туземцы устроили большой пир.

Когда наступила «ночь», дикари расположились в лесу неподалеку от того места, где спрятались Анана и Маккей (те предусмотрительно отошли подальше в чащу). Увидев, что туземцы укладываются спать, Анана немного успокоилась. Вряд ли племя стало бы разбивать здесь постоянный лагерь, но до «рассвета» их караван будет оставаться под защитой леса. Берег моря таил в ночное время большую угрозу — там могли проходить другие племена.

По-прежнему сомневаясь в добрых намерениях своего спутника, Анана выбрала для сна такое место, где бы ее никто не обнаружил. Вернее, Маккей мог бы — при большом желании — найти свою спутницу, но тогда ему пришлось бы залезть на дерево, так как женщина, срубив несколько ветвей, уложила их на два больших сука и устроила себе уютное гнездышко.

Однако поспать спокойно ей не удалось. Анану пугали крики животных и птиц. Дважды она просыпалась в холодном поту от кошмаров. Сначала ей приснился дядя, голый и истекающий кровью, он протягивал к ее горлу скрюченные пальцы, а из раны на его груди вылетали большие зеленые мухи.

А потом ей приснился Кикаха. Оказавшись рядом с затопленной низиной, Анана увидела его побелевший труп. Зарыдав, она склонилась над ним, и Кикаха открыл глаза. Он скорчил уморительную гримасу, а затем вскочил на ноги с криком: «Пошутил! Пошутил!» и бросился бежать. Она бросилась за ним, умоляя остановиться. Потом они мчались на коне, но вороной жеребец под ними не скакал, а прыгал, как кенгуру. Анана даже проснулась от того, что двигала бедрами вперед и назад. Какая жалость, что это только сон, а не явь.

Маккей спал там, где она его оставила. Стреноженные «лоси» объели все кусты на поляне. Анана склонилась над негром и коснулась его плеча. Он вздрогнул и открыл глаза.

— Никогда больше не делай этого!

— Ладно, не буду. Сейчас мы позавтракаем, а потом подойдем к туземцам поближе. Ты не слышал ка-

ких-нибудь криков или голосов? Возможно, они уже проснулись.

— Когда я сплю, то ничего не слышу,— угрюмо ответил Маккей.

Осторожно подкравшись к большой поляне, на которой вчера располагался лагерь, они нашли лишь кал «лосей» да обглоданные кости. Оба всадника поспешили к морю и увидели, как удаляются от них крохотные фигурки последних рядов каравана.

Анана и Маккей поскакали следом. Через некоторое время путь им преградила река, вытекавшая из моря. Она тянулась к горному ущелью, и над водой, все выше и выше вздымались крутые берега.

Анана и Маккей подогнали «лосей» к реке и переправились через нее. Женщина оглядела пологий склон горы.

— Я хочу подняться к ущелью и осмотреть равнину. Может быть, он там.

— Скорее всего, он уже где-то на побережье,— отозвался Маккей.

— Не знаю, но мне почему-то хочется подняться туда.

Анана направила «лося» вверх по склону и, проехав полпути, посмотрела назад. Маккей оставался на месте. Когда она оглянулась во второй раз, негр уже медленно следовал за ней.

Оказавшись наверху, Анана остановила «лося» и осмотрела равнину. Ландшафт значительно изменился. Канал по-прежнему окружали относительно плоские участки земли, но через сто футов от каждого берега они резко обрывались вниз. Вдоль краев равнины громоздились горы всех размеров и форм. Одна из грибовидных вершин начала крошиться, и по крутому склону покатились огромные глыбы.

Внизу, вдоль канала бежали несколько антилоп. Когда с грибовидной горы начали срываться комья земли, они помчались изо всех сил, но последним двум животным не повезло.

Не в силах отвести взгляда от этого мрачного пейзажа, Анана тихо позвала:

— Кикаха, милый!

Она по-прежнему не могла поверить в его смерть.

Развернув «лося», Анана махнула Маккею рукой, чтобы он остановился. Ее спутник так и сделал, и она поскакала к нему. Внезапно земля задрожала, и животное замерло на месте как вкопанное. Несмотря на все понукания, «лось» отказывался идти вперед. Анана спешилась и попыталась повести его под уздцы — безрезультатно. Взобравшись в седло, женщина решила подождать окончания метаморфоз. По-видимому, животное не раз бывало в таких переделках и знало, как надо вести себя во время цикла мутаций.

Склон горы, быстро меняя форму, оседал со скоростью около одного фута в минуту. Канал начал сужаться; берега двинулись друг другу навстречу, дно поднялось, и вода полилась через края.

Маккей сражался со своим «лосем»: тот стоял на месте и, терпеливо перенося удары древком, отказывался подчиняться испуганному седоку.

Изменения длились час. Канал исчез, а горная гряда, достигнув максимальной высоты, быстро оседала. Впадины выравнивались, за проходом к побережью вновь простиралась широкая равнина, на которой животные, уцелевшие во время мутаций почвы, мирно пощипывали траву.

Анана щелкнула языком, и «лось» побежал к морю. Подождав ее, Маккей двинулся следом, не задавая лишних вопросов. Негр знал, что если бы она увидела Кикаху, то поделилась бы с ним своей радостью. Покачав головой, он проворчал:

— Сумасшедшая страна!

— Мы потеряли больше часа,— вздохнула Анана.— Однако нам не стоит подгонять наших животных — пусть восстановят силы. А туземцев мы найдем, когда стемнеет. Ночью они обязательно станут лагерем.

— И заберутся подальше в лес,— добавил негр.— Если мы проедем мимо них, утром они сядут нам на хвост.

Часа через три после того, как на небе потемнели светлые полосы, впереди замаячил неясный силуэт че-

ловеческой фигуры. Обсудив с Маккеем ситуацию, Анана сказала, что возьмет дозорных на себя. Негр мрачно нахмурился, но она велела ему оставаться с «лосями».

— Надеюсь, ты уберешь охрану без шума,— сказал он.— Ну а если кто-нибудь из них закричит?

— Все зависит от того, услышат его или нет. Если туземцы поднимут тревогу, хватай поводья моего «лося» и скачи ко мне, как дьявол. Мы умчимся туда, откуда приехали. Скорее всего, племя расположилось в лесу, а на берегу оставили только одного или двух часовых. Впрочем, я постараюсь не шуметь.

— Ты босс, тебе и решать,— Маккей пожал плечами.— Удачи.

Оказавшись в лесу, Анана быстро перебегала через поляны и осторожно прокладывала путь среди густых кустов. Вскоре она приблизилась к дозорному — коренастому мужчине, который что-то напевал себе под нос, шагая взад и вперед — по двадцать шагов в каждую сторону. В тусклом свете «ночи» она не могла разглядеть черт его лица, но заметила копье с кремневым наконечником и торчавший из-за пояса бумеранг.

Второго часового поблизости не было, очевидно, он прятался где-то в зарослях у кромки леса. Анана подождала, пока воин не прошел мимо нее в сторону Маккея, и, обогнув высокий куст, метнулась к нему. Обух топора опустился на голову воина, и тот упал на живот. Женщина прислушалась — кругом стояла тишина. Анана перевернула туземца на спину, склонилась над ним и, увидев его лицо, тихо выругалась. Это был Обран — воин из племени вендов.

Удар надолго лишил его чувств, и, удостоверившись в этом, Анана поспешила к своему спутнику, который сидел в седле, держа в руке поводья ее «лося».

— Как ты меня напугала! — воскликнул негр.— Я не ждал тебя так быстро. Мне показалось, что это идет один из туземцев.

— Плохие новости — неподалеку люди Тренна. Наверняка они ищут нас, чтобы отомстить за поруганную веру.

— Черт! Как же они оказались впереди нас? И почему их не увидели дикари из другого племени?

— Возможно, они проскакали мимо, пока мы поднимались к ущелью. Следы каравана ввели их в заблуждение, и туземцы не заметили нас. Так или иначе, нам надо поскорее убираться отсюда. Убедись, что Обран еще не очнулся. Я пойду вперед, чтобы заняться другими часовыми.

Вернувшись через четверть часа, Анана взобралась в седло, и спутники медленно проехали мимо еще одного мужчины, лежавшего на песке. Спустя некоторое время Анана и Маккей скакали во весь опор по берегу моря, однако через десять минут перешли на рысь.

Заметив темный силуэт, Анана остановилась и тихо спрыгнула на землю. Ей удалось справиться еще с тремя воинами, стоявшими в дозоре у кромки леса.

Подавая ей поводья, негр пробормотал:

— Да, леди... ты меня удивляешь все больше и больше.

В первые дни их путешествия Маккей относился к ней с легким презрением, так как привык относиться к женщинам как к слабой и худшей половине человеческого рода. Анане его поведение казалось странным. Она не ожидала такого отношения от человека, чья раса из-за подобных предрассудков подвергалась гонениям вплоть до 1970 года. Очевидно, это были плоды его воспитания: видеть в женщине рабыню, предназначенную для развлечений, а также тяжелого труда.

Теперь Анана вызывала у него уважение — хотя он оправдывал свои чувства к ней тем, что она была неземным существом.

Подъехав к последнему оглушенному часовому, они привязали «лосей» к кустам, где животные могли утолить голод сочной и зеленой листвой, а затем направились в лесную чащу. Им повезло, что это племя не имело собак, иначе те предупредили бы людей о приближении незнакомцев. Взглянув на худые изможденные тела туземцев, Анана решила, что они съели своих собак во время долгого и трудного путешествия к побережью.

Медленно переползая от одного человека к другому, Анана и Маккей осматривали лица спавших туземцев. Внезапно в нескольких шагах от них какая-то старуха села, вытянув вперед дрожащие руки. Затем, пробормотав что-то, женщина повалилась на бок и тут же шумно захрапела.

Рыжий Орк лежал на боку, окруженный пятью мужчинами, которые крепко спали. Его руки были связаны за спиной, на ногах — кожаные путы.

Анана зажала дяде рот ладонью, а Маккей тут же навалился на Орка своим тяжелым телом. Тот отчаянно сопротивлялся, пока Анана не шепнула ему на его родном языке:

— Тихо, дядя! — Орк притих, его била сильная дрожь, и женщина добавила: — Мы здесь для того, чтобы освободить тебя.

Она убрала ладонь, а негр поднялся на ноги. Затем Анана разрезала путы из сыромятной кожи; Орк медленно встал, огляделся кругом, затем направился к одному из спавших воинов и осторожно вытащил из его рук копье. Тот даже не пошевелился.

Все трое без приключений выбрались из лагеря, прихватив сбрую для одного из «лосей», что паслись неподалеку. Орк нес на себе седло, а Анана, взнуздав, повела животное в поводу. По пути к привязанным в кустах «лосям» Анана немного рассказала Орку о том, что произошло.

Здесь, на берегу, было заметно светлее, и, стоя рядом с дядей, Анана увидела, что его лицо и тело сплошь покрыто синяками.

— Меня били после того, как поймали,— объяснил он, еле шевеля опухшими губами.— Били все — даже женщины. Это продолжалось весь первый день, но потом они лишь пинали меня время от времени, когда я двигался не столь проворно, как им хотелось. Как бы мне хотелось вернуться к ним и перерезать несколько глоток!

— Кто мешает? — Анана пожала плечами.— Но только после того, как ответишь на один вопрос: ты видел Кикаху? Или, может, что-нибудь о нем слышал?

— Нет, я его не видел, и даже если эти дикари что-то говорили о нем, откуда мне понять? Я пробыл у них не так долго, чтобы выучить язык. Мне известно не больше дюжины слов.

— Просто ты даже не пытался понять их,— с досадой бросила разочарованная Анана.

Рыжий Орк подошел к часовому, который все еще не пришел в себя, опустился на колени и сдавил пальцами его горло. Затем, тяжело дыша, поднялся на ноги.

— Вот так! Будут меня помнить!

Анана с непроницаемым лицом наблюдала за происходящим. Дождавшись, когда Рыжий Орк оседлает «лося» и сядет на него, она затем отправилась вперед и, проехав десять минут медленным шагом, пустила животное галопом. Затем спустя некоторое время перешла на рысь, и остальные последовали ее примеру. Орк поравнялся с ней и спросил:

— Вот зачем ты освободила любимого дядюшку! Только для того, чтобы расспросить о любовнике-леблаббии?

— Конечно! — Анита пожала плечами.

— Ну, значит, я перед тобой в долгу. Что ж, спасибо за то, что не убила меня, когда узнала, чего тебе требовалось. А еще — разумеется, ты сделала это не ради меня, но я благодарен тебе за устранение Уртоны. Однако ты уверена в его смерти? Он ведь малый крепкий...

Неожиданно Анана выхватила из-за пояса топорик и ударила Орка обухом по голове. Тот, свалившись с «лося», тяжело рухнул на песок.

— Какого?..— удивленно вскричал Маккей.

— Я ему не доверяю,— спокойно сказала женщина.— Мне просто хотелось увезти его подальше, так, чтобы туземцы не услышали.

Орк застонал и попытался подняться. Ему лишь удалось сесть, опираясь на одну руку, другой он ощупал разбитую голову.

— Возьми с собой его «лося»,— велела Анана негру и пустила свое животное в галоп. Маккей догнал ее чуть позже, разумеется, выполнив ее приказ.

— Как это понимать — Орка ты тоже оставила в живых...

— В прежние времена я, ни секунды не размышляя, расправилась бы с ним. Это Кикаха сделал меня более человечной. Теперь я — обыкновенная женщина.

— Да, представляю тебя в гневе,— покачал головой Маккей, и они надолго замолчали.

Анана про себя решила прекратить поиски Кикахи. Бесполезно бегать, как выразился бы ее возлюбленный, «словно курица с отрубленной головой». Лучше объехать вокруг моря в надежде отыскать дворец. Если ей удастся проникнуть туда, то она возьмет там флаер и начнет разыскивать Кикаху с воздуха.

Какое-то время они ехали по мелководью, затем снова направились в лес, где Анана срубила ветку и замела оставленные ими следы. Остаток «ночи» они проспали на вершине холма в лесной чащобе.

«Утром» проголодавшиеся «лоси» отказались подпускать к себе людей, и Анана решила уступить им. Почти весь «день» животные отъедались вволю, а два их владельца по очереди наблюдали за окрестностями с вершины высокого дерева. Анана ожидала, что туземцы устремятся за ними в погоню. Но только ближе к «вечеру» вдали показался небольшой отряд воинов — человек двадцать.

Проскакав примерно двести ярдов дальше того места, где беглецы вступили в лес, отряд остановился. Похоже, между двумя воинами разгорелся жаркий спор, в котором победил тот, кто настаивал на возвращении. Воины развернули «лосей» и рысью направились обратно, но не в лагерь, а навстречу появившемуся каравану. Он двигался со скоростью самого медленного пешехода.

Анана вернулась к Маккею и рассказала ему о том, что увидела. Негр, выругавшись, сделал вывод:

— Это значит, что нам придется остаться здесь и ждать, пока они не уберутся подальше.

— Спешить нам некуда,— ответила женщина.— Но лучше поехать напрямик через лес, тогда мы опередим их.

Такова была теория, а на практике все получилось по-другому. Они выехали из леса именно в тот момент, чтобы увидеть двух всадников и самим попасться им на глаза. Молодых воинов, должно быть, выслали вперед на разведку. А возможно, эти юноши просто пустились по берегу наперегонки. Однако по какой бы причине ни оказались здесь эти туземцы, они повернули обратно, пустив своих крупных «лосей» галопом.

Остальное племя, очевидно, находилось неподалеку, скрытое изгибом берега. Анана полагала, что у них есть по меньшей мере двадцать минут, чтобы убраться отсюда.

Какое-то время они скакали во весь опор, затем перешли на рысь, а потом снова рванули галопом. Так продолжалось, с несколькими остановками, до наступления «ночи», которую Анана и Маккей провели в лесу. Спать пришлось по очереди. «Утром» животные отнюдь не горели желанием продолжить путь. После уговоров и побоев спутники заставили «лосей» двигаться дальше.

К «полудню» в поле зрения появились первые из преследователей, и с течением времени стало ясно, что расстояние между ними хотя и медленно, но сокращается.

— Бедные животные выдержат еще лишь одну хорошую скачку галопом,— вздохнула Анана.

— Может, нам следует отправиться в лес пешком? — предложил Маккей.

Анана уже размышляла над этим вариантом, однако если эти туземцы хорошие следопыты, то в конечном итоге они поймают свою дичь.

— Ты хорошо плаваешь? — спросила она.

Маккей, вытаращив глаза, ткнул большим пальцем в сторону моря.

— Ты имеешь в виду... туда?

— Я полагаю, что туземцы не умеют плавать.

— Откуда тебе знать?.. Да, я умею плавать и могу удержаться на плаву, но не целый же день! К тому же там могут водиться акулы или какие твари похуже.

— Ладно, будем ехать, пока животные не упадут, а потом — в море. По крайней мере, я так и поступлю. Как только скроемся из виду, то сможем вернуться к берегу, несколько дальше впереди, может, всего через две-три мили.

— Только не я,— сказал Маккей.— Я двигаю к лесу.

— Поступай, как хочешь.

Через час преследователи настолько приблизились, что Анане и Маккею снова пришлось пустить «лосей» во весь опор. Однако вскоре стало ясно, что спустя пару минут туземцы поравняются с ними.

— Нет смысла гнать дальше! — закричала Анана и вытащила из седельной сумки рог, чтобы повесить его на ремне через плечо.— Спрыгивай, пока «лось» не упал, а то ты сломаешь себе шею!

Она натянула поводья. Когда задыхающиеся и роняющие пену животные перешли на рысь, Анана скатилась с седла — и тут же вскочила на ноги, так как мягкий песок смягчил падение. Рядом приземлился Маккей.

— И что теперь? — задыхаясь, выкрикнул он.

Отряд воинов находился примерно в сотне ярдов, и расстояние это быстро сокращалось. Увидев, что предполагаемые жертвы спешились, туземцы радостно завопили. Часть отряда поскакала к лесу, очевидно полагая, что беглецы рванут туда. Анана бросилась навстречу волнам и, зайдя в воду по пояс, быстро сняла сапожки и порванные джинсы. Маккей последовал за ней.

— Ты же собирался скрыться в лесу?

— Нет, там мне было бы слишком одиноко!

Они поплыли, делая длинные размеренные гребки, стараясь беречь силы. Оглянувшись, Анана увидела, что преследователи столпились на берегу, вопя от досады и ярости. Некоторые бросали им вслед копья и бумеранги, но расстояние было уже слишком велико.

— В одном ты оказалась права,— сказал Маккей, когда они спустя некоторое время сменили стиль и поплыли по-собачьи.— Плавать они не умеют. Или, может быть, боятся — этих самых акул...

Анана снова поплыла, направляясь к горизонту. Однако случайный взгляд, брошенный через плечо, заставил ее остановиться.

Берег уже находился слишком далеко, чтобы утверждать наверняка. Но если этот рыжий человек, атакующий туземцев, не был Кикахой, то она сошла с ума. От Рыжего Орка подобного безумия ожидать не приходилось.

А потом Анана увидела, как из леса выезжает большой отряд. Зачем они скакали следом за Кикахой — спешили на помощь или жаждали его крови? Наверное, Кикаха удирал от них и теперь угодил в ситуацию «крокодил в воде и тигр на берегу». Как бы там ни обстояло дело, Анана намеревалась помочь ему. Развернувшись, она поплыла к берегу.

ГЛАВА 17

Выезжая из леса, Кикаха ожидал увидеть преследователей Ананы далеко впереди. Но, к его удивлению, они оказались всего в какой-то сотне ярдов. Большинство из них, спешившись, стояло на берегу или по колено в воде. Туземцы орали, показывая на что-то в море.

Где Анана и Маккей?

Осмотрительность требовала как можно скорее развернуть хикву и умчаться в противоположном направлении. Однако эти туземцы наверняка собрались здесь и устроили такой шум только потому, что добыча ускользнула от них в море. И, хотя Кикаха не видел ни Маккея, ни Ананы, те не могли уплыть слишком далеко.

Проглотив рвущийся из горла боевой клич, Кикаха подъехал поближе и метнул бумеранг в седого, красноглазого всадника. Не успело оружие попасть в висок седого и вышибить его из седла, как Кикаха перебросил копье из левой руки в правую. Несколько воинов заметили его и развернули скакунов, но один из них не успел завершить маневр. Копье вонзилось ему в горло, и воин упал навзничь. Выдернув оружие из тела

поверженного врага, Кикаха перевернул копье и, используя его как дубину, ударил им сбоку по голове приблизившегося к нему воина.

Высокий туземец метнул бумеранг, Кикаха пригнулся, и оружие прожужжало над головой, чуть-чуть не задев одним концом плечо. По-прежнему припав к шее «лося», Кикаха изловчился и вонзил копье в спину туземца, который только что вскочил в седло, но никак не мог управиться с животным. Когда воин оказался поверженным, Кикаха выдернул копье.

К тому времени появились первые тана, и завязалась схватка — судя по всему, непродолжительная. Неизвестные Кикахе туземцы уступали в численности и были деморализованы, поскольку их застигли если не со спущенными штанами, то пешими, что для них являлось одним и тем же. Но пока оставшиеся в живых пятеро воинов вели яростный, хотя и безнадежный бой, к шуму битвы прибавились новые крики и вопли.

Кикаха бросил взгляд через плечо: к ним приближался большой отряд, который, несомненно, создаст численный перевес над тана. Через полторы минуты они вступят в сражение.

Кикаха поднялся на стременах и осмотрел морские волны. Сначала он не увидел ничего, кроме немногочисленных амфибий. А затем его внимание привлекли голова и руки, мелькавшие над водой; спустя несколько секунд Кикаха обнаружил и второго пловца.

Он посмотрел на берег, по которому беспорядочно носились «лоси», потерявшие седоков. Трое животных стояли у опушки леса, обрывая ветви кустов. Их больше интересовала пища, чем происходящее вокруг. Кстати, а до какой степени происходящее касается его? Есть ли у него какие-то обязательства по отношению к тана? Пожалуй, нет. Они приняли его в племя, но тогда у Кикахи не было выбора. Стало быть, он ничем не обязан народу тана.

По-прежнему стоя на стременах, он помахал копьем двум пловцам среди волн. Из воды поднялась белая рука в приветственном жесте. Анана! Кикаха показал

копьем, что ей надо плыть под углом к берегу. Анана с Маккеем тут же подчинились.

«Хорошо. Они выйдут из воды на некотором расстоянии от места схватки и смогут поймать двух пасущихся «лосей». Однако это займет какое-то время, и за этот период туземцы могут победить тана. Значит, его задача — продлить сражение.

С диким криком Кикаха пустил «лося» галопом. Его копье глубоко вонзилось в шею воина, который только что выбил из седла молодого тана. Выдернув копье, Кикаха выругался: кремневый наконечник слетел с древка. Он ткнул тупым концом в затылок еще одному дикарю, достаточно оглушив его, чтобы тот оставил в покое противостоящего ему воина.

А потом что-то ударило Кикаху по голове, и он не удержался в седле. Копыта взбивали песок вокруг него, несколько раз оказываясь в опасной близости. Рядом с ним упал Тоини — сколько хлопот доставил ему этот юноша! Но через мгновение тана поднялся, шатаясь, чтобы снова вступить в бой — и снова рухнул на землю, когда в него врезался пятившийся «лось».

Кикаха встал и, ощупав голову, обнаружил рану, к счастью, неглубокую. Собравшись с силами, он метнулся к верховому туземцу, колотившему тяжелым бумерангом какого-то тана, схватил этого воина за руку и резким рывком выдернул из седла. Тот с криком обрушился на Кикаху, оба покатились по песку. Кикаха вцепился зубами в нос противника, одновременно шаря рукой, нащупал яички и с силой сжал пальцы.

Завопив от боли, туземец скатился с него. Кикаха поднял голову, чтобы видеть врага, и двинул ему пяткой по голове.

Копыто «лося», опускаясь, задело его плечо. Кикаха откатился в сторону, чтобы не дать себя растоптать. На него лилась кровь и «лосиные» экскременты, взметаемый песок засыпал глаза. Он сумел подняться на четвереньки и пополз сквозь гущу сражения, и снова его сбила наземь лягнувшая нога «лося». Едва отдышавшись, он прополз еще немного, остановившись как раз вовремя — прямо перед его лицом в песок вонзи-

лось копье. Кикаха, шатаясь, поднялся и, спотыкаясь, побрел к воде.

Окунувшись с головой, он вынырнул как раз вовремя, чтобы увидеть двух сражавшихся всадников. Тана и его противник колотили друг друга бумерангами, и даже «лось» теснил «лосиху» в воду. Если бы Кикаха остался там, где стоял, то вновь оказался бы под копытами животных. Нырнув и проскользнув грудью по песчаному дну, Кикаха всплыл на поверхность в двадцати футах от берега. К этому времени тана уже загнали в воду. Это был вождь, и в одной руке он сжимал нож Кикахи, а в другой — бумеранг. Но наседавший на него воин превосходил Вергенгета по всем статьям.

Кикаха выпрямился, оказавшись по пояс в воде, и поспешил к ним. Он оказался рядом с ними в тот момент, когда удар бумеранга молодого воина обрушился на старика. Вождь сделал выпад левой рукой, но не попал ножом в цель и выронил его в воду. Кикаха нырнул за ним, стараясь нащупать на дне клинок. В это мгновение Вергенгет, поверженный противником, рухнул на Кикаху, сильный удар вышиб воздух из легких. Кашляя и задыхаясь, Кикаха показался на поверхности, но тут же упал, сбитый с ног молодым туземцем.

Противник уступал ему в росте, но, определенно, отличался силой и проворством. Сжимая левой рукой горло Кикахи, он занес над ним бумеранг. Кикаха, увидев нависшую смерть, двинул коленом туземцу в промежность. Но из-за сопротивления воды удар вышел не таким сильным, как надеялся Кикаха. Тем не менее лицо воина исказилось от боли и рука отпустила горло противника.

Кикаха по-прежнему лежал в воде, начиная захлебываться. Вдруг его левая рука коснулась чего-то твердого, пальцы скользнули по лезвию и сомкнулись на рукоятке. Туземец окунул руку, намереваясь схватить за горло того, кого по-прежнему считал противником, находящимся в очень невыгодном положении. И получил ножом в живот — лезвие вспороло плоть до пупка. Воин выронил бумеранг, и рука, протянутая к гор-

лу, бессильно упала. Его лицо выразило удивление, и он, схватившись за живот, рухнул в воду.

Некоторое время Кикаха откашливался, прочищая легкие, а затем окинул взглядом поле битвы. Два «лося», принадлежавшие вождю и индейцу, убежали; Анана и Маккей все еще находились футах в четырехстах от берега, но быстро приближались к нему. Перевес в сражении на берегу склонился в пользу тана: им на помощь пришли остальные члены племени, включая женщин. Вряд ли их противники сумеют устоять под натиском свежих сил.

Сняв с Вергенгета пояс вместе с ножнами, Кикаха нацепил их на себя, поднял бумеранг и побрел в воде вдоль берега. Он обошел сражавшихся воинов, выбрался на берег и побежал к кустам, где собрались «лоси». Осторожно приблизившись к ним, он схватил животных за поводья и привязал их к кустам. Мимо трусил еще один «лось» без седока, и когда Кикаха окликнул его, тот замедлил бег и позволил схватить его поводья. Привязав и его, Кикаха зашел в море, чтобы помочь пловцам. Анана и Маккей подплыли через несколько минут и, едва оказались на берегу, рухнули без сил на песок. Их груди вздымались, словно кузнечные меха.

— Эй, надо вставать и садиться на хикву,— поторопил их Кикаха.

— Хикву? — сумела выговорить Анана.

— Ну, лоси. Горячие скакуны готовы унести вас прочь от опасности.— Он указал через плечо в сторону животных. Анана с трудом улыбнулась.

— Кикаха? Ты когда-нибудь перестанешь острить?

Он поставил Анану на ноги, и та, заплакав, обвила руками его шею.

— Ах, Кикаха! Я думала, что больше никогда тебя не увижу!

— И я рад,— отозвался он,— но буду просто счастлив, если мы тотчас же уберемся отсюда.

Они побежали к животным, отвязали их и, вскочив в седла, помчались галопом. Шум сражения и крики туземцев затихли вдали; обогнув еще один широкий

изгиб берега, всадники потеряли сражение из виду и тогда перешли на быструю рысь.

Кикаха рассказал Анане о своих приключениях, разумеется, опустив ряд событий. Женщина тоже была откровенна — до некоторых пределов. Возможно, когда нибудь подробности и станут известными, но сейчас время казалось неподходящим для подобных откровений.

— А вы не видели дворец Уртоны? — спросил Кикаха.

Анана покачала головой.

— Думаю, нам следует взобраться на одну из гор, которые окружают море, и поглядеть оттуда. Некоторые из них достигают пяти тысяч футов. Если мы поднимемся на такую высоту, местность будет просматриваться... давно не занимался подобными вычислениями, черт, неужели забыл формулу? Ага! По-моему, с такой высоты границы видимости расширятся до, э-э-э, девяноста шести статутных миль[1]. Впрочем, это не важно. Главное, что будем видеть чертовски далеко. А дворец, по словам Уртоны, действительно большой. Так или иначе, попробовать стоит.

Анана согласилась. Маккей промолчал, поскольку к его мнению вряд ли бы прислушались, и покорно отправился за своими спутниками в лес.

* * *

Восхождение не вызвало больших затруднений, тем более что им приходилось охотиться, а также тратить время на отдых для себя и для животных. Когда до вершины осталось примерно сутки пути, Анана и Кикаха двинулись дальше, а Маккей остался присматривать за стреноженными «лосями». Последняя сотня футов оказалась самой тяжелой. Гора заканчивалась острым шпилем, который казался таковым снизу, а на самом деле путешественники ступили на площадку размером с большой обеденный стол. Они стояли на

[1] Статутная миля — 1609 метров.

ней, окидывая взглядом море и жалея, что у них нет бинокля.

— Ничего,— констатировал через какое-то время Кикаха.

— Боюсь, что так,— согласилась Анана, и вдруг ее пальцы стиснули запястье Кикахи.— Смотри!

Он взглянул в указанном направлении.

— Это похоже на большую темную скалу или холм.

— Нет, она двигается! — продолжала настаивать Анана.— Неужели ты не видишь?

Если бы заинтересовавший их объект находился хотя бы на полмили левее или правее, его вполне могла бы скрыть одна из гор. В этот момент он появился из очень широкого ущелья и начал подниматься по длинному пологому склону. По расчетам Кикахи, объект находился милях в двадцати от них и обладал весьма внушительными размерами.

— Эта штуковина обязана быть дворцом! — воскликнул он.

Радость его омрачало только одно — дворец находился слишком далеко. К тому времени, когда они спустятся к подножью, доберутся до следующего ущелья и одолеют его, воздушный замок унесется еще дальше. Мало того, две горы не являлись надежным ориентиром — подчиняясь изменениям ландшафта, они могли исчезнуть, или разделиться на четыре, или слиться в одну. И все же позади останется окружавшая море горная гряда, которая почти не меняла форму. Да, слишком легко потеряться в мире, где нет ни запада, ни востока, ни юга, ни севера.

— Вперед! — воскликнул Кикаха и стал спускаться с края маленького плато.

ГЛАВА 18

В поисках дворца прошло одиннадцать дней. Два пика, между которыми он исчез, слились воедино и стали походить на грудь великанши. Вокруг нее образовались глубокие лощины, которые заполнил водой проливной дождь, и потому всадникам требова-

лось проехать миль десять, чтобы обогнуть этот огромный ров.

Едва они пустились в дорогу, как гора начала превращаться в конус, а ров постепенно мелел, выплескивая воду на равнину. И тогда они решили подняться на гору и еще раз поискать дворец Уртоны. Хотя такое восхождение задерживало поиски, дело того стоило. Летающий замок мог двигаться по прямой, а также свернуть в любом направлении, описать длинную кривую и оказаться позади них.

Забравшись на вершину, путешественники внимательно осмотрели окрестности. Вокруг простирались медленно менявшиеся равнины и хребты. Дичь тут водилась в изобилии, и почти по каждому склону маршировали темные массы шагающих рощ и лесов. Вдали справа виднелись крошечные фигурки — какое-то племя спешило к морю.

Все трое напрягали зрение, и наконец Кикаха увидел точку, которая заинтересовала его.

— Что это, армия деревьев или дворец?

— Будь это растения, ты бы их вряд ли увидел,— сказала Анана.— Этот объект должен иметь достаточную высоту, чтобы быть заметным на таком расстоянии.

— Будем надеяться,— отозвался Кикаха.

Маккей тихо застонал. Как ему надоело тащиться за этой энергичной парой, понукать несчастных животных... Боже, как он устал! Но выбора не было.

Их маленький отряд двигался быстрее дворца, однако им приходилось останавливаться для того чтобы передохнуть, выспаться, подкрепиться, сходить на охоту. А их цель летела дальше, с постоянной скоростью — не более километра в час, словно какая-то громадная, не знающая усталости черепаха, которую гнал некий инстинкт. Дворец не оставлял следов, поскольку парил в полуметре над поверхностью планеты.

Следующие три дня шел проливной дождь. Пришлось принять холодный душ, а также обходить широкие впадины, заполнившиеся водой, что, разумеется, удлиняло им путь.

Спустя шесть дней после того, как они увидели дворец, на «лося» Ананы набросился лев, и, хотя хищника отогнали, сильно искалеченное животное пришлось добить. Это на несколько дней снабдило их запасом мяса, пока оно не протухло. Происшествие опять-таки замедлило движение, так как теперь Анане приходилось ехать, обхватив за талию поочередно одного из мужчин.

На шестнадцатый день они поднялись еще на одну гору, чтобы в очередной раз посмотреть на дворец. Расстояние нисколько не изменилось.

— Так и будем гоняться за ним вокруг всей планеты! — сердито проворчал Маккей.

— Надо — значит, надо,— бодро ответил Кикаха.— Ты в последнее время что-то часто жалуешься, Мак, это начинает действовать на нервы. Знаю, участь твоя не из легких, к тому же ты много месяцев обходишься без женщины... но лучше улыбаться и терпеть, чем нагонять тоску. Отпусти пару шуток, отбей чечетку.

— Соскучились по негритянскому шоу? — мрачно уточнил Маккей.

— Я все-таки советую изменить отношение к ситуации. Ты ведь мог бы оказаться и в худшем положении и даже погибнуть. У нас есть шанс вырваться из этого мира — кстати, неплохой шанс. Не исключено, что ты вернешься на Землю, хотя, полагаю, лучше этого не делать. Там ты воровал, пытал, убивал и насиловал. Не думаю, что тебя ждет радушный прием.

— Какая связь между моими жалобами и моим возвращением? — негр удивленно уставился на Кикаху.

— Одно тянет за собой другое,— усмехнулся Кикаха.— На самом деле ты для нас обуза. Мы с Ананой могли бы двигаться быстрее, если бы нам не приходилось везти на нашем «лосе» тебя.

— Вашем? — возмутился Маккей.— Это она едет на моем «лосе»!

— Потише, Мак! Изначально «лось» принадлежал некоему туземцу, а затем достался тому, на чьей стороне была удача.

— Так вы меня бросите?

— Если рассуждать логически, то следовало бы. Но мы с Ананой этого не сделаем, пока ты нам помогаешь,— ответил Кикаха. Тут выдержка оставила его, и он закричал: — Прекрати стонать и плакать!

— Ладно,— вздохнул Маккей.— Полагаю, ты прав. Я вообще-то не нытик, но это...— Он указал на окружающий пейзаж.— Лавалитовый мир для меня слишком... хм, хорош! Но обещаю исправиться.

— Ладно, едем,— кивнул Кикаха.— Слушай, я тебе когда-нибудь рассказывал, как мне однажды пришлось прятаться в набитом бутылками винном погребе на окраине одного французского городка, когда его неожиданно отбили немцы?

* * *

Прошло два месяца, но догнать летающий замок все еще не удалось. Зато теперь до него оставалось миль десять. Даже на таком расстоянии он выглядел громадным, чуть не дотягивая до полумили. Сторона плоского квадратного основания составляла примерно тысячу двести футов.

Кикаха уже различал его очертания, но, разумеется, без подробностей. По словам Уртоны, дворец напоминал какой-нибудь богатый квартал города из «Тысячи и одной ночи»: сотни башен, минаретов, куполов и арок. Время от времени его поверхность меняла цвет, а однажды засияла подобно радуге.

Сейчас дворец находился на середине пути через огромную равнину, на которой паслись многочисленные стада.

— Он должен проплыть еще около тридцати миль, прежде чем доберется до ее края. Попробуем догнать его. Будем гнать «лосей», пока они не упадут, а потом — бегом за дворцом! Главное — не прекращать погоню.

Анана и Маккей кивнули, соглашаясь, но без особого энтузиазма. Надо сказать, отряд представлял собой жалкое зрелище: они потеряли в весе; щеки запали, под глазами появились темные круги, свидетель-

ствующие о почти полном истощении сил. Но усилие сделать требовалось: как только дворец достигнет гор, он заскользит над ними, сохраняя ту же скорость, что и на равнине. А вот его преследователям придется замедлить темп.

Расстояние непрерывно сокращалось. Заметив несущихся во весь опор всадников, антилопы и газели в панике разбегались, топча всех, кто оказался у них на пути. Хищники спешили воспользоваться испугом травоядных. Собаки, бабуины, «моа» и львы набрасывались на пробегавших животных и сбивали их с ног. Итак, отряд мчался за неуловимой целью, сопровождаемый рыком, лаем и визгом.

Впереди Кикаха заметил несколько очень странных существ. Это были ходячие растения, но такие прежде не попадались ему на глаза. Они выглядели, словно огромные бревна с ногами, то есть бледно-серые стволы двигались горизонтально. Из них торчали короткие, похожие на обрубки ветви, с которых свисало по шесть-семь черно-зеленых ромбовидных листьев. На обоих концах имелись образования, похожие на канделябры. Проезжая мимо одного из «бревноидов», Кикаха заметил, что канделябры снабжены глазами — огромными, очень похожими на человеческие; когда всадники проскакали мимо них галопом, они повернулись, будто провожая их взглядом.

Кикаха направил «лося» подальше от них, и Маккей последовал его примеру.

— Что-то не нравятся мне эти твари! — крикнул он сидевшей позади него Анане.

— Мне тоже!

Внезапно один из «бревноидов», находившийся примерно в пятидесяти ярдах, начал поднимать направленный в их сторону открытый конец ствола. Другой его конец упирался в землю, а передние ноги телескопически выдвинулись вверх, словно антенны.

Кикахе показалось, что на него нацеливают пушку, и спустя мгновение из темного отверстия приподнятого конца вырвался черный дым, сопровождавший полет какого-то черного предмета. Описав в воздухе дугу,

тот упал в футах двадцати справа от них и взорвался, коснувшись ржавой травы.

«Лось» пронзительно завизжал и побежал быстрее, словно страх придал ему сил. На какой-то миг Кикаха наполовину оглох. Однако... этот запах дыма. Не может быть!... Черный порох!

— Кикаха, у тебя идет кровь! — закричала Анана.

Он ничего не чувствовал, да и некогда было сейчас останавливаться и выяснять, куда его ранило. Кикаха крикнул, понукая животное, однако его крик утонул в грохоте, по меньшей мере, дюжины взрывов со всех сторон. На какой-то миг дым окутал их, но затем «лось» вырвался из него и помчал своих седоков дальше. Теперь Кикаха вообще ничего не слышал. Но руки Ананы все еще обнимали его за талию, значит, его возлюбленная по-прежнему была с ним.

Бросив взгляд через плечо, он увидел Маккея, выехавшего из облака черного дыма. Его преследовал черный предмет, похожий на снаряд. Упав позади всадника, он с грохотом взорвался, и в центре взвившегося облака дыма полыхнуло пламя. «Лося» подбросило в воздух, его седок, перевернувшись в воздухе, упал на землю. Рядом с ним рухнуло, едва не задев его, большое тело животного. Маккей почти сразу вскочил на ноги и побежал.

Натянув поводья, Кикаха остановил «лося». Сквозь стелющийся дым он увидел, что дюжина растений подняла открытые концы и нацелила их на людей. Из стволов, похожих на пушечные жерла, вылетели еще два снаряда, сопровождаемые дымом и грохотом. Они взорвались позади Маккея на расстоянии сорока футов. Негр бросился на землю — конечно, слишком поздно, чтобы уберечься от осколков. Но как только стихло эхо взрывов, он поднялся на ноги и снова побежал. Позади него в земле остались две небольшие воронки.

Каким-то чудом «лось» Маккея не сломал себе ни шеи, ни ног. Он, шатаясь, поднялся, оскалив длинные зубы, его глаза, казалось, стали вдвое больше, а затем пустился вскачь. Когда он пронесся мимо негра, тот

осыпал животное проклятьями, которых Кикаха так и не услышал.

Анана уже сообразила, как надо действовать. Соскользнув с седла, она делала Кикахе знаки руками, зная, что тот ее не слышит. Кикаха ударил пятками по бокам «лося» и проорал ему команду, хотя полагал, что скакун так же глух, как и он сам. Но «лось» тем не менее погнался за удиравшим сородичем. Погоня эта, однако, оказалась долгой и закончилась только тогда, когда преследуемое животное замертво рухнуло на землю.

Кикаха подъехал к Анане и Маккею, спустился на землю и осмотрел их кровоточившие раны. В спине у каждого торчало около двух десятков мелких колючек, впившихся в кожу. Только теперь он почувствовал, как из ран на его правом предплечье по руке стекает кровь. Схватив ногтями колючку, Кикаха вытащил ее, обтер пальцами кровь — на его ладони лежала шестиконечная звездочка.

— Самая дурацкая шрапнель, какую я когда-либо видел, — произнес он.

Растения, которым он тут же придумал название — «пушколябры», медленно удалялись прочь, перебирая сотнями пар тонких ног с большими стопами. Примерно через четверть часа Кикаха увидел, как несколько растений подорвали своими снарядами слоненка, а затем вскарабкались на тушу и принялись рвать ее выпущенными из стоп когтями. Самые верхние конечности засовывали куски мяса в отверстие сбоку на стволе.

Около десяти минут трое путешественников, морщась и ругаясь, выдирали друг у друга из тел «шрапнель», затем для остановки кровотечения наложили на раны травинки.

— Как бы хотелось засунуть Уртону в жерло одной из этих пушек,— бесился Кикаха.— С удовольствием посмотрел бы, как он летит верхом на снаряде. Только настоящий садист мог придумать подобные штуковины.

Кикаха не представлял себе, каким образом эти существа могли превращать свою пищу в черный порох.

Для изготовления взрывчатки требовались древесный уголь, сера, натрий или нитрат калия. Еще одна тайна состояла в том, как твари «выращивали» оболочки снарядов. А третья — в способе, которым они поджигали заряд, который выбрасывал снаряды.

Но заниматься исследованиями было некогда. Погоня за дворцом прервалась на целых полчаса, к тому же Маккей остался без скакуна.

— Слушайте меня внимательно — и никаких возражений,— велел своим спутникам Кикаха, слезая с «лося».— Анана, скачи за дворцом во всю прыть. Без меня ты сможешь ехать быстрее. Кроме того, ты самая легкая, и, значит, будешь наименьшим бременем для животного. Сначала я подумал, что мы с Маккеем сможем бежать, держась за седло, но у нас снова начнется кровотечение, так что этот вариант отпадает. Отправляйся немедленно. Если ты догонишь дворец, то, возможно, тебе удастся пробраться внутрь и остановить его. Шанс невелик, но другого у нас нет. А мы потащимся следом за тобой.

— Хорошо,— кивнула Анана.— Пожелай мне удачи.

Она крикнула «Хих-ю!», что на языке вендов означало «Вперед!», и «лось» тронул с места рысью. Подхлестнув его поводьями, Анана пустила животное в галоп.

Маккей и Кикаха зашагали следом. Раны их облепили мухи. Позади них гремели взрывы, это пушколябры обстреливали стада антилоп.

Прошел час. Мужчины бежали трусцой, но налившиеся свинцом ноги и боль в груди убедили их, что такого темпа им больше не выдержать. И все-таки они догоняли дворец, который буквально вырастал в небе перед ними. Крошечные фигурки Ананы и ее скакуна слились с ржавой травой бескрайней равнины.

Наконец Маккей и Кикаха остановились, чтобы напиться затхлой воды из меха, снятого Маккеем с погибшего «лося».

— Знаешь, старина, если она не догонит тот дворец, мы застрянем здесь на всю жизнь,— с тяжелым вздохом произнес негр.

— Может, он сменит свой курс на обратный,— возразил Кикаха, но в голосе его не слышалось особого оптимизма.

Не успел он поднести мех к открытому рту и сделать первый глоток, как почувствовал, что под ногами задрожала земля. Жажда в этот момент, казалось, заполнила его без остатка, поэтому никакие природные катаклизмы не могли отрвать его от струйки неприятной на вкус воды. Но когда он передал мех Маккею, то сообразил, что это не обычная вибрация почвы, сопровождавшая изменение ландшафта, а самое настоящее землетрясение. Почва поднималась и опускалась, и Кикаха чувствовал себя так, словно стоит на тарелочке в огромной чаше с желе, сотрясаемой рукой великана.

Маккей бросился наземь. Кикаха решил последовать его примеру — зачем зря тратить силы, пытаясь устоять на ногах. А как же Анана? Вряд ли она сможет преследовать дворец...

Волнообразные толчки продолжалась. Животные бежали к горам — странно, что они выбрали их в качестве укрытия. Стаи птиц поднялись в воздух, усеяв небо миллионами точечек, похожих на крупинки перца в тарелке бульона. Затем пернатые обитатели Лавалитового мира образовали одно огромное облако, устремившееся в сторону дворца.

Вскоре Кикаха увидел точку, которая приближалась к ним. Через несколько минут на спине крохотного «лося» он рассмотрел не менее крохотную Анану. Затем обе фигуры разделились и покатились по земле. Поднялась только Анана. Она побежала к своим спутникам — вернее, попыталась это сделать. Позади нее вздымались волны земли, покрытые рыжеватой травой. Они подталкивали Анану, та падала на четвереньки, вставала и тут же падала снова. Кикаха поднялся на колени, чтобы не упустить ее из виду, но она исчезла за большим валом, точь-в-точь как маленькая лодочка в бушующем море.

— Меня сейчас вырвет,— прохрипел Маккей и согнулся, извергая содержимое желудка. До этого мо-

мента Кикахе удавалось справляться с позывами к тошноте. Но звуки, издаваемые негром, вызвали рвоту и у него самого. В тот же миг его булькающий кашель потонул в ужасном грохоте. Никогда в жизни Кикаха не слышал таких пугающих звуков. Но тем не менее он поднялся на четвереньки, чтобы посмотреть, где находится Анана. Ее Кикаха не увидел, но зрелище, представшее его глазам, вселило в него неописуемый ужас.

Земля загибалась, словно готовый вот-вот свернуться свиток. Края его находились где-то позади того места, где он в последний раз видел Анану. Неужели она свалилась в эту гигантскую трещину? Вскочив на ноги, Кикаха закричал:

— Анана! Анана!

Он попытался бежать к ней, но его с такой силой подбросило, что ноги оторвались от земли на целый фут. Упав, Кикаха заскользил на животе по скату огромного вала, затем с трудом вновь поднялся на ноги. На какой-то миг им овладело еще большее замешательство, а ощущение нереальности происходящего усилилось. Горы вдали, казалось, скользили вниз, словно планета раскрыла огромную пасть, собираясь проглотить их.

А потом он догадался, что горы никуда не падают. Земля, на которой он стоял, поднималась. Таким образом, они оказались на том куске планеты, которому предстояло стать временным ее спутником. Что касается дворца, то трещина прошла примерно в миле от него, поэтому он парил на другой стороне разлома.

ГЛАВА 19

Отколовшийся кусок находился в сотне миль над основной планетой и уже вышел на стабильную, хотя и временную, орбиту. Пройдет около четырехсот дней, прежде чем начнется медленный спуск.

Плотность воздуха не изменилась. Атмосферное давление на высоте 528 000 футов тоже оставалось прежним. В свое время Уртона так и не удосужился объяс-

нить физические принципы этого феномена. Вероятно, потому, что и сам их не знал. Хотя Владыка и составил спецификации «карманной» вселенной, выполнять работу по созданию своего мира он предоставил группе ученых. С того момента прошла не одна тысяча лет, так что эти знания давно перешли в разряд утраченных.

После того как обломок оторвался от планеты, землетрясения отнюдь не прекратились. Отколовшийся кусок начал преобразовываться из клиновидной формы в шар. Этот процесс занял двенадцать дней; высвободившуюся в ходе трансформации тепловую энергию гасили сменявшие друг друга ураганные ливни. Почти две недели Кикаха и его спутники прожили как в турецкой бане. Им хотелось лишь одного — лечь и отдохнуть, однако приходилось все время передвигаться, причем порой довольно энергично. И тут на помощь приходила слабая гравитация — так как спутник представлял собой одну шестнадцатую от массы всей планеты.

Пока единственным положительным моментом пребывания здесь можно было считать отстутствие проблем с пищей — вокруг валялось множество туш животных. Людям удалось внести некое разнообразие в меню благодаря летающим семенам. Благодаря тонким, как паутина, «крылышкам» или тончайшим нитям их разносило ветром во все стороны. Семена эти не отличались большими размерами, но пара десятков вполне заменяла какой-нибудь овощ. В пищу годились даже пух и пленчатые крылышки.

— Так природа, или Уртона, гарантируют, что различные виды растений переживут катастрофу,— отметил Кикаха.

Но когда мутации местности прекратились, а туши стали слишком вонючими, отряду пришлось заняться охотой. Хотя люди, освоившись с новым методом передвижения, смогли бегать и прыгать быстрее, животные, соответственно, стали еще более проворными. Тогда Кикаха соорудил болу из трех черепов антилоп, соединенных сыромятным ремнем. Он раскручивал эту

штуковину, а затем запускал ее над землей, чтобы опутать ноги жертвы. Маккей и Анана изготовили себе такие же болы и быстро приноровились их метать. Так им удалось поймать нескольких диких «лосей».

Семена, упавшие на поверхность «луны», пустили корни; вокруг быстро набирали силу новые растения. По земным стандартам росли они крайне быстро. У побегов отросли ноги, и растения, вытянув или оборвав корешки, перемещались в поисках более плодородных земель. Чуть позже слабые ноги отпали, и их заменили новые, более сильные и длинные конечности. После трех перемещений, выпустив основные корни, растения оставались неподвижными до достижения зрелости. Конечно, многих из них съедали слоны и другие животные, но уцелевших вполне хватило для образования бесчисленных рощ ходячих деревьев.

Помимо обычных хлопот с бабуинами, собаками и хищниками семейства кошачьих, людей беспокоили огромные птицы, которых они никогда прежде не видели. При сравнительно небольших телах размах крыльев достигал пятидесяти футов. На алой голове птицы выделялись холодные желтые глаза и длинный крючковатый и острый клюв зеленого цвета. Голубоватые крылья и тело контрастировали с желтыми короткими толстыми лапами с большими когтями. Как только наступали сумерки, птицы начинали охоту: сбивали с ног животных и уносили их к далеким скалам. При здешней сравнительно небольшой гравитации они вполне могли бы поднять в воздух и человека. Дважды одна из них пыталась поймать Анану. В последний раз женщину спас вовремя раздавшийся громкий крик Кикахи. Анана упала на землю, и когтистые лапы пронеслись над ней.

— Я не могу понять, как она живет, когда нет спутника,— сказал Кикаха.— Ведь с поверхности планеты ей никогда не взлететь.

— Может быть, просто парит в небе, живя за счет накопленного жира, пока от планеты не отколется новый кусок,— предположила Анана.

Они замолчали, представив себе огромных птиц, которые парят в воздухе на высоте пятидесяти миль,

ожидая, когда планета-мать пошлет им мясо на блюде размером с луну.

— Да, но им ведь надо где-то спариваться и выводить птенцов,— задумчиво произнес Кикаха.— Хотелось бы знать, где их гнезда.

— Зачем?

— У меня возникла одна идея, но она настолько безумная, что я пока не хочу о ней говорить. Я видел сон...

Внезапно Анана схватила его за руку и указала вверх. Он и Маккей подняли головы. В полумиле над ними проплывал дворец.

Они молча стояли, наблюдая за воздушным замком, пока тот не исчез за какими-то высокими горами.

— Что ж,— печально вздохнул Кикаха,— находясь в автоматическом режиме, дворец совершает облет спутника. Должно быть, Уртона заложил это в программу для того, чтобы наблюдать за происходящим на «луне». Проклятье! Так близко и все же так далеко! Должно быть, Владыка получал удовольствие, глядя, как происходят изменения, а люди и животные приспосабливаются к ним. Наверняка Уртона жил во дворце не один. Как он удовлетворял потребность в общении и в сексе? Наверное, похищал время от времени туземок, а потом выкидывал их, а затем смотрел, как они падали сотню миль...

Теперь это не имело значения. И Уртона и его жертвы мертвы. А вот как им уцелеть при воссоединении спутника с основной массой планеты?

При столкновении шанс на выживание имели только те животные, которым случилось оказаться на верхней части «луны». Находившихся же на нижней части перемалывало в труху при падении на землю. Аналогичная участь ожидала и тех, кто обитал в зоне предстоявшего присоединения спутника.

Однако Уртона предусмотрел для них возможность спасения. Он наделил животных инстинктом, который гнал их из опасной области. Луна приближалась к планете несколько дней, и животные интуитивно знали, когда покидать свои места. К сожалению, убе-

жать могли лишь те, кому посчастливилось оказаться у внешних границ обреченной зоны. Остальным не хватало времени. Растения же передвигались слишком медленно, так что не успевали уйти, но инстинкт заставлял их выбрасывать летающие семена.

Итак, как определить, на какой стороне «луны» они окажутся, когда шарообразный спутник изменит форму перед падением?

— Этого нельзя узнать,— Анана пожала плечами.— Нам придется просто уповать на удачу.

— Я полагался на нее в прошлом,— усмехнулся Кикаха.— Но сейчас — нет! На удачу рассчитываешь только тогда, когда не остается ничего другого.

* * *

«Луна» медленно вращалась, совершая полный оборот примерно за тридцать дней. В небе висело огромное тело планеты, на котором зияла медленно зарастающая «рана». Возможно, им повезло, что они оказались здесь, а не рядом с колоссальной брешью, где теперь располагалась зона чудовищных мутаций.

— Должно быть, Уртона наслаждался этим зрелищем из окон своего дворца,— сказал Кикаха.— Иногда мне хочется, Анана, чтобы твой удар оказался для него не смертельным. Тогда бы он оказался сейчас там, внизу, и сам испытал ужас того существования, на который обрек свои создания.

Наконец он решился сообщить о своем плане. Анана и Маккей сочли его идею замечательной и тут же приступили к осуществлению проекта. Прежде всего маленький отряд отправился к горе, за которой, как они выяснили, находилось место ночлега гигантских птиц, названных ими рухами[1]. Кикаха, Маккей и Анана съехали по склону впадины и подкрались к трем спавшим рухам. Каждый из них нанес точный удар заостренными копьями, пронзив мозг птиц через широкие глазницы. Затем они спрятались под крылом

[1] По аналогии с птицей Рух из «Тысячи и одной ночи».

мертвой птицы и дождались, когда ее сородичи улетят на охоту. Отрезав крылья и хвостовое оперение, трое людей отнесли свою добычу в лагерь.

— А зачем мы это сделали? — спросила Анана.

— Смастерить из этих крыльев и перьев дельтапланы. Мы прикрепили их к деревянным каркасам и...

— Извини,— улыбнулась Анана.— Ты никогда раньше не упоминал про какой-то свой опыт по части дельтапланов.

— Это потому, что у меня его нет. Но мне доводилось читать о дельтапланах, и я таки налетал несколько часов с частным инструктором на «Пайпер-Кабе» [1], как раз достаточно для самостоятельного пилотирования Но пришлось отказаться от этого увлечения — деньги иссякли.

— А я не летала на дельтапланах около тридцати лет,— сказала Анана.— Но смастерила я их много и набрала на них три тысячи часов летного времени.

— Отлично! Значит, ты можешь научить нас летать на них. Так или иначе, в моем сне мы прикрепили крылья к каркасу, а потом, чтобы крылья не выгибались, привязали к костям крыльев деревянные планки, использовав вместо проволоки сыромятные ремни.

— А как ты управлял этим самодельным дельтапланом? — снова перебила его Анана.

— Перемещением веса — именно так делали Джон Монтгомери, Перси Пилчер, Отто и Густав Лилиентали. Они висели под крыльями или между ними на ремнях или на сиденье, и у них все шло отлично. Э... то есть, пока Джон, Отто и Перси не погибли.

— Хорошо, что это был только сон,— хмыкнул Маккей.

— Да? Сны служат трамплином в реальность.

— О-о! Так и знал, что ты не шутишь,— простонал Маккей.

Анана едва удержалась от смеха.

— Полагаю, мы могли бы сделать дельтапланы из дерева и шкур антилоп,— сказала она.— Однако, коль

---

[1] «Пайпер-Каб» — маленький одномоторный самолет.

скоро мы окажемся в поле притяжения основной планеты, им не продержаться в воздухе даже мгновения. Поэтому нет смысла задумываться над этим всерьез. Даже если мы сможем спланировать со склона горы и поймать восходящий поток, нам не удастся подняться очень высоко. На луне нет вспаханных полей и асфальтированных магистралей — откуда взяться потокам теплого воздуха?

— Зачем мы тогда обсуждаем это? — Маккей пожал плечами.

— Это помогает провести время,— ответила Анана.— Итак, Кикаха, как ты намеревался поднять дельтапланы достаточно высоко для выхода из зоны притяжения «луны»?

— Слушайте, если мы, в нашем представлении, пулей несемся вверх, то на самом деле, с точки зрения находящихся на поверхности планеты, пулей несемся вниз,— растолковал слушателям Кикаха.— Нам надо всего-навсего попасть в поле притяжения планеты, и мы упадем на нее.

— Что ты имеешь в виду — «пулей несемся»? — встревожился Маккей.

У него имелась веская причина для волнений. По вине этого парня, любителя рисковать, он не раз оказывался в опасной ситуации.

— В моем сне это происходило вот как. Мы обнаружили батарею пушколябров, убили четверых из них и притащили в лагерь. А потом придали им обтекаемую форму, обрубив ветви и глазные стебли. Затем...

— Подожди-ка,— перебила Анана.— Ты хочешь сказать, будто превратил эти живые пушки в ракеты? И привязал к ним дельтапланы, а потом запустил эти ракеты и, после того как они поднялись повыше, перерезал ремни?

Кикаха кивнул. Анана расхохоталась и долго не могла остановиться.

— Это же сон, не так ли? — с надеждой спросил Маккей.

— Послушайте, я все продумал! — Кикаха покраснел.— Это можно сделать. Во сне я...

— Во сне бывает все, что угодно,— согласилась Анана.— Но в действительности нет никакого способа управлять сгоранием пороха. Чтобы набрать достаточную высоту, тебе придется набить пороха в ствол по самое жерло. Но когда это топливо взорвется — а оно взорвется, и все сразу,— то внезапное ускорение оторвет дельтаплан от ракеты, разрушит фюзеляж и крылья, а заодно и тебя убьет.

Кикаха еще больше покраснел.

— Неужели мы не можем придумать никакого способа управлять взрывами?

— С теми материалами, какие у нас есть,— нет. Забудь об этом. Это был приятный сон, но... ха, ха, ха!

— Хорошо, что у твоей женщины есть какой-то здравый смысл,— заметил Маккей.— И как ты сумел прожить так долго?

— Полагаю, потому что осуществлял не все свои бредовые идеи. Я ведь только наполовину сумасшедший, а не законченный псих. Но нам надо убираться отсюда. Если мы окажемся на нижней стороне, когда «луна» начнет менять форму, то нам конец.

Наступившее молчание наконец прервала Анана:

— Ты прав. Нам надо что-то делать. Мы должны найти материалы для изготовления дельтапланов — причем таких, которые могли бы летать в условиях планетарного притяжения. Но вот освободиться от гравитации «луны» — нечто иное. Не представляю, как...

— Воздушный шар с горячим воздухом! — закричал Кикаха.— Он поднимет и нас и дельтапланы!

Кикаха думал, что, если удастся найти подходящие материалы для изготовления воздушного шара и дельтапланов, то подняться в воздух лучше после того, как «луна» изменит форму. Снижение плотности небесного тела сделает местную гравитацию еще более слабой, а значит, воздушный шар обретет большую подъемную силу.

Анана согласилась, однако заметила, что сопровождающие изменения катаклизмы слишком опасны. Они не застрахованы от гибели. Или, даже если сами выживут, то может не уцелеть воздушный шар. А после

преобразования у них не будет времени достать новые материалы.

Еще одна продолжительная дискуссия касалась дельтапланов. Немного подумав, Анана предложила использовать вместо них парапланы. Она объяснила, что это такой тип парашюта, полетом которого можно в какой-то степени управлять.

— Главная трудность по-прежнему с материалами,— сказала она.— С учетом слабой гравитации воздушный шар из частично выделанных шкур антилоп виолне мог бы поднять нас на необходимую высоту. Но чем скреплять полоски шкур? Сшивать? Горячий воздух начнет выходить через нахлесты и швы. И все же...

Внезапно Маккей закричал. Анана и Кикаха повернулись и посмотрели в том направлении, куда он указывал.

Выползая из-за похожей на пагоду горы, к ним медленно приближался гигантский объект — дворец Уртоны. Он с величественной неторопливостью проплыл примерно в двухстах футах над равниной.

Они ждали его, и через два часа воздушный замок поравнялся с ними. Дворец казался высеченным из единственной глыбы гладкого камня или материала, похожего на камень. Каждые пятнадцать минут ярко светящаяся поверхность меняла цвет. Перебрав весь спектр, она заканчивала его радужным блеском голубого, белого, зеленого и розовато-красного оттенков, а затем цикл начинался сначала.

Над стенами возносились башни, минареты и купола, а в них — множество окон и дверей: квадратных, круглых, ромбовидных, шести- и восьмиугольных. На плоском днище тоже имелись окна. Насчитав двести балконов, Кикаха сбился со счета.

— Я знаю, что нам туда не пробраться,— сказала Анана.— Но мне все равно хочется испытать рог.

В тишине разнеслась незатейливая мелодия. Как они и ожидали, стены дворца остались без изменений.

— Нам следовало выбить из Уртоны кодовое слово,— с досадой произнес Кикаха.— Покоптить его над костром, и...

— Эй! — закричал Маккей.— Смотрите!

Из окна на нижнем этаже на них уставилось лицо. Мужское...

ГЛАВА 20

Даже на таком расстоянии можно было разглядеть, что это не Уртона и не Рыжий Орк. Огромное круглое окно не позволяло судить о росте этого юноши с зачесанными назад темными волосами. А такого костюма Кикаха вообще никогда не видел. Анана сказала, что подобный стиль был в моде у Владык несколько тысячелетий назад. Куртка поблескивала пульсирующими огнями, словно ткань состояла не из нитей, а из тонких неоновых трубок. В вырезе виднелись кружева рубашки.

Вскоре плывущий в воздухе дворец пронес юношу мимо них, но через минуту он снова появился уже в другом окне. А потом они увидели, как он мчался вдоль окон. Наконец таинственный незнакомец остановился и прижал лицо к угловому окну.

— Ты узнала его?

— Нет, но это ничего не значит,— ответила Анана.— Владык много, и даже если мы с ним когда-то виделись, я могла просто забыть его.

— А что, если он вообще не Владыка? Как он тогда попал во дворец Уртоны? И если мы его заинтересовали, а судя по тому, как он бегал от окна к окну,— это так, то почему парень не перешел на ручное управление и не остановил дворец?

Анана пожала плечами.

— Откуда мне знать?

— В общем-то, я и не ждал от тебя ответа. Может быть, он просто не умеет управлять дворцом. Угодил в ловушку. Я хотел сказать — попал через врата во дворец и не знает, как теперь выбраться.

— Или нашел центр управления, но боится войти туда, потому что там наверняка есть какая-то западня.

— Может быть, он придумает способ войту туда, не угодив в нее,— решил высказаться Маккей.

— К тому времени он уже не сможет нас отыскать. Даже если захочет,— охладила его Анана.

— Дворец еще пролетит здесь,— настаивал Кикаха.— Может, тогда...

— Сомневаюсь, что дворец будет оставаться на той же орбите.— Анана покачала головой.— Он, вероятно, движется по спирали.

На планете дворец передвигался лишь в нескольких футах от земли. Здесь же он парил в двухстах футах над поверхностью. По мнению Ананы, Уртона установил автоматический контроль для того, чтобы дворец мог сопровождать «луну» во время ее падения.

— Уртона тогда мог бы спускаться вместе с ней и все же находиться достаточно далеко, чтобы столкновение прошло бесследно для дворца.

— Если так, то столкновение не должно быть слишком страшным. Иначе земля запросто могла бы вздыбиться на сотню с лишним футов.

— У Уртоны имелась веская причина поднимать дворец на такую высоту. К несчастью для нас, это лишает нашу компанию всякой возможности попасть во дворец, пока он на «луне».

Дворец они больше не видели. Очевидно, он облетал «луну» по спиральной орбите.

Появление дворца послужило стимулом для бурной деятельности. Охота отнимала много времени: они убивали деревья и гонялись за антилопами. Потом мужчины обрубали ветви и обстругивали стволы, нарезали полосы из шкур убитых антилоп и выскабливали их ножами. Надо сказать, качество выделки оставляло желать лучшего. Анана с помощью деревянных игл сшивала шкуры друг с другом, затем придавала широкому полотнищу нужную форму, а затем пришивала огромный треугольник к деревянному остову. Вместо проволоки части конструкции связывали ремни из сыромятной кожи.

Для управления Анана надеялась применить треугольную трапецию. Но, несмотря на все усилия, им так и не удалось скрепить по углам три тонкие планки. Получившаяся конструкция оказалась попросту

недостаточно прочной и, вероятно, распалась бы при нагрузке. Тогда вместо трапеции Анана остановилась на системе с параллельными планками. Пилоту полагалось пропустить пару планок под мышками и ухватиться руками за стойки. Управление будет осуществляться с помощью перемещения веса пилота.

Когда эти планки и стойки установили, Анана, нахмурясь, оглядела получившуюся махину.

— Не знаю, выдержит ли каркас нагрузку. Ну, есть только один способ проверить.

Она заняла положение под дельтапланом. А затем, вместо разбега, без которого ей не удалось бы взлетать на Лавалитовом мире, она присела и прыгнула навстречу ветру. Взлетев футов на тридцать пять, Анана поймала порыв ветра и пролетела небольшое расстояние, а затем приземлилась.

Когда двое мужчин подбежали к ней, она усмехнулась.

— Первый в истории шкуроплан только что совершил свой первый полет.

Анана продолжила опыты, совершая короткие перелеты. Потом они вернулись в лагерь, и Кикаха, получив инструктаж — в двадцатый раз,— попробовал свои силы в качестве пилота. Затем его сменил Маккей.

— Завтра мы снова будем тренироваться на равнине,— решила Анана.— А послезавтра поднимемся на гору и испытаем свое везение там. Я хочу, чтобы вы немного потренировались в управлении при довольно длинном планирующем спуске. Мастерства я от вас не жду.

На пятый день практических занятий они учились делать повороты. Анана предупредила их о том, что надо хорошо разгоняться, поскольку дельтаплан при вираже терял скорость и мог выпасть из воздушного потока. Кикаха и Маккей неукоснительно выполняли требования Ананы, и пока тренировки обходились без происшествий.

— Хорошо бы прыгнуть со скалы и попарить в воздухе,— сказала она.— Но здесь нет никаких восходя-

щих потоков теплого воздуха. И все-таки стоит подняться выше.

Им пришлось подождать, пока ближайшая гора не приобрела именно такую форму, какая требовалась: с одной стороны пологий склон, по которому они могли бы подняться на вершину, и более-менее отвесная стена с другой стороны. К тому времени Анана построила для себя «летающее крыло». Грубые антилопьи шкуры не позволяли парашюту раскрываться при прыжке. Поэтому полотно натянули на деревянный каркас, который одновременно обеспечивал и прочность структуры.

Они поднялись на вершину горы, и Анана без колебаний подошла к самому краю, схватила покрепче «летающее крыло» и, держа его над головой, немного опустила носовую часть, чтобы не дать ветру подхватить его. Прыгнув с высоты в четыре тысячи футов, она повисла на ремнях и полетела. В этот же миг земля дрогнула, и мужчины отступили от края откоса. Почти без звука уступ сорвался и упал в пропасть.

Анана спускалась быстрее, чем на дельтаплане. Подтягивая или отпуская носовой ремень, она регулировала высоту полета, а затем, набирая скорость и используя крен, совершала плавные развороты. Проследив за ее полетом и увидев, что она приземлилась, мужчины спустились с горы.

На следующий день с горы прыгнул Маккей, а еще через день «летающее крыло» испробовал Кикаха. Их успехи радовали Анану, но она все же заметила:

— «Крыло» слишком тяжелое для полета над планетой. Нам надо найти более легкое дерево для каркаса и что-то полегче антилопьих шкур.

Анана сделала новое «крыло», на сей раз оснастив его рулевыми щелями с клапанами и особым стабилизатором потока. Они отнесли махину на другую гору, отвесная сторона которой достигала лишь тысячи футов. Анана снова совершила прыжок, однако в полете ее атаковал рух. Гигантская птица вцепилась когтями в крыло и, удерживая добычу, направилась к горе.

Анана метнула вверх топорик, и острие вонзилось в шею птицы, а затем топорик упал. Рух, испугавшись, выпустила добычу, а Анана быстро запланировала вниз. Несколько минут птица следовала за ней, а затем, хрипло крича, умчалась прочь.

Анана потратила час на поиски топорика, но, увидев вдалеке моа, поспешила скрыться. На следующий день на розыски ушло полдня, наконец Маккей нашел топорик за валуном, который возник из земли, пока они осматривали все вокруг.

Следующим этапом их проекта являлось создание небольшого воздушного шара. Но сначала требовалось построить щит для защиты от ветра, который здесь никогда не утихал, достигая скорости примерно десять миль в час. Работа заняла четыре недели. Они копали грунт ножами, топориком и заостренными палками. Полукруглый земляной вал в шестнадцать футов высотой увенчала крыша, поддерживаемая стволами мертвых деревьев.

Затем отряд отправился на охоту. После двух дней выматывающей погони и перетаскивания туш убитых антилоп из удаленных мест у них собралась большая куча шкур, многие из которых уже начали разлагаться. На отдых не оставалось времени. Они скоблили жир, опаливали шкуры и разрезали их на полосы. Затем Анана с Кикахой сшили все сегменты, а Маккей занялся корзиной и сетью для шара.

К рассвету все было готово. На земляном полу небольшой корзины развели огонь. Мужчины, используя деревянные козлы, подняли ненадутую оболочку таким образом, чтобы жар от костра поступал непосредственно в отверстие шара. Постепенно шар заполнился горячим воздухом. Когда он был готов взлететь, Кикаха и Маккей схватили свисавшие с сети по окружности оболочки ремни и вытащили шар из-под крыши. Ветер подхватил его и стремительно понес через равнину, накренив набок корзину. Из швов заклубился голубоватый дым. Анана покачала головой:

— Я знала, что он недостаточно герметичен.

Тем не менее шар продолжал подниматься. Висевшая на сыромятных ремнях корзина загорелась, и вскоре дно рухнуло на землю, рассыпая вокруг горящие угли. Шар поднялся еще на несколько футов, затем начал снижаться, а затем упал за горой; к этому времени он уже пролетел по меньшей мере пять миль и поднялся примерно на милю в высоту.

— Жаль, что у нас нет кинокамеры,— вздохнул Кикаха.— Это же единственный воздушный шар из сыромятной кожи в истории человечества.

— Даже если мы и найдем для оболочки более подходящий материал,— заметила Анана,— он все равно будет животного происхождения, значит, быстро сгниет.

— Туземцы наверняка умеют дубить шкуры,— заметил Кикаха.— И они также могут знать, какое дерево может пригодиться нам. Давайте найдем какое-нибудь племя и расспросим их.

Через четыре недели напрасных поисков Кикаха назначил последний срок — три дня. На второй день, забравшись на вершину горы, они увидели, как по равнине передвигается небольшое племя. Наверное, в миле от них виднелась сидящая посреди бескрайнего моря травы крошечная фигурка.

Спустя несколько часов Кикаха, Маккей и Анана подошли к фигуре, накрытой одеялом из шкур. Кикаха прыгнул вперед и сорвал их. На земле сидела старуха, скрестив исхудавшие ноги и покорно сложив руки на отвисшей груди. В кулаке она сжимала рукоятку кремневого скребка. Почувствовав, что с нее сорвали одеяло, женщина открыла глаза и заскулила от ужаса. А потом, к изумлению Кикахи, улыбнулась и, снова закрыв глаза, затянула пронзительную воющую песнь.

Анана обошла вокруг нее и осмотрела изогнутую спину женщины, выпиравшие ребра, редкие седые волосы. Ее внимание привлекла изогнутая под неестественным углом стопа без трех пальцев, изборожденная глубокими шрамами.

— Она уже слишком стара для любой работы и долгих переходов,— констатировала Анана.

— Поэтому ее просто оставили умирать с голоду или на съедение животным,— добавил Кикаха.— Но зачем ей этот скребок? Перерезать себе вены на запястьях?

— Вероятно,— Анана вздохнула, ощупывая одеяло.— Вот потому она и обрадовалась нам — надеется, что мы избавим ее от страданий. Но старуха может рассказать нам, как выделывать шкуры, и поделиться другими секретами. Если, конечно, не впала в маразм.

Оставив Маккея охранять старуху, Кикаха с Ананой ушли на охоту. На исходе дня они вернулись, неся части туши газели, а также полную сумку ягод, собранных с дерева, которое им удалось одолеть, хотя на коже Кикахи виднелся длинный красноватый рубец от удара щупальцем. Они предложили старухе ягоды и воду, и та после некоторых колебаний приняла их. Затем Кикаха выкопал в земле небольшую ямку, наполнил ее водой, бросил туда несколько камней, раскаленных на огне, и добавил крошечные кусочки мяса. Суп получился густым и теплым, и старуха с аппетитом съела его.

Утром после сытного завтрака начались уроки языка. Как только старуха поняла, что ее не откармливают на обед, она с энтузиазмом принялась обучать их. Кикаха между тем отправился вдогонку за бросившим ее племенем. Через двое суток он вернулся с хорошей добычей: кремневые наконечники для копий, топоры, скребки и несколько боевых бумерангов.

— Дело оказалось несложным. Я подкрался к ним ночью — они дружно храпели, объевшись подгнившей слонятины. Я забрал чего хотел и спокойно ушел. Спали даже часовые.

* * *

Обучение языку продвигалось быстро, через три недели Шубам уже рассказывала им анекдоты. Она оказалась настоящим кладезем полезных сведений.

Кикаха сделал для Шубам костыль, чтобы она могла передвигаться, а Анана ежедневно несколько часов

массировала полупарализованные ноги старухи. Женщина окрепла, даже начала немного прибавлять в весе. Ей нравилось чувствовать себя важной особой, и все-таки порой она тосковала по своему племени и часто вспоминала многочисленных внуков. Но Шубам обладала стоической крепостью всех туземцев, к тому же многое из того, что эти трое чужаков считали насущной необходимостью, она воспринимала как роскошь.

Люди упорно трудились с рассвета до поздней ночи и наконец изготовили три «летающих крыла», которые намного превосходили по легкости и крепости сделанный Ананой первоначальный образец.

Узнав от Шубам о дереве, кора которого содержала мощный яд, Кикаха и Анана отправились на поиски рощи. Найдя такую, они заарканили дюжину растений и убили их, хотя при этом едва сами не погибли от выделяемого щупальцами яда. Воспользовавшись инструкциями старухи, они с необходимыми предосторожностями извлекли яд. Обнаружив сходство ветвей ядовитого растения с ветвями тиса, Кикаха очень обрадовался и сделал луки с тетивами из козьих кишок. Стрелы оснастили кремневыми наконечниками, похищенными им в племени Шубам, и обмакнули их в яд. Теперь они могли охотиться на слонов и за месяц заготовили более чем необходимый запас оболочек слоновьих желудков. В расчете на квадратный ярд эти мембраны весили на две трети меньше, чем шкуры газелей.

— Теперь «крылья» будут достаточно легкими для полета и в поле притяжения планеты,— уверенно заявила Анана.

После ряда неудачных опытов они научились добывать из одного растения вещество, похожее на клей. Оно могло герметически соединить края полос, составлявших оболочку шара, и даже через двадцать часов клей не потерял своих свойств. Лишь после тридцати часов нагревания он начал разлагаться на составные части.

— Сойдет,— заявила Анана.— Надеюсь, мы будем лететь на шаре не больше часа. Тем более что дров мы с собой можем взять не больше чем на час полета.

— А как быть с ней? — Кикаха кивнул в сторону Шубам.— Она помогла нам, дала реальный шанс улететь отсюда. Бесчеловечно будет просто оставить ее здесь. Но и взять ее с собой мы тоже не можем.

— Не беспокойся,— сказала Анана.— Я уже с ней обо всем договорилась. Она знает, что в один прекрасный день мы уберемся отсюда. Но Шубам благодарна нам за столько прожитых ею лишних дней, не говоря уж о том, что мы кормили ее так, как никогда она в жизни не ела.

— Так о чем ты с ней договорилась?

— Я обещала перерезать ей вены на запястьях.

Кикаха поморщился.

— Ты мужественней меня, Ганга Дин[1]. Я, наверное, не смог бы этого сделать.

— Есть идея получше?

— Нет. Если так надо, пусть будет так. Полагаю, это следовало бы сделать мне, но я рад, что не должен этим заниматься.

ГЛАВА 21

Анана предложила сделать три шара поменьше вместо одного большого.

— Послушайте меня. Чтобы обеспечить одинаковую подъемную силу, материал большого шара должен обладать намного большей прочностью на квадратный дюйм, чем материал меньшего шара. Сделав три меньших шара вместо одного большого, мы выиграем в прочности и одновременно уменьшим вес. Поэтому каждый из нас совершит подъем на своем аэростате.— Помолчав, она добавила: — К тому же ими легче управлять.

Кикаха проиграл слишком много споров с ней и потому возражать не стал. Маккею не очень нравилось подчиняться женщине, но пришлось признать, что по части воздухоплавания Анана была среди них авторитетом.

---

[1] Герой одноименного рассказа Р.Киплинга.

Заканчивая последние приготовления, они работали не покладая рук. Даже Шубам помогала им; странно, что приближение смерти не омрачало ее радостного настроения. По крайней мере, если она и испытывала печаль и страх, то не показывала этого.

Наконец три оболочки лежали на земле, каждую охватывала сеть из тонких, но крепких полос выделанной мембраны. Эти ремни-стропы крепились к углам и бокам корзины; Анана предпочла бы привязать их к обручу, под которым должна висеть на футропах корзина,— такая конструкция давала лучшую устойчивость. Однако вырезать из дерева три таких кольца было почти невозможно; кроме того, если сделать этот обруч достаточно прочным, способным выдержать вес корзины, ее пассажира и топлива, то он окажется довольно тяжелым.

Дно корзины, сделанной из склеенных кусков коры, покрывал толстый слой земли, на котором располагалась куча ветвей, под которую подложили древесную стружку и мох. А слой трута загорится от искры, высеченной ударом о кремень ножом или топориком.

Из-за преображений местности земляной вал уже четырежды обваливался. Последнее укрепление сделали вдвое выше и вчетверо длиннее насыпанного для пробного шара. Крышу соорудили из ветвей, положенных на перекрестье из балок, опиравшихся на стойки.

У открытого конца ограды стояли три примитивных подъемных крана, похожих на виселицы. С верхних сторон перекладин к макушкам шаров тянулись сплетенные из волокон швартовы.

Одну за другой мужчины подтянули оболочки вверх, и те свободно повисли под перекладинами виселиц. Концы якорных веревок были привязаны к вертикальным столбам. Маккей, изъявивший желание взлететь первым, вероятно, из-за выматывающего ему нервы ожидания, разжег костер. Дым начал подниматься в подвешенную к горловине шара свернутую в трубку шкуру. Когда оболочка начала разбухать от распространяющегося горячего воздуха, Анана развела огонь в своей корзине. Через несколько минут Кикаха сделал то же самое.

На небе засветились первые полосы «рассвета». Скорость ветра достигала как минимум примерно восьми миль в час.

Шар Маккея продолжал раздуваться. Как только стало ясно, что он может уже держаться в воздухе сам по себе, негр подпрыгнул и, дотянувшись топориком, перерубил соединенный с макушкой шара швартов. Выждав еще минуту, он вытащил шар за корзину из-под рамы.

Когда шар Ананы достаточно поднялся, чтобы висеть без поддержки, женщина перерезала швартов, и вскоре то же самое сделал Кикаха.

Шубам, которая сидела в стороне, поднялась, опираясь на костыль, проковыляла к Анане и что-то тихо сказала ей. Анана обняла старую женщину и одним движение перерезала ей вены на запястьях. Кикаха хотел отвернуться, но подумал, что, если кто-то другой делает за него эту грязную работу, то, по крайней мере, не следует отводить взгляд.

Шубам уселась около корзины Ананы и затянула песнь смерти. Она, казалось, не заметила, как Кикаха помахал ей на прощание рукой. По щекам Ананы текли слезы, но она не переставала деловито подбрасывать дрова в костер.

— Пока! — крикнул Маккей.— Скоро увидимся! Надеюсь на это!

Вытащив шар из-под навеса, он быстро забрался в корзину, подбросил в костер еще несколько ветвей и стал ждать. Шар немного накренился, когда ветер задел его верхушку, затем начал подниматься.

Через несколько минут в воздух взмыл шар Ананы. Следом за ней с небольшим интервалом взлетел Кикаха.

Уходящий вниз пейзаж его не интересовал, все внимание было сосредоточено на раздувавшейся оболочке шара. Параплан по-прежнему оставался прикрепленным к сетке. Его привязали к верхней стороне, когда оболочка еще лежала на земле. Со стороны, наверное, это выглядело так, будто на гигантской лампочке распластался соответствующих размеров мотылек.

Не ощущалось никакого движения; Кикаха словно парил на ковре-самолете. Выше и дальше в воздухе плыли два других шара. Анана помахала ему рукой, и Кикаха ответил на приветствие, а потом занялся костром.

Обзор расширился. Горизонт отступил. Впереди тянулись вереницы гор и равнин, а между ними поблескивали впадины, заполненные дождевой водой. Половину неба закрывало тело планеты. Огромная рана, возникшая после отрыва осколка, затянулась. Планета-мать ждала возвращения ребенка, предвкушая еще один катаклизм. Мимо проносились стаи птиц и небольших крылатых млекопитающих. Они улетели с «луны», а значит, до возвращения спутника оставалось не так уж много времени.

Пламя костра пожирало дрова, и запас веток теперь выглядел довольно скудным. Утешало лишь одно — сгорая, топливо избавляло шар от своего веса. А потому он поднимался еще быстрей. На высоте примерно пятнадцати миль Кикаха определил, что у него хватит дров для подъема еще на пять-шесть миль.

Шар Маккея уносило прочь от других. А шар Ананы находился приблизительно в полумиле от Кикахи, но, похоже, перестал удаляться от него.

На высоте около двадцати миль Кикаха бросил в огонь последние дрова. Когда они прогорели, он сгреб горячий пепел за борт с подветренной стороны, а затем выкинул следом за ним и землю, после чего закрыл служившую дефлектором воронку из сыромятной кожи. Это поможет предотвратить быстрое остывание горячего воздуха.

Кикаха выглянул за борт корзины. Через некоторое время шар начнет падать, и тогда ему придется воспользоваться парапланом для спуска обратно на «луну». Оставалась слабая надежда, что он окажется на верхней стороне спутника.

Внезапно его легкие наполнил теплый воздух. Быстрое изменение температуры воздуха наверняка означало достижение шаром зоны, называемой Уртоной гравитационной границей. Здесь энергия силы контр-

отталкивания на некоторое время удержит шары на одном уровне. Когда жар усилился, он отвязал воронку и выбросил ее из корзины. Положение оставалось неопределенным. Шар падал, но горячий воздух толкал его вверх быстрее, чем он опускался. Струя восходящего потока поступала через горловину внутрь оболочки, когда более горячий воздух в ней постепенно остывал. Но оболочка уже начинала опадать.

Поскольку воздушный шар двигался теперь не со скоростью ветра, Кикаха его почувствовал. Когда спуск станет достаточно стремительным, он услышит, как ветер засвистит в стропах. Не самый приятный звук.

Пол корзины начал медленно крениться. Кикаха взглянул на шар Ананы и заметил его вращение.

Они достигли зоны разворота. Теперь предстояло действовать быстро, но без суеты.

Кикаха вскарабкался по стропам на сеть шара, и пока он лез, воздух стал еще горячее. Ему казалось, что температура за минуту поднялась примерно от ста до ста тридцати градусов по Фаренгейту. Оболочка оказалась горячей, но не настолько, чтобы обжигать ему руки и ноги. Когда он добрался до параплана, пот заливал ему глаза. Кикаха принялся срезать ремни, которыми «летающее крыло» крепилось к сети. Смахнув пот, он рассек привязывающие сбрую ремни и принялся надевать ее. Сделать это было нелегко, поскольку ему приходилось все время цепляться одной рукой и одной ногой за ремни сети. Нога его при этом несколько раз соскальзывала, но ему удавалось просунуть ее обратно между сетью и оболочкой.

Кикаха огляделся кругом. Итак, переворот завершился и большой овал планеты находился теперь прямо под ним, а меньший — «луны» — над головой.

Аэростат Маккея затерялся в просторах красного неба. Ананы не было в корзине, а это означало, что она тоже забралась на сеть оболочки и пыталась высвободить параплан.

Внезапно воздух стал прохладнее, а ветер дул все сильнее. Воздушный шар, оболочка которого съеживалась с пугающей быстротой, направлялся к земле.

Привязав сбрую с ремнями между ног, Кикаха перерезал веревку, которой нос «крыла» крепился к сети. Требовалось рассечь еще одну, удерживавшую у сети задний конец параплана. Анана много раз предупреждала его именно о такой последовательности. Иначе восходящий поток воздуха подхватит «крыло» с нижней стороны, тогда оно поднимется, оставаясь по-прежнему соединенным с шаром, и распластается, прижатое верхней стороной к оболочке все возрастающей силой ветра.

— Конечно, у тебя будет солидный запас времени,— говорила Анана.— До поверхности планеты восемьдесят миль, а при таком длительном путешествии тебе, возможно, удастся сотворить ряд чудес. Но я бы на это не рассчитывала.

Кикаха спустился по сети к заднему концу «крыла», схватился за узел, соединяющий его с сетью, и перерезал ножом. Его сразу же рвануло вверх, так быстро, что даже перехватило дыхание. Шар пронесся мимо него, а Кикаха закачался на концах строп. Ремни врезались ему в бедра.

Потянув управляющую стропу, Кикаха приспустил нос «крыла» и перешел на скоростной планирующий спуск. Или, если так можно выразится, падал относительно медленно.

Где же Анана? Темная точка — человек или птица — находилась ниже и левее его в красноватом небе. Сделав вираж, Кикаха, планируя, заскользил к ней. Постепенно точка увеличилась и через некоторое время превратилась в верх параплана.

Приоткрыв с помощью стропа пропускной клапан, Кикаха начал снижаться быстрее и вскоре оказался на одном уровне с Ананой. Увидев его, женщина описала вираж. Немного поманеврировав, они оказались в двадцати футах друг от друга.

— У тебя все в порядке? — проорал он.

— Да! — крикнула она.

— Маккея видела?

Она покачала головой.

Через два часа Кикаха заметил крупный, похожий на птицу объект, который находился примерно в двух

тысячах футах под ними. Маккей или рух? Приглядываясь к этому силуэту, он решил, что это птица. Неизвестный объект стремительно снижался; планируя под таким углом, он должен приземлится очень далеко от них. В таком случае Маккею (если это он) придется самому позаботиться о себе.

Через несколько секунд Кикаха забыл о негре. Мимо промчалась стая птиц, похожих на гусей, а вслед за ней потянулись многочисленные стаи. «Луну» покидали миллионы пернатых существ. Воздух потемнел от тел, а хлопанье крыльев, кряканье, карканье, трели и свист сделались просто оглушающими.

Парапланы пронеслись сквозь клин журавлей, и те разлетелись в стороны, но птиц устрашило появление армады рухов. Теперь эти твари размером с аэроплан сопровождали людей, словно летучий эскорт. Ближайшая к Анане изменила курс и направилась к ней. Анана закричала, замахиваясь ножом. Напугала она его или нет, но рух потерял к ней интерес и отлетел в сторону. Кикаха облегченно вздохнул. Если бы один из этих гигантов атаковал, то его жертва оказалась бы совершенно беспомощной.

Парапланы продолжали снижаться, и через некоторое время птицы стали всего лишь пятнышками далеко в вышине.

Анана говорила ему, что это путешествие будет не самым длинным из всех, какие он когда-либо перепринимал, но оно станет наиболее болезненным. Она подробно описала, что именно произойдет, а также последовательность действий. Кикаха выслушал ее без особой радости. Но его воображение на целую милю не дотягивало до действительности.

Если параплан использовался как планер, скорость снижения достигала четырех футов в секунду. В этом режиме им потребовалось бы двадцать часов, чтобы достичь поверхности планеты. К тому времени на ногах могла появиться гангрена. Если «летающее крыло» применялось в качестве парашюта, скорость снижения доходила до двадцати футов в секунду, то есть полет сокращался примерно до шести часов.

И поэтому, отыскав друг друга в воздухе, Анана и Кикаха открыли несколько клапанов «крыльев» и начали спускаться в парашютном режиме. Кикаха работал руками и ногами для усиления кровообращения и иногда выпускал немного воздуха, пользуясь клапаном в «крыле». Однако эту процедуру можно было проделывать только с короткими перерывами. Слишком стремительный спуск мог оборвать стропы.

К тому времени, когда они оказались на уровне примерно десять тысяч футов, Кикаха чувствовал себя так, словно руки и ноги у него оторвались и летят обратно на «луну». Он висел, как марионетка, за исключением тех случаев, когда поворачивал голову, чтобы взглянуть на Анану. Ей полагалось находиться над ним, так как из-за более легкого веса она не могла спускаться так быстро. Но, наверное, она сделала клапаны на своем параплане несколько большими, чем у него, и поэтому висела напротив, словно мясная туша.

Кикаху беспокоила перспектива столкновения с сильными восходящими потоками, которые еще больше задержат их посадку. Но они продолжали спускаться с той же скоростью.

Под ними находились горы и несколько небольших равнин. Но к тому времени, когда до земли оставалось четыре тысячи футов, они приближались к огромной впадине, заполненной дождевой водой. В данный момент один из ее краев накренился в сторону, и вода выливалась через ущелье между двух гор. Стремительный поток спешил догнать убегающих животных. Впадину вместе с водой также покидали миллионы амфибий, существа спешили скрыться в горах.

Спустя некоторое время Кикаха увидел вспенивавших воду огромных животных, очертаниями похожих на крокодилов. Окликнув Анану, Кикаха указал на монстров. Та прокричала в ответ, что следует выпустить из «крыльев» немного воздуха и таким образом избежать приземления поблизости от этих тварей.

С огромным усилием Кикаха потянул за стропы. Через десять секунд он упал в воду неподалеку от берега, а две секунды спустя за ним с шумом плюхну-

лась Анана. Стропы он перерезал как раз вовремя, чтобы выскользнуть из сбруи. Вода сомкнулась у него над головой, он коснулся ногами дна и сделал попытку оттолкнуться. Безрезультатно. Сделав несколько гребков до крайности усталыми руками, Кикаха вынырнул на поверхность. Анана уже плыла к берегу, находившемуся в тридцати футах. Ноги у нее тоже не шевелились.

На траву они выползли, словно русалка и водяной. После этого наступил долгий период сильной боли, когда постепенно в конечностях восстановилось кровообращение. Затем они с трудом поднялись и побрели, пошатываясь, к холму. Их обогнали длинные четвероногие создания с покрытыми слизью телами, некоторые щелкали зубами, поворачивая к ним головы, но не пытались укусить.

Когда Кикаха и Анана перебрались на противоположный склон горы, силы окончательно оставили их. Люди провалились в сон без сновидений, забыв о львах, собаках и крокодилах величиной с бегемотов. Их ничто не волновало, даже если бы на них могла упасть луна.

ГЛАВА 22

Кикаха с Ананой бежали по равнине, сохраняя темп, в котором могли одолеть, не выматываясь, еще несколько миль. Если не считать поясов с ножами и рога, да прибора на запястье Ананы, они были абсолютно голыми. Бегуны обливались потом и тяжело дышали, но на этот раз они действительно могли догнать дворец — если только ничто не помешает.

За летучим колоссом также мчался всадник. Он скакал на «лосе» в полумиле от них, однако, несмотря на расстояние, высокий рост и бронзово-рыжие волосы позволяли узнать его. Рыжий Орк!

— И как он здесь оказался! — не пожалел на слова ценного дыхания Кикаха.— Интересно, что он будет делать, когда догонит дворец. Он же не знает кодовых слов.

— Да,— задыхаясь, ответила Анана.— Но, возможно, ему откроет дверь тот человек, которого мы видели.

Минут через десять в летающем замке распахнулось окно — или, скорее, балконная дверь. Орк ухватился за подоконник, и чьи-то руки помогли ему забраться внутрь. «Лось» тут же прекратил галоп и направился к роще шагающих растений.

Кикаха надеялся, что тот неизвестный обитатель дворца поможет и им. Но если Рыжий Орк заметил их, то наверняка будет против.

Они медленно приближались к огромному зданию. Босые ноги глухо топали по траве, воздух со свистом вырывался из легких, пот ел глаза. Кикаха и Анана чувствовали себя так, словно тела наполнялись ядом, который постепенно убивал мышцы.

Неожиданно ситуация усложнилась: дворец направился к горе, которая находилась на расстоянии около мили. Если он начнет подниматься по ее склону, то скорость его при этом ничуть не уменьшится, однако его преследователям пришлось бы карабкаться вверх.

Наконец нижний правый угол оказался на расстоянии вытянутой руки. Кикаха и Анана, пытаясь отдышаться, замедлили бег. На равнине они могли одолеть шагом еще километр. Но для подъема в гору сил уже не осталось.

В нижнем углу располагалось высокое окно. Края толстого стекла плотно стыковались со стенами, не оставляя ни щелей, ни выступов, за которые можно было уцепиться.

Кикахе с Ананой пришлось перейти с шага на трусцу. Через окна первого этажа, мимо которых они пробегали, просматривался освещенный коридор. На стенах, окрашенных в яркие цвета, висело много картин, возле многочисленных дверей, которые вели во внутренние помещения, стояли раскрашенные в телесные цвета статуи. Потом они пробежали мимо нескольких окон большого помещения, обставленного красивой мебелью, в дальнем конце которого находился огромный камин, в котором горел огонь.

Куполообразный робот на колесах, около четырех футов ростом, убирал со стола пыль. Металлическая многосегментная рука передвигала толстый диск, ко-

торый проходился по поверхности стола. Другой рукой он перемещал за собой по ковру какое-то устройство — по всей видимости, пылесос.

Кикаха прибавил ходу. Анана не отставала. Он хотел добраться до фасада прежде, чем начнется подъем на гору. Передняя часть дворца по-прежнему будет парить в футе над склоном, но, поскольку здание будет сохранять горизонтальное положение, то остальная его часть поднимется на такую высоту, что до нее уже будет не дотянуться.

Как раз перед тем, как фасад оказался у подножья горы, Кикаха с Ананой добрались до своей цели. Но теперь им приходилось взбираться по склону.

Они пробежали мимо углового окна и увидели в центре фасада большой балкон. Уртона, несомненно, установил его с целью получить возможность выходить подышать свежим воздухом и полюбоваться видами планеты. Вряд ли им удастся проникнуть во дворец, если только незнакомец не оставил по небрежности балконную дверь незапертой.

Здание двигалось вверх по склону, а Кикаха с Ананой бежали перед ним, перемещаясь наискось. Неожиданно Кикаха споткнулся, но сумел схватиться за край основания дворца, и его поволокло по склону. Тогда он разжал руки, покатился, и тут его удержала за запястье Анана. Каким-то образом им удалось подняться на ноги и возобновить бег, а затем они ухватились за край балкона и, раскачавшись, перемахнули на него.

Кикаха и Анана долго лежали на металлическом полу, втягивая в себя воздух с такой жадностью, словно каждый глоток его был последним. Наконец отдышавшись, они сели и осмотрелись. Двустворчатая стеклянная дверь без ручек снаружи, несомненно, открывались нажатием кнопки или кодовым словом.

Надеясь, что тут нет никаких датчиков сигнализации, Кикаха с силой ударил по прозрачной поверхности рукояткой ножа. Прочное стекло или пластик не только выдержало удар, но даже не треснуло. Впрочем, Кикаха был к этому готов.

— По крайней мере, мы едем,— успокоил он себя и принялся рассматривать балкон этажом выше. Тот находился в двадцати футах над ними — следовательно, вне досягаемости.

— Судьба зло шутит с нами. Нам наконец-то удалось добраться до дворца, и мы можем лишь умирать от голода перед этой самой дверью.

Кикаха снова поднял взгляд, на этот раз его заинтересовали набегавшие темные тучи.

— Скоро должен быть дождь. Во всяком случае, утолим жажду. Что ты скажешь, если мы проведем здесь ночь? Возможно, утром у нас появится какая-то идея.

Анана молча кивнула. Через два часа начался ливень, продолжавшийся несколько часов без перерыва. Жажду они утолили, но к тому времени, когда потоки воды перестали низвергаться с неба, Кикаха и Анана чувствовали себя едва не утонувшими щенками. Однако, когда день клонился к вечеру, они уже обсохли и заснули в объятиях друг друга.

К середине следующего «дня» их желудки рычали, как голодные львы, перед клеткой которых лежала куча бифштексов.

— Нам придется отправиться на охоту, пока мы совсем не лишились сил,— сказал Кикаха.— Мы сможем снова догнать этот замок, хотя такая мысль мне совсем не по душе. Если нам удастся сделать веревку с крюком, мы заберемся на тот балкон, этажом выше. Не исключено, что та дверь окажется открытой. С какой стати ее запирать?

— Она будет закрыта, потому что Уртона не стал бы рисковать. Я уверена, когда мы сделаем веревку, дворец улетит далеко вперед, и, возможно, мы даже потеряем его след.

— Ты права.

Кикаха повернулся к двери и застучал по ней кулаками. В центре большой комнаты за дверью виднелся фонтан. Из рога, который поднес ко рту мраморный тритон, били струи воды.

— Ой-ей-ей! Не двигайся, Анана! Сюда кто-то идет!

Анана замерла. Она стояла сбоку, вне поля зрения любого находившегося в помещении.

— Это Рыжий Орк! Он увидел меня! Поздно прятаться! Выбирайся на стену за балконом! Там есть украшения, на которых ты можешь повиснуть! Не знаю, что он намерен делать со мной, но если Орк выйдет сюда, тебе, возможно, удастся застать его врасплох. Придется мне стать жертвенным агнцем!

Уголком глаза он наблюдал, как Анана перелезла через перила и исчезла, оставаясь на прежнем месте, спокойно глядя на ее дядю. Орк уже успел облачиться в роскошные одежды из какого-то искрящегося материала. Наряд состоял из очень облегающих коротких штанов до икр, алых сапог с загнутыми носками, двубортного пиджака, рукава которого расширялись книзу, и кружевной рубашки с широким отложным воротником, украшенным драгоценными камнями. Владыка улыбался и держал в руке неприятный на вид лучемет.

Он остановился на миг у самой двери и прошелся вдоль нее, полностью осмотрев балкон. Рука его коснулась стены, явно нажимая кнопку, и двери ушли в стену прямо вверх. Теперь Орк держал оружие, нацелив его в грудь Кикахи.

— А где Анана?

— Умерла.

Орк улыбнулся и нажал на спуск. Кикаху отбросило назад, и он с силой врезался в перила. Он полулежал-полусидел, прислонясь к ним, и словно сквозь туман видел, как Орк вышел на балкон и посмотрел за перила.

— Иди сюда, Анана,— произнес, перегнувшись через перила, Владыка.— Я тебя обыграл. Но сначала выброси свой нож.

Спустя несколько секунд Анана медленно перелезла через ограждение. Орк отступил к двери и направил на нее лучемет. Взглянув на Кикаху, она испуганно спросила:

— Он мертв?

— Нет, лучемет установлен на малую оглушающую мощность. Я обнаружил вас прошлым вечером, после

того как сработала сигнализация. У твоего жеребца леблаббия хватило глупости замолотить в дверь. А сенсоры здесь очень чувствительные.

— Так ты наблюдал за нами? — уточнила Анана.— Хотел посмотреть, что мы попытаемся предпринять?

— Да,— с улыбкой кивнул Орк.— Забавное зрелище. С удовольствием любовался вашими бесплодными попытками.

Он заметил рог, висевший на ремне за ее плечом.

— Наконец-то он мой! Теперь я могу убраться отсюда.

Он нажал на спуск, и Анана отлетела к перилам. Кикаха к тому времени почти пришел в себя, хотя еще чувствовал слабость. Однако если Орк окажется в пределах досягаемости его рук...

Владыка не собирался этого делать. Он отступил назад, что-то произнес, и на балкон вышли два робота. На первый взгляд, они выглядели как обычные люди, однако мертвые глаза и движения, не такие плавные, как у живых существ, не оставляли сомнений, что под слоем «кожи» находится металл или пластик. Один из роботов забрал у Кикахи нож и выбросил оружие через перила балкона. Другой снял с запястья Ананы многоцелевой прибор. Потом роботы схватили людей за лодыжки и втащили внутрь. У одной из стен комнаты на высокой платформе с шестью колесами стояла большая полусфера из толстых перекрещенных прутьев. Робот поднял Анану и засунул в клетку через небольшое отверстие. Второй сделал то же самое с Кикахой. Двое пленников оказались в огромной мышеловке.

Орк нагнулся и сунул руку куда-то под клетку. Выпрямившись, он радостно сообщил:

— Я только что включил высокое напряжение. Не прикасайтесь к прутьям. Вас не убьет, но достанется основательно.

Орк приказал роботам и клетке следовать за ним, а сам направился из комнаты в широкий коридор со сводчатым потоком.

Кикаха подполз к Анане.

— С тобой все в порядке?

— Через минуту приду в себя,— ответила она.— Такая слабость... И голова болит!

— У меня тоже,— отозвался Кикаха.— Ну, по крайней мере, мы попали во дворец.

— Ну, знаешь! Иногда твой оптимизм... Ладно, забудь. Как, по-твоему, что случилось с тем парнем, который впустил Орка?

— Если он еще жив, то наверняка жалеет о своем добром поступке. Он не Владыка — иначе не позволил бы захватить себя.

Кикаха окликнул Орка и спросил его о незнакомце, но ответа не дождался. Подойдя к развилке коридора, Орк остановился, повернулся к стене и тихо произнес кодовое слово. Часть стены отъехала в сторону. За ней открылось помещение площадью двадцать на двадцать футов — вероятно, лифт.

Рыжий Орк нажал кнопку на приборной панели, и лифт помчался вверх. Когда кабина остановилась, вспыхнувший на двери символ показал, что они находятся на сороковом этаже. Орк нажал еще на две кнопки и взялся за небольшой рычаг управления. Лифт выехал в очень широкий коридор и заскользил над полом. Затем, подчиняясь манипуляциям рычагом, свернул за угол и, пролетев по другому коридору около двухсот футов, остановился напротив двери.

Орк вытащил из кармана черную книжечку, перелистал несколько страниц и произнес какую-то абракадабру. Дверь открылась. Убрав книжечку в карман, он посторонился, давая клетке вкатиться в большую комнату. Проехав немного, она остановилась в самом центре помещения.

Орк снова произнес какую-то бессмыслицу. Странные механизмы, расположенные на стенах в десяти футах от пола, вытянули в направлении клетки металлические руки, которые заканчивались стволами лучеметов. На каждой стене имелось по два таких механизма, и все они целились в клетку с пленниками. Над механизмами располагались круглые экранчики-видеокамеры.

— Говорят, Кикаха, ты заявлял, будто нет такой тюрьмы, которая могла бы удержать тебя, или западни, из которой ты не мог бы осовободиться! — усмехнулся Орк.— Что ж, дерзай! Только думаю, тебе никогда больше не удастся похвастаться этим.

— Тебя не затруднит объяснить, что ты собираешься с нами делать? — скучающим тоном поинтересовалась Анана.

— Готовьтесь к смерти — от голода,— ответил Орк.— От жажды вы не умрете, поскольку будете получать достаточно воды для поддержания жизни. А когда истечет определенный срок — не скажу какой,— то независимо от того, доживете вы до конца или нет, эти лучеметы разнесут вас на куски. И даже если вы каким-то непостижимым образом сможете покинуть клетку и увернуться от огня лучеметов, вам все равно не выбраться отсюда. Выход тут только один — дверь, через которую вы сюда попали. И вам не удастся открыть эту дверь, не зная кодового слова.

Анана открыла рот, и по выражению ее лица стало ясно, что она собиралась умолять Орка о пощаде. Но спустя мгновение просящее выражение исчезло с ее лица. В каком бы отчаянном положении ни оказалась Анана, она не хотела унижаться — тем более, это вряд ли бы помогло. Тем не менее слабость оказалась свойственна и ей.

— По крайней мере, ты мог бы удовлетворить наше любопытство,— Кикаха спокойно обратился к Орку.— Кто тот человек, который впустил тебя? И что с ним случилось?

— Этот парень сбежал от меня,— поморщился он.— Едва я собрался сделать его пленником, как он нырнул в люк, о существовании которого я не догадывался. Полагаю, сейчас он уже прошел через врата в другой мир. Во всяком случае, сенсоры не выявили его присутствия.

Кикаха усмехнулся:

— Спасибо за ответ. Но кто он такой?

— Утверждал, будто землянин, но своего имени не назвал. Очень странная у него речь. Так говорили в

Англии в восемнадцатом веке. Этот леблаббий, насколько я понял, бежал из мира Валы, скрываясь от нее, и оказался во дворце Уртоны. Какое-то время он искал врата в другую вселенную и, судя по всему, нашел безопасный способ. Этот полоумный как раз собирался покинуть Лавалитовый мир, когда увидел меня верхом на «лосе». Он решил впустить меня, так как я не походил на туземца. По-моему, парень явно не в себе.

— Не сомневаюсь — ведь он доверился тебе,— отозвалась Анана.— А он не говорил о том, что видел меня, Кикаху и Маккея? Он пролетал мимо нас, когда мы торчали на «луне».

— Вы были на «луне»? — Орк удивленно поднял брови.— И остались в живых при падении? Нет, он мне о вас ничего не говорил. Хотя, возможно, поделился бы своими впечатлениями позже.— Помолчав, он улыбнулся.— Да, хотите совет? Если вы достаточно проголодаетесь, то можете съесть друг друга.

Громкий хохот заполнил комнату. Отсмеявшись, Орк вытащил из ножен на поясе нож. Шестидюймовый клинок, похоже, был сделан из золота. Орк сунул его сквозь прутья к ногам Ананы.

— Вам, конечно, понадобится соответствующий столовый прибор — резать бифштексы, отбивные и тому подобное. На это он сгодится, но и не надейтесь воспользоваться им для замыкания прутьев. Он не проводит ток.

— Если бы не Анана, я мог бы подумать, что все Владыки достойны лишь смерти и позора. Но теперь мне ясно одно: в тебе нет ни капли порядочности. Ты воплощение бесчеловечности.

— Ты имеешь в виду, что я не похож на леблаббиев? Это действительно так.

Анана подняла нож и коснулась лезвия пальцем. Поверхность выглядела гладкой, как сталь, но на ощупь казалась немного шероховатой.

— Нам не придется умирать от голода,— сказала она.— Мы всегда можем покончить с собой раньше.

— Как хотите, дело ваше — пожал плечами Орк.

Он что-то сказал роботам, и те последовали за ним в кабину лифта. Повернувшись к пленникам, Владыка помахал им на прощание рукой, и дверь плавно закрылась.

— Возможно, тот англичанин все еще здесь,— сказал Кикаха.— Может быть, он освободит нас. Ну, а пока дай-ка мне нож.

Однако мысли Ананы работали в том же направлении. Она пыталась перепилить прут там, где тот исчезал в полу. Поработав десять минут, Анана отложила нож.

— Ни одной царапины. Металл решетки намного крепче лезвия ножа.

— Естественно. Но мы должны были попробовать. Нет смысла откладывать до той поры, пока не ослабнем настолько, что даже мясо разрезать не сможем. Кстати, с кого начнем?

Анана с ужасом смотрела на Кикаху. Тот усмехался.

— Неужели даже по этому поводу следует шутить?

Неожиданно часть пола позади Кикахи приподнялась вверх. Анана ахнула, и Кикаха обернулся. Из пола выступил на несколько дюймов куб. Верхняя крышка откинулась, хотя внутри они не увидели ни петель, ни штырей. Внутри оказалась вода.

Не зная, как долго куб останется открытым, они быстро напились. Через две минуты крышка закрылась, и куб снова погрузился в пол.

Вода появлялась примерно через каждые три часа. Никаких чашек или стаканов им не предлагали, поэтому приходилось опускаться на четвереньки и лакать воду, как животным. Каждые четыре часа куб поднимался пустым. Очевидно, им тогда полагалось мочиться и испражняться в него. Между прочим, очищали его не особенно тщательно.

— Должно быть, Орк просто наслаждается этим маленьким аттракционом,— сказал Кикаха.

Измерять ход времени не предоставлялось возможным, поскольку окон в помещении не было. Однако, по мнению Ананы, они уже провели в клетке, по меньшей мере, пятьдесят восемь часов. Внутри опустев-

ших желудков урчало и громыхало. Ребра у пленников заметно выпирали, щеки ввалились, руки и ноги исхудали, полные груди Ананы отвисли. С каждым часом пленники Орка чувствовали себя все слабее и слабее.

— Надо было некопить жир,— вздыхал Кикаха.— И зачем мы берегли фигуры? Теперь бы подкожные запасы оказались кстати.

Они подолгу молчали, хотя всякий раз, когда им приходили достойные высказывания мысли, безмолвие прерывалось — слишком оно напоминало немоту мертвых.

Ни одна попытка сунуть лезвие ножа в щель между полом и кубом с водой не увенчалась успехом. Очевидно, нож облегчит им участь — по очереди...

* * *

По оценке Ананы, они пробыли в клетке уже около семидесяти часов. Ни Кикаха, ни Анана не заговаривали о предложении Орка. По молчаливому соглашению эта тема, а также все, что связано с едой, не обсуждалось. Незачем доставлять удовольствие Орку, который наверняка наблюдает за ними.

Кикаха вяло метался в полудреме, ему снилось, будто он ест жареную свинину с картофельным пюре под густым соусом, он только потянулся к огромному пирогу, когда его разбудил какой-то щелкающий звук. Некоторое время он пролежал на спине, гадая о происхождении странного звука. Он собирался снова предаться призрачному обжорству, когда одна мысль заставила его резко сесть, словно кто-то пронес у него под носом горячее пастрами[1].

Неужели Орк решил разнообразить пытку и ввел в нее новый элемент? Это казалось невозможным, однако...

Кикаха встал на четвереньки и подполз к дверце, которая распахнулась от легкого толчка. Значит, его разбудил открывшийся замок.

---

[1] Пастрами — копченая говядина (типа бастурмы) *(итал.)*.

ГЛАВА 23

Пока пленники выбирались из клетки, лучеметы на стенах не выпускали их из-под прицела. Кикаха пошел к двери. Все четыре лазера выстрелили разом, их алые лучи прошли впереди и позади него. Обычно такие лучи оставались невидимыми для человеческого глаза, но Орк придал им окраску, так чтобы пленники могли видеть, насколько близко они проходили от тела. О красоте и ужасе этого зрелища каждый мог судить по-своему.

— О нет! — застонала Анана.— Он выпустил нас только для того, чтобы подразнить надеждой!

Кикаха повернулся к ней.

— Да. Но этим лучеметам полагалось бы попасть в нас.

Он сделал еще один шаг вперед. Лучи снова чуть-чуть не задели его.

— Черт с ними! Это специально подстроено — еще один из его изысков!

Кикаха спокойно направился к двери, Анана следовала за ним. Два лучемета развернулись в ее сторону, но их лучи проходили в нескольких миллиметрах от тела женщины. Вид алых нитей, пронзающих воздух прямо у нее перед глазами, изрядно нервировал Анану. А когда двое пленников приблизились к двери, лучи стали проходить рядом со щеками у самого затылка.

Будь стены и пол из обычного металла, в них зияли бы теперь дыры. Очевидно, материал был невероятным по прочности и неуязвим даже для такого оружия.

Когда Кикаха оказался в нескольких футах от выхода, лучеметы принялись поливать дверь огнем. Слышалось легкое шипение, словно ядовитая змея готовилась нанести смертельный удар.

Двое пленников застыли на месте, в то время как на двери вспыхивали и плясали алые сполохи.

— Мы неприкосновенны,— определил Кикаха.— Или это просто какой-то ход в той игре, какую он

ведет, желая как следует насладиться нашими муками?

Он повернулся и пошел к ближайшему лучемету. Тот целился прямо в него, действуя на психику и вынуждая идти медленно. Но луч неизменно проходил на том же расстоянии от его тела.

Когда Кикаха остановился прямо перед лучеметом, ствол нацелился ему в грудь. Кикаха шагнул вправо, затем влево, подвинулся — до тех пор, пока оружие не смогло больше поворачиваться, держа его под прицелом. Конечно, он по-прежнему находился в поле зрения трех других лучеметов, но они больше не стреляли.

Как выяснилось, оружие легко отсоединялось от механической руки, стоило только вытащить из шарнира толстый штифт. Кикаха поднял его и оторвал от проводов, подведенных к основанию. То же самое со вторым лучеметом проделала Анана. Два других лучемета снова принялись стрелять, и их лучи едва не попадали в пленников. Но скоро им пришлось разделить участь первых двух.

— Пока мы делаем только то, чего от нас хочет Орк,— констатировал Кикаха.— Он запрограммировал всю эту ситуацию. Вот только зачем?

Пленники подошли к двери, и она открылась от легкого прикосновения. Коридор был пуст — ни живых существ, ни роботов. Кикаха и Анана прошли к развилке и свернули за угол. Вдалеке виднелась открытая дверь шахты лифта. Кабина стояла тут как тут, словно Орк отправил ее ждать их.

Войти в нее они не решались. А что, если Владыка устроил им ловушку, и кабина могла остановиться между этажами или просто упасть на дно шахты?

— В таком случае,— рассудил Кикаха,— он бы решил, что мы воспользуемся лестницей. И устроил бы ловушку там.

Они вошли в кабину и нажали на кнопку первого этажа. Прибыв туда целыми и невредимыми, Кикаха с Ананой побродили по коридорам и комнатам, пока не оказались в роскошно обставленных покоях. У ог-

ромного стола из полированного оникса замерли два робота. Анана на языке Владык приказала им принести еду. Через пять минут перед людьми появились подносы с горячей пищей. Они съели столько, что их вырвало. Отдохнув, Кикаха и Анана снова начали наполнять желудки. Через два часа они заказали еще один обед. Анана велела роботу проводить их в жилые помещения. Там они приняли горячую ванну, а потом уснули в постели, которая парила в трех футах над полом. Спальню наполняли волны прохладного воздуха и негромкие звуки музыки.

Когда парочка проснулась, дверь открылась еще до того, как они встали с постели. В комнату вошел робот, толкая перед собой столик, на котором стояли подносы с изысканной едой и экзотическими соками. Завершив завтрак парой ломтиков мускусной дыни, беглецы прошли в ванную, где приняли душ. В гостиной их ждал робот с одеждой. Все вещи пришлись впору.

Кикаха не мог понять, как с них сняли мерки, впрочем, на самом деле его беспокоило другое.

— Почему с нами обращаются, как с почетными гостями? Мы окрепнем, восстановим силы, а затем Орк снова посадит нас в клетку. Неплохо придумано, а?

В дверь постучался все тот же робот. Анана велела ему войти. Он остановился перед Кикахой и передал ему записку. Развернув ее, тот сказал Анане:

— Написано по-английски. Не знаю, чей тут почерк, но наверняка Орка.— И прочел вслух: «Посмотрите в окно».

Охваченные тревогой и любопытством, они промчались через несколько комнат, а затем по длинному коридору. Огромные окна заполняло безмерное пустое пространство, его медленно пересекал крошечный шар — Лавалитовый мир!

— Вот мерзавец! — выкрикнул Кикаха.— Орк направил дворец в пространство! Бросил нас здесь, без всякой возможности попасть на поверхность!

— И, разумеется, дезактивировал все врата,— добавила Анана.

Робот, катившийся за ними следом, тихо кашлянул — такой звук издает учтивый дворецкий, желающий привлечь внимание хозяев. Люди повернулись к нему, и робот передал Кикахе еще одну записку.

— Хозяин велел мне сказать вам, сэр,— сказал он на чистом английском языке,— что это сообщение явно обрадует вас.

Кикаха прочитал записку вслух:

— «Вскоре эта гробница Уртоны полетит обратно на планету. Надеюсь, она взорвется вместе с вами».

— У тебя есть для нас какие-то другие сообщения? — спросил у робота Кикаха.

— Нет, сэр.

— Ты можешь привести нас в центр управления?

— Да, сэр.

— Тогда веди, Макдуф[1].

— Что значит «Макдуф», сэр? — поинтересовался робот.

— Отменить это слово. А как тебя называют? В смысле, как к тебе можно обращаться?

— Один, сэр.

— Так ты еще и одинок к тому же.

— Нет, сэр. Не «Один-Ок». Один.

— Ради Ильмарволкина,— взмолилась Анана,— прекрати клоунаду.

Робот привел их в просторное помещение, где стояла открытая четырехколесная повозка, где и места хватало для четверых. Один сел на место водителя, люди устроились на заднем сиденье, и машина плавно и бесшумно помчалась вперед. Проскочив несколько коридоров, они въехали в кабину большого лифта. Робот вылез и нажал несколько кнопок, и кабина поднялась на тридцатый этаж. Снова сев за руль, он проехал по коридору почти четверть мили и остановил машину перед дверью.

— Вход в центр управления, сэр.

Робот вылез из машины и остановился у двери. Кикаха и Анана последовали за ним. Дверная панель

[1] Персонаж трагедии В. Шекспира «Макбет».

была накрепко приварена к стенам или вмурована в них.

— Это единственный вход?

— Да, сэр.

Очевидно, Орк позаботился, чтобы они не смогли проникнуть в центр. Наверняка во дворце не осталось никаких предметов, включая лучеметы, способные открыть эту дверь. Или Владыка просто издевался над ними? Не исключено, что поблизости находятся какие-то инструменты, и когда они попадут в центр управления, то обнаружат, что пульты управления уничтожены.

Пройдя по коридору, они обнаружили окно и занялись созерцанием планеты.

— Прежде, чем этот замок упадет на планету, должно пройти какое-то время,— рассуждал Кикаха.— Ну, а пока мы будем есть, пить, заниматься любовью, спать. Восстановим силы и наверняка найдем какой-то способ выбраться отсюда. Если Орк думает, будто мы будем просто ждать падения, то он нас плохо знает.

— Да, но стены и дверь, должно быть, сделаны из одинакового материала, импервиума, как в той комнате, где стояла наша клетка,— заметила Анана.— Лучеметы его не возьмут. Я не знаю, как ему удалось приварить дверь к стенам, но он это сделал. Так что проникновение в центр управления, похоже, отпадает.

Прежде всего им требовалось осмотреть все здание, а на это мог уйти не один день, даже если разъезжать по дворцу на той маленькой машине. Они нашли ангар, где некогда располагались пять флайеров. Орк даже не потрудился закрыть туда дверь. Должно быть, он отправил их в полет, переведя в режим автопилота. Анана и Кикаха также обнаружили мощную генераторную станцию. К ней относились и гравитационные механизмы, которые поддерживали сейчас во дворце искусственное поле тяготения. Если бы не эти устройства, люди парили бы теперь в невесомости.

— Странно, что Орк не выключил генератор,— удивилась Анана.— Это было бы еще одним способом помучить нас.

— Никто не совершенен,— Кикаха пожал плечами.

Поиски закончились неудачей. Не удалось найти никаких инструментов, которые могли пробить вход в центр управления. Впрочем, они и не рассчитывали их найти.

Кикаха посовещался с Ананой, а затем дал нескольким роботам очень подробные указания по изготовлению двух парашютов из шелковых занавесей.

— Нам требуется всего-навсего спрыгнуть и плавно опуститься на поверхность,— резюмировал Кикаха.— Но я не в восторге от мысли провести остаток жизни в Лавалитовом мире. Это, конечно, лучше, чем смерть, но не намного.

В стенах, полах, а возможно, и в потолках, вероятно, скрывалась тысяча, а может, две тысячи врат. Но без кодовых слов для их активации их невозможно было обнаружить.

Они гадали, где же находилась та стенная панель, которой воспользовался англичанин, скрывшийся от Рыжего Орка. Однако ее поиски заняли бы больше времени, чем у них имелось в запасе. И тут Кикаха сообразил спросить у роботов номер Один и Два, не присутствовали ли они при этом событии. К его восторгу, оба оказались свидетелями бегства. Они привели людей к ничем не примечательной стене, и когда Кикаха нажал на указанную панель, то увидел металлический желоб, ведущий вниз, а затем загибавшийся.

— Ладно, была не была! — сказал он Анане.

Прыгнув в отверстие, Кикаха заскользил в сидячем положении, вписался в поворот и пулей вылетел в узкий, тускло освещенный коридор. Он тут же вернулся к скату и крикнул Анане, что собирается идти дальше. Но его быстро остановил тупик.

Простучав и осмотрев стены тупика, он вернулся к желобу и, упираясь руками в стенки, вскарабкался обратно наверх.

— Либо есть еще одна панель, которую я не смог обнаружить, либо врата находятся в конце коридора,— сообщил он Анане.

Они послали роботов на склад, приказав принести им дрель и молоты. Хотя материал, окружающий центр управления, сверла не брали, возможно, пластик, из которого были сделаны стены тайного хода, поддался бы им. Когда роботы вернулись, Кикаха и Анана спустились вместе с ними по желобу и принялись сверлить в стенах дыры. Создав в стене круг из множества отверстий, Кикаха взял кувалду и вышиб этот круг.

Через пролом в полутемный коридор устремился яркий свет. Кикаха осторожно заглянул в отверстие и ахнул:

— Глазам не верю! Рыжий Орк!

ГЛАВА 24

В середине большой голой комнаты располагался прозрачный куб, ребро которого равнялось двенадцати футам. Кроме человека, Орка, в кубе находились стул, узкая койка и небольшой красный контейнер на полу у стены. Как заметил Кикаха, от основания стены комнаты к кубу тянулась толстая труба, проходившая через прозрачный материал и кончавшаяся в красном контейнере. Вероятно, по ней подавалась вода и, наверное, какая-нибудь пища полужидкого типа. А воздух, должно быть, поступал по меньшей трубе, находившейся внутри большой.

Рыжий Орк сидел на стуле у стола, не замечая, что за ним наблюдают через дыры в стене. Очевидно, стенки куба не пропускали звука, поскольку Орк не услышал, ни как сверлили, ни как били кувалдой. На столе перед ним лежали рог и лучемет. Из всего этого Кикаха сделал вывод, что стены куба не поддавались воздействию лазерного луча.

Рыжий Орк, грозный Владыка, выглядел настолько удрученным, насколько вообще мог быть удручен человек. И немудрено: он шагнул через врата в центре управления, ожидая попасть в другую вселенную; обладая рогом Шамбаримена — величайшим сокровищем Владык — и оставив умирать двух своих злейших врагов. Но Уртона хорошо подготовил свою ловушку, и

Рыжий Орк, пройдя через врата, оказался не на воле, а в этой тюрьме.

Насколько знал Орк, никто не догадывался, что он заперт в этом кубе. Наверняка Владыка предавался мрачным размышлениям, много ли пройдет времени, прежде чем дворец упадет на поверхность мира Уртоны и он погибнет, разбившись всмятку, угодив в собственный капкан.

Кикаха и Анана расширили отверстие в стене и пробрались внутрь. Увидев их, Орк вскочил со стула, его лицо стало бледно-серым. Он знал, что пощады не будет. Впрочем, в его положении внезапное появление врагов означало лишь более быструю смерть. Однако его племянница и ее возлюбленный особых изменений в ситуации не видели. Если Орку не удалось прорезать себе выход из куба, им тоже не добраться до него. В отличие от Владыки, у них лучемета не было. Но труба, которая поддерживала жизнеобеспечение Орка, оказалась медной. После того как роботы доставили еще кое-какие инструменты, он отсоединил ее от куба. Таким образом, появилось отверстие, через которое Орк по-прежнему мог получать воздух и общаться с «друзьями». Однако Кикаха с Ананой старались держаться подальше от дыры, чтобы не попасть под прицельный огонь лучемета.

— Правила игры поменялись, Орк,— уведомил его Кикаха.— Ты нужен нам, а мы нужны тебе. Если ты согласишься сотрудничать с нами, обещаю отпустить тебя на все четыре стороны, живым и невредимым. Не согласишься — погибнешь. Возможно, мы тоже погибнем, но тебе от этого лучше не будет.

— Я не верю, что ты сдержишь слово,— мрачно отозвался Орк.

— Если ты предпочитаешь умирать, но не доверять, пусть будет по-твоему. Но мы с Ананой умирать не собираемся. Мы сделали себе парашюты. Так что у нас есть шанс выжить.

— Парашюты? — переспросил Орк. Судя по выражению его лица, он не учел такого развития событий.

— Может, ты слышал такую старую американскую поговорку: есть много способов добиться своего? А уж я-то по этой части собаку съел. Я — мы с Ананой — намерены придумать какой-то способ выбраться отсюда. Но нам нужна информация, и ты, возможно, располагаешь ею. Так вот, хочешь поделиться ею и, возможно, остаться в живых? Или вести себя как избалованный ребенок и погибнуть?

Скрипнув зубами, Рыжий Орк кивнул, соглашаясь:

— Ладно. Чего вам от меня надо?

— Полное описание того, что произошло, когда ты попал из центра управления в эту западню. И множество мелких подробностей.

Владыка рассказал о том, как проверил огромный зал и сотни пультов, предварительно опросив роботов номер Один и Два. Затем он выяснил, как открыть несколько врат. Прежде чем активировать их самому, он послал туда роботов. Таким образом, будь в этих вратах какие-то ловушки, их жертвами стали бы Один и Два.

Одни врата явно имели доступ к многочисленным вратам, скрытым в различных валунах, разбросанных по всей планете. Должно быть, Уртона мог распознать их по каким-то особым приметам. Скитаясь по планете вместе с остальными, он наверняка надеялся отыскать одну из таких глыб. Тогда, произнеся одно-два кодовых слова, он мог перенестись во дворец. Но тут Уртоне не повезло.

Орк определил трое врат, ведущих в другие миры: первые — в мир Джадавина, вторые — на Землю номер один, а третьи — во вселенную покойного Уризена. Имелись и другие врата, но Орк не захотел их активировать — зачем искушать судьбу? Пока ему везло, он не привел в действие никаких ловушек. Кроме того, ему требовались только врата на Землю номер один. Убедившись, что путь туда открыт, Орк затем приказал роботам номер Один и Два замуровать вход в центр управления.

— Так, значит, ты заранее организовал все наши мучения? — спросила Анана.

— А почему бы и нет? — фыркнул Орк.— Разве ты не поступила бы со мной точно так же?

— В свое время — да. На самом деле, выпустив нас из клетки, желая, чтобы мы сполна испытали ужас неотвратимой смерти, ты оказал нам услугу. Но уверена, это вовсе не входило в твои намерения.

— Он оказал услугу не только нам, но и себе,— заметил Кикаха.

Рыжий Орк активировал врата, ведущие на Землю, номер один. И шагнул через дыру между вселенными, ожидая оказаться в увиденной им сквозь эту дыру пещере, за входом в которую просматривались долина и тянущийся за ней горный хребет. Он предположил, что, возможно, это та же пещера, через которую Кикаха и Анана прошли в Южную Калифорнию.

Но Уртона нарочно установил изображение той пещеры для усыпления бдительности неосторожных «гостей». Он также запрограммировал роботов на случай, если вратами захочет воспользоваться какой-нибудь хитроумный Владыка. По крайней мере, именно так полагал Рыжий Орк. Он ведь приказал роботу, именуемому Шестым, пройти первым. Тот выполнил приказ, проследовал через пещеру, вышел наружу, обернулся, а затем вернулся через врата.

Удовлетворенный, Орк приказал роботам номер Один и Два замуровать дверь в центр управления имперви-умовым плавнем.

— Этот мерзкий хорек,— выругался Орк,— догадывался, что первым пройдет какой-нибудь робот, и устроил все так, что ловушка беспрепятственно его пропустит.

— Уртона всегда отличался подлостью и коварством,— согласилась Анана.— Но он слишком долго полагался на технологические средства защиты.— Она помолчала, а потом добавила: — Точно так же, как и ты, дядя.

— Я никогда так скверно не поступал! — побагровел Орк.

Кикаха и Анана расхохотались.

— Да,— иронически согласилась Анана.— Ну, конечно же, не до такой степени. Только посмотри, где ты находишься.

Кикаха увлек женщину в угол комнаты и тихо посовещался с ней.

— Тот таинственный землянин обнаружил на стене в конце коридора какие-то врата, ведущие в другую вселенную,— сказал Кикаха.— Но до рога мы добраться не можем. Однако что нам мешает убедить Орка протрубить для нас нужные ноты? Тогда мы можем записать мелодию и воспользоваться записью для того, чтобы открыть врата.

— Ничего не получится,— покачала головой Анана.— Такое уже пробовали делать раньше, мысль, пришедшая тебе в голову, вполне очевидна. Но в механизме рога есть нечто такое... словом, при записи эффект пропадает.

— Вот этого-то я и боялся,— вздохнул Кикаха.— Но мне надо было убедиться наверняка. Уртона же наверняка насадил врата по всему дворцу. Мы, вероятно, прошли мимо дюжины, сами того не подозревая, так как они скрыты в стенах. По логике вещей, многие, если не большинство из них будут лишь средством быстрого перехода из одного места внутри самого этого здания в другое. Так Уртона мог перехитрить любого, кто будет гнаться за ним по пятам. Но должны быть и несколько врат, способных переправить его в другие миры. На случай самой крайней необходимости. Одни из них — врата в конце соседнего коридора. По-моему...

— Не обязательно,— возразила Анана.— При всем, что нам известно, они могут вести в центр управления или в какое-то другое место во дворце...

— Нет. Будь так, сенсоры показали бы Орку, что англичанин спрятался во дворце.

— Не обязательно. Что мешало Уртоне оставить какие-то места без сенсоров, где он мог бы спрятаться, если какой-то враг завладеет центром управления?

— Вообще-то я хитрец номер Один, но иной раз мне все-таки кажется, будто вы, коварные Владыки, все-

гда сможете посрамить меня. Задам-ка я Орку один вопрос.

Он подошел к кубу.

— Что вы опять затеяли? — подозрительно уставился на него Владыка.

— Ничего такого, что не пойдет тебе на пользу,— усмехнулся Кикаха.— Просто не хотим давать тебе возможность взять нас на мушку. Скажи-ка мне вот что: не указывают ли пульты сенсоров в центре управления на наличие скрытых систем вспомогательных сенсоров?

— А зачем тебе это знать?

— Черт возьми! — выругался Кикаха.— Ты зря теряешь наше время. Не забудь, мне требуется вытащить тебя отсюда, хотя бы ради того, чтобы получить рог.

— Да, такие системы есть,— поколебавшись немного, признался Орк.— Обнаружил я их далеко не сразу. На самом деле я их не искал, а обнаружил случайно. Я их проверил и заметил, что стоят они в комнатах, не охваченных основной системой. Но поскольку системами этими никто не пользовался, я счел, что в этих комнатах никого и нет. Ведь нельзя же себе представить, будто кто-либо, находящийся в комнате с такими системами, не попытался бы выяснить, где я пребываю.

— Надеюсь, у тебя хорошая память. Где они?

— Память у меня превосходная,— холодно отозвался Орк.— Я не принадлежу к недоразумным существам вроде тебя.

Кикаха поморщился. Владыки отличались самым чувствительным и болезненным самолюбием, с каким ему доводилось сталкиваться. Хотя... Вряд ли ему удалось бы уцелеть в стычках с ними, если бы Владык так не занимало ублажение своего самолюбия. Им никогда по-настоящему не удавалось по-настоящему сосредоточиться на борьбе. Он, Кикаха, не страдал от отсутствия самолюбия. Но оно у него было здоровым, а не болезненным.

Владыка запомнил лишь несколько комнат со вспомогательными системами сенсоров. И его нельзя было

в этом упрекнуть, поскольку подобных мест во дворце хватало. Но он все же смог указать Кикахе дорогу к трем из них, а также дал некоторые инструкции.

На всякий случай Кикаха решил не пренебрегать еще одним источником информации и спросил о сенсорах у роботов номер Один и Два. Те знали только о системе в центре управления — Уртона доверил им лишь те сведения, какие считал необходимыми для своего комфорта и защиты.

Кикаха подумал, что будь он хозяином дворца, то встроил бы в роботов какую-то систему безопасности. На определенные вопросы его механические слуги просто отказывались бы отвечать. Или делали бы вид, будто не знают ответа. Вполне возможно, что сейчас эта система сработала. Но роботы уже несколько раз снабжали его информацией, которую Уртона никак не захотел бы предоставлять своим врагам. Поэтому, возможно, Один и Два не лгали.

С собой Кикаха взял робота номер Один, оставив Анану присматривать за дядей. Разумеется, Орк вряд ли сумел бы выбраться из куба, но меры предосторожности не помешают.

Пульт скрытой системы находился в комнате за стеной более просторного помещения на десятом этаже. Не зная кодового слова для активации врат, Кикаха вместе с номером Один выломал часть стены. А затем включил пульт и с помощью робота проверил весь дворец. Процесс завершился быстро, светящиеся планы помещений вспыхивали на экране с такой частотой, что Кикаха смог разглядеть лишь какие-то смазанные очертания. Однако компьютер в корпусе номера Один разобрался с ними.

— Насчитывается сто десять покоев, не передающие данных этим сенсорам,— сообщил робот после завершения операции.

— Ты хочешь сказать,— простонал Кикаха,— что, если мы хотим проверить, нет ли в одном из них живого существа, то должны заглянуть во все эти комнаты?

— Это один из методов.

— А другой?

— Данная система может подключаться к центру управления. При помощи вот этого переключателя,— номер Один показал, где тот находился.— Это также позволяет оператору подсоединиться к системам наблюдения центра управления. С ее помощью можно также заглянуть в те сто десять покоев. Человек по имени Орк этого не знал. Но кнопка эта не на пульте в центре управления. Она находится под ним и помечена, как регулировка генератора энергии. Знал о ней только хозяин.

— А как же тогда ты о ней узнал?

— Я обнаружил ее, сканируя здесь дисплеи.

— Так почему же ты не рассказывал мне?

— Вы не спрашивали.

Кикаха подавил еще один стон. Эти роботы настолько умны — и до такой же степени тупы.

— Соедини эту систему с системой центра управления.

— Да, хозяин.

Тяжко ступая, робот номер Один подошел к пульту и нажал на кнопку с надписью на языке Владык «НАГРЕВ». Нагрев чего? Очевидно, этой надпись должна была сбить с толку непосвещенного. Сразу же на пульте запульсировали то тут, то там огоньки, какой-то тумблер включился сам собой, и ожил один из больших видеоэкранов над пультом.

Кикаха заглянул в центр через камеру, установленную явно высоко на стене и направленную вниз. Она смотрела на центральное кресло в ряду из пяти-шести сидений перед широким пультом. В нем сидел спиной к Кикахе какой-то мужчина.

На секунду Кикаха подумал, что это, должно быть, тот самый англичанин, который помог Орку. Но этот мужчина выглядел более рослым, чем описанный Орком незнакомец, да и волосы у него были желтыми, а не темными.

Сидевший смотрел на видеоэкран как раз выше его головы. Тот показывал Кикаху и стоящего у него за спиной робота.

Взвыв от ярости, мужчина вскочил, развернув кресло, и погрозил кулаком в сторону видеокамеры, которая передавала его изображение.

Это был Уртона.

ГЛАВА 25

Владыка был одет лишь в драную набедренную повязку из шкуры. По центру грудной клетки у него тянулся продольный рубец — шрам от удара топориком. Волосы его ниспадали с плеч до самых сосков. Кожа Уртоны лоснилась от маслянистой грязи, а шишка на лбу свидетельствовала о жестком контакте с каким-то еще более жестким предметом. Более того, лицо Владыки отнюдь не портил сломанный нос.

Несколько секунд Кикаха пребывал в шоке, а затем принялся действовать. Он побежал к той кнопке, чтобы выключить связь с центром. Но голос Уртоны завопил через видео:

— Один! Убей его! Убей его!

— Кого убить, хозяин? — спокойно уточнил робот.

— Ах ты металлический идиот! Этого человека! Кикаху!

Выключив тумблер, Кикаха резко развернулся. Робот приближался к нему, вытянув руки с полусогнутыми пальцами.

Кикаха выхватил нож. К его изумлению, голос Уртоны теперь доносился из неподвижных уст робота:

— Я вижу тебя, леблаббий! Сейчас я убью тебя!

Какую-то секунду Кикаха не понимал происходящего у него на глазах. А затем его осенило. Уртона переключился на передатчик в корпусе робота и говорил теперь через него. И, вероятно, также наблюдал за намеченной жертвой глазами номера Один.

Это давало Кикахе одно преимущество — пока Уртона наблюдает за схваткой из центра управления, сюда он не попадет.

Прыгнув к роботу, Кикаха остановился, бесцельно махнул ножом и отскочил назад. Ему хотелось просто проверить быстроту реакции номера Один. Однако робот

и не пытался парировать или схватиться за лезвие. Он продолжал идти к Кикахе.

Кикаха прыгнул мимо номера Один и молниеносно нанес удар ножом. Есть очко! Острие ножа разбило защитный экран, разрисованный наподобие человеческого глаза. Но уничтожило ли оно скрывавшийся за ним видеосенсор?

Некогда выяснять. Кикаха вновь налетел — на этот раз слева. Робот все еще поворачивался, когда нож разбил ему другой глаз.

Итак, номер Один уступает ему в проворстве. Силой робот, несомненно, намного превосходил Кикаху, но здесь ключом к победе служила быстрота. Забежав за спину робота, Кикаха остановился. Робот продолжал идти вперед. Должно быть, Кикахе удалось-таки ослепить его, и, значит, Уртона узнает об этом и сразу же предпримет какие-то иные действия.

Кикаха быстро огляделся кругом. Участков голой стены, где могли скрываться врата, хватало. Но разве Уртона не поместил бы врата там, где он мог внезапно появиться, скрытый от глаз любого находящегося в комнате? Что, если это пространство за пультом, тот ведь не стоит вплотную к стене?

Забежав за пульт, Кикаха приготовился к бою. Прошло несколько секунд... минута. Не потому ли Уртона задерживается, что хочет сначала вооружиться? Если так, то ему придется отправиться в тайный арсенал, поскольку Орк выбросил в пространство всё оружие, какое смог найти.

Или он оставался в центре управления, где находился в полной безопасности? Оттуда он мог приказать всем роботам во дворце, а их тут разгуливало не один и даже не два десятка, спешить в эту комнату.

Или же он прошел через врата в какую-то комнату поблизости и подкрадывался теперь к своему врагу? Если так, то у него есть лучемет.

Послышался глухой стук, когда робот налетел на стену. По крайней мере, Кикаха предположил, что звук вызван именно этим. Высовывать голову для проверки ему не хотелось.

Единственным предупреждением ему послужило мерцание, круг колеблющегося света на стене справа от него диаметром выше рослого человека. Внезапно этот световой диск превратился в отверстие в стене. Через открывшийся проем шагнул Уртона, но Кикаха прыгнул на него, отчаянно стремясь оказаться вместе с ним в центре управления, пока не закрылись врата.

Они упали на пол, и Кикаха очутился верхом на Владыке, вцепившись пальцами в запястье руки, державшей лучемет. А другой рукой он приставил лезвие ножа к яремной вене врага. Уртона глядел на него мутными глазами, так как ударился при падении затылком об пол. Кикаха выкрутил стиснутое запястье, лучемет с клацаньем упал на мозаичный пол. Через мгновение оружие было у него в руках, и он вскочил на ноги.

Рыча и трясясь, Уртона попытался встать, но остался на полу, подчиняясь приказу своего врага.

К ним двинулся робот, Шестой. По указанию Кикахи Уртона приказал механическому слуге прекратить какие-либо действия. Робот покорно отступил к стене.

— Вот уж никак не думал, что настанет день, когда я буду рад тебя увидеть,— усмехнулся Кикаха.— Но это так. Теперь ты вытащишь для меня каштаны из огня. Для меня и Ананы.

Судя по виду Уртоны, он все еще не мог поверить тому, что с ним произошло. И его можно было понять. После многих бед и долгих скитаний ему в конце концов удалось отыскать валун с вратами. Уртона вновь завладел своим дворцом и едва не сошел с ума, обнаружив наглухо заваренную дверь. Кто-то все-таки проник в его крепость. Возможно, это был Владыка из какого-то другого мира, хотя это выглядело маловероятным.

Надо полагать, он догадался, что во дворец каким-то образом проникли либо Орк, либо Анана с Кикахой. Но они не могли попасть в центр управления, являвшийся стредоточием его могущества. Прежде всего, Уртона, вероятно, отменил нестабильную орбиту двор-

ца. Определив для своей летающей крепости безопасный маршрут, он начал проверять сенсорную систему. Несомненно, один из мигавших на пульте красных огоньков указывал, что кто-то попал в ловушку. Он проверил эту комнату и обнаружил в кубе Рыжего Орка.

Но он должен был при этом видеть и Анану. Не приказал ли он номеру Два убить ее?

Кикаха спросил у Уртоны, и Владыка замотал головой, словно пытался стряхнуть обрушившиеся на нее беды.

— Нет,— медленно проговорил он.— Я видел ее там, но она в тот момент не представляла для меня опасности. Тогда я принялся проверять вспомогательные системы, просто желая убедиться, что во дворце больше никого нет. До той комнаты, где ты был, я еще не успел добраться. А ты подключился к центру управления... и... Проклятье! Если бы я только попал сюда на несколько минут раньше!

— Да, своевременность — это важно,— улыбнулся Кикаха.— А теперь давай договоримся вот о чем. Ты, вероятно, думаешь, что я хочу убить тебя или, наверное, засунуть в ту клетку на колесах. Идея неплохая, но я предпочитаю мечтать об этом, а не осуществлять подобное на практике. Я пообещал Орку отпустить его на Землю, если он будет сотрудничать. Помочь он, правда, не смог, но не стоит обвинять его в этом. Ему просто не представилось возможности. Так вот, если ты тоже будешь сотрудничать, Уртона, то я оставлю тебя в живых. И не буду предавать пыткам. Мне нужно вытащить из той ловушки твоего возлюбленного брата, Орка, чтобы я мог заполучить в свои руки рог. Но давай-ка убедимся в правдивости твоих слов. И да поможет тебе Бог, если ты солгал.

Установив оружие на низкую «оглушающую» мощность, Кикаха встал за спиной у Владыки, как раз на таком расстоянии, что, если бы Уртона повернулся и попытался выхватить у него лучемет, то попросту не дотянулся до него. Хозяин дворца включил пульт, и вспомогательная система наблюдения показала им ком-

нату с кубом. Орк по-прежнему сидел с своей тюрьме; Анана и номер Два стояли у стены неподалеку от пролома.

Кикаха окликнул Анану. Тихо вскрикнув, женщина подняла взгляд. Он в нескольких словах рассказал ей, что с ним произошло.

— Дела пока идут неплохо,— заключил он.— Орк! Сейчас твой брат перенесет тебя через врата в центр управления. Но сначала положи лучемет на стол. И не пытайся чего-либо предпринять — мы следим за тобой. Теперь возьми рог. Так, хорошо. Отойди в тот угол, куда тебя перебросили ложные врата. Отлично. Стой спокойно и не двигайся, иначе потеряешь ногу или что-нибудь еще.

Уртона потянулся к кнопке.

— Погоди! — остановил его Кикаха.— Я еще не закончил. Анана, ты знаешь, где я был. Отправляйся в ту комнату и встань у стены за пультом. А потом шагай через врата, когда они появятся. Ах, да, тебе встретится слепой робот, бедолага номер Один. Я прикажу ему стоять смирно и не беспокоить тебя.

Уртона оцепенело двинулся к пульту в конце огромного зала. Он шел, не сгибая ног, стиснув кулаки, крепко сжав челюсти.

— Ты должен прыгать от радости,— сказал Кикаха.— Тебя ждет жизнь. А значит, появится еще одна возможность когда-нибудь добраться до нас троих.

— Неужели ты думаешь, что я в это поверю?

— А почему бы и нет? Разве я когда-нибудь поступал так, как ты предполагал?

Он велел Владыке показать ему не отмеченные надписями кнопки, которые должны были вернуть Орка в центр управления. Уртона отошел в сторону, уступая место за пультом Кикахе. Однако тот отказался:

— Сделай это сам. Ведь вполне могло оказаться и так, что пульт, когда на нем работаешь по чужой подсказке, пропустит через него ток высокого напряжения.

Уртона пожал плечами. Он щелкнул продолговатым тумблером, нажал на кнопку и отступил от пуль-

та. Слева на голой стене появился на несколько секунд мерцающий круг. Из него выступила полусфера, состоящая из кружащихся разноцветных пятен, которые затем рассыпались. Рыжий Орк стоял, почти касаясь спиной стены.

— Положи рог на пол и подтолкни его ко мне ногой,— велел Кикаха.

Владыка подчинился. Не сводя глаз с обоих братьев, Кикаха нагнулся и поднял рог.

— Вот и хорошо! Он снова мой!

Через пять минут из тех же врат, которыми недавно воспользовались Кикаха с Уртоной, шагнула Анана.

Ее дяди выглядели так, словно наступил конец третьего акта. Они ничуть не сомневались, что их убьют на месте. Такое недоверие к его честному слову могло бы рассердить Кикаху. Однако он не привык идти на поводу эмоций. Жизнь научила его противостоять самодовольству и психопатии. Впрочем, он часто сомневался, что между первым и вторым есть какая-то разница.

— Прежде чем мы расстанемся, мне бы очень хотелось, если возможно, кое-что выяснить,— обратился к братьям Кикаха.— Уртона, тебе что-нибудь известно об англичанине, который предположительно родился в восемнадцатом веке? Рыжий Орк обнаружил его проживающим у тебя во дворце, когда проник в него.

Уртона, похоже, удивился.

— Так сюда еще кто-то попал?

— Твой ответ говорит, сколько тебе известно. Ну, возможно, я столкнусь с ним как-нибудь в другой раз. Уртона, твоя племянница кое-что объяснила насчет того конвертера, который питает энергией этот сказочный летающий замок. Она сказала, что любой конвертер можно ввести в режим перегрузки, но автоматический регулятор вернет его в прежний режим, отменив команду — если не удалить этот регулятор. Я хочу, чтобы ты удалил его, а режим перегрузки достиг пика через пятнадцать минут.

Уртона побледнел.

— Зачем? Ты... Ты хочешь взорвать меня?

— Нет. Когда он взорвется, ты уже давно уберешься отсюда. Я намерен уничтожить твой дворец. Ты им больше никогда не сможешь воспользоваться.

Уртона не стал спрашивать, что произойдет, если он откажется выполнить приказ. Под бдительным оком Ананы он защелкал переключателями, и на пульте замигал большой красный огонек. На дисплее появилось слово «ПЕРЕГРУЗКА» — на языке Владык. Раздался пронзительный свист.

Даже Анана, похоже, забеспокоилась. Кикаха улыбался, хотя и сам нервничал не меньше других.

— Ладно. А теперь открывай врата на Землю и в мир Джадавина.

Он тщательно запомнил последовательность нажатых кнопок. Если Уртона попробует играть против правил, Кикаха тут же снова включит в цепь регулятор перегрузки.

— Я знаю, что ты не можешь обойтись без вероломства и подлости, Уртона. Но заглуши свою природную злобность. Воздержись от мошенничества. Мой лучемет установлен на разрезание. При первом же шаге я рассеку тебя надвое.

Уртона не ответил.

На высокой глухой стене появились два мерцающих круга. Затем мерцание исчезло, и круги стали прозрачными. Один выглядел как отверстие в пещеру — ту самую, через которую Кикаха и Анана прошли в Южную Калифорнию. Другой открывал взорам склон горы в лесистой долине с широкой зеленой рекой в низине. Вдали поднимался дым из труб крошечной деревеньки, а над ней на отвесной скале высился под ярко-зеленым небом каменный замок.

Кикаха выглядел довольным.

— Похоже на Дракландию. Третий уровень Абхарплунта. Кто-нибудь из вас когда-нибудь бывал там?

— Я совершил несколько вылазок в мир Джадавина,— сказал Уртона.— Собирался как-нибудь попробовать... попробовать...

— Отнять его у Джадавина? Забудь об этом! А теперь, Уртона, активируй врата, которые переправят тебя на поверхность твоей планеты.

— Но ведь ты же сказал...— охнул Уртона.— Ты же не собираешься бросить меня там?

— А почему бы и нет? Ты создал этот мир. И можешь прожить там остаток своей жизни. Как говорят земляне, наказание должно соответствовать преступлению.

— Это не справедливо! — возмутился Уртона.— Ты отпускаешь Орка на Землю. Первоклассным миром я бы ее не назвал, но, по сравнению с этим, она — сущий рай.

— Кто бы говорил о справедливости! Ты ведь не станешь умолять, не так ли? Владыка среди Владык...

— Не стану,— расправил плечи Уртона.— Но если ты думаешь, что мы больше не встретимся...

— ...то я жестоко заблуждаюсь. Для меня это не станет неожиданностью. Держу пари, ты спрятал в валунах врата в какие-то другие миры. Но это тебе не поможет. Думаешь, ты когда-нибудь застанешь меня врасплох после того, как найдешь свой валун — если найдешь. Желаю удачи. А то ведь, возможно, я заскучаю, и мне понадобится крепкий соперник. Приступай!

Уртона пошел к стене.

— Кикаха! Останови его! — внезапно закричала Анана. Однако он и сам уже понял свою ошибку.

— Стой! — заорал он Владыке.— Я буду стрелять!

Уртона замер на месте, но не обернулся.

— В чем дело, Анана?

Она взглянула на огромный настенный хронометр.

— Неужели ты не понимаешь, что опасность все еще не миновала? Откуда тебе знать, что он затеял? Что именно может произойти, когда он произнесет пароль? Лучше будет подождать до последней минуты. Тогда Орк может пройти на Землю, а мы закроем за ним врата. А после этого уйдем сами. Пусть Уртона отправляется в Лавалитовый мир без свидетелей.

— Да, ты права,— согласился Кикаха.— Мне так не терпелось вернуться, что я поторопился. Уртона, повернись и подойди сюда! — крикнул он.

Кикаха не расслышал, как Уртона что-то тихо произнес. Но слова эти оказались достаточно громкими для какого-то сенсора в стене позади него. Раздалось шипение, а из тысяч крошечных отверстий во внутренней стене в помещение проникли тучи зеленоватого газа.

Вдохнув дым с металлическим запахом, Кикаха почувствовал первые признаки удушья. Он задержал дыхание, но глаза слезились, и поэтому ему не удалось заметить, как исчез Уртона. Рыжий Орк тоже внезапно пропал из виду. В густом зеленом тумане Кикаха различал лишь смутную фигуру Ананы. Одной рукой женщина зажимала нос, другой — закрывала рот, делая ему знак не вдыхать отравляющий газ.

Что-то она запоздала со своим предупреждением! Не перестань Кикаха сразу же дышать, то наверняка был бы уже покойником. Или, во всяком случае, без сознания.

Кикаха почувствовал слабость во всем теле и понял, что сейчас упадет в обморок.

Анана повернулась и исчезла в зеленой мгле. Она направлялась к вратам в Многоярусный мир, и Кикаха последовал за ней. Глаза щипало, по щекам текли слезы. Он мельком заметил фигуру Рыжего Орка, нырявшую через врата, что вели на Землю номер Один. А затем он разглядел спину Уртоны, когда тот стремительно проносился через врата в мир, который так сильно любил Кикаха.

Кикаха чувствовал, как вот-вот закашляется, но если он сделает вздох, тогда ему конец.

* * *

Хотя Кикаха и не знал, насколько высоко над горным склоном эти врата, у него не осталось времени на осторожность. Он сразу же упал, приземлившись на ягодицы, и заскользил по каменной осыпи. Каких-то двести футов склон шел под углом в сорок пять градусов, а затем вдруг стал отвесным. Перекатившись на живот, Кикаха начал цепляться за камни. Они ра-

нили грудь и руки, но он хватался за них, невзирая на боль.

Кашель заставил его согнуться. Но теперь Кикаха уже не боялся дышать. Он выбрался из зеленого облака, которое медленно выползало из отверстия на поверхности горы.

Ему удалось остановиться. Медленно, опасаясь вызвать слишком энергичным движением оползень, он принялся ползти вверх, все-таки несколько камней сорвалось и покатилось вниз.

Анана! Она находилась сбоку от врат и цеплялась одной рукой за скальный уступ. А в другой руке держала рог Шамбаримена. Глаза у нее сделались огромными, а лицо побледнело.

— Поднимайся сюда! — крикнула она.— Как можно быстрей! Конвертер скоро взорвется!

Кикаха и сам это знал.

— Убирайся подальше от врат! Через минуту я туда поднимусь!

Анана, видимо, намеревалась спуститься и помочь ему, но после его слов принялась взбираться по крутому склону. Кикаха же пополз наискось к тому уступу, за который недавно хваталась она. Несколько раз он начинал соскальзывать обратно, но ему все-таки удавалось остановить свой спуск.

Наконец каменная осыпь осталась позади. Поднявшись на ноги, Кикаха ухватился за траву и, подтянувшись, влез на уступ. Держась одной рукой за скалу, он побежал прочь от отверстия, затем забрался на выступ и начал карабкаться выше. Гора дрогнула и загудела. Кикаха перекатился на плоский участок скалы. Каменистая осыпь съехала в пропасть, оставив склон под ней таким чистым, словно по нему прошлась гигантская метла.

Наступила тишина, нарушаемая лишь криками улетевших прочь птиц да слабым грохотанием осыпавшихся камней.

— Все кончено, Кикаха,— сказала Анана.

Он медленно повернулся и увидел, как она выглядывает из-за скального отрога.

— Врата наверняка закрылись, как только взрыв уничтожил их активатор. Мы ощутили лишь малую часть этого взрыва. Иначе вся гора взлетела на воздух.

Кикаха встал и окинул взглядом горный склон. Из груды камня внизу что-то торчало. Неужели рука?

— Уртона сумел спастись?

Анана покачала головой:

— Нет, не удержался на той осыпи. Падать ему оттуда до следующего склона пришлось недалеко, футов двадцать. Но он угодил под камнепад.

— Мы спустимся и убедимся в его смерти,— сказал Кикаха.— Его последняя выходка аннулирует все наши обещания.

Им пришлось лишь навалить на тело Уртоны еще несколько камней, чтобы уберечь его от птиц и зверей.

ГЛАВА 26

Прошел месяц. Они по-прежнему оставались на той же горе, хотя и на другой стороне и у самого подножья. Людей в долине не обитало, хотя иной раз туда забредали охотники из приречной деревушки, которую они видели в проеме врат. Кикаха с Ананой избегали встреч с ними.

Изготовив из ясеня лук и стрелы и оснастив их наконечниками из обработанного кремня, они подстрелили несколько оленей, которые тут водились в избытке, и выдубили шкуры. Из них они соорудили вигвам, хорошо скрытый в густой роще. В двухстах ярдах ниже по склону протекал ручей. Помимо прохладной чистой воды он обеспечивал их рыбой.

Днем они ходили в одежде из оленьих шкур, а ночью спали на одеялах из шкур медвежьих. Они много отдыхали, но часто отправлялись бродить по лесу и горам, где собирали ягоды и орехи. Подобная жизнь заметно сказалась на их фигурах. После столь долгого периода полуголодного существования трудно было не наедаться до отвала. Иногда по ночам они пробирались в деревню и воровали хлеб и масло — чтобы внести разнообразие в свой рацион

Подслушав разговоры жителей деревни, Кикаха убедился, что они попали в Дракландию. Он также узнал, что деревня принадлежит барону Ульриху фон Найфену.

— Его сюзереном является герцог Вильгельм фон Хартмот. И теперь в общих чертах я представляю, где мы находимся. Если мы спустимся вниз по течению той речки, то выйдем к реке Пфаве. А оттуда проедем миль триста и окажемся во владениях барона Зигфрида вон Листбата — это мой верный друг и, как мне кажется, должен таковым остаться. Я подарил ему свой замок, и он женился на моей бывшей супруге. Правда, мы с Изотой не очень-то ладили. Она никак не могла примириться с моими отлучками.

— А как долго они длились?

— По-разному — от нескольких месяцев до нескольких лет.

— С этого дня, когда отправишься в путешествие, будешь брать меня с собой,— рассмеялась Анана.

— Разумеется! Ты гораздо выносливее Изоты... И даже будь ей это по силам, она не стала бы сопровождать меня.

Они решили погостить месяц-другой у фон Листбата, а потом Кикаха хотел спуститься на следующий ярус планеты, называемый им Индеей, и отыскать племя, которое приняло бы их в свои ряды. Из всех ярусов этот он любил больше всего. Там по высоким лесистым горам и огромным равнинам текли ручьи и реки с самой чистой водой и бродили огромные стада гигантских бизонов, мамонтов, антилоп, диких лошадей. А сколько там было птиц!.. На территории больше Северной и Центральной Америк, вместе взятых, там нашлось бы место и для Кикахи Хитреца.

Однако они должны были добраться до дворца-крепости на вершине этого мира, похожего с виду на вавилонскую башню. Оттуда они, хотя и неохотно, снова отправятся через врата на Землю, к которой Кикаха и Анана не испытывали большой любви. Перенаселенная и загрязненная всевозможными отходами планета

могла в любое время разлететься на куски от взрывов атомных бомб.

— Может, когда мы попадем во дворец, там будут Вольф и Хрисеида,— мечтал Кикаха.— Вот было бы здорово, правда?

Кикаха и Анана стояли на склоне горы над речной долиной. У ее подножья росли березы, из которых можно будет смастерить каноэ. Воздух оставался чистым, а земля у них под ногами не поднималась и не ходила ходуном. Из труб крошечной деревни на излучине реки поднимался дым. Поблизости парил громадный черный орел; два ястреба, планируя на ветру, направлялись к реке за рыбой. Неподалеку, в ягодных кустах урчал гризли.

— Анана, этот мир прекрасен! Пусть Джадавин считает себя его Владыкой, но на самом деле это мой мир, мир Кикахи!

БОЛЬШЕ ЧЕМ ОГОНЬ

Линн и Джулии Карл, Гэри Вульфу и Диди Уэйл посвящается

1

— Это наверняка они! — возбужденно восклицал Кикаха.— Я знаю это, просто уверен! Невидимые силы — я это чувствую всем своим существом — направляют нас прямо к цели! Они там, впереди! Мы наконец нашли выход!

Он вытер со лба пот и, тяжело дыша, прибавил шагу.

Анана, шедшая за ним по пятам по крутой горной тропе, отозвалась:

— Я поверю в это, только когда их увижу.

Но произнесла она это очень тихо, словно говоря сама с собой. Кикаха никогда не обращал внимания на ее пессимистические — точнее, реалистические — замечания.

Кикаха Обманщик и Анана Ослепительная вот уже пятнадцать лет блуждали по планете трехногих. Искали они не святой Грааль, а нечто получше: выход из этой захолустной вселенной. Вне всяких сомнений, он должен был существовать — вот только где?

Кикаха, как правило, во всем старался увидеть светлую сторону. А если таковой не было, освещал мрак своим оптимизмом. И потому как-то сказал Анане:

— Если твоя тюрьма — целая планета, то быть заключенным не так уж и плохо.

— Тюрьма есть тюрьма,— пожала плечами Анана.

У Кикахи имелся ключ, способный отпереть врата, ведущие в другие миры, и выпустить их из этой тихой

заводи туда, где бурлила жизнь. Ключом этим служил рог Шамбаримена, старинный музыкальный инструмент, висевший в замшевой сумке на поясе у Кикахи. Скитаясь по этой планете, Кикаха уже тысячи раз трубил в рог, каждый раз он надеялся, что в ответ на семь изданных рогом нот невидимое «слабое» место в ткани «стен», разделяющих две вселенные, откроется и сделается видимым. Наверняка таких трещин на планете хватало, просто ему пока не довелось попасть в те районы, где они находились. Тем более каждый раз, когда он трубил в рог, трещина — выход из этой огромной тюрьмы — могла находиться всего в сотне ярдов, однако за пределами действия рога. Кикаха, сознавая это, чувствовал себя так, словно купил билет в тотализаторе на дерби, где шансы на выигрыш очень и очень невелики. Если б ему удалось найти врата, это означало, что удача повернулась к нему лицом.

Коренные жители планеты кое-что знали о вратах — или о том, что могло таковыми быть. По крайней мере, слухов о них ходило великое множество. Кикаха с Ананой отправлялись проверить их и преодолевали порой сотни миль, чтобы добраться до источников этих историй. Но пока путников ожидало лишь разочарование да новые слухи, заставлявшие их опять отправляться в долгий путь по новому следу. Однако сегодня Кикаха был уверен, что их усилия окажутся не напрасными.

Тропа вела на вершину горы, поросшей лесом. Многие из этих гигантских деревьев, на взгляд Кикахи, пахли, словно смесь капустного рассола с грушевым соком. Такой запах означал, что листья на кончиках ветвей скоро превратятся в существа, похожие на бабочек. Яркие «плоды» оторвутся от гниющих ветвей и будут парить в воздухе, пока не умрут. А потом, если их не склюют по пути птицы и если повезет приземлиться на плодородной почве, то через месяц из крошечных семян в телах этих «бабочек» прорастут молодые побеги.

Многочисленные чудеса помогали переносить вынужденное пребывание на этой планете. Но чем доль-

ше оставались здесь Кикаха с Ананой, тем больше шансов напасть на их след появлялось у заклятого врага — Рыжего Орка. Кикаха также часто вспоминал и о своих друзьях, Вольфе и Хрисеиде, взятых в плен Рыжим Орком. Убил ли он их, или им все-таки удалось сбежать?

Кикаха, которого на Земле звали Пол Янус Финнеган, был высок, широкоплеч и мускулист. Но из-за крайне массивных ног с толстыми икрами он не выглядел высоким. Грубоватое, дотемна загорелое и обычно веселое лицо с резкими чертами обрамляли слегка вьющиеся длинные бронзово-рыжие волосы. А зелень его больших широко расставленных глаз напоминала весеннюю листву. Хотя выглядел Кикаха лет на двадцать пять, родился он на Земле семьдесят четыре года назад.

Мокасины из оленьей кожи, поясной ремень — и больше ничего из одежды. На поясе висели стальной нож и томагавк, а за спиной — небольшой рюкзак и колчан, полный стрел. Большой лук Кикаха постоянно держал в руке.

Анана Ослепительная — высокая, черноволосая, голубоглазая и тоже дотемна загорелая — старалась не отстать от своего спутника. Предками ее были люди, считавшие себя богами, и она действительно походила на богиню — правда, отнюдь не Венеру. Знаток античности, оценив ее стройные длинные ноги и худощавое тело, сравнил бы ее с Артемидой. Однако богини не потеют, а с Ананы градом лился пот. Что касается одежды и оружия, то она ничем не отличалась от своего возлюбленного, за исключением копья, которое предпочитала луку.

Кикаха молчал, предаваясь размышлениям о туземцах, направивших его по этой тропе. Они утверждали, что Дверь в Гробницу Спящего находится на вершине этой горы. Сами там никогда не бывали, так как Хранителю Двери полагалось приносить дары за ответы на вопросы. Но они имели сведения о ком-то, кому был известен тот, кто знал кого-то, посещавшего Хранителя.

Вероятно, и это путешествие обернется очередным разочарованием. Но они не могли позволить себе проигнорировать ни единого слуха или легенды.

Чуть больше полутора десятка лет назад Кикаха с Ананой покинули Лавалитовый мир. Приключения, пережитые ими на постоянно изменявшейся планете, порядком измотали их. Выбравшись наконец в Многоярусный мир, Кикаха с Ананой отдыхали несколько недель. А затем, восстановив силы, принялись за поиски и нашли врата, которые телепортировали их в ныне необитаемый[1] дворец Вольфа. Величественное здание располагалось на вершине монолита, завершавшего Многоярусный мир.

Во дворце они обзавелись кое-каким оружием Владык, превосходившим любое земное, после чего активировали врата, через которые попали в прошлый раз в пещеру на склоне горы в Южной Калифорнии. Однако вместо Земли они оказались на одной из планет искусственной вселенной, в мире каквастамов. Врата оказались самой настоящей западней.

Кикаха не раз хвалился, что ни одна тюрьма или ловушка не смогут удержать его надолго. Теперь же, если бы эти слова вдруг обрели вещественность, ему пришлось бы проглотить их и, пожалуй, подавиться, поскольку на вкус они наверняка напоминали бы помет канюка, посыпанный древесным пеплом.

Вчера, пройдя две трети пути к вершине, они заночевали на склоне горы, а на рассвете вновь продолжили восхождение, так что теперь им уже полагалось приблизиться к вершине. Неожиданно Кикаха услышал доносившиеся сверху детские голоса. А некоторое время спустя путники ступили на край небольшого плато.

Деревня в центре плато мало чем отличалась от других окрестных деревень. Частокол опоясывал около сорока бревенчатых домов с коническими крышами. Посреди деревни возвышался храм — двухэтажное бре-

---

[1] Фармер, видимо, забыл, что, согласно «Личному космосу», Кикаха с Ананой оставили там раненого Луваха.

венчатое здание с круглой башней наверху, окруженное множеством деревянных идолов.

Если верить историям туземцев, то именно в этом храме следовало искать врата. Они подробно описывали сооружение из «божественного» металла: тонкие балки образовывали шестисторонний вход в мир богов или — здесь мнения разных рассказчиков расходились — демонов.

Туземцы также говорили, что боги — или демоны — пользовались этим выходом задолго до появления туземцев в мире каквастамов и ничто не помешает им делать это после того, как туземцев не станет.

Первым рассказал эту историю Кикахе Цаш — жрец, служивший некогда незначительному божеству, но ныне быстро набирающему значение и вес.

— Дверь в Иной Мир открыта,— изрек тогда Цаш.— Пройти через нее может любой. Но если он не скажет при этом волшебное слово, то окажется лишь по другую сторону двери и по-прежнему в нашем мире.

— И где именно находится эта дверь? — спросил Кикаха.

Цаш махнул рукой в западном направлении:

— Там.

Жест оказался достаточно неопределенным — поскольку Цаш находился в храме на вершине утеса, о который бились волны Восточного моря.

— Говорят, дверь находится в каком-то храме, который расположен на вершине горы,— продолжал он.— Впрочем, здесь все храмы строят на вершинах высоких холмов или гор.

— А сколько в этом краю храмов? — решил уточнить Кикаха.

— Лишь боги способны их счесть!

Жрец воздел четырехпалые руки к небу:

— Не проходи через ту дверь, даже если узнаешь волшебное слово, отворяющее ее! Ты можешь разбудить Спящего! Не делай этого! Иначе умрешь бесконечной смертью!

— А это еще что такое? — Кикаха недоуменно уставился на него.

— Не знаю и знать не хочу! — выкрикнул в ответ Цаш.

Кикаха задал еще несколько вопросов, но жрец погрузился в чтение молитв. Огромные глаза его закрылись, а губы под покрывавшей все лицо зеленой шерстью, бормотали какие-то слова.

Анана с Кикахой покинули храм и отправились на запад. И вот пятнадцать лет спустя, совершив восхождения на множество гор и холмов и обойдя стороной еще больше других, но всегда продвигаясь к Западному морю, они поднялись на очередную гору с храмом на вершине.

Кикаха почувствовал волнение. Он верил, что долгожданные врата находятся именно здесь. Несмотря на постоянные неудачи и последующие за ними разочарования, он позволял себе надеяться, что их поиски подошли к концу. Впрочем, «позволял себе» — не совсем удачное выражение. Кикаха не имел ни малейшей власти над своими приливами энтузиазма. Они накатывали и отступали по собственному произволу, а Кикаха служил им лишь проводником.

Анана, если даже и испытывала прилив надежды, то вида не подавала. Многие тысячелетия прожитой жизни сгладили всплески ее настроения, время обтесало ее душу, словно резец скульптора. Хотя любовь к Кикахе и совместные приключения в какой-то мере восстановили присущее ей прежде воодушевление.

— Они должны быть здесь! — воскликнул Кикаха.— У меня предчувствие удачи!

Анана потрепала его по щеке.

— Всякий раз, когда мы покидаем очередной храм, шансы на успех увеличиваются. Если, конечно, на этой планете вообще есть врата.

Дети, игравшие возле частокола, с визгом помчались к ним навстречу, и Кикаха сделал вывод, что туземцев, должно быть, заблаговременно предупредили об их визите. Иначе дети с точно таким же визгом сейчас удрали бы от них. Толпа детишек окружила чужаков, прикасаясь к ним, оживленно болтая — наверное, они удивлялись двуногим существам. Спустя

некоторое время ребятню разогнал отряд вооруженных мужчин. И тут же в воротах деревни появился жрец и махнул им длинным деревянным жезлом. На верхнем конце этой палки крутился на ветру алый пропеллер, а в середине древка был прикреплен желтый диск с несколькими священными символами. Позади жреца стояли двое младших жрецов, и каждый вертел над головой трещотку.

Туземцы игнорировали какую-либо одежду, предпочитая ей браслеты и кольца в ушах, носах и губах. Головы и лица их, за исключением подбородков, покрывал короткий зеленоватый мех. И все они были трехногими.

Ныне покойный Владыка Ололотон, который давным-давно создал их предков на своей биофабрике, отличался крайней жестокостью. Он сделал их трехногими просто в порядке эксперимента. А затем, убедившись, что его создания способны передвигаться, пусть даже неуклюже и медленно, Ололотон заселил ими эту планету. Сами туземцы никак себя не называли, поэтому Кикаха нарек их каквастамами в честь Каквастама — героя из романа Джонни Грюэлла «Мышонок Джонни и волшебная палка», которым Кикаха зачитывался в далеком детстве.

— Приветствую тебя, Кразб, Хранитель Двери и святейший жрец божества Афресста! — прокричал на местном диалекте Кикаха.— Меня зовут Кикаха, а мою подругу — Анана.

Передаваемая из уст в уста весть о странного вида двуногих и их поисках дошла до Кразба много месяцев назад. Однако протокол вынуждал его изображать полное неведение и задавать множество вопросов. Затем совету старейшин и шаманов следовало пригласить чужаков в здание совета, напоить их местным горячительным напитком и исподволь, слово за слово, выведать причину их появления здесь (как будто каквастамы этого не знали!), а также развлечь гостей танцами и пением.

Итак, жрец спросил Кикаху и Анану, что привело их сюда. Ответ повлек за собой множество дальней-

ших объяснений, и даже после этого Кразб все равно не понял. Как и все прочие туземцы, он ничего не знал ни о Владыках ни об искусственных «карманных» вселенных. Хотя Кикахе и не удалось все доходчиво объяснить Кразбу, он все же сумел ему внушить, что Кикаха с Ананой ищут дверь.

— ...нам довелось посетить больше пятисот храмов. Мы уже совсем отчаялись, и если и в вашем храме нет двери, то нам останется лишь махнуть рукой и прекратить поиски.

Сидевший на полу Кразб изящно поднялся на ноги, что для трехногого вообще-то совсем нелегко.

— Двуногие чужеземцы! — порадовал он их.— Ваши долгие поиски завершены! Дверь эта действительно находится в храме, и очень жаль, что вы пятнадцать лет назад не отправились сюда! Тогда вам бы удалось избежать лишних скитаний и тревог!

Кикаха открыл было рот, собираясь возразить на это несправедливое замечание. Но Анана коснулась ладонью его руки.

— Спокойно! — сказала она ему по-тоански.— Нам нужно его расположение. Что бы он там ни говорил, улыбайся и соглашайся.

Каквастам сжал губы и нахмурил то место, где под зеленой шерстью полагалось быть бровям.

— Поистине, дверь здесь! — молвил он.— Иначе с какой стати меня б называли Хранителем?

Кикаха не стал объяснять ему, что встречал уже двадцать жрецов, каждый из которых титуловал себя «Хранителем Двери». Тем не менее все их двери оказывались подделкой.

— Мы нисколько не сомневаемся в правдивости твоих слов,— заверил жреца Кикаха.— Нельзя ли дозволить нам, о Хранитель, взглянуть на сию дверь?

— Безусловно, можно,— разрешил жрец.— Однако вы ведь наверняка устали, покрылись потом и грязью и проголодались, пока взбирались к нам на гору. Боги рассердятся на нас, если мы не окажем вам того гостеприимства, какое дозволяют наши скудные запасы. Вас вымоют и накормят, а затем, если вы утоми-

лись, вас положат спать, чтобы вы проснулись свежими и бодрыми.

— Ваше радушие и внимание к нашим скромным особам потрясло нас,— Кикаха развел руками, якобы не в силах описать свои чувства.

— Тем не менее этого недостаточно,— продолжал настаивать Кразб.— Мы будем опозорены, если вы покинете нас и пойдете в другие деревни, где будете жаловаться на нашу скупость и негостеприимство.

Наступила ночь. Празднества продолжались при свете факелов. Кикаха и Анана из последних сил боролись с досадой и скукой. В конце концов, уже далеко за полночь, Кразб заплетающимся языком возвестил, что всем пора на боковую. Барабаны и дудки смолкли, и туземцы, пошатываясь, разбрелись по своим домам. Некто по имени Вигшаб проводил гостей до менее ветхой по сравнению с другими хижиной, где их ждала целая куча одеял, и заковылял прочь.

Убедившись, что Вигшаб скрылся из виду, Кикаха вышел наружу разведать обстановку. Изрядно набравшийся Кразб, очевидно, забыл выставить часовых. Не считая спящих вповалку на земле пьяных, поблизости не наблюдалось ни одного каквастама.

Кикаха сделал глубокий вдох. Ветерок нес достаточно прохлады, чтобы называться приятным. Большинство факелов туземцы унесли с собой, но четыре ярко горящих на стене храма давали достаточно света даже в такую безлунную ночь.

Из хижины вышла Анана. Как и Кикаха, она только пригубила чашу с местным горячительным напитком.

— Ты слышал, как Кразб что-то сказал о цене? — спросила она.— Прозвучало это довольно зловеще.

2

— Было слишком шумно. Так о чем шла речь?

— Есть две разные цены. Одна — за то, чтобы только посмотреть на дверь. Другая, куда более высокая, за право воспользоваться ею.

Плата, как догадывался Кикаха, будет взиматься не деньгами. В основе экономики каквастамов лежал обмен товарами или услугами. Единственной ценной вещью, которую Кикаха мог предложить жрецу, был рог Шамбаримена. Кразб, конечно, не поймет, чего можно добиться с его помощью. Он пожелает заполучить его только потому, что в этом мире ничего подобного нет. Однако без Рога им с Ананой через дверь не пройти. С другой стороны, если его не отдать, придется сражаться с каквастамами, которых Кразб может подослать для тайной расправы. Стоя в дверях хижины, Кикаха поделился этими мыслями с Ананой.

— Думаю, нам надо проникнуть в храм и выяснить, есть ли там врата. Если есть, мы пройдем через них. Если сможем.

— Именно это я и ожидала от тебя услышать,— улыбнулась Анана.— Пошли.

Пока они надевали свои пояса, рюкзаки и колчаны, Кикаха мысленно восхищался Ананой. Что за женщина! Ни сомнений, ни колебаний. Живо оценивает положение — вероятно, она разобралась во всем раньше меня,— а потом действует, как требует обстановка.

Хотя... порой кикаха испытывал раздражение потому, что Анана угадывала его мысли еще до того, как он их высказывал. А в последнее время, как он догадывался, она испытывала к нему похожее чувство. Слишком долго они довольствовались исключительно обществом друг друга. Каквастамы же вряд ли смогли бы заменить людей. Они были равнодушны к юмору, почти не обладали чувством прекрасного, и техника у них не развивалась уже несколько тысячелетий.

Анана с копьем в одной руке и факелом в другой шла впереди. Кикаха, сжимая томагавк, следовал за ней чуть сбоку и сзади, пока они не добрались до храма. Бревенчатое здание было погружено во тьму. Его никто не охранял — часовые напились и храпели на деревенской площади. Сопровождаемый Ананой, освещавшей факелом путь, Кикаха обошел храм, проверяя, нет ли других входов, кроме большой двустворчатой деревянной двери со стороны фасада.

Кикаха вытащил один конец бруса, который служил замком, из скобы, а затем распахнул дверь. Факелы, горевшие в нишах стены, осветили в самом центре помещения уменьшенную копию храма. Кикаха отодвинул засов на двери в меньший храм, и распахнул ее. Анана встала к нему поближе. Не заходя внутрь, Кикаха сунул голову в дверной проем и оглядел малый храм. Два факела внутри освещали шестиугольник с двумя деревянными идолами по сторонам.

— Наконец-то! — воскликнула Анана.

— Я же говорил, что они здесь.

Шестиугольник, образованный серебристыми металлическими балками толщиной с руку, был достаточно широк, чтобы пройти через него вдвоем.

Они вошли в храм и остановились в нескольких дюймах от шестиугольных врат. Кикаха ткнул томагавком в середину шестиугольника. Но часть томагавка, вошедшая в пространство врат, отнюдь не исчезла, как ожидал Кикаха. Он зашел с другой стороны и снова ткнул томагавком — безрезультатно.

— Неактивированы,— последовал вывод.— Ладно. Нам не нужно кодовое слово, мы воспользуемся рогом.

Сунув томагавк за пояс, Кикаха открыл висевший на том же поясе замшевый футляр и достал оттуда рог Шамбаримена. Отливавший серебристым блеском, длиной два с половиной фута и весом около четверти фунта, он напоминал рог африканского буйвола. Мундштук был сделан из какого-то неяркого золотистого вещества. В широком раструбе на расстоянии полудюйма от края виднелась паутинка или сеточка из серебристых нитей. Снизу располагались в ряд семь кнопок. Когда свет падал на рог под определенным углом, на его верхней стороне вспыхивал иероглиф, занимавший половину длины.

Рог создал выдающийся ученый из числа древних тоанов, то есть Владык, и его внутренний механизм оставался непроницаемым для рентгеновских лучей, ультразвуковых волн и всех прочих средств проникновения в материю.

Кикаха поднял рог и поднес мундштук к губам. Нажимая на кнопки в определенной последовательности, он протрубил мелодию, которую знал наизусть, представляя себе, как семь нот вылетают из раструба, словно семь золотых гусей с серебряными крыльями.

Музыкальная фраза должна была сделать видимыми и активировать скрытые врата или «трещины», если они находились в пределах звукового диапазона рога. Ноты активировали также видимые врата. Таким образом, это был универсальный ключ.

Кикаха опустил Рог. Казалось, ничего не произошло, но стоило Анане поднести к вратам копье, как его наконечник исчез.

— Получилось! — крикнула она, вытаскивая копье.

Кикаха задрожал от возбуждения.

— Пятнадцать лет! — взвыл он.

Анана посмотрела на него и приложила палец к губам.

— Они все вырубились,— Кикаха махнул рукой.— Если нам и нужно чего-то опасаться, так скорее того, что ждет нас по ту сторону врат.

Он мог просунуть через врата голову и удовлетворить свое любопытство по поводу другой вселенной. Хотя не обязательно другой, поскольку данные врата могли помочь им оказаться в любом месте на этой же планете.

Однако создатели врат довольно часто оснащали их ловушками. Так, например, голову могло отсечь упавшим (или взлетевшим) ножом гильотины или сжечь огнем. Иногда жертву поджидал смертельный электрический разряд, или струя горящей жидкости, или направленный лазерный луч.

Чтобы избежать ловушки, следовало пустить перед собой кого-нибудь, на чью жизнь вам наплевать,— например раба. Владыки обычно так и делали. Но Кикаха с Ананой могли поступить так разве что с пленным врагом, пытавшимся их убить.

Копье Ананы вернулось из другого мира без повреждений. Однако ловушка могла быть настроена на рас-

познавание плоти или даже биоволн высокоразвитого мозга.

— Хочешь, я пойду первой? — предложила Анана.

— Нет. Несмотря на то что здесь вряд ли есть ловушка.

— Я пойду...— начала Анана, но Кикаха прыгнул в пространство, обрамленное шестиугольником, не дав ей договорить.

Он приземлился на обе ступни, согнув колени, сжимая в руке томагавк и пытаясь охватить взглядом пространство со всех сторон сразу. А затем выпрямился и сделал несколько шагов в сторону, чтобы Анана прошла через врата, не сталкиваясь с ним.

Здесь царил полумрак без какого-либо видимого источника света. Кикахе удалось разглядеть громадную пещеру с растущими из пола сталагмитами и сталактитами, которые свисали с потолка. Эти каменные сосульки образовались из карбоната кальция, растворяемого сочившейся сверху водой, и напоминали зубья разверстого капкана. Одним словом, если не считать освещения, эта пещера ничем не отличалась от любой другой подземной каверны.

Тут через врата прыгнула Анана с копьем в одной руке и пылающим факелом — в другой.

— Пока все спокойно,— уведомил ее Кикаха.

— Еще рано судить об этом,— женщина пожала плечами.

Огромная пещера тянулась вдаль насколько хватало глаз, также уходя во тьму справа, слева и сзади. Движение воздуха над ним ощущалось слабо, однако прохладный сквознячок остудил вспотевшее тело Кикахи. Жаль, что у них не нашлось побольше времени на подготовку, тогда бы они обязательно взяли с собой одежду, еду, запасные факелы.

Владыка, установивший врата, вероятно, сделал это тысячи лет тому назад, а затем, воспользовавшись ими всего раз или два, предпочел другие. Но Кикаха с Ананой не знали, как выбраться из этого мира. В распоряжении Кикахи имелся лишь один способ. Он поднес рог к губам и протрубил семь звонких нот, нажимая

пальцами на кнопки. Закончив играть, он опустил рог и ткнул томагавком в шестиугольник. Конец томагавка исчез.

— Врата активированы и с этой стороны! — крикнул он. Анана звонко чмокнула его в щеку.

— Может, нам и правда повезло!

Кикаха выдернул томагавк и задумчиво протянул:

— Да, если только...

— Что?

— Они могут пропустить нас обратно в мир трехногих. Такая шутка вполне в духе Владык.

— Тогда давай тоже повеселимся,— Анана прыгнула в шестиугольник и исчезла.

Кикаха подождал несколько секунд, давая ей время отойти в сторону или же вернуться назад, если у нее будет на то причина. А потом прыгнул сам.

Радость охватила его: это не храм каквастамов! На массивной каменной плите, где он оказался, не было видно никаких врат, но они, конечно, там находились. Плита возвышалась в центре круглой башни размером с амбар. Каменные стены венчал конический потолок из какого-то металла, выкрашенный в красный цвет. В гладком каменном полу не было ни единого отверстия для лестницы. Выходы представляли собой открытые арки — четыре по количеству сторон света. В их проемах виднелись протяженная холмистая равнина, лес и фрагменты похожего на замок здания, частью которого была и эта башня, возвышавшаяся над землей футов на пятьсот.

Анана вышла через одну из арок и, оглядывая окрестности, прижалась к парапету высотой по пояс.

— Эй! — не оборачиваясь, позвала она.— По-моему, нас занесло совсем не туда куда надо!

Кикаха направился к женщине, и порыв ветра взметнул его бронзово-рыжие волосы. Длинные черные блестящие пряди Ананы струились по ветру, словно чернильные струи осьминога, подхваченные сильным течением.

Хотя голубоватое с зеленоватым отливом солнце стояло в зените, лучи его грели не настолько, чтобы можно

было согреться на холодном ветру. Путешественники по вселенным, дрожа, обошли внутреннее помещение башни, и Кикахе пришло в голову, что дрожали они не только из-за порывов ветра, и дело даже было не в отсутствии людей. Он повидал на своем веку немало заброшенных замков и городов. В самом деле, этот замок был настолько широк и высок, что вполне мог вместить в себя целый город.

— Тебе тоже не по себе? — уточнил Кикаха.— Что-то здесь не так...

— Определенно!

— У тебя нет такого чувства, будто за нами кто-то наблюдает?

— Нет,— покачала головй Анана.— Я чувствую... только не подумай — я не сошла с ума!.. по-моему, здесь кто-то спит и лучше его не будить.

— Не наговаривай на себя! Ты так давно живешь на свете и столько всего повидала, что вполне способна уловить какие-то недоступные мне нюансы...

Кикаха остановился. Они прошли достаточно далеко, чтобы он увидел часть панорамы, открывавшейся с другой стороны. За крышами, венчавшими многочисленные строения замка, на фоне скалистого холма возвышался ярко-голубой шар. Кикаха некоторое время молча стоял, уставясь в пространство, прежде чем произнес:

— Отсюда до этого шара должно быть четыре-пять миль. Но он все равно выглядит огромным!

— Вокруг него какие-то статуи,— заметила Анана.

Они решили пройти к громадному шару через замок-город. Но в башне с арками не было лестницы. Как же ее прежние обитатели попадали сюда? Кикаха с Ананой внимательно осмотрели и простучали каждый дюйм каменной кладки внутри и снаружи, но не нашли ни потайной двери, ни подозрительно полых мест — ничего, что указывало бы на замаскированный вход или выход.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросил Кикаха.

— Проверь,— кивнула Анана.

Кикаха обогнул невидимый шестиугольник, через который они проникли сюда, встал с обратной стороны, поднял рог и протрубил семь нот. Никаких внешних изменений; но, когда он ткнул томагавком в то место, где должны были стоять врата, оружие наполовину исчезло.

— Вероятно, это часть лабиринта со множеством врат,— предположила Анана.

Кикаха прыгнул в шестиугольник, приземлился на обе ноги и шагнул вперед. Через пару секунд за ним последовала Анана. Они оказались в большом помещении без окон и без дверей с полупрозрачными зеленоватыми стенами из какого-то твердого материала — словно оно было высечено внутри исполинского драгоценного камня. Воздух здесь был тяжелый, спертый и недвижный. На фоне стены виднелся очерченный тонкими черными линиями шестиугольник.

На полу лежали два скелета — один явно человеческий; среди костей поблескивали две пряжки от ремня, золотые кольца с драгоценными камнями и лучемет в форме пистолета. Кикаха нагнулся и подобрал оружие, при этом он невольно сделал более глубокий вдох, чем следовало. От нехватки кислорода сердце забилось как бешеное, а горло сжалось.

— По-моему,— сказала Анана,— у нас не так-то много времени на попытку пройти через врата. Наши предшественники не знали кода и потому умерли от удушья.

Теоретически два предыдущих посетителя должны были использовать весь имевшийся в помещении кислород, однако ни Кикаха, ни Анана не стали сразу задыхаться. Наверное, владелец врат подкачал немного кислорода, точнее, ровно столько, чтобы помучить следующих гостей сознанием неотвратимой гибели.

— Не исключено, что у нас всего минута! — сообразил Кикаха.

Он нажал на кнопку лучемета, чтобы узнать, сколько осталось в запасе энергии. Крошечный цифровой индикатор показал, что энергии хватит на десять по-

лусекундных выстрелов убойной силы. Сунув лучемет за пояс, Кикаха поднес ко рту мундштук Рога.

Едва отзвучала вся музыкальная фраза, как Анана сунула конец копья в нарисованный на стене шестиугольник. Наконечник исчез. Она вытащила копье — ни повреждений, ни следов огня. Это ровным счетом ничего не значило, но тем не менее легкие Кикахи уже посылали ему тревожные сигналы, а горло, казалось, вот-вот окончательно сожмется. На лице Ананы отражался испытываемый ею страх.

Несмотря на то что дышать становилось все труднее, Кикаха повернулся и протрубил семинотную секвенцию еще раз, в направлении стены, противоположной вратам. Вполне возможно, что там тоже имелись врата, не обозначенные их создателем. А этот шестиугольник представлял собой западню для неосторожных.

Стена внешне ничуть не изменилась, но Анана с силой потыкала копьем в различных местах с целью определить, нет ли там невидимых врат. Металл с лязгом отскакивал от стекловидной поверхности, гремевшей словно барабан. Итак, придется воспользоваться единственным доступным путем.

Взяв копье наперевес, Анана прыгнула через врата. Спустя несколько секунд за ней последовал Кикаха. Как обычно, он слегка прикрыл глаза, когда ему показалось, что вот-вот врежется в стену. Однако это не помешало заметить еще один шестиугольник буквально в футе от первого. Спустя секунду Кикаха уже миновал вторые врата и приземлился рядом с Ананой. Та выглядела пораженной. Ей впервые довелось повстречать вторые врата сразу же за первыми.

Легкие Кикахи в то же самое мгновение заполнил свежий воздух.

— Ах! Боже мой, до чего хорошо! — простонал Кикаха.

— Меньше секунды в одном мире — и сразу в другой,— удивилась Анана.

Теперь они находились в громадном помещении, потолок которого располагался по меньшей мере в сот-

не футов над ними, а стены покрывали изображения каких-то невиданных существ. Глаза слепил яркий свет. Внезапно оно сменилось песчаной равниной, простиравшейся до самого горизонта, куда более далекого, чем на Земле. В лиловых небесах сияло оранжевое солнце. Воздух казался тяжелым, и Кикаха почувствовал, как неожиданно резко возросла гравитация.

Но не успел он промолвить и слова, как они с Ананой оказались на вершине пика — площадка была такой маленькой, что им пришлось прижаться друг к другу, чтобы не упасть. Насколько хватало глаз, вокруг них повсюду вздымались горы. Солнце медленно скрывалось за пиками, а небо было зеленовато-голубым. Дул сильный и холодный ветер. Кикаха решил, что температура здесь явно ниже нуля.

Ничего похожего на врата поблизости не было.

Еще через несколько секунд спутники очутились на песчаном берегу какого-то тропического острова. (не исключено, что на Земле). Легкий бриз раскачивал ветви пальм. Желтое солнце у них за спиной стояло близко к зениту.

— По-моему, мы угодили в резонансную цепь из врат,— сказал Кикаха.

Но шли часы, а пейзаж оставался прежним. Устав ожидать, когда же что-нибудь случится, Кикаха с Ананой побрели по пляжу и спустя некоторое время оказались на прежнем месте.

— Мы на острове — вернее, на островке,— подытожил Кикаха,— окружностью около полумили. И что дальше?

На горизонте не виднелось ни пятнышка. Там мог находиться материк или другой остров, или же море продолжало нести свои волны тысячи миль, прежде чем те разбивались о какой-то берег. Кикаха обследовал деревья, которые на первый взгляд казались пальмами. Но на них росли плоды, похожие на гигантские гроздья винограда. Что ж, если он не ядовитый, то голодная смерть им в ближайшем будущем не грозит — хотелось бы верить! Деревья можно

срубить лучеметом и сделать из них плот. Вот только бревна связать будет нечем, никаких лиан тут не росло.

Владыка, организовавший здесь остановку, выбрал для своих жертв смерть от голода.

Кикаха еще раз обошел остров вдоль берега, постоянно трубя в рог, потом стал сужать круги, так что в поле действия рога попал каждый дюйм островка. Здесь не было ни трещин, ни неактивированных врат. А то, что Рог не смог активировать врата, через которые Кикаха с Ананой сюда попали, означало лишь одно: эти врата были односторонними, с «замком» — дезактивирующим устройством. Мало у кого из Владык было в распоряжении это древнее устройство, требовавшее к тому же большого количество энергии.

— Со временем «замок» исчезнет сам по себе,— сказала Анана,— Но мы, полагаю, умрем гораздо раньше, если не сумеем выбраться отсюда.

Кикаха срезал лучеметом с ветки гроздь плодов величиной с бейсбольный мяч. От удара о землю некоторые плоды разбились. Хотя Кикаха и стоял футах в сорока от них, запах тут же защекотал ему ноздри.

— Фу-у! Но вонь еще не значит, что они несъедобные.

Но, тем не менее, ни Кикаха, ни Анана не притронулись к плодам. Когда голод станет совсем нестерпимым, можно будет попробовать — а пока они решили обойтись съестными припасами из своих рюкзаков.

Вечером третьего дня они легли на пляже спать в том же месте, откуда явились в эту вселенную. Если врата опять вдруг активируются, лучше оказаться в сфере их действия.

— Этот Владыка не просто заточил нас на этом островке,— вздыхал, ворочаясь, Кикаха.— Он еще и упрятал нас в своего рода камеру. Как мне надоело мыкаться по тюрьмам!

— Спи давай,— отозвалась Анана.

Внезапно в глаза им ударил яркий солнечный свет, и Кикаха воскликнул:

— Ну, наконец-то!

Они с Ананой вскочили со своих песчаных постелей, и едва успели схватить рюкзаки и оружие, как уже стояли на узком карнизе, глядя в бездонную пропасть. Потом с калейдоскопической быстротой друг друга сменили пещера, крошечный утес, возвышавшийся на несколько футов над морем, какая то комната... Кикаха попытался дунуть в рог и активировать врата, которые разорвали бы цепь, но не успел. Равно как и на следующих двенадцати остановках, которые они пролетели со свистом.

Нравилось им это или нет — кому такое понравится? — но они попали в головокружительный замкнутый круг. А затем, когда они вновь оказались в помещении на вершине башни в заброшенном городе, Кикахе удалось-таки протрубить все семь нот. И врата перенесли их в самое изумительное и неожиданное место из всех, где им довелось побывать.

— Думаю, мы разорвали цепь! — промолвил Кикаха.— Ты когда-нибудь слышала о подобном месте?

Анана ошеломленно покачала головой. А произвести впечатление на женщину, прожившую столько тысяч лет, было отнюдь не легко.

3

Чешуйчатый человек был главным экспонатом в центре огромного зала. Была ли то мумия, или чешуйчатый находился в анабиозе, ему явно было не меньше сотни-другой тысячелетий. Двое непрошеных гостей, вторгшихся в эту переливающуюся всеми цветами радуги, резонирующую при каждом звуке усыпальницу, никак не могли точно определить ее возраст. Они просто чувствовали, что гробница была построена, когда их даже очень далеких предков еще не было на свете.

— Ты когда-нибудь слышала о нем? — прошептал Кикаха. Затем, осознав, что говорить шепотом не обя-

зательно, громко добавил: — У меня такое ощущение, будто мы первыми проникли сюда с тех пор, как это... это существо погребли здесь.

— Я не так уж уверена, что оно на самом деле погребено. Мне ничего не известно об этом месте, впрочем, так же как и об этом существе. Но...— Анана помолчала, а затем продолжила: — Среди моего народа ходили рассказы о тех, кто нас создал. Мы не знаем, являлись ли эти предания частью доисторической тоанской культуры или более поздним вымыслом. Но большинство тоанов настаивает, что мы произошли естественным образом, что никто нас не создавал. Вот мои предки действительно создали леблаббиев, людей твоего типа. Они, а также многие другие формы жизни, появились на свет в биолабораториях моих предков, дабы заселить искусственные карманные вселенные. Но чтобы и мы, тоаны, могли быть чьим-то творением...

Однако предания описывали токина как неких тварей, похожих на это существо. Но токина принадлежали к иному, отличному от нас виду. Мы якобы вторглись в их вселенную и уничтожили всех, кроме одного. Не знаю. Легенды о них ходили противоречивые.

Посреди зала находилась невысокая, массивная колонна, а на ней стоял большой, прозрачный, ярко освещенный куб. Обнаженное существо с открытыми и мертвыми на вид глазами плавало в кубе.

— В одной из самых древних легенд говорится, что единственный уцелевший токина где-то спрятался. Он уснул глубоким сном и пробудится лишь тогда, когда мирам будет грозить гибель.

— Интересно, а почему его должна волновать судьба миров?

— Я просто рассказываю тебе легенду,— Анана пожала плечами.— Но как ты объяснишь существование такого, как он? Или этого места? В легенде сообщалось также о том, что токина наблюдает за миром. Взгляни-ка на все эти изображения на стене. Некоторые из них выглядят вполне современными.

— Да как он может наблюдать за мирами? Он же без сознания — или умер, насколько мы можем судить.

— Откуда я знаю?

Кикаха озирался, разглядывая гробницу, которая превосходила размерами ангар для цеппелинов. Заполнявший ее свет из какого-то невидимого источника, отражаясь от ярко-голубого потолка, слепил глаза. Но, несмотря на это, Кикаха сумел-таки, прищурившись, разглядеть, что по изогнутому потолку тянулись тысячи перемещающихся очертаний. Большинство из них напоминали буквы странного алфавита или математические формулы. Порою мелькали какие-то картины, словно созданные воображением безумца. Но такое восприятие скорей всего объяснялось его собственной установкой.

По окружающей стене стремительно неслись горизонтальные ленты быстро меняющихся цветов и оттенков, а между ними мерцали тысячи трехмерных изображений. Они вспыхивали и тут же сменялись другими. Кикаха обошел гробницу кругом, разглядывая сцены, появлявшиеся на уровне глаз. Некоторые изображали пейзажи и людей разных миров, где ему довелось побывать. На одной из голограмм был вид Манхэттена с высоты птичьего полета. Только в нижней его части возвышались два небоскреба-близнеца, значительно превосходившие Эмпайр Стейт Билдинг.

Изображения появлялись и исчезали очень быстро, почти мгновенно. Через несколько минут у Кикахи разболелись глаза. Он закрыл их на миг, а когда открыл, то перевел взгляд на «главный экспонат выставки». Существо в кубе явно принадлежало к мужскому полу. Яйца его покрывала голубая хрящевая оболочка, с дырочками для вентиляции по всей поверхности, а пенис представлял собой толстый цилиндр без всякой головки, или крайней плоти, но с тонкими и туго скрученными щупальцами по бокам.

Анана хмыкнула, а затем задумчиво протянула:

— Интересно...

— Что? — взглянул на нее Кикаха.

— Его подружка наверняка получала дополнительное удовольствия от секса. Конечно, эти щупальца могли выполнять чисто репродуктивную функцию, но могли и доставлять женщине какое-то особое наслаждение, какого я даже вообразить не могу...

— И не пытайся,— «утешил» он ее.

— Кто знает... Неожиданное случается ничуть не реже ожидаемого. Когда я рядом с тобой, дело обстоит именно так.

Ростом существо было около семи футов. Его тело, а также четырехпалые ноги и пятипалые руки очень напоминали человеческие. Но эти массивные мускулы больше подошли бы горилле, а кожа с чешуйками зеленого, красного, черного, голубого, оранжевого, лилового, лимонно-желтого и розового цвета — рептилии.

Зубчатый, точно у динозавра, позвоночник изгибался вверху, так что очень толстая шея склонялась вперед. Лицо покрывали семь зеленоватых пластинок, то ли костяных, то ли хрящевых. Расположение темно-зеленых глаз существа говорило о стереоскопическом зрении, хотя они были расставлены намного шире, чем у людей. Костяная пластинка прямо под челюстью создавала впечатление отсутствия подбородка. Из приоткрытого безгубого, как у ящерицы, рта свешивался язык, похожий на розового червя. Нос и остальная часть лица образовывали пологий изгиб. А с середины головы до самой массивной шеи ее покрывали красноватые вайи, короткие и плоские. Если под этим ковриком тоже скрывались костяные пластинки, то разглядеть их не удавалось. Крохотные уши походили на человеческие, однако располагались гораздо ближе к затылку.

— Это существо действительно может быть последним уцелевшим токина...— задумчиво протянула Ана-на. И тут же ответила сама себе: — Нет, конечно! Это просто совпадение!

Они молча постояли некоторое время, внимательно оглядываясь вокруг. Потом Кикаха сказал:

— Здесь нам никак не найти ответов на наши вопросы. Во всяком случае, если не задержимся тут надолго, а у нас нет ни еды, ни воды, ни нужных инструментов.

И все-таки... Еды и воды у них хватало дня на четыре, если экономить. Но вот испражняться было некуда, однако в такой громадной усыпальнице подходящим местом мог служить любой уголок.

— Лучше нам убраться отсюда,— Анана сдвинула брови.

Кикаха на мгновение задумался.

— Ладно,— кивнул он.— Ты права.

Он подошел к тому месту у стены, где они прошли через врата, и протрубил в рог Шамбаримена. Последняя нота, казалось, зависла в воздухе, словно бабочка-поденка, твердо решившая продлить свою короткую жизнь еще на несколько секунд. Перед Кикахой появилось мерцающее пятно примерно пяти футов в ширину и десяти в высоту. Сверкающая стена склепа за пятном исчезла, и он теперь смотрел на каменный пол и точно такие же стены. Кикаха уже видел их, и притом не так давно. Выход был открыт, но Кикаха предпочел бы воспользоваться другими вратами, если они тут есть, не желая вновь оказаться в резонансной цепи.

Через пять секунд вид помещения в каменной башне померк. На стене вновь появились пейзажи других вселенных.

— Найди другие врата, если сможешь,— посоветовала Анана.

— Конечно.

Кикаха медленно пошел вдоль стены, вновь и вновь трубя в рог. Но врата открылись, лишь когда он обошел половину гробницы. Примерно в двадцати футах перед собой Кикаха увидел большой валун, вокруг него и над ним простирались ровная пустыня и голубое небо.

Кикаха не знал, в какой вселенной находится этот ландшафт — или на той же самой планете, где они сейчас находились. Врата могут перенести тебя на несколько футов — или на другой материк.

При дальнейшем обходе по кругу вдоль стены никаких иных врат не обнаружилось. Тогда Кикаха начал следующий круг, отойдя от стены на двадцать футов. Но тут его окликнула находившаяся неподалеку Анана:

— Иди сюда! Я только что увидела нечто очень интересное!

Кикаха широким шагом подошел к ней. Она смотрела вверх, туда, где изображения как бы выскакивали из стены, чтобы тут же запрыгнуть обратно.

— Рыжий Орк! Я только что его видела — на картинке,— пояснила она.

— А на каком фоне?

— Такой фон может быть на любом из тысячи миров. Позади него виднелся какой-то водоем — может, большое озеро, а может и море. Похоже, он стоял на краю утеса.

— Продолжай наблюдать за этой картинкой,— попросил Кикаха.— А я хочу обойти гробницу еще раз, по более узкому кругу. Но буду посматривать и на стены — вдруг да увижу Орка. Или что-нибудь знакомое. Да, кстати, я нашел-таки еще одни врата, но они вели в пустыню. Ими мы воспользуемся только в крайнем случае.

Анана кивнула, не отрывая напряженного взгляда от изображений.

Прежде чем Кикаха повернулся, перед глазами у него промелькнуло нечто похожее на центр Лос-Анджелеса. Он узнал Брэдбери-Билдинг. Следующие двадцать панорам показывали незнакомые места.

А затем он увидел на миг пейзаж Лавалитового мира, планеты, откуда им с Ананой удалось бежать. Из ровной поверхности стала медленно вздыматься гора, а река у ее подножия разливалась все шире по мере того, как мелело ее русло.

Какой прок от всех этих картинок, если на них здесь некому смотреть?

По спине у Кикахи побежали мурашки. Слишком много вопросов — и ни одного ответа. Самым правильным будет не думать больше о них. Но присущая Ки-

кахе практичность все-таки не удерживала его от склонности ломать голову над подобными вещами.

Завершив круг, Кикаха остановился. Рог не открыл больше никаких врат. И знакомых пейзажей на стенах тоже больше не появилось. Да и не мог он разглядеть изображения, находившиеся значительно выше на изогнутой стене.

Он вздрогнул, услышав, как Анана закричала:

— Вон Рыжий Орк!

Когда Кикаха подбежал к ней, видение уже исчезло.

— Он собирался пройти через врата! — сообщила ему Анана.— Он был на том же утесе у моря, но шел к вратам. К шестиугольнику!

— Возможно, это происходит не сейчас. Почему бы не предположить запись?

Кикаха направился было к кубу, собираясь обследовать его, как вдруг Анана выругалась по-тоански:

— Элиттрия!

Кикаха стремительно обернулся и успел уловить последние две секунды очередной картинки. На ней была часть гигантской усыпальницы с кубом, а совсем близко стояли они с Ананой, глядя перед собой и немного вверх.

— Мы! — взревел Кикаха.

— Что здесь удивительного! Если наблюдение ведется за столькими мирами и местами, то вполне естественно, что и эта гробница не будет исключением. Хотя бы потому, что наблюдателям полагается знать, когда сюда проникнет какой-нибудь незваный гость — как мы с тобой.

— Но против нас ничего не предприняли.

— Пока...

— Следи дальше за изображениями,— сказал Кикаха. Он подошел к кубу и ощупал круглый постамент, но не нашел никаких выступов или впадин. Управляющие механизмы, если таковые имелись, были явно не здесь. Кикаха попробовал снять куб с колонны, но тот не поддавался его усилиям.

Пришлось снова обследовать стены. Через час он изучил взглядом всю стену на такую высоту, на какой

только мог что-либо рассмотреть, а затем принялся ощупывать ее поверхность. Безрезультатно. А между тем скрытые мониторы наверняка записывали все его действия.

Эта мысль вызвала за собой множество вопросов. Как же все-таки мониторы ухитряются следить за столькими местами в стольких мирах? Камеры, снимающие бесчисленные миры, должны быть недоступны для обнаружения. Какие-то особые постоянные магнитные поля? И они передают картинки через какие-то особые врата в усыпальницу? Если все эти записи сохраняются в некоем архиве, то он должен занимать исполинскую площадь. Может, он скрыт внутри этой планеты?

Но какой-то смысл во всем этом все-таки должен быть!

— Кикаха! — позвала Анана.

Он подбежал к ней:

— Что?

— Тот человек — ну, помнишь, мы видели его в летающем дворце Лавалитового мира. Я только что заметила его!

— А где он был — знаешь?

Анана покачала головой:

— Он шел по лесу. Но такие деревья могут расти и на Земле, и в Многоярусном мире, и на сотне других планет. Ни зверей, ни птиц я не видела.

— «Все страньше и страньше»[1],— вздохнул Кикаха, затем снова посмотрел вокруг и добавил: — Не думаю, чтобы нам удалось разузнать здесь что-либо еще. Мы не можем просто сидеть сложа руки и ждать, надеясь, что мелькнет изображение Рыжего Орка, или незнакомца в старинном костюме, или — хотя видит Бог, как бы мне этого хотелось! — Вольфа с Хрисеидой.

— Но мы могли бы когда-нибудь вернуться сюда, повторив свой путь через врата.

— Мы вернемся. А теперь пора уходить. Мне не очень хочется снова в башню, но у нас нет выбора.

---

[1] «Алиса в Стране Чудес» Л. Кэрролла.

Они подошли к стене, где находились невидимые врата, через которые им удалось проникнуть сюда. Кикаха поднес к губам рог и затрубил. Воздух замерцал, и они увидели помещение в башне, которую недавно покинули. Анана шагнула через врата, а Кикаха — за ней по пятам. Но, проходя, он обернулся бросить последний взгляд на усыпальницу.

И увидел, что куб заполнился множеством лучей разных цветов и оттенков. Они вспыхивали, гасли и в мгновение ока сменялись другими лучами. Существо, окутанное оранжевым сиянием, начало медленно погружаться на дно куба.

— Погоди! — крикнул Кикаха.

Но склеп уже скрылся из глаз. Кикаха успел лишь заметить, как приподнялась крышка куба. Он не стал объяснять Анане, зачем снова трубит в рог. Однако на сей раз вход в гигантскую гробницу не открылся. Вместо этого их перенесло совсем в другое место — и опять началась цепь перемещений.

В конце концов они очутились на цветущей равнине. Далеко впереди виднелся густой лес, а за ним вздымалась скальная стена — такая высокая, что вершины ее Кикаха не видел. Стена тянулась вправо и влево сплошным нерушимым барьером. В ярко-зеленом небе сияло солнце, такое же желтое и яркое, как на Земле.

У них хватило времени выбежать из зоны действия врат, пока те не понесли их снова по кругу, потому что Алофметбин, что в переводе означает «Многоярусный мир», Кикаха любил больше всех прочих вселенных. А громадная скальная стена во многих милях впереди представляла собой один из пяти поистине колоссальных монолитов, образовывавших вертикальные части этой планеты, созданной в виде Вавилонской башни. Кикаха с Ананой находились на одном из таких монолитов, хотя пока не знали на каком.

Анана, переводя дух, спросила:

— А тебе не показалось, что врата предоставили нам такую возможность? У нас в избытке хватало времени отбежать от них.

— Похоже, будто поезд, следующий без остановок, притормозил немного, чтобы дать нам возможность спрыгнуть.

Она кивнула. Лицо ее сделалось мрачным.

— Думаю, кое-кто специально подстроил все так, чтобы мы сошли именно здесь.

— Рыжий Орк!

4

— Это кажется наиболее вероятным,— кивнула Ана-на.— Он мог создать эту цепь и западню для одного из своих многочисленных врагов. И, вполне возможно, сделал это задолго до того, как на сцене появились мы с тобой. А может, она служила ему аварийным выходом на случай, если понадобится срочно уносить ноги.

— Все может быть. Как говаривала ваш тоанский философ, Манату Ворцион, «порядок складывается из беспорядка, а в беспорядке есть свой собственный порядок». Но в любом случае мне все это кажется очень подозрительным.

— А когда тебе что-нибудь не казалось таким?

— Когда еще жил на Земле, хотя даже там был человеком, которого ты могла бы назвать осмотрительным. А то, что произошло со мной, после того как я попал сюда, научило меня доверять лишь очень немногим людям и просчитывать ситуацию на несколько ходов вперед. Хочешь долго жить — гляди в оба. Это не паранойя, когда ты подозреваешь или уверен в том, чего на самом деле не существует. Опасности же, о которых я думал, существовали или могли существовать.

— Почти все Владыки параноики. Паранойя — одна из глубинных составляющих нашей культуры. Большинство тоанов не доверяют никому, в том числе и самим себе.

— Ну что ж, давай углубимся в страну Паранойю,— со смехом предложил Кикаха.

Они пошли по равнине, то и дело поглядывая на небо, внимательно рассматривая траву впереди и обо-

рачиваясь назад. В траве могли прятаться змеи или большие хищники. В небе тоже мог появиться кто-нибудь опасный. Но в течение первого часа на глаза им попадались только насекомые в траве да пасущиеся поодаль стада четырехрогих антилоп и слонов с четырьмя бивнями.

А потом в зеленом небе возникла черная точка, которая быстро увеличивалась в размерах. Несколько минут спустя точка приобрела очертания ворона. Ниже он не опустился, но продолжал лететь в том же направлении, что и путники. Глядя, как он описывает круги, Анана с Кикахой заподозрили, что он следит за ними.

— Возможно, это один из тех гигантских говорящих воронов, которых создал в своей лаборатории Ваннакс, когда был Владыкой этого мира, чтобы те служили ему шпионами и посланцами,— сказал Кикаха. И добавил: — Мне все больше и больше кажется, что Рыжий Орк следит за нами.

— Или кто-то другой.

— Я лично ставлю на Орка.

— Полагаю, это может быть робот, замаскированный под птицу,— продолжил свои рассуждения Кикаха.— Но если так, то им управляет Владыка, а это выглядит маловероятным.

— А когда мы сталкивались с чем-то, кроме маловероятного?

Они сделали привал, и теперь Кикаха лежал на спине, положив руки под голову и наблюдая за птицей в небе. Анана полулежала, облокотясь на одну руку.

— Та восьмерка, которую ворон описывает сейчас в небе,— заметил Кикаха,— выглядит отсюда лежащей на боку. Похожа на символ бесконечности — одно из немногих воспоминаний, сохранившихся у меня от лекций по математике на первом курсе колледжа, который я так и не закончил. Колледж, я имею в виду.

— Тоанский символ бесконечности — это прямая линия со стрелками на обоих концах,— сказала Ана-

на.— А линия, закрученная в штопор,— символ времени.

— Знаю.

Воспоминания о Земле проносились перед мысленным взором Кикахи, словно призраки в разноцветных одеждах. В 1946 году, двадцати восьми лет от роду, он, ветеран Второй мировой войны, поступил в колледж, пользуясь льготами для демобилизованных. А потом его зашвырнуло в другую вселенную, хотя и не совсем против воли. В этой искусственной вселенной, созданной Владыкой, была только многоярусная планета, Алофметбин. Как он выяснил впоследствии, эта вселенная была всего лишь одной из тысяч, созданных древними тоанами — людьми, отрицавшими, что они люди. И именно здесь Пол Янус Финнеган, любитель приключений из штата Индиана, стал Кикахой Обманщиком.

С тех пор как он попал в Многоярусный мир, Кикаха постоянно то убегал от врагов, то нападал на них, пребывая в вечном движении, если не считать нескольких редких периодов перемирия. В эти сравнительно нечастые времена он обычно брал в жены дочерей какого-нибудь вождя на своем любимом ярусе — втором, который он называл Индеей. Или завязывал любовную интрижку с женой или дочерью какого-нибудь барона с третьего яруса, прозванного им Дракландией.

Он оставил за собой целый шлейф из женщин, которые какое-то время тосковали по нему, пока не влюблялись в кого-нибудь другого. За ним тянулся также не менее длинный шлейф из трупов.

На Землю он вернулся только в 1970 году, да и то ненадолго. Родился он в 1918 году, и значит, ему было теперь пятьдесят два или пятьдесят три земных года. Но, слава всем богам, какие только существуют на свете, его физиологический возраст составлял всего двадцать пять лет. Что было бы, останься он на Земле? Возможно, он получил бы степень доктора антропологии и стал бы специалистом по языкам индейцев. Но тогда ему пришлось бы еще и читать лекции. Смог бы

он вынести всю эту тягомотину — исследования, необходимость публиковаться, университетские сплетни и дрязги, бесчисленные скучные конференции и стычки с администрацией, не считавшей преподавателей за людей?

Конечно, он мог бы уехать на Аляску, которая была в 1946 году своего рода заповедником, где еще сохранялся дух первопроходцев, или же управлять самолетом, летающим над малонаселенными краями. Но и такая романтическая жизнь со временем наверняка бы приелась.

Наверно, к настоящему времени ему удалось бы обзавестись мастерской по ремонту и продаже мотоциклов в Терре-Хоте или Индианаполисе. Нет, он не вынес бы повседневной рутины, беспокойства об оплате счетов и мертвящей скуки.

Кем бы ни стал он на Земле, там ему не видать той бурной, хотя и лихорадочной жизни, полной экзотических приключений, какую он прожил за это время в тоанских вселенных. Прекрасная женщина, лежащая рядом — нет, не женщина, а богиня, как сказал бы поэт,— прожила уже много тысячелетий. Но химические «эликсиры» Владык помогали ей оставаться физиологически двадцатипятилетней.

— Мы почему-то сразу решили, что ворон послан нашим врагом,— Анана пристально смотрела на него.— Наверно, он и правда отправлен следить за нами, но вовсе не Орком, а Вольфом. Они с Хрисеидой могли убежать из тюрьмы Рыжего Орка и добраться до этого мира и сидеть теперь во дворце.

— Знаю.

— По-моему, мы с тобой довольно часто говорим «знаю»,— улыбнулась она.

— Очевидно, нам пора отдохнуть друг от друга.

— Это не поможет,— сказала Анана и, лукаво покосившись на него, добавила: — Знаю.

Женщина залилась смехом, упала Кикахе на грудь и страстно его поцеловала. Он ответил на поцелуй не менее страстно. Но не мог отрешиться от мысли о том, что они чересчур долго были изолированы от

других людей. Им нужно чье-то общество, не постоянно, но достаточно часто, так чтоб не приходилось постоянно «тереться» друг о друга, как в последнее время.

Анана, разумеется, обладала куда большим опытом, чем он. За свою долгую жизнь эта женщина сменила сотню Владык, и у нее было несколько детей. Самый долгий срок, проведенный ею с одним и тем же мужчиной, составлял около пятидесяти лет.

— Это почти предел для верной пары, если совсем не стареешь,— объяснила она как-то — Владыки не обладают таким терпением, какое присуще вам, леблаббиям,— и я употребляю это слово вовсе не в уничижительном смысле. Но в некоторых отношениях мы отличаемся от вас.

— Но многие пары прожили вместе тысячи лет,— возразил он.

— С перерывами.

Анана не наскучила Кикахе, и он не пресытился ею. Как, похоже, и она им. Но женщина знала, что настанет время, когда им придется расстаться. Во всяком случае, на какое-то время, возможно, надолго.

Кикаха не волновался по этому поводу. Придет срок разобраться, он это сделает, только как именно — он не знал.

Кикаха поднялся, выпил воды из фляги, сделанной из оленьей кожи, и сказал:

— Если бы Око послал Вольф, он велел бы ворону сообщить нам, что тот присматривает за нами. А также велел бы ему указать нам ближайший путь к нему самому. Значит, ворона определенно отправил не Вольф.— Он помолчал немного и предложил: — Если хочешь, отправимся дальше.

Именно предложил, а не скомандовал. Анана пресекала малейший намек на командный тон. В конце концов, она ведь была Владыкой, хотя и более чуткой и способной к состраданию, нежели большинство ее соплеменников.

— Пора.

* * *

Посреди монолита, который вздымался ввысь на многие тысячи миль, очевидно, находился ярус под названием Атлантида. А на вершине монолита, возвышавшегося в центре Атлантиды — куда более узкого и низкого по сравнению с другими монолитами,— стоял дворец, построенный Вольфом.

Часа три они брели по направлению к лесу, и когда до опушки леса оставалось еще около часа ходьбы. Кикаха прибавил шагу. Анана не спрашивала, так как знала, что ему не нравится очень долго находиться на равнине: он чувствовал себя чересчур открытым и уязвимым.

Минут через десять Кикаха нарушил молчание:

— Как я подозреваю, до нас никто не проходил через врата в ту гробницу. Никаких следов предыдущих вторжений там нет. А существо в гробу или те, кто его туда уложил, наверняка позаботились о надежной охране. Так почему же нам удалось пройти через те врата?

— А ты как думаешь?

— Есть какая-то причина, по которой нам, и только нам позволили войти туда,— сказал он.— Слышишь, я подчеркиваю, «позволили». Но почему именно нам?

— Ты же не знаешь, были ли мы там действительно первыми. Как и того, действительно ли нам «позволили» войти.

— Верно. Но даже если кто-то был там до нас, вряд ли в его честь поднималась крышка куба и — готов поспорить! — чешуйчатый человек шевелился.

— Этого тоже ты не знаешь наверняка.

— Да, но почему-то мне кажется, в ту гробницу мог проникнуть только кто-то с рогом Шамбаримена.

— Возможно,— улыбнулась Анана.— Но чешуйчатый-то, должно быть, отправился в куб за миллионы лет до того, как создали рог. И он не мог знать о том, что рог будет сделан и его звуки откроют вход в гробницу.

— Откуда ты знаешь, что он не знал о роге? В его время устройства, подобные Шамбариме́ну, могли быть вполне доступны.

Анана рассмеялась:

— Никто не в силах предсказать будущее. И кроме того, какое же значение имело наше вторжение туда?

— Оно послужило началом целой цепи событий, которые еще далеко не закончились. Что же до предсказания, то, может, тут дело вовсе не в предопределенности и не в предсказании. Возможно, все дело в вероятности. Не забудь, что гробница буквально напичкана устройствами, следящими за множеством вселенных. По-моему, чешуйчатый человек должен был подняться из куба, когда по мониторам будут наблюдаться определенные события. А что будет дальше — не знаю.

— Вот именно, что не знаешь.

— Ладно, ты, вероятно, права! — не выдержал Кикаха.— Но если прав я, то тогда жду от тебя извинений и целования ног — помимо всего прочего — и обещания быть смиренной и послушной.

— У тебя даже лицо покраснело! Ты злишься!

— Ты слишком скептична, слишком пресыщена и до безобразия слишком уверена в себе.

— Посмотрим. Но если ты не прав, то можешь сделать для меня то, чего мне полагалось сделать для тебя.

Последние мили до опушки леса они шли молча. Ворон по-прежнему следовал за ними, но спустился гораздо ниже.

— Определенно Око Владыки,— заявил Кикаха.

— Знаю.— Анана засмеялась и добавила: — Пора мне перестать повторять это.

Они вошли под сень тысячефутовых деревьев, похожих на секвойи. Землю у них под ногами устилала опавшая листва. Это было странно, поскольку на этой планете не существовало смены времен года. Но когда Кикаха заметил несколько листьев, падающих с ветвей, то понял, что дерево сбрасывает старую листву,

заменяя ее новой. На Алофметбине так обновляли крону немногие виды растений.

Подлесок был редким, хотя порой им приходилось обходить колючие кусты. Из своих надежных укрытий в зарослях куманики за путниками наблюдало множество маленьких голубоглазых существ, походивших на мохнатых бескрылых сов. Среди ветвей пронзительно кричали, ухали и чирикали обезьяны, щебетали птицы, а также летающие и планирующие млекопитающие. Но с приближением людей наступала тишина, нарушаемая только когда те проходили дальше.

Однажды из-за ствола выглянул и уставился на них горностай размером с пуму Скалистых гор, но нападать не стал. Путники знали о присутствии хищника еще до его появления — обычный лесной шум и гам неожиданно стих.

Кикаха с Ананой держали луки наготове. Кто знает, какой опасный человек или зверь обитает в этом сумеречном, но шумном месте?

Пройдя около мили, они вышли на прогалину шириной футов в шестьдесят, которую образовали две упавшие вместе секвойи. Кикаха поднял взгляд и успел заметить ворона, прежде чем тот уселся на среднюю ветку дерева, росшего рядом с прогалиной. А затем большие листья скрыли птицу из виду.

— Ладно,— пробормотал Кикаха.— Возможно, он знает, куда мы идем.

— Откуда? Мы сами не знаем, куда идем, за исключением общего направления. А лес здесь густой. Ворон не мог лететь за нами. А-а, поняла! Ворон следовал за тишиной вокруг нас.

Они отошли на несколько футов в тень.

— Давай понаблюдаем отсюда,— прошептал Кикаха.

Вскоре, точь-в-точь как он и ожидал, большая черная птица слетела вниз и уселась на ветку, выступающую со ствола одного из павших и гниющих исполинов. Потом ворон спланировал на землю и, полурасправив крылья, пошел прямо в ту сторону, где притаились

Кикаха с Ананой. По мнению Кикахи, ворон спустился на землю, пытаясь выяснить, куда они делись. Но в данный момент ворон не мог ни увидеть их, ни учуять запах, поскольку ветра не было. Кикахе с Ананой повезло, что они засекли птицу до того, как она их заметила.

Приложив палец к губам, Кикаха очень тихо прошептал на ухо Анане:

— У него зрение не хуже, чем у сокола, а слух почти как у собаки. Пошли. Не будем скрываться. Пускай следует за нами, пока мы не будем готовы поймать его.

— Если ворона послал Владыка, то это может означать, что сам он находится в замке Вольфа.

— Если так, то нам посчастливится не угодить там в ловушки.

— Слишком много всяких «если».

Кикаха показал пальцем на громадную черную птицу и вновь прижал палец к губам. А потом специально наступил на сухую ветку. Услышав громкий треск, ворон стремительно развернулся и поспешно заковылял к укрытию за низкорослым кустом, росшим по другую сторону прогалины. Когда люди пройдут мимо него, он несомненно вернется на прогалину, чтобы взмыть с нее в воздух, словно со взлетной полосы. Но если таинственная птица увидит, что люди идут медленно, то, возможно, последует за ними по земле. Хотя вороны не очень-то любят далеко ходить пешком. Думая, что ему удалось засечь людей, а самому остаться незамеченным, крылатый шпион сделается настолько самоуверенным, насколько вообще может стать таким ворон.

— Мы должны взять его живым,— сказал Кикаха.

— Знаю.

— Бога ради! — воскликнул он. А затем, увидев, как Анана слегка улыбается, понял, что она просто поддразнивает его.

Путники медленно пересекли прогалину, посматривая по сторонам и то и дело оглядываясь назад. Если они не будут вести себя осторожно, ворон поймет,

что выслеживаемые прикидываются беззаботными, стремясь обмануть наблюдателя.

Особенно далеко огибать куст они тоже не стали, молча пройдя мимо в нескольких футах от него. Кикаха посмотрел на куст, но ворона не увидел. Сейчас, будь Кикаха склонен к подобным действиям, настало самое подходящее время для внезапного рывка и бега к укрытию ворона. Анана бы тоже рванула с места, отстав от него лишь на полсекунды, но помчалась бы к другой стороне куста. Ворон попытался бы удрать, но не успел бы так быстро улететь — равно как и спрятаться.

Анана не говорила ни слова. Она ждала, что предпримет Кикаха. Он прошел мимо куста и углубился в лес. Ему не требовалось говорить своей спутнице, чтобы та делала вид, будто они не заметили птицу. Пускай ворон крадется за ними. В конечном итоге они выяснят, почему он выслеживает их. И тут Кикаха чуть было не остановился и тихо охнул.

Анана заметила это, но не стала озираться по сторонам в надежде понять, что его так удивило. И лишь тихо спросила, глядя прямо перед собой:

— Что там?

— Хотел бы я знать,— пробормотал он.— Я видел... там, справа... только мельком... что-то вроде мужчины, но не человека. Во всяком случае, не совсем человека. Может, у меня галлюцинации? Но он — если это существо мужского пола — походил на человека, хотя и очень рослого, и очень волосатого для хомо сапиенса. Только...

— Ну же! — не выдержала Анана, прождав несколько секунд.

— Лицо у него какое-то... не знаю. Не вполне человеческое. В нем было что-то, э, медвежье. Я всю эту планету обошел вдоль и поперек, но никогда не встречал ничего подобного. Даже не слыхал о таком. С другой стороны, площадь суши у этой планеты побольше, чем у Земли. Так что я всего лишь не знаю никого, кто знает о таком существе.

Анана посмотрела налево, а потом направо.

— Я никого не вижу.

— Давай-ка попробуем как ни в чем не бывало подойти к тому дереву.

Анана пошла в направлении, которое он ей указал кивком головы. Должно быть, она заметила, что гнездившиеся в кроне на высоте пятисот футов древесные животные настороженно затихли. Но, как и Кикаха, она, вероятно, подумала, что эта внезапная тишина вызвана их собственным приближением. Когда они прошли приблизительно сто футов, Кикаха кивнул:

— Прямо впереди.

Это было одно из исполинских деревьев типа секвойи. Ствол у него блестел так, словно в него вкраплены тысячи кусочков слюды.

— Надеюсь, он там только один,— пробормотал Кикаха.

Подняв лук со стрелой, он начал обходить гигантский ствол слева. Анана пошла справа. Если кто-то прятался за стволом, он неизбежно попал бы в клещи.

Но, обойдя вокруг дерева, они увидели только друг друга. Хотя существо, замеченное Кикахой, вроде было без когтей, он посмотрел наверх. Но и там никто не цеплялся за ствол, да к тому же даже белка не смогла бы забраться на дерево с такой скоростью. Анана отступила назад, чтобы как следует осмотреть другую сторону ствола. Однако дерево было такое огромное, что часть его в любом случае оставалась вне поля зрения обоих. Попросив Анану не сходить с места и наблюдать, Кикаха обежал вокруг дерева, стараясь не упускать из виду верхние ветви. Но не заметил ни единого живого существа. Вернувшись к Анане, он заметил:

— Вообще-то он слишком тяжелый, чтобы забраться на дерево, даже если у него когти длиною в фут. Но я хотел удостовериться.

Анана показала на большие кучи опавшей листвы на земле. Кикаха и так уже смотрел на них, но листья были разбросаны совершенно беспорядочно, не давая

определить, в каком направлении двигалось существо, к дереву или от него.

Кикаха принюхался. В стоячем воздухе чувствовался слабый запах мускуса.

— Я тоже его учуяла,— сказала Анана.— Наверное, нам следует захватить ворона. Он может знать, что это за зверь. Фактически, возможно, как раз на него ворон и работает.— Женщина помолчала и добавила: — Или не исключено, что он работает на ворона.

— Давай отложим предположения на потом, когда поймаем ворона, договорились?

Кикаха и Анана прибавили шагу, то и дело оглядываясь назад, но так и не увидели больше ни ворона, ни человека-медведя. Через несколько минут неожиданно потянуло дымком от костра, и путешественники бесшумно двинулись в ту сторону, откуда доносился запах. Когда позади остался узкий ручеек, они, услышав голоса, замедлили шаг, стараясь не наступать на сухие ветки. Голоса стали громче — разговаривали две женщины. Кикаха сделал несколько знаков Анане, и та прокралась в обход собеседниц. Если он угодит в беду, она сумеет выручить его. Или наоборот.

Кикаха лег на землю и очень медленно пополз вперед, стараясь не шуршать опавшей листвой. Оказавшись за большим кустом, что рос между двух массивных стволов, он остановился.

Посреди небольшой поляны горел костер, а над ним дымился маленький котелок, подвешенный за ручку на деревянной палке, которая покоилась на рогатках двух воткнутых в землю сучьев. Кикаха уловил запах вареного мяса. Возле костра стояла блондинка — настоящая красавица, несмотря на растрепанные волосы и грязное лицо. Она что-то говорила по-тоански сидевшей у костра рыжей девице — такой же красивой и не менее растрепанной и грязной.

На обеих были одеяния по щиколотку длиной, напомнившие Кикахе иллюстрации с изображением древних гречанок. А материал тонкий, облегающий тело

и довольно-таки прозрачный. Когда-то эти хитоны из тонкой, почти прозрачной материи были белыми, но теперь их разукрасили пятна крови и грязи, прилипшие колючки и головки чертополоха.

Неподалеку от костра лежали два рюкзака и куча тоанских одеял, тонких, словно бумага, но очень хорошо сохранявших тепло. На одеялах валялись три легких топорика, три тяжелых ножа и три лучемета, похожих на пистолеты, с круглыми насадками на концах стволов. На другом краю полянки лежал разделанный молодой олень. Мухи вокруг него не жужжали: на планете Алофметбин их попросту не было. Зато вокруг туши уже начинали кишмя кишеть охочие до падали насекомые.

Кикаха покачал головой. Женщины не очень-то осторожны, а следовательно, не очень умны, раз не держат оружие под рукой. Или же, возможно, это ловушка. Он обернулся и посмотрел назад, потом на ветви дерева, но не увидел и не услышал ничего тревожного. Конечно, ворон мог спрятаться в листве над головой. Кикаха продолжил наблюдения.

Хотя выглядели эти женщины не старше двадцати пяти лет, на самом деле они наверняка разменяли уже не одну тысячу лет. Обе говорили на том же архаичном тоанском, на который порой переходила Анана, когда очень волновалась. Кикаха понимал его, за исключением некоторых слов и фраз.

— Долго нам в этом ужасном месте не протянуть,— сказала блондинка.— Мы должны найти врата.

— Ты уже тысячу раз повторяла это, Элета,— отозвалась рыжая.— Слушать тошно, как ты твердишь все о том же.

— А мне тошно не слышать от тебя разумных предложений, Она! — прорычала блондинка.— Почему бы тебе не придумать для нас какой-нибудь выход?

— Меня вот-вот вырвет от твоих пререканий и воплей,— заявила Она.

— Ну, так давай, кто мешает! — обозлилась Элета.— Все лучше, чем просто сидеть сложа руки и стенать. От твоей блевотины вони в этой дыре определен-

но не прибавится, даже если твоя рвота смердит сильнее, чем у всех прочих.

Рыжая встала и заглянула в котелок:

— Похоже, сварилось, хотя готовить я как не умела, так и не умею.

— А кто умеет? — проворчала Элета.— Стряпня — дело рабов. С какой стати нам что-то знать о ней?

— Ради Шамбаримена! — воскликнула Она и с такой силой тряхнула головой, что длинные рыжие локоны обвились вокруг ее плеч словно плащ.— Неужели мы только и можем что болтать о вещах, не имеющих значения? Еще вчера Владыки, а сейчас ничем не лучше рабынь.

— По крайней мере, нам не нужно волноваться, как бы не прибавить в весе,— усмехнулась Элета.

Рыжая сурово уставилась на нее.

— Стараюсь быть веселой, насколько могу,— заявила блондинка.— Мы должны сохранять бодрость духа, иначе умрем или превратимся в леблаббиев. А потом нас сожрет какой-нибудь зверь или, что еще хуже, захватят в плен и изнасилуют леблаббии — и мы следующую сотню лет пробудем женами тупых, невежественных, грязных, вонючих дикарей, которые сморкаются с помощью пальцев и бьют своих жен. Они станут нашими Владыками.

— Что и говорить, сестра, умеешь ты поднять настроение,— проворчала Она.— Да я скорей покончу с собой, чем покорюсь леблаббию.

— Не стоит. Даже тогда наше положение будет не безнадежным. Мы сумеем сбежать и найти врата, а потом отыщем Рыжего Орка и убьем его. Конечно, после того как сначала хорошенечко помучаем. Я все думаю: хорошо бы съесть его яйца, как Рыжий Орк в свое время съел яйца своего отца. Но не сырыми, как это сделал он,— я испеку их на углях.

— Кстати, о каннибализме,— сказала Она.— Возможно, нам придется прибегнуть к нему, прежде чем мы выберемся из этой передряги. Бросим жребий: кто же будет едоком, а кто едой?

— Прекрати!

Обе залились смехом.

Кикаха достаточно хорошо знал Владык и сомневался, что Она просто шутит. Если они начнут голодать, одна из сестричек без колебаний убьет и сожрет другую.

Он послушал их перепалку еще немного, но мало чего узнал. Ему удалось выяснить лишь одно: что они очутились в бедственном положении из-за Рыжего Орка и что им удалось от него удрать с тем небольшим имуществом, которое лежало на полянке.

Женщины на некоторое время умолкли, глядя в котелок и приготовив грубые ложки, вырезанные из коры.

Неожиданно из кустов появилась Анана, держа наготове лук со стрелой.

— Привет, жестокосердые дочери Уризена и Аханни! — окликнула она их.— Ваша двоюродная сестра Анана явилась к вам с миром! Что привело вас сюда?

5

Обе женщины дружно вскрикнули и почти одновременно подпрыгнули, точно наступили на муравейник. Рыжая, правда, быстро оправилась от изумления и метнулась к лучеметам, лежавшим на краю полянки. Но, пробежав пару шагов, остановилась и медленно вернулась к Элете. До нее дошло, что она не успеет схватить оружие: стрела Ананы настигнет ее быстрее.

— Она Пекущая! — воззвала Анана к рыжей.— Ты всегда была самой смышленой, хладнокровной и опасной в поединке один на один. Но как ты могла так глупо поступить — не оставить оружие под рукой?

— Я очень устала,— нахмурясь, буркнула Она.

Анана обратилась к блондинке:

— Элета Мелющая, известная также как Элета Мучительница! Все планы и замыслы операций вашей команды составляла ты, а потому была во многих отношениях самой опасной!

Щеки у блондинки чуть порозовели, она улыбнулась и поклонилась Анане:

— Но не такой опасной, как ты, Анана Ослепительная, Анана Охотница!

— Она, тебя и твоих сестер, Элету Мелющую и Увету Месящую, ныне покойную, раньше знали как добросердечных дочерей Ахании,— продолжала Анана.— А теперь вас прозвали жестокосердыми! Но ты всегда была самой доброй и нежной из трех!

— Это было давным-давно,— Она пожала плечами.

— Ваш отец, Уризен Холодный, превратил вас из трех кошечек в хищных тигриц,— Анана в упор смотрела на нее.— Ваша ненависть к нему общеизвестна.— Помолчав немного, она спросила: — Вы знаете, что он умер?

— До нас доходили такие слухи;— холодно отозвалась Элета.— Но мы не знали, можно ли им верить.

— Мы и сейчас не знаем,— вставила Она.— Твои слова еще не доказательство. Но если это правда, то мы рады.

— Жаль только, что убили его не мы,— добавила Элета.

Пока они разговаривали, Кикаха тихонько прокрался вокруг полянки — он хотел убедиться, что больше никто не наблюдает за этой сценой. Хотя он старательно высматривал ворона и человека-медведя, ни того, ни другого ему увидеть не удалось. Также не обнаружилось и никого, сидящего в засаде.

Увидев, как он выходит из кустов, сестры лишь слегка вздрогнули — очевидно, подозревали, что Анана здесь не одна.

— Кто это? — спросила Элета.

— Вы ведь наверняка слышали о Кикахе? О Кикахе Хитроумном, убившем стольких Владык, о человеке, который прикончил последнего из Черных Колокольников? Наверняка вам известно древнее пророчество Шамбаримена о том, что леблаббий уничтожит Владык. Говорят, Кикаха и есть тот самый человек.

Элета закусила губу.

— Да, до нас доходили слухи о леблаббии, которому пока так сильно везло. Мы также слышали о том, что он твой любовник.

— Он леблаббий,— весело согласилась Анана,— и он такой любовник, какого и вам следовало бы желать для себя.

— Спасибо,— широко улыбнулся Кикаха.

— Ты убил нашего отца? — спросила у него Элета. Судя по ее тону, она не поверила Анане.

— Нет,— Кикаха покачал головой.— Хотя и желал бы принять в этом участие. Но его убил Джадавин — Владыка, известный также под именем Вольфа.

— Ты лично видел, как Джадавин убил его?

— Нет. Но Джадавин сказал мне об этом, а Джадавин не лжет. По крайней мере, мне.

Анана отогнала сестер на край полянки как можно дальше от оружия и приказала им сесть. Обыскивать их она не стала. Их тонкие хитоны убедительно свидетельствовали о том, что под ними ничего опасного не спрятано.

— Мы умираем с голоду,— заявила Элета.— И как раз собирались поесть суп — то есть бульон.

Кикаха заглянул в котелок.

— Одно только мясо,— определил он.— Очень вредно для здоровья. Почему вы не положили туда каких-нибудь овощей?

— Мы не знаем, какие растения съедобны, а какие ядовиты,— пояснила Элета.

— Но ведь все тоаны, будь то мужчины или женщины, учатся выживать в экстремальных условиях,— удивился Кикаха.— Вы должны бы знать, что...

— Мы совсем не знаем этой планеты,— оборвала его Она.

— Можете встать и поесть,— разрешила Анана.— На ужин мы приготовим вам что-нибудь более съедобное — если, конечно, останемся с вами. А это зависит от того, насколько вы будете с нами откровенны и правдивы. Так вот, пока вы тут болтали меж собой, я услышала достаточно, и, как мне представляется, вы сюда попали из-за Рыжего Орка. Расскажите...

— Рыжий Орк! — с ненавистью выпалила Элета и сплюнула на землю.— Вот уж кого-кого, а его точно надо убить!

— После хорошей пытки! — добавила Она.— Много лет тому назад он расправился с Уветой и недавно чуть нас не убил. Именно из-за него...

Анана дала им немного выговориться и помечтать на тему о том, что они сделают с Орком, когда захватят его в плен, а потом прервала их мечты:

— Как именно вы сюда попали?

Сестры стояли, склонясь над котелком. Первой начала рассказывать Элета. Пока сестра говорила, Она ела; потом они поменялись ролями. Убежав — уже не в первый раз — от Рыжего Орка, они сумели «прибрать к рукам» Нитарм, ту вселенную, где обрели убежище. Выражение «прибрали к рукам» было эвфемизмом, означавшим, что они убили Владыку Нитарма и всю его семью. Поскольку в том мире не было тоанов мужского пола, сестры взяли себе в любовники леблаббиев. Такая практика считалась вполне допустимой, поскольку любовники по-прежнему оставались их рабами, а не равными им и часто сменяли один другого.

Им было там очень хорошо, рассказывали сестры. Для полного счастья не хватало лишь одного — возможности найти и убить отца. А потом Рыжий Орк как-то сумел проскользнуть через ловушки, установленные сестрами на двух вратах, ведущих в их мир. Он захватил сестриц врасплох, несмотря на все системы безопасности.

Тут Элета прервала рассказ Оны:

— Я им много раз говорила: надо закрыть все врата и остаться там навечно. Тогда ни один Владыка не смог бы вторгнуться в наш мир.

— Да, говорила, трусливая, хнычущая шлюшка! — разозлилась Она.— Вот только как бы мы сами тогда пробрались в другие миры, чтобы убедиться в гибели нашего папеньки?

— Кончай обзываться, грязная задница! — огрызнулась Элета.

Их рассказ тянулся дольше, чем Кикахе хотелось слушать. Но они с Ананой не прерывали сестер, предоставляя им и дальше болтать, перескакивая с пятого на десятое: возможно, сестрички так ненароком скажут о себе нечто такое, что можно будет позже использовать против них.

Рыжий Орк убил бы их, не доведись им оказаться совсем рядом с вратами в другой мир. Прежде чем бежать, они сумели прихватить с собой кое-какое оружие. Пройдя через цепь врат, сестры выскочили на этом уровне Многоярусного мира. С той поры они с трудом пытаются здесь выжить и одновременно ищут другие врата, которые приведут их не на еще одну планету, а на вершину самого верхнего монолита Многоярусного мира. Там, как они знали, находился дворец Джадавина, затем Ваннакса, а потом снова Джадавина[1]. Насколько им известно, никто из Владык там сейчас не живет. Таким образом, они собирались стать новыми Владыками.

Их рассказ мог быть правдивым, но тогда получалось, что они какие-то глупые неумехи. В это Кикаха не верил, хотя и знал, что Рыжий Орк достаточно изобретателен и способен обвести вокруг пальца даже самых ловких и хитрых противников.

— Значит, вы готовы присоединиться к нам в борьбе против Рыжего Орка? — спросила Анана.

Сестры с воодушевлением согласились.

— А на кой они нам сдались? — подумал вслух Кикаха.— От них никакого проку! На самом-то деле они будут большой помехой.

[1] Фармер написал этот роман серии после десятилетнего перерыва и потому подзабыл содержание предыдущих книг. Так, например, дочери Уризена не могут быть кузинами Ананы, поскольку та — сестра Вольфа-Джадавина и, соответственно, тоже дочь Уризена. А о смерти Уризена Кикахе с Ананой рассказал другой ее брат — Лувах (см. «Личный космос»). Что же касается дворца, то после Джадавина в нем господствовал не Ваннакс, а Арвур (см. «Создатель Вселенных»). Впрочем, в «Ярости Рыжего Орка» герой рассуждает в том смысле, что Фармер-де слышал звон, да не знает где он, и потому такие мелкие несоответствия не должны смущать читателя, поскольку, мол, «ММ-стрелы Фармера обычно попадали в яблочко или где-то рядом».

— Ошибаешься,— возразила Она.— Вам нужна информация, а мы знаем о Рыжем Орке гораздо больше твоего.

Анана, разгадав маневр Кикахи, поддержала Ону:

— Совершенно верно, Кикаха. Сестры наверняка знают больше нашего. Разве не так, дочери Уризена?

— Именно так,— хором подтвердили сестры.

— Ну что ж, отлично,— согласился Кикаха.— Значит, все мы — отряд, и я в нем командир. Мои приказы должны исполняться сразу и беспрекословно. Если же ничего срочного нет, то я согласен выслушать любое предложение.

Элета бросила на Анану хмурый взгляд:

— Он же леблаббий.

Анана пожала плечами:

— Мы с ним кинули жребий, так что его избрала судьба. В экстренных ситуациях ему нельзя прекословить или не подчиняться. Да, он леблаббий, это ты верно подметила. Ну, так что с того? Он будет получше всех тоанов, каких я встречала. Вам следует попытаться отрешиться от своего нелепого представления о леблаббиях, как о низших существах. Это чушь! Да к тому же опасная, ибо она заставляет Владык недооценивать их, и прежде всего Кикаху.

Элета и Она промолчали, но их лица выражали недоверие.

— Усвоите это на горьком опыте,— пообещала им Анана.

Когда она забрала у сестер лучеметы, те запротестовали:

— Как же мы сможем защищаться?

— Вы получите их назад только тогда, когда мы решим, что вам можно доверять на все сто процентов,— заявил Кикаха.— А пока можете взять свои топорики, копья и луки. Сегодня мы здесь заночуем, а с утра тронемся в путь вон туда.— Он махнул рукой на запад.

— Почему именно туда? — спросила Элета.— Ты уверен, что это правильное направление? Что, если...

— У меня есть свои причины,— оборвал ее Кикаха.— Вы о них узнаете, когда придем на место.

Он собирался отправиться к вратам на этом уровне, которые переправят их во дворец. Добираться туда им понадобится не один день, и, наверно, не один день уйдет на поиски врат. Территория, где они размещались, была огромной, а точного их местоположения Кикаха не знал. За время путешествия станет ясно, можно ли доверять этим двум женщинам. Или же сестры умрут. А возможно и наоборот, эти красотки прикончат его с Ананой, хотя он сильно сомневался в этом.

Той ночью все улеглись вокруг маленького костра. Сестры хорошо поужинали, или по крайней мере намного лучше, чем прежде. Кикаха принес из лесу множество различных съедобных растений, а также подстрелил большую обезьяну, которую и зажарили на вертеле.

Сестры простирнули хитоны в близлежащем ручейке и соскребли грязь со своих тел, хотя и жаловались, что вода очень холодная. Хитоны, развешанные на палках, воткнутых в землю возле костра, быстро высохли. Когда пришла пора укладываться спать, Кикаха первым заступил в караул. Сестры спали у костра, укрывшись своими тонкими, но теплыми одеялами. Анана, завернувшись в одеяло и подложив под голову рюкзак, легла поближе к краю полянки. Через некоторое время Кикаха, вооружившись лучеметами — два за поясом и третий в руке,— прочесал окрестности вокруг полянки. Он высматривал крупных хищников, одним из которых могло оказаться и то громадное мохнатое существо, которое он видел мельком. Кроме того, Кикаха поглядывал в сторону сестер — однако ни одна из них не шелохнулась — ни во время его дежурства, ни во время дежурства Ананы.

Утром, когда дочери Уризена захотели вместе справить нужду в лесу, Кикаха настоял, чтобы они прогулялись туда по очереди. Если где-то поблизости и прячется их сообщник, то он — или она, или оно — мог бы вступить в контакт с одной из сестер. Кика-

ха проследил за каждой из них, спрятавшись за кустами.

К Элете никто не подошел, пока она была в лесу. Но когда на корточки присела Она, из-за громадного дерева вышел, ковыляя, ворон — тот самый, что неотступно следовал за ним с Ананой. Кикаха увидел, как большая птица бесшумно подошла сзади к Оне и встала перед ней. И женщина, похоже, не удивилась.

Они коротко и тихо поговорили друг с другом. Кикаха сидел слишком далеко и слов не разобрал. Но ему и не требовалось. Заговор был налицо. Вот только кто же вовлечен в него, кроме сестриц и ворона?

Когда птица скрылась в лесу, а Она отправилась обратно в лагерь, Кикаха последовал за вороном. Тот прошел меньше мили и наконец доковылял до достаточно большой прогалины, где мог расправить крылья и улететь. Тогда Кикаха углубился в чащу и собрал еще растений, а заодно поймал крупных насекомых, бывших, как он знал, изумительными на вкус. Он испытывал какое-то извращенное удовольствие, настаивая, чтобы сестры попробовали угощение.

— В них есть жизненно важные вещества, которых нет в здешних растениях,— убеждал он.— Поверьте мне, я знаю.

— Ты ведь не пытаешься нас отравить, верно? — Элета умоляюще смотрела на него.

— Дурочка! Если бы он хотел нас убить, ему не требовалось бы прибегать к такому способу,— заметила ее сестра.

— Я б так не сказал,— усмехнулся Кикаха.

— Ты демон! — выкрикнула Элета.— При одной только мысли о том, что ты мог это сделать, меня выворачивает наизнанку.

— Что ж, возможно, это пойдет на пользу,— весело откликнулся Кикаха.— Тебе не помешает прочистить желудок после всей этой вашей усиленной мясной диеты.

— Только не блюй в котелок,— хихикнула Она.— А то я здорово проголодалась.

На редкость жизнерадостная красотка!

В тот день они пошли на запад, и по дороге Кикаха спросил у Элеты, куда сестры направлялись, после того как прошли через врата.

— Да, в общем, никуда,— ответила она.— Конечно, мы как можно скорее покинули местность рядом с вратами, потому что Рыжий Орк мог преследовать нас. А потом побрели в сторону монолита. Если бы мы не нашли врат на этом ярусе, то забрались бы на монолит, хотя такая перспектива нас не радовала. Он выглядит слишком высоким.

— Еще какой высокий,— подтвердил Кикаха,— название у него — язык сломаешь — Дузвилнавава. И высота — шестьдесят тысяч футов, если не больше. Но забраться туда можно, я сам это проделывал несколько раз. Его поверхность, которая издали выглядит такой гладкой, на самом деле изрыта пещерами и покрыта бесчисленными уступами. На уступах растут деревья и другие растения, а местами камень растрескался так, что буквально крошится под ногами. В пещерах, в норах и на уступах полно всяких хищников: змеи-многоножки, волки с огромными цепкими лапами, горные обезьяны, гигантские птицы-топороклювы и ядовитые падуны.

Есть там и другие звери, о которых не стану и упоминать. Даже если бы вам удалось взобраться на плато наверху, то пришлось бы тащиться еще миль пятьсот по громадному лесу, так и кишащему всяческими опасностями, а потом по равнине, населенной не менее опасными животными и людьми. И тогда вы подошли бы к последнему монолиту, на вершине которого стоит дворец Джадавина-Вольфа. Восхождение это трудное, и вы вряд ли сумели бы избежать ловушек.

— Таких подробностей мы не знали,— вздохнула Элета,— но подозревали, что восхождение не сулит ничего приятного. Вот потому-то мы и искали врата, хотя понимали, что, вероятно, не сможем распознать их, даже если увидим. Большинство из них, должно быть, замаскированы под валуны. Но, возможно, есть и незамаскированные — кто знает...

Во время совместного путешествия Кикаха еще ни разу не вытаскивал рог Шамбаримена из замшевого футляра. Если бы сестрицы узнали, что у него есть рог, то без колебаний убили бы его с Ананой, только бы заполучить такое сокровище. Однако вскоре настанет время, когда ему придется воспользоваться рогом.

Раз в день, пока остальные отдыхали, Кикаха или Анана забирались на высокое дерево и осматривали окрестности. В основном они видели только качающиеся верхушки крон. Но вдалеке, ближе к монолиту, виднелась гора с тремя пиками. Туда-то и держал путь Кикаха. У подножия горы был огромный валун в форме сердца, зарывшегося острым концом глубоко в землю. Там находились врата, ведущие к вратам, которые переносили во дворец Владыки Алофметбина. И хотя Кикаха забыл кодовое слово, активирующее врата, у него имелся универсальный ключ — рог.

Если ворон и продолжал следовать за ними, то хорошо при этом прятался. И не попадалось никаких следов того медведеобразного существа. Возможно, та короткая встреча с ним была случайной, хотя это казалось маловероятным.

На следующий день, во время полуденного привала, Кикаха пошел в лес справить нужду, но задержался там, намереваясь проследить за сестрами. Вскоре Элета тоже покинула лагерь, якобы по той же самой причине, но, вместо того чтобы присесть где-нибудь за деревом, углубилась в чащу леса. Кикаха следовал за ней на расстоянии. Увидев, как она остановилась на маленькой прогалинке, он спрятался за кустом.

Элета постояла некоторое время в ореоле солнечных лучей, струящихся сквозь просветы между ветвями. Она выглядела преображенной, словно и вправду была богиней, какой себя считала. Через пару минут из-за куста, ковыляя, вышел ворон. Кикаха стал медленно подползать поближе, желая подслушать их разговор. Несколько минут спустя, описав полукруг, он остановился за громадным, словно арочный контрфорс, корневищем исполинского дерева.

— ...повторяет, чтобы вы не поддавались искушению и не смели их убивать, пока он не найдет врата,— говорил ворон.

— И когда это будет? — спросила Элета.

— Он мне не сообщил, но сказал, что, вероятно, скоро.

— Что значит «скоро»? — разозлилась Элета.— Через день? Два? Неделю? Такая жизнь тяжела. Мы с сестрой истосковались по крыше над головой, теплу, чистой одежде, душу, приличной еде, долгому сну и массе сильных леблаббиев мужского пола.

— Я не знаю, что он подразумевает под словом «скоро»,— отозвался на ее тираду ворон.— Вы просто должны делать так, как он велит. Иначе...

— Конечно, мы будем и дальше подчиняться его приказам. Можешь так и передать ему — если поддерживаешь с ним связь.

Ворон ничего не ответил.

— А как насчет оромота? — спросила Элета.

Кикаха не знал, что такое оромот. Надо будет спросить у Ананы.

— Оромот идет следом для вашей защиты. И не станет вмешиваться, если не увидит серьезной опасности для вас со стороны этой пары.

— Если такое случится,— мрачным тоном заметила Элета,— то оромот может и не успеть. А вдруг именно в этот самый момент он отойдет в сторонку пописать?

Ворон издал такие странные звуки, словно пытался сымитировать человеческий смех. Отсмеявшись, он сказал:

— Ну что ж, на этот риск вам придется пойти. Все лучше того, что наверняка вас ждет, если вы не справитесь. И не вздумайте предать его и перейти на сторону Кикахи с Ананой.

— Мне такое и во сне не приснится! — возмутилась Элета.

Ворон снова рассмеялся:

— Ну конечно! Просто помни, что же он с вами сделает, если вы предадите его!

— У тебя есть для меня еще какие-нибудь приказы? — холодно уточнила Элета.— Если нет — убирайся с глаз долой, вонючий пучок черных перьев!

— Приказов больше нет. Но не думай, что я забуду оскорбление. Я тебе отомщу!

— Ты, тупая скотина! Да нас даже не будет в этом мире! А теперь пошел к чертовой матери!

— Вы, тоаны, сами пахнете не больно-то приятно,— парировал ворон.

Он скрылся в лесу. У Элеты был такой вид, словно она вот-вот готова рвануть за ним. Тем не менее женщина повернулась и поспешила к лагерю. Как только Кикаха удостоверился, что она не заметит его, он поднялся и, пригнувшись, побежал по краю прогалинки. А потом замедлил шаг и пошел по прямой. Вскоре он увидел ворона. Тот вышел на большую поляну и теперь направлялся к упавшему дереву, что наполовину лежало в чаще, а наполовину на поляне. Ворон забрался на ствол и поковылял по нему — он явно собирался спрыгнуть с его конца, вздымавшегося над землей футов на тридцать, и описать над прогалиной круг, чтобы потом взмыть над лесом.

Кикаха вытащил из кобуры лучемет. Оружие уже было настроено на выстрел вполсилы. Как только ворон спрыгнул с конца упавшего дерева, Кикаха прицелился в птицу и нажал на спуск. Узкий красный луч отсек птице часть правого крыла. Ворон с криком упал.

Кикаха обежал вокруг дерева. Птица била крыльями по земле и верещала. Кикаха схватил ее сзади за шею и слегка придушил. Когда трепыхания ворона заметно ослабли, он ослабил хватку. Ворон лежал на земле, судорожно хватая клювом воздух, задрав кверху лапы и уставясь большими черными глазами на Кикаху. Если бы вороны умели бледнеть, он стал бы сейчас белым, как снежная куропатка.

— Как тебя звать, каркуха? — резко спросил Кикаха, махнув перед клювом ворона лучеметом.

Ворон с трудом встал на лапы.

— Как тебе понравится имя Стамун?

— Довольно хорошее имя. Но я спрашивал о твоем,— Кикаха нагнулся и ткнул дулом лучемета в голову птицы.— Сейчас не время для шуток. Я теряю терпение.

Разговаривая, он не забывал посматривать по сторонам.

— Вейскам,— ответил ворон.

— Кто отправил то сообщение для Элеты?

— Кар-р! — Кикаха перевел это как выражение удивления, смешанного с испугом.

— Так ты слышал наш разговор?

— Да, болван. Конечно, слышал.

— Если я скажу, ты сохранишь мне жизнь? И не будешь меня пытать?

— Я тебя отпущу,— пообещал Кикаха,— и даже пальцем не трону.

— Ты можешь пытать меня, даже не прикасаясь,— возразил ворон.

— Я не стану причинять тебе боль. В отличие от Владык, я не получаю удовольствия от пыток. Но это не значит, что я не заставлю тебя говорить, если потребуется. Так что давай!

Ворон был обречен: его так или иначе ждала смерть — либо от когтей и зубов хищника, либо от голода. С отсеченной половиной крыла ему никогда не взлететь. Но птица до сих пор не оправилась от шока, и такая мысль не пришла ей в голову. А может быть, ворон, как и Владыки, способен регенерировать ампутированные конечности? А впрочем, какая разница? Ему все равно не прожить в лесу до тех пор, пока не отрастет отрезанное крыло.

— Я все скажу, если ты возьмешь меня в свой лагерь и будешь ухаживать за мной, пока я снова не смогу летать. А потом отпустишь. Хотя моя жизнь недорого будет стоить, если Рыжий Орк узнает, что я его предал.

Ворон мыслил куда более здраво, чем ожидал Кикаха. А его замечание о том, что со временем он снова сможет летать, показывало, что Око Владыки умелотаки регенерировать ткани.

— Обещаю, что позабочусь о тебе,— сказал Кикаха,— если ты скажешь мне правду.

— А ты защитишь меня от жестокосердых дочерей Уризена? Эти стервы попытаются убить меня.

— Сделаю все, что в моих силах.

— Большего я и не прошу. Ты, конечно, хитроумный обманщик, но говорят, что слово твое такое же твердое, как Череп Кеткита.

Кикаха не понял, о ком речь, но смысл выражения был очевиден.

— Говори! Но только по существу!

Вейскам разинул клюв и издал хриплый каркающий звук. Краем глаза Кикаха уловил какое-то неясное движение. И прыгнул в сторону, одновременно разворачиваясь. Из лучемета вылетел алый луч, но в нападавшего все-таки не попал. Огромная лапа обрушилась на правое плечо Кикахи и сбила его с ног. Плечо пронзило болью. На секунду Кикаха почти лишился чувств. Однако управление телом взяло на себя подсознание, и он машинально откатился в сторону. Нападавший взревел, словно зарождающийся гром. Прокатившись по земле несколько ярдов, Кикаха попытался встать на одно колено. Противник стремительно бросился к нему, и Кикаха поднял лучемет. Удар лапы выбил из руки оружие; а затем мохнатый великан набросился на него. Острые зубы сомкнулись на плече Кикахи, не впиваясь, однако, в плоть слишком глубоко. Горячее дыхание обожгло ему шею, но запаха, свойственного плотоядным, он не уловил. Существо тут же разжало зубы и, подхватив Кикаху лапой промеж ног, подняло его и с силой швырнуло.

Кикаха смутно ощущал, что летит по воздуху и что в паху у него жжет сильнее, чем в плече. Грянувшись оземь, он потерял сознание.

Сквозь медленно тающий туман проглянуло лицо Ананы — сначала смутное, как тень, а затем обретшее любимые черты. Женщина с тревогой глядела на него и повторяла:

— Кикаха! Кикаха!

— Я здесь,— отозвался он.— Повержен, но не убит, как мне кажется.

Кикаха попытался встать, но колени тотчас подогнулись Он опустился на землю и огляделся вокруг. Великан, напавший на него, недвижно лежал на спине. Ворона не было видно.

— Ты подоспела как раз вовремя,— сказал Кикаха.— Как ты здесь оказалась? Следила за мной?

Она облегченно вздохнула.

— Ты отошел просто помочиться, но — исчез! И я почувствовала что-то неладное. Полагаю, это чепуха, но у меня в последнее время обострилось чутье на опасности. Поэтому я пошла за тобой и увидела, как это чудовище отшвырнуло тебя, словно клочок бумаги. Тогда я его подстрелила.

Кикаха не стал упрекать ее за то, что она уничтожила возможный источник важной информации.

— А птица?

— Я не видела никакой птицы. Ты имеешь в виду ворона?

Кикаха кивнул.

— Того самого, о котором я тебе говорил. Как мы и подозревали, сестрицы работают на Рыжего Орка. По собственной ли воле или по принуждению — этого я сказать не могу.

— Значит, Рыжий Орк должен знать, что мы здесь!

6

— Вовсе не обязательно ему известно точное место,— поправил ее Кикаха.— Вряд ли он постоянно следит за нами.

Он рассказал Анане о том, как подслушал разговор между Элетой и вороном и как на него бесшумно и стремительно напал человек-медведь.

— Хорошо, что ты оказалась здесь как раз вовремя. Но полагаю, я и сам сумел бы справиться с этой тварью.

— Ты до умиления лишен самоуверенности,— улыбнулась она.— Оставайся здесь, соберись с силами, а я

пойду за вороном. Если поймаю, мы услышим и все остальное, чего он не успел сказать.

— Ищи его не больше двадцати минут. Если не найдешь за это время, прекращай поиски.

Однако прежде чем уйти, Анана сбегала к ближайшему ручейку и принесла полную флягу свежей воды. Омыв Кикахе раны, она поднесла флягу к его губам, подождала, пока он напьется вволю, а потом встала.

— Вот! Это на какое-то время поддержит твои силы. Она коснулась своих губ большим и указательным пальцами, сложенными в овал, и щелкнула пальцами другой руки, послав ему таким образом воздушный поцелуй по-тоански, после чего скрылась за деревьями.

Кикаха лежал, глядя в ясное зеленое небо; спустя некоторое время он медленно и с трудом поднялся на ноги. Плечо ныло сильнее, чем промежность. Спина внизу одеревенела и грозила разболеться в ближайшем будущем. Из раны на плече сочилась кровь, хотя и не сильно, кровоточили также более мелкие раны от когтей на животе.

Подойдя к трупу, Кикаха внимательно обследовал его — вернее, ее. Однако первым делом он заметил, что Анана попала лучом в лоб чуть повыше глаз.

Существо — гибрид женщины и медведя — было как минимум семи футов ростом. Лицо — не то чтобы медвежья морда, но челюсти выступали вперед, словно у зверя, и судя по строению рта существу с трудом давалась человеческая речь. Хорошо она умела говорить или нет, но тоанский язык понимала наверняка. Лоб указывал на принадлежность покойной к высокоразумным существам.

На память пришли кое-какие предания медвежьего народа — индейского племени, обитавшего на втором ярусе. В них говорилось о потомках брачного союза между Великим Медведем и женщиной. На самом-то деле люди медвежьего народа утверждали, что они, как и человек-медведь, тоже происходят от этой пары. Но первые предки убитой великанши наверня-

ка были созданы в лаборатории какого-нибудь Владыки.

На поляне уже кишмя кишели жуки и муравьи, привлеченные запахом разлагающейся плоти. Кикаха, шатаясь, побрел к лесу и сел на краю поляны, прислонясь спиной к огромному корневищу. Именно оттуда он и наблюдал за происходящим. Вскоре из лесу вышла Анана и настороженно огляделась. Ее осанка показывала, что она готова нырнуть обратно в заросли при первом же подозрительном движении или звуке.

Кикаха тихонечко ухнул, имитируя зов маленьких древесных лемуроидов. Анана так же ответила. Кикаха с усилием встал и подошел к ней.

— Ворон был уже мертв, когда я нашла его,— сказала она.— Его пожирал один из этих гигантских горностаев.

Они поговорили несколько минут и, выработав план действий, двинулись обратно к лагерю. Предложение Кикахи повергнуть сестер в шок и добиться от них признания в сговоре с Рыжим Орком было отвергнуто. Он хотел отрубить голову человеку-медведице и швырнуть ее сестрам под ноги, но потом согласился с Ананой, что лучше оставить красоток в неведении. Во всяком случае, до поры до времени.

По пути в лагерь они сочинили историю, объясняющую его раны. Хотя на него напала крупная кошка, сообщил сестрам Кикаха, но ему удалось вырваться и убежать от зверя. Анана встретила его и помогла доковылять до лагеря. Особо притворяться Кикахе не пришлось, и стонал он, лежа на земле, вполне натурально.

— Придется задержаться здесь, пока я не поправлюсь,— заявил Кикаха.

Поверили ли Элета с Оной его рассказу — этого он определить никак не мог. Принадлежность к тоанам заставляла их относиться с подозрением ко всему — даже к самым простым объяснениям.

Через два дня Кикаха был готов двигаться дальше. Как и все люди в тоанских вселенных, за исключени-

ем жителей двух Земель, он обладал замечательными способностями к физической рекуперации. От ран остались лишь еле заметные шрамы, которые со временем совсем исчезнут. Однако есть и пить в эти дни Кикахе приходилось намного больше обычного. Более быстрое исцеление требовало и больше горючего. И пока он выздоравливал, Анана отправлялась за сестрами в лес каждый раз, когда они отлучались по нужде.

* * *

— Они пытаются вступить в контакт с вороном и расстроены из-за его отсутствия.

— Пускай поволнуются,— отозвался Кикаха.

— Их постоянные ссоры и перебранки действуют мне на нервы.

— Мне тоже. Они просто дети, которым по десять тысяч лет от роду. Ненавидят друг друга, но не могут расстаться, словно чувствуют себя обязанными быть вместе. Возможно, потому что каждая из них боится, как бы другая не стала счастливой, если некому будет отравлять ей жизнь.

— Большинство тоанских пар похожи на них,— заметила Анана.— А земные пары тоже такие?

— Слишком многие.— Он помолчал, а затем сказал: — Полагаю, ты знаешь, что они обе приглашали меня поваляться с ними в листве.

— Меня тоже,— рассмеялась Анана.

Рано утром на третий день путники продолжили путь к горе и два дня спустя вышли из обширного леса. Им предстоял еще примерно двухдневный переход по широкой равнине. Они пересекли ее без особых хлопот, хотя на них дважды нападали саблезубые тигры, питавшиеся в основном мамонтами, и один раз — шесть похожих на моа птиц, называемых здесь топороклювами. В конце концов отряд вышел к подножью горы Ригсурт.

— Здесь мы остановимся на ночь,— проговорил Кикаха и, указав на середину крутой трехглавой горы,

прибавил: — А завтра к полудню, если поторопимся, будем вон там.

Только они с Ананой знали, что указывал он отнюдь не на то место, где располагались врата. Кикаха редко открывал чужакам свои настоящие планы.

— Врата находятся в большом валуне, похожем на сердце? — спросила Элета.

— Мне говорили именно так,— подтвердил Кикаха.

Залезая ночью под одеяло у самого выхода из маленькой пещеры, Анана сказала:

— Раз они считают, что так близко подобрались к вратам, то могут попытаться убить нас сегодня же ночью.

— Сомневаюсь. По-моему, у Рыжего Орка другие планы на наш счет. Хотя... Я покараулю первым.— Он поцеловал Анану в губы.— Счастливых тебе сновидений.

Через пятнадцать минут он вылез из-под одеяла и прошел мимо мирно спящих сестер. Поднявшись по скалистому склону к валуну, он взобрался на него, закутался в одеяло и сел, глядя на костерок близ входа в пещеру и трех спящих вокруг женщин. Время от времени Кикаха обводил взглядом окрестности и внимательно прислушивался. Один раз ниже по склону горы, футах в пятидесяти от пещеры, появилась, фыркая, чья-то громадная темная туша, и несколько камней с шумом посыпались вниз. Потом с небес камнем упала длиннокрылая птица — или летучее млекопитающее? — и схватила пискнувшего разок зверька, а затем кромешная тьма тут же поглотила и хищника, и его добычу. Ночные думы овладели Кикахой, накрыв его с головой большим черным парашютом. Чаще всего в них мелькал образ Рыжего Орка.

Кикаха был уверен, что Владыка подталкивает их с Ананой к западне. Даже не подслушай он разговора Элеты с вороном, в этом можно было не сомневаться. То, что Рыжий Орк не пытался убить их с Ананой, доказывало лишь одно — они нужны Владыке живыми. Он планировал для них что-то особенное. Нечто

вроде изощренной физической пытки или длительного заточения, сопряженного с психологическими муками, или и то и другое вместе.

Кикаха мысленно вернулся к тем дням, когда они с Ананой скрывались в Лос-Анджелесе, а Орк со своими людьми пытался их поймать. Теперь, когда Кикаха размышлял о тогдашних событиях, ему казалось, что люди Орка проявили себя довольно неумелыми исполнителями, а сам тоан — не самым лучшим организатором. Не потому ли, что Рыжий Орк просто играл с ним? Вполне вероятно. Одно из правил тех игр, в которые играли друг с другом Владыки, заключалось в том, что противнику всегда предоставляли хотя бы и самый мизерный шанс выбраться из западни. То есть, если у врага достанет ловкости и сообразительности воспользоваться им — а также если повезет.

Однако Рыжему Орку может надоесть эта игра, и он решит навсегда избавиться от своих заклятых врагов. Из всех Владык Орк был самым опасным и самым удачливым. И все же, по словам Ананы и других тоанов, в молодости он был довольно сострадательным и любящим юношей — по тоанским меркам, разумеется. Несправедливое и жестокое обращение с ним Лоса, его отца, превратило Орка в жестокого и мстительного взрослого мужчину. После долгой борьбы, повлекшей за собой разрушение нескольких планет в нескольких вселенных, непокорный сын убил Лоса. А затем взял в жены свою мать, Энитармон, и свою тетку, Валу. Подобные поступки не шли вразрез с тоанской моралью и отнюдь не были редкостью. Ты же знаешь — Рыжий Орк доводится мне дядей, поскольку он брат моей матери, а Лос и Энитармон — мои дедушка с бабушкой.

Гораздо позже Энитармон погибла во время набега от руки некого Владыки. Рыжий Орк выследил убийцу, захватил его в плен и замучил с особой жестокостью, чем потряс даже таких искусных и безжалостных палачей, как тоанов.

Вскоре после этого — всего тысячу или около того лет спустя, но по меньшей мере пятнадцать тысяч зем-

ных лет тому назад Рыжий Орк и стал тайным Владыкой обеих Земель, впрочем, это ты и сам знаешь. Так я тебе говорила и тогда действительно верила, что вселенные сотворил Рыжий Орк и он же заселил обе планеты искусственно созданными людьми. Но теперь мне кажется, что я ошибалась. Существует предание, согласно которому обе Земли были созданы властителем по имени Орк. Однако это был не наш Рыжий Орк. Тот Орк одним из первых стал создавать «карманные» вселенные, а родился он за много тысячелетий до Рыжего Орка. Его убил кто-то из тоанов, и с той поры обе Земли довольно долго обходились вообще без властителей. Затем их захватил некий Трасса, но Рыжий Орк, родившийся гораздо позже первого Орка, убил его и стал властителем обеих Земель.

Кикаха, не долго думая, сделал вывод:

— Значит, Рыжего Орка стали принимать за первого Орка.

Анана кивнула.

— Что-то в этом роде. Прошло много тысячелетий; властители разных вселенных редко общались друг с другом и не вели никаких записей. Итак, Рыжий Орк сейчас искренне верит в то, что именно он сотворил две последние вселенные, то есть вселенные Земли-1 и Земли-2. Он не совсем в своем уме, хотя это не мешает ему добиваться успеха. Вообще-то почти все властители немного сумасшедшие. Такая длинная жизнь способна расшатать любой рассудок, кроме самого трезвого.

— Вроде твоего,— ухмыльнулся Кикаха.

— Да. И если хочешь, я расскажу тебе, как я пришла к такому выводу.

— Что от слишком долгой жизни мозгу становится трудно и дальше принимать действительное за сущее, и он соскальзывает из реальности в мир иллюзий?

— Я говорила не об этом,— улыбнулась Анана,— хотя твое утверждение близко к истине. Однажды ночью, не так давно, когда мы были на планете трехногих и ты крепко спал, а меня замучила бессонница, я

стала размышлять об Орке и Рыжем Орке. И поняла, где скрывается истина.

— Почему ж ты мне не рассказала об этом тем же утром?

— Потому что именно той ночью на нас напало племя шлуков. Помнишь? Мы прорвались, но нам пришлось еще два дня бежать без передышки, пока не оторвались от последних из тех трехногих людоедов. У меня все тогда вылетело из головы, и только теперь вдруг всплыло в памяти. Фактически мне еще повезло, что я вообще сумела вспомнить про это. После прожитых тысячелетий у меня в мозгу, как и у всех тоанов, откладываются лишь самые важные воспоминания. Для подробностей просто не хватает места...

— Да, у струльдбругов[1] незавидный жребий,— вздохнул Кикаха.

— Что?

— Неважно. Выкладывай эту, как ты ее называешь, истинную историю.

— Есть две версии насчет того, кто создал обе Земли. Версия о первом Орке сейчас не очень распространена. Большинство людей теперь принимает рассказ о сотворении Земель Рыжим Орком за истину, а его претензии на роль такого творца подкрепили эту веру. Но он не мог их создать.

Она остановилась и молчала так долго, что Кикаха не выдержал:

— Ну и?

— Я слышала от нескольких невраждебных Владык,— должна признать, таких не много,— одну историю. Ее будто бы рассказывал сам Рыжий Орк, похваляясь перед своими различными любовницами, хотя утверждают, что он не склонен распространяться о своей личной жизни.

История эта касается того времени, когда отец загнал Орка на Антему, в Нежеланный мир. Лос думал, что сын там и погибнет, хотя у того имелся почти мизерный шанс выжить и еще меньший — найти вра-

[1] Персонажи «Путешествий Гулливера».

та из того мира в какой-то другой. Но даже если бы Орк нашел врата, они лишь привели бы его на планету Зазеля, называемую также Пещерной планетой. А оттуда вообще нет выхода. Во всяком случае, так думал Лос.

Рыжий Орк нашел-таки те врата и отправился на планету Зазеля. По словам Орка, она представляла собой один огромный компьютер, но с бесчисленными пещерами и туннелями, в которых обитали растения и животные. Зазель давным-давно уже умер, но его искусственное творение по прежнему заботилось само о себе. В конце концов Орк уговорил компьютер выпустить его через врата, о которых Лос ничего не знал. Но Рыжий Орк собирался снова вернуться туда, если сможет — после того как убьет отца. Что потребовало нескольких тысячелетий — это уже само по себе целая эпопея.

У моего дяди была веская причина стремиться обратно на Пещерную планету, ибо там, в памяти компьютера, хранятся данные о том, как построить машину творения-разрушения.

— Ага!

— Ты знаешь, о чем я говорю?

— Разумеется,— кивнул Кикаха.— Древние Владыки пользовались такими машинами для создания искусственных вселенных. Но с течением времени и за долгие тысячелетия, а особенно в ходе очень опустошительной войны Владык с Черными Колокольниками, машины были уничтожены или потеряны. И сведения о том, как их построить, тоже утеряны. Я прав?

— Прав! Но Рыжий Орк обнаружил, что эти сведения до сих пор хранятся в памяти Пещерной планеты. В ту пору ему было не до извлечения их, но он твердо решил когда-нибудь вернуться и раздобыть информацию. К несчастью для него и к счастью для нас, вернуться ему не удалось. Правивший тем миром компьютер, должно быть, замуровал врата. Рыжий Орк пытался найти лазейку и проникнуть туда, хотя и не постоянно. Его очень часто отвлекали иные дела, та-

кие как войны с другими Владыками. Но как мне кажется, он уже почти сдался: слишком много попыток окончилось неудачей.

— Насколько я знаю Орка, он так быстро не сдастся,— усомнился Кикаха.

А одним из недавних дел, отвлекавших Рыжего Орка, стали попытки выследить Кикаху с Ананой. Гордость тоана наверняка глубоко уязвлена тем, что эти двое скрывались от него столь успешно и столь долго. Такое неслыханное событие должно вызвать у него один из его знаменитых приступов ярости. Не дай Бог попасться ему тогда под руку! И помилуй Боже тех несчастных, которых он послал выследить и изловить Кикаху с Ананой. Впрочем, эти посланные не были невинными овечками...

Орк мог уже знать о том, что два его злейших врага находились — до недавнего времени — на планете каквастамов. Только не знал, где именно. Или знал?

Хотя на Земле Орк, возможно, никогда полностью не упускал из поля зрения племянницу и ее спутника, он, должно быть, потерял их след, когда они бежали из Лавалитового мира, и пытался отыскать их все пятнадцать лет, пока они скитались по планете каквастамов.

Но чем же еще занимался тоан эти полтора десятка лет? Скольких Владык успел он убить и сколько карманных вселенных присвоить?

Кем был тот загадочный англичанин в костюме начала девятнадцатого века, которого видели Кикаха с Ананой в воздушном замке Лавалитового мира?

И где сейчас Вольф с Хрисеидой?

Тут в памяти Кикахи всплыл древний спящий с лицом насекомого. Вот уж действительно загадка из загадок! Почему он проснулся как раз тогда, когда непрошеные гости из куда более поздних времен покинули его удивительную гробницу? И как вообще им удалось забрести в этот склеп, который должен тщательно охраняться — неизвестно кем?

Кикаха не верил, что они оказались там случайно и что пробуждение спящего было всего лишь совпаде-

нием. Возможно, совпадения бывают, но даже в них, считал он, если копнуть поглубже, обнаружатся связующие нити.

Анана пришла сменить его на часах. Они пошептались минут десять, обсуждая планы на завтра, а потом Кикаха пошел в пещеру немого подремать. Так, сменяя друг друга на валуне, они и провели всю ночь. Кикаха опять сидел на нем, когда недолгий серый рассвет возвестил о том, что солнце вот-вот появится на горизонте.

Сестры за всю ночь не встали ни разу, хотя постоянно ворочались, пытаясь устроиться поудобнее на жестких камнях.

Плеснув себе в лица немного воды и съев простой завтрак, они разбрелись за валуны и скальные выступы, чтобы облегчиться. А когда вернулись в лагерь, то навьючили на себя снаряжение и тронулись в путь под предводительством Кикахи. Не прошли они и полумили, как Элета остановила продвижение отряда.

— Ты ведешь нас не туда, куда говорил!

— Я показывал вам место, куда мы направляемся,— отрезал Кикаха.— Но мы не пойдем по прямой. Этот путь гораздо легче.

Через два часа сестры начали жаловаться, что этот кружной путь получается слишком длинным. Кикаха остановился перед красноватым гранитным монолитом восьмидесяти футов высотой. Основание монолита находилось в нескольких футах от края скалы, на которой стояли путники. Десятью футами выше основания из гранита выступала блестящая полусфера из черного камня, похожая на пушечное ядро, выпущенное в монолит с близкого расстояния.

— Это и есть врата? — спросила Элета, показывая на каменный столп.

— Нет,— ответил Кикаха.

— Тогда где же они? Где-нибудь недалеко?

— Это не сами врата, но размещены они здесь.

Кикаха раскрыл висевший у него на поясе замшевый футляр и вытащил из него серебристую трубу.

Элета широко раскрыла глаза и шумно втянула в себя воздух:

— Рог Шамбаримена!

Сестра ее сначала онемела от благоговения, потом обе они застрекотали визгливыми голосами. Кикаха дал им с минуту погалдеть, а затем поднес рог к губам и затрубил. Как только отзвучала последняя нота, у основания монолита появилась арка семи футов высотой и пяти шириной. Пространство внутри арки мерцало, словно созданное из тепловых волн. Кикахе казалось, что там, в глубине, таится что-то огромное и черное. Но, конечно, это была всего лишь иллюзия.

— У нас есть всего десять секунд, пока они не закрылись! — громко сказал Кикаха и махнул рогом.— Живо!

Они с Ананой выхватили лучеметы и стали подталкивать сестер к вратам

— Нет! Нет! — завопила Элета.— Откуда нам знать, что это не ловушка, которую вы нам подстроили!

Анана подставила ей подножку и пнула по ягодицам, когда та попробовала подняться. Вторая сестрица побрела с испуганным видом к вратам, а потом вдруг рванула вбок и попыталась проскочить мимо Ананы. Анана вырубила Ону, ударив ребром ладони по шее. Элета тем временем уже успела встать на ноги и, подхватив подол хитона, тоже бросилась бежать, но споткнулась и упала.

Зыбкая арка на фасе скалы исчезла.

Кикаха с Ананой отступили немного назад, чтобы держать обеих сестриц под прицелом.

— Ясно как день, что вы не хотите идти через те врата,— сказал Кикаха.— И все же совсем недавно вы казались вполне готовыми нас сопровождать. Отчего же вам вдруг расхотелось?

Элета встала и попыталась стряхнуть грязь с переда белого хитона.

— Мы вам не доверяем! — заявила она.

— Не самый веский предлог! — выкрикнула Анана.— Почему вы пытались сбежать? Вы что-то знаете

о том, как нас там встретят? Надеялись заманить нас в ловушку?

— Нам стало страшно!

— Да,— с притворным всхлипом поддержала сестру Она,— мы испугались.

— Чего? — спросила Анана.

— Вы боялись, что Рыжий Орк поймает вас вместе с нами, нарушит свое обещание и убьет заодно и вас? — рявкнул Кикаха.— Верно я говорю?

Какое бы там удивление ни испытала Элета, она его не выдала. Но Она вздрогнула, словно Кикаха ударил ее.

— Рыжий Орк? — взвизгнула она.— При чем тут Рыжий Орк? Какое он имеет отношение к этому? — Она повернулась и махнула рукой в ту сторону, где недавно мерцали врата.

Кикаха подошел к ней вплотную и едва ли не крикнул ей в ухо:

— Я слышал, как ваш ворон Вейскам разговаривал с Элетой! И поэтому знаю все! Все!

«У меня нет ни малейшей возможности знать все,— подумал он про себя.— Но я напугаю их и заставлю признаться во всем. А если не сумею, напущу на них Анану. Она не такая мягкосердечная, как я. Надеюсь, я смогу выдержать их вопли».

Сестры растерянно молчали. Точно названное Кикахой имя ворона убедило их, что он следил за ними.

— Ваша защитница, женщина-медведь, мертва,— продолжал Кикаха.— Анана убила ее.

— Ах, так! — слегка улыбнулась Элета.— Значит, тебя поцарапала вовсе не большая кошка! Это была...

— Я не расслышал, как ее звали,— Кикаха пожал плечами.— Да, она слегка поточила об меня когти. Я и сам бы ее пристрелил, но Анана меня опередила.

Элета по-прежнему молчала. Но Она не выдержала:

— Мы ничего не могли поделать! Нас...

— Заткнись! — взвизгнула Элета.— Ничего они не знают! Они просто пытаются заставить тебя заговорить!

— Вот что я тебе скажу, Она,— промолвила Анана.— Расскажешь нам все — я имею в виду, ничего не утаив — и я сохраню тебе жизнь. Что касается Элеты...

Анана ткнула Ону стволом лучемета.

— Выкладывай все!

— Если мы заговорим, нам не жить,— проговорила Элета голосом твердым, как алмаз.— Если не заговорим, нам тоже не жить. Лучше помалкивать. Она, я категорически запрещаю тебе произносить еще хоть слово об этом!

— Думаешь, Рыжий Орк нас теперь спасет? — презрительно усмехнулась ее сестра.— Появится в последнюю минуту и спасет? Как он это сделает? Кроме того, какое ему до нас дело? По-моему...

— Хватит! — оборвала ее Анана.— Вы обе наговорили вполне достаточно для осуждения самих себя. Правда, мы и не нуждались в ваших словах. Элета, ты начнешь рассказывать первой. Если не будешь достаточно откровенной, а мы потом узнаем об этом от Оны, то ты умрешь! Немедленно!

Элета огляделась кругом, словно ожидая, что Рыжий Орк неожиданно появится здесь и выручит ее. Но красавица блондинка не была склонна питать какие-либо иллюзии, а потому заговорила.

Рассказ ее был примерно таким, как и ожидал Кикаха. Сестрам вовсе не удалось, как они утверждали, сбежать от Рыжего Орка, когда тот вторгся в их дворец. Он заставил их стать орудиями для поимки Кикахи с Ананой.

— Заставил? — фыркнула Анана.— Жестокосердых дочерей Уризена пришлось с помощью силы принуждать выступить против нас?

— Мы никогда не утверждали, что относимся к числу ваших друзей,— огрызнулась Элета.— Но мы никогда не стали бы охотиться на вас.

— Вы слишком ленивы,— хмыкнула Анана.

— Орк не сказал нам, откуда он знает, что вы тут,— продолжала Элета.— А наше положение не позволяло нам задавать ему какие-либо вопросы.

Владыка оказался не в состоянии определить точное местонахождение своих врагов на Каквастаме. Но он нашел-таки единственные на планете врата — те самые, которые в конечном итоге отыскали и Кикаха с Ананой. Орк перенастроил шестиугольник в храме трехногих, создав резонансную цепь, и убрался восвояси.

— Орк сказал, что врата выведут вас в определенное место Многоярусного мира. Когда сработала сигнализация — правда, не знаю где,— Рыжий Орк сразу узнал, что кто-то попал в цепь. Конечно, он не мог быть полностью уверен, кто ее активировал — вы или какой-то другой Владыка.

— А если бы мы погибли во всех его ловушках? — спросил Кикаха.

— Очевидно, он здорово верил в вас обоих. Он даже сделал вам комплимент — сказал, что если кто-то и сможет пройти через цепь, так это вы с Ананой.

— Ну да, ведь у меня рог Шамбаримена.

— Об этом он не заикался.

— Еще бы. Если б вы знали о нем, то могли бы поддаться соблазну предательства и рискнуть всем ради такого сокровища.

— Ты прав,— согласилась Элета.

Орк или же один из его слуг доставил сестер в чащу леса, где на них и наткнулись Кикаха с Ананой. Все время путешествия из своей вселенной в Многоярусный мир красавицы были без сознания.

— Могу вас заверить, что в этом лесу нет никаких врат,— сказал Кикаха.— Мне это точно известно. Я видел схему врат, во дворце Вольфа. Вас, должно быть, переправили через врата куда-то на этой планете, а потом доставили по воздуху в лес.

— А разве не может быть врат, о которых тебе ничего не известно? Разве Рыжий Орк не мог открыть какие-то новые врата?

Кикаха молча пожал плечами.

Очнулись женщины посреди леса. Пятьдесят пять дней им пришлось там бороться за существование. Орк снабдил их лишь самым необходимым — тем, что они могли бы захватить впопыхах, убегая от него.

— Мы уже почти перестали надеяться на ваше появление,— сказала Элета.— Не было ни малейшей уверенности, что вы уцелеете после цепи или же найдете нас. Но Рыжего Орка — чтоб ему испытать все муки Интимана! — ничуть не волновало, сдохнем ли мы с голоду или в лапах каких-нибудь хищников. Мы решили подождать там еще дней пять. Если бы вы к тому времени не появились, мы пошли бы ко дворцу Джадавина.

— Благородное устремление,— одобрила Анана.— Но вам вряд ли удалось бы одолеть два монолита.

Итак, сестрам было неизвестно, зачем Рыжему Орку понадобилось заставлять их привести Кикаху с Ананой к этим вратам. Она подтвердила, что все это правда.

Кикаха с Ананой отошли в сторону пошептаться.

— Вероятно, они и правда не знают, почему он этого добивался,— сказал Кикаха — Рыжий Орк не стал бы посвящать их в свои планы. Но мне хотелось бы знать, откуда ему известно про эти врата?

— А я вовсе не уверена, что он про них знал или знает,— откликнулась Анана.— Возможно, он сейчас следит за нами. А когда увидит, что мы открываем врата, тут же набросится на нас.

Анана посмотрела на склон горы, а затем перевела взгляд на обширную равнину.

— Или, если не он, то кто-нибудь из его прислужников,— добавил Кикаха.

— Он сам или его слуги могут быть в сотне миль отсюда. Где-нибудь на равнине или на аэролете. Одна-единственная ракета сотрет нас в порошок.

— Орк не станет взрывать нас,— возразил Кикаха.— Мы ему нужны живыми. М-да... Гамлетовские проблемы — приходится учитывать столько всяких «если» и «но», что мы едва ли не парализованы. Давайка сделаем кое-что, а с последствиями как-нибудь разберемся.

Он снова протрубил в рог. Анана прогнала громко протестовавших сестер через колышущуюся завесу в скале и сама последовала за ними. Кикаха сунул рог

в футляр и тоже прыгнул сквозь мерцание. По другую сторону оказалась камера в виде полусферы с полом и стенами, покрытыми ярким непрозрачным материалом. Однако он чувствовал под ногами голый и ровный камень.

Рыжая Она пронзительно завизжала и метнулась мимо Кикахи. Тот протянул руку, пытаясь поймать ее. Она увернулась и прыгнула обратно через мерцающую завесу. Верхняя часть ее тела исчезла, когда мерцание вдруг погасло. От Оны остались только часть хитона, ягодицы, длинные ноги да лужа крови. Элета вскрикнула, а затем залилась слезами.

В этот момент их без всякого предупреждения перенесло в другое место — в нечто вроде ямы, выдолбленной в скале. Кикаха присел и, сжимая в руке лучемет, повернулся кругом, внимательно осматривая незнакомое место. Никакой видимой опасности. Стоявший в одном из углов ямы человек — Кикаха его узнал — поднял руки высоко над головой в знак своих мирных намерений.

Кикаха отвел от него взгляд. Очередная тюрьма, в которую они угодили, представляла собой выемку в камне площадью в двенадцать футов и около десяти футов глубиной. Прямо над головой виднелся клочок ярко-голубого неба. Солнца не было видно, и сбоку на отверстие ямы быстро наползали тени громадных утесов.

Яма находилась на дне или на одном из склонов гигантской пропасти. Оба склона вздымались вверх под углом в тридцать три градуса к горизонтали, однако в них было множество уступов и расщелин. Там и сям, цепляясь корнями за каменные стены и отклоняясь от отвесных склонов, росло несколько чахлых деревьев. Местами каменные стены ущелья были покрыты зелеными пятнами мха.

Жара, словно по мановению волшебной палочки какого-то злого колдуна, отворила все поры в коже Кикахи, заливая его потом. Он не стал терять времени даром и, вытащив из футляра рог, затрубил. Семь нот отзвучали, но на стенах ямы не появилось никаких

врат. Рыжий Орк заманил-таки их в западню, в этом не приходилось сомневаться.

Кикаха сунул рог обратно в футляр и повернулся к человеку, стоявшему в углу ямы. Это был высокий, красивый мужчина лет двадцати пяти на вид, хотя жил он по меньшей мере лет полтораста тому назад, а может и больше. Длинные волосы этого шатена, гладко зачесанные назад, были завязаны в «конский хвост». Его одеяние походило на костюмы Владык, давно уже вышедшие из моды. Нити куртки переливались зелеными, красными, белыми, голубыми и желтыми красками, пульсирующими, словно неоновые трубки. Некогда белая рубаха с плоеным воротничком была расстегнута у шеи. Бриджи из бутылочно-зеленого материала, похожего на бархат, доходили до икр и кончались тугой тесьмой. Гениталии прикрывал алый треугольный лоскут.

На среднем пальце левой руки мужчины блеснуло тяжелое серебряное кольцо в виде фигуры чешуйчатого человека.

— Вот мы и встретились снова,— сказал со странным акцентом незнакомец и улыбнулся.— Эрик Клифтон, к вашим услугам. Я, как и вы, пленник Рыжего Орка. Во всяком случае, я полагаю, что он перенес вас сюда вопреки вашей воле.

7

Элета плакала навзрыд.

— Кончай этот кошачий концерт! — прикрикнул на нее Кикаха — Ты ненавидела свою сестру, а теперь голосишь так, будто любила ее без памяти.

Элета уставилась на него покрасневшими глазами.

— Но я и правда любила Ону! — всхлипнула она.— Если мы с ней порою и спорили, то...

— Спорили? Порою? — рассмеялся Кикаха.— Да вы с сестрой постоянно варились в котле, наполненном ненавистью и злобой! Вы не убили друг друга только потому, что боялись потерять предмет своей ненависти!

— Неправда! — снова зарыдала Элета.— Тебе не понять.

— Да, такого мне понять не дано.

Кикаха вновь повернулся к Эрику Клифтону:

— Меня зовут Кикаха. Возможно, ты слышал обо мне. А это Анана Ослепительная. Родилась в начале войны с Черными Колокольниками, так что можешь сообразить, сколько ей лет. Эта плакальщица — Элета, одна из жестокосердых дочерей Уризена, некогда известных как мягкосердечные дочери Ахании, жены Уризена. Возможно ты слышал о них.— Кикаха помолчал, а затем продолжил: — Мы с Ананой видели тебя мельком в летающем дворце Уртоны, Владыки Меняющегося мира. Он вместе с Рыжим Орком попортил нам немало крови, пока мы блуждали по его планете. Но мы убили его. Рыжий Орк тоже был пленником в том дворце, однако ему удалось сбежать.

— Я часто вспоминал вас — так что же случилось? — спросил Клифтон.

— Подробности потом. Лучше объясни нам, как тебя занесло с Земли в тоанские вселенные и откуда, черт побери, у тебя это кольцо?

Задавая вопросы, Кикаха в то же время осматривал стены ямы. Они были покрыты маслянистой пленкой.

— Это долгая история,— вздохнул Эрик Клифтон.— Не следует ли нам подумать вначале, как выбраться отсюда, пока не появился Рыжий Орк?

— Я как раз этим и занимаюсь,— кивнул Кикаха.— Но это не помешает мне выслушать твою историю. Однако постарайся не отвлекаться.

Клифтон поведал, что родился где-то около 1780 года в очень бедной семье в Англии, в Лондоне. Отец его выбился из поденных рабочих в люди, то есть стал владельцем булочной-пекарни. Когда булочная сгорела, он вместе с женой и шестью детьми угодил в долговую яму. В тюрьме отец и трое детей умерли от недоедания и лихорадки. Вскоре, после того как Эрика и его родных выпустили из тюрьмы, старшего брата — подростка четырнадцати лет поймали и повесили за кражу пары башмаков. Его младшая сестра в двенад-

цать лет стала проституткой, а в восемнадцать скончалась от сифилиса.

Тут Клифтон глубоко вздохнул, и на глаза у него навернулись слезы:

— Все это было очень давно, но, как видите, воспоминания до сих пор не дают мне покоя... ничего... как бы там ни было...

Ему очень повезло: его усыновила, хотя и незаконно, бездетная супружеская пара. И это спасло его от высылки в Австралию.

— Хотя, возможно, это стало бы для меня отличной возможностью сделаться свободным и — кто знает? — даже богатым человеком,— вздохнул Клифтон.

Его приемного отца звали Ричардом Дэлли.

— Он был издателем и продавцом книг. Они с женой научили меня читать и писать. Как-то раз приемный отец поручил мне доставить автору книгу, и я познакомился с Уильямом Блейком — поэтом, гравером и художником. Мистер Блейк...

— Это имеет какое-то отношение к основному рассказу? — прервал его Кикаха

— И даже очень большое. Я не могу этого опустить. Вы знакомы с поэзией Блейка?

— Я читал кое-какие его стихи, когда учился в средней школе.

Если Кикаха правильно помнил, Блейк родился в 1757 году и умер в 1827-м. Этот большой оригинал был христианином, но его религиозные представления весьма отличались от общепринятых взглядов того времени. Да и от любых иных взглядов — как той эпохи, так и современной Кикахе. Вот, собственно, и все, что ему запомнилось из лекций по английской литературе.

— А знаете ли вы, что Блейк создал свою собственную мифологию? — спросил Клифтон.

— Нет.

— Он смешал ее с христианскими элементами.

— Ну и?

— Его дидактические и символические произведения носили апокалипсический характер, и в них дей-

ствовали вымышленные им боги и богини. Во всяком случае, Блейк утверждал, что он выдумал их сам. Он, мол, сам изобрел собственную мифологию, и божества в ней носили такие имена, как Лос, Энитармон, Рыжий Орк, Вала и Ахания.

— Что? Да ты, должно быть... нет, ты шутишь! — воскликнул Кикаха. И повернулся к Анане: — Ты знала об этом?

У нее округлились глаза.

— Да, знала, только не сердись на меня. Эта тема у нас просто ни разу не всплывала, хотя я встречалась с Блейком.

— Т-ты в-встречалась с-с Блейком?!

Кикаха был настолько ошеломлен, что даже начал заикаться. Но он не сомневался в правдивости Ананы.

— Ладно. Все в порядке.— Он опять повернулся к Клифтону: — Расскажи, как это произошло.

— Мистер Блейк был мистиком, ясновидящим и редкостным оригиналом. Ни у кого больше я никогда не встречал таких пронзительных, диких и сверкающих очей. Лицо у него было как у эльфа — одного из опасных и злых эльфов. По словам мистера Дэлли, Блейк утверждал, будто в детстве видел ангелов на дереве и пророка Иезекииля в поле. Говорили также, что он видел лик Божий в окне своей спальни. Если б вам довелось встретиться с Блейком и послушать его речи, вы поверили бы всему, что о нем говорят.

Несколько раз мистер Блейк заходил к мистеру Дэлли купить книги в кредит. Он, знаете ли, был очень беден. Дважды я слышал, как он беседовал с моим приемным отцом, хотя говорил по преимуществу мистер Блейк. Мистер Дэлли был очарован мистером Блейком, хотя и ощущал беспокойство, когда тот заводил свои бредовые речи.

Так или иначе, однажды вечером, когда глаза мистера Блейка выглядели еще более дикими, чем я когда-либо видел — или более одухотворенными,— он поведал мистеру Дэлли, что видел призрак блохи. Не

знаю, что он там разумел под блохой, поскольку призрак этот, судя по описанию мистера Блейка, почти ничего общего с блохой не имел. Он выглядел в точности как фигура на кольце.

Клифтон поднял руку, демонстрируя украшение.

— Блоха была лишь одним из тех, кого Блейк называл своими «гостями» — то есть видениями людей или предметов из потустороннего мира. Хотя иногда он говорил о них как о пришельцах из других миров.

— А иногда называл их эманациями из миров неведомых,— добавила Анана.

— А ты откуда знаешь? — удивился Кикаха.

— Я слышала это от самого Блейка. Как тебе известно, когда Рыжий Орк сотворил вселенную Земли и вселенную ее двойника, то запретил любым Владыкам наведываться в них. Я рассказывала тебе, что несколько раз бывала на Земле, хотя и не упоминала, куда и когда именно наведывалась. Когда я жила в Лондоне — местечке очаровательном, хотя и противном,— то выдавала себя за богатую француженку-аристократку. А поскольку я коллекционировала некоторые из лучших образцов примитивного искусства землян, то нанесла визит и Блейку. Я купила у него несколько гравюр и рисунков темперой, попросив никому об этом не говорить. Вряд ли до Рыжего Орка могли дойти слухи о моем пребывании на Земле, но я вообще не хотела рисковать.

— И ты мне ничего не рассказала! — возмутился Кикаха.

— Ты знаешь, почему так получилось. Давай больше не будем об этом.

— Ладно,— согласился он.— Но откуда Блейк мог что-то узнать про тоанские миры?

Клифтон открыл было рот, однако Анана его опередила:

— Мы, тоаны, знавшие о Блейке, тоже гадали об этом. По нашей теории, Блейк был мистиком, настроенным, если можно так выразиться, на восприятие знаний обитателей в других вселенных. То ли его вос-

приимчивость была свойством нервной системы, то ли каким-то седьмым чувством, о котором нам ничего неизвестно, но никто из землян больше такими способностями не обладал. Во всяком случае, мы о таких людях не слышали, хотя существует теория, что некоторые земные мистики и некоторые безумные земляне...

— Давай обойдемся без теорий, если они не совершенно необходимы,— попросил Кикаха.

— Блейку являлись видения — или знамения, не знаю, как их лучше назвать,— каких-то искусственных карманных вселенных,— продолжала Анана.— Наверное, он видел и изначальную тоанскую вселенную или ту, что, по мнению некоторых, ей предшествовала. В любом случае, то, что он знал имена многих Владык и некоторые события с их участием, никак не могло быть случайным совпадением.

Но его, э, пси-восприятия событий были искаженными и фрагментарными, и он использовал их для создания своей личной мифологии, смешав с мифологией христианства. В результате получился коктейль «а-ля Блейк», расцвеченный его богатым воображением и верованиями.

— Ладно,— сказал Кикаха.— Однако то, что он назвал «призраком блохи», было тем чешуйчатым человеком, которого мы видели внутри куба. Никто из тоанов не знал о чешуйчатом, и все же Блейк его видел.

— Это так.

Кикаха показал на кольцо:

— Как насчет него, Клифтон? Где ты его взял?

— И как ты попал в тоанские миры? — спросила Анана.

Клифтон покачал головой.

— Это было самое странное приключение, какое когда-либо выпадало на долю землянина.

— Думаю, не более странное, чем мое,— усомнился Кикаха.

— У меня есть некоторые способности к рисованию,— начал Клифтон.— Описанный мистером Блей-

ком призрак блохи так меня заинтриговал, что я нарисовал его, а потом показал рисунок своему другу, Джорджу Пью. Как и я, он был дитя улицы, карманный воришка и по совместительству работал пажом ювелира по имени Роберт Скарборо.

— Пажом? — не понял Кикаха.

— Это мальчик-слуга,— пояснила Анана,— который всегда сопровождал хозяина, когда тот выходил на улицу.

— Пью показал рисунок своему работодателю, мистеру Скарборо, не углубляясь в подробности. Мистеру Скарборо рисунок так понравился, что он рассказал о нем одному из своих клиентов, богатому шотландскому аристократу, лорду Ривену. Лорд Ривен был крайне заинтригован и заказал себе по моему эскизу кольцо. Кольцо сделали, но так и не доставили заказчику, ибо оно было украдено.

Клифтон умолк и, подняв кольцо, посмотрел на него, после чего продолжил:

— Украла его шайка, в которой состоял мой друг Пью. Он отдал кольцо мне и попросил спрятать, поскольку хозяин заподозрил его. Мне вообще-то не хотелось ввязываться в это дело, хотя, по правде говоря, я подумывал, как бы навсегда завладеть кольцом. В то время я не был таким честным, да и вы на моем месте вряд ли были бы честнее.

— Не нам тебя судить,— Кикаха развел руками.

— По словам Пью, никто, кроме него, не знал о том, что он отдал мне кольцо на сохранение. Но его убили, когда он убегал от констеблей. И тогда я решил, что отныне кольцо принадлежит мне. Но я не собирался продавать его, пока не минет приличный срок. У констеблей имелось подробное описание похищенного имущества.

А потом, в один прекрасный летний день, и произошло то событие, из-за которого меня против воли забросило в другие миры, и в конечном итоге я оказался заточенным в этой яме. Хотя какие именно планы у Рыжего Орка на мой счет, равно как и на ваш, мне неизвестно.

Вдали раздался громовой удар, усиленный прокатившимся по пропасти эхом. С внезапностью танковой атаки с запада надвинулись темные тучи. За несколько секунд они покрыли ясное небо, и над отверстием ямы засвистал ветер. Проникнув в яму, он выдул знойную жару и остудил нагое тело Кикахи.

— Мы дослушаем твою историю потом,— сказал Кикаха.— Надо выбираться отсюда, пока не начался ливень. Причем пробить лучеметами со дна ямы до поверхности туннель мы не успеем — а идея неплохая.

Он отдал распоряжения, и мужчины встали бок о бок, чуть не уткнувшись носами в северную сторону ямы. Анана, женщина очень сильная и ловкая, вскарабкалась на их плечи. Элета к тому времени уже слегка пришла в себя и приняла посильное участие в их попытке к бегству. Ей, самой легкой из группы и атлетически весьма развитой, не составило труда взобраться на плечи Ананы. Вокруг талии Элеты была намотана тонкая веревка, извлеченная из рюкзака Кикахи. Через несколько секунд Элета крикнула товарищам по несчастью:

— Край слишком скользкий, мне просто никак не зацепиться.

— Что ты видишь? — спросил Кикаха.— Есть там что-нибудь способное удержать веревку с крюком?

— Совершенно ничего! — В голосе Элеты зазвенело отчаяние.

Рев грома и орудийная вспышка ударившей поблизости молнии разнесли ее дальнейшие слова в клочья. Она вскрикнула и свалилась с Ананы, но успела сгруппироваться в воздухе и приземлилась, согнув колени, на ноги.

— Что ты хотела сказать? — спросила Анана, спустившись с мужских плеч.

Ответные слова Элеты снова были вдребезги разбиты раскатами грома. С небес упало несколько капелек дождя.

— Я видела водный поток! — прокричала Элета.— Он так и хлынул по горным склонам! Мы все утонем!

— Возможно,— усмехнулся Кикаха.— А может, наоборот, выплывем из этой ямы.

Но в голосе его слышалось больше надежды, чем он ощущал.

— Рыжий Орк не стал бы сажать нас сюда только затем, чтобы утопить! — заметила Элета.

— А почему бы и нет? — возразила Анана.

— Кроме того,— добавил Кикаха,— по-моему, он просто не мог предусмотреть возможность наводнения. Может, он и выбрал это местечко для западни, но не бывал в здешних краях в период дождей.

К тому времени яму заполнила тьма — не такая черная, как полночь, но чернее последних мгновений сумерек. Ветер становился все крепче и холоднее, хотя дул еще не в полную силу. На пленников внезапно обрушился мощный ливень. Совсем рядом с ними хлестали бичи молний. Через несколько минут вода полилась с краев ямы и почти сразу поднялась Кикахе до лодыжек.

— Элиттрия Серебряные Стрелы, спаси нас! — воззвала Элета.

Холодная вода волной обрушилась в яму и сбила их всех с ног. Не успели они с трудом подняться, как их накрыла вторая, еще более мощная волна. Кикаху отбросило к стене. Почти теряя сознание, он все силился выплыть, хотя и потерял представление о том, где верх, а где низ. Наткнувшись ладонью на камень, он понял, что плыл все время вниз. Или не вниз, а горизонтально, и нащупал стенку ямы?

Чье-то тело ударилось в него. Кикаха попытался схватить его или ее, но не успел. А потом его не поддающейся определению срок волокло потоком вдоль стен и било о камни. В ту самую минуту, когда он подумал, что ему придется втянуть в легкие воздух или умереть, голова его вынырнула из воды. Кикаха успел сделать вдох, прежде чем снова погрузиться, и увидел справа какую-то темную массу. Стена ущелья? Значит, его вынесло из ямы!

Он снова плыл во мраке. Шансы выжить были невелики, поскольку его в любой момент могло швыр-

нуть и с силой ударить о скалу. Но Кикаха не прекращал борьбы, и голова его вдруг опять вынырнула из воды, хотя в рот тут же ударила волна, и он чуть не захлебнулся. Задыхаясь и отфыркиваясь, Кикаха выплюнул воду.

Звать кого-либо не имело смысла. Гром и молния по-прежнему терзали землю. Никто его не услышит, а даже если услышит, что толку?

Теперь ему угрожала еще и гибель от электрического разряда — молнии то и дело вспарывали поток. Но в их вспышках Кикахе удалось разглядеть, что его несет мимо массивной скалы, вздымавшейся почти вертикально, в такую кромешную тьму, которую не могли разорвать даже молнии.

Рев, доносившийся оттуда, заглушал удары грома. Водопад? Поток швырнул Кикаху через край, и он полетел неведомо с какой высоты. Когда его ударило о дно беснующейся реки и потащило по нему вперед, Кикаха снова наполовину отключился, а придя в себя, обнаружил, что попал в самый центр водоворота. Тот крутил его и крутил, а потом с силой опять стукнул обо что-то твердое.

Очнулся Кикаха лежа на камнях. Тьму по-прежнему пронзали молнии, хотя вспыхивали они уже не рядом с ним. Отдышавшись, он с трудом вскарабкался вверх по пологой скале. Лицо, ступни, колени, ребра, ладони, локти, ягодицы и гениталии горели так, словно с них срезали кожу ножом. Чересчур сильная боль не дала ему далеко уползти, и теперь он лежал на треугольном каменном уступе, одна вершина которого окунулась в бушующую реку. Впереди вздымалась отвесная стена, уходя в небеса, Бог знает на какую высоту.

Кикаха повернулся, крякнув от боли, поднялся в сидячее положение и посмотрел вверх. Очередная вспышка молнии показала ему высившуюся стену. Она находилась всего в пятидесяти футах от него. Когда ливень только начался, он наверняка стекал со стены бурным потоком, но теперь по ней струился лишь мелкий ручеек.

Везет Кикахе, подумал он. Хотя в один прекрасный день...

Он встал и, пошатываясь, побрел под широкий каменный карниз. Через некоторое время гром и молнии ушли еще дальше вдоль ущелья. Каким-то образом, несмотря на холод и сырость, Кикахе удалось заснуть.

Он проснулся, когда из-за края уходящего, казалось, в небеса входа в ущелье встало солнце. Похоже, поток забросил его на самое дно каньона — еще ниже, чем когда сидел со всеми в яме.

— Анана! — позвал он.

Почти все его оружие и все снаряжение сорвало водным потоком, кроме пояса с ножнами и лучемета в кобуре. Да и чехол с рогом Шамбаримена тоже почему-то не вырвало из петли у него на поясе... тут Кикаха усмехнулся, потому что ради сохранения рога он расстался бы даже с ножом и лучеметом.

К тому времени, когда солнце стояло уже прямо над головой, Кикаха нашел в себе силы встать на ноги. Гроза остудила воздух, но скоро жара вернется. У Кикахи был один лишь выход — добраться до края ущелья. Он прошел вдоль основания стены, пока не обнаружил место, испещренное разновеликими трещинами и поросшее растениями, за которые можно было ухватиться — даже на такой глубине из стены подымались под углом кривые деревца.

Скрипя зубами и стеная, Кикаха поднялся по стене на высоту около восьмидесяти футов. К тому времени вода уже перестала струиться по склону. Футах в пятидесяти над собой Кикаха заметил край большого гнезда, свисавшего над уступом. В гнезде, возможно, будут яйца, которые утолят его голод.

Когда, дрожа от усталости, он добрался до гнезда, то увидел, что оно сделано из сучков и прутьев, скрепленных высохшим клейким веществом. Внутри лежали четыре розовато-лиловых яйца размером вдвое больше куриных. Кикаха огляделся по сторонам, желая убедиться, что поблизости нет наседки. Проткнув яйца острием ножа, он высосал из них немного бел-

ка. Потом разбил скорлупу и обнаружил внутри зародыши птенцов. Он съел их, за исключением голов и лап.

Немного отдохнув, Кикаха встал, собираясь продолжить восхождение, как вдруг услышал резкий крик и обернулся. Хозяйка гнезда — птица с голубым оперением несколько крупнее белоголового орла — вернулась домой и так рассердилась, что даже выронила зверушку величиной с кролика, которую несла в гнездо. Зверек полетел вниз, но Кикаха не видел его падения в реку, поскольку был занят собственной защитой от рассерженной наседки. Он распорол ей брюхо ножом, но не раньше, чем она рассекла ему клювом руку и вонзила когти глубоко в грудь.

Ощипав птицу, Кикаха освежевал ее и съел пару кусков. А затем провел остаток дня и ночь на уступе.

* * *

Спустя двенадцать дней Кикаха достиг края ущелья. По пути он находил себе пропитание, хотя и не обильное. Несмотря на способности его тела к регенерации, на нем все равно виднелось множество ссадин и синяков, правда, недавнего происхождения.

Убедившись, что на краю ущелья все спокойно, он перевалился через кромку и лег на бок, пытаясь отдышаться, а потом встал.

Судно словно возникло прямо из воздуха, да, наверно, так оно и было. Сверкающий серебристый цилиндр сужался с обоих концов в острые конусы. Под прозрачным куполом возле конуса, ближайшего к Кикахе, виднелась кабина, тянувшаяся в длину до половины цилиндра. Из боков судна высунулись четыре опоры и уткнулись в почву для стабилизации летательного аппарата на земле.

Аэробот приземлился; передняя часть фонаря кабины откинулась кверху. Человек, сидевший в пилотском кресле, покинул кабину и зашагал к Кикахе, который к тому времени, пошатываясь, поднялся на ноги.

Пилот был высокий и мускулистый, с красивым лицом и волосами до плеч, отливавшими красноватой бронзой. На нем было доходившее до щиколоток одеяние в черно-белую полоску. На украшенном многочисленными самоцветами поясе висела кобура. Она пустовала, поскольку лучемет пилот сжимал в руке.

Мускулистый красавец широко улыбнулся, обнажив очень белые зубы, и сказал по-тоански:

— Кикаха! Ты воистину человек выдающийся, раз сумел-таки выжить! Я уважаю тебя — до такой степени, что меня так и подмывает отдать тебе честь и отпустить на все четыре стороны! Однако...

— У тебя полно всяких «однако», Рыжий Орк,— произнес Кикаха.— Не говоря уже о прочих вещах.

8

По команде тоана Кикаха медленно вытащил лучемет и нож и отбросил их вперед футов на десять. И с большой неохотой кинул рядом с оружием и футляр. Рыжий Орк, сияя победным восторгом, подобрал рог правой рукой.

— Спиной ко мне,— скомандовал он Кикахе, махнув лучеметом,— руки вверх и на колени. И так и стой, пока не разрешу сменить позу.

Кикаха повиновался, размышляя, какие у него будут шансы, если он вскочит, подбежит к краю ущелья и прыгнет. Возможно, ему удастся прыгнуть достаточно далеко и упасть в реку, избежав столкновения с выступами в стене каньона. Что ждет его в реке? Но, скорее всего, тоан успеет пристрелить его, прежде чем он добежит до края обрыва...

Возможно, лучше погибнуть такой смертью, чем познакомиться с тем, что уготовил ему Рыжий Орк.

Кикаха так и не услышал шагов у себя за спиной. Он различил лишь негромкое шипение и почувствовал, как что-то коснулось его спины. Очнулся он на заднем сиденье воздушного судна. Все тело его было обмотано длинным липким шнуром и прикручено к

сиденью и спинке. Запястья были связаны вместе, ноги тоже. Голова болела; во рту пересохло. Поглядев сквозь фонарь кабины, Кикаха увидел, что аэробот поднялся над землей по меньшей мере на тысячу футов и направляется к северу.

Сидевший за пультом управления Рыжий Орк глядел на телеэкран, нависавший сбоку над приборной доской. На экране он видел Кикаху. Тоан встал, включив автопилот, и пошел назад по узкому проходу между двумя рядами сидений.

— До сих пор тебе всегда удавалось ускользнуть,— сказал он, остановившись футах в четырех от пленника.— Но теперь тебе конец.

— Я еще жив,— прохрипел Кикаха.

— И можешь прожить еще довольно долго. Но, полагаю, будешь жалеть, что не умер. На самом деле, я еще не решил, что с тобой сделаю.

Кикаха бросил взгляд сквозь фонарь и увидел то самое ущелье, на стену которого он недавно поднялся, или, может быть, другое. Отсюда оно казалось по меньшей мере миль сорока в ширину, а вниз уходило на такую глубину, что дно терялось в темноте. Вряд ли такая пропасть образовалась в результате эрозии.

Рыжий Орк догадался, о чем он думает.

— Это планета Ванзорд, созданная Аппирмазулом,— уведомил он Кикаху.— Я сражался здесь со своим отцом Лосом. У Лоса было оружие ужасающей разрушительной силы. Не знаю, откуда он его взял. Вероятно, нашел погребенным в какой-нибудь древней усыпальнице. Лос применил его против меня и моего войска, и мне пришлось бежать через врата, бросив своих бойцов. Эта пропасть создана оружием Лоса.

— И куда же оно подевалось? — спросил Кикаха.

— Отец выиграл ту кампанию. В конечном итоге, когда я атаковал его армию, то сумел завладеть этим «опустошителем», как его называли. Но мне пришлось уничтожить это древнее оружие. Удача повернулась ко мне спиной, я был вынужден отступить и не хотел оставлять отцу такой сильный козырь. И потому — взорвал его.

Однако, как ты, возможно, слышал, окончательная победа осталась за мной. Я захватил отца в плен и, насладившись его муками, убил. Задолго до этого я отрезал у него яйца и съел их — после того как пресек его попытку убить мою мать. Мне следовало тогда же и прикончить его. Как только у него выросли новые яйца, он объявил мне беспощадную войну.

Но в конце концов я победил, сжег его тело, смешал пепел в кубке с вином и выпил своего папашу. Хотя совсем конец ему пришел только на следующий день — когда я спустил его в унитаз!

Рыжий Орк рассмеялся безумным смехом. Да он и есть самый настоящий безумец, подумал Кикаха. Хотя почти во всех отношениях вполне разумный и логичный. И к тому же очень коварный.

— Все это очень интересно и поучительно,— сказал Кикаха.— Но как обстоят дела с Ананой, Клифтоном и Элетой?

Рыжий Орк улыбнулся, предвкушая то, что он собирался сообщить своему пленнику:

— Пока ты карабкался по склону ущелья, я искал остальных. Когда наводнение схлынуло, тело Элеты осталось лежать на большом камне — без лица и с проломленной сбоку головой. С нее содрало почти весь скальп, но несколько оставшихся белокурых прядей позволили мне опознать ее. Так закончила свою жизнь последняя из жестокосердых дщерей Уризена. Оплакивать их никто не станет.

Клифтон, вероятно, погребен под тоннами ила и камней. Его истории тоже пришел конец. Он очутился в яме потому, что попал в одну из ловушек с резонансной цепью, и проехал на ту же конечную точку, в яму, куда я направил тебя вместе с твоими попутчицами. Та яма и цепь, в которую угодил Клифтон, были давным-давно созданы Ололотоном. Но я стал их новым владельцем. На самом-то деле он устроил своего рода универсальную ловушку в расчете на любого Владыку, какой подвернется. Но в нее попался англичанин. Я почти забыл о нем, после того как в последний раз видел в летучем дворце Уртоны, в Лавалитовом мире.

Кстати, Уртона ведь сбежал из дворца вместе с вами. Что с ним случилось?

— Уртона погиб — можно сказать, попал в свой собственный капкан и лишил меня возможности убить его.

Рыжий Орк приподнял брови и тихо проговорил:

— А! Еще один из самых старых Владык мертв. Мне очень жаль, но лишь потому, что мне хотелось убить его самому. Поскольку он был союзником отца, я включил его в свой черный список.

— Что с Ананой? — спросил Кикаха.

Губы Владыки тронула едва заметная улыбка. Рыжий Орк медлил с ответом исключительно для того, чтобы помучить пленника. И тоан знал, что пленник это понимает.

— Анана? Ах да, Анана!

Кикаха подался вперед, готовясь к самому худшему. Но Рыжий Орк сказал:

— Я ожидал, что Она тоже попадет в яму, но, полагаю, с ней что-то приключилось, пока она была вами. Или она удрала от вас и блуждает по Алофметбину?

— Она погибла при попытке к бегству. Что с Ананой?

— Ты, должно быть, гадаешь, как вас угораздило попасть в капкан. Только я мог придумать такое. Никто другой на моем месте не сумел бы подготовить все необходимое за такой короткий срок. К счастью, в резонансной цепи, куда вы угодили, созданной первоначально Ололотоном, была трехдневная пауза, которая задержала вас перед очередными вратами, прежде чем снова отправить вас дальше по цепи. Она дала мне время, нужное для доставки с моей базы на аэроботе необходимого оборудования. Ты когда-нибудь слыхал об Ололотоне?

— Ты намерен затягивать тревожное ожидание, так? Хоть ты и прожил столько тысячелетий, но по-прежнему ведешь себя как жестокий ребенок!

— Отчего бы не получать удовольствие от разных мелочей? Я отнюдь не выше этого,— с улыбкой отве-

тил Рыжий Орк.— Если ты почти бессмертен, то обнаруживаешь, что все удовольствия длятся недолго и отделены друг от друга длинными промежутками. Поэтому для меня всегда желанны даже самые мелкие удовольствия, особенно когда они неожиданные.— Он помолчал, спокойно выдержав яростный взгляд Кикахи, а затем повторил вопрос: — Так ты слышал про Ололотона?

— Мы были в его мире, на планете трехногих,— ответил Кикаха.— Ты и сам это знаешь.

— Теперь знаю,— кивнул тоан.— До того как ты мне сказал, я лишь подозревал об этом. Но не мог быть уверен. Уверен я был только в одном: если вы воспользуетесь единственными выходными вратами на планете Ололотона, то непременно угодите в установленную им резонансную цепь. Давным-давно, убив Ололона в его собственном дворце и захватив его планету, я изучил схемы его врат и записал их в файл на своей базе. Я знал, что когда-нибудь они мне пригодятся. И не ошибся. Мало кто из властителей может похвастаться такой предусмотрительностью — наверное, вообще ни один из них.

Хвались-хвались, подумал Кикаха. Однако его все-таки интересовало, как именно тоану удалось осуществить свой план.

— Элета и Она оказались очень умными противниками. Они сумели сбежать из моей тюрьмы, пока я отсутствовал. Я подозревал, что они подкупили стражу, но у меня не было времени выяснять или, точнее, выпытывать у кого-то правду. Так что я убил всех охранников — а заодно расправился со всеми во дворце. Детей я, разумеется, не тронул и уже позаботился о том, чтобы их взяло к себе одно туземное племя.

Вечно одно и то же, мысленно вздохнул Кикаха. Пытки и убийства, а потом хвалится собственным милосердием.

— Мне далеко не сразу удалось проследить путь сестер до этой планеты, а потом обнаружить их. Они бродили полуголодные по этому лесу, где вы на них наткнулись. Вместо того чтобы наказать их, я решил

использовать этих неудачниц в игре против вас с Ананой. Я пообещал Оне и Элете отпустить их целыми и невредимыми, если они согласятся со мной сотрудничать, и они все время со страхом гадали, сдержу я свое слово или нет. Я послал также ворона — Око Владыки — и оромотку, чтобы они следили вместе с сестрами за вами с Ананой, когда вы появитесь, а заодно и и за сестрами тоже, если те вздумают предать меня. И Око и оромотку ждала достойная награда, но я пригрозил убить их, если они попробуют переметнуться на вашу сторону. Я...

— Об этом нам с Ананой известно,— перебил тоана Кикаха.— Мы убили их обоих.

Рыжий Орк побагровел:

— Не смей говорить, пока я тебе не разрешил!

Ему понадобилось десяток секунд, чтобы прийти в себя, и затем он продолжил:

— Я оказался в сложном положении. У вас был рог; или, по крайней мере, я полагал, что он все еще у вас. Рог способен изменить обычные условия в резонансной цепи. С ним вы могли вырваться из заколдованного круга, даже если бы попали в него. Но тут сработала установленная мной в той цепи сигнальная система, и я понял, что вы с Ананой прошли через врата-выход с планеты трехногих.

Из схемы цепи мне было ясно, что одна из кратких остановок — всего несколько секунд — будет на Алофметбине. Я рискнул сделать ставку на то, что вы узнаете Алофметбин и убежите из зоны действия врат, прежде чем те отправят вас дальше. Или воспользуетесь рогом и таким образом нейтрализуете действие врат. Как всегда, я оказался прав. Я предпочел бы, чтобы вы оказались поближе к сестрам, но это от меня не зависело. И, естественно, я не мог знать, есть ли вблизи врат какая-нибудь трещина в ткани этого мира или нет. Таким образом, не было никакого смысла установить там клетку и засадить в нее вас с Ананой — протрубив в рог, вы исчезли бы через трещину. Вероятность такого исхода была бы примерно пятьдесят на пятьдесят.

Кикаха открыл было рот, собираясь задать вопрос, но вовремя передумал.

— Я знал, что вы направитесь прямиком к ближайшим вратам — тем, что в валуне. Удача, как всегда, не покинула меня, так как я знал о тех вратах. Ололотон несколько раз побывал на этой планете, когда тут правил Вольф, нашел четверо врат и нанес их местоположение на схему. Он же и соединил врата в валуне с ямой.

Кикаха откашлялся и произнес:

— Могу я спросить?

Рыжий Орк махнул рукой.

— Что случилось с Ананой?

— Дай мне закончить рассказ! — резко бросил тоан.— Тогда ты поймешь, против кого вздумал сражаться! Молчи и слушай! Ололотон, должно быть, вырыл эту яму вскоре после того, как благодаря машине уничтожения, пущенной в ход отцом во время моей кампании против него на Ванзорде, здесь образовалось ущелье. Яму я нашел давно, во время короткого визита на планету Ванзорд. Мне нравится собирать в разных вселенных сведения, которые могут позже пригодиться. Так... Потом вы с Ананой исчезли из цепи на несколько часов, а на острове вам появляться было еще рано...— Он помолчал, затем воскликнул: — Ну конечно! С помощью рога вы прорвались из цепи еще до того, как попали на остров. А затем снова угодили в нее, верно?

Кикаха кивнул. Хотя он и не представлял себе, какую выгоду мог извлечь тоан из информации о существовании чешуйчатого человека, лучше было оставить Рыжего Орка в неведении.

— Я редко когда беспокоюсь,— продолжал тоан,— но не считаю для себя унизительным признать, что ваше исчезновение заставило меня понервничать. Однако я продолжал действовать и установил рядом с ямой генератор — так, чтобы вокруг нее появились односторонние врата. Пока этот «щит» опоясывал яму, даже рог не помог вам.

Рыжий Орк наконец замолчал.

— Можно спросить? — прохрипел Кикаха. Во рту и в горле у него пересохло, но будь он проклят, если попросит у тоана стакан воды!

— Валяй.

— Почему ты попросту не дождался ночи, пока мы шли по равнине или лесу, и не захватил нас в плен, догнав на своем аэроботе?

— Потому что не люблю рисковать без крайней на то необходимости. У вас могло хватить времени протрубить в рог и ускользнуть через щель. А оказавшись в яме вы лишились возможности сбежать, даже с рогом.

— Но ты не учел наводнения,— усмехнулся Кикаха.

Лицо тоана вновь побагровело.

— Я давным-давно не бывал на этой планете! — выкрикнул он — И не знал, что там бывают такие ливни! Прежде там я даже облачка не видал!

Кикаха ничего не ответил. Он не хотел доводить Владыку до бешенства, чтобы тот не выжег ему лучом глаза или сделал что-нибудь похуже.

— И труд мой был вознагражден! — воодушевился Рыжий Орк.— Тот англичанин, Клифтон, очевидно, удрал из летучего дворца Уртоны в Лавалитовом мире — и угодил в одну из моих ловушек на другой планете. Я также перебросил его в яму. Все, даже самые неуловимые, мои враги — за исключением Вольфа с Хрисеидой — попались, как рыбки в сеть!

— Вольф? Хрисеида? — пробормотал Кикаха.

— Вольф и Хрисеида! — выкрикнул Рыжий Орк. Голос его в тесном пространстве кабины показался таким оглушительным, что Кикаха опять вздрогнул.

— Они сбежали! — проорал тоан.— Сбежали! Надо было разделаться с ними, как только они попались!

— Ты не знаешь, где они? — вкрадчиво поинтересовался Кикаха.

— Где-то на Земле,— с досадой махнув рукой, ответил тоан.— Или, наверное, удрали через врата в другие миры. Не имеет значения! Я снова их поймаю! И тогда!..

Он осекся, глубоко вздохнул и улыбнулся:

— Не радуйся за них так! Я ведь нашел-таки Ананну...

Кикаха знал, что Рыжему Орку очень хочется услышать от него новые вопросы об Анане. Но пленник стиснул зубы. Тоан ведь и так скажет.

— Тело Ананы, точнее, то, что от него осталось, торчалю из-под небольшого валуна! Я оставил ее стервятникам!

Кикаха закрыл глаза, а по всему его телу пробежала дрожь, тогда как грудь будто проткнули копьем. Но... кто поверит Владыке?

Когда Кикаха почувствовал в себе силы, чтобы говорить без дрожи в голосе, то спросил:

— Ты взял с собой ее голову показать мне?

— Нет!

— Ты сфотографировал ее тело? Правда, фотоснимку не стоит верить.

— Зачем мне это нужно — и первое, и второе?

— Потому что ты лжешь!

— Ты этого никогда не узнаешь, не так ли?

Кикаха не ответил. Подождав несколько секунд и не услышав от пленника дальнейших реплик, тоан вернулся в кресло пилота.

Кикаха снова взглянул сквозь фонарь кабины. Хотя он и не видел больше громадных каньонов, под ними расстилался мир, с поверхности которого словно гигантской метлой смело всякую почву и растительность. Однако там и сям уже сумела пробиться новая поросль. Уцелели также некоторые виды птиц — в чем Кикаха убедился на личном опыте — и, по его предположениям, какие-то животные тоже сумели пережить ту давнюю апокалипсическую битву. Не исключено, что кое-кто из людей тоже уцелел. Хотя вряд ли им приходится есть досыта.

Кикаху с новой силой охватил гнев при мысли о надменных Владыках и их пренебрежительном отношении к жизни. Им ничего не стоило не моргнув глазом уничтожить целую планету. Просто чудо, что Анана так не похожа на своих сородичей!

Через десять минут аэробот начал замедлять ход, а затем на несколько мгновений завис в воздухе, прежде чем быстро пойти на снижение. Приземлился он около изрезанного складками каменного монолита. У его основания покоился громадный красноватый валун, несколько похожий по очертаниям на голову медведя. Тоан выжал на небольшую часть липкой веревки несколько капель голубой жидкости из тюбика. Миг спустя веревка сделалась гладкой, и Кикаха без труда высвободился из пут. Но путы, связывающие ему спереди руки, по-прежнему остались липкими.

Владыка вывел его из аэробота и, приказав судну закрыть фонарь кабины, подтолкнул пленника к скале. Затем он произнес кодовое слово, и обращенная к ним часть валуна замерцала красными и фиолетовыми полосами, так что у Кикахи разболелись глаза.

— Проходи,— приказал Рыжий Орк.

Кикаха прошел через врата в маленькое помещение в скале. А в следующую секунду он уже оказался в большом, лишенном окон зале из зеленоватого мрамора, украшенном коврами, со множеством кресел, диванов и статуй. Через несколько секунд часть монолитной на вид стены отодвинулась в сторону, и в зал вошел Рыжий Орк.

— Садись вон в то кресло,— велел он, махнув лучеметом. После того как пленник подчинился, Рыжий Орк сел напротив, откинулся на спинку кресла, вытянул ноги и улыбнулся.

— Вот мы и в одном из моих убежищ на Земле-два.

— Ну и?

— Ты голоден? Можешь подкрепиться, пока я обсуждаю с тобой одно дело.

Отказываться от еды только потому, что она предложена врагом, Кикаха счел глупостью. Ему понадобятся силы, если он намерен вырваться на волю, а он ничуть не сомневался в этом. Не «если», а «когда» — все будет именно так.

— Ладно,— кивнул он.

Должно быть, Орк подал какой-то сигнал, или просто был уверен в том, что пленник не откажется от трапезы. В стене появилось отверстие размером с дверь, и темноволосая и кареглазая красавица вкатила столик, сервированный на две персоны. Приблизившись к ним, женщина, всю одежду которой составляла юбочка из серебристой бахромы, поклонилась Рыжему Орку, переставила еду и напитки на стол и тихо удалилась, плавно покачивая широкими бедрами. Проем в стене закрылся.

— Ты сможешь насладиться не только лучшими блюдами и напитками, какие есть на планете, но и этой красавицей тоже,— сообщил тоан.— А также другими, не менее прекрасными и искусными в любовных утехах. Если, конечно, примешь мое предложение.

Кикаха приподнял брови. Предложение? Значит, Рыжему Орку нужна его помощь в каком-то деле. А поскольку Владыка не принадлежал к числу тех, кто избегает любых опасностей, значит, речь пойдет об опасном мероприятии, граничащем с самоубийством.

А что потом? И будет ли какое-то «потом»?

Кикаха поднял связанные запястья и показал пальцем на стол. Рыжий Орк велел ему поднять руки еще выше и раздвинуть их как можно шире. Кикаха так и сделал. Запястья разделяло не больше дюйма.

— Не шевелись,— предупредил тоан и выхватил лучемет с такой быстротой, что движение его руки выглядело каким-то смазанным. Желтый луч разрезал путы пополам; лучемет скрылся в кобуре. Все это заняло не более двух секунд.

Очень впечатляюще... Но Рыжему Орку он этого не скажет. И что это за оружие с желтым лучом?

— Я вернусь, когда ты перекусишь,— сказал тоан.— Если желаешь сначала умыться или сходить в туалет, скажи «кентфасс», и из стены выдвинется ванная комната. Чтобы удалить ее обратно в стену, произнеси то же самое слово.

Забавно, подумал Кикаха. Впрочем, Рыжий Орк любил поразвлечься.

Тоан вышел из зала. Хотя особого аппетита у Кикахи не было, овощи, фрукты и рыбу он нашел отменными. Вино показалось ему слишком крепким, но обладало неким неуловимо привлекательным вкусом, и пилось оно легко. После обеда Кикаха воспользовался ванной комнатой, потом ванная скользнула назад, и часть стены снова закрылась.

Несколько минут спустя в зал вошел тоан. Теперь он облачился в тогу и сандалии. Его сопровождали трое смуглых мужчин в конических шлемах с павлиньими перьями, коротких кильтах и высоких ботинках со шнуровкой. Все были вооружены копьями, мечами и ножами. Они выстроились за спиной у Рыжего Орка, а тот опустился на стул, похожий на огромного паука, так чтобы сидеть лицом к пленнику. На сей раз тоан был безоружен.

— Ты, должно быть, сильно озадачен,— обратился он к Кикахе.— И спрашиваешь себя, зачем это мне, Владыке, требуется помощь леблаббия?

— Очевидно, ты задумал нечто грандиозное и не в силах справиться один,— предположил Кикаха.

Рыжий Орк улыбнулся:

— Думаю, ты хотел бы узнать, какая награда тебя ожидает, если ты исполнишь мое поручение. А также сомневаешься, что я сдержу слово.

— У тебя поразительные способности к чтению моих мыслей.

— Сарказм здесь не уместен. Я никогда не нарушал своего слова.

— А ты его когда-нибудь давал?

— Несколько раз. И выполнил обещание, несмотря на естественную склонность нарушить его. Но бывали и такие ситуации...— Он некоторое время молчал, а затем спросил: — Ты слышал про Зазеля из Пещерного мира?

— Да,— ответил Кикаха.— Анана...

Он осекся. Одно только упоминание ее имени окатило его сердце горячей волной боли.

Откашлявшись, он продолжил:

— Анана кое-что рассказала мне о нем. Он создал вселенную в виде каменного шара со множеством тун-

нелей и пещер. Что, на мой взгляд, мог сделать только безумец. Зазель, по словам Ананы, был угрюмым меланхоликом и в конце концов покончил с собой.

— Таких много и среди Владык,— заметил Рыжий Орк.— Слабаки! Сильные убивают друг друга.

— На мой взгляд — недостаточно быстро. Какое он имеет к нам отношение?

— В юности я нанес своему отцу жестокое оскорбление. Но он не убил меня, а забросил через врата в мир совершенно мне незнакомый и очень опасный. Его называли Антемой, или Нежеланным миром. Скитаясь по планете, я встретился с другим Владыкой по имени Йаджим из Темных Лесов. Он попал на Антему, скрываясь от Владыки, в мир которого ранее вторгся. Сорок четыре года он пытался найти врата, способные перенести его в другую вселенную.

Тоан помолчал. Похоже, воспоминания не были очень приятными. Затем он продолжил рассказ:

— Долгое одиночество сделало Йаджима параноиком,— снова заговорил Орк.— Но мы объединили усилия, хотя каждый из нас, конечно же, собирался убить другого, как только мы выберемся из чересчур нежеланного мира. В конце концов мы нашли врата, но Лос настроил их таким образом, что нам требовалось рассчитать те несколько секунд, когда вход в них ничем не грозил. В противном случае нас бы разрезало пополам.

Йаджима рассекло надвое, словно яблоко, а я потерял немного кожи и мяса на пятках и ягодицах. Поблуждав по туннелям, я вышел в очень большую пещеру. Там я встретил Дингстета — существо, созданное Зазелем в качестве надсмотрщика или управляющего. После того как Зазель покончил с собой, Дингстет остался единственным разумным существом в том огромном каменном шаре, пронизанном туннелями и большими пещерами.

Дингстет был до крайности наивным. Ему следовало сразу же убить меня, но он этого не сделал. И не потому, что устал от одиночества и жаждал чьей-то компании. Он не знал, что это такое. Были определенные признаки...

Рыжий Орк снова умолк. Он глядел мимо Кикахи, будто видел на стене картины Пещерного мира.

— От Дингстета я узнал,— тихо зазвучал его голос,— что весь этот каменный мир представлял собой полубелковый-полукремниевый компьютер. В нем хранилась огромная масса разной информации, занесенной туда Зазелем. Многие из тех данных были давно утрачены.

Тоан облизнул пересохшие губы и добавил:

— Пока только я один побывал в мире Зазеля. Только мне одному известны врата, ведущие туда. Только я один знаю, какие бесценные сокровища — я имею в виду информацию — хранятся там. Я могу получить абсолютную власть над Владыками и их вселенными.

— А именно? — спросил Кикаха.

— Ты не только хитрец, ты еще и шутник! — расхохотался Рыжий Орк.— Тебе не нужно знать, что именно я ищу. Разумеется, попав в мир Зазеля ты приложишь отчаянные усилия, стараясь выяснить, чего же я так страстно желаю получить. Но я не открою секрета, поскольку не хочу давать Владыкам ни малейшего шанса выпытать его у тебя. И определенно я не склонен доверить его тебе.

— Как я могу рассказать кому-то постороннему о том, чего не знаю сам?

— Ты-то не сможешь. Но вот некоторые Владыки сумеют догадаться, в чем дело.

Такое рассуждение показалось Кикахе не совсем логичным. Но кто мог ожидать от тоана логики?

Равным образом он не надеялся на какую-нибудь награду. Тоан знал, что Кикаха не откажется от мести за смерть Ананы. И даже если ей каким-то образом удалось спастись, женщина едва не погибла по вине Рыжего Орка. Такое прощать нельзя.

— Так для чего же я тебе нужен? — спросил он.

— Мы знаем, что я использую тебя как пешку в моей игре, которой пожертвую, если придется. Однако, клянусь Шамбариеном, Элиттрией и Манату Ворцион, что, если ты успешно выполнишь мое задание, то будешь отпущен на волю и...

— И Анану тоже, если она не погибла?

По лицу Рыжего Орка промелькнула тень раздражения. Но тон его остался ровным, когда он подтвердил:

— И Анану тоже.

Кикаха спросил, чего же хотел от него тоан.

— Ты должен попасть в мир Зазеля. Когда проникнешь туда, то можешь связаться со мной, и я живо к тебе присоединюсь.

— А почему ты сам не можешь этого сделать?

— Ты знаешь, почему,— улыбнулся Рыжий Орк.— Это опасное предприятие, и шансы уцелеть у тебя невелики. Но если ты погибнешь, то я узнаю, что тебя погубило, и сумею избежать западни. С помощью рога мне это удастся. Кроме того, мне хочется определить, величайший ли ты из Обманщиков, как считают некоторые Владыки. Должен признаться, ты уже произвел на меня неплохое впечатление, хотя ты и леблаббий.

— Тебе нравятся смертельно опасные игры?

— Да. Так же, как и тебе.

— Тебе удавалось меня поймать,— сказал Кикаха.— Несколько раз.

— И до сих пор ты все равно от меня ускользал. Когда за тобой охотились в Лос-Анджелесе, я просто развлекался. Нанятые мной преступники не блистали талантами, и тебе постоянно везло. А потом я попал в Лавалитовый мир и чуть было не остался там навечно. Подозреваю, не без твоей помощи.

Кикаха не стал подтверждать догадку тоана.

— В любом случае,— продолжал Рыжий Орк,— больше я с тобой в кошки-мышки играть не стану.

— Я постараюсь выполнить твое задание и не стану делать попыток к бегству,— пообещал Кикаха.

Вероятно, Рыжий Орк поверил ему ничуть не больше, чем сам Кикаха верил Рыжему Орку. Но тоан подробно описал ему, как он попал в Пещерный мир и как выбрался оттуда.

Лос, отец Рыжего Орка, выдворил сына из фамильной вселенной в пещеру на Антеме. Рыжий Орк и поны-

не точно не знал, где именно располагались антемские врата. Но Лос мог установить на той планете несколько врат.

Рыжий Орк с Йаджимом нашли врата, ведущие с Антемы в мир Зазеля, потому, что отец снабдил сына картой. Но карта была зашифрованной, с трудом поддавалась пониманию, и Рыжий Орк мог оказаться не в состоянии вообще когда-либо прочесть ее.

— А покинуть Пещерный мир я сумел лишь потому, что Дингстет показал мне врата,— сказал Рыжий Орк.— Однако через эти врата нельзя войти — только выйти. То же самое относилось и к вратам, через которые я попал с Антемы в мир Зазеля. Ты должен будешь отыскать пока еще неизвестные врата. Или, если сможешь найти те самые, то воспользуйся вратами, через которые прошли мы с Йаджимом. Я так долго пытался разыскать их, и делал это с такой одержимостью, что теперь нуждаюсь в комнибудь, способном взглянуть на ситуацию свежим взглядом.

— Дай мне рог,— сказал Кикаха.— Он откроет любые врата и обнаружит слабые места в стенах между вселенными.

— Не можешь без шуток, так?

— Не могу,— подтвердил Кикаха.— Ладно. Я должен побольше узнать о тех вратах и о мирах, в которых они расположены. И еще ты ответишь на некоторые вопросы.

Через час Рыжий Орк покинул зал, хотя то зло, которое, как чудилось Кикахе, исходило от тоана, попрежнему витало в воздухе. Чего хотел от него тоан, Кикахе было ясно. Неясными оставались тайные замыслы Рыжего Орка. Взять хотя бы такое обстоятельство: в мире Зазеля Рыжий Орк побывал восемнадцати лет от роду. Случилось это по меньшей мере двадцать тысяч земных лет тому назад. Чем же Владыка занимался все это время? Почему не взял, так сказать, эту крепость штурмом и не вторгся в Пещерный мир, чтобы завладеть вожделенной информацией? Или же он пытался, но все его попытки закончились неуда-

чей. Теперь он перепоручал эту задачу презренному леблаббию.

Владыке не повезло. Но Кикаха был убежден, что, если на одну тысячную тысячной доли половины процента возможен успех, то он справится. Он твердо верил, что способен сделать все, кроме невозможного. И даже сознание этого вряд ли его остановит.

В течение следующих трех дней Кикаха не видел Рыжего Орка. Он усиленно тренировался в этом просторном зале, который мог бы быть и попросторнее, хорошо питался и по большей части кипел от злости, а подчас выплескивал ее, поливая все и вся отборной бранью. Прекрасная служанка знаками ясно давала ему понять, что разделит с ним ложе, если он пожелает. Но Кикаха отверг ее. Пока он не убедился в том, что Анана погибла, то даже думать не мог о других женщинах.

В его воображении постоянно возникали все новые и новые сцены, живописующие, как Анана спаслась из потопа. Но потом Кикаха прекратил мысленно проигрывать эти фантастические сценарии. Надо просто запастись терпением — и все.

Вечером третьего дня Рыжий Орк снова появился в зале с лучеметом в кобуре, и длинным кинжалом в ножнах на поясе. В правой руке тоан нес большой мешок. За спиной Владыки маячило пятеро вооруженных телохранителей, в том числе и один лучник. Тоан не поздоровался с пленником, а лишь велел: «Иди за мной». Телохранители окружили Кикаху и повели через анфиладу пустынных, богато декорированных залов. Наконец они оказались в огромном зале, залитом светом тысячи факелов. Потолок уходил вверх этажей на шесть или семь. Стены, покрытые золотыми пластинами, украшали бесчисленные изображения животных и людей, и очертания каждой фигурки были выложены драгоценными камнями. Мебель в зале отсутствовала. В дальнем конце стояла гигантская бронзовая скульптура, изображавшая человека с громадным, торчащим кверху фаллосом, четырьмя руками и лицом, искаженным в демонической усмешке. Футах в двадцати перед скульптурой располагался алтарь на

монолитном постаменте, покрытом пятнами засохшей крови. Его окружала площадка вдвое меньшей высоты с выдолбленными в камне ступенями.

— Меня привели на заклание? — усмехнулся Кикаха.

Улыбка тоана казалась высеченной из гранита.

— Только не в ходе религиозного ритуала.

Он что-то произнес на сладкозвучном местном наречии, и телохранители удалились строевым шагом через главную дверь. Последний, покидая зал, захлопнул дверь и задвинул массивный засов. Лязг железа едва не заставил Кикаху вздрогнуть.

— Иди к площадке, поднимись по ступеням и стань возле постамента,— велел ему Рыжий Орк.

Когда Кикаха повернулся к тоану лицом, то увидел, как Рыжий Орк размахнулся и швырнул мешок. Описав дугу, тот со стуком приземлился у ног Кикахи.

— Вытряхни мешок,— громко приказал Владыка. Слова его подхватило гулкое эхо.

Кикаха вытащил из мешка лучемет, связку батарей, длинный нож, флягу с водой и мешок поменьше, в котором оказались одежда, пояс с кобурой и ножнами, пара башмаков, нож поменьше и коробка с концентратами.

— Лучемет не заряжен,— предупредил Рыжий Орк.— Вставишь батарею, когда окажешься на месте. Ты получил от меня инструкции и всю полезную информацию, какую я мог тебе дать. Положи вещи в мешок и лезь на постамент.

Оказавшись на вершине монолита, Кикаха взглянул на тоана. Тот улыбался, словно вся эта процедура доставляла ему огромное наслаждение.

— Я действительно предпочел бы оставить тебя своим пленником, помучить в свое удовольствие и в конечном итоге выпить твой пепел с вином, как в случае с моим отцом,— крикнул ему тоан.— Даю тебе шестьдесят дней на выполнение задания и...

— Шестьдесят дней? — взревел в ответ Кикаха.— Сделать за шестьдесят дней то, с чем ты не справился за десять тысячелетий!

— Именно так! Кстати, вот тебе еще один стимул для возвращения ко мне! Твоя подружка, эта вероломная стерва Анана, все это время была в соседней с тобой комнате!

Он помолчал немного и крикнул:

— Или я лгу?

У Кикахи внутри все похолодело. И в этот момент Рыжий Орк произнес кодовое слово.

Твердый камень у него под ногами стал воздухом, и Кикаха рухнул вниз.

9

Он выбросил вверх правую руку, пытаясь ухватиться за край разверзшейся под ним бездны. Кончики пальцев царапнули по каменной стенке шахты. Так это врата, а вовсе не люк в полу, открылись и поглотили его!

Прижимая мешок к левому боку, Кикаха отчаянно пытался сохранить вертикальное положение. Свет, прошедший сквозь врата, исчез. Кикаха рассекал воздух в полнейшей темноте, а стенки шахты постепенно сужались и теперь были всего в дюйме от тела. А затем Кикаха обнаружил, что шахта изгибается, и зачем-то начал считать. Через двадцать четыре секунды шахта стала горизонтальной. В кромешной темноте забрезжил сумеречный свет, быстро разгоравшийся все ярче.

Ой-е-ей, подумал Кикаха. Похоже, приехали!

Он вылетел из шахты, как из пушки, в каменную пещеру футов двадцати в ширину и тридцати в длину и принялся разворачиваться в воздухе, чтобы приземлиться на ноги. Под ним находился бассейн с водой, и Кикаха летел прямиком в него. Хотя он и пытался войти в воду ногами вперед, но все-таки врезался боком, да с такой силой, что погрузился до самого дна. Несмотря на полуобморочное состояние, он сумел принять вертикальное положение и, оттолкнувшись, всплыть к свету. Не выпуская из руки мешок, он подплыл к краю бассейна. Тот возвышался над водой всего на

несколько дюймов, и потому Кикахе не составило труда выволочь свое тело на каменный пол.

— Черт! — выругался он вслух.

Голос его эхом отдался от стен. Посидев немного и переведя дух, Кикаха встал. Свет исходил из невидимого источника — впрочем, разве этого могло его удивить?

В стенах зияло три входа в туннели. Кикаха развязал мешок и вытряхнул на пол почти все его содержимое. Натянув прямо на мокрое тело обтягивающие жокейские шорты и рубаху с длинными рукавами, он вытер ноги коротким кильтом и надел его, а потом носки и теннисные туфли. Не мешкая застегнул ремень, сунул лучемет в кобуру, нож — в ножны и крепко привязал к поясу мешок.

— Пока все довольно забавно,— произнес он, оглядываясь.

Только вот неуверенность по поводу судьбы Ананы никак не попадала в разряд забавных. Тоан, этот чертов сукин сын, зажег на мгновение радость в сердце Кикахи, сказав о том, что Анана жива,— и тут же потушил ее, как свечу, прибавив, что, возможно, он лжет. Прибавил, конечно же, с одной только целью: чтобы, выполняя поручение Орка, Кикаха все время мучился от соответствующих мыслей.

Рыжий Орк левша. Означает ли это, что нужно выбрать левый туннель? Или любой из них выведет к цели? Это было бы вполне в духе Владыки.

Кикаха направился в левый туннель, который освещался таким же, не имеющим источника и не дающим тени светом, как и пещера, только еще более сумеречным. Кикаха шагал медленно, настороженно высматривая любые признаки ловушек, хотя, как ему казалось, Рыжий Орк должен был дезактивировать их. Зачем прерывать выполнение задания, когда Кикаха только-только приступил к нему? Даже Рыжий Орк не настолько безумен.

Минут через пятнадцать туннель повернул влево, а еще через десять — вправо. Вскоре проход выпрямился, и, пройдя по нему совсем немного, Кикаха оказал-

ся в ярко освещенной комнате. Оказавшись здесь, он громко захохотал.

Итак, сюда вели все три туннеля, и лишь один выходил из нее. Рыжий Орк специально устроил три выхода из пещеры с бассейном, чтобы тот, кто оказался там, озадачился проблемой выбора.

Каменные стены выглядели монолитными, но где-то в них мог скрываться монитор. Тоан наверняка наблюдает за ним сейчас. И глумливо ухмыляется при этом.

Кикаха пошел быстрее, углубившись в единственный выходящий из комнаты туннель. Здесь, как и в прежнем туннеле, было довольно темно. Милю Кикаха прошел в полумраке, а затем перед открылся прямой отрезок, в конце которого сиял яркий дневной свет. Шагнув наружу, Кикаха оказался на скальном уступе. Скала отвесно поднималась ввысь, гладкая, точно отполированная, и под уступом точно так же отвесно обрывалась вниз. Если прыгнуть в реку, текущую у подножия горы, то придется пролететь как минимум тысячу футов. Каменная стена казалась монолитной, но в какой-то части ее мог находится замаскированный телеприемник. Возможно, тоан наблюдал сейчас за ним, и Кикаха показал невидимому наблюдателю средний палец.

Где же врата?

Через несколько секунд Кикаха почувствовал за спиной теплое дуновение. Обернувшись, он увидел футах в десяти от входа какое-то мерцание. За этой зыбкой завесой смутно виднелись очертания стульев и столов.

— Играй-играй в свои детские игры, Рыжий Орк,— пробормотал Кикаха.

Он направился в туннель, но, сделав несколько шагов, остановился. Перед зыбкой завесой появилась еще одна мерцающая пелена и затмила первую.

— И что теперь?

Через эти врата сбоку смутно виднелся ствол какого-то дерева. Больше Кикахе ничего разглядеть не удалось. Он пожал плечами и, сжимая в руке лучемет, прыгнул сквозь врата.

Его окружали деревья, вдвое превосходящие по величине секвойи. С ветвей многих деревьев свисали растения в красно-зеленую полоску, похожие на испанский бородатый мох. Землю покрывал мягкий толстый ковер из бледно-желтого мха. Лес оглашали переливчатые птичьи трели. Мягкий рассеянный свет и прохладный воздух наполнили душу Кикахи ощущением комфорта.

Он немного подождал: не появится ли кто? Но так никого и не дождавшись, углубился в лес, не зная, да и не слишком беспокоясь о том, выйдет ли он на опушку или, наоборот, забредет в самую чащу. Поскольку Рыжий Орк не дал никаких указаний, Кикаха решил идти куда глаза глядят.

Он все еще размышлял об озадачивающем появлении в туннеле вторых врат, когда из-за гигантского ствола вышел человек. Кикаха остановился, но поскольку он не относился к тем, кто позволяет с легкостью подкрасться к себе из-за спины, то сразу же оглянулся. Никого. Мужчина, ростом примерно с Кикаху, был гол и бос. В длинных прямых черных волосах, завязанных позади хвостом, торчало малиновое перо какой-то крупной птицы, а по щекам разбегались косые параллельные полоски, зеленые, белые и черные. Пенис его обвивала длинная синяя лента, свисающая до середины бедер. Оружия у человека не было, и он поднял вверх раскрытые ладони, демонстрируя мирные намерения.

Кикаха подошел к нему поближе. Голый улыбнулся. Широкие скулы, курносый нос и складки эпикантуса[1] выдавали его принадлежность к монголоидной расе, но глаза были светлыми.

— Приветствую тебя, Кикаха! — поздоровался он с ним по-тоански с ярко выраженным непривычным акцентом, однако слова звучали вполне понятно.

— Привет и тебе, друг! — ответил Кикаха.

---

[1] Эпикантус, или «монгольская складка»,— особая складка у внутреннего уголка глаза монголоидов, в большей или меньшей степени прикрывающая слезный бугорок.

Откуда, черт побери, этому узкоглазому известно его имя?

— Меня зовут Лингваллан,— представился незнакомец.— Оружие тебе не понадобится, но если предпочитаешь ходить с ним, можешь оставить его. Следуй за мной, пожалуйста.

Мужчина повернулся и зашагал в том же направлении, в каком шел до сих пор Кикаха.

— Что это за мир? — спросил, догнав его, Кикаха — И где мы собственно в нем находимся? Куда мы идем? И кто тебя прислал?

— Наберись терпения, скоро ты получишь ответы на все вопросы.

Что ж, если этот малый заманивал его в засаду, то делал это довольно необычным способом. Хотя и вполне эффективным — его «гость» был слишком любопытен, чтобы отвергнуть такое приглашение. А кроме того, чутье подсказывало Кикахе, что никакая опасность ему не угрожает. Правда, предчувствия подчас подводили его.

В ходе этой прогулки длиной в несколько миль, Кикаха лишь однажды нарушил молчание.

— Ты знаешь о Рыжем Орке? — поинтересовался он.

— Нет,— ответил Лингваллан.

Они миновали стадо каких-то оленеобразных животных, щипавших растения, похожие на мхи. Животные подняли головы, глянули на них и вернулись к своему занятию. Через какое-то время путники прошли мимо молодой обнаженной парочки — юноши и девушки, которые сидели, прислонясь спинами к стволу. На животе у девушки, между пупком и волосами на лобке, был нарисован зеленый треугольник. Юношу украшала длинная оранжевая лента, обмотанная вокруг пениса. Парень играл на примитивной разновидности флейты; девушка аккомпанировала ему, дуя в деревянный резной инструмент гораздо более низкого тона. Какой бы там мотив они не наигрывали, он явно считался веселым — а также и эротическим, если судить по эрекции у юноши.

Кикаха сунул лучемет в кобуру. Вскоре послышались громкие пронзительные голоса и смех играющих детей. А миг спустя они вышли на очень широкую поляну, в центре которой возвышалось дерево размером с три секвойи. Крона его кишела мелкими птицами и красномордыми обезьянками. Вокруг дерева девятью концентрическими кольцами располагались округлые хижины с коническими крышами из ветвей и листьев растений, похожих на пальмы. Кикаха поискал глазами огороды, обычные для подобных земных поселений, но не увидел ничего похожего. Здесь также не роились насекомые — непременный атрибут подобных деревень на Земле.

Когда Кикаха с Лингвалланом вышли из леса на поляну, освещенную солнечными лучами через просветы меж верхушек деревьев, там сразу воцарилась тишина. Длилась она всего несколько секунд. Затем взрослые и дети бросились вперед и окружили их. Многие протягивали руки и касались Кикахи. Он терпел, поскольку их прикосновения явно не были враждебными.

Лингваллан провел Кикаху через проход, образованный домами, стоявшими чуть подальше друг от друга, чем прочие. Возле внутреннего круга толпа остановилась, хотя и продолжала оживленно делиться впечатлениями.

Кикаха заметил прорубленные в стволе бробдингнегского дерева окна и большие арочные входы у его подножия. В арке напротив него стояла великанша семи футов росту, всю одежду которой составляли лишь искрящееся ожерелье да зеленая набедренная повязка. Сбоку в волосах у нее красовался громадный красный цветок. В руке великанша держала длинный деревянный посох с вырезанными на нем змеями, которые, казалось, как живые ползли вверх.

Кикаха почувствовал жар в своих чреслах. От этой женщины, казалось, исходили почти зримые лучи. Ни один мужчина не посмел бы приставать к ней без разрешения. Поистине, она не только выглядела как богиня — ее окружала невидимая божественная аура.

На позолоченном солнцем лице сияли зеленые, словно листья, глаза «По цвету точь-в-точь как мои,— подумал Кикаха,— хотя моей привлекательности до ее красоты как до неба».

Лингваллан выбежал вперед и опустился на одно колено у ног великанши. Она что-то сказала ему, он встал и направился обратно к Кикахе.

— Манату Ворцион повелевает тебе подойти к ней. Она говорит, что не ждет от тебя земных поклонов.

— Манату Ворцион! — прошептал Кикаха.— Мне следовало догадался.

Почти всех Владык, встречавшихся ему до сих пор, Кикаха считал воплощением зла. На самом деле, ни для кого не тайна, что они были всего лишь людьми, хотя настойчиво подчеркивали превосходство своей расы перед расой гомо сапиенс как по своей природе, так и по положению. И они жестоко эксплуатировали своих подданных — леблаббиев.

Но Манату Ворцион, как довелось слышать Кикахе, была исключением. Сотворив себе вселенную и заселив ее искусственно созданными людьми, она посвятила себя заботам о них, стараясь быть доброй и понимающей правительницей. Поговаривали будто леблаббии ее мира являлись самым счастливым народом среди тысяч и тысяч вселенных. Кикаха не верил этому, поскольку все встречавшиеся ему Владыки, за исключением Вольфа и Ананы, были надменными, самовлюбленными и столь же кровожадными, как Чингисхан, Шака[1] или Гитлер.

Кикаха подошел к Манату Ворцион. И вдруг, несмотря на свою твердую решимость никогда ни перед кем не склонять голову, будь то мужчина или женщина, опустился на одно колено. Он ничего не мог с собой поделать; его переполняло ощущение божественности, исходившей от великанши. Тщетно разум твердил ему, что по рождению она не более богиня, чем он сам.

---

[1] Шака, или Чака (1787?–1828),— основатель зулусского королевства в Юго-Восточной Африке.

Только теперь, оказавшись рядом с женщиной, Кикаха заметил, что ее ожерелье сделано из связанных вместе живых насекомых типа светлячков.

Он вздрогнул, когда прямо у него за спиной раздался громкий голос Лингваллана:

— Манату Ворцион! Великая Матерь! Владычица наша! Прародительница всего сущего! Позволь представить тебе Кикаху!

— Встань, Кикаха, человек разносторонних талантов и безмерной хитрости, не знающий поражений! — велела Манату Ворцион.

От ее мелодичного и мощного голоса по спине у Кикахи побежали мурашки.

— Войди в сей дом как гость!

Внутри дерева оказалось великое множество комнат и винтовых лестниц. Следуя по пятам за Лингваллаком, он поднялся по одной из таких лестниц. Освещались помещения в дереве исключительно солнечным светом, по крайней мере днем, но какие устройства проводили сюда свет, Кикаха не понял. Мебель в комнатах, которую он увидел, следуя мимо арочных проемов без дверей, тоже была вырезана из дерева и словно вырастала из пола. Каждую комнату украшали толстые ковры, живописные полотна, скульптуры и фонтаны.

Но Кикахе слишком не терпелось узнать, зачем Манату Ворцион понадобилось приглашать его сюда, и потому он не стал терять время на разглядывание произведений искусства. Попав в отведенную ему комнату, Кикаха принял душ, стоя под водопадом, сбегавшим вдоль стены и пропадавшим во множестве дырочек в полу. Когда он вышел из-под душа, его насухо вытерла молодая женщина, вполне способная на Земле выиграть конкурс на звание «мисс Америка», а затем подала ему пару сандалий.

Обувшись, Кикаха спустился по полированной лестнице. Внизу его встретил Лингваллан и провел в трапезную — большую комнату, устланную мягким ковром, но совершенно без мебели. Правительница этой вселенной сидела на ковре, скрестив ноги, а рядом с

ней — двое рослых очень красивых мужчин и две женщины им под стать. Манату Ворцион представила их гостю, а затем сказала:

— Я делю с ними ложе.

«Со всеми сразу?» — подумал Кикаха.

— Они также мои любовники,— добавила Манату Ворцион.— Как ты знаешь, или должен знать, есть большая разница между любовниками и теми, с кем просто делишь ложе.

Слуги вместе с Лингвалланом, бывшим, по-видимому, кем-то вроде старшего дворецкого, внесли блюда с различными фруктами и овощами, в том числе незнакомыми Кикахе, а также жареной свининой, олениной и дичью. Откусив кусок бутерброда, намазанного толстым слоем какого-то джема, Кикаха выпучил глаза, ощущая, как все тело задрожало в экстазе.

Бокалы, выточенные из морских раковин, содержали четыре разных напитка. В одном была вода; в другом — легкое и очень приятное на вкус вино; в третьем — разбавленное виски; в четвертом оказался напиток, какого Кикахе пробовать еще не доводилось.

Он ел и пил ровно столько, сколько требовалось, чтобы чувствовать себя сытым, хотя на мясо не налегал, желая оставить место для еще одного бутерброда со столь замечательным джемом. Заметив его сдержанность, Манату Ворцион одобрительно кивнула. Правда же состояла в том, что Кикахе хотелось не набить желудок, а расслабиться. Но подобное было явно неуместно.

Вот что вполне уместно, так это прекратить светскую беседу и попросить у хозяйки ответа на кое-какие вопросы. Но Великая Матерь, похоже, не спешила, чего и следовало ожидать от женщины, прожившей более тридцати тысяч лет.

После обеда все вышли на поляну посмотреть праздник, устроенный в честь гостя. Танцы были живописны и шумны, а песни полны упоминаний мифов и легенд, о которых Кикаха ничего не знал. Лингваллан, стоя рядом с ним, пытался пояснить гостю их

суть, но вскоре сдался, не в силах перекричать толпу. Впрочем, мифы Кикаху не волновали. Ему хотелось добыть сведения о своем затруднительном положении у той, кому полагалось знать все.

Уставший, немного раздраженный, хотя и несколько возбужденный, Кикаха улегся спать в отведенной ему комнате. Целый час он проворочался с боку на бок на лежавших на полу толстых одеялах, прежде чем заснул. Но его почти сразу разбудило сновидение: Кикаха словно наяву увидел лицо Ананы — грустный и печальный лик, появившийся из серых и угрожающих туч.

На следующее утро, приняв душ и проделав все необходимые, но отнимающие время процедуры, Кикаха спустился по лестнице и вышел наружу. Завтрак ждал его на столе у арки. Великанша не появлялась; а Лингваллан устроил Кикахе экскурсию по деревне, показывая все достопримечательности, а также объясняя их историю и значение.

Рассеянно слушая гида, Кикаха уяснил для себя, кто такая Манату Ворцион. Эта Владыка была благожелательным деспотом, то есть единолично выбирала для своих леблаббиев окружающую среду и общественный строй.

Почти всю сушу на планете занимали джунгли, леса, многочисленные реки и озера. Пустынь здесь не существовало вовсе, хотя невысоких горных хребтов хватало с избытком. Охота, рыбная ловля и поиски растительной пищи занимали у туземцев несколько часов в день. Сельское хозяйство ограничивалось разведением небольших садов и огородов. Свободное время посвящалось беседам (местные леблаббии были очень болтливы), воспитанию молодежи, искусствам, спортивным состязаниям и совокуплению. Последнее занятие представляло собой публичную игру, поэтому мужчины-победители носили на членах разноцветные ленточки, а женщинам рисовали на животе треугольники. Голубые, зеленые и оранжевые знаки отличия обозначали первое, второе и третье место в этих очень популярных соревнованиях.

Женщины и мужчины обладали равными правами. Войн между различными племенами здесь не бывало — вместо них проводились азартные и подчас очень грубые спортивные игры, в которых участвовали и мужчины и женщины.

Если верить Лингваллану, подданные Манату Ворцион были настолько счастливы, насколько вообще могут быть счастливы люди.

Кикаха, проживший немало лет среди первобытных племен, знал, что безопасное и сплоченное племенное существование требовало от людей почти абсолютного подчинения. Инакомыслящие представляли собой угрозу сообществу, и с бунтарями обычно поступали очень строго. Если бунтовщик не смирялся и после строгого порицания, а потом бойкота, то его изгоняли или убивали. Как правило, непокорные предпочитали изгнанию смерть. Жизнь вне племенного сообщества была невыносима для его членов.

Кикаха спросил об этом Лингваллана, но ответ никак не был связан с вопросом.

— Взрывчатые вещества и огнестрельное оружие у нас запрещены, равно как не создают и двигателей, нуждающихся в топливе. Манату Ворцион говорит, что железные предметы, за исключением произведений искусства, отравляют землю, воздух и воду. Она рассказывала нам, что творится на твоей родной планете, Земле-один.— Он пожал плечами и добавил: — Да мы этого и не хотим, а если и хотели бы, она бы не позволила.

— Но ведь вашей планете никак не грозит перенаселение,— заметил Кикаха,— Все тоаны ограничивают рождаемость во всех вселенных, за исключением Земли-один и два. К примеру, Джадавин, бывший когда-то Владыкой Многоярусного мира, сократил прирост населения среди своих подданных очень просто — растворил во всех водах некое химическое вещество, частично препятствующее зачатию.

— Я ничего не знаю ни о нем, ни о других Владыках,— Лингваллан покачал головой,— но наша мудрая Владычица создала наши тела такими, что мы редко способны к зачатию.

— Неужели у вас нет ни убийств, ни краж, ни ненависти между соседями, ни сексуальных преступлений?

— Все бывает. Великая Матерь говорит, что поскольку мы люди, то это неизбежно. Но споры улаживают племенные советы, а оспаривать их решения можно, лишь обратившись к самой Манату Ворцион. Очень трудно остаться незамеченным, если ты кого-нибудь убил. Да и редко у нас такое случается. Что же касается сексуальных преступлений, то они у нас тоже редки. За совращение ребенка до двенадцати лет полагается смертная казнь. Люди старше двенадцати могут совокупляться только по взаимному согласию.— Он некоторое время молчал, очевидно вспоминая, а потом продолжил: — Жестокое обращение с ребенком, причинение ему физических, психических или эмоциональных страданий, карается смертью или изгнанием. Но я никогда ни о чем подобном не слышал. Дети — самое ценное, что у нас есть.

Кикаха не стал интересоваться у своего гида, не возмущает ли его постоянный диктат Великой Матери. Ничего, кроме сомнений насчет вменяемости гостя, такой вопрос у Лингваллана вызвать не мог.

— Стало быть, все счастливы? — хмыкнул Кикаха.— А кругом сплошная благодать?

— Да разве где-нибудь в этом мире или любых других бывает одна лишь благодать? — пожал плечами Лингваллан.

Кикаха понял лишь одно: если он останется здесь надолго, то ему грозит смерть от скуки.

Манату Ворцион встретила его у главного входа в дерево:

— А теперь мы поговорим о Рыжем Орке, о тебе и обо мне. Нам есть о чем побеседовать.

Она провела Кикаху по главной лестнице на шестой этаж и дальше, в просторную комнату, на одной из стен которых висело зеркало футов в двадцать высотой. Внимание Кикахи привлек стол, на котором стояли серебряный кувшин и три серебряных кубка, украшенных горельефами людей и животных. Кикаха

едва сдержал возглас удивления — один из горельефов представлял собой изображение чешуйчатого человека.

Манату Ворцион пригласила гостя сесть на один из двух имевшихся в комнате стульев.

— Вход в эту комнату под запретом для всех, кроме меня и моих гостей. Нас никто не потревожит.— Владычица наполнила два кубка зеленоватой жидкостью.— Тебе хочется спросить меня, зачем и как именно ты попал сюда из мира Рыжего Орка.

Кикаха кивнул и пригубил напиток. На вкус... он мог описать его только одним способом: похоже на сжиженные лучи солнца, луны и звезд. Сердце у Кикахи забилось чаще; голова, казалось, слегка увеличилась в размерах; по телу разлилось приятное тепло.

— Только не пей слишком быстро,— предупредила Манату Ворцион.

Ее громадные, круглые и упругие груди по другую сторону стола вызывали у него странное чувство. Отчасти сексуальное, а отчасти... какое? Он невольно представлял себя зародышем в материнской утробе, и околоплодные воды качали его, навевая сны без слов. Нет, без всякого понятия о словах. Кикаха просто думал — не только без речи, но и без образов. Он стал бессловесным созданием, и в мозгу у него тоже отсутствовали какие-либо образы. Его несли и качали волны чистых эмоций. Он чувствовал себя сытым, довольным, ему было уютно и покойно, и он не хотел покидать этот надежный безопасный мир. Здесь был рай, а снаружи — ад.

Чувство это быстро прошло. Околоплодный океан вдруг с глухим ревом обмелел, точно во чреве открылась дыра, и устремился водопадом наружу. Кикаху охватила паника, а через мгновение он снова стал тем, кем был секунду назад. Помотав головой, Кикаха мысленно поклялся, что не прикоснется больше к зеленому напитку. По крайней мере, в этой комнате и в присутствии Манату Ворцион.

Владычица улыбнулась, точно знала о его мгновенном переходе из одного состояния в другое.

— Я очень давно наблюдаю за Рыжим Орком и знаю его планы,— сказала она.— За тобой, кстати, тоже. И мне довольно много известно о том, что творится в других вселенных — Не оборачиваясь, она ткнула через плечо большим пальцем в сторону серебряного зеркала на стене.— С его помощью я наблюдаю за людьми и событиями в других мирах. Зеркало соединено с вратами, созданными другими Владыками, а также с теми вратами, которые я сама установила среди стен между вселенными. Передачи не всегда качественные, и у меня нередко бывают трудности с сохранением настройки на частоту врат. Но я все же могу постоянно следить за определенными ключевыми мирами. Так сказать, держу палец на пульсе многих вселенных. Мои подданные считают это зеркало волшебным.

Кикаха хотел спросить, досталось ли ей зеркало в наследство от предков или она смастерила его сама. Анана много чего порассказала ему о Манату Ворцион — в том числе и о том, что она единственный оставшийся среди Владык ученый, за исключением, может быть, Рыжего Орка. Но, так или иначе, зеркало принадлежало ей, а остальное сейчас не имело значения.

— Я слыхала о тебе и время от времени видела тебя,— продолжала Владычица,— но до недавнего времени, когда ты показывался в глиндглассе,— она махнула рукой в сторону мнимого зеркала,— я не ставила ловушек, чтобы переправить тебя в свой мир. Тогда у меня не было на то никаких веских оснований. Но как только они появились, я устроила новые ловушки — а это не так-то просто сделать, пользуясь дистанционным управлением,— надеясь когда-нибудь поймать тебя. Кроме того, я поставила на врата сигнализационные системы, чтобы звонок оповестил меня, когда ты пройдешь через них один.

— Но как детекторы распознали меня? — спросил Кикаха.

— Кожа каждого существа имеет неповторимое по графике электрическое поле. Глиндглассa улавливает

поля и заодно регистрирует массу индивида. В нее встроен визуальный детектор, но я пользуюсь им нечасто. Итак, я ввела в компьютер твое физическое описание, полученное из других источников. В нем хранятся данные обо всех существах, попадавших в поле зрения глиндглассы. Когда машина наконец обнаружила тебя, то передала аудиовизуальное уведомление вместе с твоим изображением и частотным полем.

С той минуты все ловушки были настроены замечать тебя, когда ты окажешься в зоне действия глиндглассы, и перебрасывать сюда. Правда, вероятность поймать тебя была очень низкой, ибо существуют тысячи, а возможно, сотни тысяч врат, а подключиться я могла лишь к тысяче.

— Почему ты не поймала заодно и Рыжего Орка?

— По-моему, он не знает, что мне хотелось бы это сделать. Но он догадывается о существовании такого устройства, как глиндгласса, и, очевидно, носит при себе прибор, поглощающий частоты его поля.

— Но разве отсутствие поля одновременно с обнаружением массы не выдаст Рыжего Орка? И как насчет того визуального детектора?

— Да, ты не всего лишь хитрый, но простоватый убийца Владык,— улыбнулась Манату Ворцион,— Во-первых, поле визуального наблюдения часто отклоняется от поля приемопередатчика. А во-вторых, Рыжий Орк ни разу не попался ни в одну из моих ловушек. Может, у него есть нейтрализатор визуального детектора и фальшивый массоизлучатель. Не ты один такой хитрец.

— А почему ты переместила меня в лес, а не сразу в свое дерево?

— Тебе нужно было время, чтобы привыкнуть к моей вселенной и убедиться в мирных намерениях Лингваллана. Кто знает, что случилось бы, попади ты сразу в толпу незнакомцев? Ты очень проворный. И мог пустить в ход лучемет, не разобравшись в ситуации.

— Только не я.

— Самоуверенности тебе не занимать. Это неплохо для личности — до определенного момента.

Кикаха не поверил объяснениям Владычицы. Истина, вероятно, заключалась в том, что она была очень осторожна и просто не хотела устанавливать врата поблизости от своего дерева. Человек, прошедший через врата, мог иметь при себе бомбу или какое-то иное очень разрушительное оружие.

— Сейчас не время для несущественных вопросов,— сказала Манату Ворцион.— Но я все же отвечу на один, который ты наверняка хочешь задать. Почему я не перебрасываю сюда всех, кто попался в мои ловушки? Ведь среди них мог оказаться и Рыжий Орк. Я долго именно так и поступала — пять столетий, если быть точной. И отказалась от этого способа, как только поняла, что он способен каким-то образом их избежать.

Итак, попридержи язык и слушай, пока я не позволю тебе говорить.

10

Манату Ворцион давно уже знала о Рыжем Орке, о его войнах с родным отцом, Лосом, а после убийства отца и с другими Владыками.

— И о тебе я тоже слыхала, Кикаха. Многие Владыки боятся тебя. Они отождествляют тебя с тем самым леблаббием, который, согласно древнему пророчеству, уничтожит всех Владык. Пророчества — это, конечно, чушь, если они вдруг не начинают сбываться. Несмотря на свое могущество, Владыки суеверны.

Пока что Рыжий Орк не пытался вторгаться во вселенную Манату Ворцион. В ее распоряжении имелось слишком много древнего оружия, чтобы он осмелился напасть, даже вдохновленный расправой со всеми остальными Владыками.

— Так мне казалось до недавнего времени,— уточнила Владычица.— Но теперь у него появился рог Шамбаримена. Это может придать ему смелости для

попытки вторжения в мой мир. К тому же шпионы доносят, что Рыжий Орк снова пытается проникнуть в мир Зазеля, хотя отказался от этой идеи несколько тысячелетий назад. С помощью Рога он, возможно, преуспеет. Говорят, ему известно, что там спрятана последняя из древних машин творения-разрушения. Рыжий Орк, как свидетельствуют мои шпионы, не раз заявлял, что уничтожит все вселенные, кроме одной, если только ему удастся заполучить в свои руки такую машину.

«А! — подумал Кикаха.— Так вот в чем дело! Рыжий Орк говорил мне только, что хочет завладеть в Пещерном мире «определенной информацией». Значит, информация эта касается машины творения-разрушения, что бы та собой ни представляла».

— Прости, что прерываю, Великая Матерь,— осмелился перебить ее Кикаха,— но, слыша такое, я просто не в силах промолчать. Твои данные не совсем точны. Машины там нет. Однако имеется информация о том, как ее построить. Рыжий Орк сам сказал мне об этом. Я имею в виду, он ведь мог с таким же успехом сказать мне, будто хочет найти данные, планы, схемы — не знаю чего еще. Но судя по сказанному тобой, уверен — самой машины там нет.

Владычица приподняла густые черные брови.

— Вот как? Он ведь Владыка всех лжецов — и мог сказать тебе и неправду.

— По его мнению, я не мог сбежать от него и обязательно вернусь обратно. Вот потому он и был достаточно откровенен. Он действительно завзятый лгун, хотя не мне упрекать его в этом, поскольку я и сам не раз прибегал к неправде. Однако в данном случае у него не было причины лгать.

Манату Ворцион помолчала с полминуты.

— Наверное, лучше сначала мне выслушать тебя,— проговорила она наконец.— Расскажи мне, как ты, землянин, попал в Многоярусный мир? Я уже слышала твою историю, но слухи не всегда бывают правдивы. Расскажи мне свою историю от начала до нынешнего момента, но постарайся быть краток.

* * *

Когда Кикаха описал чешуйчатого человека, то великанша ахнула.

— Токина! — воскликнула она.

— В чем дело?

— Продолжай. Позже расскажу. Что случилось после того, как ты впервые увидел его?

Кикаха рассказал, как чешуйчатый человек, которого они с Ананой считали мертвым, зашевелился в то самое мгновение, когда они покидали гробницу.

Великанша вскочила и принялась быстро расхаживать взад-вперед. Даже богини порой теряют самообладание, подумал Кикаха.

— Токина! Токина! — бормотала великанша.— Не может этого быть!

— Это почему же?

Владычица стремительно повернулась лицом к Кикахе:

— Потому что он всего лишь персонаж легенды, рожденной первобытными страхами и воображением! В детстве родители и домашние рабы рассказывали мне сказки о них. Токина считались негуманоидными предшественниками тоанов. По другим преданиям, они создали первых тоанов и поработили их. Потом тоаны восстали и убили всех токина, кроме одного. Тот единственный уцелевший токина сбежал, если верить преданию, в какую-то неведомую вселенную и погрузил себя в своего рода анабиоз. Но легенда — кстати, мне, девочке, она казалась очень страшной — гласила, что однажды, когда настанет время, он восстанет ото сна, присоединится к злейшему врагу тоанов и поможет ему перебить их всех. И тем злейшим врагом будет леблаббий. Та легенда описывала, как токина убьет последнего тоана и станет Владыкой всех миров.

Но в другом предании говорилось, что он присоединится к леблаббиям и поможет им свергнуть Владык. Из этих легенд получались отличные страшные сказ-

ки для детишек. Но чтобы токина и в самом деле мог существовать... чтобы он... чтобы...

— Я не лгу,— сказал Кикаха.— И меня очень заинтересовало изображение чешуйчатого человека, которое я увидел на кубке во время пира.

— Если токина восстал ото сна и где-то там находится, то что он намерен предпринять?

— Сейчас нам известно лишь одно: токина не выдумка. И невозможно узнать, будет ли он настроен враждебно или дружелюбно.

Манату Ворцион наконец села, склонилась к нему и крепко сжала ему запястье. Кикаха скривился от боли. Ему определенно не хотелось бы связываться с ней, во всяком случае — в рукопашной схватке!

— Пока у нас не появятся более точные сведения о чешуйчатом человеке, он опасен. Скажи мне: ты рассказал о нем Рыжему Орку?

— Нет. Я никогда бы не стал рассказывать ему ничего такого, чем он мог воспользоваться.

Великанша ослабила хватку. Кикахе очень хотелось помассировать свое запястье, но он не собирался демонстрировать кому бы то ни было, даже богине, что ее хватка способна своей мощью причинить ему боль.

— Хорошо,— сказала она.— У нас есть это преимущество. Другое же состоит в том, что Рыжий Орк не знает, где ты находишься. Теперь, когда ты снова отправишься в Пещерный мир...

Дважды богинь перебивать не принято, но Кикаха все же решился:

— Снова отправлюсь в Пещерный мир?

— Конечно. Я думала, что это само собой разумеется. Ты ведь дал ему слово добраться туда, не так ли?

— Не важно, давал я его или нет. Рыжий Орк знал, что я вернусь к нему, поскольку, по его словам, Ана-на, возможно, жива и находится у него в плену. Я сильно сомневаюсь, что ей удалось пережить то внезапное наводнение. Но не могу отказаться даже от малейшей надежды на ее спасение.

— Ты еще не закончил свою историю.

Кикаха завершил рассказ на том моменте, когда он прыгнул в ловушку, поставленную великаншей перед вратами тоана.

— Ты необыкновенный человек,— сказала Владычица,— хотя и везло тебе тоже больше, чем кому-либо. Везение это может скоро иссякнуть. Впрочем, опять же...

Они поговорили и на иные темы. Кикаха потягивал напиток. К концу разговора он почувствовал особый прилив вдохновения и надежды, даром что нехваткой оптимизма никогда не страдал. Богиня встала и посмотрела на него сверху вниз, не скрывая нежности. А он ощущал к ней нечто большее, чем симпатию.

— Значит, договорились. Ты продолжишь поиски мира Зазеля. При этом у тебя будет преимущество, поскольку мне известны врата, о которых, по-моему, никто больше не подозревает. Сил у меня немало, но выполнение нашего плана потребует поистине колоссальных усилий. Я постараюсь держать тебя в зоне действия глиндглассы, хотя и не совсем уверена, что смогу этого добиться. Ты проведешь здесь еще несколько дней, отдыхая, упражняясь и обсуждая со мной подробности нашего плана. Ты выглядишь усталым. Иди и выспись как следует — встанешь, когда захочется.

— Порой я встаю, когда мне этого вовсе не хочется.

— Если я не ошибаюсь, ты намекаешь на нечто большее, чем подразумевают твои слова,— улыбнулась великанша.

— У меня обычно всегда так.

— Для леблаббия ты очень дерзок.

— А вот насчет того, что я леблаббий, есть как раз некоторые сомнения. Возможно, я наполовину тоан, но отнюдь не горю желанием выяснить, так ли это.

— Мы поговорим... как-нибудь в другой раз. А теперь можешь идти.

«Она действительно ставит меня на место,— подумал Кикаха.— А, ладно, это же не я болтал, а спиртное. Или нет?»

Перед внутренним взором Кикахи проплыло светлое лицо Ананы. На какой-то миг он почувствовал себя так, словно вот-вот расплачется.

Манату Ворцион потрепала его по плечу.

— Горе — это цена, которую платишь за полноту жизни.— Она помолчала и добавила: — Некоторым во время печали помогает снотворное. Но я знаю кое-какие средства, способные унять горе.

Больше великанша ничего не сказала. Кикаха поднялся к себе в комнату и приготовился ко сну. Но когда он лег, то уснуть ему удалось далеко не сразу.

Кикаха проснулся как от толчка и сунул руку под подушку за лучеметом. Шум? Тихий голос? Его ведь что-то разбудило. Тем временем лучемет, который он держал под подушкой, оказался у него в руке. И тут Кикаха увидел освещенную сумеречным светом высокую женскую фигуру. Манату Ворцион! В воздухе разливался слабый аромат. Видимо, он-то и разбудил Кикаху; нос его тоже караулил, не зная отдыха. Аромат был мускусный, но совсем не походил на духи из бутылочки. В нем чудились потоки воды, жаркие лихорадочные испарения, курящиеся над болотом,— образ странный, но вполне уместный. Такой запах исходил от возбужденной женской плоти, хотя и казался сильней, чем обычно.

Фигура медленно приблизилась к нему.

— Положи лучемет, Кикаха.

Он бросил оружие на пол и ждал. Сердце у него стучало, точно жеребец, бьющий копытами в дверь стойла. Женщина опустилась на колени, а затем улеглась на бок рядом с Кикахой. Жар ее тела обжигал, словно волна душного воздуха из распахнутой дверцы топки.

— Вот уже восемьдесят лет я не рожала детей,— прошептала она.— С тех самых пор я не встречала мужчины, чье дитя мне хотелось бы носить под сердцем, хотя я делила ложе со многими превосходными любовниками. Но ты, Кикаха, человек безмерной хитрости, человек, который никогда не теряется, герой многих приключений, ты подаришь мне ребенка, которо-

го я буду любить и лелеять. И я знаю, что вызвала в тебе сильную страсть. Больше того — ты один из очень немногих мужчин, не испугавшихся меня.

Кикаха не был в этом уверен. Но он почти всю жизнь преодолевал страх, а потому задавит и этот, кстати, не такой уж большой.

Он подумал об Анане, хотя отток крови от мозга к другим, не связанным с мыслительными процессами, органам сделал ее образ несколько туманным. Если она умерла, значит, нет препятствия, преграждающего ему путь к другим женщинам. Но он не знал, умерла ли она, а они с Ананой поклялись в верности друг другу. И сдержат клятву, если только жизнь не разлучит их надолго или же обстоятельства не вынудят ее нарушить. Как поступать в таких случаях — каждому или каждой предоставлялось оправдываться перед самим собой.

Женщина нашла губами его губы, и правая грудь Матери Земли, сама по себе планета, легла ему на живот.

«Я в ее власти,— подумал Кикаха.— От нее зависит, поможет ли она мне в сражении с Рыжим Орком. На чашах весов судьбы целых вселенных. Если я скажу ей «нет», то, возможно, смещу равновесие в пользу Рыжего Орка. Нет, это чушь — хотя она тогда будет помогать мне далеко не с таким энтузиазмом. К тому же гостю не пристало обижать хозяйку. Воспитанные люди так себя не ведут. Но самое главное, я хочу этого».

— Мне и правда очень жаль, Великая Матерь,— вздохнул он,— но мы с Ананой поклялись в верности друг другу. Как бы сильно я тебя ни желал — а сильнее я желал только Анану,— я этого не сделаю.

Женщина заметно напряглась, а затем встала.

— Я уважаю твой обет, Кикаха,— сказала она, глядя на него.— Хотя даже при таком тусклом свете ясно видно, что я отнюдь не безразлична тебе.

— Тело не всегда послушно велениям разума.

— Ты хорошо изучил тоанские поговорки,— рассмеялась она.— Я восхищаюсь тобой, Кикаха. Вер-

ность — редкая черта, особенно когда в роли искусительницы выступает сама Манату Ворцион.

— Это правда. Пожалуйста, оставь меня, пока воля моя не совсем ослабела.

* * *

Три дня спустя Кикаха с Манату Ворцион стояли перед серебряным экраном глиндглассы. Кикаха был полностью одет и хорошо вооружен. В рюкзаке у него лежали запасы еды, воды и лекарств. А в голове теснились советы Великой Матери.

Владычица склонилась к самой глиндглассе и прошептала кодовое слово. Поверхность зеркала тут же замерцала и чуть раздвинулась, а потом чуть сжалась. Кикаха вглядывался в нее, но ничего не видел.

Манату Ворцион повернулась, обняла Кикаху, прижала к своей груди и поцеловала в лоб.

— Я буду скучать по тебе, Кикаха,— тихо сказала она.— Да сопутствует тебе удача. Я постараюсь наблюдать за тобой, сколько смогу.

— Встреча с тобой была не только волнующей,— ответил Кикаха,— но и очень поучительной. К тому же ты оказала мне великую честь.

Она выпустила его из объятий. Кикаха шагнул к вратам. Манату Ворцион легонько коснулась его шеи и провела кончиком пальца вдоль позвоночника. Кикаху бросило в дрожь. Ощущение было такое, точно богиня благословила его.

— Если кому-то под силу остановить Рыжего Орка, так только тебе,— сказала она.

Она действительно так думает? Хотя... Это не имело значения. Он всей душой был с ней согласен. Однако даже всех его сил могло не хватить.

Кикаха шагнул сквозь колышущуюся завесу.

11

Несмотря на то что великанша обещала Кикахе отсутствие опасностей во время первого перехода, он

приготовился к встрече с неожиданным. И потому стоял напружинившись, с лучеметом в руке, когда его внезапно окружила тьма. Следуя наставлениям Манату Ворцион, он сделал три шага вперед, и яркий солнечный свет ударил в глаза. Перед ним простиралась открытая равнина — все было так, как рассказывала Великая Матерь. Кикаха огляделся и сунул оружие в кобуру.

Небо казалось одним сплошным северным сиянием из смещающихся и колышущихся фиолетовых, зеленых, синих, желтых и серых полос. Равнину покрывала высокая желтая трава, кое-где взгляд отмечал небольшие рощи. Далеко впереди паслось большое стадо огромных черных животных. За спиной возвышался валун величиною с дом в форме пирамиды из какого-то гладкого, маслянистого зеленоватого камня.

У Кикахи было пятьдесят секунд на то, чтобы обогнуть валун и таким образом ввести в заблуждение любого врага, которому случится пройти через врата. Кикаха обежал пирамиду и увидел мерцание с обратной стороны. Но ему пришлось остановиться на несколько секунд: перед вратами стояли два длинномордых зверя размером с тигра, с хищными клыками. Они зарычали, но нападать не стали. Что ж, даже Великая Матерь не могла предусмотреть всего.

Снова выхватив лучемет, Кикаха с воплем бросился к ним. Один зверь отскочил назад; другой, припав к земле, изготовился к прыжку. Луч пронзил ему голову, и хищник свалился на бок. Кикаха перемахнул через труп, от которого разило подгорелым мясом, и прыгнул сквозь врата. В ушах раздался громкий рев. Очевидно, второй зверь погнался за ним. Кикаха живо вообразил, как врата исчезают, а животное с разбегу ударяется о внезапно отвердевшую поверхность валуна. Тем не менее зверь врезался ему в спину, и Кикаха не избежал столкновения со стеной.

Когда Кикаха очнулся, то, слепо пошарив вокруг себя, нащупал какую-то липкую жидкость. В ноздри ударил запах не то горностая, не то ласки, смешанный

с запахом крови. Нащупав устройство у себя на запястье, Кикаха нажал кнопку. Вспыхнувший свет на мгновение ослепил его, а потом он увидел, что лежит в небольшой камере, высеченной в зеленоватом камне. Встав на ноги и перешагнув через тело преследовавшего его крупного хищника, Кикаха заметил, что через врата прошла лишь передняя половина туловища зверя.

Кикаха подошел к стене, сквозь которую недавно проник сюда. Остальные стены тоже мерцали знакомым сиянием. Великая Матерь предупредила его, что в них встроены ложные врата с приспособлениями, которые прыснут в любого, кто попробует войти в них, ядом. Выкрикнув кодовое слово, Кикаха прыгнул через безопасные врата, надеясь, что стычка с животными не задержала его слишком долго, и приземлился в металлический ящик площадью в шесть квадратных футов и шести дюймов глубиной. Ящик парил в воздухе на высоте тысячи футов над голой каменной пустыней.

Небо было синее, а свистевший в ушах ветер обдавал холодом. Внизу виднелись простиравшиеся до самого горизонта бесконечные ряды огромных каменных бюстов. Манату Ворцион говорила Кикахе, что он попадет в мир Аратмима Задаваки. Этот Владыка, давным-давно убитый Рыжим Орком, создал планету, четверть которой покрывали миллиарды его бюстов, сделанных из камня или цельных самоцветов.

Снаружи на дне ящика, возле одного из бортов, виднелась чуть выступающая металлическая пластинка. Кикаха распластался на животе, высунул руку за край ящика, нащупал пластинку и нажал на нее. В следующее мгновение, как и предупреждала Великая Матерь, его поглотил кромешный мрак, заполненный очень густой жидкостью. Жидкость давила со всех сторон, заливала ноздри и уши. Кикаху не снабдили кислородной маской, поскольку в этих вратах-ловушке он должен был пробыть совсем недолго. Но если бы сюда попал враг Манату Ворцион, то здесь бы он и распрощался с жизнью. Кикаха протянул вперед

правую руку и начал водить ею вверх-вниз по стене, пока не нащупал округлый выступ. Надавив на него ладонью, он освободился из самой странной ловушки, в какую ему когда-либо доводилось попадать. Ловушка была встроена в массивную скалу на планете Вута, представлявшую собой гибрид живой и неживой материи, аналогичный вирусу. Жидкость медленно вытекала сквозь трещины в камне и капала на землю возле этого гигантского валуна. Из этой лавы рождались — если такое слово уместно для описания столь причудливого процесса — маленькие шарики, плоские снизу.

Туземцы, жившие здесь, поклонялись этой «матери», подбирали ее «детенышей» и устанавливали их в центре своих деревень. Каменные шарики вырастали со временем в камни величиной с «маму». Кроме того, на планете процветала торговля «детенышами». Деревни, имевшие монопольный доступ к источнику, продавали каменных божков другим селениям. Немало войн отгремело на этой планете за право сохранить за собой или, наоборот, захватить источник самого ценного местного товара.

Покрытый с головы до ног тяжелой серой жидкостью, Кикаха стоял не двигаясь, пока та не стекла с тела, разлившись лужей вокруг него, а потом прыгнул на сухое место и зашагал на восток. За долгие тысячелетия Манату Ворцион, исходя из собственный наблюдений и всевозможных слухов и донесений шпионов, составила себе приблизительное представление о том, где на этой планете расположены врата, ведущие в мир Зазеля. Выяснить их точное местонахождение предстояло самому Кикахе, но он знал, в каком направлении надо идти от ее врат.

Добраться до врат было нелегко. Кикаха находился в Нежеланном мире, на планете, столь изобилующей хищниками, птицами, растениями и другими формами жизни, что оставалось только удивляться, как они до сих пор не уничтожили друг друга. Спустя несколько дней, которые он провел обороняясь от местной флоры и фауны, Кикаха проникся некоторым уважением

к способностям Рыжего Орка выживать в самых экстремальных условиях. Так, четыре дня ему пришлось скрываться от существа ростом в пять футов и шириной с городской квартал, медленно текшего по земле и испускавшего смертоносные газы.

Наконец Кикаха поднялся на высокий горный хребет. Внизу виднелась равнина, по которой медленно несла свои воды река, а близ реки — остатки гигантского квадратного гнезда, принадлежавшего неведомым существам. Манату Ворцион не знала, кто они такие. Гнездо было построено из похожего на бетон материала, который существа вырабатывали у себя в желудке, а потом выплевывали, чтобы тот засох.

Именно тут-то Лос и установил врата — единственный всем известный вход в мир Зазеля. Когда Рыжий Орк попал сюда, он расправился со всеми обитателями бетонного гнезда. Не сумев найти врата, он разрушил эту постройку. По его мнению, эти существа выломали врата из ее фундамента и где-то закопали их, так что Рыжий Орк обшарил все окрестности в районе сотни квадратных миль. У него были с собой крайне чувствительные детекторы, способные определить размеры и форму любой металлической массы на глубине сотни футов под землей. Но ни первые, ни последующие поиски врат не дали никаких результатов.

— По правде говоря,— сказала Кикахе Великая Матерь,— мы не можем быть уверены в том, что врата убрали и спрятали именно обитатели бетонного гнезда. Возможно, это сделал кто-то из Владык, хотя такое кажется маловероятным.

Кикаха не стал говорить, что подобная мысль пришла в голову и ему, так как великанша могла, как уже бывало прежде, разозлиться и недвусмысленно поставить его на место. Порой Великая Праматерь становилась просто Большой Бабой.

Пройдя через равнину и спугнув по пути стадо бизоноподобных животных, Кикаха приблизился к развалинам гнезда. Лучемет Рыжего Орка должен был оставить здесь кучу обломков, но на земле они не ва-

лялись. По-видимому, тоан дезинтегрировал обломки и выжег в земле громадную дыру. Сейчас эта яма была до краев заполнена водой.

Кикаха снял рюкзак и положил на землю. Раскрыв его, он вытащил прибор, похожий на длинную сигару, только раза в два больше самой большой сигары, какую ему доводилось когда-либо видеть. К середине верхней части прибора был подсоединен монокулярный цилиндр. Кикаха направил его туда, где когда-то стояло бетонное строение. Глазам его предстали перекрестья и голубое небо. Кикаха медленно водил трубкой взад-вперед, приподнимая ее все выше,— и вдруг увидел короткую яркую вспышку, вроде молнии.

— Будь я проклят! — пробормотал он.— Вон они!

Манату Ворцион объяснила ему, что прибор служит для обнаружения врат или трещин в стене между вселенными. Кикаха и не подозревал о существовании такого инструмента, пока Великая Матерь не вручила ему цилиндр. Прибор этот пережил много тысячелетий и был, насколько знала Манату Ворцион, единственным.

— Говорят, его тоже смастерил Шамбаримен,— добавила она.

— Ты должна быть чертовски уверена во мне,— заметил Кикаха.— А что, если я потеряю детектор или у меня его отнимут?

— Я берегла его на самый крайний случай,— пожала плечами Манату Ворцион.— Сейчас он как раз и наступил.

Значит, врата расположены здесь — вернее, поскольку металлический шестиугольник отсутствует, там находится созданный вратами проход в стене между вселенными. Рыжий Орк не узнал, где он, поскольку такого детектора у тоана не было.

Кикаха отложил детектор в сторону. Чтобы добраться до щели между мирами, ему придется соорудить ряд помостов и лестниц. Ну что ж, леса вокруг достаточно, да и нужные инструменты у него есть.

— Можно приступать к работе,— пробормотал Кикаха.

— Вот спасибо! — раздался громкий голос у него за спиной.

Кикаха резко повернулся, а рука его в тот же миг метнулась к кобуре. В сорока футах от него стоял Рыжий Орк. Он улыбался, целясь из лучемета в Кикаху. Рядом с тоаном находился похожий на блестящую иглу белый аэробот с откинутым кверху фонарем кабины.

— Не вздумай! — предупредил Владыка.

Кикаха убрал руку от кобуры и, повинуясь жесту Рыжего Орка, поднял обе руки над головой. Сердце у него билось так сильно, что, казалось, вот-вот выскочит из груди.

— Как...? — начал было Кикаха и тотчас прикусил язык. Тоан наверняка и без всяких вопросов объяснит, какой он умный.

— А теперь медленно опусти руку, вытащи двумя пальцами лучемет и отбрось подальше,— скомандовал Рыжий Орк.— Потом кинешь мне искатель.

Кикаха подчинился, высматривая в то же время подручных тоана. Ближайшим укрытием для них могла послужить роща в сотне ярдов от него.

— Я знал, что Манату Ворцион утащила тебя к себе,— заявил Владыка.— Ее ловушку я засек уже давно и специально послал тебя через те врата, чтобы она перенесла тебя в свою вселенную. Я знал, что тебя, вероятно, снабдят каким-нибудь устройством для поиска.

У Кикахи вертелось на языке множество вопросов. В частности, ему хотелось спросить, откуда Рыжему Орку было известно, что именно Манату Ворцион перебросит Кикаху в свой мир. Но он не спросил ни о чем. Сейчас важно было лишь одно: что он оказался в самом скверном положении, в какое когда-либо попадал.

— Я не собираюсь убивать тебя сию же минуту,— сообщил Рыжий Орк.— Погоди, пока я не воспользуюсь искателем.

Не отрывая глаз от Кикахи, тоан нагнулся, поднял детектор и тут же выстрелил в Кикаху из лучемета. Должно быть, он установил оружие на слабую мощ-

ность, но луч ударил Кикаху в грудь и сшиб его с ног. В глазах потемнело, дыхание со свистом вырывалось из груди. Кикаха не мог встать, хотя и очень старался. Когда ему наконец удалось набрать в легкие достаточно воздуха и приподняться на локте, он увидел, что Рыжий Орк смотрит в монокуляр. Через секунду тоан отнял прибор от другого глаза и с довольной усмешкой победителя повернулся к Кикахе.

Неожиданно Кикаху ослепила яркая вспышка и оглушил страшный грохот. Затем дым, окружавший Рыжего Орка, развеяло ветром. Владыка лежал на земле, левую кисть и изрядную часть предплечья ему оторвало напрочь, голова и туловище превратились в кровавое месиво.

Кикаха навзничь повалился на траву. Некоторое время он лежал, уставясь в ясное синее небо. До него просто не доходило, что же произошло. И лишь тогда, когда сердцебиение пришло почти в норму, а боль в груди утихла, он наконец оказался в состоянии мыслить здраво.

Боль сменилась гневом — Манату Ворцион предала его. Использовала его как пешку, не волнуясь о том, что его могут изувечить или убить. Ее «детектор» был фальшивкой, спроектированной в качестве приманки для Рыжего Орка. Свет, якобы означавший щель в стене, автоматически вспыхивал в приборе через несколько минут после настройки. И каким-то образом — каким именно, он не знал — как только тоан оказался в зоне досягаемости, прибор сработал как бомба и взорвался. А то, что при этом мог погибнуть и Кикаха, ее не остановило.

Великая Матерь оказалась великой сукой.

— Могла бы по крайней мере предупредить меня,— пробормотал себе под нос Кикаха.

Не сделала она этого, очевидно, потому, что Кикаха, по ее мнению, вел бы себя иначе, знай он истинное предназначение искателя. Если бы Манату Ворцион оказалась здесь, то наверняка объяснила бы, что Рыжий Орк представляет собой такую угрозу, что в борьбе с ним все средства хороши.

«Но не для меня,— подумал Кикаха.— Теперь мне придется убить Манату Ворцион. Специально охотиться на нее я, конечно, не стану, но, если где когда столкнусь с ней на узенькой дорожке, то сдам ей те же девять взяток на мизере, какие она скинула покойнику».

И вдруг его словно обожгло: в череду сменявших друг друга видений, в которых он мстил Великой Матери, внезапно вторглась одна мысль — только Рыжий Орк точно знал, утонула Анана во время наводнения или нет. А теперь Рыжий Орк погиб.

Застонав, Кикаха перевернулся на бок, готовясь встать. И ахнул:

— Боже!

Удар следовал за ударом. Не далее чем в десяти футах от Кикахи стоял Рыжий Орк. Он держал в руке лучемет, нацеленный на противника, и улыбался. За спиной тоана блестел еще один аэробот — точная копия первого.

Кикаха посмотрел туда, где раньше лежал Рыжий Орк — вернее, где он лежал и поныне. Он был трупом. И все-таки здесь стоял живой человек. Голова у Кикахи пошла кругом. Но если мозг его был не в состоянии справиться со стремительным потоком событий, то телу удалось с трудом подняться на ноги. Чуть покачиваясь взад-вперед, Кикаха прохрипел:

— Ты живуч как кошка!

— Не совсем как кошка, но живуч,— подтвердил Рыжий Орк.

Кикаха без слов махнул рукой в сторону трупа.

— Клоны, плоть от плоти моей, гены от генов моих,— пояснил тоан.— Я вырастил их с пеленок и обучил их. Будучи в каком-то смысле мною, они, как и я, обладают врожденным стремлением к власти, и поэтому мне пришлось позаботиться о том, чтобы они не узурпировали мое место. Ни к одному из них я не рискнул бы повернуться спиной. Поскольку они ничуть не глупее меня, хотя и значительно менее опытны и образованны, им предназначалась роль живцов. Четырьмя мне уже пришлось пожертвовать, считая

вместе с этим, но за первых трех я отомстил.— Помолчав, он добавил: — Конечно, возможно, ты сейчас разговариваешь с одним из них, а не с настоящим Рыжим Орком.

— Но как ты попал сюда? Откуда ты узнал, когда я сюда доберусь?

— Не у одной Манату Ворцион есть свои секреты. Расскажи мне, что здесь произошло. Как я понимаю, прибор вовсе не предназначался для распознавания щелей, он просто должен был оторвать мне голову. Так здесь не было ни врат, ни щели, верно?

— Верно.

— Я так и знал,— удовлетворенно кивнул Рыжий Орк.— Я пробовал трубить здесь в рог, и ничего не произошло. Знай я об этом, когда посылал тебя сюда, то велел бы не тратить понапрасну ни свое, ни мое время.— Тоан махнул лучеметом — Шагай к аэроботу.

Кикаха повиновался. Интересно, думал он, где сейчас находится рог Шамбаримена? Вероятно, в аэроботе Владыки. И тут опять случилось то же самое, что произошло, когда Рыжий Орк поймал его у края ущелья. Он почувствовал легкий укол в спину и очнулся — голый, но не связанный — в незнакомой комнате-кубе со сторонами по двадцать футов. Ни мебели, ни ковров, ни окон, ни дверей; в одном углу находилось отверстие, очевидно, для экскрементов, но, судя по виду и по запаху, им пока не пользовались. Прохладный воздух, сочившийся сквозь сопло на стене под самым потолком, приятно овевал нагое тело.

Грудь у Кикахи все еще болела. Опустив взгляд, он обнаружил на груди черно-лиловый синяк пятидюймовой ширины. Но голова была ясной, и он больше не испытывал эмоционального шока, только досаду и ярость.

Чтобы привести в порядок мысли, чувства и мышцы, он сделал настолько энергичную зарядку, насколько позволяла боль в груди. Потом принялся мерить свою темницу шагами, ожидая, когда Рыжий Орк сделает следующий ход. Прошло, должно быть, несколь-

ко часов, прежде чем Кикаха услышал, как у него за спиной кто-то кашлянул. Он вздрогнул и обернулся — перед ним стоял Рыжий Орк или один из его клонов с лучеметом в руке.

— Кругом! — скомандовал тоан.

Кикаха послушно выполнил приказ, и стена перед ним раскрылась, разделившись на верхнюю и нижнюю половинки. Верхняя скользнула в потолок, нижняя — в пол. По команде Владыки Кикаха зашагал вперед по очень широкому коридору с высоченным потолком, без окон и без дверей, потом свернул за угол и пошел дальше по точно такому же коридору, который заканчивался дверью в двенадцать футов высотой, рядом с ней стояли два вооруженных копьями воина. Квадратные стальные шлемы и выпуклые кирасы стражников украшали золотые арабески, а на коротких малиновых кильтах красовались вытканные изображения маленьких зеленых сфинксов. Стражники расступились, держа копья наперевес, готовые в любую минуту проткнуть ими Кикаху. Дверь ушла в стену.

Владыка и его пленник, сопровождаемые стражами, вошли в громадное помещение, заставленное лабораторным оборудованием, по большей части совершенно незнакомым Кикахе, и двинулись дальше по проходу между многочисленными столами. Когда путь им преградила стена, Рыжий Орк велел Кикахе остановиться. Тоан быстро произнес кодовое слово — но не слишком быстро, так что Кикаха запомнил его.

Громадный квадрат в стене стал прозрачным. Кикаха невольно вскрикнул. В комнате за прозрачной стеной сидела раздетая Анана. Она была привязана к креслу, а голову удерживал приделанный к спинке обруч. Глаза женщины были закрыты. Над головой виднелось нечто показавшееся на первый взгляд большим феном для сушки волос.

Кикаха резко развернулся:

— Что ты с ней делаешь?

— Я думал, ты обрадуешься, увидев ее живой. Если бы я оставил ее на уступе как раз над водами по-

тока, она бы погибла. У нее были сломаны нога, рука и три ребра, не говоря уже о легком сотрясении мозга. Сейчас она в превосходной физической форме, а все благодаря моему врачебному искусству.

— Что ты с ней делаешь?

— Перед тобой, леблаббий, не что иное, как мое изобретение, которое я опробовал множество раз, когда хотел избавиться от неизбежной скуки, овладевающей всеми бессмертными.

Владыка выжидательно молчал, но Кикаха ничего не сказал — напрасно Рыжий Орк ждет еще одной вспышки эмоций.

— Посмотри на нее, Кикаха! — резко сказал тоан.— И попрощайся с той Ананой, которую ты знал!

Кикаха неохотно повернулся к окну.

— Машина стирает ее память. Делает она это медленно, потому что быстрый процесс повреждает мозг, а мне не нужна безмозглая любовница.

Кикаха задрожал, но не вымолвил ни слова.

— Работая по часу в день, машина за десять дней сотрет все воспоминания этой женщины, вплоть до той поры, когда ей было примерно восемнадцать лет. Когда процесс закончится, Анана будет считать — и в каком-то смысле это будет правдой — будто она по-прежнему живет на родной планете, а ее родители и братья с сестрами все еще живы. Она словно совершит путешествие назад в прошлое, совершенно не ведая о тысячах лет, прошедших с тех пор как ей минуло восемнадцать.

На какой-то миг Кикаха потерял дар речи, а когда обрел его, то прохрипел:

— И она не вспомнит меня.

— Безусловно. Так же, как и меня[1]. Но я ей представлюсь и со временем заставлю себя полюбить. Передо мной не устоит ни одна женщина.

— А что будет, когда она узнает правду?

---

[1] В романе «За стенами Терры» Анана говорит, что Рыжий Орк однажды заезжал к ним в гости, когда ей было пятнадцать лет. Впрочем, возможно, Орк уже позабыл о той давней встрече, с тех пор прошло порядка десяти тысяч лет.

— Не узнает,— Рыжий Орк рассмеялся — Об этом я позабочусь. Конечно, когда она мне надоест — если надоест...

— Ты собираешься проделать такой же фокус и со мной? Или для меня ты задумал что-то болезненное?

— Я мог бы стереть твою память, скажем, до того момента, когда ты, студент земного колледжа, прошел через врата Ваннакса в Многоярусный мир. Или же мучить тебя, пока ты не взмолишься о смерти. Любого человека, даже самого храброго, можно довести до такого состояния, даже меня. Или, если ты добровольно вызовешься убить Манату Ворцион и преуспеешь в этом, то можешь заслужить свободу. Но сначала тебе придется выполнить свое задание и найти дорогу в Пещерный мир. Если сумеешь, я в виде награды сохраню тебе всю память. Вообще-то такой подарок причинит тебе страшную боль из-за воспоминаний об Анане.

Кикаха без колебаний выбрал один из предложенных вариантов. Но Рыжему Орку он сообщит о своем решении только тогда, когда будет вынужден. А сейчас он был способен думать только об Анане.

«Если мы когда-нибудь вырвемся на волю,— думал Кикаха,— я добьюсь, чтобы она снова полюбила меня. И расскажу ей о нашей совместной жизни все до мельчайших подробностей».

Рыжий Орк произнес еще одно кодовое слово. Окно стало стеной. Все четверо покинули лабораторию, и пройдя три коридора, оказались в большом зале, затейливо меблированном в стиле, как предположил Кикаха, здешних обитателей. Тоан и пленник сели друг напротив друга в удобные кресла, за большим столом из полированного красного дерева с зелеными спиральными полосками. Ножки у стола были вырезаны в виде фигур тритонов и русалок. Слуга и служанка внесли блюда с едой и напитками, после чего встали за спинами Владыки и Кикахи.

— Можешь принять ванну, поесть и отдохнуть, как только мы закончим разговор,— предложил Рыжий Орк.— Итак! Полагаю, ты решил, что постараешься

выполнить оба задания. Я бы определенно поступил именно так. Пока ты жив...

— Надеюсь,— закончил цитату Кикаха.

— Знаю, слышал. Давай-ка поедим.

— Я не голоден,— Кикаха покачал головой.— Мне кусок в горло не лезет.

— Отлично. Можешь подкрепиться попозже в своих апартаментах.

Тоан пожевал немного, запил еду вином и заговорил снова:

— Расскажи мне о своих приключениях у этой потаскушки-великанши.

Кикаха рассказал обо всем без утайки, умолчав лишь о том, что поведала ему Великая Матерь о чешуйчатом человеке. Рыжий Орк мог, хотя бы отчасти, знать, что говорил и делал его «гость» во владениях Манату Ворцион. Это казалось маловероятным, но Кикаха ведь понятия не имел, какой системой шпионажа мог располагать его «хозяин».

— Я не хочу с ней связываться,— произнес Рыжий Орк, когда Кикаха закончил повествование.— По крайней мере пока. Но она вмешалась в мои дела, когда утащила тебя в свою вселенную. Кстати, Манату Ворцион перенесла тебя в лес вовсе не затем, чтобы ты успокоился и привык к ее планете, прежде чем встретиться с ней,— великанша хотела обезопасить себя. Если бы я имплантировал в тебя атомную бомбочку и установил ее на взрыв, как только ты ступишь на эту планету, пострадал бы только лес и его обитатели.— Тоан рассмеялся и добавил: — Но у меня нет таких возможностей. Я имею в виду, делать такие атомные бомбы. Если б я захотел не пожалеть времени и заняться исследованиями, найти информацию о том, как их изготавливают, а потом долго и упорно заниматься нудной добычей необходимых металлов и постройкой реактора...— Он с миг побарабанил пальцами по столу, потом заговорил опять: — Двух дней тебе должно хватить, чтобы прийти в себя. После этого, будешь ты готов или нет, тебе придется вновь отправиться в путь. И на сей раз я пропущу тебя через серию врат, к ко-

торым, как я уверен, Манату Ворцион не успела подключиться и расставить ловушки.

* * *

Мрачные мысли еще не оставили Кикаху, когда он шагнул через врата, приготовленные для него Владыкой. Возле вторых врат он успел сунуть в оружие батарею. За три минуты Кикаха прошел через анфиладу из пяти врат. Одни из них оказались в высокогорной пещере. Прежде чем его увлекло дальше, Кикаха мельком заметил внизу долину с лентой реки, подле которой расположилась крошечная деревушка и высящийся над ней замок. Кикаха вскрикнул от радости: он узнал крепость барона фон Крица, своего врага, когда он жил на Дракландском уровне Многоярусного мира, планеты, которую Кикаха любил больше всех.

Следующая вселенная не подходила под описание Рыжего Орка. Кикаха очутился в камере без окон, с толстой решеткой на двери. Мебели не было, если не считать унитаза, умывальника с мыльницей, полотенец на стене и кучи одеял в углу. Зато в камере был обитатель, и Кикаха узнал его сразу, хоть тот и был раздет. Эрик Клифтон!

Англичанин стоял в углу и выглядел смущенным.

Не успели они поздороваться, как в голове у Кикахи помутилось, и он упал без чувств. Последнее, что он увидел, это опустившегося на колени Клифтона и его обмякшее лицо. Когда Кикаха пришел в себя, он лежал на полу нагой, как и его сокамерник. Лучемет, кобура, пояс и рюкзак исчезли.

Кикаха с трудом поднялся. Клифтон, тоже лежавший на полу, пошевелился. Кикаха посмотрел сквозь дверную решетку и ахнул.

За решеткой стоял чешуйчатый человек.

12

— Не думал, что кто-нибудь кроме меня мог спастись от смерти во время наводнения,— раздался за спи-

ной у Кикахи тихий голос Эрика Клифтона.— Но, возможно, лучше б нам с вами погибнуть в нем. Ныне же мы в лапах беспощадного демона из ада, наверное, самого Князя Тьмы. Самые души наши подвергаются здесь страшной опасности.

Кикаха слышал его слова, но слишком внимательно изучал взглядом своего поработителя, и не вполне воспринимал их смысл. Вблизи существо казалось еще чудовищнее и опаснее, нежели в «гробу». Массивные мускулы и крепкий костяк, покрытые блестящими золотыми и зелеными чешуйками, были достойны Геракла. Шею чудовища, от самой челюсти до плеч, охватывали сцепленные между собой костяные пластинки. Лицо под яркими чешуйками, как теперь заметил Кикаха, тоже было покрыто костяной броней, хотя не такой толстой, как на шее и туловище.

Чешуйчатый человек открыл рот и обнажил длинные, острые клыки. Этот малый явно не поклонник овощей и фруктов, подумал Кикаха. Однако у медведей тоже зубы хищников, а диета у них скорее вегетарианская.

Изо рта чудовища высунулся длинный и очень узкий, словно у рептилии, кончик языка. Впрочем, это был лишь зеленый усик, выступивший из красного языка, похожего на человеческий. Большие зеленые глаза располагались на черепе примерно на дюйм ближе к затылку, чем у человека. Хотя они и напомнили Кикахе крокодильи, на них были веки, которые то и дело моргали.

В коридоре позади чудовища виднелись еще две точно такие же камеры.

— Давно ты здесь сидишь? — тихо спросил у Клифтона Кикаха.

При звуке его голоса плоские уши чешуйчатого выдвинулись наружу и образовали локаторы.

— Два дня,— прошептал Клифтон.— Я чуть было не утонул при наводнении, меня изрядно потрепало. Но мне удалось уцепиться за ствол дерева, а потом поток вынес меня на край громадного водопада и швырнул вниз. Однако я и тогда уцелел, благодаря Богу и

моему ангелу-хранителю. Меня унесло в самые глубины ущелья, так глубоко, что край его казался мне тоненькой светлой полоской, в то время как сам я пребывал во мраке адской бездны. Мне, вероятно, пришлось бы умереть от жары и сырости, но я сумел добраться до берега вселенского потока, снова ставшего к тому времени обыкновенной рекой. Я побрел куда глаза глядят, и Господь с ангелом-хранителем вновь даровали мне спасение.

Чешуйчатый человек придвинулся к самой решетке и схватился за прутья громадными руками, пристально наблюдая за пленниками. На правом указательном пальце чудовища блестело то самое кольцо, что было прежде у Клифтона. Кикаха взглянул на правую руку англичанина. Да, кольцо исчезло. Кикаха вновь повернулся к чешуйчатому. Если он забрал это кольцо у Клифтона, то ему пришлось расширить его, чтобы надеть на свой здоровенный палец.

— Опустим подробности,— сказал Кикаха.— Как ты очутился здесь?

— Боже, благослови нас всех! По-моему, в этой темнице времени у нас хватает. Коротко говоря — я вскарабкался по стене ущелья как можно выше, срывался и падал, пока, окончательно выбившись из сил, не нашел достаточно широкий уступ, где смог уснуть несмотря на усталость.

— Без подробностей!

— Проснувшись, я пошарил на уступе и обнаружил, что он образует карниз рядом с пещерой. В ней журчала вода. Мне ужасно хотелось пить, но я забрался уже слишком высоко, и не мог утолить жажду из реки. Поэтому я вошел в пещеру, осторожно и очень медленно ступая по каменному полу, можете мне поверить! Вскоре я добрался до водопада внутри самой пещеры. И тут вокруг меня воссиял ослепительный свет, и я очутился на высокой горе совсем в ином мире. Короче говоря, я прошел через врата, спрятанные в пещере в ущелье. Надо полагать, их установил там какой-то Владыка много лет спустя после битвы на этой планете Лоса с его сыном, Рыжим Орком.

— Вероятно, это Ололотон — много тысяч лет назад,— заметил Кикаха.

— Да. Но на скальном выступе близ вершины горы я пробыл не дольше нескольких секунд. Меня перенесло в другое место, потом опять еще в одну вселенную и далее... Словом, очутился в этой камере, внутри круга, очерченного, как видите, на полу вон в том углу. Советую вам не ступать в этот круг, поскольку туда в любой момент может свалиться кто-то еще, прибывший через те же врата.

Кикаха только теперь заметил оранжевую окружность в углу.

— Сомневаюсь,— сказал он.— Если камера, как и большинство врат, оборудована сенсорами, то врата не активируются, пока кто-то уже стоит в том круге.

— Но вы же не знаете, есть ли в этой камере такие сенсоры.

— А что случилось с вашим кольцом?

— Вскоре после прибытия сюда я потерял сознание, полагаю, демон пустил в камеру газ. Только так можно объяснить, почему я лишился чувств, как только попал сюда. То же самое произошло и с вами. После чего демон вошел в камеру и лишил нас одежды и всего имущества. Во всяком случае, когда я очнулся в тот раз, кольцо исчезло. А теперь оно у него на пальце.

Клифтон показал на руку чешуйчатого.

— Да, я заметил,— сказал Кикаха.— Так вот...

Тут чешуйчатый заговорил глухим раскатистым голосом, шлепая усиком во рту. Получилась какая-то невнятная тарабарщина. Закончив свою речь, монстр направил одно ухо-локатор в сторону Кикахи, точно ожидая ответа.

— Я тебя не понимаю,— ответил Кикаха по-тоански.

Чешуйчатый кивнул, но что означал этот жест? Затем существо повернулось и неуклюже потопало прочь по коридору.

— Ты так и не закончил свой рассказ о том, как тебя занесло во вселенные Владык.

— Я...

Клифтон осекся, разинув рот. Кикаха обернулся и увидал, что в камере напротив только что появился заключенный. Он сразу узнал эти длинные бронзово-рыжеватые волосы и ангельски красивое лицо.

— Рыжий Орк!

— Дьявол поймал дьявола! — ахнул Клифтон.

Очевидно, где-то сработала сигнализация, уведомившая чешуйчатого о случившемся. Кикаха сначала услышал его тяжелые шаги, а затем увидел, как тот идет по коридору. Как раз перед тем как монстр вошел в камеру Рыжего Орка, Кикаха снова потерял сознание.

Очнулся он одурманенным, оглохшим, сидя у стены напротив зарешеченной двери. У него щипало в ноздрях и слезились глаза от дыма, хотя порохом не пахло. Кикаха пощупал руками по обеим сторонам от себя. Рядом с ним лежал Клифтон, все еще без чувств. Тело англичанина, почерневшее от гари, было заляпано кровью и кровавыми ошметками плоти. Оглядев себя, Кикаха обнаружил, что и сам выглядит не лучше. По-прежнему оглушенный, он стряхнул кусочки мяса с груди, живота и правой ноги. Что же тут произошло?

Дым к этому времени вытянуло из камеры и уносило по коридору. Дверная решетка была вся в крови; клочья кожи и мускулов свисали с прутьев и валялись на полу. Возле Кикахиной ноги лежал глаз.

Дурман в голове мало-помалу рассеивался. Кикаха попытался встать, но так сильно дрожал, что не смог подняться. Болела спина, ноги казались ватными. Он снова прислонился к стене и посидел так некоторое время, закрыв глаза. Когда он их открыл, картина происшедшего стала ему совершенно ясна. Не Рыжий Орк, а клон, посланный коварным Владыкой, попался в ловушку чешуйчатого. Но это означало, что тоан отправил следом за Кикахой своего клона. Вот только зачем?

Он напряг все извилины мозга, заработавшего наконец на полную мощность, и понял, какую цель пре-

следовал Владыка. Детекторы сообщили Рыжему Орку, что Кикаха отклонился от курса, заданного тоаном. Владыка, должно быть, удивился — и сильно встревожился,— когда пленник снова исчез, и послал вдогонку за ним клона с бомбой в рюкзаке.

Хотя Рыжему Орку было невдомек, куда подевался Кикаха, когда детектор засек его исчезновение, тоан догадался, что подстроить это мог только враг. Поэтому данный противник должен быть уничтожен, даже если бомба разнесет в клочья и Кикаху.

Несмотря на боль и сильнейшую дрожь, Кикаха все же встал и доковылял до двери камеры. Решетка в камере клона выгнулась наружу, а от лже-Орка осталась нога, оторванная по самое бедро, и похожая на ребро кость.

Кикаха приник к решетке и выглянул в коридор. Чешуйчатый человек стоял футах в двенадцати от камеры, энергично мотая головой вверх-вниз и из стороны в сторону, точно пытался вернуть свои потрясенные мозги в исходное состояние. Хотя его не заляпало ни кровью, ни ошметками мяса, яркие золотисто-зеленые чешуйки потускнели от дыма.

Кикаха обернулся и посмотрел на Клифтона. Англичанин уже открыл глаза и беззвучно шевелил губами. Он направился было к нему, но, сделав несколько шагов, опять лишился чувств.

Очнулся Кикаха лежа на кровати в просторной комнате. Потолок и стены представляли собой громадные экраны, на которых перемещались неизвестные ему животные, а также множество чешуйчатых мужчин и женщин, передвигавшихся на фоне необычных ярких пейзажей. Никакой боли и дрожи в теле. Кикаха сел, откинул одеяло и уставился на свои ноги — чисто вымытые, без следов гари, крови и мясных ошметков.

Рядом в такой же кровати лежал Эрик Клифтон, тоже накрытый ярким лоскутным одеялом. Кикаха как раз отметил про себя, что в помещении нет ни окон, ни дверей, когда часть стены скользнула в пол. В комнату вошел чешуйчатый человек. Он направил-

ся прямо к постели Кикахи, и вблизи его сходство с насекомым еще более усилилось. Но когда он остановился возле кровати и заговорил, то вполне напоминал человека. Тон его голоса и выражение глаз, казалось, выдавали явную озабоченность.

— Не понимаю,— сказал Кикаха.

Чешуйчатый поднял руки и повернул их ладонями кверху. Но даже если этот жест означал, что он тоже не понимает слов Кикахи, чешуйчатый человек определенно не казался разочарованным.

* * *

В течение двух следующих месяцев Кикаха вместе с Клифтоном часа по четыре в день обучали чешуйчатого человека тоанскому языку. Они жили в роскошных апартаментах этажом выше больничной палаты, а кормили их разнообразной, но непривычной едой — порою вкусной, а порою просто отвратительной. Они также усиленно занимались гимнастикой. Кстати, чешуйчатый вернул Клифтону кольцо, которое снова пришлось англичанину впору.

Звали их хозяина Хрууз, а его некогда существовавших сородичей — хрингдизами. Он, единственный уцелевший из своего рода, никогда не слышал о токина, как называли его соплеменников в тоанских преданиях. Но Кикаха предполагал, что Владыки таким образом просто приспособили слово «хрингдиз» к своему произношению.

Резиденция Хрууза находилась в глубоком подземелье, под «гробницей» — тоже располагавшейся на солидной глубине,— в которую как-то попали через врата Кикаха с Ананой. Хрууз не знал, почему их переправило в место его многотысячелетнего отдыха. Но когда Кикаха сообщил ему, что воспользовался рогом Шамбаримена, то есть звуковым универсальным ключом ко всем вратам, Хрууз все понял и объяснил, что попали они в усыпальницу по чистой случайности. Дело в том, что врата усыпальницы, как и многие другие врата в виде замкнутой цепи, имеют «вращающи-

еся узлы», или точки пересечения. В этих узлах постоянно «вертятся» от десятка до сотни врат. Человек может пройти через любые из них, но куда он попадет — зависит от того, какие врата будут активированы в данной энергетически заряженной точке. Рог протрубил как раз в тот миг, когда «трещина», или щель, ведущая в гробницу, попала при вращении в такой узел. Эта щель не совсем то же самое, что настоящие врата, то есть ее не создавал никакой Владыка, она существовала изначально в самой материи. Но рог сумел ее активировать.

— Так, значит, Рыжий Орк, возможно, сумеет добраться сюда,— сказал Кикаха Хруузу.— Ты воспользовался серией врат, чтобы поймать в ловушку меня и тоанского клона. Если у Рыжего Орка есть детекторы,— а я думаю, они у него имеются,— то он не заставит себя ждать. Точнее, еще одного клона, или вообще кого угодно, с бомбой в тысячу раз более мощной.

Хруузу заговорил с сильным акцентом на своем елеле понятном тоанском. Язык-усик чешуйчатого то и дело соприкасался с нёбом, образовывая звуки, отсутствующие в тоанском и свойственные, вероятно, только его родному языку:

— До поры до времени я закрыл все врата, так что к нам никто не проникнет. Правда, это также не позволяет мне получать информацию из внешнего мира.

Хруузу сказал Кикахе, что в общих чертах тоанские легенды о хрингдизах были близки к истине. Но детали, как правило, сильно искажались. Когда тоаны уничтожили всех хрингдизов, кроме него, он создал себе это подземное убежище, а потом, пожив здесь немного, остановил движение молекул в своем теле и залег в анабиоз. Машины, обеспечивавшие поддержание порядка в усыпальнице, запись событий в разных частях разных вселенных, а также «пробуждение» Хруузу, работали на ядерной энергии. Когда запасы энергии подошли бы к концу, машины должны были разбудить спящего.

— К тому времени,— продолжал чешуйчатый человек,— ситуация должна была кардинально переме-

ниться. Властители могли просто вымереть, поскольку, когда я лег в анабиоз, их число было невелико. Или же их потомки, если таковые останутся, могли измениться — стали бы более терпимы и человечны. Не исключено, что тоанов сменила бы другая разумная раса, превосходящая властителей в моральном смысле. В общем, кто бы ни населял вселенные, они могли с радостью принять меня, последнего из хрингдизов. Если бы ситуация не изменилась к лучшему — что ж, мне пришлось бы справляться со злом в меру собственных сил и умения. На некоторое время мне хватило бы еще запаса энергии. Но я установил также охранную систему, так чтобы любое вторжение в гробницу пробудило меня. Вы вошли, и я был преждевременно выведен из состояния анабиоза. Но процесс этот требует времени, поэтому я не успел побеседовать с вами. Кстати, ваш рог явно сделан по схемам, украденным у моего народа. Тоаны не обладали подобной технологией.

— Что? — изумился Кикаха.— Но рог изобрел древний Владыка, Шамбаримен!

— Этот Шамбаримен наверняка получил сведения от одного из нас. Но вместо того чтобы поделиться ими со своими собратьями, он хранил их в тайне и создал артефакт, который вы называете рогом.

— Но тогда должны существовать другие чертежи или даже сами аппараты! — воскликнул Кикаха.— Если хрингдизы применяли устройства для открывания врат или трещин, то наверняка некоторые из них должны были попасть в руки тоанов!

— Нет. Их было немного, и они тщательно охранялись. Устройства давали нам преимущество перед тоанами, поскольку мы могли проникать через их врата и щели. Но нас, переживших бойню, осталось слишком мало, и мы не могли эффективно использовать открывающие устройства. Наконец, в живых остался только я один. Те из моих сородичей, у кого были открывающие устройства, очевидно, уничтожили или спрятали перед смертью все чертежи и приборы. Остальное тебе известно.

— Выходит, Шамбаримен лгал, утверждая, будто изобрел рог,— удивился Кикаха.— Вот и еще одна легенда рассыпалась в прах!

Хрууз пожал массивными плечами, совсем как человек:

— Судя по твоим рассказам и моему собственному недавнему опыту, Владыки все еще не вымерли и очень немногие из них изменились.

— Ты хотел бы отомстить? Стереть их с лица земли? — спросил Кикаха.

Чешуйчатый человек замялся, но потом сказал:

— Не могу отрицать, что был бы счастлив, если бы Владыки, жившие во время истребления моего народа, были убиты, и притом именно мной. Но это невозможно. Я должен заключить с ними мир. А если не сумею, то я обречен.

— Не теряй надежды,— подбодрил его Кикаха.— Я враг почти всех Владык, потому что они первые пытались меня убить. Их нужно перебить, и лишь тогда наступит мир во всех вселенных. Мы с тобой могли бы стать отличными союзниками. Как тебе идея?

— Я сделаю все, что в моих силах, так как хочу помочь тебе,— ответил чешуйчатый.— Даю тебе слово. А во времена, когда существовали и другие хрингдизы, слова Хрууза было достаточно.

Кикаха поинтересовался, знает ли Хрууз о том, как появились на свет тоаны. Хрууз ответил, что его народ никогда не стал бы создавать столь непохожих на себя существ.

— На некоторые вопросы просто нет ответов,— заметил Хрууз.— Но наша вселенная не была единственной. Тоаны как-то ухитрились пробить стену между нашими вселенными. Но вместо того чтобы обращаться с нами как с мирными и не склонными к насилию разумными созданиями — какими мы и были,— они повели себя так, будто столкнулись с опасными животными. На нас вероломно напали, и первым же ударом тоаны уничтожили более трех четвертей моих соплеменников. Выжившим пришлось стать убийцами.

— А теперь? — спросил Кикаха.

— Когда я открыл врата и подсоединил их к цепи, мне надо было выяснить, остались ли тоаны такими же кровожадными. Поэтому я решил собрать у себя несколько различных экземпляров. Вы двое попались мне первыми — я же не знал, что вы не тоаны, а жители планеты, которой даже не существовало, когда я укрылся в убежище. Третьим был тоан. Вы знаете, что тогда произошло.

— Мы можем помочь тебе, а ты можешь помочь нам,— сказал Кикаха.— Рыжего Орка надо уничтожить. Вообще-то нужно убить всех Владык, которые охотно прикончили бы нас. Но сначала я должен попасть в мир Зазеля, опередив Рыжего Орка.

— Он действительно намеревается уничтожить вселенные, а затем создать свою?

— Так он говорил. И он вполне на это способен.

Хрууз завращал глазами и сплюнул, высунув выпрямленный язык-усик. В это мгновение он изрядно походил на змею. «Хватит! — сказал себе Кикаха.— Довольно сравнивать Хрууза с насекомыми и рептилиями. Хрингдизы были такими же людьми, как любой гомо сапиенс, и даже куда человечней многих из них. По крайней мере, Хрууз именно таков, если не лжет. Черт, я слишком долго якшался с Владыками! — мысленно одернул себя Кикаха.— У меня наступила полнейшая паранойя. С другой стороны, подозрительность не раз спасала мне жизнь».

Хрууз пообещал изучить всю информацию о вратах, содержащуюся в его банке данных. Он дал машинам задание просканировать этот раздел, выбрать важную информацию и распечатать ее. Это заняло всего два часа, но ему требовалось прочесть громадный объем сведений.

— В основном это информация о вратах, которой располагал мой народ,— пояснил чешуйчатый.— Но полагаю, за время моей долгой спячки тоаны наверняка наставили новых, более совершенных. Я пытался получить о них информацию, но тут мне пришлось закрыть свои врата. К несчастью, Зазель, должно быть,

создал свой Пещерный мир значительно позже. И все-таки попробуем что-нибудь выяснить о системе его врат. Но не раньше, чем разберемся с Рыжим Орком.

— Когда мы с ним покончим, нам и Пещерная планета не понадобится,— заметил Кикаха.

— Не согласен. Данные о машине творения-разрушения могут попасть в руки какому-нибудь другому Владыке. Нет, эту информацию нужно либо отдать в надежные руки, либо уничтожить. Хотя я и содрогаюсь при мысли о необходимости поступить так с научной информацией, это лучше, чем допустить, что ее могут выкрасть или забрать силой.

Кикаха на мгновение задумался, а затем хмыкнул.

— А ведь когда-то у каждого Владыки была такая машина. Иначе как бы они сотворили свои личные вселенные? Куда же подевались все эти машины? И почему о них не осталось даже информации?

— Эти вопросы не ко мне,— отозвался Хрууз.— Я на тысячи лет выпал из жизненного потока. Быть может, у некоторых Владык есть такие машины или чертежи, но они сами об этом не подозревают. Что же до твоего первого вопроса, то я думаю, каждый Владыка при успешном вторжении во вселенную другого уничтожал машину творения-разрушения, принадлежащую его врагу. Удачливому захватчику не хотелось, чтобы кто-нибудь, вторгшийся на завоеванную территорию в отсутствие владельца, нашел подобную машину. А затем другой Владыка убивал прежнего захватчика — и со временем машин осталось совсем немного. Но это только предположения — на самом деле я не знаю.

* * *

Через несколько недель после этого разговора Хрууз пригласил Кикаху с Клифтоном в огромный зал, где они еще ни разу не бывали. Купол потолка и стены здесь были черные, усеянные искрящимися точками и соединительными линиями, которые вместе образовывали очень сложную паутину.

— Перед вами результаты обработки данных,— Хруз обвел помещение рукой.— Точки обозначают врата-узлы, а соединяющие их линии показывают пути между вратами. Линии нарисованы исключительно для удобства восприятия. Они разделяют врата, чтобы наблюдающий мог с большей легкостью различать их. На самом же деле переход между одними вратами и следующими совершается мгновенно.

— Как-то раз я видел схему врат, когда был с Джадавином у него во дворце,— вспомнил Кикаха.— Но она была значительно проще. А твоя — это нечто!

— Да, это, как ты говоришь, нечто,— откликнулся Хрууз, глядя на Кикаху своими темными глазами.— Но на схеме изображены лишь все известные мне узлы. В основном это хрингдизские врата, и большинство из них были открыты в тоанские вселенные, когда мой народ еще сражался с врагами. Поэтому многие наши врата соединены с вратами тоанов, хотя такие соединения произошли случайно.

— Есть ли хоть какая-нибудь вероятность, что какой-нибудь хрингдизский маршрут может закончится вратами, ведущими в Пещерный мир? — спросил Кикаха.— Насколько я слышал, в мир Зазеля ведут — или вели — всего одни врата. Но что, если существуют и древние врата, созданные хрингдизами?

— Такая вероятность есть. Тебе потребуется сотня лет для проверки всех врат и маршрутов, к тому же вероятность уцелеть в ходе этих поисков будет очень невелика.

— Но Рыжий Орк, должно быть, думает, что такие врата есть. Иначе зачем ему посылать меня на их поиски?

— Вам следовало бы уже уяснить, что Рыжий Орк редко открывает истинные причины своих поступков,— указал Эрик Клифтон.

— Это так. Но в данном случае ему не было смысла врать.

Клифтон наконец закончил свое столь часто прерываемое повествование о том, как он попал в тоанские вселенные.

— На чем я остановился? Ах да! Итак, для начала я кратко повторю все события до того момента, когда мой рассказ прервало наводнение.

Кикаха вздохнул и устроился в кресле поудобнее. Спешить им в данную минуту было некуда, но он все равно жалел, что Клифтон отличается такой многоречивостью.

— Итак, безумный Блейк описал своему другу явившийся ему в видении призрак блохи, бывший, как нам теперь известно, изображением хрингдиза. Его рассказ настолько захватил меня, что я нарисовал чешуйчатого человека, следуя описаниям мистера Блейка. Рисунок я показал своему ближайшему другу, парнишке по имени Пью. Он работал у ювелира, мистера Скарборо, и отнес рисунок своему работодателю. Тот, в свою очередь, продемонстрировал его богатому шотландскому аристократу, лорду Ривену, который заказал себе на основе рисунка перстень. Но бедный глупый Пью украл кольцо. Понимая, что перстень непременно будут искать и его заподозрят первым, Пью отдал мне кольцо на сохранение. Это еще раз показывает, какой он был безмозглый. В то время я не раскаялся еще в своих грехах и не дал Господу клятву, что буду вести честную жизнь.

— Давай дальше, а? — взмолился Кикаха, потеряв терпение, несмотря на имевшееся у него в избытке время.

— Хорошо, хорошо. Констебли искали Пью, а того укрывала шайка бездомных уличных мальчишек, в которую он вступил еще до того, как стал работать на мистера Скарборо. Но констебли нашли беднягу и убили при попытке к бегству. Выстрел в затылок отправил, как мне кажется, душу этого бедолаги прямо в ад. С моей точки зрения, это означало, что отныне кольцо по праву принадлежит мне. Но я знал, что должно пройти много времени, прежде чем мне можно будет рискнуть продать его, причем в каком-нибудь другом городе. Но я не мог просто взять и бросить своего приемного отца, мистера Дэлли, издателя и книготорговца. Меня бы сразу заподозрили, и констебли могли

узнать о моей связи с Джорджем Пью. А если б меня признали виновным, то отправили бы на висилицу.

Барон Ривен твердо решил найти кольцо и того, кто его украл. Один из его агентов расспрашивал Клифтона о краже. Агент докопался-таки, что Клифтон был одним из ближайших друзей Пью — а, возможно, и единственным. Клифтон жутко перепугался, но отрицал все, кроме своего знакомства с Пью. Эта ложь, как понимал Клифтон, со временем неизбежно должна выйти наружу. Поэтому вскоре после встречи с агентом Клифтон в одну прекрасную ночь удрал, намереваясь добраться до Бристоля. Там он хотел сесть на любой корабль, который увезет его из Англии. Денег у него не было, и потому он намеревался устроиться на судно юнгой — или кем угодно.

— Я стащил кошелек и на эти деньги снял комнатушку в дешевой портовой таверне,— рассказывал Клифтон.— И обошел с десяток судов, предлагая оплатить проезд работой. В конце концов меня взяли помощником кока на торговое судно.

Вечером, когда судно должно было отплыть, Клифтон прогуливался по припортовым улицам и вдруг почувствовал, как на плечо ему легла чья-то рука, а потом что-то кольнуло в шею. Он хотел убежать, но колени у него подогнулись, и он свалился без чувств на мостовую. Очнулся Клифтон в комнате, где увидел лорда Ривена и еще двоих мужчин. Пленника раздели и привязали к кровати. Барон собственноручно вколол ему в артерию какую-то жидкость. Вопреки ожиданиям Клифтона, сознание он не потерял. Но когда лорд Ривен стал расспрашивать о кольце, Клифтон, несмотря на отчаянную внутреннюю борьбу, выложил все как на духу.

— Наркотик правды,— заметил Кикаха.

— Да, знаю. Мой мешок с немногочисленными пожитками тщательно обыскали. Кольцо красовалось теперь на пальце у барона. Я ожидал, что меня сдадут констеблям и в конечном итоге повесят. Но, как оказалось, барон не хотел, чтобы властям стало известно обо мне или о кольце. Он велел своим подручным, мерзким подонкам перерезать мне горло. Бросив им

несколько гиней, он направился было к двери, захватив с собой большой и изумительно разукрашенный кожаный саквояж. Но, сделав пару шагов, остановился и, обернувшись, сказал: «Я придумал для него более суровое наказание. Ступайте прочь!»

Когда мы остались вдвоем, барон вытащил из саквояжа два больших полумесяца из какого-то серебристого металла.

— Переносные врата! — воскликнул Кикаха.

— А, значит, вы знаете, о чем я говорю?

— Именно через такие врата я и проник в Многоярусный мир,— отозвался Кикаха.

— Понятно! Но у меня тогда не было ни малейшего представления, что это за штуковины. Я принял их за орудия пытки. В каком-то смысле так оно и было. Барон положил их на пол, так что они образовали круг с небольшим зазором, а потом отвязал меня от кровати. Я был слишком напуган, чтобы сопротивляться, и даже снова обмочился со страху, хотя мне казалось, что я уже опустошил весь мочевой пузырь, как только очнулся привязанным к кровати.

Лорд Ривен развязал англичанина, оставив связанными руки за спиной, но освободив ноги. А потом схватил Клифтона одной рукой за шиворот, перенес, словно крольчонка, к полумесяцам и поставил в центр круга. Он велел Клифтону не шевелиться, если тот не хочет оказаться разрезанным пополам.

— Я выбивал зубами дробь и трясся как лист на ветру. Хотя барон запретил мне разговаривать, но я все-таки спросил, что он собирается со мной делать. Он ответил только, что отправляет меня прямиком в преисподнюю, вместо того чтобы просто убить.

Клифтон считал, что находится во власти черта, если не самого Сатаны. Он взмолился о пощаде, хотя и не ждал ее. Но лорд Ривен быстро нагнулся, осторожно соединил концы полумесяцев, а потом выпрямился и отступил на несколько футов. Несколько секунд ничего не происходило.

— А потом комната с бароном исчезли. На самом деле, как вам отлично известно, исчез, конечно, я сам.

Через мгновение я понял, что нахожусь в другом мире, хотя и не похожем на ад. Здесь не было ни скачущих чертей, ни огненных языков, рвущихся из скал. И все же я действительно попал в преисподнюю. Это была умирающая планета в одной из тоанских вселенных.

Клифтон помолчал и добавил:

— Воспоминание об этом воскрешает тот жуткий панический страх и ужас, охвативший меня в ту минуту. Но я сумел развязать руки и как-то умудрился выжить, хотя и прошел через адские мучения.

— В каком году барон отправил тебя через врата? — спросил Кикаха.

— В году тысяча восемьсот семнадцатом от Рождества Христова.

— Значит, ты провел в тоанских мирах около ста семидесяти пяти лет.

— Боже праведный! Так долго! А я и не заметил в этой суете.

Англичанин вкратце описал свою дальнейшую жизнь. Он побывал во многих местах и успешно прошел через множество врат, много раз был в рабстве у тоанов и у людей, потом стал вождем маленького племени, где совсем неплохо устроился.

— Но затем меня одолел настоящий зуд — тоска по приключениям. Я прошел через врата, и они бросали меня из мира в мир, пока не забросили в яму — ловушку, подстроенную Рыжим Орком. Я и не знал, чья она, пока не увидел человека, появившегося в камере Хрууза, а потом взорванного на куски.

Клифтон ненадолго умолк.

— Тот человек выглядел в точности как лорд Ривен[1].

— Я так и думал,— откликнулся Кикаха.— Барон на самом деле был не кто иной, как Рыжий Орк, живший в ту пору на Земле-один под маской шотландского аристократа.

---

[1] Интересно, а почему Клифтон не узнал его, когда они встретились в «Лавалитовом мире» во дворце Уртоны?

13

Хотя Кикаха постоянно загружал себя работой и старался не думать об Анане, он не мог выбросить ее из головы. А вместе с воспоминаниями о ней наваливались душевные муки и ярость. Тоан наверняка уже закончил стирать Анане память, и теперь она считает, что ей всего восемнадцать лет.

Рыжий Орк объяснит ей, что у нее была амнезия, и он теперь лечит ее. Или что Анану отдал под его опеку ее отец, а потом она потеряла память. Наверняка этот мерзавец постарается сделать так, чтобы она не узнала, сколько тысячелетий прошло после этого предполагаемого события.

Возможно, именно в это мгновение Рыжий Орк пытается ее соблазнить. Или же силком тащит к себе в постель. Кикаха пытался отогнать встающие перед глазами видения Рыжего Орка и Ананы, занимающихся любовью. Но это было куда труднее, чем опустить оконные жалюзи.

* * *

Прошло два месяца. На третий день третьей недели третьего месяца (хорошее предзнаменование для тех, кто в них верит) Хрууз опять пригласил Кикаху и Клифтона в смотровой зал со схемой врат. Мрак в просторном помещении рассеивался лишь светящимися точками на куполе и стенах. Но точки эти сияли гораздо ярче, чем в прошлый раз. Единственный луч света падал на пульт управления и сидевшего за ним чешуйчатого человека. Когда гости вошли, Хрууз встал, и на лице его появилось выражение, означавшее, как уже знали земляне, улыбку. Он потер руки, в точности как человек, выражающий радость или глубокое удовлетворение.

— Хорошие новости! — сообщил он.— Очень многообещающие! — И показал пальцем на потолок.

Запрокинув голову, Кикаха увидел довольно внушительных размеров точку, которой при прошлом визи-

те не было. От нее тянулось множество линий к точкам поменьше. Кикаха заметил также, что одна яркая точка стала из белой оранжевой и несколько линий, что вели к ней, тоже были оранжевыми. Одна из них заканчивалась у большой точки.

— Оранжевая точка ведет в мир Зазеля, если я не ошибся в расчетах.

— Ты уверен? — спросил Кикаха.

Хрууз уселся перед огромным пультом с индикаторами.

— Я же сказал, что не уверен. Если компьютер не ошибается — тогда я уверен. Но я не знаю, не ошибается ли он. Выяснить можно лишь одним способом — кто-то должен пройти через врата.

— Как тебе удалось их вычислить? — поинтересовался Кикаха.

— Я дал компьютеру задание проследить за всеми линиями, которые вы видите в этом зале. По сравнению с прошлым разом тут появилось много новых точек и линий.

— Но вы же говорили, что закрыли все ведущие сюда врата из-за Рыжего Орка,— вмешался Клифтон.

— Верно. Закрыл. Но все же рискнул открыть новые врата, понадеявшись, что Рыжий Орк не сможет их обнаружить. Они открывались всего на несколько микросекунд и тут же закрывались. Вот в то время компьютер и прослеживал линии. Перед вами теперь результаты миллионов таких микросекундных отслеживаний.

Кикаха терялся в догадках — почему же хрингдиз считает, будто ему удалось найти врата в Пещерный мир. Но прежде чем он задал вопрос, Хрууз продолжил:

— Посмотрите на точку, которая значительно больше остальных. Видите, от нее идет оранжевая линия к оранжевой точке поменьше? Большая точка на самом деле представляет собой скопление точек, расположенных настолько близко друг к другу, что они на ваш взгляд сливаются в одну.— Он поднял взгляд к потолку и снова улыбнулся.— И эта большая точка

представляет собой нечто такое, о чем, как я думаю, тоан не знает.

— Уж не те ли это «всеузловые врата», о которых ты меня спрашивал пару месяцев назад? — предположил Кикаха.— Меня заинтриговал твой вопрос, но, когда я сказал, что не слышал ни о чем подобном, ты не добавил ни слова.

— Мне хватило и этого ответа, хотя твои познания о вратах ограничиваются исключительно собственным опытом. Но ты не ученый. К тому же, знай Рыжий Орк о вращающихся, или всеузловых, вратах, он не преминул бы ими воспользоваться.

Хрууз что-то сказал, обращаясь к пульту управления, и на экране перед ним появилась иная картинка. В центре ее ярко сияло скопление точек, образующих всеузловые врата. Теперь Кикаха разглядел маленькие промежутки между точками. Чешуйчатый произнес еще одно слово на своем режущем слух языке. Масштаб изображения увеличился, выделив на экране одну из точек, и постепенно она заполнила чуть не весь экран. Рядом с ней появилось слово, напечатанное мелкими хрингдизскими буковками.

— Вот тут указаны врата во всеузловом скоплении, которые ведут к двум местам — вы называете их трещинами — в «стене» вселенной Зазеля. Обратите внимание, что щели выглядят значительно более тусклыми, чем активные врата. Одна щель была когда-то вратами; другая — слабое место, возникшее в той стене при сотворении вселенной. Бывшие некогда активными врата закрыло, как мне кажется, существо, управляющее Пещерным миром, причем оно передвинуло слабое место в стене, что требует больших познаний и мощного источника энергии. Даже мои машины не способны на такое. Но они могут засечь перемещение слабого места. Смотрите внимательно. Я увеличу резкость изображения, чтобы вам было виднее.

Он произнес еще одно слово. На экране появилась еле заметная линия, с одной стороны она заканчивалась тусклой точкой, а с другой стороны — еще более тусклой точкой.

— Следы перемещения,— пояснил чешуйчатый человек.— На схеме тысячи световых точек. Но эта — единственная, показывающая путь перемещения врат или трещины. Дингстет — так ты его назвал — конечно же закрыл гильотину-ловушку в односторонних вратах, которыми в свое время воспользовался Рыжий Орк для проникновения в его мир. А потом он превратил врата в двусторонние, ровно на тот срок, какой требовался для дезинтеграции шестиугольной структуры. Ему не требовалось покидать для этого свой мир, поскольку лучи мощного оружия, направленного им на внутреннюю сторону металлического шестиугольника, уничтожили бы этот шестиугольник и в его мире и в ином.

Сделав это, Дингстет вновь переделал врата в односторонний вход. А завершив переделку, переместил щель в другое место — тоанской технологии такое достижение не по зубам. Вот потому-то Рыжий Орк и не нашел врата в Нежеланном мире. А свет, вспыхнувший в монокуляре Манату Ворцион, был всего лишь ловушкой, о чем ты и сам впоследствии догадался.

— Это замечательно! — воскликнул Кикаха.— Но куда девались те односторонние врата, через которые Дингстет выпустил Рыжего Орка из Пещерного мира?

Хрууз, опять совсем как человек, поднял руки с раскрытыми ладонями:

— Он закрыл их и превратил в обыкновенную трещину. Сомневаюсь, что у Рыжего Орка есть достаточно чувствительные детекторы для ее обнаружения. Этим же объясняется и его неспособность найти входные врата и проследить за их перемещением. Хотя врата и были пару секунд двусторонними, у Дингстета явно есть средства скрыть все следы существования двусторонних врат. Но тебе придется снова открыть выходные врата, когда ты попадешь в мир Зазеля.

— С этим-то я управлюсь! — заверил его Кикаха.— Пора в путь!

— Не торопись. Вот машина, которая откроет — или должна открыть — входную точку, закрытую Дингстетом.

Хрууз снова что-то произнес, и из стены под пультом выдвинулся ящик. Чешуйчатый вынул из него черный металлический кубик с гранью в четыре дюйма и оранжевой кнопкой наверху. Нижняя сторона у кубика было изогнутой; с одного ребра свисал ремешок.

— Ключ к вратам в Пещерный мир,— сказал Хрууз.— Ваш рог Шамбаримена — всего-навсего другой ключ.

Чешуйчатый протянул черный кубик Кикахе:

— Я унаследовал этот прибор от одного друга, великого ученого, которого убили всего через несколько дней после того, как он подарил его мне. Насколько я знаю, подобного устройства нет больше ни в одной вселенной. Пристегни этот открыватель врат к запястью. Без него ты с таким же успехом можешь остаться здесь.

* * *

Приготовления к путешествию заняли два дня. Эрик Клифтон настаивал, что он должен отправиться вместе с Кикахой. Хрууз указал, что шансов на успех у Кикахи крайне мало. Если Клифтон пойдет вместе с ним, то тоже может погибнуть. А Хруузу необходимы знания Клифтона о вселенных Владык, если он хотел успешно бороться с ними.

— К тому же,— признался Кикахе Хрууз, когда Клифтона не было поблизости,— мне будет без него очень одиноко, хоть он и не хрингдиз.

Кикаха изнывал от нетерпения — ему пришлось ждать, пока Хрууз не объявит, когда наступит нужный момент для прохода через всеузловые врата.

— Этот узел на самом-то деле не вращается,— сказал хрингдиз.— Но я употребляю термин «вращается» в качестве условного. Твоя отправка требует точного выбора времени. У тебя будет промежуток в двадцать

секунд на то, чтобы войти в узел и пройти через врата, которые доставят тебя к щели во вселенной Зазеля. Но если ты опоздаешь хоть на десять микросекунд, то пройдешь через другие врата и окажешься неведомо где.

Хрингдиз соорудил металлический девятиугольник, отмечавший место, куда предстояло войти Кикахе. За час до начала путешествия Кикаха надел кислородную маску, баллон с кислородом, темные очки, пояс с оружием, полный припасов рюкзак и пристегнул к левому запястью кубик с устройством, открывающим слабые места. Кикаха назвал его «открывашкой».

Эрик Клифтон пришел проводить своего товарища-землянина.

— Бог тебя не покинет,— сказал он, пожимая Кикахе руку.— Это война против Дьявола, а потому нам суждено победить.

— Бог может и победит Сатану,— заметил Кикаха.— Ну а как насчет сопутствующих военных потерь?

— Мы не будем в их числе.

На стенном экране светились хрингдизские цифры, указывавшие время. Кикаха уже научился в них разбираться. Когда до старта осталось две минуты, он взглянул на хрингдизские часы у себя на правом запястье. Они шли синхронно с настенным индикатором. Кикаха встал перед девятиугольником и, увидев, что осталось всего тридцать секунд, приготовился шагнуть через врата. Несмотря на уверения Хрууза, что там он никого не встретит, Кикаха все же расстегнул кобуру лучемета.

— Приготовься,— проговорил Хрууз.— Через двадцать секунд я дам команду.

Казалось, не прошло и мгновения, как он крикнул по-тоански:

— Пошел!

Кикаха прыгнул в середину девятиугольника и с изумлением почувствовал, что его тело как бы растягивается. Ноги и руки, казалось, стали длинными-

предлинными. Ступни находились как минимум в двадцати футах от торса, ладони — в десяти футах от плеч. Одновременно он ощутил удар, словно бухнулся в ледяное море. Конечности начали неметь и терять чувствительность. Хрууз не предупредил его, что произойдет такое,— но, впрочем, хрингдиз ведь и не знал, что его ждет. «Я сам должен соображать, что делать»,— подумал Кикаха.

Его окутывал тусклый зеленоватый свет. Стремительно замерзающие ступни вроде бы стояли на полу, но Кикаха не видел ни пола, ни стен вокруг. Он словно очутился в каком-то невидимом тумане.

Тут за слоем сумрака запылал чуть более яркий огонек. Кикаха пошел в ту сторону, если только здесь годилось такое слово, как «пошел». Скорее потащился, словно увязая в густой патоке.

Зеленоватая мгла просветлела. Свет с другой ее стороны — если здесь вообще существовали «стороны» — загорелся ярче. Вот там-то, очевидно, и «вращается» узел. А светиться должны как раз нужные Кикахе врата.

И тут свет начал меркнуть. Кикаха отчаянно пытался прибавить шагу. Святые угодники! Он-то думал, будто двадцати секунд более чем достаточно, чтобы добраться до врат. Но теперь этот срок казался ему невозможно коротким. Да еще вдобавок у него начало возникать такое ощущение, словно его желудок, легкие, сердце сделались такими же искаженными, как и руки-ноги. Еще немного — и его вытошнит в маску!

Очень медленно, или так во всяком случае ему казалось, Кикаха потянулся рукой к открывателю, которым снабдил его Хрууз. Тот тоже исказился. Рука повисла в пустоте, ничего не нащупав. Кикаха был на грани паники, понемногу поднимающейся из неведомых глубин, где она обычно таится. У него осталось совсем мало времени, чтобы нажать на кнопку. По крайней мере, так ему казалось. Но Кикаха был уверен: если не удастся быстро активировать эту машинку, он безнадежно опоздает.

Кикаха провел рукой по груди и нащупал свое левое плечо, хотя и его удалось отыскать не сразу. Сколько секунд у него осталось? Наконец пальцы коснулись рубашки. Он скользнул ими вниз, глядя одновременно на свою изогнутую зигзагом руку, такую же кривую, как кий, которым орудовал Филдс в фильме... как он назывался? Затем его средний палец дополз до кнопки — странно, на ее поверхности появилась вмятина, которой там не было, когда он прыгал через врата. Но Кикаха все-таки нажал на кнопку — и очутился в туннеле, озаренном первыми проблесками рассвета. Тошнота мгновенно прошла; руки и ноги резко сжались до нормальных размеров. Ледяная стужа сменилась теплом. Дышалось ему теперь легко. Судя по наручным часам, он пробыл в полупространстве или непространстве восемнадцать секунд.

Кикаха отключил приток кислорода, снял маску и баллон. Воздух здесь оказался недвижным, знойным и затхлым, как в давно непроветриваемом помещении, окна которого выходили на солнечную сторону. Положив кислородное снаряжение к ногам, чтобы отметить точку входа, Кикаха огляделся. Туннель, вырубленный в гладком, словно кристалл, камне, был достаточно широким, чтобы по нему могли пройти шеренгой человек двадцать. По середине пола тянулась неглубокая и извилистая канава с журчащей водой. Стены и потолок покрывали большие пятна густого лишайника. Тусклый свет испускали зеленоватые шишки, росшие на потолке, стенах и полу. С потолка свисали высушенные тела шестиугольных насекомовидных существ. Точно такие же тела лежали на полу. Но самой странной особенностью данного туннеля, приведшей Кикаху в сильнейшее замешательство, оказались цепочки знаков, выстроившиеся в одну строку, которая медленно ползла по стенам. Черные символы, высотой дюйма в четыре, двигались чуть выше уровня глаз. Дойдя до пятен лишайника, они пропадали, но, миновав их, вновь появлялись на голом камне. Некоторые из них казались смутно знакомыми, напоминая греческое, кириллическое, арабское и китайское письмо.

Здешний неподвижный воздух продолжал угнетать Кикаху. Он решил отметить исходную точку, нацарапав на стене большой косой крест, а затем положил кислородную маску с баллоном в рюкзак. Ну и куда ему теперь идти? Вверх по течению ручейка? Это направление казалось ничем не хуже других. Да и символы тоже ползли в ту сторону.

Пять часов Кикаха шагал ровным шагом по туннелю в тишине, которая начала уже звенеть в ушах. Единственным живым существом здесь был светящийся лишайник. Хотя, возможно, зеленоватые шишки тоже были живыми растениями. Через каждые полчаса Кикаха останавливался и царапал на стене Х. Воздух оставался все таким же жарким и душным, и у Кикахи часто возникало искушение воспользоваться баллоном, но тот мог еще понадобиться в экстренной ситуации.

К этому времени Кикаха был уже совершенно уверен, что находится в мире Зазеля. Хотя тоанские легенды описывали его довольно кратко, детали описания туннеля совпадали. Значит, ему удалось свершить то, что оказалось не по плечу Рыжему Орку. Он еще покажет этому мерзавцу!

К началу шестого часа пути Кикаха оказался у развилки. Туннель разветвлялся вправо и влево. Кикаха без колебаний свернул налево. Левый означало для него счастливый — к черту все суеверия насчет левых путей! — и он голову давал на отсечение, что выбранный путь приведет его к самому центру этой планетарной пещеры. Кикаха утвердился в своем решении, когда наткнулся на первый из многих скелетов животных. Скелеты эти вытянулись по всему его пути, и Кикаха шел себе мимо или перешагивая через них. Некоторые животные, похоже, погибли, сцепившись в яростной схватке, настолько перемешаны были их кости.

Через несколько минут, перешагнув через очередной скелет, Кикаха вышел из туннеля в гигантскую пещеру, освещенную все теми же шишками, которые росли здесь гораздо гуще, чем в туннелях. Но их свет

не позволял ему разглядеть пещеру целиком. Ровный каменный пол был усеян костями многих разных животных и птиц. А на ближайшей к нему стене, насколько хватал глаз, символы продолжали свой загадочный парад.

Судя по всему, что доводилось слышать Кикахе, весь этот мир представлял собой один колоссальный компьютер. Но Зазель сотворил также фауну и флору, отчасти для украшения своих громадных пещер, а отчасти для забавы. Но ни флоре с фауной, ни компьютеру не удалось сохранить в нем желание жить, и он покончил с собой.

Где же управляющий этого мира, единственное разумное существо, одинокий король, искусственное создание, которому Зазель предоставил присматривать за своей унылой вселенной?

Кикаха крикнул несколько раз, чтобы предупредить о своем появлении Дингстета, если тот окажется в пределах слышимости. Ответило ему только эхо. Пожав плечами, Кикаха зашагал к другому концу пещеры. Когда он оглянулся, то не смог разглядеть вход в пещеру — его уже поглотили сумерки. Еще через час Кикаха добрался до конца этой огромной полости в камне, и перед ним оказалась стена с шестью входами в туннели. Он выбрал самый левый и, пройдя по нему примерно с полчаса, вышел в другую пещеру — и вновь увидел знакомую картину: кости, перемешанные с остатками растений. Но цепочки символов по-прежнему двигались по стенам, исчезая во тьме впереди. Компьютер был еще жив. Вернее, он еще работал.

Кикаха нигде не видел ни пультов управления, ни дисплеев — очевидно, компьютер управляется голосом. Но как ему нужно задавать вопросы? Странные символы тоже не поддавались прочтению. Вероятно, Зазель создал для управления машиной свой собственный язык. Если так, то выполнить задание невозможно. Хуже того, он застрял в этом ужасном месте с запасом еды всего на двенадцать дней, если питаться очень скудно.

«Если я найду Дингстета,— подумал Кикаха,— или он найдет меня, все будет замечательно. В том случае, если Дингстет согласится помочь».

Однако Дингстет никому уже помочь не мог, в том числе и себе самому. Кикаха обнаружил его останки в высеченном из камня кресле. Кости явно принадлежали Дингстету, больше некому. Скелет выглядел гуманоидным, у него было две ноги, но он никак не мог считаться подлинным образчиком гомо сапиенса. Среди костей виднелись подсоединенные к ним пластмассовые органы с проводками. И череп, упавший на колени сидящего скелета, определенно не был человеческим.

«Мне повезло, что я так быстро на него наткнулся, после того как попал сюда,— подумал Кикаха.— В конце концов, когда я отправлялся в этот мир, то рассчитывал найти Дингстета. Я мог бы долго блуждать по этому лабиринту, который, вероятно, тянется тысячи миль по всему этому каменному миру. Но я добрался до места, которое искал,— почти сразу».

Разумеется, назвать это везением можно было лишь отчасти. Ведь единственное существо, способное рассказать Кикахе, где находится информация о машине творения-разрушения, говорить уже не могло и никогда не сможет.

Кикаха не нашел никаких признаков насильственной смерти ни на черепе, ни на скелете. Возможно, Дингстету просто наскучило его бессмысленное и бесцельное существование, и он принял яд. Или же Зазель сконструировал своего слугу таким образом, чтобы тот умер, прожив определенный срок. В общем, чего б там ни погубило Дингстета, он оставил после себя мир, который постепенно останавливался, словно у него садилась батарея.

— Ну не знаю я, что делать! — выкрикнул вслух Кикаха.

А затем, взвыв от досады и ярости, схватил череп и швырнул его в темноту пещеры. Ситуация не стала лучше, зато злость немного поутихла. Крик его подхватило громкое эхо и отразило обратно к нему от даль-

них стен, точно этот умирающий мир непременно желал оставить за собой последнее слово.

Его угнетала мысль, что смерть Дингстета вовсе не означала, будто данные о машине творения-разрушения стали абсолютно недоступны. Если Рыжий Орк доберется сюда, он, возможно, сумеет извлечь их из компьютера. Он ведь ученый и достаточно умный, чтобы сообразить, как это сделать.

Кикаха треснул, правда, не слишком сильно, кулаком по спинке каменного кресла и выкрикнул:

— Я еще не проиграл!

14

Символы на стене могли двигаться по кругу, но могли и вести к центру управления. Кикаха решил углубиться в пещерно-туннельный комплекс. Пройдя чуть больше мили, он остановился. Светящиеся шишки и лишайник стали здесь коричневатыми. По меньшей мере половина шишек свалилась с потолка на пол, а остальные выглядели так, словно не смогут более долго цепляться за потолок. Если это гниение распространится дальше, то все туннели и пещеры окажутся в кромешной тьме, а выработка растениями кислорода прекратится.

Не привыкший легко отказываться от своих намерений, Кикаха шагал вперед, помечая стену крестами через каждую сотню футов. Ни одного растения, не тронутого гнилью. Но пресной воды тем не менее было в избытке. Хотя нет, через десять минут вода в ручье начала иссякать, а еще через пять в идущей по центру коридора канавке осталась только водяная пленка. Да и та при такой нарастающей жаре должна была вскоре испариться. К тому времени светящихся шишек осталось так мало, что Кикаха видел перед собой туннель только в пределах пяти футов. Он снова остановился. Какой смысл упорно идти дальше? Этот мир скоро умрет. И хотя строчки символов по-прежнему ползли по стенам, то это означало лишь одно: громадный компьютер еще жив. Вероятно, он будет работать до тех

пор, пока не иссякнут запасы энергии. А это может занять неведомо сколько тысячелетий.

Кикаха повернулся и пошел назад, к той огромной пещере. Чтобы не сбиться с пути, ему приходилось держался поблизости от стены, помеченной крестами. Через несколько минут ему пришлось вытащить из рюкзака фонарь. Он привязал его ко лбу и зашагал быстрее. Затем воздух так обеднел кислородом, что Кикаха вытащил из рюкзака баллон и повесил его на ремне за правым плечом. Надев маску, он включил подачу воздуха. Однако время от времени надо будет перекрывать доступ кислорода и сдвигать маску набок. Несколько минут можно продержаться и без кислорода, а потом ему придется снова надеть маску и вдохнуть «свежего» воздуха.

По крайней мере, теперь никому не придется волноваться по поводу того, что Рыжий Орк завладеет информацией о древней машине. Эта мысль подбодрила Кикаху. Отныне он мог целиком посвятить себя убийству тоана и вызволению Ананы.

Следуя собственным указателям, Кикаха наконец вернулся в громадную пещеру. Там кресты прекратились, поскольку он не видел никакой надобности помечать стену и здесь. Он продолжит путь до противоположной стороны, найдет помеченный крестом вход в туннель, из которого не так давно шагнул в эту пещеру. Вместо того чтобы идти вдоль стены, Кикаха пошел по середине пещеры, в направлении центрального туннеля. Луч фонарика падал на пожухлые куски растений и кости животных, порой весьма причудливого вида. И тут Кикаха остановился.

Вот оно, каменное кресло. Но где же скелет Дингстета?

Подойдя вплотную к пустому креслу, Кикаха несколько раз повернулся кругом, освещая лучом фонарика всю пещеру. Луч, правда, не достигал ни потолка, ни стен. Кикаха пошел туда, куда, как ему помнилось, швырнул недавно череп. Но, хотя он обследовал довольно широкий участок, где тот мог упасть, ему так и не удалось его найти.

Кикаха снял кислородную маску.

— Дингстет! Дингстет! — звал он вновь и вновь. Имя громовыми раскатами возвращалось к нему от далеких стен. Когда эхо утихло, Кикаха снова надел маску и прислушался. Услышал он лишь биение собственного сердца. Но теперь невидимый наблюдатель будет знать: незваный гость наконец-то понял, что он не единственное живое существо в Пещерном мире.

Кикаха подождал пять минут и выкрикнул имя еще двенадцать раз. И снова эхо, а потом тишина.

— Я знаю, что ты здесь, Дингстет! — крикнул Кикаха.— Где бы ты ни прятался, выходи!

На ожидание Кикаха отвел себе десять минут и расположился в каменном кресле. После этого придется уходить. Но когда-нибудь он вернется, прихватив более солидные запасы еды и кислорода, и возобновит поиски. С ним, вероятно, отправится и Хрууз, а уж хрингдиз должен определить, удастся ли ему каким-то образом заставить электрическую кровь снова запульсировать в жилах этого мира.

Прошло две минуты. Кикаха считал такой срок ожидания вполне достаточным, поскольку не мог с полной уверенностью сказать, хватит ли ему кислорода. Вдруг... Нет, не может быть! Ему показалось, что где-то раздался еле слышный смешок. Он выпрямился, напряженно вглядываясь во тьму, затем встал и медленно повернулся кругом. Не успел Кикаха развернуться на три четверти, как что-то с силой ударило его справа по голове. Удар причинил ему боль, но не оглушил. Он прыгнул вперед и, подняв руку к голове, выключил фонарик, потом пробежал примерно десять шагов вперед и шлепнулся на твердый пол. Сжимая в руке лучемет, Кикаха лежал и прислушивался. Кстати, ему было известно, что именно его ударило. Соскакивая с кресла, он успел краем глаза заметить череп Дингстета, катившийся во мрак.

Кикаха вслушивался в тишину так, словно жизнь его зависела теперь только от слуха,— впрочем, так оно и было. Через несколько секунд за спиной у него раздался еще один смешок, погромче. Кикаха отка-

тился немного в сторону, а затем поднялся, готовый к прыжку. Тот, кто метнул в него череп, вероятно, мог видеть в темноте. Что ж, это не проблема. Сняв рюкзак и порывшись в нем, Кикаха вытащил специальные очки и надел их.

Никого. Единственное укрытие, за которым можно спрятаться,— каменное кресло. Но нападавший должен знать, что Кикахе нетрудно об этом догадаться. Где же еще он — или она — может скрываться? В канавах с водой — если распластаться на дне. Ближайшая канава находилась футах в тридцати.

«Постой-ка...— подумал Кикаха.— Тех, кто слишком спешит с выводами, часто выводят в расход. Противник мог просчитать ход моих мыслей и именно поэтому спрятаться на самом деле за креслом. Пока я тащусь проверить канавы, он меня подстрелит. Но, впрочем, ему ничего не стоило сделать это в любой момент. Почему же он швырнул в меня черепом и таким образом предупредил?

Только Владыка способен играть с противником, как кошка с мышкой. Однако я не мышка, и тоан должен это знать. Что ж, чем выше опасность, тем забавнее игра. Именно так он считает. Значит, дадим ему позабавиться, а потом посмеемся послед ним. Конечно, вполне вероятно, что во тьме скрывается далеко не один враг. Если игра обернется не в пользу черепометателя, его приятель застрелит меня.

В данный момент Кикаха ничего тут не мог поделать. Однако он будет и дальше высматривать других игроков.

Кикаха встал, трижды крутанулся вокруг своей оси, держа свой рюкзак, точно метательный молот, и швырнул его в кресло. Рюкзак шлепнулся сбоку от резного камня, но никто не высунул голову из-за спинки и не выглянул из-за кресла сбоку. Тогда Кикаха переключил свет ночного видения на фотонный, надеясь, что противник невольно выдаст себя от неожиданности. Всего один беглый взгляд показал — никто на эту уловку не клюнул. Кикаха опять переключился на ночное видение.

Часто оглядываясь назад, он осторожно подошел к двум канавам. Насколько он видел в луче фонарика, канавки эти пустовали. Но нападающий или нападающие могли скрываться в темноте. Кикаха нащупал на стволе лучемета, рядом с рукоятью, диск, не глядя, передвинул его, настроив оружие, как он полагал, на поражение цели в диапазоне двухсот ярдов. И внезапно закрутился на месте, с силой надавив на спуск. Луч, похожий при взгляде сквозь очки на черный карандаш, пронзил темноту, описав круг. Если кого-то и задело, таинственный противник не заорал.

Едва закончив разворот, Кикаха бросился к креслу, одновременно перестав давить на спуск. И так чересчур много заряда батареи потрачено впустую. Если за креслом кто-то прятался, он должен услышать его топот и сообразить, что ему следует что-то предпринять.

Из-за резной спинки показалась голова в очках, а за ней — очень широкие плечи. Не успев появиться по грудь, противник выстрелил из лучемета. Выстрелив в ответ, Кикаха бросился плашмя на пол. Каменный пол задымился в дюйме от его левого плеча. Но луч, вылетевший из его оружия, прошел точно сквозь шею тоана. В этом не приходилось сомневаться.

Он встал и, двигаясь по широкой дуге, подошел к креслу. Хотя сам Кикаха и слышал свои крадущиеся шаги, он сомневался, чтобы их мог слышать поверженный противник. А также сомневался, что этот малый услышит даже литавры, гремящие у него над ухом.

Приближаясь к креслу, Кикаха настороженно оглядывался назад и смотрел по сторонам. Затем, удостоверившись, что луч насквозь пронзил врагу шею, Кикаха снял с трупа очки. Как он и предполагал, перед ним предстало лицо Рыжего Орка. Опять клон? Тем более что у нападавшего не было с собой рога. Разве стал бы Рыжий Орк выпускать такое сокровище из поля зрения! Но как клон сумел попасть в этот мир без рога? Следовательно, Рыжий Орк протрубил в рог, а потом послал клона через врата. Или же от-

правился вместе с ним и теперь скрывается где-то во тьме?

Кикаха подобрал лучемет погибшего и поднял его под луч фонарика. Настройка на шкале показывала, что оружие установлено на парализующую мощность в радиусе ста ярдов. Выходит, Кикаху собирались только оглушить, а не убить. Кем бы ни был убитый, он забавлялся, играя с врагом. А уж устав от игры, тоан парализовал бы землянина и доставил в штаб-квартиру Рыжего Орка как пленника.

Действуя быстро, хотя и часто оглядываясь кругом, Кикаха забрал кислородный баллон убитого, лучемет, пакет батарей, головной фонарь, пакет с коцентратами и флягу. Не давай пропадать добру — глядишь, и сам не пропадешь. Взвалив на плечи два рюкзака и затем выходя из пещеры в туннель, Кикаха подумал: уж не там ли поджидает его Рыжий Орк, надеясь напасть из засады?

Обратный путь прошел гладко. Никто не появился внезапно перед ним. И, как он убедился, часто оглядываясь, никто не преследовал. Только ползущие по стенам символы куда-то исчезли.

Обливаясь потом, чувствуя, как нервы завязались у него внутри в тугой узел, Кикаха добрался до последнего креста — отметки, показывавшей, где он прошел через врата. Встав перед стеной, Кикаха произнес кодовое слово, которое сообщил ему Хрууз. Он не горел желанием снова пройти то кошмарное испытание холодом и искажением при проходе через узловые врата. Но, к своему удивлению, оказался избавлен от этой напасти.

Кикаха шагнул сквозь стену и сразу же оказался в лесу. Оглядевшись кругом, он застонал. Деревья были точь-в-точь такие же, какие он видел на планете Манату Ворцион. Не успел он опомниться, как его окружили рослые смуглые люди с прямыми блестящими черными волосами, приплюснутыми носами и раскосыми глазами. Их длинные копья были нацелены на Кикаху.

— Эй, я ж друг Великой Матери! Разве вы меня не узнаете?

Молчаливый конвой повел Кикаху по лесу. Через час они вышли на поляну, в центре которой стояло гигантское дерево — жилище великанши. Пленника тотчас препроводили в древесный дворец и по винтовой лестнице доставили на тускло освещенный шестой этаж, где и покинули его, оставив перед большой дверью.

— Можешь войти,— раздался из-за двери голос Манату Ворцион.

Кикаха толкнул дверь из полированного черного дерева. В глаза ему ударил яркий свет. Он сощурился и увидел большой круглый стол, стоявший посреди роскошно обставленной комнаты. За столом в большом мягком кресле восседала лицом к двери великанша. По обе строны от нее сидели Эрик Клифтон и Хрууз, чешуйчатый человек.

— В моей жизни было немало сюрпризов, но такого не припомню! — воскликнул Кикаха.— Как, черт возьми, вы попали сюда?

— Присаживайся,— приглашающе махнула рукой великанша.— Угощайся. Выпей. И расскажи нам о своих приключениях в Пещерном мире. При иных обстоятельствах я б дала тебе время помыться и отдохнуть перед обедом, но нам не терпится узнать, что ты там обнаружил.

Кикаха сел в удобное кресло, и на него внезапно навалилась усталость. Глоток желтого вина из деревянного кубка придал ему сил. Кикаха принялся за еду и одновременно за рассказ.

Закончил он его словами:

— Вот и все. Теперь Рыжий Орк сможет попасть на Пещерную планету. Но вот как он сумел отыскать туда путь — ума не приложу.

— Очевидно, он проследил за твоим переходом из моего убежища в мир Зазеля,— предположил Хрууз.— И это скверная новость. У него появились средства слежения, которых не было прежде.

— Он может отследить и межвратный проход в мой мир,— сказала Манату Ворцион.— Особенно раз у него есть рог.

— Но сомневаюсь, что у него есть то устройство, каким я пользовался в Нежеланном мире,— заметил Кикаха.— Ладно, я рассказал вам свою историю. А как вы трое собрались вместе?

— Это была идея Хрууза,— ответила Великая Матерь.— Он отправил ко мне послом Эрика Клифтона, с предложением объединить силы в борьбе против Рыжего Орка.

— И я же настроил врата, ведущие из мира Зазеля, таким образом, чтобы ты сразу оказался здесь,— добавил Хрууз.

— Так твой мир сейчас без охраны? — поразился Кикаха.— Ведь Рыжий Орк...

— ...попытается проникнуть в него,— закончила за Кикаху Манату Ворцион.— Но он не знает, что там нет охраны. Да к тому же Хрууз установил ловушки.

Хотя лицо Хрууза мало походило на человеческое, оно отразило совершенно человеческую досаду.

— По-моему, Кикаха обращался ко мне,— буркнул чешуйчатый,— и ожидал ответа от меня.

— Если я обидела тебя,— изумленно округлила глаза великанша,— то сожалею об этом, хотя вовсе не собиралась это делать.

Кикаха улыбнулся. Между двумя союзниками уже возникли трения, пускай пока по мелочам. Манату Ворцион привыкла делать все, что ей хочется, в том числе и перебивать людей на полуслове. Хрууз же явно не привык, чтобы с ним обращались как с подчиненным. А для великанши все были именно таковыми. Разве не была она «Владычицей нашей», Великой Матерью, Прародительницей всего сущего? Разве не преклонялись перед ней все в ее мире, да и в других тоже? Даже Рыжий Орк до недавних пор и не помышлял нападать на нее. А если теперь и осмелился, то лишь потому, что она сама объявила ему войну.

— По-моему, лучшая защита от Рыжего Орка — это нападение. Не следует ждать, пока он примется штурмовать этот или какой-то другой мир. Нам нужно выступить против него со всеми имеющимися у нас средствами.

— Мысль хорошая, хотя и не новая,— заявила великанша.— Мы уже решили, что это лучшая стратегия. Мы также пришли к единому мнению, что ты будешь нашим авангардом.

— К роли пушечного мяса мне не привыкать,— откликнулся Кикаха.— Я начал играть ее во время Второй мировой войны — это случилось на Земле, когда был совсем юнцом — и с той поры никогда не расставался с ней. Но я не согласен быть просто пешкой. И настаиваю на полноправном членстве в этом военном совете. Я это заслужил.

— Ни у кого из нас и мысли не было лишить тебя равноправного членства,— спокойно проговорила Манату Ворцион.— Однако ни для кого не секрет вот уже целые тысячелетия, что военные комитеты годятся лишь на то, чтобы давать советы. В армии должен быть единовластный командир — полководец, принимающий мгновенные решения, чьим приказам любой солдат должен повиноваться беспрекословно, даже если их целесообразность вызывает у него сомнения.

У тебя, Клифтон нет военного опыта. Ты, Кикаха, одиночка, человек действия — но не стратег, или, по крайней мере, у тебя нет опыта в выработке стратегических планов. Ты, Хрууз, для нас величина неизвестная, хотя твоя способность выжить, когда уничтожили весь твой народ, свидетельствует о незаурядной ловкости. Кроме того, ты наверняка бесценный кладезь научных и технических познаний. Но не знаешь ни людей, ни их прошлого и настоящего. Да и опыта как у командующего армией у тебя никакого.— Манату Ворцион помолчала, набрала в грудь побольше воздуха и заключила: — Так что вполне очевидно, кто должен быть командиром. У меня есть все ваши достоинства плюс достоинства, которыми вы не обладаете.

На минуту воцарилось молчание. Потом Кикаха сказал:

— Мне на командирскую должность плевать. Она не в моем стиле. Но я настаиваю, чтобы со мной не поступали как с пешкой на шахматной доске. Во вре-

мя сражения свои решения, правильные или нет, принимаю сам, даже если они идут вразрез с приказами. Пехотинец — единственный, кто знает, что требуется в непосредственной близости от него.— Он набрал побольше воздуху в легкие, а затем посмотрел прямо на Манату Ворцион: — Мне кое-что встало поперек горла и душит меня. Это одна кость, которую нам с тобой надо вытащить.

— Я этого ожидала,— отозвалась Владычица.— И если бы ты об этом промолчал, я перестала бы тебя уважать.

— Тогда я выскажу, что именно меня гложет, вслух, для просвещения Клифтона и Хрууза. Ты послала меня в Нежеланный мир, чтобы найти врата в мир Зазеля, и дала мне детектор, определяющий местонахождение врат. Но ты не сказала, что детектор этот липовый, или что он — мина-сюрприз. Ты знала, что через определенное время она взорвется. И...

— Нет. Она должна была взорваться только тогда, когда на определенном расстоянии от нее окажется Рыжий Орк или один из его клонов. И не сразу, а через определенный промежуток времени. У меня не было образца электрического поля, излучаемого кожей Рыжего Орка, как и данных о массе его тела. Но я вычислила его массу приблизительно, основываясь на твоих описаниях физических особенностях Орка. Сомневаюсь, что погрешность превышала один-два фунта.

— И тебя не волновало, если я тоже погибну! — выпалил Кикаха.

— Нет. Очень даже волновало. Именно поэтому я настроила бомбу так, чтобы она сработала лишь тогда, когда человек, отобравший ее у тебя, уберется с ней подальше. Во всяком случае, дальше радиуса поражения.

— Но ты же не знала, кто отберет у меня детектор!

— Кто б там ни отнял его, он скорей всего твой враг.

— Полагаю, ты ждешь от меня извинений,— медленно и уже не столь горячо произнес Кикаха,— за

беспочвенные подозрения, будто тебе все равно, погибну я или нет, лишь бы Рыжий Орк сыграл в ящик.

— Сыграл... во что?

— Это земная идиома — она означает «погиб».

— А! Но нет, я не жду от тебя извинений. У тебя нет на то оснований. Ты не знал все факты...

— Чертовски мало,— пробормотал Кикаха.— Точнее, ни одного.

— Мне пришлось подвергнуть твою жизнь некоторой опасности. Но тебе к этому не привыкать. И как оказалось, тебя просто оглушило.— Великанша взглянула на остальных: — Вы согласны признать меня полководцем в этой войне?

— Ты представила вполне логичные основания,— пожал плечами Хрууз.— Мне нечего возразить.

— А я благодарю даже за право высказать свое мнение,— отозвался Клифтон.— Кто я такой, чтобы подвергать сомнению решения столь могущественных особ?

— Кикаха?

— Согласен.

— Отлично. Тогда слушайте, что мы предпримем дальше.

15

Кикаха находился во владениях Рыжего Орка — на Земле-2. Где именно — этого он не знал. Великая Матерь перебросила Кикаху через врата в район Земли-2, соответствующий Калифорнии на Земле-1.

— Рыжий Орк запретил любым Владыкам появляться на обеих Землях,— сказала ему Манату Ворцион.— Но, как тебе известно, другие Владыки, в том числе Джадавин и Анана, создали врата, ведущие на обе планеты, и время от времени бывали там. Когда-то давным-давно я последовала их примеру, но на Земли не отправлялась. Врата выведут тебя на Землю-два как можно ближе к тому месту, где, по твоим предположениям, находится дворец Рыжего Орка. Вполне возможно, что он обнаружил эти врата и установил в них ловушку.

— В порядке вещей.

Кикаха приготовился шагнуть через глиндглассу, и тут Великая Матерь обняла его. На несколько секунд он зарылся головой в долину меж ее грудей. Ах, до чего же восхитительное ощущение!

Разжав объятия, великанша отстранила его на расстояние вытянутой руки, кстати, по человеческим меркам довольно приличное.

— Ты единственный мужчина, когда-либо отвергший меня.

— Из-за Ананы.

— Знаю,— кивнула Манату Ворцион.— Но в конце концов ты все равно будешь моим.

— Мне не хочется сейчас думать о конце — ни о твоем, ни о моем.

Она рассмеялась:

— И ты единственный мужчина, которого я могу простить. Впрочем, ты ведь тоже простил меня, когда я без предупреждения подвергла тебя опасности. Ступай, и да сопутствует тебе удача Шамбаримена.

Удача в конечном итоге подвела-таки легендарного создателя рога, но Кикаха не стал напоминать великанше об этом. Он шагнул сквозь мнимое зеркало в напоенную теплом каменистую пустыню со скудной растительностью. Позади него высился валун с вратами. Кикаха огляделся вокруг и увидел лишь нескольких канюков, сорную траву, другие валуны да несколько скальных образований с острыми краями. Когда и где он их видел?

На небе ни облачка. Судя по высоте солнца над горизонтом, около десяти часов утра. Температура воздуха казалась чуть выше 75 по Фаренгейту.

Великая Матерь не могла в точности сказать, насколько близко окажутся врата от района, соответствующего на Земле-1 Лос-Анджелесу. Не знала она, и в каком направлении врата от этого места.

«Как обычно, я предоставлен самому себе»,— подумал Кикаха. Но именно такое положение ему и нравилось больше всего. Он зашагал вниз по камням, несколько раз оступаясь, но не падая, пока не добрался

до более или менее ровной местности. Навстречу ему попалась змея с ромбовидным рисунком на спине, чье предупреждающее потряхивание гремушками вызвало у него ощущение уюта. Ведь он, в некотором смысле, снова дома. Однако, когда он в последний раз действительно побывал на своей родной планете и в Лос-Анджелесе, ему там не понравилось. Слишком много народу, слишком много машин, шум, нечистоты и грязный воздух.

Чуть позже Кикаха наткнулся на громадного тарантула. Его крохотные злобные глазки напомнили путнику о некоторых закоренелых злодеях, с которыми ему довелось столкнуться во многих мирах. Это воспоминание тоже согрело ему душу. Стычки с врагами отточили его мастерство по части выживания; в сущности, он должен быть благодарен им. Увы, к великому сожалению все они мертвы. Он уже не мог сказать им «спасибо».

Голову Кикахи защищала от солнца широкополая соломенная шляпа. Остальной его гардероб составляли темно-бордовая рубаха с расстегнутым воротом, кожаный ремень, мешковатые черные брюки, черные носки и крепкие походные башмаки. На боку — кобура с лучеметом, а на поясе справа — фляга, полная воды. А за плечами, конечно же, неизменный рюкзак, до отказа набитый всеми предметами, какие на его взгляд могли понадобиться в этой экспедиции.

Пройдя немного по тропе, Кикаха остановился. Ну, конечно! Теперь он узнал, где находится! Эти скальные образования и валуны! Сколько раз он видел их в вестернах! Это скалы Васкес, в этих местах часто снимаются подобные фильмы. Значит, идти ему надо на юг, хотя и неизвестно сколько. Кикаха решительно устремился в направлении 30-й параллели.

Впереди лежал район, который на Земле-1 назывался округом Лос-Анджелес. География обеих Земель совпадала, но вот архитектура и обитатели различались.

Спустя некоторое время Кикаха вышел на большую дорогу с наезженной колеей. Отшагав по ней миль пять,

он услышал за спиной какой-то шум. Оглянулся — и увидел в полумиле к северу облако пыли, клубившееся под копытами коней кавалерийского отряда, их шлемы сверкали на солнце. Двое всадников, возглавлявших кавалькаду, держали высокие пики с развевающимися на ветру штандартами. Кикаха застыл: перед глазами проплыли многочисленные набеги, совершенные им, когда он жил с племенем медвежьего народа в Индее, на одном из уровней Многоярусного мира. Их сменили эпизоды рыцарских турниров на Дракландском уровне того же мира. Сверкающие блики преобразились в волнующие кровь призывы боевых рогов.

Однако меньше всего ему сейчас хотелось оказаться арестованным какими-то солдатами. Его одеяние вызовет у них любопытство. Если они остановятся спросить его, то он не сможет ответить ни на каком известном им языке. А на этой планете любой подозрительный чужак автоматически попадал в тюрьму.

Местность слева была равнинной, но до высохшего русла реки оставалось футов сорок. Кикаха побежал туда, надеясь, что кавалеристы его не заметят. Но если он их увидел, то и они его могли разглядеть.

Спрыгнув на дно сухого русла, Кикаха тут же развернулся кругом и выглянул из-за края берега. Голову его частично скрывали заросли какого-то кустарника. Вскоре всадники со штандартами проскакали мимо. На малиновых полотнищах обоих знамен колыхалось изображение огромного бурого медведя с относительно более длинными, чем у гризли, задними лапами и более короткой мордой. Возможно, гигантские тупорылые медведи, вымершие на Земле-1, здесь сумели выжить.

Скакавшие следом за знаменосцами офицеры были чисто выбриты и носили круглые шлемы с носовинами. Сзади шлемы изгибались, защищая шею, а сверху их увенчивали черные плюмажи. Кроме того, на всадниках были темно-фиолетовые плащи и малиновые туники, расшитые спереди золотым галуном. Ноги у них оставались голыми за исключением кожаных сан-

далий. На широких поясах с малиновым тиснением висели ножны с короткими мечами. В притороченных за седлом у каждого всадника корзинах лежали латы и шлемы, несколько похожие на те, какие носили испанские конкистадоры. В такую жару в них облачались, только если предстоял бой.

На самом деле солнце пекло так сильно, что и шлемы казались лишними. Но, как предположил Кикаха, здешний воинский устав, видимо, требовал носить их постоянно.

Пехота шагала, держа копья, а с поясов у них свисали в ножнах длинные мечи. Они были такими же чисто выбритыми и смуглыми, как и офицеры. Но, в отличие от коротко стриженных офицеров, рядовые щеголяли длинными, темными, волнистыми волосами.

Вслед за ними из тучи пыли вышло около сорока лучников. Позади солдат тащился обоз — множество мужчин и женщин, кто на конях, кто на груженных припасами фурах. Все без исключения в грязных, желтых широкополых мягких шляпах с высокими тульями и в разноцветных запыленных туниках. Отряд замыкали несколько рот конных копьеносцев и лучников.

— У них есть лошади,— пробормотал себе под нос Кикаха.— Мне нужна лошадь. Ergo[1], я ее добуду. Но конокрадов здесь, надо полагать, вешают точно так же, как в старину на диком Западе. Ну, да я не в первый раз ворую лошадей. И, надеюсь, не в последний.

После того как отряд проследовал дальше, пыль улеглась, а Кикаха убедился в том, что солдаты не собираются возвращаться за ним, он снова вышел на дорогу.

Прошло около часа, и солнце палило все нещадней. Увидев двух выезжающих из ущелья всадников, Кикаха прибавил шагу. Когда они выехали на дорогу, то оказались всего в сорока футах от него. Кикаха окликнул незнакомцев, и те придержали коней.

---

[1] Ergo — следовательно *(лат.)*.

Более суровых парней ему видеть не доводилось — такие же шляпы, как у возниц на фурах; черные, замызганные бороды по грудь, обветренные и загорелые лица, похоже, не знающие, что такое улыбка. Одеты в грязные голубые туники и высокие, по бедра, сапоги. За плечами колчаны со стрелами и луки; в ножнах длинные мечи и длинные ножи.

Кикаха поставил рюкзак на землю, сунул в него руку и вытащил маленький слиток золота. Протягивая его, он указал другой рукой на ближайшего коня:

— Я дам тебе это за лошадь.

Слов они конечно же не поняли, зато уяснили жесты. Перебросившись парой негромких фраз, всадники повернули коней и, обнажив мечи, устремились к Кикахе. Он предвидел такой поворот, поскольку выглядели они, по его мнению, настоящими разбойниками. Луч его установленного на оглушающее действие оружия выбил обоих из седла. Кикаха поймал одного коня за поводья, и тот протащил его по земле несколько футов, прежде чем остановился. Вторая лошадь ускакала прочь не останавливаясь. Скинув всю свою одежду, за исключением брюк, и напялив вонючие сапоги и тунику более рослого всадника, Кикаха вскочил на коня и поехал себе дальше. Он прихватил с собой также лук и колчан. Брюки он не снял, чтобы не стереть до крови ноги. Рядом с лежащими без сознания бандитами Кикаха бросил золотой слиток. Они его не заслужили, ну да черт с ними!

Путешествие верхом оказалось значительно более долгим, чем хотелось бы, потому что Кикаха не пытался выжать из коня все силы, и ему приходилось искать для него воду и еду. По мере приближения к городу движение на дороге становилось все оживленнее. Туда спешили фермерские фургоны, доверху нагруженные продуктами, а из города катили, громыхая, фургоны с кипами товаров. Один раз Кикаха проехал мимо каравана рабов, в основном индейцев и индианок, скованных друг с другом железными цепями.

По пути Кикаха уже обменял немного золота на местные деньги: круглые медные и серебряные моне-

ты различной величины и достоинства. На каждой монете был отчеканен чей-то надменный профиль, а по краю, рядом с ободком, шли три слова, написанные незнакомыми буквами.

По здешним меркам город этот, как полагал Кикаха, считался большим — около ста тысяч жителей. На окраине убогих жилищ попадалось мало. Число их возросло, когда Кикаха подъехал ближе к океану, хотя до берега оставалась еще не одна миля. Среди этих лачуг и жалких лавчонок попадались огороженные глухими стенами поместья. Улицы, по-видимому, проложили, следуя тропам, протоптанным пьяными коровами. Затем они выпрямились, и глину сменили большие каменные плиты.

То тут, то там попадались высокие квадратные здания из белого камня, с двойными куполами, большими портиками и утолщающимися на середине колоннами, покрытыми резными изображениями драконов, львов, медведей и, как ни удивительно, слонов. Или это были мамонты?

Проезжая по улицам, Кикаха проверял окрестности детектором. В отличие от гор, которые он видел во время пребывания на Земле-1 в 1970-м, здешние склоны оставались почти голыми, если не считать примерно двух десятков особняков. Один из них, на самой вершине горы, показал наличие врат. Кикаха не мог утверждать наверняка, но это большое белое здание с двойным куполом, кажется, стояло на том самом месте, где на родной планете Кикахи располагалась обсерватория Гриффита. На поиски пути к особняку ушло несколько часов, поскольку он не мог обратиться за разъяснениями к прохожим. Дорога, петляя, поднималась к вершине, и Кикаха неспешно поехал по ней. Коню было бы слишком трудно одолеть крутой склон галопом.

Что же ему предпринять, когда он окажется рядом с особняком? Хотя Рыжий Орк время от времени и жил в этом здании, для большинства горожан он, вероятно, оставался личностью неизвестной. Подкупил, надо думать, какого-нибудь богача, дабы тот служил

ему ширмой, и приобрел земельную собственность на его имя. Рыжий Орк мог даже не покидать своих владений. Особняк наверняка хорошо охраняется, а любые входные врата в дом оснащены ловушками.

В данный момент тоана могло и не быть в доме. Поговаривали, будто у него имелись и другие дома на нескольких континентах Земли-2. И он вратировался из одного в другой, в зависимости от того, какой район планеты интересовал его в данное время. Шпионы через посредников доносили Владыке о положении дел, к тому же он наверняка читал местную прессу.

Создатель обеих Земель, однако, придерживался политики по возможности наименьшего вмешательства в дела людей. Планеты служили ему объектами научных исследований. Он создал обе Земли по образу и подобию своего родного, ныне уничтоженного, мира. Но обе планеты копировали его мир тех времен, когда тамошнее человечество переживало эпоху палеолита.

Рыжий Орк создал искусственных людей, а потом клонировал созданную группу и поселил одну на Земле-1, а другую — на Земле-2. Обе группы были совершенно одинаковыми по генетическому строению и размещены в идентичных географических местностях. И та и другая пребывали в одинаково первобытном состоянии, и каждое из соответствующих племен говорило на одном и том же языке. Таким образом, люди, размещенные, скажем, в области, которая впоследствии станет Алжиром на Земле-1, и в точно таком же районе на Земле-2, говорили на одном языке.

Рыжий Орк наблюдал за племенами обеих Земель в течение последних двадцати тысяч лет. Или тридцати, как утверждали некоторые тоаны, но точную цифру знал, пожалуй, только сам Владыка. Время от времени он появлялся там, чтобы обновить накопленную информацию или провернуть какое-нибудь гнусное дело. На обеих планетах ставился длительнейший по времени эксперимент, касавшийся расхождения в развитии одного и того же вида. Хотя вначале различные племена были точными копиями своих аналогов на

другой планете, включая не только физический облик, но и языки, обычаи и даже имена, двадцать тысяч лет спустя отличия стали разительными.

На полпути дорогу Кикахе преградила высокая каменная стена, простиравшаяся дальше в горы. Возле ворот бездельничала дюжина вооруженных людей. Кикаха повернул назад и поехал обратно в город. Там ему удалось в обмен на несколько монет пристроить на постой коня. Хозяин конюшни, похоже, не отличался излишним любопытством. В портовом городе бывало слишком много иностранцев, и потому Кикаха не вызвал у хозяина удивления. Или же ему велел прикинуться безразличным какой-то агент Рыжего Орка?

Кикаха вернулся пешком к подножию горы и углубился в росший в нескольких ярдах от дороги лес. Там он дождался ночи, то подремывая, то перекусывая из собственных запасов и отхлебывая из фляги. Хотя теоретически он обладал иммунитетом против любой болезни, ему не хотелось рисковать и пробовать местную пищу и воду. Наконец наступила долгожданная полночь. К тому времени небо затянуло облаками. Но Кикаха надел головную повязку с прибором ночного видения. Он поднимался по склону на некотором удалении от дороги, пока не добрался до стены. Несмотря на десятифутовую высоту, Кикаха без труда преодолел ее, забросив крюк и ловко вскарабкавшись по веревке.

Оказавшись наверху, Кикаха подтянул к себе веревку и вытащил из рюкзака детектор для обнаружения сенсоров, которым снабдил его Хрууз. Пройдясь им по территории, прилегающей к стене, Кикаха ничего не обнаружил. Однако это лишь означало, что любые установленные там сенсоры неактивны. Здесь могла быть уйма пассивных детекторов, замаскированных под камни или древесную кору. Он спустился на землю и, дернув веревку, отцепил крюк. Смотав веревку и прицепив ее к поясу, Кикаха полез наверх по почти отвесному склону до следующей стены и снова описал детектором полукруг. Утопленная в выемке прибора лампочка не загорелась.

Забравшись наверх еще одной каменной стены, Кикаха снова воспользовался детектором. На этот раз индикатор зажегся. Кикаха настроил прибор на определение частоты работающих сенсоров. Сделав это, он подкрутил до той же частоты циферблат на кнопке сбоку у машинки, а затем нажал на кнопку, утопленную в выемке сбоку на приборе. Индикатор мгновенно погас. Теперь прибор пассивно аннулировал излучаемые волны, так что те больше не регистрировали присутствие его тела. Но если эту операцию засекли, то в доме Рыжего Орка могла сработать сигнализация.

Итак, он плыл против течения на крохотном каноэ по реке неопределенности и неясности, а через прохудившееся днище суденышка сочилась вода, к тому же весла грозили вот-вот сломаться. Но если лодка утонет, он двинется дальше вплавь.

Кикаха смахнул со лба пот и напился из фляги. Несколько ярдов Кикаха продирался сквозь густой кустарник меж деревьев и остановился, увидев свет в окнах верхнего этажа огромного особняка. На первом этаже окна вообще отсутствовали. Как и большие дома в долине, это здание было сложено из белых каменных глыб.

Кикаха снял очки ночного видения и, обернувшись, посмотрел вниз. Долину поглотила тьма, лишь кое-где мерцали разрозненные огоньки. Он направился к восточной стороне дома по гравиевой дорожке, что вилась меж клумбами. В сорока футах от дома начиналась лужайка. Поглядывая то и дело на детектор, Кикаха проследовал до угла дома и осторожно высунул голову. Со стороны фасада виднелось широкое крыльцо, освещенное настенными факелами. Вдоль переднего края крыльца выстроилось семь колонн, покрытых резными фигурами. Перед сводчатой дверью восьмифутовой высоты стояли два копьеносца.

Ему потребовалось две минуты для того, чтобы оглушить их из лучемета, связать руки и ноги и сунуть во рты по кляпу. Кикаха не знал, когда придет время

смены караула, да его это и не волновало. На большой железной двери не было никакого замка. Но так как она не поддалась, когда Кикаха толкнул ее, то он предположил, что та заперта изнутри. Лучемет прорезал насквозь и дверь, и большой деревянный прямоугольный засов за нею.

Шум вызвали лишь шипение металла да лязг упавших по другую сторону на пол засова и металлической скобы. Кикаха вошел в ярко освещенный холл, способный вместить в себя средней величины парусник. Свет исходил из какого-то невидимого источника, по тоанской технологии. Из вентиляционного отверстия в стене рядом с ним дул холодный воздух.

Обыскав первый этаж и никого там не обнаружив, Кикаха поднялся по широкой лестнице на второй этаж. Там он нашел комнату, где Анану подвергали процедуре стирания памяти. В комнате было так же безлюдно, как и на первом этаже. На третьем тоже не оказалось ничего интересного. Он находил врата на каждом этаже, всего десять штук. Рыжий Орк любил иметь под рукой множество путей отхода.

На «чердаки», то есть внутрь двух куполов, можно было проникнуть сквозь люки в потолке третьего этажа. Хотя Кикаха не ожидал найти там что-то стоящее, он ошибся. Каждый купол служил ангаром аэроботу. Если бы Рыжий Орк не успел достаточно быстро добраться до врат, он мог удрать на одном из аэроботов. Кикаха забрался в кабину аэробота и ознакомился с управлением и приборами, после чего завел двигатель и нажал на кнопку, включавшую механизм, открывавший в куполе дверь. Она сдвинулась в сторону, показав все еще затянутое облаками небо.

Кикаха собирался поднять аэробот в вохдух и вернуться к скалам Васкес, чтобы пройти через врата в мир Манату Ворцион. Вратами особняка он не рискнул воспользоваться, поскольку был на сто процентов уверен, что все они с ловушками. Наверняка Рыжий Орк должен был предугадать возможность появления Кикахи в особняке. Удивительно, как это тоан не ус-

тановил здесь взрывной механизм, чтобы здание взлетело на воздух, как только в него ступит нога незваного гостя.

Кикаха нажал на педаль акселератора. Аэробот рванул вперед, прижав пилота к спинке кресла. Ему следовало лететь помедленнее, пока он не выберется из купола, но Кикаха торопился.

Вот эта-то спешка его и погубила. Или, возможно, скорость в данном случае не имела никакого значения.

В любом случае, когда в нескольких дюймах от двери появилась мерцающая пелена, тормозить было уже поздно.

— Попался! — взвыл Кикаха.

Аэробот промчался сквозь мерцающую завесу — то есть через врата, настроенные Рыжим Орком так, чтобы они открывались, как только к ним приближался аппарат.

16

Пулей промчавшись сквозь завесу, Кикаха тут же нажал на две кнопки, открыв огонь из мощных лучеметов-«пушкек», расположенных по обеим сторонам носа аэробота. Что бы там ни ждало его по ту сторону врат, такие пушки все сметут. Металл расплавится, а плоть превратится в облачко атомов.

Нет, не сметут. Пушки не изрыгнули прожорливые лучи, уничтожающие все в пределах их досягаемости. Черт, ему следовало проверить оружие, прежде чем стартовать. Рыжий Орк дезактивировал пушки.

Хотя Кикаха и кипел от злости на себя за такую оплошность, он тем не менее принял все меры, чтобы не дать аэроботу врезаться в противоположную стенку гигантского ангара, куда его выкинуло. Убрав ногу с педали акселератора, он до упора повернул рычаг обратного магнитного выброса. Тело его слегка качнуло вперед, и магнитное поле безопасности не дало Кикахе переломать грудные кости о штурвал. Аэробот остановился, почти коснувшись носом стены.

Отодвинув фонарь кабины, Кикаха глянул вниз. Аэробот парил футах в пятидесяти над полом ангара. У задней стены просторного помещения были припаркованы четыре десятка аэроботов разной величины и судно, размером и формой напоминавшее цеппелин. А близ передней стены стояла дюжина людей с нацеленными на Кикаху лучеметами. То, что он принял за стену, оказалось верхней частью закрытой двери ангара.

Из маленькой дверцы рядом с большой вышел Рыжий Орк. Встав за спинами вооруженных людей, он поглядел вверх. Хотя на таком расстоянии он казался маленьким, голос его прозвучал громко:

— Медленно посади аэробот и сдавайся! Иначе я взорву бомбу, которая находится у тебя на борту!

Кикаха выполнил приказ. Скорей всего, из этой ловушки ему уже не выбраться. Кикаха был уверен, что тоану больше не нужен Обманщик. Кроме того, хитроумный леблаббий столько раз так ловко ускользал от Владыки, что тот больше не рискнет дать ему такую возможность.

Но, впрочем, имея дело с Рыжим Орком — таким же жуликоватым и непредсказуемым типом, как и сам Кикаха,— ни в чем нельзя быть уверенным.

Кикаха выключил двигатель, потом по команде стоящего во главе солдат офицера выбросил из машины рюкзак и оружие, затем вылез из кабины и постоял с поднятыми руками, пока офицер водил по его телу металлодетектором и обыскивал вручную. По окончании процедуры офицер заговорил по-тоански, велев ему опустить руки и убрать их за спину. Наручники с тихим клацканьем замкнулись на его запястьях.

Тем временем к Рыжему Орку присоединилась прекрасная женщина с длинными прямыми черными волосами, спадавшими ниже плеч, в простом красном платье-рубашке и сандалиях.

— Анана! — крикнул Кикаха.

Она с недоумением взглянула на него и перевела вопросительный взор на тоана.

— Она тебя не знает, Кикаха! — сказал Рыжий Орк, обняв женщину одной рукой за талию.— Я ей про тебя не рассказывал. Но расскажу обязательно. Она узнает, какой ты злобный тип. Правда, ты вряд ли ее очень заинтересуешь.

За долгую жизнь с Кикахой случалось много неприятностей. Но эта казалась ему самой худшей.

Рыжий Орк велел офицеру увести пленника.

— Мы скоро увидимся,— пообещал тоан.— И наш разговор будет в каком-то смысле последним.

В каком-то смысле? Что это означало?

Анана смотрела прямо на Кикаху. Лицо ее отражало жалость к нему. Но та скоро сменится отвращением, когда лживый тоан наплетет ей, каким трусливым подонком был всю жизнь его пленник.

— Не верь ни единому его слову обо мне! — крикнул ей Кикаха.— Я люблю тебя! Ты тоже любила меня когда-то, и полюбишь снова!

Анана теснее прильнула к Рыжему Орку, и тот положил ладонь ей на грудь. Кикаха рванулся вперед, но тут же упал на колени от удара рукоятью лучемета по затылку. Оглушенного, с раскалывающейся от боли головой и подступающей к горлу рвотой, пленника увели. На полпути к зданию, которому предстояло стать его тюрьмой, Кикаху чуть было не вырвало. Но конвоиры пинками погнали его дальше.

Несмотря на тошноту, Кикаха озирался, оглядывая окрестности и большое здание, к которому они направлялись. Она стояло на обширной поляне, окруженной лесом. Деревья росли так густо, что ветви их переплелись, словно они ощупывали друг друга. Кикахе не требовалось объяснять, что эти деревья служат тут сторожевыми псами. Независимо от того, просто ли схватят они беглеца или сожрут его, препятствием они окажутся не из легких.

Конвоиры — высокие, голубоглазые, светловолосые — носили желтые рубахи и мешковатые зеленые шорты по колено, пристегнутые подтяжками к кожаной сбруе на плечах. На широких, тянувшихся диагонально поперек груди кожаных ремнях сверкали ме-

таллические значки, изображавшие солнце с лучами. Такой формы Кикаха никогда раньше не видал.

Здание, в которое препроводили Кикаху, напоминало по форме луковицу, его фасад украшали скопления демонических и змееподобных фигур, сцепившихся то ли в схватке, то ли в соитии.

Его провели между двумя рядами стражи через просторный хол, а потом велели остановиться у двери лифта. Дверь не открылась. Вместо этого перед ней появились мерцание активированных врат, и пленник вместе с конвоирами шагнул сквозь пелену в просторную кабину лифта. Такой кабины — с раковиной, вешалкой с полотенцами, туалетом, феном, душем, дренажными дырочками в полу и креслом с пледом — Кикаха еще ни разу не видел. Кабина поднялась на несколько этажей. Когда она остановилась, дверь не скользнула, как ожидал Кикаха, в сторону. Но кабина накренилась вбок и быстро помчалась дальше в горизонтальной плоскости.

Вскоре она опять остановилась. Солдаты промаршировали сквозь появившееся на месте дверного проема мерцание. Как только последний из конвоя покинул кабину, врата исчезли.

Так, значит, кабина служила также и тюремной камерой. Спустя час пребывания в ней Кикаха увидел, как небольшая секция стены ушла вверх. Из ниши выдвинулась вращающаяся полка. На ней стояла его еда. Отлично. Ему уже и раньше подавали обед таким вот образом. И он не раз выбирался из камер, откуда казалось невозможно сбежать.

Кикаха не ел уже несколько часов. И хотя он несколько оправился от удара по голове, однако все еще чувствовал себя неважно. Но в основном из-за того, что Анана больше не знала его — и, возможно, никогда не узнает

Там, в громадном ангаре, ее лицо выглядело намного моложе. Хотя он и не замечал этого прежде, каждый век из прожитых Ананой тысячелетий накладывал на ее лицо микроскопически тонкую маску возраста. И все же ему она всегда казалась молодой. Настоящее

отличие стало очевидным лишь теперь, когда стирание памяти снова превратило ее в восемнадцатилетнюю девушку. Но только он, так хорошо ее знавший, мог уловить эти сброшенные с плеч годы.

На стене кабины высветился квадрат, он померцал, а затем Кикаха увидел трехмерное изображение Рыжего Орка — тот сидел, обнаженный, в кресле возле стола. За спиной тоана у противоположной стены виднелась широкая кровать.

Владыка поднял граненый кварцевый кубок, наполненный красным вином, и сказал:

— Последний тост в твою честь, Кикаха. Ты заставил меня здорово попотеть, гоняясь за тобой, и изрядно потешил этой охотой. Поэтому я пью за тебя, моя увертливая, но теперь уж обреченная дичь! — Пригубив вина и поставив кубок, тоан откинулся на спинку кресла. Выглядел он более чем довольным.— Тебе удалось сделать то, чего не смог добиться даже я за все долгие века прерываемых иногда на время поисков: ты нашел путь в мир Зазеля. Но так получилось лишь потому, что я слишком долго бился над этой задачей. Ты просто взглянул на нее свежим взглядом. Однако я благодарен тебе, и ты один из очень немногих, к кому мне доводилось испытывать подобное чувство благодарности. Фактически я должен быть тебе благодарен вдвойне.

Тоан протянул руку в сторону к чему-то за краем экрана. Когда его рука вновь появилась в поле зрения, то пальцы сжимали устройство для поиска врат.

— Я также безмерно благодарен тебе за этот подарок, даже если ты не очень-то жаждал мне его вручить. Так что еще раз большое спасибо.

— И это ты называешь благодарностью?

— Я же не убил тебя, не так ли? — Тоан глотнул еще вина и продолжил: — Уж не знаю, что там стряслось с моим клоном, которого я послал за тобой в Пещерный мир. Подозреваю, что ты его убил. Так расскажи мне во всех подробностях.

Отказываться было бесполезно и даже глупо. Рыжий Орк все равно под пыткой выбил бы из него прав-

ду. Кикаха нехотя описал, как он добрался туда и с чем именно там столкнулся, но не упомянул ни о Клифтоне, ни о Хруузе.

Рыжий Орк не выглядел ни раздосадованным, ни рассерженным.

— В какой-то мере я верю твоему рассказу,— сказал он,— но для подтверждения подожду немного возвращения моего клона Абалоса. Вернется он или нет, со временем я все равно проберусь в мир Зазеля. И, без сомнения, сумею вновь активировать его, хотя для этого, возможно, потребуется какое-то время.

— Вот времени-то у тебя как раз и нет. Манату Ворцион в конце концов нарушила свое уединение. И теперь она тебе злейший враг.

— Я все равно собирался когда-нибудь схватиться с ней.

— «Вынужденный напасть раньше, чем планировал, атакует вообще без всякого плана»,— процитировал Кикаха древнюю тоанскую пословицу.

— Как когда-то говаривала Элиттрия Серебряные Стрелы, «старые поговорки всегда стары, но не всегда верны».

Кикаха расположился в единственном кресле и насмешливо произнес:

— Давай-ка бросим обмен эпиграммами. Не будешь ли ты любезен рассказать, как собираешься расправиться с Манату Ворцион? В конце концов, я уже не смогу ее предупредить. А потом, если тебя не затруднит, скажи, какую судьбу ты мне уготовил? Люблю, знаешь ли, быть подготовленным.

— Вторую просьбу я уважу, хотя и не полностью,— отозвался Рыжий Орк.— Рассказывать про одну задуманную для тебя штучку я не стану. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.— Тоан встал и позвал: — Анана! — После чего добавил, обернувшись к пленнику: — Отныне ты сможешь видеть и слышать все, что происходит в этой комнате. Но передача из твоей камеры будет блокирована.

Через минуту в комнату вошла Анана — обнаженная, как и сам тоан. Подойдя к Рыжему Орку, она

бросилась к нему в объятья и страстно поцеловала его. После чего тот увлек ее к кровати.

— Нет! Нет! — заорал Кикаха, треснув кулаком по экрану. Этим он всего лишь отбил руку, но даже не почувствовал боли. Тем не менее дальше он раз за разом молотил по экрану креслом. Ни стене, ни креслу это не причинило вреда. Тогда Кикаха обмотал голову пледом и заткнул мизинцами уши. Едва он это сделал, как громкость звука тут же увеличилась настолько, что Кикаха по-прежнему все слышал.

Он кричал, стараясь заглушить звуки, пока вконец не охрип. И вот после длительной пытки звуки эти прекратились. Кикаха выбрался из-под одеял и взглянул на экран. Тот теперь был пуст и нем. Кикаха облегченно и хрипло вздохнул. Но перед мысленным взором у него по-прежнему стояли знакомые образы, а в ушах продолжали звенеть голоса.

Экран внезапно замерцал и снова ожил. Это было воспроизведение записи. Очевидно, Рыжий Орк намеревался прокручивать ее и, вероятно, будущие сцены вновь и вновь, пока Кикаха не сойдет с ума.

Кикаха сжал зубы, придвинул кресло к стене и с каменным лицом уставился на экран. Он не знал, удастся ли ему достаточно сосредоточиться, чтобы вызвать в памяти определенные приемы мысленного отстранения, которым его когда-то научили. В те времена он жил среди племени хроваков — медвежьего народа — на индейском уровне Многоярусной планеты и овладел одной психологической техникой, научившись ей у шамана. С тех пор прошло много лет, но, несмотря на минувшие годы, Кикаха не позабыл те приемы, как не забывается умение плавать. Теперь главная трудность состояла в проделывании этих приемов с нужной сосредоточенностью. Это оказалось нелегко. Семь попыток окончились неудачей. Тогда Кикаха угрюмо сфокусировал внимание на экране и не отрывал от него взгляда несколько часов. Если Рыжий Орк наблюдал за ним — чем тот несомненно занимался время от времени,— то поведение пленника его сильно озадачило.

Многократный просмотр фильма причинял Кикахе сильнейшие страдания. По щекам его катились слезы; в груди точно образовалась пустота, заполненная кипящим свинцом. Но Кикаха не отрывал глаз от экрана. Через какое-то время боль начала стихать. Потом ему сделалось скучно. Он сумел достаточно абстрагироваться и воспринимал происходящее на экране как обычный порнофильм с незнакомыми актерами. Складывалось такое ощущение, что наказание ему выпало лишь одно: он обречен вечно смотреть один и тот же фильм.

Вот теперь Кикаха был в состоянии начать внутренний ритуал. И на сей раз попытка увенчалась успехом. Экран вдруг исчез. Хотя на самом деле он по-прежнему светился на стене, Кикаха не видел его и не слышал звуков. Он отключил свое сознание.

«Старый мудрый знахарь Абсакосо! — думал он.— Я так тебе благодарен!» Но отплатить добром старику уже не удастся. И знахаря, и все его племя истребил один из врагов Кикахи. Смерть настигла убийцу, но месть не воскресила медвежий народ.

Прошло три дня. Экран по-прежнему оставался пустым. Утром четвертого дня картинка внезапно ожила. Действие происходило в другой спальне. И снова пленник часами сидел, уставясь на экран, пока им не овладела скука. А потом применил систему Абсакосо. Поднявшись с кресла, Кикаха увидел перед собой лишь голую стену. Однако иные образы из фильма нет-нет да вспыхивали у него в мозгу.

На пятый день Кикаха услышал голос тоана. На экране виднелись лишь голова и плечи Рыжего Орка. Это на несколько секунд сбило Кикаху с толку, пока он не сообразил, что произошло. Мозг блокирует лишь фильмы, все остальное, исходящее с экрана, он готов воспринимать.

— А ты увертливый не только в физическом смысле,— проговорил Рыжий Орк.— Я бы попросил тебя поучить этой технике, но у меня есть своя. И я мог бы заставить тебя выложить все, даже не обещая в награду освободить на месяц от этой психологической пыт-

ки. Уверен, что определенные сведения ты от меня утаил. И очень радовался — наверно, был весьма доволен собой — по этому поводу. Так что сейчас ты заснешь. А когда проснешься, я буду знать все известное тебе. По крайней мере, все, о чем ты умалчивал.

Экран померк. Вообще все кругом померкло. Очнувшись на кровати, Кикаха понял, что его лишили сознания, вероятно с помощью газа. А потом допросили. Рыжий Орк применил какой-то наркотик правды и вытянул из Кикахи все подробности, в том числе о Хруузе. И узнанное, должно быть, сильно поразило и встревожило тоана. Уж чего-чего, а появления чешуйчатого человека он предвидеть не мог.

Пообедав и поставив поднос с грязными тарелками на выдвижную полку, Кикаха обнаружил, что тоан сыграл с ним еще одну злую шутку. На стене светился экран. И вновь Рыжий Орк и Анана страстно занимались любовью. Кикаха прибег к старой хровакской методике, но ему так и не удалось заблокировать сознание.

В середине десятого воспроизведения запись вдруг прервалась, и на стене появилась голова тоана.

— До тебя уже дошло, что я нейтрализовал действие твоей техники. Добился я этого, конечно же, при помощи гипнотических команд. Приемы ты не забыл, но не можешь сделать их действенными.

Кикаха сумел сдержаться и не швырнуть креслом в экран. И попытался равнодушно улыбнуться, но вместо улыбки получился оскал.

— Я решил не дожидаться возвращения Абсалоса из мира Зазеля,— продолжал Рыжий Орк.— Вероятно, ты правду сказал, что убил его. Выясню, когда окажусь там. Через несколько минут я отправлюсь туда. А когда вернусь, у меня будут все данные о том, как построить машину творения-разрушения. После чего погибнешь и ты, и все мои враги, и миллиарды тех, кто никогда не слышал обо мне. Такая же участь постигнет вселенные. Даже мои Земли превратятся в пыль. Я проводил над ними эксперимент, но и теперь уже могу предсказать, что именно произойдет с их

народами. Обитатели Земли-один себя сами погубят своим безмозглым размножением, отравлением суши, воздуха и моря. В конечном итоге цивилизация рухнет, а вслед за ее крахом начнется повальный голод. Потом уцелевшие, хотя и одичают, снова начнут восхождение к вершинам цивилизации, науки и техники, только для того чтобы повторить ту же историю.

Со временем то же самое произойдет и на Земледва. Зачем мне продолжать эксперимент, когда я уже знаю, каким будет результат? Я использую энергию дезинтегрированных вселенных для создания новой. Одной-единственной. Это будет идеальный мир. Во всяком случае, по моим представлениям.

Возможно, я возьму с собой в свой новый мир Анану. А может, и нет. Но пока я в отъезде, ей скучать не придется. Ее будет развлекать мой клон Кумас. Она будет любить его ничуть не меньше, чем меня, ибо не поймет разницы.— Тоан помолчал и добавил с улыбкой: — А то, что она не заметит разницы, свидетельствует не в пользу истинной любви, не так ли? Это философская проблема, касающаяся отождествления. Мне хотелось бы обсудить ее с тобой, хотя, думаю, дискуссия долго не продлится. Ты хитрец и обманщик, Кикаха, но ты не знаком с тоанской философией. Да и земной, как я подозреваю, тоже. На самом-то деле ты, в сущности, бесхитростный и примитивный варвар.

Тоан повернул голову и посмотрел на что-то за кадром. Наверное, сверяется с хронометром, подумал Кикаха. Какое имело значение, что там делает тоан? Никакого, но у Кикахи всегда вызывало любопытство все, чего он не мог объяснить.

Рыжий Орк вновь повернулся к пленнику:

— Ах да! Продолжай наслаждаться фильмами!

Тоан ушел из кадра, и на экране тут же появилась комната, в которой Анана и Рыжий Орк — или его клон? — пребывали на вершине экстаза.

Кикаха попытался сделаться глухим, слепым и бесчувственным, как сталь. Но ничего не вышло.

Существует много способов добиться своего. Кикаха применял до сих пор лишь один из трех приемов, которым научил его шаман, Абсакосо.

Он сел и снова уставился на экран. Сейчас он представит Анану и Рыжего Орка в виде марионеток, которыми управляют, дергая за ниточки. Через какое-то время они перестанут быть людьми — по крайней мере, в его восприятии — и станут просто деревянными куклами с подвижными конечностями.

Однако, покуда с экрана доносились усиленные динамиками звуки, Кикахе будет очень трудно игнорировать их. Стоны, издаваемые Ананой, все время возвращали его мысли назад, к тем временам, когда они занимались любовью. И как раз когда он уже почти сдался и решил испробовать какую-то другую технику, экран внезапно опустел. Через секунду на нем появилось лицо Владыки.

— Эй! Я — Кумас!

Кикаха вскочил с кресла.

— Да ну? А может, ты и есть Рыжий Орк, вздумавший показать мне еще один из своих фокусов?

Человек на экране улыбнулся, хотя лицо его осталось напряженным:

— Я тебя не виню. Мой отец взращивает в людях подозрительность, как рыболовы — червей для наживки.

— Если ты действительно его сын... его клон... чем ты можешь это доказать? И какое мне дело?.. Чего ты хочешь от меня?

— Партнерства. Мой отец отправился в мир Зазеля. Он оставил меня главным, поскольку доверяет мне больше всего,— хотя это мало о чем говорит. Я всегда был послушен ему и никогда не выказывал никаких признаков честолюбивых устремлений. Он считает меня робким и замкнутым, больше склонным к чтению, сочинительству и приобретению знаний. В этом он отчасти прав. Но я ненавижу его не меньше, чем братья. Но, в отличие от них, мне удалось скрыть свои истинные чувства.

Он на мгновение умолк, явно пытаясь унять учащенное дыхание.

— Ты хочешь, чтобы я помог тебе убить его? — спросил Кикаха

Кумас, шумно сглотнув, кивнул:

— Да! Я много о тебе знаю — в основном от отца, хотя у меня есть и другие источники информации. Я признаю, что мне не хватает уверенности в себе для выполнения задуманного.

— Что ты имеешь в виду?

Сердце у Кикахи так и колотилось; и ему тоже пришлось справляться со своим участившимся дыханием. Безнадежность внезапно сменилась надеждой. Если тоан не затеял с ним очередную игру.

— Об этом мы сейчас поговорим. Я покажу тебе, что я не мой отец, сделав нечто такое, чего он никогда бы не сделал. Смотри!

Внезапно на стене рядом с экраном замерцал прямоугольник размером с дверь.

— Шагай через врата в мою комнату.

Хотя подозрения Кикахи все еще не рассеялись, от такого приглашения он отказаться не мог. Мгновение спустя очутился в просторной, по-спартански декорированной и обставленной комнате. Вдоль стен шли полки с книгами, свитками манускриптов и компьютерными дискетами в виде кубиков. Постель в комнате выглядела старомодной, одной из тех, какие свисали с потолка на цепях. Вдоль всей противоположной стены тянулся письменный стол.

Кумас — если это и правда был Кумас — стоял посреди комнаты. Лучемет лежал на краю стола, ближе к Кикахе.

Он мог схватить его раньше тоана. Кумас протянул вперед раскрытые ладони.

— Видишь! У меня нет оружия, кроме этого лучемета. И в доказательство своего доверия я не стану препятствовать тебе забрать его. Батарея вставлена; он готов к стрельбе.

Хотя Кикаха и придвинулся поближе к лучемету, но ответил:

— В этом нет необходимости — во всяком случае, пока. Где Анана?

Кумас повернулся к пустому пространству на стене как раз над столом.

— Шешму,— проговорил клон, что по-тоански значило «откройся».

Часть стены превратилась в экран, и на нем появилась Анана, купающаяся вместе с несколькими женщинами в большом бассейне под открытым небом. Похоже, Анане было весело с ними. До Кикахи отчетливо доносились их возгласы и визг.

Кумас произнес еще одно слово, и громкость уменьшилась до едва слышной.

— Как видишь, она вполне счастлива. Она поверила в отцовскую ложь, будто тот спас ее от Джадавина, когда Джадавин — по словам отца — вторгся во вселенную ее родителей. И она считает, что ей всего восемнадцать лет, и глубоко любит моего отца.

Грудь Кикахи на мгновение снова наполнилась обжигающе-горячей жидкостью.

— Анана! — тихо простонал он, а затем, помолчав, добавил: — Что будет, когда она узнает правду? Как сможет он помешать ей прочесть исторические хроники или услышать случайно оброненную кем-то фразу, противоречащую его словам?

Кумас с любопытством поглядел на него.

— Я думал, тебя будет волновать только одно — как нам убрать моего отца,— сказал он.— Но тебя, похоже, больше всего беспокоит Анана. Должно быть, ты действительно любишь ее.

— Вне всяких сомнений! Но полюбит ли она меня опять когда-нибудь?

— Поживем — увидим,— резко ответил Кумас.— А сейчас у нас, с твоего позволения, есть нечто куда более важное. Если мы не займемся этим, то у вас с Ананой вообще не будет никакого будущего. Как, впрочем, и у меня.

— Согласен. Пускай пребывает в счастливом неведении до тех пор, пока не настанет время, когда ей придется сказать правду.

Они сели за стол. Кикаха вкратце рассказал тоану свою историю. Когда он упомянул о том, что Рыжий

Орк собирается дезинтегрировать вселенные и начать все сначала, сотворив себе новую, то увидел, как Кумас побледнел и задрожал.

— Этого я не знал! Отец рассказал о своих планах только тебе, поскольку был уверен, что ты не сможешь проболтаться.

— Кстати, сколько у тебя осталось братьев?

— Нас — четверо, если только ты и вправду не убил Абсалоса.

— Убил.

— Тогда из первоначальных девяти в живых осталось трое. Ашателон, Вематол и я. Ашателон с Вематолом настаивают на желании сопровождать нас в Пещерный мир. Они хотят принять участие в убийстве отца.

— Чем больше, тем веселее,— хмыкнул Кикаха.

Но думал он о том, что не может доверять ни одному из клонов, хотя Кумас, похоже, отличался от прочих. Возможно, Рыжий Орк поэкспериментировал с генами клонов. Или влияние окружающей среды оказалось более сильным, нежели предполагал Владыка. В любом случае ему придется держать с ними ухо востро, хотя он сомневался, что братья будут опасны для него, пока жив Рыжий Орк. Они боялись отца, и им понадобится вожак, который не испытывает подобного чувства. А уж потом, как шакалы, помогавшие льву на охоте, они могут наброситься на Кикаху.

— По меньшей мере четверо из моих братьев погибли, когда отец посылал их на верную смерть,— продолжал между тем Кумас.— Кентрита он отправил в мир Хрууза с бомбой в рюкзаке, о чем мой брат и не подозревал. Да мы вообще ничего не знали, пока отец сам не рассказал. И при этом не переставал смеяться! Казалось бы, он должен быть добр к нам, раз его отец был так жесток с ним. Но этого не произошло. Похоже, Лос так сильно исковеркал его душу, что он получает особое наслаждение, мучая собственных сыновей. Порой мне думается, будто он сотворил нас лишь для того, чтобы иметь возможность терзать, на определенный лад, себя самого.

— Что ты имеешь в виду? — не понял Кикаха.

— Он ненавидит себя, я уверен в этом. Наказывая нас, он наказывает самого себя. Эта мысль кажется тебе слишком заумной?

— Она вполне может быть обоснованной. Но верна она или нет, это ничего не меняет. Ты проверил эту комнату? Нет тут записывающих устройств, какие он мог установить?

— Конечно. Итак, теперь остались только я, Ашателон и Вематол. Те двое выросли такими, какими их хотел видеть отец — людьми действия. Я разочаровал его, так как показал себя слишком пассивным. Он этого не понимал. В конце концов, я же его генетическая копия. Так почему тогда у меня совсем другой характер? Он пытался объяснить это, но...

— Мы всегда можем поговорить об этом позже,— прервал его Кикаха.— Но если мы резко не остановим твоего отца — и я имею в виду именно резко — то позже у нас не будет времени.

— Отлично. Сейчас он в Пещерном мире, если только не солгал мне, а я никогда не знаю наверняка, когда он лжет, а когда говорит правду. Там он должен пробыть довольно долго, так как собирается активировать тот мир. Логичным для нас будет напасть на него, пока он там. Но сначала, если это возможно, нам следует замуровать все тамошние врата, за исключением тех, через которые мы войдем. Согласен?

Кикаха кивнул. Но, слушая Кумаса, он не мог удержаться от мыслей об Анане. А что, если она не сможет вновь полюбить его? И тут в голове у него молнией мелькнула идея. Если все выйдет, как он задумал, Анану можно будет настроить против Рыжего Орка.

— Кумас! — взволнованно воскликнул он.— Послушай! Мы обставим твоего папашу! Во всяком случае, в том, что касается Ананы. Он, похоже, все на свете предвосхитил, но такого ему не предвидеть. По крайней мере, я так надеюсь. Мы с тобой сделаем вот что...

Через час Кумас вышел из комнаты и направился к Анане. Кикаха наблюдал за ними по экрану. К тому времени Анана уже закончила купание и надела зеле-

ное полупрозрачное платье, а длинные черные волосы собрала в «пучок Психеи». Она сидела на скамейке в цветнике и читала, глядя на маленький видеоэкран. Когда Кумас подошел к ней, Анана подняла голову. Он протянул ей кубик, подготовленный им вместе с Кикахой, недолго поговорил с ней и ушел. Анана, нахмурившись, долго держала кубик в руке.

Как только Кумас вошел в комнату, Кикаха выключил экран.

— Думаешь, она просмотрит...? — спросил он.

Кумас пожал плечами. Но сказал:

— А ты смог бы удержаться?

— Это зависит от того, заставил ли он ее пообещать, что она не станет слушать никаких пренебрежительных замечаний о нем. Если заставил, то она, вероятно, не станет смотреть. Но я делаю ставку на то, что синдром Синей Бороды возьмет верх. Она опустит кубик в паз и включит экран. Во всяком случае, я на это надеюсь.

— Синдром Синей Бороды?

— Синяя Борода — это злодей из старинной сказки,— рассмеялся Кикаха.— Он часто женился и убивал своих жен, а потом развешивал их для просушки в запертой комнате. Как-то раз ему пришлось уехать из дома, и он отдал своей последней жене ключ, открывающий все двери в замке. Но ей запрещалось отпирать дверь в одну комнату. Естественно, любопытство пересилило долг послушания супругу. А потому после недолгой борьбы с искушением женщина поддалась ему. И отперла запретную комнату, где висели на крюках бывшие жены. Бедняжка, конечно же, пришла в ужас, поведала обо всем властям, и Синей Бороде пришел конец.

— У нас, тоанов, тоже есть похожая сказка,— откликнулся Кумас.

— Если Рыжий Орк просто приказал ей игнорировать рассказы о нем... Но если она дала ему слово... Не знаю. По ее мнению, ей восемнадцать лет. Та Анана, которую я знал, едва дождалась бы ухода Рыжего Орка, чтобы выяснить, чего же такое он от нее скрывает.

Но восемнадцатилетняя Анана может отличаться от своей старшей версии.

— Выясним, когда вернемся,— сказал Кумас.— Если вернемся.

17

— Вот мы и на месте! — весело воскликнул Кикаха.— Вернулись в страну мертвых!

Он вместе с тремя клонами, «сыночками» Рыжего Орка, вновь очутился в том самом туннеле мира Зазеля, куда попал при первой вылазке. Путь сюда оказался извилист. Сначала они нашли врата в мир Манату Ворцион. Перед тем как отправить Кикаху в мир Хруза, Великая Матерь сообщила ему о том, что снова установила прежнюю ловушку, которая однажды перенесла Кикаху на ее планету. И теперь он мог вернуться к ней тем же путем.

Пройдя на планету Великой Матери, группа оказалась в лесу, окружавшем громадное дерево, в котором жила Владычица. И вновь из-за деревьев появились воины и препроводили путников в дерево-дворец. После целого ряда совещаний с Великой Праматерью четверку отправили во вселенную Хрууза. Они оказалась в комнате без окон и без дверей, высеченной в скале. Через несколько минут врата перебросили их в тюремную камеру, которая находилась в подземной крепости Хрууза. Чешуйчатый человек соединил все врата-проходы в свою вселенную отводным каналом. Это позволило ему запереть все непосредственные входы в свой мир. Но они откроются, когда приборы покажут Эрику Клифтону, что предварительные врата кем-то заняты. Сам Хрууз отбыл в мир Зазеля, оставив Клифтона наблюдать за вратами.

Англичанин выпустил четверку из камеры только тогда, когда убедился, что Кикаха не пленник сынков Рыжего Орка. Кикаха сразу же поведал Клифтону обо всех событиях вплоть до минуты отправки сюда. Клифтон, в свою очередь, сообщил ему новости о Хруузе.

— ...или по крайней мере — направлялся туда,— уточнил Клифтон.— Он собирался воспользоваться тем же маршрутом, каким шел ты, когда вратировался туда.

— Давно он отправился?

— Десять дней назад.— Клифтон скорбно завращал глазами.— Вот уж пять дней как ему полагалось вернуться. Однако он мог попробовать вновь активировать тот мир. Ведь я узнал об умирании того мира, только когда ты мне рассказал, а Хрууз выяснит это, только попав туда.

— Не понимаю, зачем он это затеял,— Кикаха пожал плечами,— ему следовало дождаться нас. Возможно, он считает, что вполне справится и один. Не знаю.

— Ты его подозреваешь? — изумился Клифтон.

— Хрууз так и не доказал, что ему можно доверять. С другой стороны, повода для подозрений он тоже не давал. Ведет он себя вполне дружелюбно и, безусловно, нуждается в нас. Во всяком случае, нуждался. Возможно, что-то случилось и поэтому мы ему больше не нужны? Но что же может таиться у него в рукаве?

— Ненависть к людям как к виду?

— Он ненавидит Владык. Но с какой стати ему иметь что-то против нас, леблаббиев? Мы не причинили ему зла!

— Внешне мы ничем не отличаемся от Владык,— указал Клифтон.— А ненависть не всегда бывает разумной.

— Но к нам с тобой он никогда не проявлял ничего, кроме дружелюбия. Чтобы все это время подавлять свою ненависть, надо быть чертовски хорошим актером.

— Это может быть показательным. Я нисколько бы не удивился, если б он говорил о тоанах не иначе как с пеной у рта. Но нет! Видно, самообладание у него железное. Разве это само по себе не подозрительно?

— Все возможно,— произнес Кикаха.— Но сейчас мы все равно ничего не можем тут поделать. Отправимся без него.

* * *

Часом позже боевой отряд прошел через врата в мир Зазеля, не зная, какой прием их ожидает в месте назначения. Туннель, однако, был пуст. Наблюдалось одно — зато весьма существенное — отличие от того, что увидел Кикаха в конце своего визита. По стене туннеля вновь маршировали те самые символы.

— Кто-то уже немного преуспел в попытке воскресить этот каменный скелет,— задумчиво проговорил Кикаха.

— Будем надеяться, что этот кто-то не Рыжий Орк,— отозвался Кумас.

Во избежание путаницы в решающий момент, когда отождествление личности будет играть важную роль, клоны выкрасили волосы в лиловый цвет, повязали головы оранжевыми налобными повязками и повесили за плечи голубые рюкзаки.

На сей раз Кикаха не собирался пускаться в долгий и утомительный путь пешком по туннелям. Четверка покинула дворец Рыжего Орка в складных одноместных аэроботах весом по тридцать фунтов каждый. Впрочем, они походили скорее на мотоциклы, чем на обычные аэроботы. Но баки кислородом и водой, ящик с припасами и лучеметы типа «маленькая пушка», прикрепленные к фюзеляжу у носа, заставляли крошечные двигатели порядком напрягаться, чтобы поддерживать скорость тридцать миль в час. Тем не менее в этой тесноте такой полет казался очень стремительным.

Инфракрасный свет — Кикаха надел очки ночного видения — придавал туннелю еще более призрачный вид, чем фотонный свет.

Не прошло и часа, как путешественники достигли развилки. Кикаха предупреждающе поднял руку и остановил аэроцикл.

— Что за черт!

Вход в левый туннель был перегорожен единственным камнем, и символы там пропадали. Но знаки на

другой стене продолжали маршировать в правый тунель.

Кикаха вылез из флаера и обследовал камень Гладкий, со множеством флюоресцентных щербинок, он совпадал с краями входа в туннель так идеально, словно вырос прямо из стен. Или же словно кто-то поработал специальным инструментом.

Кикаха вытащил из рюкзака индикатор глубины. Прижав его к камню, он обернулся к своим спутникам:

— Там тридцать футов сплошного камня. За ними пустое пространство — надо полагать, продолжение туннеля. Кто-то установил его здесь, чтобы заставить нас ползти туда, куда ему хочется.

— Надеюсь, это сделал Хрууз,— раздался из прилепленного к челюсти Кикахи крошечного приемника голос Кумаса.

— Я тоже. Но нам ничего не остается, кроме как следовать по проложенному для нас маршруту. С этой минуты мы с тобой, Кумас, полетим как можно ближе к потолку. А вы, Ашателон и Вематол, ведите машины в нескольких дюймах над полом и постарайтесь держаться футах в десяти позади нас. Так мы обеспечим себе максимальную огневую мощь и в то же время не перестреляем друг друга. Я полечу чуть впереди Кумаса.

Хотя Кикахе и не нравилось подставлять спину тоанам, он должен был возглавлять отряд, иначе они сочли бы его трусом. Кумасу он велел оставаться рядом с собой потому, что был не вполне уверен, сумеет ли тот сообразить, как действовать во время боя, если не получит приказа.

Через пять минут всем четверым пришлось резко затормозить. Вход в пещеру тоже был заблокирован. Но рядом в стене зияло новое отверстие. И этот ход шел под прямым углом к туннелю, в котором они находились. А символы вновь появились на ранее пустой части стены.

— Вперед и вглубь,— скомандовал Кикаха.— Открыть глаза шире, а пальцы держать на гашетке. Но постарайтесь без необходимости не стрелять.

— Если это подстроил наш отец,— сказал Кумас,— то с нами все кончено.

— Многие Владыки именно так и предполагали, устраивая мне очередную ловушку,— отозвался Кикаха.— Однако вот он я, жив, здоров и полон сил. А вот мои враги — мертвы, как лев, связавшийся со слоном.

— Хвастунишка все равно, что воздушный шарик,— хмыкнул Вематол.— Ткни в него — и он лопнет!

— Этого человека не зря прозвали Убийцей Владык, он выиграл войну с Черными Колокольниками,— резко одернул брата Ашателон.— Так что почему б тебе не приберечь свое ехидство для себя самого?

— Мы обсудим это позже — на ножах,— заявил Вематол.

— Ничто так не подбадривает, как братская любовь,— сострил Кикаха.— Меня от вас, тоанов, просто тошнит. Вы мните себя богами, а на самом деле — малые дети. Все, больше никакой грызни! Это приказ! Все внимание выполнению нашей задачи! А не то я отправлю вас обратно к нянькам, пусть подтирают вам носы!

Некоторое время все четверо хранили молчание. Флаеры проплыли по туннелю не меньше мили, прежде чем им преградил путь еще один камень. Но этот камень не был наглухо приварен к стенам туннеля. Между ним и стеной явственно наблюдался некий промежуток. А символы то ли прекратили движение, то ли как-то просачивались сквозь каменную преграду.

Тем не менее спутники остановились. Кикаха вновь вытащил измеритель толщины.

— Десять футов толщиной,— сказал он, взглянув на индикатор.— Дальше пустота.

— Поворачиваем? — спросил Кумас.

— И блуждать здесь, пока не кончатся съестные припасы! — возразил Вематол.

— Возможно, нам следует проложить себе дорогу сквозь камень с помощью пушки,— предложил Ашателон.— На это может уйти вся энергия батареи. Но что нам еще остается?

— Будем пробиваться,— решил Кикаха.

Отряд подчинился приказу, и все четверо начали поочередно буравить преграду лучом. Под действием мощной силы камень быстро плавился, и лава растекалась по полу. Соскрести полужидкую массу оказалось делом жарким и трудным. А такими маленькими лопатками, как у них — еще и долгим. Обливаясь потом, стараясь не попасть под узкие лучи, путники сумели выкинуть горячую массу из входа в туннель. Когда батарея на одном из флаеров наполовину иссякла, за дело принялся другой. Но буквально через минуту после этого камень начал откатываться вбок, в стенную нишу.

Кикаха велел Ашателону выключить лучемет.

— Так это же колесо! — воскликнул Кумас

— А то мы без тебя не догадались, болван,— отозвался Вематол.

Они отвели машины назад и замерли в ожидании. Носы флаеров были нацелены на отверстие, пальцы пилотов лежали на кнопке «огонь».

— Приготовьтесь к стрельбе,— скомандовал Кикаха.— Только не палите почем зря.

— Зачем кому-то, кроме Рыжего Орка, закрывать входы? — проворчал Вематол.

— Не знаю. Может, это сделал Хрууз, хотя и не знаю зачем. Просто ничего не предполагаю.

Гигантское колесо почти целиком скрылось в стене. Перед путниками открылся вход в пещеру.

Кумас по приказу Кикахи снял очки ночного видения, с целью определить, есть ли в пещере фотонный свет.

— Пещера освещена! — громко воскликнул клон.

Остальные тут же сняли очки. Лившийся из пещеры яркий свет казался намного сильнее, чем могли обеспечить растения-люминофоры. Свет не давал теней и вроде как не имел никакого видимого источника. Это означало, что данную иллюминацию устроил тоан. Или нет?

Теперь спутники увидели, что пещера эта просто гигантская. Их вспотевшие тела овеял прохладный воз-

дух. Кикаха снял кислородную маску и вдохнул полной грудью. Но хотя воздух был восхитительно свежим, Кикаха решил не спешить и сказал клонам:

— Маски пока оставим на месте.

Кикаха не видел отдаленных стен и потолка пещеры, настолько громадной та оказалась. Но зато обратил внимание на выраставшие из почвы на полу какие-то странные на вид растения, в том числе и высокие, как деревья.

— Там нас поджидает Рыжий Орк,— сказал Кумас.

— Кто-то точно поджидает,— отозвался Кикаха.

— Первым идешь ты,— заявил Кумас.

— Ну, конечно! — громко воскликнул Кикаха.— Если я буду дожидаться, когда один из вас отважится сделать первый шаг, мы будем сидеть тут, пока с голоду не передохнем!

— Никто не смеет называть меня трусом! — возмутился Ашателон.

Не успел Кикаха остановить его, как Ашателон рванул флаер с места и промчался сквозь отверстие. Но не остановился сразу же, а, напротив, разогнался, пока не набрал максимальную скорость — пятьдесят миль в час. Флаер взлетел вверх и на мгновение скрылся из виду. А затем миг спустя появился вновь и завис в нескольких дюймах над полом в десяти футах от входа, развернув к нему машину носом.

— Теперь всем ясно, кто тут трус! — проревел Ашателон.

Слова его эхом отдались от далеких стен.

Кикаха повел свою машину в пещеру и осмотрелся. Стена позади него была почти сплошь покрыта зеленым лишайником. Растениям каким-то образом подарили новую жизнь. Или же в этой пещере они и не увядали. От ближайших стен спутников отделяли мили две, а до потолка было футов сто. А противоположный конец пещеры находился так далеко, что съеживался впереди в еле различимую точку. Символы же чинно шествовали по обеим стенам, пока не переставали быть видимыми из-за своей малости.

В пещеру вплыли Кумас с Вематолом.

— Никого,— с явным облегчением сказал Кумас.

— Но кто-то все же откатил то колесо в сторону! — заметил Кикаха.— Едем дальше.

Он начал было жать на педаль акселератора — и почувствовал капли влаги на голой коже, а повсюду вокруг него возник очень жидкий туман.

Очнулся он в квадратной клетке с железными прутьями. Высоко над головой маячил сквозь прутья потолок пещеры. Кикаха медленно встал и обнаружил, что ноги у него босые. Одежды тоже не осталось — ни на нем, ни где-либо поблизости. Пол в клетке был цельнометаллический, в углу лежала стопка одеял. Еще в одном углу стоял металлический ящик, а в третьем — ящик с дыркой: по-видимому, сортир. В центре был очерчен оранжевый круг диаметром в три фута.

А на значительном удалении друг от друга стояли точно такие же клетки, расположенные по кругу. Вместе со своей Кикаха насчитал шесть штук. В каждой сидело по человеку, хотя один из них явно не принадлежал к роду гомо сапиенс.

— Хрууз! — прохрипел Кикаха.

Он схватился за прутья решетки и ощутил слабость и головокружение. Несмотря на кислородные маски, его и клонов все ж таки отравили газом. Должно быть, газ этот проникал сквозь поры в коже.

Однако в плен их взял не Рыжий Орк, поскольку тот сидел в клетке как раз напротив Кикахи. Такой же лишенный одежды, как и все прочие пленники, тоан прижимался лицом к решетке и улыбался своему заклятому врагу. Что означала эта улыбка? Радовался ли Владыка, что по крайней мере остальные тоже в клетках? Или улыбался, наслаждаясь каким-то тайным знанием? Например, таким: это он засадил их в клетки, а теперь разыгрывает из себя пленника? Но зачем ему это? Время покажет.

В трех других клетках находились три клона Рыжего Орка

— Ну что, Кикаха, дохвастался? — Вематол сплюнул сквозь прутья решетки.

Кикаха не обратил на него внимания. Он хотел было обратиться к Хруузу, но тут прямо в центр круга, образованного клетками, медленно и с достоинством вошел, вошло... существо? животное? получеловек? Секунду назад его здесь не было. Откуда он взялся? Вероятно, из врат.

Хотя Кикаха никогда раньше не видывал вошедшего, он сразу сообразил, что это наверняка тот, кого он считал умершим.

— Дингстет! — воскликнул землянин.

— Неф труф,— ответило, повернувшись лицом к Кикахе, существо, что по-тоански означало: «Да, это я». Во рту вместо зубов блеснули ограненные драгоценные камни.

Кикаха слышал о Дингстете от Ананы и Манату Ворцион. Судя по их рассказам, Дингстет был искусственным существом, созданным Зазелем в качестве своего собеседника и управляющего. Перед тем как покончить с собой, Владыка поручил своему творению охранять и поддерживать в рабочем состоянии его, Зазеля, мир. Вот только зачем держать на плаву такую скучную и мрачную вселенную — этого уж никто не ведал.

И вот теперь это легендарное существо стояло перед Кикахой. Двуногое, шести футов ростом, со светлой, слегка пигментированной кожей бледно-розоватого цвета. Медлительность его поступи не была намеренной — блестящие кольца плоти, охватывавшие сочленения на плечах, бедрах, локтях, коленях и запястьях, не позволяли Дингстету двигаться так же свободно, как человеку. Голова, шея и туловище были пропорционально больше человеческих. Череп почти квадратный, а губы — очень тонкие. Там же, где у человека полагалось быть гениталиям,— гладкая кожа.

— Ты знаешь мое имя,— проговорило существо.— А какое у тебя?

— Кикаха. Но я думал, этот мир погиб, и ты вместе с ним.

— Тебе и полагалось так думать,— существо выговаривало слова на несколько архаичный лад.— Но ты

и остальные оказались слишком настойчивыми. Поэтому мне пришлось принять соответствующие меры.— Оно помолчало и добавило: — Я полагал, что врата закрыты.

— Эта тварь намерена заточить нас всех здесь навечно! — выкрикнул Рыжий Орк.— Дингстет! Я пришел сюда с миром!

Не оборачиваясь, существо ответило тоану:

— Возможно. А возможно, и нет. Вон тот, называющий себя Хруузом, говорит, что ты очень жесток и буен и одержим желанием заполучить сведения о машине творения-разрушения, принадлежавшей моему хозяину. Он говорит, ты уничтожишь все вселенные, включая мир Зазеля, чтобы приобрести энергию для создания нового мира только для тебя самого.

— Он лжет! — заявил Рыжий Орк.

Дингстет продолжал смотреть на Кикаху:

— Может, получеловек, называющий себя Хруузом, лжет, а может, говорит правду. Он утверждает, что сумеет представить мне доказательства, если я позволю ему вернуться в его собственный мир. Но ты, Орк, обещал скоро вернуться, когда я выпустил тебя через врата. И не вернулся. Следовательно, ты мне солгал.

Откуда мне знать, что этот Хрууз не такой же лжец? Это касается и остальных. Например, ты, Кикаха. Вы с Хруузом и прочие, возможно, никогда не вернетесь, если я разрешу вам покинуть этот мир. Или же вернетесь с намерением вынудить меня раскрыть для вас сведения, которые вам не положено знать. Не знаю, лжец ли ты, Кикаха, но ты определенно способен на бессмысленное насилие. Я видел, как ты отшвырнул копию моего черепа. И видел, как ты убил человека, хотя тот поступок был самообороной. Или походил на нее.

Дингстет зашагал прочь от круга клеток. Кикаха наблюдал, как он проследовал до места в двадцати ярдах от них и остановился возле «дерева» — алого растения с густыми ветвями на одинаковом расстоянии от ствола. Неподалеку от этого цилиндрического

дерева лежал большой круглый камень. Хранитель мира Зазеля встал точно посередине между деревом и камнем. Повернувшись к пленникам спиной, он, очевидно, произнес кодовое слово, поскольку внезапно исчез.

— Как он тебя поймал? — спросил Кикаха у Хрууза, сидевшего в двух клетках от него.

— Газ. Тебе следовало бы спросить: «Как нам выбраться из этих клеток?»

— Как раз над этим и работаю,— отозвался Кикаха.— Но должен признать, это — одна из самых трудных задач, какие мне когда-нибудь приходилось решать.

— Ты хочешь сказать — нам,— поправил его Хрууз.

— Да — нам! — воскликнул Рыжий Орк.— Предлагаю, пока не сбежим, на время забыть о ненависти и действовать сообща.

— Забывать я ничего не собираюсь,— отозвался Кикаха.— Однако не позволю своим чувствам помешать мне действовать заодно с тобой.

— Мы обречены,— вздохнул Кумас.

— Слабак! — набросился на него Ашателон.— Мне стыдно, что я твой брат!

— Ничего не скажешь, Ашателон, умеешь ты действовать сообща,— съязвил Вематол.

Глубокий и резкий голос Хрууза прекратил перепалку:

— Когда я слушаю вас, тоанов, то всегда удивляюсь: как это вы умудрились победить мой народ? Просто не верится, что тоаны, перебившие хрингдизов, могли быть вашими предками.

— Только не проси их дать слово не всаживать тебе нож в спину, до того как все закончится,— посоветовал ему Кикаха.— Их слово стоит не больше горящего клочка бумаги.

— Это мне известно,— сказал Хрууз.— Но все же общая опасность должна сплотить нас — на время.

— Ха!

— Есть у кого-нибудь какие-нибудь идеи? — осведомился Рыжий Орк

— Дингстет, возможно, подслушивает,— предупредил всех Кикаха.— Так как же нам делиться мыслями, если он тут же узнает о наших планах? Бумаги у нас нет, да и будь она, мы не смогли бы перебрасывать записки из клетки в клетку. Слишком далеко они друг от друга. К тому же Дингстет наверняка не спускает с нас глаз.

— Язык жестов? — предложил Кумас.

Все рассмеялись.

— Пошевели мозгами, дубина! — выкрикнул Вематол.— Многие ли из нас знают язык жестов? А если кто и знает, то ему придется сначала обучить остальных. А мы не сможем этого сделать, если не будем кричать друг другу, объясняя значение жестов. Дингстет нас услышит и выучит его вместе с нами. Так что...

— У меня появилась идея,— огрызнулся Кумас.— Я просто высказал мысль, никчемный ты ленивый и болтливый чурбан. А у тебя-то какая остроумная идея?

Вематол ничего не ответил.

Остаток дня прошел в молчаливых размышлениях. Ночь наступила, когда выключили свет без видимого источника, и осталась лишь фосфоресценция растений. Кикаха ворочался на одеялах, но не из-за отсутствия кровати — ему не давали заснуть непрекращающиеся раздумья о том, как же выбраться из клетки и что делать дальше. В конце концов сон сморил его, и думы сменились сновидениями о жизни с Ананой. Иные из этих снов являлись кошмарами, монтажом из отчаянных положений, в которых они с ней оказывались, но, в общем, сны были приятными.

В одном из снов он увидел лица своих родителей. Они улыбались и выглядели гораздо моложе, чем незадолго до смерти. Затем их лица отдалились и затерялись в тумане, но Кикаха все равно почувствовал себя счастливым. После этого сна он некоторое время бодрствовал. Некоторые тоаны намекали, что его усыновили, а настоящим отцом его был тоан, возможно, сам Рыжий Орк. Кикаха всерьез подумывал докопать-

ся до истины, как только появится свободная минута. Но теперь ему было все равно. Биологические родители не обязательно настоящие отец и мать. Любовь и забота — вот что главное. Бедная, но достойная пара, вырастившая Кикаху с младенчества на ферме в штате Индиана,— вот те, кого он знал и любил. А значит, они и есть единственные родители, к каким он испытывает сыновние чувства. Так что забудь про дознание.

В пещере вспыхнула заря, свет менее яркий, чем вчерашний. Через час появился Дингстет, он встал между деревом и камнем, осмотрительно не приближаясь к клеткам.

— Я слышал, как вы говорили о планах бегства,— заявил он,— и просчитал через этот мир возможности вашего успеха. Он дает вам более чем 99,999999999-процентную вероятность вообще никогда не преуспеть в этом. Сейчас, дабы сделать эту вероятность стопроцентной, мир пытается вычислить, что именно вы можете предпринять.

— Чтобы рассчитать такое, ему требуется получить от тебя полные данные,— заявил Кумас.— А ты их никогда не узнаешь.

— Давай, облегчи нам дело! — взвыл Вематол.— Выболтай все, анус ты анусовый, король кретинов!

Кумас с раздосадованным видом улегся на груду одеял и повернулся ко всем спиной.

— Тем не менее я пытаюсь учесть все факторы,— сказал Дингстет.— К сожалению, мой создатель не наделил меня воображением Владык.

— С удовольствием поможем тебе найти искомое! — выкрикнул Вематол.

— В самом деле? — повернулся к Вематолу Дингстет.— Вы очень добры.

Ему пришлось подождать, пока утихнет хохот сидящих в клетках. Даже Хрууз смеялся своим отрывистым лающим смешком.

— Полагаю, это какая-то человеческая шутка. Я таких не понимаю. Через час вы услышите сигнал. Ты, Кикаха, незамедлительно встанешь вон в тот круг

на полу твоей клетки. Врата перенесут тебя в район спортзалов и душевых. Когда ты вернешься в клетку, сигнал зазвучит опять. Ты, Вематол, пойдешь следующим.

Дингстет поочередно назвал каждого, убедился, что пленники поняли установленный порядок, и вернулся к вратам у дерева.

— Заботится он о нас неплохо,— сказал Ашателон, когда хозяин пропал из виду,— хотя насчет еды ничего сказать нельзя. Хотел бы я знать, почему его вообще волнует наше состояние?

— Кажущаяся забота о нас заложена в него,— откликнулся Рыжий Орк.— Это входит в его программу. Но Зазель ввел подобные команды исключительно ради собственных нужд. Возможно, мы еще пожалеем, что Дингстет не прикончил нас сразу.

* * *

Кикаха очутился в высеченном в камне помещении без входов и выходов — если не считать врат, доставивших его сюда,— которое вентилировалось через узкие прорези в стенах. Пятьдесят футов в высоту и в ширину, полмили в длину. В каждом конце — неогороженный душ, фонтанчик, унитаз и фен.

Он сделал несколько упражнений, потом быстро пробежал вокруг зала миль пять, снова позанимался гимнастикой, напился, встал под душ, высушился, после чего ступил в круг и тут же оказался в клетке. Снова раздался громкий гудок, и Вематол встал в центр своего круга.

На третье утро подобного режима Кикаха не выдержал и спросил Дингстета, что тот в конце концов собирается с ними делать.

— Вы останетесь в клетках, пока не покончите с собой или не погибнете от несчастного случая, хотя и не представляю, как тут может произойти несчастный случай.

Ураган протестов затих далеко не сразу, после чего на несколько минут воцарилось молчание.

— Значит, мы останемся здесь навечно,— проговорил наконец Вематол.

— Вечность — всего лишь философская концепция,— сказал Дингстет.— Ничего подобного не существует. Однако, если б ты сказал, что вы пробудете тут очень долго, то был бы прав.

— Да мы же свихнемся! — завопил Кумас.

— Вполне возможно. Но на продолжительность вашей жизни это никак не повлияет.

— Почему ты так обращаешься с нами? — с трудом сохраняя спокойный тон, спросил Кикаха.

— Я должен подчиняться командам Зазеля, хотя и не знаю, почему он так распорядился. Однако, как мне представляется, когда хозяин отдавал такие приказы, он не предвидел, что однажды покончит с собой. Теперь он мертв — но его повеления живы.

Кумас потерял сознание. Вематол выплеснул на Дингстета весь свой богатый запас оскорблений и ругательств, а когда исчерпал его, то начал по новой. Ашателон кусал руки, пока на них не выступила кровь. Трое остальных не проронили ни слова: Рыжий Орк сидел, задумчиво уставясь в пространство сквозь решетку. Хрууз плакал — странное зрелище для людей, поскольку его инсектоидное лицо, казалось, скрывало не больше эмоций, чем у насекомого. Кикаха подпрыгнул, повис на прутьях решетки и принялся корчить рожи, ухая, точно обезьяна. Ему требовалось как-то выразить свои чувства. Всего лишь на какой-то миг ему почудилось, будто его и вправду отбросило к самому началу эволюционного пути. Обезьяны не думают о будущем. А раз так, он станет обезьяной и тоже не будет о нем думать.

Позже Кикаха конечно же осознает, насколько вывихнутой была его логика. Но в тот момент она казалась ему вполне разумной. Ведь превратиться в обезьяну — это настолько по-человечески.

18

К утру он совершенно пришел в себя. И теперь, вспоминая вчерашнее, Кикаха решил, что быть обезь-

яной довольно забавно. Для полного сходства с антропоидом ему недоставало лишь густой шерсти да блох.

Тем не менее это кратковременное падение с лестницы эволюции было неким предупреждением. Слишком уж много лет провел Кикаха в условиях крайнего напряжения и на волосок от смерти. А перерывы между экстремальными ситуациями бывали слишком коротки. Правда, он всегда был в высшей степени крепок духом и телом и готов схватиться с целой вселенной в поединке, где дозволены все приемы. Но преодоление бессчетных опасностей не проходило даром, требуя высокой душевной расплаты. Два самых последних и самых тяжелых удара — потеря Ананой памяти, а затем неотвратимый приговор к пожизненному заключению — оказались той серией из двух коротких ударов, которая вышибла его с ринга.

— Но ненадолго,— пробормотал Кикаха.— Как только я, после длительного отдыха, снова приду в форму, то буду готов сразиться с чем и с кем угодно.

Некоторые из его товарищей по несчастью все еще предавались отчаянию. Кумас, в ответ на любое обращение ворчавший нечто нечленораздельное, целый день простоял в одной позе, припав к решетке лицом и вцепившись в прутья. Ел он очень мало. Ашателон ругался, бушевал и метался по клетке. Вематол что-то бормотал себе под нос. Только Хрууз и Рыжий Орк казались вполне спокойными, сосредоточив, подобно Кикахе, все свои помыслы на бегстве.

Дохлый номер! Кикаха вновь и вновь пытался извлечь из своего богатого арсенала изобретательности какой-то способ вырваться на волю. Но любая мелькнувшая идея тут же развеивалась ураганом суровой действительности. По сравнению с их тюрьмой знаменитый Алькатрас[1] был просто детской игрушкой.

Прошло тридцать дней. Каждый день после обеда их навещал Дингстет и беседовал по несколько минут с каждым пленником, за исключением Кумаса, кото-

---

[1] Остров в заливе Сан-Франциско, где до 1962 года располагалась одна из самых надежных тюрем США.

рый тут же поворачивался к тюремщику спиной и не произносил ни слова.

Рыжий Орк пытался уговорить Дингстета, чтобы тот отпустил его. Но тот отказывался.

— Приказы Зазеля ясны и недвусмысленны. Если его нет на месте для отмены команд, то я должен держать любых пленников до его возвращения.

— Но ведь Зазель умер. Он никогда не вернется.

— Верно. Но это ничего не меняет. Он не уведомил меня, как мне следует поступать с заключенными, если он умрет.

— А разве ты не можешь пересмотреть его приказы в свете изменившейся ситуации?

— На такое я не способен.

Кикаха внимательно прислушивался к диалогу. На следующий день, во время пробежки по спортзалу, без всяких размышлений о своих проблемах, в голове у Кикахи вдруг вспыхнула фейерверком одна идея.

— Может, и получится,— сказал он сам себе еле слышно.— Попытка не пытка. Все зависит от того, как устроены мозги у Дингстета.

На следующий день, увидев Дингстета, идущего своей деревянной поступью в круг между клетками, Кикаха окликнул его:

— Дингстет! У меня сногсшибательные новости! Случилось настоящее чудо!

Существо подошло к клетке Кикахи и остановилось поблизости, хотя и недостаточно близко для досягаемости.

— Что за новости? — спросило оно.

— Прошлой ночью ко мне явился во сне призрак Зазеля. Он сказал, что пытался связаться с тобой из страны мертвых. Но он может добиться этого только в сновидениях. А ты не видишь снов.

Кикаха утверждал это наугад. Но казалось вполне вероятным, что мозг Дингстета лишен подсознания.

— Ну, и раз ты не видишь снов, а я наоборот — заслуженный сновидец, то Зазель, то есть его дух, использовал меня в качестве медиума для связи с тобой!

Черты лица Дингстета не были приспособлены для выражения озадаченности. Тем не менее им это удалось.

— Что означает «заслуженный» в контексте твоего утверждения?

— Это значит «превосходный».

— Вот как! Но что такое «призрак, дух»?

— Неужели тебе ничего не известно о призраках и духах?

— Познания у меня обширны, но моему мозгу не вместить всех знаний. Когда мне нужно что-нибудь узнать, я обращаюсь с вопросом к миру-мозгу.

— Спроси его о призраках, духах и парапсихических явлениях. Итак, вот что произошло прошлой ночью. Зазель...

Когда Кикаха закончил свой рассказ, Дингстет заявил:

— Пойду к миру-мозгу и спрошу у него.

И поспешно удалился.

— Кикаха! Что ты...? — начал было Рыжий Орк, как только существо пропало из виду между деревом и камнем, но Кикаха прижал палец к губам и чуть заметно покачал головой:

— Ш-ш-ш! Доверься мне!

Он нетерпеливо мерил шагами клетку. Мысли походили на рой астероидов, вращающихся по орбите вокруг планеты. А центром той планеты являлась внезапно осенившая его вчера идея. «Мне следовало быть поэтом,— подумал Кикаха.— Слава Богу, у меня хватило ума не рассказывать посторонним о тех образах, сравнениях и метафорах, возникающих порой в моем мозгу».

Отвлекшись наконец от темы важности своего «я» — слабость вполне простительная и широко распространенная,— мысли Кикахи вернулись к Дингстету. Что он ему скажет, если тот вернется и сообщит, каким наглым брехуном считает Кикаху?

Правитель Пещерного мира действительно вернулся через несколько минут.

— Мир-мозг проинформировал меня,— заявил он, встав напротив Кикахи,— что никаких таких созда-

ний, как призраки или духи, не существует. Следовательно, ты лжешь.

— Ничего подобного! — вскричал Кикаха.— А скажи-ка на милость, когда в мир-мозг были введены данные о каких-либо спиритуальных вещах?

Дингстет помолчал всего несколько секунд. А затем сообщил:

— Приблизительно двенадцать тысяч лет назад по времяисчислению родной планеты Зазеля. Могу назвать тебе точную дату.

— Вот видишь! — обрадовался Кикаха.— Те данные давным-давно устарели! С той поры ученые открыли, что многие вещи, считавшиеся суевериями,— реальный факт! Призраки, духи и всякие прочие привидения существуют на самом деле! Примерно две тысячи лет тому назад тоан по имени Гудини доказал, что духи существуют. А также доказал, что они могут общаться с нами... но вот мы редко можем обратиться к ним. Духи являются лишь высокочувствительным и одаренным личностям, таким, как я, и доводят до сведения людей свои пожелания. Их метод связи похож на односторонние врата: они с нами могут говорить, а мы с ними — нет!

Он оглянулся вокруг. К этому времени все узники, кроме Кумаса, вцепились в прутья решетки и внимательно смотрели на него.

— Если не веришь мне, спроси у них! Они не дадут мне соврать. Верно я говорю, парни?

Никто из пленников не мог правильно угадать, к чему клонит Кикаха. Но у них хватало ума подыграть ему. У Кумаса могло и не хватить, но, когда Дингстет спросил его, правду ли говорит Кикаха, тоан молча лежал на одеялах, уставясь сквозь решетку на потолок. Зато все прочие поклялись, что слова Кикахи — истина, давно известная любому ребенку.

— Фактически тот же Гудини подтвердил существование духов научно-психическими экспериментами,— заявил Рыжий Орк.— Несколько раз ему даже удалось увидеть привидения, хотя и смутно. Но во сне умершие являются порой более-менее отчетливо.— И

тоан посмотрел на Кикаху, словно спрашивая взглядом: «Кто такой, черт побери, этот Гудини?»[1]

Кикаха за спиной у Дингстета сложил указательный и большой пальцы колечком, восхищенный тем, как быстро тоан уловил идею.

— Мой народ гораздо древнее тоанов! — громко возвестил Хрууз.— Мы знали о существовании призраков задолго до того, как тоаны узнали о нашем существовании!

Кикаха надеялся, что клоны не испортят эффекта излишним энтузиазмом, напридумывав «факты», лживость которых Дингстету будет легко установить. Когда Дингстет повернулся лицом к Хруузу, Кикаха жестом велел Ашателону и Вематолу говорить поменьше. И тут же остановился. Ему вдруг пришло в голову, что мониторы Дингстета могли снимать его. Если тюремщик просмотрит отснятое и у него возникнут вопросы насчет его жестикуляции, то он будет добиваться от Кикахи какого-то объяснения.

Вематол и Ашателон заявили, что всем на свете вот уж не одно тысячелетие известно о существовании мира духов и о том, как призраки порой связываются с живыми через сны. Однако братья не сумели удержаться от оскорблений и презрения по адресу Дингстета за его невежество, подвергая его унижению куда сильнее, чем хотелось бы Кикахе.

---

[1] Гарри Гудини (1874–1926) — знаменитый американский фокусник, выступавший в жанре эскейпизма, т. е. выбиравшийся из самых надежных тюремных камер, освобождавшийся от любых оков и т. д. Но мистический ореол окружает имя Гудини не из-за его трюков (все они давно разгаданы и повторены другими циркачами), а из-за одной истории, связанной с его смертью. Пребывая в депрессии после смерти матери, Гудини на время увлекся оккультизмом и пообещал жене, что если он паче чаяния умрет раньше нее, то непременно найдет способ связаться с ней с того света. И когда он таки скончался, то жена в скором времени стала утверждать, будто покойный муж вступил с ней в контакт и отправляет ей «послания», водя ее пишущей рукой. И хотя эту аферу быстро разоблачили, она прочно закрепила в сознании обывателей представление о Гудини как о маге и волшебнике.

Если Дингстет и обиделся, то вида не подал. Повернувшись лицом к Кикахе, он потребовал:

— Опиши Зазеля!

Осторожный тип! Не столь бесхитростный, каким кажется.

Пытаясь отсрочить ответ, пока не придумает приемлемого варианта, Кикаха принялся уточнять вопрос:

— Что ты имеешь в виду? Описать его наружность? Черты лица? Рост? Сравнительные пропорции конечностей и туловища? Цвет волос и глаз? Маленькие у него уши или большие? Форму и величину носа?

— Да.

Прежде чем заговорить, Кикаха набрал побольше воздуху в грудь, надеясь почерпнуть из него не только кислород для дыхания, но и вдохновение. И заговорил громко, так, чтобы его расслышали остальные пленники:

— Зазеля окутывал туман, поэтому лица его я ясно не разглядел. Умершие видятся сновидцу в туманной дымке или неясно, это, как я уже говорил, обычное явление. Разве я не прав, парни?

— Прав, конечно!

— Какие могут быть сомнения? Это доказанный факт!

— Да будь здесь Гудини, он сказал бы то же самое!

— Мы, хрингдизы, всегда видели призраков только в тумане!

Кумас, встав с одеял, подошел к решетке и завопил:

— Вы все с ума посходили!

После чего улегся вновь.

— Он опровергает ваши утверждения,— заметил Дингстет.

— Ничуть не бывало! — поспешно возразил Рыжий Орк.— Он на пути к безумию. Ты ведь заметил: он сказал «вы все», то есть включил в число сумасшедших и тебя. Но тебе ведь известно, что ты не безумец. И мы тоже знаем, что не сошли с ума. А следовательно, утверждение Кумаса — слова человека с расстроенной психикой, и потому не соответствует действительности.

— Это кажется разумным,— признал Дингстет.— Мой рассудок в полном порядке. И что же сказал Зазель? — спросил он, обращаясь к Кикахе.

— Сначала он поздоровался со мной, вот так: «Нисс Зацель».

Вематол застонал, решив, что этот леблаббий-землянин действительно дал маху.

— «Нисс Зацель». Я не понял, что он хотел сказать. А потом сообразил, что он говорит на тоанском своей эпохи. К счастью, язык изменился не слишком сильно. Я понимал почти все сказанное им, а когда не разбирал, понимал из контекста. Вдобавок слова его доходили сквозь туманную дымку не без некоторых искажений и к тому же приглушенно. И внешний облик призраков, и их голоса доходят так — словно передаются через слегка неисправные врата.

— Рад об этом узнать. «Нисс Зацель». Ты ведь не тоан, а значит, вряд ли знаешь древний язык.

Кикаха решил больше не цитировать предполагаемые слова Зазеля. Его знакомство с архаическим тоанским ограничивалось всего несколькими словами, которые он услышал от Ананы. Кикаху от души порадовало, что он запомнил какую-то часть их столь давнего разговора.

— Что он сказал еще? — требовательно спросил Дингстет.

Кикаха заговорил медленно, придумывая фразы прямо на ходу:

— Он сказал, что многому научился у других призраков и Верховного Духа, который правит тем миром. И теперь он видит, какие ошибки и промахи совершил при жизни.

«Только не увлекайся,— одернул себя Кикаха.— Рассказ должен быть действенным, но кратким. Чем меньше слов, тем больше вероятности не произнести что-нибудь способное меня выдать».

— Короче, он сказал мне, что может вступить с тобой в контакт только через посредство человека, открытого для психической связи, то есть меня. Ему потребовалось для связи со мной некоторое время и

усилия, поскольку я был эмоционально расстроен тем, что попал в заключение. Наконец прошлой ночью он сумел-таки явиться мне во сне и велел мне передать тебе, что нас надо освободить и обращаться с нами как с гостями, хотя за Рыжим Орком надо следить, поскольку он опасен. Но тебе нельзя давать кому бы то ни было данные о машине творения. Тебе следует уничтожить их и отпустить нас на все четыре стороны.— Немного помолчав, Кикаха продолжил: — Он также сказал мне — фактически настаивал,— что рог Шамбаримена, который ты отнял у Рыжего Орка, следует отдать мне. Это моя собственность, и, как сказал Зазель, я не употреблю его во вред.

Рыжий Орк побледнел и беззвучно оскалился, но не посмел прервать своего врага. С другой стороны, Кикахе поневоле пришлось включить тоана в список освобождаемых — ведь иначе Рыжий Орк тут же разоблачил бы его как лжеца.

— Зазель приказал тебе стереть все данные о той машине, так как она представляет собой опасность для всего живого во всех вселенных. Ты должен сделать это не медля и убедиться, что эту информацию невозможно восстановить. Под этим он подразумевает, что ни единого бита их не осталось храниться в мире-мозге. Затем ты выпустишь нас из клеток и разрешишь нам вратироваться из этого мира. Но Зазель приказал не возвращать Рыжему Орку оружия и снять с его аэробота лучеметы. Мы полетим на своих машинах до выходных врат. Уберемся мы отсюда все вместе, и врата выведут нас во дворец Рыжего Орка на Земле-два.

Рыжий Орк сверкнул глазами. Он прекрасно знал, почему Кикаха ставит такие условия.

— Зазель не сказал мне, почему он этого хочет,— добавил Кикаха.— Должно быть, у него есть на то какая-то причина, о которой он не пожелал мне сказать. Но уверен, так будет лучше всего. Мертвым известно все.

Несколько минут Дингстет не говорил ни слова. Глаза его сделались неподвижными, как у статуи, хотя и моргали. Он стоял не шелохнувшись, не дрожа ни еди-

ным мускулом, как это делал бы человек в такой напряженной позе. Все сидящие в клетках, за исключением Кумаса, не спускали с тюремщика глаз.

— Купится он или нет? — пробормотал себе под нос Кикаха.

Ни с одним тоаном такой номер бы не прошел, равно как и с большинством землян. Но Дингстет не был человеком и почти не имел опыта общения с таким в высшей степени лживым видом, как гомо сапиенс.

Наконец Дингстет нарушил долгое молчание:

— Раз Зазель так приказал, то так все и будет. Если б только я умел видеть сны — он мог бы разговаривать со мной!

На мгновение Кикахе стало жаль его. Возможно, это существо больше похоже на человека, чем он думал. Или, может, просто хотело стать таким.

Он отпустит их, сказал Дингстет, в течение часа и перебросит через врата в пещеру, где хранятся их воздушные суда. Но выполнение «приказов Зазеля» потребовало больше времени, чем предполагал Кикаха. Как это часто бывает, случилось нечто непредвиденное. Первым в пещеру, где Дингстет разместил аэробот, должен был попасть Хрууз, за ним Кумас, а потом на этот склад переправят Рыжего Орка. Кикаха потребовал организовать переброску через врата в такой очередности, поскольку не хотел, чтобы Рыжий Орк оказался на складе первым. Кто знает, на что способен этот хитрый ублюдок, если его оставить одного или только с клонами? Но вот Хрууз достаточно силен, чтобы справиться с ним.

Хрингдиз встал в круг внутри клетки и исчез. Но с Кумасом вышла заминка: Дингстет никак не мог заставить его подчиниться. Лежа на одеялах, Клон повернулся к нему спиной и не двигался с места. Наконец Дингстет предупредил его:

— У меня есть в распоряжении средства, чтобы принудить тебя выполнить мою команду. Но они сопряжены с сильной болью для тебя.

С полминуты Кумас молчал. Потом поднялся — с ничего не выражающим лицом и тусклым взглядом,

добрел до круга и встал посредине. Дингстет нацелил один конец маленького инструмента в сторону круга и нажал на кнопку. Хотя радиосигнал прибора запустил процесс, но полностью врата активировались лишь через пять секунд.

Кумас, очевидно, считал каждую секунду, ибо в тот самый миг, когда ему полагалось исчезнуть, он метнулся к краю оранжевого круга и высунул правую ногу за черту.

А потом пропал. Но нога, фонтанируя кровью, осталась в клетке и тут же свалилась на пол.

— Покончил с собой! — выкрикнул Рыжий Орк. Остальные молчали, онемев от неожиданности. Дингстет, возможно, тоже был потрясен, но вида не показал, только спросил:

— Почему он это сделал?

— Ну я же говорил тебе: бедняга совсем помешался,— ответил Кикаха.

— Не понимаю я этой свойственной людям неустойчивой психики, странных комплексов и частых сбоев,— сказал Дингстет.

— Мы тоже,— заверил его Кикаха.

Дингстет оставил уборку заляпанного кровью помещения на потом — когда «гости» покинут его мир. А может, он и вовсе не собирался утруждаться. Он перебросил оставшихся людей в пещеру, где хранились их аэроботы, но не в тот круг, куда собирался первоначально, а в другой. Шагнув из круга, Кикаха увидел тело тоана в круге рядом. Мельком взглянув на него, Кикаха занялся приготовлениями к старту. Подготовка не заняла много времени. Как только все расселись по машинам, Дингстет произнес кодовое слово и открыл дверь в пещеру. Часть стены ушла в нишу, и они вылетели в туннель Дингстет объяснил им, как добраться до врат, через которые Рыжий Орк проник в этот мир. Владыка летел позади своих клонов, а Хрууз и Кикаха — за ним.

Двадцать минут спустя они прибыли к вратам. Кикаха выпрыгнул из флаера и вытащил из рюкзака клейкую веревку. Рыжий Орк опомниться не успел, как на

него набросились клоны с Хруузом. От Вематола с Ашателоном ему, возможно, и удалось бы отбиться, но Хрууз был силен, как медведь. Выполняя указания Кикахи, данные шепотом в пещере-ангаре, хрингдиз заломил тоану руки за спину, а клоны тем временем схватили его за ноги. Дингстет, наблюдавший за ними с помощью мира-мозга, должно быть, недоумевал, гадая, что же тут происходит. Кикаха быстро связал Рыжему Орку руки за спиной.

В конечном итоге Кикаха вытащил из рюкзака рог и протрубил семь нот. Часть стены сразу же замерцала. Хрууз протолкнул Рыжего Орка, не проронившего за все это время ни слова, через врата. А минуту спустя вся компания оказалась во дворце, который сейчас занимала Анана. Пришлось немного повозиться с напавшими на них при виде связанного хозяина охранниками. Но сражение длилось недолго. Несколько выстрелов из лучеметов уложили пару-тройку стражников, а остальные бросились врассыпную.

Вскоре, однако, охранники восстановили порядок в своих рядах и заняли оборонительные позиции. Но Кикаха обратился к капитану, засевшему в зале за баррикадой из мебели. После того как с капитаном переговорили по очереди Кикаха, Вематол и Ашателон, стороны пришли к соглашению. Затем капитан посовещался со своими лейтенантами и некоторыми из рядовых. Переговоры заняли свыше часа, но зато в результате стража присягнула на верность Кикахе и клонам. Охранники не любили Рыжего Орка, и, в общем, им было плевать, кому служить, особенно после того как Кикаха удвоил им жалованье и сократил часы службы.

Кикаха был в восторге:

— Меня тошнит от кровопролития. А кроме того, если бы они организовали яростное сопротивление, то погибли бы и некоторые из нас. И одним из этих «нас» мог оказаться я.

Но Вематол с Ашателоном не доверяли солдатам и, во избежание убийства или мятежа, отвели нескольких охранников в сторону. Им пообещали солидные

суммы, если они согласятся шпионить за своими товарищами и доносить о любых потенциальных смутьянах и реальных заговорах. А затем клоны, не уведомляя Кикаху, завербовали других охранников, наказав им следить за шпионами Кикахи. Он узнал об этом, когда кое-кто из завербованных уведомил его. Они надеялись на вознаграждение за предательство и получили его..

Тогда Кикаха тотчас нанял других солдат и нескольких слуг для слежки за клонами. Не исключено, что клоны приняли в свою секретную службу тех же людей, каким поручили шпионить за ним. И, вне всякого сомнения, Вематол с Ашателоном завербовали себе и личных агентов для слежки друг за другом.

Подумав об этом, Кикаха расхохотался. Если процесс и дальше пойдет в том же духе, то скоро все охранники и слуги станут двойными, тройными или даже четверными агентами.

Убедившись, что неприятностей со стороны охраны в ближайшее время ожидать не приходится, Кикаха навестил Анану. Она сидела в саду в шезлонге, возле плавательного бассейна, не уступавшего величиной небольшому озеру. Солнце Земли-2, близясь к зениту, заливало ее ослепительным светом. На столике возле шезлонга стоял высокий стакан с темной жидкостью и кубиками льда. Хотя прислужницы шумно веселились в воде, Анана отнюдь не выглядела довольной. И когда Кикаха, подойдя к ней, вновь представился, то не удостоился ни улыбки, ни приглашения присесть.

— Вематол уже рассказал тебе всю правду,— промолвил Кикаха.— Я послал его вперед себя объяснить тебе, что с тобой случилось на самом деле, поскольку меня ты, как мне думалось, вообще не станешь слушать. Но я готов рассказать еще раз, какую именно операцию проделал над тобой Рыжий Орк, и добавить любые подробности, опущенные Вематолом.

— Я выслушала его до конца, хотя мне стоило большого труда сдержаться и не крикнуть ему в лицо: «Ты лжец!» — глухим голосом проговорила Анана, не глядя прямо на Кикаху.— Я не желаю слушать твоего

вранья. А теперь ты уйдешь с тем, чтоб никогда не возвращаться!

Кикаха придвинул к ней кресло и сел.

— Нет, не уйду. Вематол сказал тебе правду, хотя, поскольку он тоан, ему это, наверное, было нелегко.

Он изнывал от желания обнять ее и поцеловать. Анана посмотрела на него:

— Я хочу поговорить лично с Рыжим Орком. Пусть он расскажет мне правду.

— Ради Элиттрии! — выпалил Кикаха, громче и нетерпеливей, чем собирался.— Зачем утруждать себя, когда он будет только врать!

— Я пойму, правду ли он говорит или лжет.

— Это нелогично! Неразумно!

Кикаха пытался подавить свой гнев, порожденный разочарованием и отчаянием.

— Я не потерплю чтобы какой-то леблаббий говорил со мной в подобном тоне,— холодно ответила Анана.— Даже если я в его власти.

— Я...— начал было Кикаха и закрыл рот. Этот разговор будет очень трудным и потребует огромного самообладания и деликатности.— Приношу свои извинения. Видишь ли, я знаю всю правду, и мне тяжело видеть тебя обманутой. Отлично. Ты можешь поговорить с Рыжим Орком с глазу на глаз.

— А ты будешь следить за нами, подслушивать нас?

— Обещаю, что за вами никто не будет наблюдать.

— Но ты запишешь наш разговор.

— Нет. Обещаю. Однако...

— Что?

— Ты мне не поверишь. Но Рыжий Орк может убить тебя, если я не позабочусь об охране.

— Он? Убить меня? — презрительно рассмеялась Анана.

— Поверь мне, я знаю его гораздо лучше, чем ты.

— Я никогда не полюбила бы тебя, леблаббий.

— Так наш разговор пойдет по кругу. Я исполню твое желание. Ты будешь в комнате наедине с Рыжим Орком, и ни человек, ни машина не будут вас подслушивать. Но между вами будет прозрачная пере-

городка. Я не стану рисковать, имея дело с таким, как он. Таково мое решение, и оно останется неизменным.

«А Хрууз — не человек. Он сможет слушать разговор Ананы с Рыжим Орком по монитору. Так что в буквальном смысле ни человек, ни машина наблюдать за ними не будут. Но я не могу так поступить,— подумал Кикаха.— Я никогда ей не лгал. По той же причине я не стану выполнять и имевшийся у меня план. Выставить вместо их отца Ашателона или Вематола под видом раскаявшегося и ныне правдивого Рыжего Орка... это тоже отпадает. Но искушение так велико, что мне крайне тяжело отвергать его».

Анана, казалось, не испытывала благодарности, даже когда Кикаха пообещал ей, что беседа продлится столько времени, сколько ей захочется.

Встреча длилась два часа. И когда Анана вышла из комнаты, по щекам у нее текли слезы. Но, едва увидев Кикаху, она подавила рыдания и сумела принять безразличный вид. Тоанам не пристало проявлять «слабость» перед леблаббиями. Не отвечая на вопросы Кикахи, Анана быстро прошла к себе.

Рыжего Орка все еще держали в той комнате, где он разговаривал с Ананой. Кикаха вошел туда и сел в занимаемое недавно ею кресло. И оттого что это кресло было еще теплым, у Кикахи возникло такое чувство, словно он прикоснулся к ней.

Он посмотрел сквозь прозрачный металлический экран на тоана, и тот не дрогнув встретил его взгляд.

— Ты выиграл этот раунд,— сказал Кикаха.— Живым тебе из этого положения не выскользнуть. Если я не решу иначе. Шанс на это все-таки есть, но не буду тебя обманывать. Мне очень трудно, почти невозможно, хладнокровно убить человека или приказать другим сделать то, к чему у меня душа не лежит. Уж поверь, твои клоны хотят хорошенько и долго помучить тебя, прежде чем отправить на тот свет. Они не могут понять, почему я им этого не разрешаю.

— Я тоже не пойму,— отозвался, помолчав несколько секунд, тоан.— Что же до побега отсюда, то уж тебе-то не следовало быть столь уверенным в этом. Мы

с тобой во многом схожи, Кикаха. Если я правильно понял твои намеки, ты открыл для меня некую дверь. Однако эта открытая дверь не будет для меня свободой. Ты просто не станешь меня убивать — а будешь держать в плену, пока я не покончу с собой от досады и скуки. Верно?

Кикаха кивнул.

— Ты глупый леблаббий! — завопил тоан.

Кожа у него внезапно сделалась ядовито-багровой, а лицо перекосилось от ярости. Он погрозил Кикахе кулаком и плюнул. Глаза налились кровью; артерии на лбу набухли, точно раздувающие капюшоны кобры. А затем он принялся биться лбом об экран.

Услышав вопль Рыжего Орка, Кикаха подпрыгнул от удивления и отступил. Но теперь он подошел к экрану, пристально разглядывая тоана. Из разбитого лба хлестала кровь, заливая Владыке лицо. Рыжий Орк выглядел сейчас не рыжим, а красным. Хотя тоан заслужил свой титул — Красный или Кровавый — главным образом из-за пролитой им крови столь многих людей, он был также известен во многих вселенных своими приступами ярости. Случались они нечасто, из-за присущего тоану ледяного самообладания. Но уж когда они прорывались, на него бывало страшно смотреть.

«Да,— подумал Кикаха,— вот уж всем яростям ярость».

Наблюдая за тоаном, который, не переставая вопить, раздирал теперь себе ногтями лицо, Кикаха недоумевал, почему Рыжий Орк не попробовал какую-нибудь систему психического лечения. Или, наверно, пробовал, да безуспешно.

Теперь Рыжий Орк катался по полу, пока с силой не врезался в стену, а потом откатился назад, пока его не остановила противоположная стена. Вопить он, правда, перестал, но кровь из ран и ссадин на лице, груди, животе и ногах отмечала его путь на полу кровавыми дорожками.

Внезапно он перестал кататься и теперь лежал на спине с разинутым ртом, точно рыба, выброшенная на

берег. Руки и ноги раскинуты в стороны, а глаза уставились в потолок невидящим взглядом.

Кикаха дождался, когда массивная грудь тоана стала вздыматься и опускаться уже не столь быстро.

— Ну как, справился со своим приступом? — спросил Кикаха.

Хотя Рыжий Орк ничего не ответил, но тем не менее поднялся на ноги. Лицо тоана под залившей его кровью было спокойным. Посверлив с минуту взглядом Кикаху, он произнес вполне ровным тоном:

— Я знаю, что ты собираешься мне предложить. Если я хочу остаться в живых, мне придется рассказать Анане всю правду о том, что я сделал с ней.

Кикаха кивнул.

— Мне нужно немного подумать об этом,— заявил тоан.

— У тебя есть десять секунд.

На мгновение Кикахе подумалось, что Рыжий Орк опять впадет в буйную ярость. Губы тоана крепко сжались, а глаза снова загорелись безумным огнем. Но затем он сделал глубокий вдох и улыбнулся.

— Нет, я не скажу Анане правду.

— Я так и знал,— сказал Кикаха.— Однако у меня есть и еще одно предложение. Если ты его примешь, то избежишь пожизненного заключения. Однако сделаю я тебе это предложение или нет — зависит от ответа на мой вопрос. Ты сохранил запись воспоминаний Ананы? А если да, то можешь ли ты вернуть ей память?

19

Рыжий Орк сидел недвижно, сфокусировав взгляд на точке в нескольких дюймах от головы Кикахи. И так как он не ответил сразу, то, значит, решил тщательно взвесить каждое сказанное слово.

Кикаха попытался угадать ход его мыслей. Рыжий Орк знал, в состоянии ли он вернуть память Анане. И теперь гадает, следует ли ему солгать. Если память и можно вернуть, тоан все равно способен ответить «нет».

И хотя такой ответ обречет его на пожизненное заточение... Кикаха-то сумел найти выход из клетки Дингстета! А что по плечу леблаббию, то и ему, Рыжему Орку, под силу.

Если он скажет «да», то работать с машиной кроме него некому. Тогда Анана окажется в его власти, и он сможет убить ее электрическим разрядом или каким-нибудь иным доступным способом. Но наслаждаться своей местью ему долго не придется. Через несколько секунд умрет и он.

— Нет,— сказал наконец тоан.— Я не могу вернуть ей память. Даже если бы ее можно было сохранить, потребовался бы громадный архив, вместить который способен лишь мир Зазеля. Да и то я не уверен. Разрушать куда легче, чем творить.

— Тебе ли не знать,— отозвался Кикаха.— Ведь именно ты лишил Анану памяти. Но то, что ты сделал с ней, я могу повторить с тобой. Как тебе понравится остаться без памяти?

Тоан слегка вздрогнул.

— Я позабочусь о том, чтобы аппарат стер тебе память до пятилетнего возраста,— продолжал Кикаха.— Если верить моим информаторам, тогда ты был чудесным ребенком. Таким образом, мне не понадобится убивать тебя — надеюсь на это — и ты получишь второй шанс. В камере тебя держать не будут, но не позволят выходить из этого дворца. И так будет, пока я на все сто процентов не уверюсь в том, что ты не собьешься с правильного пути, что ты действительно невинный сосунок. А может, лучше вернуть тебя в трехлетний возраст. Или даже двухлетний. Так нам будет легче сформировать из тебя другую личность или по крайней мере изменить твою. Твои деструктивные наклонности можно будет направить в созидательное русло. Вопреки твоим словам, порой легче творить, чем разрушать.

— Пропадут тысячелетние знания и опыт,— пробормотал Рыжий Орк.

Кикаха ожидал новой вспышки ярости, но, похоже, первая порядком истощила тоана.

— Именно это и произошло с Ананой.

Тоан глубоко вздохнул, посмотрел на потолок, а потом в глаза Кикахе:

— Ты кое о чем позабыл. Я один умею работать с машиной, стирающей память.

— Ничего я не забыл,— отозвался Кикаха.— Тебе введут в вену гипнотическое средство, которое заставит тебя ответить на все вопросы.

— Со мной этот номер не пройдет,— улыбнулся тоан.— Я обучился неким ментальным приемам, которые автоматически блокируют действие любых доступных тебе гипнотических средств.

— Я не поколеблюсь причинить тебе такую боль, что ты с радостью скажешь, как управлять аппаратом намного больше, чем мне хочется узнать. Прежде я редко кого пытал — только когда речь шла о спасении чьих-то жизней. Ты сомневаешься в этом?

— Ты своему слову хозяин,— съязвил тоан.— Но чью жизнь ты собираешься спасать, подвергнув меня пыткам?

— Твою,— усмехнулся Кикаха.— Однако мне не придется тебя мучить. У меня есть в рукаве еще одна карта. Страданий я тебе причинять не стану — то есть, в смысле физических. Хрууз сумеет разобраться в том, как работает твой аппарат.

На сей раз пришел черед усмехаться тоану:

— Я давным-давно предвидел появление кого-нибудь со знаниями как у этого хрингдиза. Аппарат не включится, пока не распознает в качестве оператора меня. Он должен прочесть частоту моего голоса и конфигурацию интонации. И еще он затребует отпечатки моих ладоней, глаз, запаха и маленький кусочек кожи, чтобы прочесть мою ДНК. А кроме того, он должен услышать от меня кодовую фразу, хотя ее-то ты сможешь вырвать у меня под пыткой. Да этого и не понадобится. Я и так ее выдам, много от нее тебе будет толку.

— А дальше? — спросил Кикаха.

— А! Ты уже догадался про еще один барьер на пути к управлению машиной. Правильно сделал! В

машине есть некие многочисленные компоненты, которые, после определенной задержки, взорвутся, если работать с ней буду не я. Взрыв уничтожит машину, а заодно аннигилирует все в радиусе трехсот футов и вызовет серьезные разрушения в радиусе следующих трехсот.

— Это наверняка потребовало больших хлопот,— заметил Кикаха.— Ты что, установил систему самоуничтожения с целью лишить своих клонов возможности воспользоваться ею, верно?

— Ну, разумеется, идиот!

— Этот идиот найдет способ одурачить машину,— сказал Кикаха.— Ты утаил от меня одну подробность насчет того, как машина распознает тебя. Это нечто, отличающее тебя от твоих копий. Когда боль станет достаточно сильной, мне удастся выбить из тебя эту информацию. Идея эта мне не нравится, но, как уже сказано, я прибегну к пытке. Этот инструмент почти всегда бывает действенным.

— Он добудет тебе искомые сведения. Но эта информация ничуть тебе не поможет. Машина взорвется, даже если ты посадишь оператором Ашателона или Вематола.— Рыжий Орк немного помолчал.— Мои сыновья могли бы управлять аппаратом, если бы не один непреодолимый фактор. И я вполне могу рассказать тебе о нем, поскольку мне не хочется быть уничтоженным. Фактор этот заключается в команде, благодаря которой аппарат невозможно заставить стереть мне память. Даже я не могу ее отменить. Если лицом, которому требуется стереть память, буду я, то машина тут же взорвется. И машина узнает, что операция производитея именно со мной, так как она способна определить мой возраст. Клоны гораздо моложе меня. И, соответственно, как только аппарат обнаружит эту разницу в возрасте, тут же сработает взрывной механизм.

— Как такое может быть? — усомнился Кикаха.— Клетки в твоем теле обновляются каждые семь лет. И оно будет, в пределах семилетнего допуска, ничуть не старше, чем тела клонов.

— Верно. Но прежде чем запустить процесс стирания, аппарат просканирует мою память и таким образом определит, что я — не копия, а оригинал, поскольку у клонов память короче. И я не могу отменить эту команду, не заставив машину взорваться.— Рыжий Орк поднялся на ноги.— Все, я устал от этого разговора. Вратируй меня обратно в камеру.

Кикаха тоже последовал его примеру:

— Уже уходишь? А мне с тобой было так весело!

Рыжий Орк встал в круг на полу, ожидая, пока его отправят через врата в камеру. И крикнул напоследок:

— Послушай моего совета, Кикаха! Присматривай за Хруузом! Не доверяй ему!

Выходя из комнаты, Кикаха признался себе, что зашел в тупик. Ситуация походила на безнадежную ничью. Рыжий Орк держался с самоубийственным упрямством. Хотя ему предложили гораздо лучшую сделку, чем он заслуживал, тоан предпочитал скорее умереть, чем лишиться памяти и тем самым своего драгоценного «я».

Кикаха пошел в центр управления — громадную комнату с очень толстым ковром, на котором красовались различные математические формулы. У пульта управления с множеством приборов и ручек настройки сидел Хруух. Он развернулся вместе с креслом и посмотрел на Кикаху:

— Похоже, тебе придется либо убить его, либо держать в заточении до смерти.

— Держать его взаперти — неудачная мысль. За те тысячелетия, что он еще проживет, ему удастся придумать способ побега. А мне крайне неприятна самая мысль о нем снова на воле.

— Советую тебе прекратить его страдания.

— Страдания?

— Да. Иногда Рыжий Орк, как мне говорили, вполне спокоен и живет в ладу с самим собой, так как ощущает свое превосходство над остальным человечеством. Тогда он бывает даже добр с людьми. Он считает себя настоящим богом. Но это чувство преходящее. Он терзается, оттого что не может стать спокой-

ным и безмятежным. И он не в силах заставить людей полюбить себя — я подразумеваю не половую любовь — то есть вожделение. За все прожитые им тысячелетия он так и не научился жить в мире ни с собой, ни с другими людьми. Другие довели его до безумия, потому что сам он вызвал в них ненависть к себе.

А теперь ему дана возможность перечеркнуть это безумие, начать все сначала. Но, невзирая на все страдания и муки, он любит свое безумие. Он не расстанется с ним. Рыжий Орк считает себя очень сильной личностью, и во многих отношениях не без оснований. И все же в каком-то смысле он также слабак, хотя именно слабаков он презирает больше всего.

Кикаха громко рассмеялся:

— Благодарю вас, доктор Фрейд!

— Кто?

— Неважно. Но, хоть ты и не человек, а о человеческой психологии тебе, похоже, определенно известно многое.

— Я убежден, что между любыми двумя видами разумных существ не может быть кардинальной разницы. Как, впрочем, и между отдельными особями внутри одного вида.

— Возможно, ты прав. Так или иначе, я предложил Рыжему Орку очень хорошие условия, учитывая все, что он натворил. А он не согласился — и вряд ли даст согласие потом.

Хрууз закатил свои огромные глаза к потолку. Кикаха не знал, что это означает. Отвращение? Или же он дивился человеческому безумию?

— Рыжий Орк хотел зародить у тебя подозрения в отношении меня, когда посоветовал следить за мной,— сказал хрингдиз.— Надеюсь, ты отмахнулся от его предупреждения, увидев в нем то, чем оно является — ложью.

— Разумеется. Я прекрасно понимаю, чем он занимается,— откликнулся Кикаха.— Он всегда норовит всех дегтем измазать.

«Черт бы побрал Рыжего Орка! — подумал он про себя.— А ведь он лишь вытащил на свет из глубины

моего подсознания то, что там таилось. Я знал о его присутствии там — подозрительность никогда не покидает меня целиком,— но у меня просто не было совершенно никаких веских причин подозревать Хруузa в дурных намерениях. Да и сейчас нет. Мне следует выкинуть из головы предупреждение Рыжего Орка... хотя, если поразмыслить, ведь и Манату Ворцион говорила, что, возможно, я слишком доверяю Хруузу. Но она тут же признала, что для подобного замечания у нее нет никаких оснований. За исключением одного: не стоит доверять никому, пока не пройдешь с ним огонь и воду... а может, даже и когда пройдешь.

Обычно я подозреваю всех и каждого так же естественно, как дышу. Но Хрууз предъявил такие впечатляющие вверительные грамоты в виде оснований для ненависти к Владыкам. Я и не сомневаюсь в ней. Но кого еще он ненавидит, кроме тоанов? Всех людей? Может ли он быть таким же безумцем, как и Рыжий Орк, но умеющим гораздо лучше скрывать свои чувства? Я определенно ни в чем не могу обвинить Хруузa. Для этого нет никаких оснований.

Но, возможно, он таки затевает что-то такое, отчего я совсем не приду в восторг. Как мне определить, что он на самом деле думает и чувствует? Я мог бы его заточить в темницу — но мне без него не обойтись, да и потом, будет нечестно и несправедливо сажать его туда без веских оснований.

А! Идея! Попрошу его пройти проверку на детекторе лжи! Нет. Возможно, он способен обмануть машину или любые наркотики правды с помощью ментальных приемов. Если это под силу Рыжему Орку, то и Хруузу по плечу. Да и в любом случае его метаболизм и нервные реакции, скорее всего, отличаются от человеческих. И детектор и наркотики наверняка сработают не так, как с людьми. И вообще, если я обращусь к нему с подобной просьбой, то тем самым нанесу смертельную обиду. Я просто не могу этого сделать. Или мне все равно следует так поступить?»

Он посмотрел на Хруузa, гадая, что же именно творится в этой голове кузнечика.

— Ты собираешься казнить Рыжего Орка в скором времени? — спросил Хрууз.

— Еще не решил. Убить его, конечно, нужно. Но я терпеть не могу это делать — есть у меня такая слабость,— а заняться этим придется мне лично: нажать на кнопку и пустить в камеру газ или как-то по-другому. Перепоручать это кому-то другому я не стану. Так поступают только трусы.

— А я смотрю на это иначе,— возразил Хрууз.— Разве ты сам убиваешь животных, которых подают тебе на обед?

— Мясо себе я обычно добываю сам. Но ты в чем-то прав. Хотя и не совсем. Рыжий Орк не животное, что бы там о нем ни говорили. Даже несмотря на то, что он собирался убить меня и съесть, как будто я животное.

— Надеюсь, ты вскоре решишь свою дилемму,— сказал хрингдиз.— А я между тем подумывал, не следует ли мне вернуться в свой мир и побыть там какое-то время.

Предупреждение Рыжего Орка, подобно пальцам, щипало рецепторы в мозгу у Кикахи, словно те были сделаны из струн арфы. И в этой музыке — а скорее, диссонансе — звенели сильные ноты подозрения. Черт бы побрал опять Рыжего Орка!

— Зачем? — спросил, сохраняя спокойный тон, Кикаха.

— Как ты знаешь, я все пытался здесь пробиться сквозь коды доступа Рыжего Орка и проникнуть в различные отделения компьютера. В его банках данных может содержаться информация, нужная нам для создания своей машины стирания памяти и работы на ней. Если она найдется, мы сможем лишить его памяти вплоть до любого возраста, какой изберем, и таким образом избавиться от неприятной необходимости казнить тоана. Но есть и еще одна, куда более весомая причина. Возможно, Рыжий Орк лгал, говоря, будто он не сохранил ту часть памяти Ананы, которую изъял. Та может лежать в банке данных. Если она там, то мы сумеем вернуть ей память.

Услышанное настолько взволновало Кикаху, что всякие сомнения в отношении хрингдиза рассеялись, как стая птиц при звуке выстрела. В конце концов, какие у него доказательства, будто Хрууз замышляет что-то зловещее? Да ни малейших. В сражении с Рыжим Орком хрингдиз оказал неоценимую помощь. Более того, несмотря на свою чудовищную внешность, он внушал симпатию.

— Ты действительно так думаешь? — спросил Кикаха.

— Подобное возможно.

— Да я готов расцеловать тебя! — воскликнул Кикаха.

— Пожалуйста, если это доставит тебе удовольствие.

— Мне следовало сказать, мол, так и хочется поцеловать тебя,— поспешил уточнить Кикаха.— Я выражался эмоционально, а не буквально.

— Но мне нужно вернуться на мою планету,— спокойным тоном продолжал хрингдиз.— Там у меня колоссальный архив информации, как унаследованной от предков, так и похищенной или изъятой у тоанов. Там есть многое, о чем мне ничего неизвестно. Возможно, в архиве мне удастся найти не только средство взломать коды Рыжего Орка, но и данные о том, как построить аппарат для стирания памяти. Кто знает? К тому же нашему другу, Эрику Клифтону, должно быть очень одиноко. Я переброшу его сюда — пускай побудет в человеческом обществе.

— О, черт! — выругался Кикаха.

— Что? — спросил Хрууз.

— Ничего.

— Я заметил, что когда вы, люди, употребляете слово «ничего» в контексте нашего разговора, то имеете в виду «нечто».

— Ты очень наблюдателен,— сказал Кикаха.— Но в данном случае мне просто стукнула в голову одна мысль, не имеющая ни малейшего отношения к нашему разговору.

Подозрения Кикахи в отношении хрингдиза походили на мешок с мусором, выброшенным им с берега

в море. Вот его унесло, и он уже почти пропал из виду — а затем приливная волна подхватила мешок и швырнула обратно в Кикаху, сбив того с ног.

— Это чертовски любезно с твоей стороны, что ты так внимателен к чувствам Клифтона,— снова заговорил Кикаха.— Но я предпочел бы, чтобы он пока остался там.

— Почему?

Вопрос застал Кикаху врасплох. Мысленно он даже заикаться начал, но только на секунду. А потом нашелся:

— Ни с чем технологическим Клифтон тебе, думается, помочь не сможет. Но он может быть полезен в других делах. Что же до потребности в обществе, то тебе оно тоже необходимо. К тому же Клифтону ты по душе. И, уверен, ты многому сумеешь его научить. Ведь он умен и жаждет знаний.

«Слабо, ой слабо! — подумал Кикаха.— Но на большее я сейчас не способен. Надеюсь, мои слова не заставят Хрууза догадаться, что я подозреваю его».

— Отлично,— согласился Хрууз,— пускай остается. Мне нравится Клифтон. Но он, должно быть, хочет побыть среди себе подобных, потому-то я и предложил отправить его сюда.— Он помолчал немного и добавил: — Спасибо за заботу обо мне — о том, чтобы мне не было одиноко.

— Не за что,— ответил Кикаха.

Поведение хрингдиза определенно не свидетельствовало о стремлении избавиться от Клифтона. Если Хрууз затеял учинить какое-то безобразие — хотя с какой стати? — то мог легко убить ни о чем не подозревающего Клифтона, благо тот не будет настороже.

— Я хотел бы вернуться как можно скорее,— сказал хрингдиз.— Не терпится поскорее взяться за эту задачу.

Он нажал кнопку на пульте управления и встал с кресла. Атмосфера в комнате внезапно накалилась, словно в ней затрещали эмоциональные разряды. Хрууз улыбался, но лицо его от этого отнюдь не казалось менее зловещим. Оно выглядело таким всегда, неза-

висимо от выражения на нем. Щупальце на кончике языка извивалось; в позе произошло едва уловимое изменение. Словно лев, который дремал и вдруг почуял присутствие другого льва, подумал Кикаха. Он готов защищать свою территорию, готов наброситься на вторгшегося чужака.

Но заговорил хрингдиз вполне спокойно:

— Ты делаешь из мухи слона. Я чувствую появившуюся у тебя необъяснимую враждебность. Мне пока нелегко прочесть оттенки выражения человеческих лиц или понять тонкости интонаций. Но мне кажется, что ты — как бы это выразиться? — стал в чем-то подозревать меня. Или я не прав?

— Ты прав,— сказал Кикаха, выхватив из кобуры лучемет и прицеливаясь в Хрууза.— Возможно, я совершенно неправ, сомневаясь в чистоте твоих намерений. Если так, я извинюсь — позже. Но ставки для меня слишком высоки, чтобы я мог позволить себе рисковать с тобой. Придется тебе посидеть взаперти, пока я разберусь, прав я или нет. Позже я все объясню.— Он махнул лучеметом: — Ты знаешь, где находятся врата, ведущие в спецкамеры. Я буду у тебя за спиной, так что не делай глупостей. Если попытаешься сбежать, я буду точно знать, что ты виновен.

— В чем? — спросил Хрууз.

— Проходи.

Они пошли к двери. Но Хрууз, вместо того чтобы идти по прямой, уклонился на несколько футов влево. Кикаха громко крикнул:

— Стой!

Хрингдиз сделал еще два шага, остановился и начал поворачиваться. Кикаха напряг палец, лежавший на спусковом крючке. Регулирующий мощность рычажок сбоку на лучемете он сдвинул на более мощный оглушающий разряд. Хрууз наверняка обладал большей сопротивляемостью к обычному разряду, чем большинство гомо сапиенсов.

Поворачиваясь к Кикахе лицом, Хрууз что-то произнес на своем родном языке. А затем пропал.

Несколько секунд оторопевший Кикаха никак не реагировал. А преодолев наконец удивление, треснул себя по лбу:

— Кодовое слово! Вот что он произнес! Боже правый! Он поставил тут их! Ну и пройдоха! Не часто меня удается кому-то одурачить, но...!

Хрингдиз установил врата в одной петле символа вечности — в лежачей восьмерке, одном из узоров на ковре. Ступив в нее, он произнес кодовое слово и сейчас, скорее всего, уже находится в подземной крепости у себя на планете.

Ну все, Клифтон обречен. Хрууз тотчас же убьет его.

Подойдя широким шагом к пульту управления, Кикаха объявил всеобщую тревогу, а потом приказал Вематолу и Ашателону появиться на ближайшем экране. Через минуту лица обоих возникли на экранах пульта. Кикаха рассказал клонам о происшествии. Оба, похоже, встревожились. Вематол — его отличала от брата зеленая головная повязка — спросил:

— Что, по-твоему, он задумал?

— Не знаю,— ответил Кикаха.— Слушайте! Он может в любую минуту снова выскочить из этих или иных врат. Способен кто-нибудь из вас установить односторонние выходные врата, покрывающие в центре управления весь пол? Это остановит его, если он попытается снова проникнуть сюда.

— Мы оба с этим справимся,— сказал Вематол.

— В таком случае скорее за работу!

Ашателон — в малиновой головной повязке и малиновых сапогах — появился первым. Через несколько секунд в центр управления вбежал и его брат.

— Хрингдиз мог установить врата где угодно во дворце,— выпалил, тяжело дыша, Ашателон.

— Знаю, но мы же не в состоянии заблокировать полы во всех залах! Или можем?

— Да, но это потребует времени. Если мы это сделаем, тогда все врата, которыми мы сейчас пользуемся, окажутся закрыты. Ты не сможешь, например, переправлять еду моему отцу. Хотя я совсем не против, если он сдохнет с голоду.

— А кроме того,— вмешался Вематол,— Хрууз мог установить врата и в стенах. Или даже в потолках.

— Закройте только пол в этом центре,— распорядился Кикаха.

Братья уселись за пульт. Кикаха вызвал капитана стражи и частично обрисовал ему ситуацию.

— Отправь своих людей на круглосуточное караульное патрулирование. Если появится хрингдиз, пристрелите его.

Кикаха сомневался в том, что Хрууз скоро вернется назад. Как он подозревал, чешуйчатый отправится — или попытается вратироваться — обратно в мир Зазеля. Хрууз хотел заполучить данные о машине творения-разрушения не меньше, чем желал прибрать их к рукам Рыжий Орк. Во всяком случае, такое предположение казалось вполне разумным, хотя почему именно — Кикаха и сам не мог объяснить. Но он вполне допускал, что хрингдиз способен пойти на уничтожение всех вселенных, кроме одной.

Такая операция сделает Хрууза самым одиноким из всех разумных существ. Если, конечно, у него нет средств склонировать самого себя и переделать некоторых из копий в особей женского пола. У него в архивах могли быть даже данные, позволяющие изменять гены клонов. Тогда ничего не стоит создать и генетически разнообразный народ.

Нет смысла гадать. Делаем тотчас то, что требуется.

Кикаха записал на кубик сообщение для Манату Ворцион и отправил гонца к вратам, соединенным с ее планетой. Возможно, она явится с идеей, как вторгнуться в мир Хрууза. Кикахе не нравилось сидеть сложа руки, дожидаясь атаки хрингдиза. Нападай как можно скорее — таков был его девиз. К тому времени, когда гонец вернулся и доложил, что кубик отправили через врата, клоны как раз закончили устанавливать односторонние выходные врата по всему полу в центре управления.

— Но на работу пульта управления это не повлияет,— успокоил Вематол.

Убедившись, что больше уже ничего не сделать, во всяком случае на данный момент, Кикаха прошел к покоям Ананы. В них вела дверь с громадным экраном монитора. Когда Кикаха позвал ее, экран ожил. Кикаха увидел, как Анана мечется по своей комнате, словно тигрица в клетке, только еще прекраснее. Она ненавидит меня и убила бы, если б могла. Эта мысль парализовала его рассудок. Кикаха попросил разрешения войти. Анана прекратила расхаживать и повернула к нему искаженное гневом лицо.

— К чему продолжать этот фарс с вежливостью и заботой обо мне? Ты здесь хозяин! И можешь делать все, что пожелаешь!

— Верно,— согласился он.— Я ни в коем случае не причиню тебе вреда. Однако не могу доверять тебе — пока. Мне необходимо на некоторое время отлучиться. Некогда объяснять тебе ситуацию, да и все равно объяснение не изменит твоего мнения обо мне. Я переведу тебя в специальные покои, для твоей же безопасности и для своей. Когда-нибудь ты, возможно, поймешь, почему я так поступаю. Вот и все.

Кикаха собирался зайти к ней и поговорить с глазу на глаз, но передумал. Подойдя к другому стенному экрану, он вызвал Вематола с Ашателоном.

— Новый план,— сказал он.— Вот что вы должны сделать немедля. Переправьте Анану через врата в камеру-покои номер три. Подберите четырех доверенных служанок, пускай снабжают ее и Рыжего Орка через врата едой, водой и всем необходимым, пока нас не будет. Стражников отпустите в оплачиваемый отпуск, оставьте только пятьдесят человек. Оставшиеся — и они должны быть самыми надежными, каких вы знаете — пусть продолжат патрулировать круглые сутки. Когда все будет готово, закройте дворец, заприте все ворота и все окна на первом этаже. Даю вам на все два с половиной часа. А потом явитесь ко мне. Приготовьтесь к путешествию в мир Зазеля.

Клоны запротестовали — мол, слишком мало времени, они не успеют выполнить приказы,— но Кикаха резко оборвал их:

— Выполняйте! — и выключил экран.

Через десять минут Кикаха отправил еще одно послание Манату Ворцион, в котором сообщил ей об изменении ситуации. Потом убедился, что Анана переведена в гарантированную от побегов камеру-покои. В назначенный срок Ашателон и Вематол явились, как было велено, на одноместных аэроботах.

— Поехали,— сказал Кикаха и поднес к губам рог.

20

Они ожидали, что Дингстет вновь оживит планету, но мир Зазеля предстал перед ними таким же мертвым, каким они его покинули. Однако кто-то взорвал в туннеле участок стены, и отверстие вело в огромную пещеру, часть которой была выделена для жилья: стол, стулья, кровать и прочее, включая кухню и ванную. Должно быть, здесь жил Дингстет, хотя никаких следов борьбы не было видно.

— Хрууз побывал тут,— сказал Кикаха,— и захватил Дингстета, несмотря на все его ловушки. Хрингдиз не стал пускаться во всякие тонкости и хитрости — просто рубанул напролом, уничтожая их. Стало быть, мы отправляемся на планету Хрууза.

— Элиттрия! — воскликнул Вематол.— Как же мы попадем в его мир? И разумно ли соваться туда?

— Нет,— ответил Кикаха.— Не разумно, если хочешь жить вечно. Но вот переправимся мы туда без труда. Нам помогает Великая Матерь. Некоторое время назад она объяснила мне, как это можно сделать.

Они направились обратно к последнему кресту, отмечавшему врата, через которые проникли сюда. Здесь Кикаха трижды протрубил в рог. Манату Ворцион также устроила так, что тройной сигнал в этой точке подаст ей знак открыть проход в мир Хрууза. Кикаха понятия не имел, как ей это удалось, но важно, что она такое могла и была готова теперь применить на практике знания, хранимые ею столько тысячелетий лично для себя.

Предупредив спутников быть начеку — хотя они в таком предупреждении и не нуждались,— Кикаха по-

вел их через врата. Они очутились в каком-то подземелье со множеством туннелей, вдалеке от штаб-квартиры Хрууза. С помощью детектора, присланного Манату Ворцион через врата несколько дней назад, Кикаха определил, где расположено скопление врат, и полетел в ту сторону. Хотя хрингдиз полагал, что закрыл все врата, они по-прежнему слабо светились на индикаторе, и таким образом их можно было обнаружить.

Путники ожидали ловушек в виде взрывов, смертоносных газов или врат, которые перебросят их либо в замкнутую цепь, либо в заброшенную вселенную. Но ни с чем подобным им столкнуться не пришлось. Хрууз, похоже, полагал, что никто не сможет проникнуть в его крепость без позволения. Наконец, после поисков в жилище чешуйчатого человека, оказавшемся пустым, они добрались до входа в центр управления хрингдиза.

Кикаха вошел туда первым — и замер на месте. Клоны столпились вокруг него, уставившись на пятна засохшей крови на полу прямо перед главным пультом. А затем Кикаха увидел футах в пятидесяти от пятен тело. Клифтон лежал там ничком. В вытянутой руке он сжимал лучемет. Видно, Хруузу не удалось застать его врасплох.

Кикаха подошел к убитому, отметив, что между пятнами и телом нет никаких кровавых дорожек. Встав на колени, он прижал палец к шее Клифтона. Пульса нет. Чего и следовало ожидать. На Клифтоне были только кильт, сандалии и пояс с кобурой. На тыльной стороне левой руки виднелась прожженная дырочка, и еще одна, точно такая же — внизу, возле позвоночника. Его дважды поразили узким лучом.

Кикаха перевернул англичанина. Две раны спереди соответствовали дырам на спине и руке.

— Хрууз, должно быть, чертовски торопился,— сказал Кикаха, вставая.— Даже не удосужился избавиться от тела.

Он приказал Вематолу отнести труп подальше в коридор и дезинтегрировать его из большого лучемета на

аэроботе. Тоан надел кислородную маску и потащил покойного из центра. Кикаха же вернулся к пятнам перед главным пультом, чтобы рассмотреть их повнимательней.

— Клифтон успел-таки сделать несколько выстрелов перед смертью. Похоже, Хрууза ранили. Но не настолько тяжело, чтоб уложить его.— Снова опустившись на колено, Кикаха обследовал один край пятен.— А! Вот отпечаток передней части ступни! И принадлежит она не человеку! И не Хруузу! Наверняка Дингстету! Он стоял рядом с Хруузом, когда началась перестрелка!

Ашателон тоже склонился к полуотпечатку:

— Ты прав,— сказал он, поднявшись.— Но интересно, Дингстет пришел с Хруузом по доброй воле или как пленник?

— Очень сомневаюсь, чтобы добровольно.

— С какой стати Хруузу понадобилось брать с собой Дингстета? — недоуменно спросил Ашателон.— Если Дингстет выполнил твой приказ, так он давно уже стер все данные о машине творения.— Он умолк и вдруг воскликнул: — А, понимаю! Во всяком случае, мне так кажется... Данные могут быть стерты из памяти компьютера, если Дингстет подчинился твоему приказу. Но они могли остаться у Дингстета в мозгу!

Кикаха кивнул:

— Мне следовало сообразить, что Дингстет не сообщит мне, содержатся ли те сведения и у него в голове, если сам не спрошу его об этом. Хрууз оказался умнее. Возможно, он подумал об этом еще тогда, когда мы находились там. Но промолчал по своим личным причинам.

— Он одержим жаждой мести,— сказал клон.— И собирается сделать то же, что хотел Рыжий Орк! Уничтожить вселенные, кроме одной!

— Наверняка мы этого не знаем,— заметил Кикаха.— Но, вероятно, ты прав. Мы возвращаемся во дворец, только сначала нужно повидаться с Манату Ворцион. При столь скверном обороте дела она, возможно, захочет присоединиться к нам. Думаю, Хрууз уже

во дворце. Он ожидает, что мы погонимся за ним по пятам. Быть может, мы заставили его слишком торопиться, и он не успел подготовить нам достойную встречу. Будем надеяться. Так или иначе мы сделаем крюк и завернем сперва к Манату Ворцион.

Если великаншу и удивило внезапное появление гостей, то она не подала виду. Как только ей рассказали о последних событиях, Великая Матерь тут же решила:

— Я с вами. Долгие тысячелетия я не покидала свой мир, но сражаться еще не разучилась. Буду готова через несколько часов. А вы пока подкрепитесь. Вам нужно отдохнуть и поесть.

Чем она занималась в это время, Кикаха и клоны не знали. Но когда Манату Ворцион появилась перед ними, на ней был комбинезон как у пожарника, прозрачный шлем, перчатки и кислородный баллон за спиной. Обхватывавшая торс сбруя ощетинивалась по меньшей мере дюжиной видов оружия, в том числе и незнакомого Кикахе. За великаншей шествовали четверо слуг со схожим обмундированием в руках. Эту амуницию выдали Кикахе и клонам.

Она и впрямь богиня войны, подумал Кикаха. Но Афина никогда не выглядела столь грозной. Итак, великанша взяла командование на себя. Хоть Кикахе это и не нравилось, он понимал, что так лучше для всех. Рядом с ней, обладавшей многотысячелетним опытом, он выглядел сущим младенцем.

— За мной,— скомандовала она в передатчик на шлеме.— Мы отправимся в такое место, где, кроме меня, никто не бывал. Когда окажемся там — сможете надеть костюмы.

Они поднялись по винтовой лестнице в покои великанши. Та произнесла кодовое слово. Глиндгласса, громадное зеркало, замерцала. Шедший следом за ней первым Кикаха шагнул сквозь зеркало и очутился в гигантском зале со множеством дверей. Но у него не нашлось времени подивиться на многочисленные произведения искусства — а некоторым из них, должно быть, насчитывалось двадцать тысяч лет — равно как

и на стоящие тут и там в разных позах чучела мужчин и женщин с выражениями целой гаммы чувств на лицах. Как он полагал, это были враги Манату Ворцион, убитые во времена древнего Лихолетья. Уникальные музейные экспонаты, причем совсем не пыльные.

Великанша провела их из зала в коридор длиной по меньшей мере футов в четыреста. Дойдя почти до его конца, она свернула в ворота пятидесятифутовой высоты. За ними простирался колоссальный ангар, в котором рядами стояли два десятка летательных аппаратов. По команде Манату Ворцион мужчины облачились в комбинезоны. Однако в кобурах на сбруе у них оказалось лишь знакомое им оружие: лучеметы, ручные гранаты и ножи. Великанша показала им, как вставить шлемы в металлические кольца наверху комбинезонов и закрепить их крохотной защелкой на ободке. Приемопередатчики в шлемах доносили до них все раздающиеся снаружи звуки. Манату Ворцион объяснила также, как пользоваться кислородными аппаратами. Надев шлемы, они слушали ее голос уже только через приемники.

Через минуту вся четверка взошла на борт судна с прозрачным корпусом, похожего на дирижабль без руля направления и стабилизаторов, с башенками вверху и внизу. Великанша показала, где чей боевой пост и как управляться с большими вращающимися лучеметами, расположенными по окружности корабля таким образом, чтобы можно было вести огонь со всех сторон судна. Двоих клонов она кратко проинструктировала, как обращаться с выдвижными башенками, затем указала на шесть складных одноместных катеров, прикрепленных к корпусу судна:

— Они управляются точно так же, как ваши флаеры, на которых вы передвигались в мире Зазеля. Будьте готовы воспользоваться ими.

Великанша села в кресло пилота и проинструктировала, как обращаться с простыми рычагами управления. После чего трое мужчин заняли свои места и пристегнулись к вращающимся креслам возле лучеметов. Вематол занял нижнюю башенку, а Ашате-

лон — верхнюю. Кикаха же получил пост хвостового стрелка. Он предпочел бы пилотское кресло или, на худой конец, верхнюю башню. Но Великая Матерь распорядилась иначе. Как и прочим членам экипажа, Кикахе потребовалось десять минут на ознакомление с управлением башней и лучеметом. А потом Манату Ворцион подняла судно с опор и медленно повела его к задней стене ангара. Эти врата, в отличие от столь многих других, не обозначили себя мерцанием, когда судно прошло сквозь них.

На мгновение они очутились на высоте, равной, по прикидкам Кикахи, пяти тысячам футов. В ясном голубом небе ярко светило солнце, внизу расстилались безбрежные леса. Находились ли они по-прежнему в мире Манату Ворцион или попали в другое место, Кикаха не знал. Потом они вдруг оказались окруженными водой, сквозь толщу которой еле пробивался сверху свет. А еще через минуту судно вновь летело, на сей раз безлунной ночью.

Прародительница всего сущего определенно сильно затруднила врагу возможность пройти по ее следу через врата.

Кикаха узнал созвездия — те самые, которые видел каждую ночь, пребывая в твердыне Рыжего Орка. Корабль летел над Землей-2. Значит, они будут атаковать дворец снаружи, а не изнутри.

В шлеме раздался голос Манату Ворцион:

— Через две минуты мы будем во дворце! Постарайтесь взять Хрууза живым! Он обладает многими знаниями, которых лишены мы. И к тому же он последний представитель своего вида. Возможно, он планирует уничтожить все живое во вселенных. Хрингдиза нельзя винить за постигшее его безумие, хотя нельзя и оправдать. Мы, тоаны, не в силах возместить ему то, что сделали с его народом. И тем не менее мы не можем позволить эмпатии или чувству вины влиять на наши действия. Если другого выхода не будет, убейте его!

Прошла минута.

— Влетаем! — крикнула Манату Ворцион.

Ночное небо исчезло. Судно парило в просторной, ярко освещенной столовой для стражи и слуг. На полу валялось около сорока трупов охранников, разрезанных лучевыми выстрелами. Возле стола лежали три мертвые служанки из четырех оставленных Кикахой для снабжения едой Ананы и Рыжего Орка. Перевернутые стулья и полупустые тарелки показывали, что людей застали врасплох во время обеда. Десять оставшихся стражников либо сбежали из дворца, либо лежали где-то мертвые.

К этому времени, подумал Кикаха, сигнализация, которую почти наверняка установил Хрууз, уже предупредила его о появлении врагов.

Дверь столовой оказалась такой громадной, что судно смогло протиснуться в нее, несмотря на башни вверху и внизу. Как и в столовой, стены, потолок и пол почернели от выстрелов из лучемета. Судно выплыло в следующий зал. Там валялись обгорелые или разрезанные тела пяти стражников.

Кикаха услышал голос Манату Ворцион:

— Четвертую служанку Хрууз, вероятно, оставил в живых для допроса. Он наверняка захочет выпытать у нее кодовые слова, позволяющие вратировать в камеры Рыжего Орка и Ананы все, что ему ни вздумается отправить.

Кикаха заскрипел зубами. Чешуйчатый мог отправить туда взрывчатку или ядовитый газ. А если хватит времени, Хрууз вполне способен придумать, как расширить те врата, чтобы через них мог пройти — туда или оттуда — и человек, если узники ему зачем-либо понадобятся.

Представив себе эту сцену, Кикаха тихо застонал. Живое воображение — оно и благословение, и проклятье.

— ...мог это сделать, а потом возобновить допрос Дингстета,— продолжала между тем Манату Ворцион.— Не исключено, что Хрууз уже завладел данными о машине творения, или, может быть, до сих пор выпытывает их у Дингстета. Все зависит от того, как долго он здесь пробыл, каково положение дел.

Корабль протискивался по еще одному коридору. Судя по царапинам и проломам в стенах и потолке, Хрууз ворвался во дворец на судне примерно таких же размеров. Но вот они быстро влетели в еще один широкий, длинный зал с высоким потолком — этот годился для приема множества гостей, хотя Рыжий Орк никогда не устраивал вечеринок. Посреди зала стоял корабль, пустой и с погашенными огнями, очень похожий на судно Манату Ворцион. Только корпус со стороны носа и кормы у него был закруглен, а днище — плоское.

— Дальше Хрууз пошел пешком, потому что коридоры для его судна слишком узки, если не прокладывать дорогу взрывами,— сказала великанша.

Ее корабль совершил посадку. Вематол вылез из нижней башни, и та вдвинулась в корпус. Когда корабль опустился на пол непосредственно позади судна чешуйчатого, Манату Ворцион распорядилась:

— Открепите флаеры.

Пока мужчины возились с аэроботами, великанша осмотрела судно Хрууза. Это не заняло у нее много времени.

— Дверца, похоже, заперта,— сказала она, вернувшись.— Вот каков мой план. Мы разделимся на две группы и выйдем на разведку. Ты, Кикаха, вместе с Ашателоном пройдешься по ближайшему коридору. А мы с Вематолом отправимся по коридору на противоположной стороне. Если верно сказанное тобой, Кикаха, о планировке дворца, то он ведет к центру управления. Если понадобится помощь, сразу зовите нас.

Великанша сказала им кодовые слова, отпирающие две дверцы в большом судне и приводящие его в движение. Любой, кому придется спасаться бегством, сможет вернутся к кораблю и использовать его, как того потребует ситуация. С управлением не должно быть проблем, назначение всех приборов четко обозначено.

— А знаешь,— сказал Кикаха, летя рядом с Ашателоном,— Хрууз уже вполне мог смотаться отсюда. И если так, то он, вероятно, оставил тут достаточно мощную бомбу, способную разнести дворец в пух и прах.

— Да, подбодрить ты умеешь как никто,— отозвался тоан.— Почему б тебе не держать все эти веселые соображения при себе?

Кикаха рассмеялся, хотя и не так заливисто, как обычно.

За двадцать минут они бегло обыскали все комнаты и коридоры на первом этаже в восточной половине дворца. Кикаха доложил о результатах и тут же услышал голос Манату Ворцион. Они с Вематолом были на втором этаже перед дверью центра управления.

— Мы нашли четвертую служанку. Она лежит в коридоре. Все тело покрыто мелкими ожогами, глаза выжжены, а голова отрезана. Очевидно, ему пришлось изрядно ее помучить, прежде чем она сказала то, что он хотел узнать. Очень храбрая женщина, хотя с ее стороны было глупо так долго хранить молчание.— Великанша помолчала и скомандовала: — Поднимайтесь сюда. Я дождусь вас, прежде чем войти в центр управления.

Когда Кикаха с клоном поднялись на второй этаж, то обнаружили, что лучеметы Манату Ворцион уже вырезали дверь из стены. Та лежала на полу, а великанша теперь выжигала в стене, футах в тридцати от дверного проема, большой круг, через который мог пролететь ее флаер.

— Вы вдвоем сделайте еще один вход с другой стороны от двери, на том же расстоянии! — велела она.

Выжигая круг из установленных на флаерах больших лучеметов, они услышали, как часть стены, обрабатываемая великаншей, с грохотом обвалилась в помещение. А вскоре после этого Кикаха направил свой флаер в круг, вырезанный им и клоном. Удар вышиб бы Кикаху из кресла — не будь тот пристегнут к нему ремнем безопасности. Стена не выдержала, и часть ее рухнула на пол.

Кикаха заглянул в пролом, остерегаясь выстрела из лучемета или взрыва гранаты. В просторном зале была целая уйма экранов, пультов, но также виднелось много аппаратов неизвестного для него назначения. Кикаха доложил, что видит часть помещения: там ни-

кого нет, но сейчас он с радостью сунет голову в пролом и осмотрит весь зал. Однако Кикаха невольно почувствовал облегчение, когда Манату Ворцион запретила подобные действия. Неужто ему хочется лишиться головы, лишь бы доказать, какой он смелый?

— Часть зала, которая видна мне,— продолжала она,— похоже, необитаема. Сенсорные индикаторы тоже не регистрируют тепла, исходящего от тела. Тем не менее Хрууз мог загородиться какими-то экранами — то есть, если он и в самом деле там. Влетаем все вместе, по моему сигналу. Как я уже сказала, предпочтительнее было бы только ранить его, но это, вероятно, окажется невозможным.

Манату Ворцион подняла руку. А затем крикнула:

— Вперед!

Кикаха нажал на педаль акселератора. Флаер рванул в пролом с такой скоростью, что Кикаху вдавило в спинку кресла, несмотря на амортизаторы. Влетев в зал, он резко поднял флаер вверх, заложив крутой вираж вправо, и чуть было не впилился головой в потолок, находящийся в сорока футах от пола. Кикаха выровнял машину, когда включилось тормозное поле. Флаер остановился так резко, что ремни безопасности больно врезались Кикахе в грудь.

Флаер Ашателона, описав дугу влево, остановился прямо напротив воздушного катера Кикахи. Затормозил он в такой близи, что машины почти соприкасались конусовидными носами, очевидно, клон ошибся в расчетах. На упреки нет времени. Кикаха был слишком занят, высматривая внизу Хрууза.

Дингстет лежал лицом вниз со связанными за спиной руками, вытянувшись рядом с массивной машиной, стоящей в нескольких футах от дальней стены. Кровавый след вел вокруг нее к телу.

Хрууз, должно быть, вышел из центра раньше, чем преследователи добрались до него, или же скрылся через врата. По-видимому, они ворвались в зал как раз в тот момент, когда хрингдиз выстрелил в Дингстета. Поскольку ему помешали, Хрууз не довел дело до конца и удрал то ли через врата, то ли в коридор.

Кикаха и его спутники подлетели к пульту, за которым лежал Дингстет, приземлились и вылезли из флаеров. Манату Ворцион велела Вематолу встать у двери на часах. Она не хотела предоставлять Хруузу возможность вернуться по собственным следам и застать их врасплох. Потом она обошла пульт. Остальные толпились позади нее. Кикаха тем временем переворачивал Дингстета лицом вверх.

— Ранен из лучемета в плечо и ногу,— доложил Кикаха, подняв взгляд на великаншу, когда та остановилась возле него.— Пульс еле прощупывается.

— Хруузудрал совсем недавно,— заметила Манату Ворцион.— Рана Дингстета еще свежая.

Кикаха начал было подниматься — и вдруг его овеяло странное ощущение дезориентированности. Ему почудилось, будто он летит вниз на очень стремительно опускающемся лифте. Выпрямившись, он взглянул сквозь шлем великанши на ее искаженное тревогой лицо. Она раскрыла рот — но не успела вымолвить и слова, как ее остановил громкий шум.

А затем пол вздыбился навстречу Кикахе. Тот очень сильно ударился о него, и пол проломился под его упавшим телом. Смутно, словно в тумане, Кикаха заметил, как пульт стремительно понесся по полу, отшвырнув в сторону стоявшего у одного его угла Ашателона. Потом Кикаху что-то с силой ударило в спину, и он потерял сознание. Последнее, что он слышал, было глухое громыханье, как при обрушившейся лавине, и его собственный слабенький крик.

21

Пробудила его боль. Болели голова, нос, шея, нижняя часть спины и правый локоть. Ноги ниже бедер совершенно онемели — но несмотря на это он ощущал придавившую их тяжесть. Сквозь припорошенный очень тонким слоем белой пыли шлем Кикаха видел лишь кафельный пол. Большая трещина в нем проходила прямо под Кикахой. Нос его приплюснуло к шлему. Проведя языком по губам, Кикаха ощутил привкус крови.

В помещении было тихо, за исключением донесшегося откуда-то единственного приглушенного стона. Кикаха окликнул стонущего. Ему ответила тишина.

Он попытался перевернуться, но не смог: ноги были прижаты к полу. Усиленно пытаясь выбраться из-под обломков, Кикаха увидел зеленые сапоги, торчащие из-под кучи цементных плит, перемешанных с обломками из разных других материалов. Сапоги, как и вся остальная комната, были покрыты пленкой пыли от битой штукатурки, но Кикаха все же разглядел, что они зеленые. Такую обувь носил только Ашателон.

Когда Кикаха опустил голову и повернул ее вправо, обзор ему загораживала зависшая в дюйме от шлема потолочная металлическая балка. Сорванная со своей стенной опоры, эта балка, вероятно, стукнула его сбоку по шарообразному шлему. Удар отшвырнул его в сторону, причем балка едва-едва не раздробила ему плечо.

Кикаха силился выбраться из-под тяжести, пригвоздившей его к полу так, будто ноги ему придавили пальцы титана. По крайней мере ему удалось продвинуться на несколько дюймов. Или он выдавал желаемое за действительное?

Полежав несколько минут без движения, Кикаха возобновил попытки. Прекратил он их, когда вдруг увидел прямо перед собой громадные запыленные голубые сапоги Манату Ворцион. Голос ее заполнил шлем:

— Не двигайся, Кикаха. Я постараюсь поднять эту балку с твоих ног.

Сапоги исчезли. Вскоре, после неоднократного кряхтенья и множества бранных слов, великанша проговорила, тяжело дыша:

— Мне не под силу. Пойду пригоню сюда флаер, если сумею отыскать в этом бедламе, и попробую поднять балку с его помощью. Там в сумке с припасами есть трос.

Пока она ходила, к Кикахе подошел Вематол.

— Она велела мне очистить место вокруг балки,— прохрипел клон,— Просто лежи и не двигайся. Ты ничего не сможешь сделать, пока она не вернется.

— Как будто я сам не знаю,— пробурчал Кикаха.

Некоторое время в шлеме раздавались скребущие звуки и тяжелое дыхание Вематола.

— Возможно, ноги у тебя и не раздроблены,— проговорил наконец тоан.— Их погребло под обломками, а уж потом на эту кучу упала балка.

— Я теперь уже что-то чувствую,— отозвался Кикаха.— Онемение проходит.

Великанша вернулась вместе с флаером. Ей пришлось разгрести массу обломков, прежде чем она смогла вытащить машину. Она помогла Вематолу убрать валявшиеся поверх и вокруг массивной балки обломки, а потом пропустила под ней трос — и через несколько минут приподняла достаточно высоко, чтобы Вематолу удалось вытащить Кикаху из-под груза. Великанша посадила флаер и вылезла обследовать Кикаху.

Ноги еще не слушались его. Он сидел, прислонясь к груде обломков, пока Манату Ворцион ощупывала ему ноги сквозь ткань. Переломов, похоже, нет, заявила наконец великанша, но ей нужно будет осмотреть его еще раз, без одежды.

— Ашателон погиб,— прибавила она.

— Удивляюсь я этому. Мне казалось, он из тех, кто выживет в любой ситуации.

— Время гарантирует, что таких не бывает.

Кикаха поднял взгляд на то, что осталось от потолка, и увидел только наружные края, но обвалившийся еще выше того этаж заткнул образовавшуюся дыру. Иные части этой своеобразной «пробки» могли каждую секунду рухнуть. Более того, проломленная стенка этого помещения обвалилась прямо в коридор. Пока Кикаха рассматривал повреждения, здание слегка дрогнуло, и по другим стенам поползли новые трещины. Противоположный конец потолка с грохотом рухнул, подняв тучу белой штукатурной пыли, и на полу тут же выросла еще одна гора мусора, уходившая вершиной в зияющую дыру.

— Пожалуй, нам надо убираться отсюда,— сказал Кикаха.

Не успела великанша ответить, как в центр ворвался Вематол, обследовавший коридор.

— Мы не на Земле-два!

— Что? Откуда ты знаешь? — в один голос воскликнули Кикаха и Манату Ворцион.

— Я увидел небо сквозь небольшое отверстие в части потолка коридора. Наверное, каменная колонна на крыше дворца обвалилась и пробила все полы верхних этажей. Небо зеленого цвета!

— Это значит...— начал Кикаха.

— Это значит,— перебила его Великая Матерь,— что Хрууз обволок вратами весь дворец, возможно, даже с прилегающей территорией, и перенес его в эту вселенную, что потребовало громадной энергии, а также какого-то времени на организацию такой операции. Очевидно, он подготовил все заранее, до того, как вернулся сюда с Дингстетом. Когда дворец прошел через врата, то оказался в воздухе — то ли случайно, то ли по умыслу,— и упал. Наверняка он очутился не очень высоко над землей, иначе мы бы погибли.

— Именно это я и собирался сказать.— Кикаха огляделся.— А где Дингстет?

— Погребен под кучей обломков, или очнулся раньше нас и ушел. Возможно, не сознавая, что делает. Но надо полагать, из-за ран он далеко не уйдет.

— Он наполовину состоит из плоти, а наполовину из электронных цепей,— сказал Кикаха.— Способность к исцелению у него должна быть выше нашей. Из центра тянется какой-нибудь кровавый след?

— Нет,— ответила великанша.— Но когда рухнул дворец, Дингстет был рядом с тобой. Его должно было ударить той же балкой, которая чуть не раздавила тебя.

— Или же он ищет Хрууза, стремясь отомстить,— предположил Вематол.

— Со связанными за спиной руками? — усомнилась великанша.

— Анана! — крикнул Кикаха.

Он попытался встать, однако ноги были еще слишком слабы. По крайней мере к ним по всем признакам понемногу возвращалась сила.

Великанша с клоном переглянулись, но не проронили ни слова. Они понимали, какую картину представил себе Кикаха: Анана по-прежнему в отведенных ей покоях в этом же здании, но отрезанная от остальных помещений дворца. Единственный вход к ней вел через врата. Но стена с активатором врат могла быть погребена под обломками. Рыжий Орк находился в таком же положении, но его судьба Кикаху не волновала. Однако Манату Ворцион была несколько больше озабочена участью тоана:

— Возможно, их и не погребло при падении замка. Оно даже могло открыть для Ананы, а также для Рыжего Орка, какой-то выход из их камер-покоев.

— Маловероятно,— усомнился Вематол.

— Отчего бы нет? Но нам нельзя рисковать. Мы должны найти Хрууза и выяснить, не выбрался ли на волю Рыжий Орк.

— А разве Анану ты искать не собираешься? — спросил Кикаха.

— Позже,— отрезала Манату Ворцион.— Вематол, ты пойдешь со мной. Прости, Кикаха, но мы не можем ждать, пока ты оправишься. Хрууз наверняка не оставался во дворце, когда вратировал его в эту вселенную. Но после перемещения он мог вернуться сюда через другие врата. Думаю, он поостерегся перемещаться вместе с дворцом. Но чешуйчатый определенно будет нас искать. Удивляюсь, что он еще не вернулся в этот центр.

— Небось поджидает нас где-нибудь здесь неподалеку в засаде,— сказал Вематол и нервно оглянулся по сторонам.

Великая Матерь решила, что им нужно снять с себя кислородные баллоны, рюкзаки, шлемы и комбинезоны.

— Они замедляют движения, и сомневаюсь, что нам следует остерегаться ядовитых газов,— сказала она.

Избавившись от комбинезонов, великанша и клон надели пояса с оружием. Потом они стащили комбинезон с Кикахи и помогли ему застегнуть ремень. На поясе кроме оружия у него висел рог Шамбаримена.

Вематол извлек из шлемов рации, прикрепленные к ним изнутри дисками-присосками. Трое уцелевших спутников прилепили их к запястьям.

Пыльная атмосфера понемногу становилась жаркой. Должно быть, дворец приземлился в тропиках, подумал Кикаха.

Кикаха проводил взглядом уплывающий флаер — очень узкую и легкую металлическую конструкцию с небольшим двигателем и двумя сиденьями, расположенными тандемом, маленьким багажником и двумя вращающимися лучеметами. Великая Праматерь сидела за рулем, а Вематол — у нее за спиной. Кикахе велели оставаться за грудой обломков, но быть начеку. Детектор врат лежал у него в висевшей на поясе сумке. Рядом на полу стояла фляга, а в руке был зажат лучемет, готовый к стрельбе, если появится чешуйчатый или Рыжий Орк. Хотя доступ в центр откуда-то сзади казался невозможным, Кикаха то и дело оглядывался. Громадные кучи мусора могли заслонять какое-то отверстие, вполне досягаемое с другой стороны стены.

Стояла полная тишина, только части руин, оседая, временами тихо потрескивали. Любой здравомыслящий человек постарался бы выбраться отсюда, пока не рухнуло все строение, подумал Кикаха. Но никакой здравомыслящий человек вообще не полез бы в эту передрягу. И у меня по-прежнему все болит.

Казалось крайне маловероятным, чтобы Хруузу удалось настроиться на их радиочастоты, но рисковать все же не стоило. Радиопередатчиками придется пользоваться только в случае крайней необходимости.

Кикаха чувствовал себя беспомощным. Хотя обычно одиночество не угнетало его, сейчас он был бы рад услышать человеческий голос. И оттого, что здание могло в любой момент обрушиться и погрести его под собой, время казалось тянущимся как раскаленная проволока в волочильном станке. Если ее растянуть слишком сильно, она порвется. И это произойдет, когда застрявшие на верхнем этаже обломки обвалятся вместе с потолком прямо ему на голову.

Становилось все жарче, и Кикаха начал покрываться потом. Зато онемение в ногах, похоже, совершенно прошло. Хотя любое движение все еще причиняло ему боль, Кикаха поднялся. Его шатало, но сил прибавлялось с каждой минутой. Вволю напившись из фляги, оставленной великаншей, Кикаха через несколько минут вышел из центра управления. Нет смысла оставаться здесь, когда Хрууз рыскал неподалеку вооруженный Бог знает чем.

Поначалу передвигаться было не так уж трудно. Хотя то, что осталось от коридора, завалило на половину высоты пробитого потолка, Кикахе удавалось вкарабкаться на кучи, иногда оскальзываясь, проползая по верхушкам, почти упиравшимся в потолок — там, где тот еще оставался — и съезжая по другой стороне курганов. Из дыры в потолке, о которой упоминал Вематол, струился косой луч бледного света. Кикаха посмотрел туда. Все верно — небо зеленое.

В конце коридора находилось помещение размером с два бальных зала императорского дворца, теперь представлявшее собой сплошные руины. Кикаха столкнулся здесь с многочисленными препятствиями — горами из кусков штукатурки, деревяшек, каменных плит и блоков, разбитых и целых мраморных колонн, мраморной крошки и каменных статуй куда больше натуральной величины. Многие плиты и колонны торчали из груд обломков под углом, словно пушечные стволы из развалин форта. Он обходил покореженные металлические и деревянные шкафы; разбитые бутылки, залившие воздух ароматами вина и пива; изогнутые и поломанные люстры и покривившиеся рамы огромных картин с лохмотьями холста. Кикаха весь взмок, пробираясь между завалами и перелезая через них. Пот, мешаясь с белой пылью, покрыл его тело и волосы и стекал ему на глаза. Время от времени Кикаха вытаскивал из сумки на поясе детектор врат и включал его. Индикатор загорался раз десять, но слишком опасно было применять сейчас рог для открывания врат, поскольку Хрууз мог находиться в пределах слышимости.

Великая Матерь сказала, что они с Вематолом отправятся к северо-восточному углу дворца. Там они разделятся и начнут поиски поодиночке. Как только с чешуйчатым разберутся, они найдут друг друга по радио. Кикаха тоже направился к северо-восточному сектору дворца, но ему пришлось пробираться окольным путем. Несмотря на требующие постоянного напряжения карабканья по грудам обломков, ноги у него не слабели, а наоборот — наливались силой.

Кикаха начал взбираться по склону битого камня, но то и дело соскальзывал вниз. Недалеко от вершины груды обнаружилось отверстие, выходящее в своего рода туннель. Тот пролегал прямо сквозь кучу в каким-то чудом еще не рухнувшую стену. Кикаха осветил крошечным фонариком внутренность этого случайно образовавшегося туннеля. Две громадные мраморные колонны упали почти параллельно друг другу, но несколько наискось, пробили стену и остановились бок о бок. Дыра, должно быть проделанная ими в стенке, была завалена массой крупных обломков. Каменные плиты, свалившись вниз, образовали крышу. Колонны лежали не настолько близко друг к другу и между ними оставалось пространство, по которому Кикаха мог протиснуться ползком словно крот. Правда, проход, уходивший вверх под углом градусов в десять, тоже наполовину загромождали обломки, но Кикаха освободил достаточно места для движения, наполовину загромождая туннель позади себя. Если ему удастся проползти по туннелю в соседний зал, то он вылезет в таком месте, где притаившийся враг не ждет его. Извиваясь как червь, Кикаха начал ползком пробираться вперед.

Хотя он старался производить как можно меньше шума, но совсем тихо передвигаться не получалось. На секунду Кикаха представил себе, как Хрууз стоит сбоку у конца туннеля, поджидая любого, кто вылезет из него. Хотя... вряд ли Будь чешуйчатый в соседнем зале, он, едва заслышав какой-то шум в этой норе, тут же прошелся бы лучами своего оружия по всей длине туннеля и разрезал врага на мелкие кусочки. В любом

случае он, Кикаха, не мог прекратить ползти вперед. Да и кто сказал, что Хрууз будет именно там? Откуда ему знать про туннель?

Одолев тридцатифутовый лаз и осторожно высунув голову, Кикаха увидел, что находится возле вершины горы из обломков. Большая часть потолка в этом гигантском зале обвалилась, причем, скорей всего, вместе с полом третьего этажа. Кикаха не торопясь осмотрел руины внизу. Если там кто-то прятался, то ему требовалось скрываться за очень большим курганом близ стены у другой стороны.

Сжимая в руке лучемет, Кикаха съехал по склону на спине, кляня про себя неизбежно вызванный им шум. Добравшись до подножья, весь в царапинах и кровоточащих порезах, саднящих от пыли штукатурки, Кикаха некоторое время лежал, ожидая нападения. Но его не произошло. Тогда он миновал более низкие кучи, а затем обнаружил за второй горой обломков зияющую в стене дыру, через которую мог свободно пройти танк. Кикаха не представлял, почему покрытая столькими трещинами стена не рухнула целиком.

Сунув сначала в дыру голову, чтобы разведать местность, Кикаха затем шагнул через пролом. Все верхние этажи тут частично обвалились. Глазам Кикахи предстал куда больший кусок зеленого неба, чем увиденный им в коридоре.

Небеса в Многоярусном мире были точно такого же цвета. Не мог ли Хрууз вратировать дворец на планету, созданную в виде Вавилонской башни? И если да, то зачем он выбрал ее? Или же... нет смысла строить догадки!

Слева из кургана высотою футов в двадцать выступала на несколько футов груда деревянных балок и камня. Кикаха едва увидел, как в темноте под этим уступом что-то шевельнулось. Бесформенная масса, покрытая белой пылью, вполне могла быть человеком. Кикаха пригляделся повнимательнее и наконец решил, что человек повернут к нему спиной. Такая поза могла быть военной хитростью. Противник, кем бы он

ни был, мог увидеть Кикаху, а потом отвернуться с целью заставить землянина счесть его убитым или тяжело раненным. А услышав приближающиеся шаги, он резко развернется и выстрелит.

Кикаха скользнул в своего рода одиночный окоп на склоне кургана из битого камня и выстрелил, целясь прямо над головой у лежащей фигуры. Любой человек, если только нервы у него не железные, должен был вздрогнуть. Но фигура не шелохнулась. Стараясь не шуметь, Кикаха вылез из окопа и медленно подошел по кривой к уступу. Когда до лежащего осталось футов двадцать, Кикаха понял, что тот не может быть ни Хруузом, ни Рыжим Орком. Это был Дингстет. Но руки у него уже не были связаны за спиной.

И кровотечение, должно быть, тоже прекратилось. Никакого кровавого следа Дингстет определенно не оставил. Кикаха остановился около него, наполовину скрываясь за грудой обломков, затем, нагнувшись, ткнул стволом лучемета в затылок лежащего. Тот застонал.

— Дингстет! — окликнул его Кикаха.

Существо что-то пробормотало. Кикаха вытащил его из-под уступа и перевернул. На запыленной коже виднелось множество черных пятен. Ожоги? Не в силах разобрать, что он бормочет, Кикаха быстро оглянулся кругом, а потом встал на колени и приложил ухо ко рту Дингстета. Хотя такая поза вызывала у него неприятное чувство собственной уязвимости, он не стал ее менять.

— Это я, Кикаха,— тихо проговорил он.

— Хрууз... Не верит, что...— прошептало существо.

— Что? Я тебя не слышу.

— Кикаха! Хрууз... когда я сказал... в моем мозгу... нет данных... пытал меня... не верил... забрал меня с собой... ушел... Зазель... гордиться мной...

— Я помогу тебе,— сказал Кикаха.— Это может занять какое-то время...

И осекся: глаза у Дингстета были открыты. Рот, полный алмазных зубов, замер без движения.

Кикахе пришлось нарушить радиомолчание. Он должен был поставить в известность Манату Ворцион.

— Я по-прежнему там, куда, как я тебе говорила, мы направлялись,— осторожно промолвила великанша, когда Кикаха рассказал ей о находке.— Я послала Вематола отыскать тебя. Если не найдет в течение десяти минут, то вернется ко мне.

Коль скоро великанша отвела Вематолу на поиски всего десять минут, значит, он полетит на флаере. Прошло двадцать минут, Кикаха вызвал Вематола по рации, прося отозваться. Но клон не ответил.

И тут же раздался голос Манату Ворцион:

— Возможно, с ним что-то случилось! Дам ему еще две минуты на отзыв.

«А мне, значит, снова вперед»,— подумал Кикаха.

Вскоре он оказался в еще одном просторном зале. На полу валялись части крыши; сквозь пролом сияло солнце, но оно уже миновало зенит и направляло свои лучи близ одного конца зала, где у стены каким-то чудом уцелела винтовая лестница. Верхняя часть ее, без перил, торчала из макушки очень высокого кургана. Кикаха стал взбираться по горе обломков на эту вершину, хотя и оскальзываясь, съезжая обратно и немилосердно шумя. Лестница, сделанная из какого-то твердого дерева, выглядела устойчивой. Кикаха принялся медленно подыматься по ней, поглядывая на каждом шагу вверх и вниз.

Но когда до верха осталось всего двадцать шагов, ему пришлось залечь и ухватиться за край лестницы. Совсем рядом что-то обвалилось с грохотом Ниагарского водопада, состоявшего исключительно из твердых компонентов. Лестницу так затрясло, что Кикахе почудилось, будто ее вот-вот оторвет от стены. Верхний край со скрежетом отделился от лестничной площадки, качнулся в сторону, потом обратно и с размаху ударился о стену. Каменные блоки стены зашатались и некоторые частично сдвинулись с места. Кикаха ожидал, что стена сейчас обвалится и увлечет вместе с собой и лестницу, и его. А если обвала не произойдет, то лестница, качаясь и колотясь о стену, просто сломается и рухнет на кучу обломков с высоты в тридцать футов.

Как ни цеплялся Кикаха за край ступеньки, его неумолимо сносило к открытой стороне лестницы. Еще несколько таких хлещущих движений — и его выкинет с лестницы, даже если вся конструкция устоит. И он теперь видел всего на несколько футов вокруг себя. Поднятая недавно рухнувшей массой густая пыль нещадно ела ему глаза и забивалась в ноздри.

И вдруг все кончилось — только лестница еще содрогалась. Когда прекратилась и дрожь, Кикаха пополз дальше на четвереньках. Лестница отклонилась от стены, хотя и не под таким углом, как Пизанская башня. Во всяком случае, пока. Чем выше он взбирался, тем сильнее она сгибалась в верхней части, скрипела и стенала.

Уцепившись наконец руками за край верхней ступеньки, Кикаха медленно и неуклюже поднялся, опасно балансируя, выпрямив левую ногу больше, чем правую. Перед ним простирался пол второго этажа, открытый взгляду, словно кукольный домик, благодаря сорванной стене. Пол прогибался посредине, стеная под тяжестью великанской горы обломков и угрожая рухнуть в любой момент. Кикахе требовалось перепрыгнуть через восьмифутовое пространство между ним и полом. Или же он мог спуститься обратно по лестнице, хотя та могла сломаться, прежде чем ему удастся далеко уйти.

Кикаха сунул лучемет в кобуру. Ему понадобятся обе руки, чтобы ухватиться за край пола, если не удастся перескочить на него. При обычных обстоятельствах Кикахе ничего не стоило совершить такой прыжок и приземлиться на ноги. Оглядевшись вокруг, он присел, оттолкнулся и прыгнул — и в это мгновение лестница поддалась, прогнувшись под силой прыжка. Ее верхняя часть надломилась и с громким треском бухнулась на курган обломков.

Хотя падение лестницы сделало его прыжок длиннее, чем он рассчитывал, Кикаха все же долетел до пола. Его живот оказался вровень с краем как раз перед тем как он начал падать, и теперь он держался исключительно на предплечьях, тогда как ноги болта-

лись над провалом. Потом ему удалось изогнуться, забросить через край правую ногу и наконец втащить все тело на поверхность пола.

Он тяжело дышал и хотел хоть минутку полежать на спине, чтобы собраться с силами. Но деревянный настил под ним прогибался: Кикаха чувствовал, как по дереву пробегает тревожная дрожь. Возможно, пол, перегруженный громадной грудой в центре зала, был уже на грани надлома еще до того, как к нему добавился вес Кикахи.

Кикаха с трудом поднялся, вытащив одновременно из кобуры лучемет. Спеша к ближайшей двери, ведущей в северном направлении, он услышал громкий треск. Пол неожиданно накренился. Кикаха чуть было не скатился в пропасть, но успел-таки как раз вовремя прыгнуть в дверной проем. Несколько секунд ему казалось, что обвал все же увлечет его с собой, поскольку обломки завалили все пространство дверного проема, кроме узкого просвета в верхней части.

Кикаха приземлился на склон кучи обломков и стал карабкаться вверх, цепляясь за куски битого камня, но те неудержимо ползли вниз — на пол, которого там больше не было. Позади вздымалась пыль и слепила ему глаза. Ему удалось забраться на вершину кучи в дверном проеме, хотя подъем походил на бег по эскалатору, движущемуся в противоположном направлении. Когда Кикаха добрался до подножия с другой стороны, то неожиданно очутился на полу помещения. Почти вся куча исчезла, рухнув в пропасть зала, откуда он только что выбрался. Но даже при этом ноги его все еще висели в пустоте за краем дверного проема. А пол в комнате, которой полагалось стать для него прибежищем, смещался вниз.

Кикаха отполз от края пропасти, встал и что было духу помчался по кренящемуся полу, еще соединенному с противоположной стенкой, хотя и явно ненадолго. Перепрыгивая через ползущие ему навстречу маленькие кучки обломков, обегая вокруг более высоких холмов, тоже надвигавшихся на него, Кикаха стремился к выходу в следующий зал. Но не успел.

Его оглушил очередной грохот, и он провалился в нижний зал. Каким-то образом он приземлился на ноги, а потом покатился кувырком с очередной горы обломков и в конце концов, со сбитым дыханием и почти ничего не соображающий, очутился на спинке громадного дивана. Хорошо еще, его не погребло под грудой рухнувших камней.

Повезло ему и в том, что край расщепленного пола пролетел мимо в нескольких дюймах. Иначе эта деревяшка несомненно убила бы его. А так — лишь наполовину.

Сколько времени он пролежал, пытаясь прийти в себя, Кикаха определить не мог. Полностью придя в чувство, он ощутил во всем теле нестерпимую боль, но нашел в себе силы подняться на ноги. Лучемет по-прежнему был зажат в руке, и футляр с рогом не сорвался с пояса. Пыль начала понемногу оседать, и Кикаха медленно побрел вперед. Ему очень хотелось откашляться, но он подавил это желание — а затем услышал чей-то кашель где-то впереди.

Кикаха остановился. Сквозь пыль навстречу ему двигалась неясная фигура. Казалось, она парит в нескольких футах от поверхности пола. Вематол на флаере? Кикаха не стал окликать незнакомца: наоборот, он рухнул на пол за небольшой кучей и навел на объект лучемет. Никогда не действуй исходя лишь из предположений — хотя порой он нарушал это правило.

Из соседней комнаты — откуда появился неизвестный, послышался грохот. И снова взметнулась пыль, обволакивая фигуру. Кикаха прищурился, вглядываясь в пыльные клубы. Если это не Вематол, то, должно быть, Манату Ворцион. Или же Хрууз — если ему удалось где-то разжиться флаером.

Кикаха ждал. Прошла минута. И тут он вздрогнул от нового грохота. За ним последовали четыре менее громких обвала. Пыль сгустилась. Кикаха зажал нос и дышал через рот, стараясь не чихнуть. И тут кто-то там в пыли выдал громкое «А-ап-чхи!», сопровождаемое не менее громким отфыркиванием. Кикаха, не-

смотря на героические усилия сдержать себя, тоже чихнул во всю мочь.

Он не мог дожидаться, пока уляжется пыль. У неизвестного мог быть с собой тепловой детектор или очки ночного видения. Или он мог поднять флаер к потолку и засечь любого в помещении, как только осядет пыль. Кикаха выполз из-за кучи, стараясь не шуметь и держаться как можно ближе к полу. Лучше всего для меня, подумал он, будет сейчас встать и рвануть из комнаты. Но если он это сделает, то не сможет избежать большого шума, а также не натыкаясь на обломки и спотыкаясь о них. Более того, он не знал, где расположены выходы.

Нащупав перед собой большую груду, Кикаха спрятался за ней. К черту радиомолчание! Он вызвал Манату Ворцион. Ее голос, гораздо более тихий, чем обычно, откликнулся тут же:

— Чего ты хочешь?

— Ты по-прежнему на том же самом месте? — прошептал Кикаха.— Я спрашиваю потому, что кто-то летает на флаере совсем рядом со мной. Из-за пыли не могу разглядеть кто.

— Это не я. А Вематол определенно ответил бы тебе, если б смог. Но прежде чем стрелять, удостоверься все-таки, что это не он.

— Конец связи,— сказал Кикаха.

Он вслепую пошарил кругом, пока не нащупал несколько больших кусков штукатурки, а потом бросил их в пыль перед собой. Но неизвестный не выстрелил по источнику звука. Видимо, его флаер уже парил высоко вверху, высматривая цель перед атакой.

Это наверняка Хрууз, больше некому.

Кикаха встал и начал пробираться к противоположной стене. Сделав несколько шагов, он отпрыгнул в сторону. Что-то капнуло ему на левое плечо. Кикаха ощупал пятно правой рукой. Хотя ему пришлось поднести пальцы почти к самым глазам, но он сумел-таки рассмотреть темную пыль, смоченную какой-то жидкостью.

Что это — кровавый дождь?

Кикаха посмотрел наверх. Частички пыли начинали понемногу оседать. Еще немного, и на фоне бывшего потолка можно будет разглядеть любой темный объект, тем более что там гораздо светлее.

Он снова сделал несколько шагов — и снова замер. Впереди раздался глухой стон. На секунду Кикаха внимательно прислушался, шагнул вперед — и тут же, выругавшись про себя, отпрыгнул в сторону. Что-то тяжелое шлепнулось на пол неподалеку. Двигаясь как можно медленней и беззвучней, Кикаха пошел к источнику глухого стука. Это могла быть уловка, но он сомневался в этом. Дерево или камень издали бы совсем другой звук. В этом же ударе присутствовал намек на шлепок плоти о каменный пол и хруст ломающихся костей.

Хрууз! Он лежал на спине, с открытыми глазами в луже крови, словно сама Смерть раскатала под ним алый ковер. Несмотря на свою толщину, череп не выдержал удара. Подойдя к трупу поближе, хотя и осторожно, Кикаха увидел широкую и толстую повязку на левом бедре. Из-под нее по ноге сочилась кровь. Должно быть, Клифтон перед смертью успел подстрелить чешуйчатого. Хрууз наспех перевязал рану и, прихватив с собой Дингстета, вторгся во дворец. Очевидно, он горел желанием отомстить. И не смог ждать, пока подготовится, начав атаку, несмотря на ранение. Но постепенная потеря крови так сильно ослабила его, что он свалился с флаера.

Очко в пользу Клифтона.

Кикаха сообщил по рации новость Манату Ворцион.

— Жаль, что не удалось взять его живым,— сказала она.— Он обладал изрядными знаниями и к тому же был последним в своем роде. Но все-таки я испытываю сильное облегчение оттого, что он нам больше не угрожает. Кстати, мне виден пейзаж вокруг дворца. Хрууз перебросил не только здание, но и лужайки с садами. Они разорены, но, по-моему, Хрууз вратировался вместе с Дингстетом на лужайку или в сад после того, как переправил сюда дворец. Ему не хотелось

находиться в здании, когда оно приземлится. А потом вошел в него, добить уцелевших.

— Теперь можно приступить к поискам Ананы и Рыжего Орка,— сказал Кикаха.

— Я понимаю твое желание заняться этим,— ответила великанша.— Но сначала надо найти Вематола.

Они поговорили еще несколько минут. Великанша собиралась начать поиски с северо-восточного угла дворца. Кикаха же пойдет ей навстречу, тоже разыскивая клона. Каждые пять минут они будут поддерживать радиосвязь и описывать, где находятся.

Кикаха отключился, пожал плечами и снова побрел и полез через завалы. Преодолев половину следующего зала, Кикаха увидел человека, прислонившегося в полутьме к упавшей и разбитой мраморной колонне. Это был Вематол — неподвижный, с закрытыми глазами. Пыль не смогла скрыть малинового цвета его сапог и головной повязки. Грудь клона измазала смешанная с пылью кровь. Лучемета не было видно, а из всего оружия остался лишь кинжал в ножнах.

— Вематол! — крикнул Кикаха.

Крик его рикошетом отдался от высоких стен. Клон не шевельнулся.

Кикаха поднес наручный передатчик к губам, но передумал и решил, прежде чем докладывать, точно установить, в каком состоянии находится клон. Подойдя поближе, Кикаха наклонился к нему и снова произнес его имя.

Правая нога Вематола одним пинком выбила лучемет из рук Кикахи.

— Рыжий Орк!

22

Хотя и парализованный внезапностью — что случалось с ним всего несколько раз в жизни,— Кикаха владел ситуацией уже через долю секунды. И бросился на противника, ткнув его одновременно фонариком величиной с ручку.

Тоан выпрямился, выхватив длинный кинжал. Кикаха сжал запястье врага у самой кисти с кинжалом и одновременно двинул ему в левый глаз фонариком. Тот непременно вонзился бы в мозг, если бы тоан слегка не отвернул голову. Острый конец фонарика попал в уголок глаза, рассадил кожу и скользнул по виску. Кикаха выронил фонарик и начал выкручивать левую руку тоана, одновременно повернувшись к нему боком, чтобы тот не пнул его коленом в пах. Но хотя Кикаха крутил запястье с такой силой, что должен был его сломать, ему удалось лишь наполовину вывернуть руку. Да, тоан оказался настоящим силачом. Но кинжал из его руки все-таки выпал.

Кикаха отклонился назад и дернул Владыку на себя, тут же перемещаясь с таким расчетом, чтобы стойка боком позволила ему резко развернуть противника. Но тот не оказал сопротивления, позволив Кикахе раскрутить себя и швырнуть, словно метательный молот. Отлетев, крутясь, на десять футов, он упал, прокатился по полу и вскочил на ноги, точно леопард.

Кикаха бросился к нему, пока тот еще катился. Вскочив, тоан метнулся к лучемету, валявшемуся неподалеку. Кикаха изменил направление с целью перехватить Орка. Владыка нагнулся, на бегу подбирая с пола лучемет. Кикаха прыгнул и ударил обеими пятками в подставленные ему ягодицы. Противник вскрикнул и полетел на пол, но не выпустил из рук оружия, даже когда грянулся оземь и проехал по полу лицом и грудью.

Хотя Кикаха тоже упал на спину, поднялся на ноги он достаточно быстро. Владыка перевернулся вверх лицом. Кровь хлестала из глубоких царапин и мелких порезов на лице, груди и животе. Затем тоан изогнулся, приподнял туловище и вскинул лучемет. Но не успел он нажать на спуск, как в воздухе, точно темная барракуда в полуосвещенном море, промелькнул брошенный Кикахой нож. Острие на дюйм вонзилось в левый бицепс тоана, и тот выронил лучемет. Но Рыжий Орк тут же выхватил кинжал и зажал его в правой руке. А потом с поразительной быстротой вскочил

на ноги, нагнулся и потянулся левой рукой к лучемету.

Взревев, Кикаха прыгнул и ударил ногами противнику в грудь, как раз когда тоан выпрямился. Лучемет выстрелил всего раз, рассекая сумерки фиолетовым лучом. Правое запястье Кикахи обожгло огнем. Оружие со стуком покатилось по полу. Владыка отлетел назад. Кинжал выпал из его руки, когда он взмахнул руками, пытаясь сохранить равновесие. Но не сумел и упал навзничь.

Кикаха приземлился на ноги и в боевой стойке: чуть пригнувшись и согнув колени. Но он не стал тратить время и подбирать с полу кинжал, а надеясь настигнуть противника, пока тот еще лежал или находился в уязвимой позе. Кикаха со всех ног рванул к нему. Владыка вскочил на ноги, словно его подняла какая-то невидимая сила. В руке он что-то держал и запустил этим чем-то в Кикаху.

Вылетевший из полумрака камень треснул Кикаху по лбу и остановил его атаку. Кусок красного мрамора размером с яблоко валялся на полу, обагренный кровью. То, что удар не убил Кикаху или не оглушил до конца, ясно показывало: Рыжий Орк ослабел или же сделал неудачный бросок.

Состояние самого Кикахи тоже было неважным. И он находился в невыгодном положении, поскольку Владыка успел подобрать кинжал. Тем не менее сейчас он отдышится и снова пойдет в атаку.

— Рыжий Орк! — проговорил он между глубокими вдохами.— Как тебе удалось бежать?! И что ты сделал с Вематолом, прежде чем забрал его сапоги, головную повязку и кинжал?

Тоан сумел улыбнуться:

— Все-таки я тебя обдурил!

— Ненадолго.

— Мне хватит! Но ты сначала расскажи, что здесь произошло, а уж потом я объясню, как мне удалось бежать из тюрьмы.

Рыжий Орк хотел оттянуть возобновление схватки, пока не сможет отдышаться. Кикаху это вполне уст-

раивало. Ему тоже нужно было время — кстати, внезапно сообразил он, чтобы вызывать Манату Ворцион. Она прилетит на флаере — если сумеет его найти. Но, начав поднимать руку, Кикаха обнаружил, что рации на ней больше нет, а на ее месте краснел ожог. Единственный выстрел Рыжего Орка срезал удерживавший рацию диск-присоску, прихватив заодно и часть кожи. Кикахе повезло, что луч не перерезал ему запястье.

Впрочем, помощь великанши ему не нужна, и он будет сильно разочарован, если она, а не он, убьет Рыжего Орка.

— Хрууз перенес весь дворец в другую вселенную,— сообщил он тоану.— В Многоярусный мир, как мне кажется. Об остальном ты и сам легко можешь догадаться. А теперь, как обернулось дело у тебя?

Говоря, Кикаха внимательно оглядывая пол в надежде заметить лучемет.

— А! — промолвил Рыжий Орк.— Так вот оно что! Хрууз еще жив?

— Нет. Анана бежала вместе с тобой?

— Не знаю. Я смог выползти из своей тюрьмы, когда она обрушилась, и при этом изрядно ободрал себе шкуру в очень узких отверстиях. А потом увидел Вематола на флаере. Я прыгнул на него с кучи и вытолкнул из аэробота. К несчастью, машина полетела дальше. Пока мы дрались с Вематолом, его лучемет провалился сквозь дырку в полу, и я не смог его потом найти. Сломав клону шею, я надел его сапоги, головную повязку и забрал кинжал. А теперь я здесь, чтобы закончить сагу о Кикахе.

— Посмотрим. Но почему ты так уверен, будто сможешь меня победить? Ты же слабее, хоть ты Владыка, а я леблаббий.

— С чего ты взял? — повысил голос Рыжий Орк.

— Тебе пришлось послать в мир Зазеля меня, поскольку все твои многотысячелетние поиски потерпели крах. И именно я обманул Дингстета и уговорил его отпустить нас. У тебя не хватило воображения придумать байку о призраке Зазеля. Ты был в моей власти,

когда я запер тебя здесь. Ты и поныне сидел бы там, если бы Хрууз не перебросил дворец через врата. Так с чего же тебе взбрело в голову, будто ты лучше меня?

— Ты леблаббий, потомок искусственных людишек, которых мы, тоаны, создали на своих фабриках! — выкрикнул Рыжий Орк.— Ты по самой сути своей ниже меня, потому что мы сотворили твоих предков низшими существами! Мы создали вас глупее себя, менее сильными и менее быстрыми! Думаешь, мы были настолько глупы, чтобы создавать равных нам существ?

— Возможно, так оно и было, когда вы только-только создали их,— парировал Кикаха.— Но существует, знаешь ли, такая штука, как эволюция. Если я и действительно принадлежу к такой низкой неполноценной породе, то почему же мне удалось убить стольких Владык и выбраться живым из стольких их ловушек? Почему меня зовут Обманщиком, Убийцей Владык?

— Больше ты не убьешь ни одного! — взревел Рыжий Орк.— Отныне я буду известен как Убийца Кикахи!

— Как гласит старинная английская пословица, «чтобы судить о пудинге, надо его отведать». Приготовься подавиться тем, чем я тебя угощу,— ответил Кикаха.

Рыжий Орк свирепел на глазах — это наверняка повлияет на его здравый смысл. Или же хитрый тоан просто притворялся, будто он одержим гневом, так чтоб его противник сделался излишне самоуверенным?

— Я рад, что у тебя есть кинжал,— заметил Кикаха.— Это дает тебе преимущество, в котором ты действительно нуждаешься.

— Леблаббий! — зазвизжал тоан.

— Так нечего просто стоять тут и обзываться, как десятилетний мальчишка,— подзадорил его Кикаха.— Испытай меня! Атакуй! Посмотрим, на что ты способен!

Рыжий Орк заорал и бросился к Кикахе. Тот нагнулся, поднял кусок мрамора, ударивший его по лбу, и размахнулся, как заправский подающий в бейсболе — именно за него он и играл, когда учился в сред-

ней школе. Камень он нацелил в грудь тоану. Но Рыжий Орк подставил кинжал, и камень стукнулся об острие. Удар выбил оружие из его руки и на мгновение парализовал ему руку. Именно в этот миг Кикаха с боевым кличем набросился на врага. Рыжий Орк попытался увернуться, но Кикаха врезался в него всем телом и сжал обеими руками его мощную шею. Тоан попытался двинуть Кикахе по ушам. Кикаха рывком нагнул голову так, чтобы двойной удар пришелся по макушке. В голове у него зазвенело, но он прижал тоана к себе и стукнул лбом о голову Рыжего Орка (еще вопрос, кого это сильнее оглушило), а потом вцепился зубами в шею Владыки.

Тоан упал навзничь, увлекая за собой Кикаху. При падении больше досталось Рыжему Орку — воздух со свистом выдавило у него из груди, и ему приходилось драться с Кикахой, пытаясь в то же время восстановить дыхание. Кикаха к этому времени тоже впал в ярость. Глаза ему застлало красной пеленой, хотя, возможно, то была его собственная кровь или кровь тоана. Несмотря на удар и потерю дыхания, Рыжий Орк сумел перевернуться, увлекая за собой Кикаху, и они покатились вместе по полу, пока их не остановила груда обломков. Кикаха вцепился зубами в яремную вену Владыки и старался вонзить их как можно глубже. Перегрызть вену он не надеялся — он же не большая обезьяна с острыми клыками,— но стремился перекрыть противнику ток крови.

Тело Кикахи так крепко прижималось к левой руке Рыжего Орка, что несколько секунд тот никак не мог ее освободить. Но тоан выбросил вверх другую руку, согнув палец крючком. Палец вонзился глубоко в правый глаз Кикахи, и тоан тут же рванул руку к себе. Глаз выскочил из глазницы и повис на зрительном нерве. Других болей Кикаха не чувствовал — его ярость затмила все. Но эта пронзила его даже сквозь красную пелену.

И тем не менее он не отпустил яремной вены. Рыжий Орк принялся колотить Кикаху сбоку по голове ребром ладони. Ошеломленный этими ударами и ост-

рой болью, Кикаха разжал зубы и откатился в сторону. И лишь смутно заметил, что зрительный нерв оборвался. Когда Кикаха перестал катиться, его потерянный глаз — плоский, с вытекшей жидкостью — уставился на него с пола в нескольких дюймах от другого глаза.

Это вызвало в нем новый прилив энергии. Он вскочил на ноги одновременно с Рыжим Орком и сразу же кинулся к нему. Рыжий Орк повернулся встретить нападение лицом — и его отбросило навзничь, когда голова Кикахи с силой врезалась ему в живот. Кикаха тоже упал, но, протянув руку, стиснул тоану яйца. Пока Рыжий Орк корчился от мучительной боли, Кикаха встал и прыгнул на него, ударив обеими ногами. Тоан пронзительно вскрикнул; раздался хруст сломанных ребер.

На том сражение должно бы и закончиться, однако Рыжий Орк был не из тех, кого способны остановить увечье или нестерпимая боль. Не переставая корчиться, он схватил Кикаху за лодыжку и с силой дернул. Кикаха упал навзничь, хотя и успел достаточно повернуться, чтобы свалиться не совсем на спину, и ударился об пол плечом. Рыжий Орк по-прежнему крепко стискивал его лодыжку. Кикаха поднялся в сидячее положение, отковырнул один палец тоана и загнул его назад. Кость треснула; тоан снова завизжал от боли и разжал хватку.

Кикаха поднялся на колени и врезал кулаком тоану по носу. Переносица сломалась, из ноздрей хлынула кровь. Чисто автоматически Рыжий Орк ударил Кикаху кулаком в челюсть. Удар получился совсем не таким нокаутирующим, каким вышел бы, не будь Рыжий Орк так ослаблен. Но в голове у Кикахи зазвенело. К тому времени, когда он вполне пришел в себя, то увидел, как Рыжий Орк снова подымается на ноги. И теперь тоан стоял, покачиваясь, прямо над ним.

— Ты не можешь победить меня,— прохрипел Владыка.— Ты леблаббий. А я — Рыжий Орк.

— Невелика важность. Ведь я — Кикаха.

Увидев на полу кинжал, Владыка направился за ним.

— Я отрежу тебе яйца, как и своему отцу,— сказал он.— И съем их сырыми, точно так же, как съел отцовские.

— Это легче сказать, чем сделать,— ответил, вставая, Кикаха.

— Давай покончим с этим, леблаббий. Тебе нет смысла и дальше надеяться одолеть меня. Ты умрешь.

— Когда-нибудь. Но не сейчас.

— Мимо этого тебе не пройти,— помахал кинжалом тоан.

Глядя на лицо Рыжего Орка, искаженное болью, и на его скрюченную позу, Кикаха подумал, что мог бы скакать вокруг тоана, уклоняясь от ударов, пока тот не свалится. Но с таким же успехом он может сам свалиться первым.

Ладонь Кикахи прошлась по замшевому футляру с рогом. В пылу сражения он совсем позабыл о нем. Вытащив рог из футляра, Кикаха схватил его как дубинку. Древний мастер Шамбаримен создал этот инструмент совсем не для применения в качестве палицы. Но сгодится и в такой роли. Кикаха медленно наступал на Владыку, говоря при этом:

— А ведь будут говорить, мол, Рыжему Орку пришлось воспользоваться ножом, чтобы убить безоружного человека.

— Тебе, конечно, хотелось бы, чтоб я его бросил. Но этой схватки никто не увидит. И в каком-то смысле, очень жаль. Ее следовало бы воспевать в эпических стихах. Наверное, так и прозойдет. Но как она происходила, другим расскажу именно я.

— Ты всегда был трусливым лжецом,— сказал Кикаха.— Валяй, воспользуйся кинжалом. Я все равно тебя убью. И ты прославишься еще больше — как единственный человек, когда-либо убитый рогом.

Ничего не ответив, Рыжий Орк двинулся на Кикаху с ножом. Рог с размаху ударил тоана по запястью, когда тот попытался атаковать Кикаху. Но Владыка не выронил кинжал, а наоборот — снова сделал выпад, и клинок вонзился в грудь Кикахе. Но тоан нанес лишь неглубокую рану, потому что Кикаха, сжав одной

рукой запястье врага, огрел Рыжего Орка рогом по голове. Тоан вырвал запястье из захвата, отступил на несколько секунд, тяжело дыша, и вновь бросился на своего противника.

На сей раз Владыка прикрылся от удара рогом левой рукой, как щитом, а правую с кинжалом выбросил вперед. Лезвие чиркнуло по предплечью Кикахи, но он изо всех сил врезал Рыжему Орку раструбом снизу вверх по подбородку. Хотя удар скорее всего оглушил тоана, тот сумел полоснуть лезвием ножа Кикахе по плечу, а затем рассечь руку, сжимавшую рог. Кикаха выронил свое оружие.

Рыжий Орк шагнул вперед. Кикаха попятился.

— Можешь теперь бежать,— хрипло проговорил тоан.— Только так ты сможешь спастись от меня. Во всяком случае, на какое-то время. Я все равно выслежу тебя и убью.

— Для побежденного у тебя куда как много самоуверенности,— отозвался Кикаха.

Он нагнулся и подобрал окровавленный обломок мрамора. Выпрямившись, Кикаха несколько секунд еле держался на ногах, борясь с головокружением. Слишком много потеряно крови, слишком много ударов пришлось по голове. Но Рыжий Орк был не в лучшей форме. Кто победит, могло зависеть от того, кто первым потеряет сознание.

Кикаха стер о штаны кровь с куска мрамора и поднял его на обозрение Рыжему Орку.

— Его пускали в ход уже дважды — ты и я. Давай посмотрим, что выйдет в третий раз. Сомневаюсь, что тебе снова удастся его отбить.

Рыжий Орк, скривившись от боли, полуприсел в боевой стойке, выставив вперед кинжал.

— В юности на Земле,— продолжал Кикаха,— я так кидал бейсбольный мяч, что он летел, будто метеорит сквозь космическое пространство. Я и крученые подачи тоже лихо делал. Один высматриватель будущих бейсбольных звезд как-то сказал мне, что я рожден для высшей лиги. Но у меня были другие планы. Они не осуществились, поскольку я попал в Многоярус-

ный мир, а оттуда в другие вселенные Владык. Давай посмотрим, на что годится земной спорт.

Он крутнулся на месте, сознавая, что давно не тренировался и что неровный кусок мрамора — отнюдь не легкий мячик. Да и сил осталось немного. Но он сумеет мобилизоваться, тем более что до противника всего десять футов.

Мраморный обломок вылетел, вращаясь, из его руки. В ту же секунду тоан упал на колени и чуть подался вбок. Но камень, которым Кикаха метил в грудь, далеко уклонился от цели и ударил Рыжему Орку в голову прямо надо лбом. Тоан рухнул на бок, выронив кинжал. Глаза и рот у него оставались открытыми; он не двигался.

Кикаха подобрал кинжал, посматривая своим единственным глазом на Владыку, потом пнул лежащего сапогом в бок. Тело шевельнулось, но лишь от удара.

Кикаха опустился на колени и сорвал с поверженного врага шорты. Схватив его за яйца, он приготовился отрезать их. Он мог теперь съесть их сырыми, вот только не знал, стоит ли. Но, несмотря на изнеможение, ярость все еще бурлила в нем. Этот тоан должен пережить ту самую участь, какую он уготовил своему противнику.

Тут до него донесся голос Манату Ворцион:

— Кикаха! Ты не можешь так поступить! Ты лучше его! Ты не такой дикарь, как он!

Кикаха поднял голову и глянул здоровым глазом на Великую Матерь — она сидела в аэроботе.

— Черта с два не такой! — возразил он. Собственный голос, казалось, доносился до него издалека.— Смотри!

Он сделал это одним махом. И тут же все вокруг завертелось, и черная пустота, прихлынув, заполнила собой пространство.

23

Раны Кикахи зажили, а в глазнице вырос новый глаз. Этот последний процесс занял сорок дней, и часть

этого времени его глаз походил на тошнотворную желеобразную массу. Но теперь Кикаха вновь походил на себя — целого и невредимого, как всегда.

Он сидел близ края того монолита, где стоял дворец, который некогда занимал Вольф в качестве Владыки здешнего мира. Время от времени Кикаха потягивал из граненого кварцевого кубка лиловую жидкость. Он смотрел на зеленое небо, желтоватое солнце, а потом на просторную панораму внизу — уникальную среди множества вселенных.

Дворец стоял на вершине массивного и вздымающегося ввысь каменного столпа, венчавшего планету, созданную наподобие Вавилонской башни. Монолит вздымался в центре круглого континента, яруса Атлантиды. Тот, в свою очередь, располагался на верхушке еще более обширного монолита — яруса Дракландии. А ниже этого яруса находился еще больший ярус, названный Кикахой Индеей. Еще ниже простирался уровень Океанос. Если встать на его краю, то перед тобой откроется одно лишь пустое пространство, заполненное воздухом. А если спрыгнуть вниз, то падать пришлось бы долго-долго. И где закончилось бы это падение, Кикаха понятия не имел.

Теоретически, если смотреть в очень мощный телескоп, то при очень низкой влажности можно было разглядеть самый нижний ярус, во всяком случае, его окраинную часть. Но Кикаха довольствовался и тем видом, какой открывался у него перед глазами.

Анана пережила крушение роскошной тюрьмы во дворце, но, когда ее вынесли из камеры через пять дней после нападения Хрууза, она была серьезно ранена и сильно обезвожена. Кикаха не отходил от нее ни на шаг, пока она не поправилась. Но, несмотря на всю проявленную им заботу, Анана по-прежнему ненавидела его.

Раны у Рыжего Орка затянулись сами собой. В темницу его не заперли, но держали под пристальным наблюдением. И он больше не носил имени Рыжий Орк; теперь его звали просто Орком. Ему не предоставили выбирать между пожизненным заключением и

стиранием памяти до пятилетнего возраста. Великая Матерь поработала с компьютером тоана, пока не нашла код доступа, открывавший все файлы. Вероятно, Манату Ворцион единственная во всех вселенных могла справиться с такой задачей, да и то она отняла у нее немало времени.

После того как машину создали, тоана посадили в кресло и подвергли процедуре стирания памяти. Теперь по умственному развитию Орк соответсвовал пятилетнему ребенку. Его воспитатели, добровольцы из местной прислуги, дадут ему всю любовь и внимание, какие требовались каждому ребенку. Кикаху не радовало, что ему не удалось убить человека, отнявшего у него ту Анану, которую он знал. Но он не мог ненавидеть человека, который больше не был Рыжим Орком. Однако понадобится немало времени, прежде чем Кикаха возлюбит своего бывшего врага — если такое вообще произойдет.

Одна проблема с Ананой была решена. Аппарат стер в ее памяти события, случившиеся непосредственно после того как Рыжий Орк лишил ее памяти. Этичность подобной операции без согласия пациентки тревожила Кикаху, но не очень сильно. Анана не любила больше Рыжего Орка, поскольку не помнила его. И не испытывала теперь ненависти к Кикахе. Неважно, что любить она его тоже не любила. Он уже начал кампанию с целью покорить ее вновь. Как он мог потерпеть неудачу? Если отбросить ложную скромность — разве во всех вселенных найдется мужчина, способный сравниться с ним?

Великая Матерь вернулась в свой мир, но они с Кикахой будут время от времени навещать друг друга.

Он снова посмотрел на панораму. Вид, которому нет равных по красоте, таинственности и обещаемым приключениям!

Больше он никогда не покинет эту планету. Бродить по ней вместе с Ананой — вот она, райская жизнь. Хотя она будет и не похожа на рай из-за наличия малой толики ада — ведь смерть была так близко... но ведь именно это и придавало остроту существованию.

— Мой мир! — крикнул Кикаха

И пока эти слова разносились над планетой, за ними последовал рев, словно лев уведомлял всех в округе о том, что это его территория.

— Мир Кикахи!

Содержание

ЯРОСТЬ РЫЖЕГО ОРКА
5

ЛАВАЛИТОВЫЙ МИР
217

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ОГОНЬ
427

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.
Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.
В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru **http://www.ast.ru**

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Книги издательской группы АСТ
вы сможете заказать
и получить по почте
в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ
по низким издательским ценам
в наших **фирменных магазинах:**

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – «Книги по почте»

Литературно-художественное издание

Фармер Филип

МНОГОЯРУСНЫЙ МИР

Ярость рыжего орка
Лавалитовый мир
Больше чем огонь

Ответственные за выпуск *И. Петрушкин, А. Тишинин*
Ведущий редактор *В. Кузнецова*
Редактор *Е. Монахова*
Художественные редакторы *О. Адаскина, В. Андреева*
Компьютерный дизайн: *А. Сергеева*
Компьютерная верстка: *А. Яблонская*
Технический редактор *О. Панкрашина*
Корректор *Л. Быстрова*

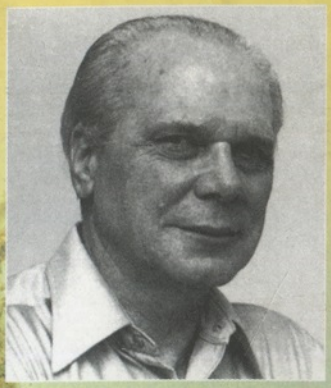
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»
115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП "Издательство "Самарский Дом печати"
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.



Вы уже побывали в Мире реки?

Тогда добро пожаловать в Многоярусный мир!

В мир калейдоскопических «параллельных вселенных». В мир вселенных-игрушек, в которые играют странные Творцы, зовущие себя Властителями.

В мир, где мотивы классической фэнтези и классической фантастики переплелись в причудливые, увлекательные сюжеты книг, от которых по-прежнему невозможно оторваться.

Перед вами — три романа о Многоярусном мире.

Прочитайте — не пожалеете!

Создатель Вселенных
Врата мироздания
Личный космос
За стенами Терры

Ярость Рыжего Орка
Лавалитовый мир
Больше чем огонь

ISBN 5-17-017074-2

ФИЛИП ФАРМЕР

ЯРОСТЬ РЫЖЕГО ОРКА
ЛАВАЛИТОВЫЙ МИР
БОЛЬШЕ ЧЕМ ОГОНЬ